
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА POLITICAL LINGUISTICS

4(118)'2026

Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГАОУ ВО
П50 «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2026. – Вып. 4 (118). – 258 с. –
(Цена свободная).
ISSN 1999-2629

Знак информационной продукции 16+.

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает пять основных разделов – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура», «Лингвистическая экспертиза: язык и право» и «Зарубежный опыт». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 81'27
ББК Ш100.621

Political Linguistics / editor-in-chief A.P. Chudinov ; Fed. St. Aut. HEI
П50 “Ural State Pedagogical University”. – Ekaterinburg, 2026. – Issue 4 (118). –
258 p. – (Free price).
ISSN 1999-2629

Information material certification category – 16+.

The journal is called upon to facilitate exchange of new information in the field of political linguistics, as well as in the sphere of interaction between language, culture and society. It has five main sections – “Theory of Political Linguistics”, “Political Communication”, “Language – Policy – Culture”, “Forensic Linguistic Expertise: Language and the Law”, and “Foreign Experience”. The journal is addressed to philologists, politologists, sociologists and all those interested in the problems of political communication.

Министерство просвещения Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

4(118)'2026

Научный журнал

Учредитель: ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76161 от 8.07.2019
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайтах: journals.uspu.ru (сайт научных журналов Уральского государственного педагогического университета); <https://politlinguistika.ru/>
- Включен в Объединенный каталог «Пресса России». Подписку можно оформить в любом почтовом отделении России. Индекс 81955
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки, id = 28049
- Включен в международный каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства науки и высшего образования РФ

Екатеринбург 2026

Ministry of Education of the Russian Federation
Federal State Autonomous Higher Education Institution
“Ural State Pedagogical University”

POLITICAL LINGUISTICS

4(118)'2026

Scientific journal

Founder: FSA HEI “Ural State Pedagogical University”

- Registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration certificate ПИ № ФС 77-76161 of 8.07.2019.
- The materials published in the journal are regularly uploaded at the platform of the Russian Science Citation Index (РИНЦ), http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049
- Registered by the ISSN Center and provided the International Standard Serial Number ISSN 1999-2629 of 14.05.2008
- Included in the catalog of periodicals Ulrich's Periodicals Directory
- The materials of the journal are published on the sites: journals.uspu.ru (the site of scientific journals of the Ural State Pedagogical University); <https://politlingvistika.ru/>
- Since 2010 by the decision of the Presidium of VAK of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation the journal has been included in the list of the leading peer-reviewed scientific journals and publications in which the main results of research in candidate and doctoral dissertations should be published
- Included in the United Catalog «Russian Press», Index 81955

Ekaterinburg 2026

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *А. П. Чудинов*, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Заместители главного редактора

Э. В. Будаев Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Н. Б. Руженцева Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Члены редакционной коллегии:

Ю. В. Богоявленская Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

Р. Гусман Тирадо Университет Гранады, Гранада, Испания

Е. В. Дзюба Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

С. В. Иванова Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

И. Иньиго-Мора Севильский университет, Испания

В. И. Карасик Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва, Россия

Н. Н. Кошкарлова Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия

С. Л. Кушнерук Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

Лю Хун Даляньский университет иностранных языков, Далянь, Китай

В. А. Маслова Витебский государственный университет имени П. М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Е. А. Нахимова Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

П. Серио Лозаннский университет, Швейцария

О. А. Солопова Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

З. К. Темиргазина Павлодарский государственный педагогический университет, Павлодар, Казахстан

Л. Цонева Велико-Тырновский государственный университет Св. Кирилла и Мефодия, Болгария

Ян Кэ Гуандунский государственный университет иностранных языков и внешних связей, Китай

Технический редактор: *Д. О. Морозов*

Заведующий отделом перевода: *С. М. Поляков*

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: A. P. Chudinov, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Deputy Editors-in-Chief

E. V. Budaev Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

N. B. Ruzhentseva Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Editorial Board:

Y. V. Bogoyavlenskaya Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

R. Guzman Tirado University of Granada, Spain

E. V. Dzyuba Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia

S. V. Ivanova Saint Petersburg University, St. Petersburg, Russia

I. Iñigo-Mora University of Seville, Spain

V. I. Karasik Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

N. N. Koshkarova South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia

S. L. Kushneruk Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

Liu Hong Dalian University of Foreign Studies, Dalian, China

V. A. Maslova Vitebsk State University named after P. M. Masherov, Vitebsk, Republic of Belarus

E. A. Nakhimova Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

P. Seriot University of Lausanne, Switzerland

O. A. Solopova South Ural State University, Chelyabinsk, Russia

Z. K. Temirgazina Pavlodar State Pedagogical University, Pavlodar, Kazakhstan

L. Tsoneva St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo, Bulgaria

Yang Ke Guangdong University of Foreign Studies, China

Technical editor: D. O. Morozov

Head of Translations Department: S. M. Polyakov

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционные принципы журнала «Политическая лингвистика»	10
--	----

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Гридина Т. А. Коновалова Н. И.	Политприкол как игровой жанр современного медиадискурса	12
Крюкова И. В.	Речевой акт «переименование» в региональной топонимии как отражение политического курса страны	21
Куликова Э. Г. Брусенская Л. А.	Медиадискурс о событиях на Ближнем Востоке 2026 года: риторика и стилистика	30
Рябова М. Ю.	Неолексика как отражение политических идеологем современного англоязычного политического дискурса	37
Чудинов А. П. Пономаренко И. Н. Сегал Н. А.	«Красные линии»: от термина до ключевой единицы современного языкового ландшафта	45
Юсупова Л. Г. Песина С. А.	Метафорические механизмы антропоморфизации окружающей действительности	51

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Алнаджар Т. В.	Семиотика персональных символов в палестинском национальном дискурсе: типология, механизмы репрезентации и политико-коммуникативные функции	59
Бай Ц. Янь Я.	Медиа-ландшафт социальных медиа Китая и Средней Азии в эпоху ИИ: от персонализации контента к рискам фейковых новостей	69
Гусаров Д. А. Савченко Е. П. Харитонов Е. Ю.	Специфика вербализации концепта «национальные ценности» в политическом дискурсе (на материале выступлений президентов России и США)	80
Землякова К. В. Кульназарова А. В.	Гендерная специфика Twitter-коммуникации Т. Мэй и Б. Джонсона: тенденции официализации и интимизации (на материале твитов 2019 и 2021 гг.)	90
Кириченко И. Г.	Коммуникативные стратегии аргентинского предвыборного политического дискурса: перонизм и риторика Х. Милея	100
Космодемьянская В. И.	Лингвистический анализ стратегий речевого воздействия в современном политическом дискурсе на материале палестино-израильского конфликта	107
Кузнецова В. Ю.	Вербально-визуальные метафоры как фразовые конструкции в американском медийном дискурсе	112
Муравлева В. Р.	Диалектическая структура «свой — другой — иной — чужой» в речи Д. Трампа	119
Нестерова В. Е.	Аллюзия как средство моделирования образа полиции в российском газетном дискурсе	124
Строганова И. Б.	Языковые средства репрезентации революционной преемственности в политико-идеологическом дискурсе КНДР	131

Танков Е. В.	Понятие «pathologization»: дискурсивные стратегии и тактики, реализуемые в американских СМИ	142
Тодоров К. Т.	Территориальный спор Венесуэлы и Гайаны: взгляд через соцсети президентов	151
Чэнь С. Радбиль Т. Б.	Корпусный анализ тематической области «российско-китайские отношения» в китайском внешнеполитическом дискурсе: 1990–2026 гг.	161
Шаймарданова А. Л.	Идиостилевая специфика инаугурационной речи, присяги и обращения политиков к нации в аспекте анализа концепта «мудрость»	176
Ян Ц.	Динамические процессы в лексике политического дискурса Китая как отражение изменений в обществе	186
Яценко А. Н.	Нарративные стратегии репрезентации вооруженного конфликта в современном документальном кино	193

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Казаков Г. А.	Между унификацией и многоязычием: тенденции языковой политики в Японии, Непале и Гайане	203
Канель И. В.	Лингвопрагматика субстандартных названий денег в российском медиадискурсе: оппозиция «свои — чужие»	211
Карамова А. А. Ганеева Л. В.	Лингвопрагматические и речевые средства формирования традиционных российских духовно-нравственных ценностей у современной молодежи	219
Отт В. С.	Механизмы конструирования медиаобраза защитника Отечества в газете «Красная звезда»	232
Ульяницкая Л. А.	Дискурсивные стратегии репрезентации западнофламандского языка в современной французской прессе	238

РАЗДЕЛ 4. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Ван Ц. Нурбия Юнус	Дискурсивная репрезентация образа Китая в СМИ разных стран в современных научных исследованиях	247
Правила представления авторами рукописей в журнал «Политическая лингвистика»		256

CONTENTS

Editorial Principles of the Journal “Political Linguistics”	10
---	----

PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS

Gridina T. A. Konovalova N. I.	Political Practical Joke as a Game-Based Genre of Modern Media Discourse	12
Kryukova I. V.	The Speech Act of “Renaming” in Regional Toponymy as a Reflection of the Country's Political Course.....	21
Kulikova E. G. Brusenskaya L. A.	Media Discourse about the Events in the Middle East in 2026: Rhetoric and Stylistics.....	30
Ryabova M. Yu.	Neologisms as a Reflection of Political Ideologemes of Contemporary English-Language Political Discourse	37
Chudinov A. P. Ponomarenko I. N. Segal N. A.	“Krasnye Linii”: From the Term to the Key Unit of the Modern Language Landscape.....	45
Yusupova L. G. Pesina S. A.	Metaphorical Mechanisms of Anthropomorphization of Surrounding Reality.....	51

PART 2. POLITICAL COMMUNICATION

Alnajjar T. W. H.	The Semiotics of Personal Symbols in Palestinian National Discourse: Typology, Mechanisms of Representation, and Politico-Communicative Functions	59
Bai J. Yan Ya.	The Social Media Landscape of China and Central Asia in the Age of AI: From Content Personalization to the Risks of Fake News.....	69
Gusarov D. A. Savchenko E. P. Kharitonova E. Yu.	Verbalization of the Concept of “National Values” in the Political Discourse of Russia and the USA (Based on the Speeches of Russian and American Presidents)	80
Zemlyakova K. V. Kulnazarova A. V.	Gender Specificity of Theresa May's and Boris Johnson's Twitter Communication: Officialization and Intimization Trends (Based on the Tweets of 2019 and 2021)	90
Kirichenko I. G.	Communicative Strategies of Argentine Pre-Election Political Discourse: The Peronism and Rhetoric of J. Milei	100
Kosmodem'yanskaya V. I.	Linguistic Analysis of the Strategies of Verbal Influence in Contemporary Political Discourse: A Case Study of the Israeli-Palestinian Conflict	107
Kuznetsova V. Yu.	Verbal-Visual Metaphors as Phrasal Constructions in American Media Discourse.....	112
Muravleva V. R.	The Dialectical Structure of “the Self — the Other— the Alien — the Enemy” in D. Trump's Speech.....	119
Nesterova V. E.	Allusion as a Means of Modeling the Police Image in Russian Newspaper Discourse	124
Stroganova I. B.	Linguistic Means of Representation of Revolutionary Succession in the Politico-Ideological Discourse of the DPRK	131

Tankov E. V.	The Concept of “Pathologization”: Discursive Strategies and Tactics Used in American Media.....	142
Todorov K. T.	Guyana-Venezuela Territorial Dispute: A Look Through the Personal Social Media Profiles of the Presidents.....	151
Chen X. Radbil T. B.	Corpus Analysis of the Thematic Area “Russian-Chinese Relations” in Chinese Foreign Policy Discourse of 1990–2026.....	161
Shaymardanova A. L.	Individual Stylistic Specificity of Inauguration Speech, Oath of Office, and Address to the Nation of Politicians: An Analysis of the Concept of “Wisdom”.....	176
Yang C.	Dynamic Processes in the Political Discourse Vocabulary of China as a Reflection of Social Change.....	186
Yashchenko A. N.	Narrative Strategies of Representation of the Armed Conflict in Modern Documentaries	193

PART 3. LANGUAGE — POLITICS — CULTURE

Kazakov G. A.	Between Unification and Multilingualism: Language Policy Trends in Japan, Nepal and Guyana	203
Kanel' I. V.	Linguopragmatics of Substandard Money Names in Russian Media Discourse: The “Own – Alien” Opposition.....	211
Karamova A. A. Ganeeva L. V.	Linguopragmatic and Verbal Means of Formation of Traditional Russian Spiritual and Moral Values in Modern Youth.....	219
Ott V. S.	Representing the Defender of the Fatherland in <i>Krasnaya Zvezda</i> : Mechanisms of Media Image Construction	232
Ul'yanitskaya L. A.	Discursive Strategies of Representation of West Flemish in Contemporary French Print Media	238

PART 4. FOREIGN EXPERIENCE

Wang J. Nuerbiya Yunusi	Discursive Representation of China's Image in the Media of Different Countries in Contemporary Academic Research.....	247
------------------------------------	---	-----

Manuscripts Requirements.....		256
--------------------------------------	--	-----

РЕДАКЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ЖУРНАЛА «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

Уважаемые авторы и коллеги, мы решили сформулировать основные редакционные принципы нашего журнала, что позволит легче вливаться в наш коллектив новым авторам, поможет наладить конструктивное сотрудничество.

Опираясь на наш многолетний опыт, на уже сформировавшиеся традиции нашего журнала, а также на принятые в мировой практике основы редакционной этики (см., например: *Кодекс этики научных публикаций* (<http://publicet.org/code/>), *Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors* (<http://publicationethics.org/resources/code-conduct>) и др.), мы представляем общие редакционные принципы нашего журнала.

Мы надеемся, что данные принципы будут приняты всеми, кто тем или иным образом участвует в жизни нашего журнала — авторами, рецензентами, редакторами, издателями, распространителями и читателями.

Общие принципы журнала «Политическая лингвистика»

Мы уважаем существующие в каждом государстве национальные особенности политической коммуникации, связанные с историей, культурой и политической системой данного государства.

Мы считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Мы исходим из того, что сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

Мы стремимся к общедоступности, поэтому наш журнал представлен в свободном доступе на официальном сайте научного журнала <https://politlinguistika.ru>, в Научной электронной библиотеке *E-library*, а также на сайте *cognitiv.narod.ru*, где размещены и иные публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики.

Мы стремимся к сохранению научных традиций, чему в нашем журнале призван служить раздел «Зарубежный опыт», предназначенный для публикации как современных исследований зарубежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенных на русский язык работ, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

Мы приглашаем к активному сотрудничеству всех, интересующихся проблемами политической лингвистики. В частности, мы будем благодарны за помощь в поиске материалов для раздела «Зарубежный опыт»: к сожалению, нам все труднее находить переводчиков-волонтеров, и мы будем благодарны всем, кто либо сам найдет и переведет интересный текст, либо предложит свои услуги в качестве переводчика для текста, подобранного редакцией. Как известно, публикация перевода, в соответствии с решением экспертного совета ВАК, приравнивается для переводчика к публикации научной статьи, что иногда бывает важным при представлении диссертации к защите. Также редакционная коллегия будет благодарна за присланные рецензии на новые интересные работы, соответствующие тематике нашего журнала.

Принципы редактора журнала «Политическая лингвистика»

При принятии решения о публикации наши редакторы руководствуются в первую очередь научной значимостью рассматриваемой работы и новизной представленного материала.

Наши редакторы стремятся оценивать интеллектуальное содержание рукописей вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных взглядов, происхождения, гражданства, социального положения или политических предпочтений авторов. Учитывая специфику журнала, особенно важно последнее: как уже неоднократно сообщалось, мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, хотя не всегда и не во всем с ними согласны. Осуществляется двойное «слепое» рецензирование присланных материалов, при котором рецензенты не знают автора статьи.

Редактор не должен допускать к публикации информацию, если имеется достаточно оснований полагать, что она является плагиатом. Напоминаем, что с мая 2012 г. все поступающие в редакцию статьи тестируются в системе «Антиплагиат».

Мы настроены на тесный контакт с нашими авторами, поэтому наши редакторы не оставляют без ответа любые вопросы, касающиеся рассмотренных рукописей или опубликованных материалов, а при выявлении спорной ситуации мы стремимся сохранить научное равновесие и дать возможность авторам научно и корректно высказать свою точку зрения.

Принципы автора журнала «Политическая лингвистика»

Авторы статьи должны представлять достоверные результаты проведенных исследований. Заведомо ошибочные или сфальсифицированные утверждения неприемлемы.

Авторы должны гарантировать, что результаты исследования, изложенные в представленной рукописи, полностью оригинальны. Чрезмерные заимствования, а также плагиат в любых формах, включая неоформленные цитаты, перефразирование или присвоение прав на результаты чужих исследований, неэтичны и неприемлемы.

Необходимо признавать вклад всех лиц, так или иначе повлиявших на ход исследования, в частности, в статье должны быть представлены ссылки на работы, которые имели значение при проведении исследования.

Авторы не должны представлять в журнал рукопись, которая была отправлена в другой журнал и находится на рассмотрении, а также статью, уже опубликованную в другом журнале. Подобные «исследования» мы возвращаем создателям с указанием места первоначальной публикации и добрыми пожеланиями.

В качестве соавторов статьи следует указывать всех лиц, внесших существенный вклад в проведение исследования. Среди соавторов недопустимо указывать лиц, не участвовавших в исследовании.

Если автор обнаружит существенные ошибки или неточности в статье на этапе ее рассмотрения или после опубликования, он должен как можно скорее уведомить об этом редакцию журнала. В таком случае мы публикуем уточняющую информацию в ближайшем номере.

Мы не имеем возможности оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а потому ответственность за подбор и точность цитат или иного рода недочеты несут авторы публикаций.

Контакты.

Почтовый адрес: 620091, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного (каб. 285).

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.

Интернет-сайт: <https://politlinguistika.ru/>

***С уважением
и надеждой на сотрудничество:***

д-р филол. наук, проф.
Анатолий Прокопьевич Чудинов,
д-р филол. наук, доцент
Эдуард Владимирович Будаев,
канд. филол. наук
Даниил Олегович Морозов.

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Политическая лингвистика. 2026. № 4 (118).

Political Linguistics. 2026. No 4 (118).

УДК 81'42+81'38+81'27

ББК Ш105.51+Ш105.551.5+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.33; 16.21.45

Код ВАК 5.9.5

Татьяна Александровна Гридина^{1,2}, Надежда Ильинична Коновалова^{1,3}

¹ Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

² tatyana_gridina@mail.ru, SPIN-код: 9100-3240, <https://orcid.org/0000-0001-9675-1367>

³ Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, sakralist@mail.ru, SPIN-код: 5984-0528, <https://orcid.org/0000-0002-8541-1014>

Политприкол как игровой жанр современного медиадискурса

АННОТАЦИЯ. Предметом исследования в данной статье является жанр политприкола как востребованное в современной медиакommunikации средство трансляции актуальной информации (прежде всего, политической). Распространенность этого жанра объясняется экспансией языковой игры в современных коммуникативных практиках, тем, что она «легализуется» в общественном сознании. Характеризуются основные параметры содержательной и формальной структуры политприкола как жанра, эксплуатирующего провокативные коды языковой игры, основанные на нарушении вероятностного прогноза и вызывающие эффект обманутого ожидания. Прагматика таких политприколов выявляется с учетом лингвокреативного посыла адресанта и способности к декодированию этого посыла адресатом — с опорой на обыгрываемую presupposition (знание актуального политического прецедента и его оценочную интерпретацию в общественном и индивидуальном сознании). Политприкол определяется авторами статьи как гиперонимический термин для обозначения разных жанровых форм современного медиадискурса: анекдотов, мемов, афоризмов, лозунгов, хештегов и др. Описываются коды языковой игры, моделирующие ассоциативный контекст компонента политприкола, выступающего ключом к декодированию его парадоксального смысла: ономастический (антропонимический и топонимический коды), семантический (логические перевертыши, прецедентные и метафорические трансформы, обыгрывание многозначности), словообразовательный (особая техника создания лингвокреативных инноваций).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика, политический дискурс, журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, лингвокреативная деятельность, языковая игра, коды языковой игры, психоллингвистика, языковое сознание, политприколы, вероятностное прогнозирование, лингвокреативные инновации, игровой жанр.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Гридина Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, email: tatyana_gridina@mail.ru.

Коновалова Надежда Ильинична, доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и русского языка, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия; профессор кафедры русского языка для иностранных учащихся, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, email: sakralist@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гридина, Т. А. Политприкол как игровой жанр современного медиадискурса / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 4 (118). — С. 12-20.

Tat'yana A. Gridina^{1,2}, Nadezhda I. Konovalova^{1,3}

¹ Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

² tatyana_gridina@mail.ru, SPIN code: 9100-3240, <https://orcid.org/0000-0001-9675-1367>

³ Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, sakralist@mail.ru, SPIN code: 5984-0528, <https://orcid.org/0000-0002-8541-1014>

Political Practical Joke as a Game-Based Genre of Modern Media Discourse

ABSTRACT. The object of this research includes the genre of political practical joke as a widely used means of conveying relevant information (primarily political) in modern media communication. The prevalence of this genre can be attributed to the expansion of language game in modern communicative practices and by the fact that it is being "legitimized" in the public consciousness. The article characterizes the main parameters of the semantic and formal structure of the political practical joke as a genre that exploits provocative codes of language game based on the violation of probabilistic prediction and creating the effect of defeated expectancy. The pragmatics of such political practical jokes is revealed by taking into account the linguo-creative intention of the sender and the recipient's ability to decode this intention based on the common presupposition (knowledge of the relevant political precedent and its evaluative interpretation in public and individual consciousness). The authors of the article define the political practical joke as a hyperonymic term used to denote various genre forms of modern

media discourse: anecdotes, memes, aphorisms, slogans, hashtags, etc. The article describes the codes of language game that model the associative context of the political practical joke component, which serves as the key to decoding its paradoxical meaning: onomastic (anthroponymic and toponymic codes), semantic (logical inversions, precedent and metaphorical transformations, use of polysemy), and word-formation (a special technique for creating linguocreative innovations).

KEYWORDS: political linguistics, political discourse, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, linguocreative activity, language game, language game codes, psycholinguistics, linguistic consciousness, political practical jokes, probabilistic prediction, linguocreative innovations, language game genre.

AUTHOR'S INFORMATION: Gridina Tat'yana Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of Department of General Linguistics and Russian Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Konovalova Nadezhda Il'ichna, Doctor of Philology, Professor of Department of General Linguistics and Russian Language, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.; Professor of Department of Russian for Foreign Students, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Gridina T. A., Konovalova N. I. (2026). Political Practical Joke as a Game-Based Genre of Modern Media Discourse. In *Political Linguistics*. No 4 (118), pp. 12-20. (In Russ.).

Современная языковая ситуация характеризуется высоким рейтингом деканонизированных форм речевого поведения, что выражается в том числе в активном использовании говорящими широкого регистра приемов языковой игры (далее — ЯИ), основополагающий принцип которой заключается в актуализации психологически релевантных для носителей языка многовалентных ассоциативных связей словесных знаков и намеренном использовании нестандартного кода их употребления (см. подробнее в [Гридина 2020])¹.

Экспансия ЯИ в современных коммуникативных практиках проявляется прежде всего в том, что она приобретает все большую свободу, «легализуется» в общественном сознании [Русский... 2014]. Яркое тому свидетельство — чрезвычайно возросшая популярность малых жанров ЯИ, которые получают полуофициальные «терминологические» обозначения: **антипословицы** (В. М. Мокиенко), **афонаризмы** (ср. соответствующую рубрику «Литературной газеты»), **приколы** («Русское радио»). См. подробно в [Гридина 2014].

Содержание последнего термина в его новой функциональной ипостаси требует специального комментария. Так, авторами издания «Энциклопедия отечественных приколов» [Кожевников 2010] отмечается, что **прикол** — условное название для достаточно разных по своей «установке» высказываний. Общим для всех единиц такого рода является представление мысли в парадоксальной форме, что побуждает адресата к декодированию содержащегося в ней прямого и косвенного «смысла». В настоящее время этот жанр проникает в том числе в сферу политической коммуникации, в связи с чем можно выделить в особую тематически ориентированную группу **политприколы** (термин — Т. Г. См. об этом: [Гридина 2011]). Их основное назначение — быстрое реагирование на события политической жизни в остроумной форме посредством экспликации подтекста, отсылки к конкретной или типовой ситуации и более широкому политическому нарративу, с ней связанному.

Практически все политические приколы «работают» на достижение запланированного воздействующего эффекта с учетом ситуативного (многослойного) контекста (языкового и внеязыкового). В самом общем виде политприкол можно определить как гиперонимический термин для обозначения игровых текстов разных жанров в политдискурсе, особенностью которого является обязательное знание адресатом пресуппозиций актуального политического прецедента. При этом любой элемент описываемого политдискурса обладает свойством текстогенности: слова «текущего момента» [Шмелева 2009], упоминаемые имена, события и факты, цитаты, афоризмы и т. п. выступают как триггеры игрового провокативного перекодирования. С учетом сказанного политприкол может быть рассмотрен в свете психологии установки (см. [Узнадзе 2001]), которая имеет трехчастную структуру: 1) аффективный

¹ «В основе языковой игры лежат ассоциативные механизмы переключения стереотипов порождения, употребления, восприятия вербальных знаков, свойственные дивергентному мышлению креативной личности (способность изменять точку зрения, привычный взгляд на объект, разворачивая его восприятие в разных, в том числе непредсказуемых, индивидуальных, оригинальных ассоциативных проекциях). Ассоциативный контекст, смоделированный конструктивными принципами и приемами языковой игры, высвечивает неожиданные ракурсы восприятия вербальных знаков на фоне опознаваемого прототипа. В когнитивном плане прототип игровой трансформы всегда содержит в себе некое эталонное представление об изображаемом фрагменте действительности, выступая в качестве пресуппозиции, подвергаемой ассоциативной „обработке“ в новом интерпретационном ключе» [Гридина 2020: 15].

компонент (чувственный образ); 2) поведенческий компонент (действия по отношению к предмету оценивания); 3) когнитивный компонент (адекватное замыслу отправителя декодирование информации адресатом — с учетом его социального, интеллектуального, культурного, профессионального и т. п. опыта).

Основными жанрами, реализующими провокативную установку политприкола, выступают анекдоты, мемы, афоризмы, лозунги, хештеги и др.

Основным конструктивным принципом, моделирующим эффект прикола, является «ассоциативная провокация» (эффект обманутого ожидания), что достигается использованием разных кодов ЯИ [Гридина 2020].

Продemonстрируем отмеченные параметры политприкола некоторыми наиболее показательными примерами современных прецедентов политдискурса.

Самым востребованным персонажем политприколов в настоящее время является, безусловно, Трамп, оценки его самого как «своего» либо «чужого» и те оценки, которые он щедро раздает всему, что попадает в сферу его интересов, в соответствии со свойственной ему манерой эпатировать общество категоричностью и глобальностью амбициозных намерений.

Рассмотрим наиболее яркие примеры политприколов, связанных с этим персонажем, с учетом использованных авторами этих приколов кодов ЯИ.

Под кодом языковой игры нами понимается совокупность средств актуализации ассоциативного контекста компонента политприкола, являющегося ключом к декодированию его парадоксального смысла. При этом принимается во внимание тематическая специализация языковых моделей и пересекаемость собственно лингвистических механизмов разных уровней в создании соответствующих импликатур. В этом случае классификация осуществляется на основании выделе-

ния доминантного для декодирования смысла политприкола тематического и/или лингвистического параметра.

КЛАССИФИКАЦИЯ КОДОВ ЯЗЫКОВОЙ ИГРЫ В ЖАНРЕ ПОЛИТПРИКОЛА

I. Ономастический код языковой игры

Данный код эксплуатирует коннотативно-оценочный потенциал онимов, включая разные формы гипокористик, словообразовательных дериватов от личных имен собственных и топонимов; ситуативно актуальные ономастические прецеденты и т. п.

1.1. Антропонимический код ЯИ (рис. 1) представлен, в частности, мемом, подчеркивающим неофициальную форму общения между президентами Д. Трампом и В. В. Путиным с помощью гипокористик (**Володя** — о **Владимире** Путине, **Трампуша** — о Трампе, с использованием уменьшительно-ласкательного коррелята его фамилии как маркера дружеского расположения). Имитативная техника «ассоциативного отождествления» (термин Т. А. Гридиной) переводит данный ономастический прецедент в разряд принятых в русской культуре разговорных неформальных обращений к собеседнику по имени (ср. *Павлуша, Ванюша, Петруша* и т. п.).

В данном меме обыгрывается нарратив вмешательства русских в выборы в США. Выводимая импликатура — *Трамп «свой»* (ср. игровые хештеги в российском секторе Интернета типа #ТРАМПНАШ, отражавшие надежды на улучшение отношений с Америкой в случае победы Трампа на первых выборах). Этот хештег аллюзивно связан с популярным в России лозунгом #КРЫМНАШ.

См. игровую антропонимическую русификацию фамилии *Трамп* с помощью суффиксального форманта *-ов*: *агент Трампов* (рис. 2), *полковник Трампов* (рис. 3) в мемах, высмеивающих фейк оппозиционных западных СМИ, представляющих Трампа резидентом Кремля.

Рис. 1. URL: <https://www.meme-arsenal.com/create/meme/>

Рис. 2. <https://www.meme-arsenal.com/create/meme/>

Рис. 3

Ср. также антропонимический политприкол, получивший широкое хождение, в частности, в политических шоу: В России спецпосланника президента США Уиткоффа (Witkoff) и зятя Трампа Кушнера стали называть «**Уиткофф** и **Зятькофф**». Ономастическая игра поддерживается графическим кодом, намеренно идентифицирующим произношение финалей русских и иноязычных фамилий (-ов = -офф). Кроме того, фамилия *Кушнер* заменяется на комическую прозвищную номинацию *Зятькофф*, внутренняя форма которой подчеркивает родственные связи политика с Трампом.

1.2. Топонимический код ЯИ

Трамп просыпается посреди ночи в холодном поту. Его жена спрашивает:

— Дони, что случилось?

— Дорогая, кошмар мне приснился. Будто идет очередной съезд Единой России, на трибуне Путин говорит: «Дорогие товарищи, мы заслушали доклады о положении дел на **Брянщине** и **Орловщине**. Теперь хотелось бы услышать, как дела на **Вашингтонщине**» [https://shytok.net].

Политприкол эксплуатирует жанр анекдота об увиденном кошмарном сне. В лингвистическом ключе обыгрывается топонимическая модель с формантом *-щин(а)* как обозначение географической территории в разговорном регистре русского языка. Комический эффект данного политприкола основан на парадоксальном «ассоциативном отождествлении» дериватов от русско- и англоязычного топообъектов.

II. Семантический код языковой игры

Данный код эксплуатирует механизмы обыгрывания ядерных и периферийных компонентов значения вербальных знаков как

потенциальной зоны их нестандартной актуализации при моделировании намеренного парадокса. См. описание психологической модели значения, включающей в себя зоны собственно значения, личностного смысла и чувственной ткани [Бубнова 2020; Залевская 2005; Леонтьев 2003; Gridina 2020; Konovalova 2020]. В опоре на эти параметры выделяются значимые для создания и декодирования прикола семантические векторы.

2.1. Логические «перевертыши»

Эффект ЯИ достигается намеренным опрокидыванием вероятностного прогноза за счет семантических маркеров, противоречащих исходной пресуппозиции (рис. 4).

Данный политприкол в жанре мема является двухчастным креолизированным текстом, отзеркаливающим структуру диалога между президентом Трампом и индейцем — представителем коренного населения Америки. Логический парадокс (перевертыш) заключается в опрокидывании пресуппозиции «все, кто незаконно пересек границу Америки, — эмигранты, которые должны быть депортированы». Ответная реплика индейца содержит импликацию «незаконные эмигранты на самом деле не индейцы, а белые американцы, в том числе президент Трамп». Механизмом переключения смысла является смена исходной пресуппозиции в диалоге — при контравертивном отождествлении местоимения «вы» с адресатом первой реплики.

Ср. логический перевертыш, представленный в политприколе казуистической фразой: *Узнав, что россияне хотят запретить депутатам запрещать, депутаты запретили россиянам запрещать депутатам запрещать...* [https://nekdo.ru].

Рис. 4. URL: <https://www.meme-arsenal.com/create/meme/>

Это пример словесной эквилибристики, намеренно переключающей отнесенность одного и того же слова (в данном случае инфинитива *запрещать*) к разным (противоположным) ситуациям по отношению к субъекту и объекту речи в соответствии с особым построением такого рода логико-грамматических конструкций (см. [Лурия 2019]). В лингвистическом смысле это так называемая рекурсия — нанизывание инфинитивов как синтактико-стилистический прием ЯИ, создающий эффект логического перевертыша, что требует от адресата декодирования фразы по заданной цепочке смыслов. Такого рода «уловки», доводящие смысл фразы до абсурда, в приведенном примере прикола служат средством пародирования и дискредитации политического канцелярита.

Одним из активно востребованных ресурсов создания политприкола по принципу логического перевертыша является **обыгрывание этностереотипов**, оценочно маркированных оппозицией «свой — чужой». В качестве примера приведем мем, в котором данная оппозиция выстраивается на намеренно парадоксальной (антонимической, от противного) подмене исходных пресуппозиций, связанных со стереотипными представлениями об отличительных особенностях «образа» той или иной страны и ее жителей в глазах иностранцев [<https://shytok.net/>]:

– *США никогда не владели рабами; ненавидят воевать; страна худых.* (опрокидывание пресуппозиций: США изначально ра-

бовладельческая страна; развязывает войны по всему миру; страна толстяков);

– *Швейцария участвовала во всех войнах; в долгах, как в шелках; презирает точность* (ср. пресуппозиции: Швейцария — нейтральная страна; «мировой банк»; швейцарские часы — самые точные в мире);

– *Россия не читает книг; изумительные дороги; никому не доверяет* (ср. пресуппозиции: Россия — самая читающая страна; страна самых плохих дорог — см. известную фразу Н. В. Гоголя; страна, где живут люди с открытой душой, строящие свои отношения как со своими, так и с чужими на доверии);

– *Канада дерьмовые хоккеисты; самая значимая страна в мире* (ср. пресуппозиции: канадский хоккей лучший в мире; кроме хоккея, Канада ничем не примечательна);

– *Франция ненавидит вино; «Мода? Не, не слышали!»; Никогда не сдаются* (ср. пресуппозиции: Франция — страна виноделия, эталон, определивший развитие мировой винной культуры; законодательница моды; страна, не раз испытывавшая поражения в войнах).

2.2. Обыгрывание прецедентов

Под прецедентами понимаются как лингвистические, так и неязыковые факты, обыгрываемые в разных жанровых разновидностях политприкола: прецедентные тексты (в широком смысле этого слова), прецедентные ситуации, прецедентные имена [Гудков 1999; Красных 1998]. При интерпретации игровых кодов, моделирующих воздействующий эффект политприкола, нами учитыва-

ется и невербальная составляющая (в том случае, если текст имеет креолизированный характер). К такого рода текстам относятся, в частности, мемы [Гридина 2019] и демотиваторы [Иссерс 2022].

Одним из популярных источников переосмысления прецедентов в политприколе является отсылка к известным литературным сюжетам. Например, в жанре КВН-овского анекдота обыгрывается литературная аллюзия на ситуацию непримиримой вражды между семьями Монтекки и Капулетти применительно к характеристике амбициозных заявлений Трампа о его способности мгновенно разрешить любой политический конфликт:

Трамп заявил, что ему удалось остановить вражду между Монтекки и Капулетти, которая длилась несколько веков! А сейчас при посредничестве Трампа уже идут переговоры между Томом и Джерри [https://nekdo.ru].

В данном случае исходная пресуппозиция, соотносительная с сюжетом шекспировской трагедии, выступает основной характеристикой Трампа как псевдомиротворца (не уладившего вопреки обещаниям ни одного политического конфликта). Еще более абсурдный (парадоксальный) смысл приобретает данная литературная аллюзия при трагической идентификации с сюжетом о коте Томе и мышонке Джерри — героях широко известного и популярного мультфильма.

Еще один пример обыгрывания литературного прецедента в жанре политприкола представлен через отсылку к произведению Н. В. Гоголя «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». В измененном виде название отражает конфликт между Трампом и Маском. Ср. игровую трансформу: «Н. В. Гоголь. „Повесть о том, как поссорились Дональд Трампович с Илоном Масковичем“» [https://www.anekdot.ru]. При этом иноязычные фамилии структурно имитируют русские отчества, однако в использовании одновременно ономастического и прецедентного кодов ЯИ ведущим для декодирования парадоксального смысла политприкола является прецедентная отсылка к описанной Н. В. Гоголем ситуации разрыва отношений между, казалось бы, неразлучными друзьями.

Приведем подобные примеры политприколов, соотносительных с другими видами прецедентов, в частности, устойчивых выражений — фразеологизмов, афоризмов [Гридина 2012] и т. п.:

– *Во время второго покушения Трамп был спокоен, потому что знал — пуля два раза в одно ухо не попадает* [https://nekdo.ru].

Прием ЯИ в данном случае основан на гибридизации и ситуативной трансформации и буквализации образных выражений «пуля (снаряд) два раза в одно место не попадает» и «в одно ухо влетает, в другое вылетает». Ср. отсылку к той же ситуативной пресуппозиции, что и в предыдущем примере («простреленное ухо Трампа во время покушения на него»): *На первой же пресс-конференции после покушения Трамп на самый каверзный вопрос даже ухом не повёл* [https://nekdo.ru]. См. переносный смысл обыгрываемого выражения *и / даже ухом не вести* «не обращать никакого внимания, не реагировать на что-либо», получающего в приведенных примерах буквальный смысл. Можно в этой связи говорить о текстогенности данной идиомы, порождающей целую серию политприколов на эту тему в медийном дискурсе.

– *Путин договорился с Трампом о встрече без галстуков и томагавков* [https://nekdo.ru].

Обыгрывается устойчивое выражение *встреча без галстуков* — «отказ от строгого дресс-кода и жесткого протокола при общении в неформальной обстановке». Данная фраза получает каламбурное расширение через ситуативный коррелят *без томагавков* с наведенной символикой «безопасности, миролюбия, отсутствия агрессии» по отношению к собеседнику. Ср.: «томагавк — боевой топор индейцев Северной Америки, а также американская ракета *Томагавк*» как выводимые импликатуры данного политприкола о встрече по поводу урегулирования дипломатических отношений между двумя сверхдержавами.

2.3. Обыгрывание многозначности и метафорическая актуализация смысла политприкола

Приведем лишь два показательных примера:

– *США не допустят в Иране обогащение урана, допустимо только обогащение Трампа* [https://nekdo.ru].

В ироническом ключе обыгрывается полисемия существительного *обогащение* в профессиональном и бытовом смыслах, поразному коннотированных в соотношении с затекстовыми пресуппозициями, отражающими неоднозначную политическую ситуацию: 1. «Трамп выступает против обогащения урана в Иране, якобы в целях предотвращения создания ядерного оружия этим государством, одним из наиболее могущественных на Ближнем Востоке»; 2. «На самом деле Трамп стремится ослабить геополитическое влияние Ирана в Ближневосточном регионе и получить максимальные пре-

ференции для США в контроле над сырьевыми ресурсами». В тексте намеренно актуализируются и накладываются друг на друга значения субстантивного деривата *обогащение* от глагола *обогащать* — «делать богатым кого-либо»; *спец.* «улучшать качество минерального сырья в процессе его обработки». Эффект обманутого ожидания строится на переключении смыслов формально тождественных синтагм *обогащение урана* — *обогащение Трампа*;

– *Трамп не ставит будильник, Трамп дает будильнику 24 часа, чтобы прозвонить* [https://shytok.net].

Данный политприкол — юмористический афоризм, характеризующий персонажа как не допускающего никакой зависимости своих действий, устремлений от внешних факторов, обстоятельств. С этой целью в структуре текста обыгрывается антропоморфная метафора: «будильник — нечто одушевляемое, что должно следовать навязанному Трампом регламенту, как его подчиненный». В качестве пресуппозиции выступает тот факт, что Трамп назначает *точное* время реализации собственных планов (мир на Украине за 24 часа, Ближний Восток — 3 дня, неделя, 10 дней на размышления и т. п.).

III. Словообразовательный код языковой игры

Данный код представлен в разных типах политприкола как собственно лингвистическая техника, основанная на аналогии игровой трансформы и узуального словообразовательного прототипа: структуры конкретной производной лексики, словообразовательной модели, словообразовательного гнезда, способа словообразования и т. п.

Приведем наиболее показательные примеры словообразовательной игры в разных видах политприкола. Новостная заметка:

— *Трамп снова заявил...*

— *Что?*

— *А какая ... разница? Все равно завтра **перезаявит*** [https://nekdo.ru].

Инновация, созданная префиксальным способом от глагола *заявить*, актуализирует значение словообразующего форманта *пере-* «регулярное повторение действия», подчеркивая при этом непостоянство, непредсказуемость поступков и заявлений Трампа (ср., в частности, узуальный аналог такой актуализации значения приставки в глаголе *передумать*). Каламбур строится на провокативной актуализации двух значений приставки *пере-*: 1) «повторить»; 2) «сделать заново». Ср. обыгрывание тех же словообразовательных значений приставки в окказиональном глаголе *переобещать* при актуализации обоих смыслов применительно к предвыборному дискурсу в приколе команды КВН:

*Острый предвыборный кризис — это когда обещать уже нечего. Все уже давным-давно обещано. Много — даже **переобещано заново*** [https://shytok.net].

В плане игровой словообразовательной техники интересны инновации, обнажающие экспрессивный ресурс разных способов деривации: это, в частности, чересступенчатое словообразование и словосложение. Данные способы позволяют комплексно и «экономно» представить целую ситуацию. См., например, политприкол в жанре мема, дискредитирующего стиль руководства Трампа (рис. 5).

В реплике Трампа представлен окказиональный дериват *отдемократить*, образованный конфиксальным способом непосредственно от существительного *демократ* в отличие от узуальных номинаций той же структуры типа *отдубасить*, *отколошматить*, производных от глаголов *дубасить*, *колошматить*. Такая словообразовательная игра дает возможность «гештальтно» в экспрессивно-оценочном ключе охарактеризовать особенности американской политики насаждения демократии по всему миру военным путем.

Рис. 5. URL: <https://www.meme-arsenal.com/create/meme/>

Активно востребована в политприколе и техника словосложения (см. об этом, в частности [Конвалова 2026]), например в лозунгах-императивах: «*Бюджетоеды — вон из думы!*»; «*Остановим законоляпы!*» [https://nekdo.ru]. Представленные окказиональные дериваты в плане лингвистической техники можно квалифицировать как универбы, соотносительные с обозначением свернутой в одно слово ситуацией: *бюджетоеды* — о тех, кто растрчивает = «съедает» государственный бюджет; инновация ассоциируется с одноструктурным *дармоеды*, усиливающим оценочную импликацию; *законоляпы* — о тех, кто допускает «ляпы» в законотворческой деятельности, ср. *тляп-ляп* как один из возможных мотиваторов для данного экспрессивного производного.

К особой группе инноваций можно отнести игровые мотивационные трансформы существующих в языке слов (по принципу народноэтимологических сближений, когда в модельную сетку готового слова намеренно вводится квазикорень созвучного слова):

— *Из-за пошлин Трампа Европе предрекли безобразу.*

— *Может быть, безработицу?*

— *И её тоже* [https://nekdo.ru].

Более подробное описание таких примеров в составе словообразовательного гнезда с вершиной *Трамп* см. [Конвалова 2025: 81]: *трампозантный, затрамpezный, трамплиер, сотрамpezник, трампункт, трампвай, трамплитуда, трамптуар, трамплуа* и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политприкол — один из активно востребованных жанров современного медиадискурса, гибко реагирующих на актуальную политическую ситуацию в оценочном лингвокреативном ключе.

Политприкол выступает как гиперонимическое обозначение содержательной направленности медиасообщения, эксплуатируя устойчивость формы организации медиатекстов разного рода для акцентирования передаваемой информации.

Специфической лингвокреативной техникой создания политприкола является языковая игра, использующая провокативные коды актуализации и переключения ассоциативных стереотипов. Особенностью политприколов является их серийность, обусловленная своеобразным отслеживанием и фиксацией динамики политического нарратива.

Политприкол — жанр, ярко отражающий динамичность медиадискурса, проявляющуюся в адаптации к новым технологиям (в частности, в формате поликодовой транс-

ляции информации) в соответствии с коммуникативными запросами аудитории.

Анализ представленного материала позволил выявить наиболее продуктивные для реализации воздействующего эффекта политприкола провокативные коды языковой игры — в соответствии с принципом обманутого ожидания. Обязательным фактором реализации воздействующего эффекта политприкола выступает знание адресатом пресуппозиции, дискредитируемой в свете наведенных техникой языковой игры оценочных импликаций.

ИСТОЧНИКИ

1. Кожевников, А. Ю. Энциклопедия отечественных приколов / А. Ю. Кожевников, Т. Б. Тихонова. — Москва : Олма Медиа групп, 2010. — 503 с. — ISBN 978-5-373-03357-2.
2. URL: https://nekdo.ru.
3. URL: https://shytok.net.
4. URL: https://www.anekdot.ru/.
5. URL: https://www.meme-arsenal.com/create/meme/.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бубнова, И. А. Роль цифровой среды в организации индивидуального ментального опыта / И. А. Бубнова // Психоллингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2020. — № 18. — С. 5–10. — DOI 10.26170/pla20-01-01. — EDN GATKTB.
2. Гридина, Т. А. Глава 1. Идиостилевые ракурсы языковой игры: гротескный мир Вагрича Бахчаняна / Т. А. Гридина // Лингвистика креатива — 5. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2020. — С. 14–60. — EDN JBWRWP.
3. Гридина, Т. А. Лингвокреативная техника создания игрового парадокса в афоризмах / Т. А. Гридина, А. В. Кубасов // Лингвистика креатива — 2 / под общ. ред. проф. Т. А. Гридиной. — 2-е изд. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2012. — С. 354–375. — EDN SBWPET.
4. Гридина, Т. А. Приколы «Русского радио»: новые жанры медиадискурса в свете традиционной смеховой культуры / Т. А. Гридина // Политическая лингвистика. — 2014. — № 2 (48). — С. 34–38. — EDN SNACEN.
5. Гридина, Т. А. Языковая игра в жанре политического прикола / Т. А. Гридина // Политическая лингвистика. — 2011. — № 4 (38). — С. 47–51. — EDN ORIJPL.
6. Гридина, Т. А. Языковая игра в современной интернет-коммуникации: метаязыковой аспект / Т. А. Гридина, С. С. Талашманов // Политическая лингвистика. — 2019. — № 3 (75). — С. 31–37. — DOI 10.26170/pl19-03-03. — EDN YQQCOV.
7. Гудков, Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности / Д. Б. Гудков. — Москва : Издательство МГУ, 1999. — 152 с. — ISBN 978-5-211041851.
8. Залевская, А. А. Психоллингвистические исследования. Слово. Текст. Избранные труды / А. А. Залевская. — Москва : Гнозис, 2005. — 543 с. — ISBN 5-7333-0145-7. — EDN QRLWXP.
9. Иссерс, О. С. Дискурсивная самоидентификация россиянина в игровых жанрах Рунета (на материале демомотиваторов) / О. С. Иссерс // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2022. — № 79. — С. 59–83. — DOI 10.17223/19986645/79/4. — EDN ZDQYJO.
10. Конвалова, Н. И. Российский общественно-политический дискурс как «экспериментальное поле» адаптации иноязычных аббревиатур / Н. И. Конвалова, О. А. Михайлова, Ю. Н. Михайлова // Политическая лингвистика. — 2026. — № 1 (115). — С. 119–127. — EDN XHNAAW.
11. Конвалова, Н. И. Словообразовательный потенциал политического дискурса / Н. И. Конвалова, О. А. Михайлова, Ю. Н. Михайлова // Политическая лингвистика. — 2025. — № 1 (109). — С. 75–83. — EDN MMJWXD.

12. Красных, В. В. Феномен прецедентности и прецедентные феномены / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация. — 1998. — Вып. 4. — С. 5–33.

13. Леонтьев, А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев. — Москва : Смысл : Лань, 2003. — 287 с. — ISBN 5-89357-141-X. — EDN ZXZIXB.

14. Лурия, А. Р. Язык и сознание / А. Р. Лурия. — Санкт-Петербург : Питер, 2019. — 336 с. — (Серия «Мастера психологии»). — ISBN 978-5-4461-1325-5.

15. Русский язык в многогранном социокультурном пространстве / отв. ред. Б. М. Гаспаров, Н. А. Купина. — Екатеринбург : Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2014. — 324 с. — ISBN 978-5-7996-1083-8. — EDN RXLJTF.

16. Узнадзе, Д. Н. Психология установки / Д. Н. Узнадзе. — Санкт-Петербург : Питер, 2001. — 416 с. — ISBN 5-318-00163-7.

17. Шмелева, Т. В. Кризис как ключевое слово текущего момента / Т. В. Шмелева // Политическая лингвистика. — 2009. — 2 (28). — С. 63–67. — EDN KUFVPX.

18. Gridina, T. A. Text Generation Strategies for the Future of Digitalization of Experimental Data / T. A. Gridina // International Scientific Conference “Digitalization of Education: History, Trends and Prospects” (DETP 2020): Proceedings of the International Scientific Conference “Digitalization of Education: History, Trends and Prospects” (DETP 2020), Yekaterinburg, 23–24 April, 2020. Vol. 437. — Yekaterinburg : Atlantis Press, 2020. — P. 103–107. — DOI 10.2991/assehr.k.200509.019. — EDN GMJDDM.

19. Konovalova, N. I. “Russian Associative Dictionary” as a Source of Information About Metalanguage Consciousness in Verbal Memory of Speakers / N. I. Konovalova // International Scientific Conference “Digitalization of Education: History, Trends and Prospects” (DETP 2020): Proceedings of the International Scientific Conference “Digitalization of Education: History, Trends and Prospects” (DETP 2020), Yekaterinburg, 23–24 April, 2020. Vol. 437. — Yekaterinburg : Atlantis Press, 2020. — P. 399–403. — DOI 10.2991/assehr.k.200509.072. — EDN FUXYWO.

MATERIALS

1. Kozhevnikov, A. Yu., Tikhonova, T. B. (2010). Ehntsiklopediya otechestvennykh prikolov = Encyclopedia of domestic jokes. Moscow: Olma Media group, 503 p. ISBN 978-5-373-03357-2.

2. URL: <https://nekdo.ru>.

3. URL: <https://shytok.net>.

4. URL: <https://www.anekdot.ru/>.

5. URL: <https://www.meme-arsenal.com/create/meme/>.

REFERENCES

1. Bubnova, I. A. (2020). Rol' tsifrovoy sredy v organizatsii individual'nogo mental'nogo opyta = The Role of the Digital Environment in the Organization of Individual Mental Experience. *Psycholinguistic Aspects of the Study of Speech Activity*, 18(5–10). DOI 10.26170/pla20-01-01. EDN GATKTB.

2. Gridina, T. A. (2020). Glava 1. Idiostilevye rakursy yazykovoy igry: grotesknnyy mir Vagricha Bakhchanyana = Chapter 1. Idiostylistic Perspectives of Language Play: The Grotesque World of Vagrich Bakhchanyan. *Linguistics of Creativity*, 5, 14–60. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ. EDN JBWRWP.

3. Gridina, T. A., Kubasov, A. V. (2012). Lingvokreativnaya tekhnika sozdaniya igrovogo paradoksa v aforizmax = Linguocreative technique of creating a playful paradox in aphorisms. *Linguistics of Creativity*, 5 (ed. by Prof. T. A. Gridina). 2nd ed., 354–375. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ. EDN SBWPET.

4. Gridina, T. A. (2014). Priklady «Russkogo radio»: novye zhanry mediadiskursa v svete traditsionnoy smekhovoy kul'tury = Jokes of “Russkoye Radio”: new genres of media discourse in the light of traditional humor culture. *Political Linguistics*, 2(48), 34–38. EDN SNACEH.

5. Gridina, T. A. (2011). Yazykovaya igra v zhanre politicheskogo prikola = Word game in the genre of political joke. *Political Linguistics*, 4(38), 47–51. EDN ORIJPL.

6. Gridina, T. A., Talashmanov, S. S. (2019). Yazykovaya igra v sovremennoy internet-kommunikatsii: metayazykovoy aspekt = Language game in modern internet communication: metalinguistic aspect. *Political Linguistics*, 3(75), 31–37. DOI 10.26170/pl19-03-03. EDN YQCOV.

7. Gudkov, D. B. (1999). Pretsedentnoe imya i problemy pretsedentnosti = Precedent name and problems of precedent. Moscow: MGU Publ., 152 p. ISBN 978-5-211041851.

8. Zalevskaya, A. A. (2005). Psikholingvisticheskie issledovaniya. Slovo. Tekst. Izbrannye trudy = Psycholinguistic studies. Word. Text. Selected Works. Moscow: Gnozis, 543 p. ISBN 5-7333-0145-7. EDN QRLWXP.

9. Issers, O. S. (2022). Diskursivnaya samoidentifikatsiya rossiyan v igrovyykh zhanakh Runeta (na materiale demotivatorov) = Discursive Self-Identification of Russians in Runet Gaming Genres (Based on Demotivators). *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 79, 59–83. DOI 10.17223/19986645/79/4. EDN ZDQYJO.

10. Konovalova, N. I., Mikhaylova, O. A., Mikhaylova, Yu. N. (2026). Rossiyskiy obshchestvenno-politicheskiy diskurs kak «ehksperimental'noe pole» adaptatsii inoyazychnykh abreviatur = Russian Socio-Political Discourse as an “Experimental Field” for Adapting Foreign-Language Abbreviations. *Political Linguistics*, 1(115), 119–127. EDN XHHAOW.

11. Konovalova, N. I., Mikhaylova, O. A., Mikhaylova, Yu. N. (2025). Slovoobrazovatel'nyy potentsial politicheskogo diskursa = The word-forming potential of political discourse. *Political Linguistics*, 1(109), 75–83. EDN MMJWDX.

12. Krasnykh, V. V. (1998). Fenomen pretsedentnosti i pretsedentnye fenomeny = The phenomenon of precedence and precedent phenomena. *Language, consciousness, communication*, 4, 5–33.

13. Leont'ev, A. A. (2003). Osnovy psikholingvistiki = Fundamentals of Psycholinguistics. Moscow: Smysl: Lan', 287 p. ISBN 5-89357-141-X. EDN ZXZIXB.

14. Luriya, A. R. (2019). Yazyk i soznanie = Language and Consciousness. St. Petersburg: Piter, 336 p. (Ser. “Masters of Psychology”). ISBN 978-5-4461-1325-5.

15. Gasparov, B. M., Kupina, N. A. (Resp. eds.) (2014). Russkiy yazyk v mnogorechnom sotsiokul'turnom prostranstve = Russian Language in the Multiflue Sociocultural Space. Ekaterinburg: Ural St. Univ. n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin, 324 p. ISBN 978-5-7996-1083-8. EDN RXLJTF.

16. Uzmadze, D. N. (2001). Psikhologiya ustanovki = Psychology of Attitude. St. Petersburg: Piter, 416 p. ISBN 5-318-00163-7.

17. Shmeleva, T. V. (2009). Krizis kak klyuchevoye slovo tekushchego momenta = Krizis (Crisis) as the key word of the present moment. *Political Linguistics*, 2(28), 63–67. EDN KUFVPX.

18. Gridina, T. A. (2020). Text Generation Strategies for the Future of Digitalization of Experimental Data. *International Scientific Conference “Digitalization of Education: History, Trends and Prospects” (DETP 2020). Proceedings of the International Scientific Conference “Digitalization of Education: History, Trends and Prospects” (DETP 2020), Yekaterinburg, 23–24 April, 2020. Vol. 437, 103–107. Yekaterinburg: Atlantis Press. DOI 10.2991/assehr.k.200509.019. EDN GMJDDM.*

19. Konovalova, N. I. (2020). “Russian Associative Dictionary” as a Source of Information About Metalanguage Consciousness in Verbal Memory of Speakers. *International Scientific Conference “Digitalization of Education: History, Trends and Prospects” (DETP 2020). Proceedings of the International Scientific Conference “Digitalization of Education: History, Trends and Prospects” (DETP 2020), Yekaterinburg, 23–24 April, 2020. Vol. 437, 399–403. Yekaterinburg: Atlantis Press. DOI 10.2991/assehr.k.200509.072. EDN FUXYWO.*

Политическая лингвистика. 2026. № 4 (118).
Political Linguistics. 2026. No 4 (118).

УДК 811.161.1'373.21
ББК ШП41.12-316

ГРНТИ 16.21.27

Код ВАК 5.9.8

Ирина Васильевна Крюкова

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия, kryukova-irina@ya.ru, SPIN-код: 7695-8609

Речевой акт «переименование» в региональной топонимии как отражение политического курса страны

АННОТАЦИЯ. В статье представлен коммуникативно-прагматический подход к переименованию населенных пунктов, дополняющий существующие социолингвистические исследования топонимических переименований. Переименование мы рассматриваем как речевой акт декларативного типа, в структуре которого выделяются три уровня: иллокутивный — определение цели переименования (иллокутивной функции); локутивный — сам акт переименования, включающий принятие решения об изменении названия и документальную фиксацию данного решения; перилокутивный — оповещение о переименовании через СМИ, а также возможная реакция на него массового адресата. Цель исследования — выявление особенностей речевого акта «переименование» как отражение политической ситуации в стране и в регионе. В результате ономастического анализа 118 названий населенных пунктов (ойконимов) Волгоградской области определены 2 основных типа речевого акта «переименование». 1. Речевой акт, иллокутивная функция которого — утверждение советской власти на территории региона. Отмечается инициатива «снизу», многочисленные случаи самоназвания, когда решение о переименовании принимают местные жители, и только затем — органы государственной власти. 2. Речевой акт, иллокутивная функция которого — предание забвению имен политических лидеров как отражение борьбы за власть. Отмечается усложнение структуры речевого акта, включение в него обсуждения вариантов названия и обнародования мотивов переименования (советский период), а также проведение референдумов (постсоветский период). Полученные данные открывают перспективы исследования речевых актов «присвоение названия» и «переименование» на более широком материале, выходящем за рамки региональной ойконимии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ономастика, населенные пункты, речевые акты, региональная топонимия, политическая ситуация, переименование населенных пунктов, социолингвистические исследования, топонимические переименования, искусственная номинация, ойконимы, Волгоградская область, номинативная ситуация, декларатив, иллокутивная функция, топонимический рефлексив, ономастический анализ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Крюкова Ирина Васильевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры языкознания, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Волгоград, Россия, email: kryukova-irina@ya.ru.

БЛАГОДАРНОСТИ. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда и Администрации Волгоградской области, проект № 25-28-20081 «Образ человека в зеркале региональной топонимии (на материале названий населенных пунктов Волгоградской области)», <https://rscf.ru/project/25-28-20081/>.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Крюкова, И. В. Речевой акт «переименование» в региональной топонимии как отражение политического курса страны / И. В. Крюкова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 4 (118). — С. 21-29.

Irina V. Kryukova

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia, kryukova-irina@ya.ru, SPIN code: 7695-8609

The Speech Act of “Renaming” in Regional Toponymy as a Reflection of the Country's Political Course

ABSTRACT. The article presents a communicative-pragmatic approach to the renaming of settlements, which complements existing sociolinguistic research of toponymic renaming. The author defines renaming as a declarative speech act structured into three levels: illocutionary –identification of the purpose of renaming (illocutionary function); locutionary – the act of renaming itself, which includes making a decision to change the name and documenting this decision; perlocutionary — announcing the renaming via mass media, as well as the potential reaction of the general public. The research aims to identify the characteristic features of the speech act of “renaming” as a reflection of the political situation in the country and the region. As a result of an onomasiological analysis of 118 names of settlements (oikonyms) in the Volgograd Oblast, two main types of the “renaming” speech act have been identified. The illocutionary function of the first type is to establish Soviet power in the region. There is a notable bottom-up initiative and numerous instances of self-naming, when the decision to rename is made by local residents and only subsequently approved by state authorities. The illocutionary function of the second type is to consign the names of political leaders to oblivion as a reflection of the power struggle. There is an observed complexity in the structure of the speech act, which includes discussing name options and publicizing the motives behind the renaming (in the Soviet period), as well as conducting referendums (in the post-Soviet period). The findings open up prospects for studying the speech acts of “naming” and “renaming” using broader material that extends beyond regional oikonymy.

© Крюкова И. В., 2026

KEYWORDS: *onomastics, settlements, speech acts, regional toponymy, political situation, renaming of settlements, sociolinguistic studies, toponymic renaming, artificial nomination, oikonyms, Volgograd Oblast, nominative situation, declarative, illocutionary function, toponymic reflection, onomasiological analysis.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Kryukova Irina Vasil'evna, Doctor of Philology, Professor of Department of Linguistics, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia.*

ACKNOWLEDGMENTS. The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation and the Administration of the Volgograd Oblast, project No. 25-28-20081 "The Image of Man in the Mirror of Regional Toponymy (Based on the Names of Settlements in the Volgograd Oblast)," <https://rscf.ru/project/25-28-20081/>.

FOR CITATION: *Kryukova I. V. (2026). The Speech Act of "Renaming" in Regional Toponymy as a Reflection of the Country's Political Course. In Political Linguistics. No 4 (118), pp. 21-29. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

В топонимии наиболее устойчивыми знаками являются имена природных объектов: гидронимы (названия водных объектов) и оронимы (названия возвышенностей), они часто сохраняются в неизменном виде века и даже тысячелетия и поэтому представляют большую ценность для изучения истории языка и прошлого народов. При этом среди классов топонимической лексики наименее устойчивые — ойконимы (названия населенных пунктов) и урбанонимы (названия внутригородских объектов).

Это обусловило интерес исследователей к переименованиям в ойконимике и урбанонимике. В большинстве работ, выполненных в социолингвистическом аспекте, показано переименование как насильственная смена топонимов вследствие войн, революций и колонизации. Такие переименования исследователи эмоционально и экспрессивно определяют как «топонимический геноцид»¹, «топонимические войны» [Ворошилин 2011] и «топонимические чистки пространства» [Калуцков 2021; Петешова 2026]. Причем подобные исследования, посвященные переименованиям, проводят не только лингвисты, но и историки, рассматривая смену названий с точки зрения исторических процессов [Мансур 2011], и географы, обращая внимание на смену названий с точки зрения критической топонимии [Vuolteenaho, Berg 2009; Митин 2021].

В данной работе, цель которой — выявление особенностей речевого акта «переименование» как отражения политической ситуации в стране и в регионе, представлена попытка коммуникативно-прагматического подхода к переименованию населенных пунктов.

Прежде всего отметим, что переименованные ойконимы — это результат искусственной номинации, напрямую связанной с сознательным участием человека в формировании лексической системы языка. Науч-

ные подходы к разграничению искусственной и естественной ономастической номинации более полувека назад были намечены А. К. Матвеевым. К основным особенностям естественной номинации автор относит стихийный учет свойств объекта, неизвестность авторства, «коллективность номинации с точки зрения сегодняшнего дня», а среди основных черт искусственной номинации — наличие ясной целеустановки, индивидуальность авторства (в широком смысле), «направленный учет свойств объекта» [Матвеев 1974: 11]. Наиболее полно теоретическое понятие «искусственная ономастическая номинация» разработано М. В. Голомидовой. Автор уточняет намеченные А. К. Матвеевым критерии разграничения естественной и искусственной номинации и приходит к выводу, что данные две разновидности лексической номинации различаются исторической последовательностью возникновения и обладают специфичными традициями в принципах обозначения. М. В. Голомидова определяет искусственную номинацию как номинативный акт, который принадлежит сфере функционально-ролевой коммуникации и ставит своей целью создание наименования, рассчитанного на априорную узualизацию [Голомидова 1998: 65].

В дальнейшем данные идеи мы применили к некоторым группам рекламных имен и антропонимов [Крюкова 2011; Бойкова 2017; Сулейман 2017; Корнейчук 2026]. Такой подход показал возможности сближения ономастики с прагмалингвистикой. В частности, применение к искусственной номинации теории речевых актов, разработанной Д. Остином и Д. Серлем. Процесс присвоения названия, который с данных позиций еще не был рассмотрен применительно к ойконимам, можно определить как речевой акт-декларатив, обладающий предписательной силой, как сообщение, эквивалентное поступку, когда, по мнению Дж. Р. Серля, «некоторое положение дел получает существование, когда, так сказать, говорение конституирует факт» [Серль 1999: 243].

Переименование в ойконимии мы рассматриваем как разновидность речевого акта

¹ Поспелов, Е. М. Имена городов: вчера и сегодня (1917–1992): топонимический словарь / Е. М. Поспелов. — Москва: Русские словари, 1993. — 249 с.

«присвоение названия». Однако он имеет свои особенности, отличные от первоименования. По справедливому замечанию А. К. Матвеева, «первоименование как факт только начинает свою историю, а переименование имеет дело с уже названным, с историческим фактом топонимической системы. Отсюда разные задачи и способы их решения» [Матвеев 2009: 100–101].

Речевой акт «переименование» имеет место тогда, когда старое название перестает соответствовать изменившейся номинативной ситуации, которая определяет необходимость замены названия. Результатом речевого акта «переименование» является создание новой номинативной ситуации, в которой прежний ойконим заменяется на новый, а факт переименования императивно закрепляется в специальных документах. С учетом трехуровневой модели, предложенной Д. Остином и Д. Серлем — иллюкуция (цель высказывания), локуция (построение высказывания), перлокуция (последствия высказывания) [Остин 1986; Серль 1999], в структуре речевого акта «переименование» выделяются: 1) иллюкутивный уровень — осознание изменившейся номинативной ситуации и определение цели переименования (иллюкутивной функции); 2) локутивный уровень — сам акт переименования, который включает принятие решения об изменении названия, фиксацию данного решения в документе определенного типа и законодательное закрепление новой номинативной единицы; 3) перлокутивный уровень — оповещение о переименовании через средства массовой информации, а также возможная реакция на него массового адресата.

Выделение данных этапов позволяет четко определить роли участников переименования, взаимодействие которых в конечном счете определяет выбор языковых средств: 1) именуемый субъект — органы государственной власти; 2) объект переименования — населенный пункт, название которого перестало отвечать изменившейся номинативной ситуации; 3) массовый адресат — жители региона и области, пользователи названия, которые в разные годы проявляли разную степень активности в зависимости от исторического контекста эпохи.

Хотя мотивы региональных переименований могут быть разными (например, упорядочение топонимической системы, замена труднопроизносимых ойконимов или ойконимов с неблагоприятными ассоциациями), наиболее полно и последовательно структура речевого акта «переименование» представлена в ситуациях смены названия в связи со сменой политического курса страны.

Этот процесс подчиняется определенным закономерностям и поддается описанию.

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ И МЕТОДИКА АНАЛИЗА

Материалом исследования послужили ойконимы Волгоградской области — названия городских и сельских поселений, которые в XX веке изменили свое название по политическим мотивам. Ойконимия Волгоградской области представляется актуальным объектом для исследования особенностей речевого акта «переименование», так как это территория позднего заселения, для которой характерно сознательное вмешательство человека в номинативные процессы.

Методика исследования включает несколько этапов. Сначала, используя приемы ориентированного поиска, из Реестра административно-территориальных единиц и населенных пунктов Волгоградской области¹ мы отобрали для анализа названия населенных пунктов, переименованных в XX веке в связи со сменой политического курса страны. Всего в Реестре 1570 единиц, из них было отмечено 118 населенных пунктов, которые были переименованы по политическим мотивам в результате сознательной и целенаправленной деятельности органов власти, что составляет 8 % от общего числа ойконимов Волгоградской области.

Затем, используя методы ономастического и сопоставительного анализа, мы выявляли сходства и различия в парах «исходный ойконим — новый ойконим». В дальнейшем данный материал был дополнен текстами законов и постановлений о переименовании, а также публикациями в местной прессе, в которых отмечаются топонимические рефлексивы, т. е. метаязыковые высказывания, демонстрирующие негативное или позитивное отношение к ойкониму. Контекстуальный анализ фрагментов из данных источников позволил определить этапы в структуре речевого акта «переименование» и охарактеризовать участников данного номинативного процесса.

ИССЛЕДОВАНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Следует отметить, что переименования населенных пунктов были характерны и для дореволюционного периода развития ойконимической системы региона. Однако они не носили массового характера и были связаны или со сменой владельца, или со строитель-

¹ Реестр административно-территориальных единиц и населенных пунктов области Волгоградской области. URL: <https://www.volgograd.ru/volgogradskaya-oblast/administrativno-territorialnoe-delenie.php>.

ством в селе церкви, за которым следовало изменение статуса населенного пункта. Отмечается также несколько мемориальных переименований идеологического характера, связанных с царской семьей. Например, хутор *Субботин* в 1895 г. переименован в хутор *Николаевский* в честь императора Николая II, пос. *Жутово* в 1913 г. стал именоваться пос. *Ново-Алексеевский* в честь сына императора Николая II и т. п. При этом переименование не было полным, и в официальных документах зачастую использовались оба варианта названия.

Из наиболее ранних документально зафиксированных переименований идеологического характера, которые были частью языковой политики страны, исключающей функционирование старого ойконима, можно выделить только речевой акт, иллюкутивная функция которого — предание забвению событий, связанных с крестьянским восстанием Емельяна Пугачева. Так, на родине Емельяна Пугачева, в станице *Зимовейской* (ныне станица *Пугачевская*), в 1775 г. сожгли его дом и указом Екатерины II станицу переименовали в *Потемкинскую* в честь фаворита императрицы графа Г. Потемкина-Таврического. Позже город *Дмитриевск*, в соответствии с указом Екатерины II от 7 ноября 1780 г., переименовали в *Камышин*, так как жители города участвовали в пугачевском восстании. Новые названия сначала официально утверждались и только потом становились известными местному населению.

И только в XX веке происходят массовые переименования с усложнением структуры речевого акта, во-первых, в связи со сменой общественного строя и установлением советской власти на территории региона; во-вторых, в связи со сменой власти в советский и постсоветский периоды. Соответственно по иллюкутивной функции выделяются 2 основных типа речевого акта «переименование», каждый из которых соответствует определенным историческим условиям, определившим изменение номинативной ситуации в стране и в регионе.

Речевой акт, иллюкутивная функция которого — утверждение советской власти на территории региона

Пик переименований подобного типа — ранний советский период, 1920–1930-е гг. Основной мотив при замене старого названия — утверждение советской власти на территории региона с помощью переименования населенных пунктов, в целом характерное для страны явление. В этот период преобладает мемориальная антропонимическая модель переименования. Первым переименованием подобного рода стала замена в

1919 г. названия села *Пришиб* на *Ленинск*. Это был первый населенный пункт не только в России, но и в мире, названный в честь В. И. Ленина, причем еще при его жизни.

При этом волна переименований отмечается после 1925 г., после того как уездный город *Царицын*, названный по реке *Царица*, был переименован в *Сталинград*. Название дано в честь И. В. Сталина не произвольно, а в соответствии с конкретными историческими событиями — в Гражданскую войну И. В. Сталин был командующим Северо-Кавказским военным округом и сыграл важную роль в обороне Царицына. На вторую часть топонима, церковнославянский вариант слова *город*, видимо, повлияло предшествующее переименование *Санкт-Петербурга* в *Ленинград*. Прежнее название *Царицын*, по мнению советского правительства, могло вызвать у населения нежелательные ассоциации со старым режимом, хотя к царизму оно не имело отношения¹.

В результате сложилась новая номинативная ситуация, определившая мотивы дальнейших переименований. Примечательно, что новые населенные пункты, в отличие от переименованных, возникали на базе одноименных колхозов и получали имена произвольно, без связи с именуемым объектом (*Красный Октябрь*, *Красное знамя*, *Серп и Молот*, *Комсомолец*, *Большевик*, *Ленинец*, *Путь Ильича*, *Буденовец* и под.). Такие ойконимы универсальны, они распространены на всей территории постсоветского пространства. Однако при переименовании сельских населенных пунктов, как и при переименовании Царицына, ойконимы выбирались с учетом связи конкретной исторической личности с данным регионом. Многие переименованные населенные пункты получали уникальные названия, не характерные для других регионов страны.

Например, старинная казачья станица *Преображенская* была переименована в село *Киквидзе* в честь активного участника Гражданской войны, командующего частями Юго-Западного фронта В. Киквидзе, погибшего неподалеку. Этим же мотивом руководствовались при переименовании села *Зубрилово*, названного по имени владельца, в село *Киквидзенское*, возле которого погиб В. Киквидзе.

В целом можно отметить, что при смене ойконима часто сохранялась антропонимическая модель, основная для названий населенных пунктов во все времена. При этом

¹ О происхождении гидронима см.: Крюкова И. В., Супрун В. И. Реки и водоемы Волгоградской области: гидронимический словарь. Волгоград: Изд-во ВГАПК РО, 2009. С. 319.

предполагалась замена имени прежнего владельца или известного жителя на имя героя Гражданской войны или советского времени как символ установления новой власти. Наиболее показательный пример — переименование хутора *Каледин*, в котором родился известный российский военачальник, первый выборный войсковой атаман Всеволодского Войска Донского А. М. Каледин, потомок основателя хутора. В 1933 г. хутор был переименован в *Блинов* в честь командира кавалерийской дивизии 9-й армии Южного фронта М. Ф. Блинова. В данном случае цель переименования — не столько увековечивание памяти революционера, сколько искоренение упоминания в топонимии фамилии донского атамана. Позже этим мотивом руководствовались и при замене названия станицы *Потёмкинской* на *Пугачевскую*, поскольку эта станица — родина Емельяна Пугачева; поселка железнодорожной станции *Воропоново*, названного в честь помещиков Воропоновых, — на станцию *Максима Горького*, так как в 1889 г. на этой станции в должности весовщика работал будущий писатель А. М. Горький.

Стремление убрать с карты Волгоградской области имена землевладельцев приводило также и к утрате антропонимической модели, что символизировало установление новых экономических отношений в данном населенном пункте. Массовый адресат в данном случае рассматривался на объект воспитания и контроля. Так, хутор *Моргуновский* был переименован в *Первомайский*, хутор *Шишкино* — в *Краснодонский*, хутор *Букатин* — в поселок *Красная Слобода*. Кроме того, многие новые названия давались по контрасту со старыми, образованными от титулов и званий землевладельцев. Например, хутор *Генеральский* был переименован в *Красноармейский*, а слобода *Графская*, ранее принадлежавшая графу Орлову-Шереметьеву, — в село *Добринка* (по реке *Левая Добрая*).

При этом, по сравнению с дореволюционным периодом, меняется структура речевого акта «переименование» на локутивном уровне. Во-первых, для послереволюционного периода характерна инициатива «снизу». Зачастую предложение о замене старого названия инициатируют сами жители населенного пункта. Например, красный комиссар, внук основателя хутора *Букатин*, Н. Н. Букатин в 1923 г. на общем собрании жителей хутора предложил заменить название *Букатин* на *Красная Слобода*. Жители ходатайствовали об этом перед ВИКом, их

просьба была удовлетворена¹. А железнодорожная станция *Воропоново* была переименована в станцию *Максима Горького* после того, как с этой просьбой обратились в Верховный Совет СССР железнодорожники².

Во-вторых, если название давалось в честь живущего человека, то обязательным было согласование с лицом, в честь которого оно дается. Иногда это было связано с обсуждением потенциальных объектов переименования. Например, переименование в 1933 г. старинной казачьей станицы *Усть-Медведицкой* в город *Серафимович* было приурочено к 70-летию известного донского писателя А. С. Серафимовича (Попова). Этому событию предшествовало обсуждение переименования с А. С. Серафимовичем. Изначально предлагалось переименовать город Новочеркасск Ростовской области, однако А. С. Серафимович отклонил это предложение. В качестве альтернативы он предложил дать свое имя станице *Усть-Медведицкой*, где прошло его детство³.

По топонимическим рефлексивам можно судить об искреннем желании инициаторов речевого акта переименовать населенный пункт, о резкой эмоциональной оценке старого названия и о неоднозначном отношении к переименованию. Высказывания инициаторов переименования отражают борьбу с символами императорской власти и стремление заменить их на символы борьбы за свободу простого народа. Так, станица *Николаевская* была переименована в ноябре 1918 г. в станицу *Степано-Разинскую* по решению войскового совета красной части Астраханского войска. Решение о переименовании содержит эмоционально-оценочные эпитеты: «Станицу Александровскую и Николаевскую, как носивших до сих пор имена коронованных палачей Александра I и Николая II кровавого, переименовать: первую в Троцкую, а вторую — в Степана Разина» [Цит. по Антропов 2008: 120]. Примечательно, что в то время при принятии окончательного решения учитывалось и мнение жителей, если оно было обосновано соответствующим образом. По данным О. О. Антропова, основанным на архивных материалах, «александровцы не согласились и постановили вернуть станице историческое название — Суводская: название, мол, и так революционное — станица участвовала в Пу-

¹ История хутора Букатина (в документах и воспоминаниях). URL: <https://volgokray.narod.ru/history/bukatin.html>.

² Названия разные — история одна. URL: <https://gudok.ru/zdr/174/?ID=1609287>.

³ Воспоминания современников об А. С. Серафимовиче. М.: Советский писатель, 1977. 610 с.

гачевском восстании» [Там же]. Таким образом, местные жители могли не только инициировать переименование, но и отклонить предложенный вариант, сохранив прежний ойконим.

Речевой акт, иллокутивная функция которого — предание забвению имен политических лидеров советского периода

Первые переименования такого типа, отражающие борьбу за власть и нестабильность политической жизни в стране, появляются уже в ранний советский период. При этом отмечаются двойные и даже тройные переименования. Например, за десять лет село *Слободка* было переименовано трижды. В 1923 г. его переименовали в *Троцкое* в честь видного большевика Л. Д. Троцкого (Бронштейна), который в то время был наркомом по военным делам, председателем реввоенсовета республики, членом политбюро ЦК партии. Но лишь пять лет село носило это имя, в 1927 г. Троцкий был исключен из партии, выслан в Алма-Ату, а в 1929 г. — за границу. Село стало именоваться *Новой Слободкой*. В 1930-е гг. для усиления политической работы в армии, на флоте, на предприятиях и в учреждениях создавались политотделы, они были созданы и в заволжских совхозах, поэтому в 1934 г. село получило название *Политотдельское*.

Однако волна переименований данного типа в Волгоградской области, как и во всей стране, приходится на конец 1950-х — начало 1960-х гг. Переименования начались вскоре после XXII съезда КПСС, на котором было принято решение усилить меры борьбы с культом личности И. В. Сталина. Первыми в конце 1950-х в Сталинградской области были переименованы населенные пункты, названные в честь С. М. Буденного и К. Е. Ворошилова, поскольку их имена ассоциировались со сталинской эпохой, с традицией прижизненных названий в честь сподвижников И. В. Сталина. Новый ойконим образовывался от слов — символов возрождения новой жизни, характерных для советской ойконимии, или от прежнего названия. Например, были переименованы два *поселка им. Ворошилова*, расположенные в разных районах области: одни — в поселок *Рассвет*, другой — в поселок *Заря*, а хутор *Буденовский* (бывший хутор Долговский) — в поселок *Долгий* (по одноименному оврагу).

При этом основная часть переименований была связана со стремлением предать забвению имя И. В. Сталина. Начало положило резонансное переименование *Сталинграда* в *Волгоград*. 10 ноября 1961 г. президиум Верховного Совета РСФСР издал

указ о переименовании Сталинграда. Примечательно, что в документах подобного рода стал отмечаться коллективный характер принятия решения: «Учитывая пожелания и просьбы коллективов промышленных предприятий,строек, совхозов, колхозов и учреждений, а также ходатайства общественных организаций Сталинградской области, переименовать Сталинградскую область в Волгоградскую область и город Сталинград в город Волгоград»¹. К тому времени уже стал обязательным этап общественного обсуждения переименования, однако, по сравнению с ранним советским периодом, когда название предлагалось жителями, инициатива «снизу» не была спонтанной, она носила ритуальный характер и фактически была организована «сверху» руководящими органами. В городе устраивались показательные митинги и собрания трудовых коллективов, участники которых требовали сменить имя городу и области. Эти события находили широкое отражение в СМИ. Был очевиден декларативный характер переименования уже на иллокутивном уровне и заранее предсказанный перлокутивный эффект — смена имени города при всеобщем одобрении данного решения.

Между тем стоит отметить, что именно тогда в структуре речевого акта «переименование» появляется еще один этап — публичное массовое обсуждение вариантов нового названия. В разных источниках приводится более 20 вариантов нового имени города, которые предлагались на собраниях трудовых коллективов². В сумме они отражают представления о том, каким должно быть имя города, больших групп людей, объединенных в одно время общей номинативной задачей. В предложенных вариантах выделяются два основных мотива: патриотический — стремление отразить в названии роль Сталинградской битвы в Великой Отечественной войне (*Непокорный, Твердыня, Геройск, Славград, Победоград*), в том числе с частичным переименованием (*Стальград*); а также топографический — желание показать расположение города на великой русской реке, соединившей пять морей (*Пятиморск, Пятиморград, Волгодонск, Волго-*

¹ Указ Президиума ВС РСФСР от 10.11.1961 года «О переименовании Сталинградской области в Волгоградскую область и г. Сталинграда в г. Волгоград». URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/>

² «Волгоград мы не выстрадали. Нам его навязали»: 10 ноября 1961 года Сталинград получил новое имя. URL: <https://gorvesti.ru/text/volgograd-my-ne-vystradali-nam-ego-navyazali-10-noyabrya-1961-goda-stalingrad-poluchil-novoe-imya-109718.html>

град), в том числе с сохранением мемориальной модели, но заменой имени Сталин на Ленин (*Лениноволжск, Ленинград-на-Волге*). Окончательное решение в соответствии с существовавшими правилами присвоения названия принимал Волгоградский обком КПСС. В результате выбор пал на название Волгоград.

На перлокутивном этапе, при обнародовании результатов, эксплицировались мотивы номинации, что тоже нехарактерно для предыдущих периодов переименования. В одном из ноябрьских выпусков 1961 г. газеты «Волгоградская правда» так разъяснялись причины выбора нового названия: «Имя города, расположенного у могучей реки, и имя реки, у которой стоит город-герой, слились теперь воедино в величавое имя Волгоград» («Волгоградская правда». 15.11.1961). Название по-своему уникально — сочетание форманта *-град* с названием реки не имеет аналогов в русскоязычной топонимии.

Таким образом, структура речевого акта «переименования», иллокутивная функция которого — предание забвению имен политических лидеров, усложняется.

Буквально через несколько месяцев после переименования областного центра в соответствии с общесоветской номинативной ситуацией были переименованы сельские населенные пункты. Причем в большинстве своем новый ойконим был лишен идеологической окраски: пос. *Сталинский* был переименован в *Степной*, с. *Сталино* — в *Садовое*, с. *Сталиндорф* — в пос. *Приморский* и т. п.

Подобные мотивы переименований становятся снова актуальными в 1990-е гг. в связи со сменой политического курса. Стремление убрать с карты региона имена всех политических деятелей советской эпохи иногда приводило к ложной мотивации при смене названия. К примеру, поселок *Микояна*, переименованный в 1998 г. в поселок *Царицын*, был назван не в честь видного государственного деятеля советской эпохи А. Микояна, а в честь его сына, летчика В. Микояна, погибшего в воздушном бою под Сталинградом в 1942 г. Первоначально населенный пункт назывался *пос. им. Володи Микояна*. Но при переименовании об этом не вспомнили ни жители поселка, ни Волгоградская областная дума, принимавшая решение о смене названия.

Показательны переименования 1990-х гг., цель которых была не только с помощью топонимии придать забвению имена известных личностей советской эпохи, отношение к которым было пересмотрено, но и вернуть населенному пункту историческое название.

В этот период по всей стране стали возвращать дореволюционные ойконимы. Наиболее резонансное региональное переименование этого периода, демонстрирующее еще большее усложнение структуры речевого акта, — возвращение в 1997 г. рабочему поселку Киквидзе, административному центру Киквидзенского района, исконного названия — *станция Преображенская*.

Иллокутивный этап был растянут во времени, он занял 6 лет. События этих лет подробно описаны в районной газете «Нива» со ссылками на публикации в данной газете за 1990-е гг. Началом иллокутивного этапа можно считать «Обращение к жителям, товарищам, друзьям района и райцентра», опубликованное в 1991 г. Оно было написано от имени инициативной группы из 250 жителей станицы, которые предлагали жителям района и райцентра ходатайствовать перед сессией райсовета о возвращении названия *станция Преображенская*. Следующий этап — дискуссия на страницах районной газеты. Одни участники дискуссии, выступая за возвращение старого названия, считали необходимым искоренить память о В. Киквидзе, а также возродить историю казачества, связанную с местной Спасо-Преображенской церковью, одной из самых древних на территории области. Другие участники, противники переименований, отмечали роль В. Киквидзе в Гражданской войне, а также связь названия с большими потерями «в борьбе с царскими телохранителями, белой гидрой, нашими угнетателями»¹.

На локутивном этапе рабочий поселок Киквидзе был переименован в станицу Преображенскую. Причем впервые основанием для принятия решения стали итоги местного референдума, который состоялся 30 ноября 1997 г. За возвращение исконного названия районному центру высказались 85,5 % жителей района, однако с учетом мнения жителей небольших сел и хуторов Киквидзенский район сохранил свое название.

В последние годы учет мнений местных жителей и проведение референдумов при переименовании было закреплено законодательно решением Волгоградской областной думы². Таким образом, законодательно закрепляется коллективный именуемый субъект переименования.

¹ Как станице вернули ее имя. URL: <https://niva-kikvidze.ru/stati/pamjat-zhiva/kak-stanice-vernuli-eyo-imja.html>.

² В Волгограде внесли изменения в закон о переименовании населенных пунктов. 14.07.2022. URL: <https://vpravda.ru/politika/deputaty-volgograds-koy-oblastnoy-dumy-podderzhali-iniciativu-andreya-b-ocharova-138426/>.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты исследования показали, что речевой акт «переименование» в региональной топонимии имеет четкую структуру (иллокутивный, локутивный и перлокутивный уровни), которая усложняется в связи с изменениями в политической и социально-экономической жизни страны и региона, а также в психологической установке носителей языка.

По иллокутивной функции выделяются 2 типа речевого акта. В первом случае переименование связано с установлением советской власти на территории региона. Наблюдается преобладание антропонимической модели с заменой имени землевладельца или известного жителя на имя героя Гражданской войны или советского времени. Характерна инициатива «снизу», при которой населенный пункт часто получает новое имя в результате самоназвания. Часто решение о переименовании принимают местные жители, и только затем — органы государственной власти. Во втором случае переименование отражает борьбу за власть, цель переименования — предание забвению имен политических лидеров при смене политического курса страны. Отмечается усложнение структуры речевого акта: на иллокутивном уровне — обсуждение вариантов названия (советский период) и проведение референдумов (постсоветский период). На перлокутивном — обнародование мотивов переименования. Полученные данные открывают перспективы исследования речевых актов «присвоение названия» и «переименование» в динамическом аспекте на более широком материале, выходящем за рамки региональных переименований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Антропов, О. О. Астраханское казачество. На переломе эпох / О. О. Антропов. — Москва : Вече, 2008. — 410 с. — ISBN 978-5-9533-2584-4.
2. Бойкова, Т. А. Интенциональность имяназвания в сопоставительном аспекте (на материале опроса российских и американских информантов) / Т. А. Бойкова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2014. — № 7 (92). — С. 52–56. — EDN TALVAX.
3. Голомидова, М. В. Искусственная номинация в русской ономастике / М. В. Голомидова. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 1998. — 232 с. — ISBN 5-7186-0338-3. — EDN UGDAAP.
4. Ворошилин, С. И. Топонимические войны в мире — насильственная смена топонимов вследствие войн, революций и колонизации / С. И. Ворошилин // Вопросы всеобщей истории. — 2011. — № 13. — С. 80–98. — EDN TRKBON.
5. Калущков, В. Н. Изменение геокультурного пространства стран Ближнего Зарубежья в XX–XXI вв. (на материале переименования городов) / В. Н. Калущков // Псковский региональный журнал. — 2021. — № 2. — С. 99–116. — DOI 10.37490/S221979310013684-5. — EDN WJWGDW.
6. Корнейчук, Т. А. Названия российских и латиноамериканских кинофильмов как объект языковой рефлексии / Т. А. Корнейчук // Актуальные вопросы современной филологии и

журналистики. — 2026. — № 1 (60). — С. 206–215. — DOI 10.36622/2587-9510.2026.60.1.025. — EDN QTMCPW.

7. Крюкова, И. В. Прагматика онима: направления исследований и методика анализа / И. В. Крюкова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2011. — № 8(62). — С. 139–143. — EDN OARSV.

8. Мазур, Л. Н. История России XX века в названиях населенных мест / Л. Н. Мазур // Вопросы ономастики. — 2011. — № 2(11). — С. 5–18. — EDN PGDZEB.

9. Матвеев, А. К. Топономастика и современность / А. К. Матвеев // Вопросы ономастики. — Свердловск : Изд-во Урал. гос. ун-та, 1974. — Вып. 8–9. — С. 4–14.

10. Матвеев, А. К. Тенденции и практики в современной российской урбономинации / А. К. Матвеев // Вопросы ономастики. — 2009. — № 7. — С. 100–105. — EDN TUWETZ.

11. Митин, И. И. Топонимический палимпсест: переименование как символическое (пере)конструирование пространства и места / И. И. Митин // Псковский региональный журнал. — 2021. — Т. 17. — № 4. — С. 73–83. — DOI 10.37490/S221979310016932-8. — EDN DKOXXH.

12. Остин, Дж. Л. Слово как действие / Дж. Л. Остин // Новое в зарубежной лингвистике. — Москва, 1986. — Вып. XVII : Теория речевых актов. — С. 22–130.

13. Петешова, О. В. Сравнительный анализ кампаний по переименованию населенных пунктов и улиц Калининградской области / О. В. Петешова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2026. — № 2 (508). — С. 20–27. — DOI 10.47475/1994-2796-2026-508-2-20-27. — EDN PEYWUY.

14. Серль, Дж. Р. Что такое речевой акт? Классификация иллокутивных актов / Дж. Р. Серль // Зарубежная лингвистика. Избранное / ред.-сост. В. Д. Мазо. — Москва : Прогресс, 1999. — Вып. 2 : Новое в лингвистике. Новое в зарубежной лингвистике. — С. 210–254. — ISBN 5-01-004653-9.

15. Сулейман, М. М. Средства прагматизации названий российских и британских телепередач / М. М. Сулейман // Филология и человек. — 2017. — № 4. — С. 171–177. — EDN ZWUTMV.

16. Vuolteenaho, J. Towards critical toponymies / J. Vuolteenaho, L. D. Berg // Critical toponymies. The contested politics of place naming. — Farnham, Burlington, VT, Ashgate, 2009. — P. 1–18.

REFERENCES

1. Antropov, O. O. (2008). Astrakhanskoye kazachestvo. Na perelome epokh = Astrakhan Cossacks. At the turn of eras. Moscow: Vechе, 410 p. ISBN 978-5-9533-2584-4.
2. Boykova, T. A. (2014). Intentsional'nost' imyanarecheniya v sopostavitel'nom aspekte (na materiale oprosa rossiyskikh i amerikanskikh informantov) = Intentionality of naming in a comparative aspect (based on a survey of Russian and American informants). *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*, 7(92), 52–56. EDN TALVAX.
3. Golomidova, M. V. (1998). Iskuststvennaya nominatsiya v onomastike = Artificial nomination in onomastics. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 232 p. ISBN 5-7186-0338-3. EDN UGDAAP.
4. Voroshilin, S. I. (2011). Toponimicheskiye voyny v mire — nasil'stvennaya smena toponimov vsledstviye voyn, revolyutsiy i kolonizatsii = Toponymic wars in the world — forced change of toponyms due to wars, revolutions and colonization. *Questions of General History*, 13, 80–98. EDN TRKBON.
5. Kalutskov, V. N. (2021). Izmeneniye geokul'turnogo prostanstva stran Blizhnego Zarubezh'ya v XX–XXI vv. (na materiale pereimenovaniya gorodov) = Changes in the geocultural space of the Near Abroad countries in the 20th–21st centuries (based on the renaming of cities). *Pskov Journal of Regional Studies*, 2, 99–116. DOI 10.37490/S221979310013684-5. EDN WJWGDW.
6. Korneychuk, T. A. (2026). Nazvaniya rossiyskikh i latinoamerikanskikh kinofil'mov kak ob'yekt yazykovoy refleksii = Names of Russian and Latin American movies as an object of linguistic reflection. *Current Issues in Modern Philology and Journalism*, 1(60), 206–215. DOI 10.36622/2587-9510.2026.60.1.025. EDN QTMCPW.
7. Kryukova, I. V. (2011). Pragmatika onima: napravleniya issledovaniya i metodika analiza = Pragmatics of theonym: direc-

tions of research and methods of analysis. *Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University*, 8(62), 139–142. EDN OOARSV.

8. Mazur, L. N. (2011). Istoriya Rossii XX veka v nazvaniyakh naselennykh mest = History of Russia of the 20th century in the names of inhabited places. *Issues of Onomastics*, 2(11), 5–18. EDN PGDZEB.

9. Matveyev, A. K. (1974). Toponomastika i sovremennost' = Toponomastics and modernity. *Issues of Onomastics*, 8-9, 4–14. Sverdlovsk: Ural State University Press.

10. Matveyev, A. K. (2009). Tendentsii i praktiki v sovremennoy urbonominatsii = Trends and practices in modern urbonomination. *Issues of Onomastics*, 7, 100–105. EDN TUWETZ.

11. Mitin, I. I. (2021). Toponimicheskiy palimpsest: pereimenovaniya kak simbolicheskoye (pere)konstruirovaniye prostranstva i mesta = Toponymic palimpsest: renamings as symbolic (re)construction of space and place]. *Pskov Journal of Regional Studies*, 17(4), 73–83. DOI 10.37490/S221979310016932-8. EDN DKOXHX.

12. Austin, J. L. (1986). Slovo kak deystviye = How to do things with words. *New in Foreign Linguistics. Issue XVII: Theory of Speech Acts*, 22–130. Moscow.

13. Peteshova, O. V. (2026). Sravnitel'nyy analiz kampaniy po pereimenovaniyu naselyonnykh punktov i ulits Kaliningradskoy oblasti = Comparative analysis of campaigns for renaming settlements and streets of the Kaliningrad Oblast. *Bulletin of the Chel-yabinsk State University*, 2(508), 20–27. DOI 10.47475/1994-2796-2026-508-2-20-27. EDN PEYWUY.

14. Searle, J. R. (1999). Chto takoye rechevoy akt? Klassifikatsiya illokutivnykh aktov = What is a speech act? A classification of illocutionary acts. *Foreign Linguistics. Issue 2*, 210–254. Moscow: Progress.

15. Suleyman, M. M. (2017). Sredstva pragmatizatsii nazvaniy rossiyskikh teleperedach = Means of pragmatization of Russian TV program names. *Philology and Man*, 4, 171–177.

16. Vuolteenaho, J., Berg, L. D. (2009). Towards critical toponymies. *Critical toponymies. The contested politics of place naming* (Eds. J. Vuolteenaho & L. D. Berg), 1–18. Farnham, Burlington, VT: Ashgate.

Политическая лингвистика. 2026. № 4 (118).
Political Linguistics. 2026. No 4 (118).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+81'27
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 19.41.41

Код ВАК 5.9.5; 5.9.9

Элла Германовна Куликова^{1✉}, Людмила Александровна Брусенская^{2✉}

¹ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия, kulikova_ella21@mail.ru[✉], SPIN-код: 6607-2130, <https://orcid.org/0000-0002-5305-8789>

² Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, brusenskaya_l@mail.ru[✉], SPIN-код: 4214-9385, <https://orcid.org/0000-0003-3044-7033>

Медиадискурс о событиях на Ближнем Востоке 2026 года: риторика и стилистика

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется отражение в российских медиа начавшейся 28 февраля 2026 года военной кампании США и Израиля против Ирана под названием «Эпическая ярость» (Epic fury). В анализируемых публикациях проявляются некоторые особенности медиатизации внешнеполитических конфликтов — интеграции политического пространства и медийной сферы. Медиатизация политики знаменует собой расширение доступа к политической информации для всего населения и интенциональное воздействие медиа на трансформацию значимых фрагментов в политическом сознании социума. Как показывают медийные материалы, в оценках действий США преобладает ироническая модальность — ироническая метафорика и иронические количественные оценки. Несмотря на растущее влияние социальных сетей, традиционные медиа как субъекты политических процессов сохраняют свою значимость для конструирования событий в медийном поле. Материалом статьи стали публикации в тиражных общероссийских газетах и популярные телевизионные ток-шоу (периода марта — апреля 2026 года), которые были проанализированы с помощью дескриптивного, когнитивно-семантического и дискурсивно-прагматического методов. Информация, подаваемая с нейтральных позиций, не характерна для современной политической аналитики: она применяет весь арсенал риторических и стилистических средств — метафорику, гиперболизацию, аллюзию, ироническую модальность и прямые инвективы, с помощью которых конструируется образ политической ситуации на Ближнем Востоке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика, политический дискурс, журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, российские СМИ, освещение событий, политическая конфликтология, медиатизация политики, информационная война, ирония, ироническая метафора, количественная оценка, военные конфликты, Ближний Восток.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Куликова Элла Германовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры массовых коммуникаций, филологический факультет, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия, email: kulikova_ella21@mail.ru.

Брусенская Людмила Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и культуры речи, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия, email: brusenskaya_l@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Куликова, Э. Г. Медиадискурс о событиях на Ближнем Востоке 2026 года: риторика и стилистика / Э. Г. Куликова, Л. А. Брусенская. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 4 (118). — С. 30-36.

Ella G. Kulikova^{1✉}, Ludmila A. Brusenskaya^{2✉}

¹ Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia, kulikova_ella21@mail.ru[✉], SPIN code: 6607-2130, <https://orcid.org/0000-0002-5305-8789>

² Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia, brusenskaya_l@mail.ru[✉], SPIN code: 4214-9385, <https://orcid.org/0000-0003-3044-7033>

Media Discourse about the Events in the Middle East in 2026: Rhetoric and Stylistics

ABSTRACT. The article studies the reflection of the military campaign, began by the United States and Israel against Iran on February 28, 2026, under the name Epic Fury, in Russian media. The publications under analysis reveal such specificity of mediatization of foreign policy conflicts as integration of political space and media sphere. The mediatization of politics signifies the expansion of access to political information for the entire population and the intentional influence of the media on the transformation of significant fragments in the political consciousness of society. The media materials show that an ironic modality — ironic metaphors and ironic quantitative evaluations — prevails in the evaluation of the U.S. actions. Despite the growing influence of social networks, traditional media retain their significance for shaping events in media space as subjects of political processes. The practical research material includes media texts in national newspapers and popular TV talk shows (from March to April 2026), analyzed using descriptive, cognitive-semantic, and discursive-pragmatic methods. Information from a neutral perspective is not typical for modern political analysis: it uses a full arsenal of rhetorical and stylistic means such as metaphor, hyperbole, allusion, ironic modality, and direct invectives, employed to construct the image of the political situation in the Middle East.

KEYWORDS: *political linguistics, political discourse, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, Russian media, event coverage, political conflictology, mediatization of politics, information warfare, irony, ironic metaphor, quantitative evaluation, military conflicts, Middle East.*

AUTHOR'S INFORMATION: Kulikova Ella Germanovna, Doctor of Philology, Professor at the Department of Mass Communications, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia, Moscow, Russia.

Brusenskaya Lyudmila Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of Department of the Russian Language and Speech Culture, Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia.

FOR CITATION: Kulikova E. G., Brusenskaya L. A. (2026). Media Discourse about the Events in the Middle East in 2026: Rhetoric and Stylistics. In *Political Linguistics*. No 4 (118), pp. 30-36. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Включенность журналистики в политические процессы вообще и информационная составляющая военных конфликтов в частности хорошо изучены в гуманитарных науках [Балакина 2025; Вартанова 2021; Гуреева 2021; Евдокимова 2022; Киреева 2025; Лабуш 2019; Маринович 2018¹; Пую 2023; Фёдорова 2018; Нерп 2020; Lüthje 2017 и др.]. Актуальным стало понятие медиатизации политики, то есть «процесса, вызванного воздействием медиа, которые из институции, отражающей жизнь, становятся фактором, определяющим существенные моменты жизни общества» [Шмелёва 2015: 145], «процесса интеграции политического пространства и медийной сферы»². Медиатизация политики знаменует собой расширение доступа к политической информации широкой массе людей и интенциональное воздействие медиа на трансформацию значимых фрагментов в политическом сознании социума. Медиатизация требует обращения ко всей системе риторических и стилистических средств для реализации эмотивности и формирования эмоционального фона, что повысит эффективность направленного воздействия на процесс восприятия адресатом информации.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Несмотря на растущее влияние социальных сетей, традиционные медиа как субъекты политических процессов сохраняют свою значимость для конструирования событий в медийном поле. Материалом статьи стали публикации в тиражных общероссийских газетах и популярные телевизион-

ные ток-шоу (периода марта — апреля 2026 года), которые были проанализированы с помощью дескриптивного, когнитивно-семантического и дискурсивно-прагматического методов.

ОБСУЖДЕНИЕ

Аксиомой стало утверждение о том, что современная политическая ситуация — это в первую очередь информационная война, имеющая целью «приобретение информационного превосходства»³; см. также [Алиев 2024]. Это превосходство обеспечивается комплексом ресурсов — аргументативной аналитикой и системой оценочных средств.

РФ заняла однозначно отрицательную позицию по отношению к военной эскалации на Ближнем Востоке, выступает за дипломатическое урегулирование конфликта, поддерживает суверенитет и законные интересы исламской республики, продолжает сотрудничество с Ираном. Есть полное осознание катастрофичности происходящего: «...страшный кистень ближневосточной войны раскручивается всё сильнее и калечит всё больше...» (И. Титов. Ормузский тупик // Завтра. 2026. 18 марта).

Как показывают наблюдения, российские тиражные медиа широко используют всю палитру пейоративных обозначений, связанных с действиями США в Персидском заливе, с политическими заявлениями Д. Трампа. Риторика в отношении Дональда Трампа сегодня мало отличается от той, которая применялась к Байдену на излете его президентского срока; ср. анализ многочисленных медийных примеров, акцентирующих старческую деменцию, маразм и неадекватность президента Байдена, в диссертации Н. М. Усенко⁴. Ср. также:

¹ Маринович, А. Н. Специфика медийного освещения современных политических процессов: на примере сирийского вооруженного конфликта : дис. ... канд. полит. наук / Маринович А. Н. — Екатеринбург, 2018. — 168 с. — EDN FQVIEI.

² Грибовод, Е. Г. Медиатизация политики как институционально-коммуникативный процесс и информационно-стратегический ресурс : дис. ... канд. полит. наук / Грибовод Е. Г. — Екатеринбург, 2017. — С. 3. — EDN ZCVSBH.

³ Муравлева, В. Р. Прагмалингвистические особенности коммуникативной ситуации «информационная война» : дис. ... канд. филол. наук / В. О. Муравлева — Москва, 2021. — 275 с. — EDN RRHCFE.

⁴ Усенко, Н. М. Социокогнитивные параметры трансформации языкового знака : дис. ... д-ра. филол. наук / Усенко Н. М. — Москва, 2026. — 383 с.

За внешней тупостью риторики американского президента скрывается сложнейшая транспортная операция по переброске войск и военной техники из США на Ближний Восток (А. Угланов. От Исфахана до Диканьки // Аргументы недели. 2026. 7–14 апреля).

В политическом ток-шоу на Первом канале «Большая игра» от 19 апреля 2026 года профессор Тегеранского университета М. Моранди прямо говорит **о психическом нездоровье Трампа**. Ср. также: *...свидетельства людей, вхожих в кулуары американской власти, которые описывают ужасающую картину душевного состояния их главного начальника. Речь идёт не просто о старческой неуклюжести, а о глубоких биологических маркерах деменции и системного заболевания. Собеседники из числа высокопоставленных финансистов транслируют пугающую деталь: от президента будто бы начал исходить специфический «запах болезни» (А. Угланов. Что будет после ядерного удара по Ирану // Аргументы недели. 2026. 24 марта);*

Президент-балабол во главе сверхдержавы низвёл репутацию и авторитет своей страны с её всё ещё могучим флотом, всё ещё мощной армией и всё ещё всепроникающей разведкой до масштабов собственных репутации и авторитета — то есть до образа ничтожного и бесильного взбалмошного старика без плана действий и, что куда хуже, без общих векторов поведения (И. Титов. Трюки Трампа // Завтра. 2026. 22 апреля);

...за всем этим потоком дури, в котором обычно щедрый на дурь американский президент превзошёл сам себя, очень плохо скрывалась растерянность, охватившая Вашингтон (И. Титов. Коготок увяз? // Завтра. 2026. 11 марта).

Как видим, события в Персидском заливе коренным образом повлияли на медийный образ Трампа. От эйфории, которая сопровождала первые месяцы второго президентства Трампа, не осталось и следа — преобладают критические, нередко язвительно-саркастические оценки. Напротив, представители Ирана рисуются вполне здравомыслящими:

Голосом осаждённой страны стал министр иностранных дел Аббас Аракчи: обаятельный немолодой мужчина умеренно восточной внешности регулярно даёт интервью западным телеканалам по видеосвязи, где предстаёт единственным вменяемым человеком в эфире (И. Титов. Каменный век // Завтра. 2026. 7 апреля).

РЕЗУЛЬТАТЫ

В текстах отечественных СМИ есть прямые указания на то, что события, достойные только иронии, представляются западными медиа как достижения и победы: *О том, как блестяще, бесподобно, гениально и шедевралью Вашингтон договорился о прекращении огня с Тегераном, рассказала не только «Завтра», но и большая пресса, которая (в отличие от нас) использовала эти насыпанные Дональдом эпитеты без тени иронии (И. Титов. Трюки Трампа // Завтра. 2026. 22 апреля).*

Как известно, ирония всегда имеет оценочный характер: она даёт оценку реалий — людей и событий — как не соответствующих принятой системе ценностей, причем делает это в высшей степени эмоционально и экспрессивно, например — с применением гиперболических номинаций:

Нехитрые попытки конструировать реальность в первые дни перестрелки выражались в регулярно вбрасываемых в глобальную прессу «новостях» о том, что саудиты решили атаковать Иран, что Пакистан нанёс персам удар в спину и что неслетные рати эмиратских шейхов пешком прошли по дну Персидского залива и вторглись в ту самую страну, что дала ему название. Разумеется, всё это было чушью (И. Титов. Коготок увяз? // Завтра. 2026. 11 марта). Ср. также:

...11 апреля глава Пентагона Хегсет сообщил, что в пролив вошли два американских военных судна для подготовки к разминированию. Вскоре, впрочем, оказалось, что до пролива они не дошли, никакой подготовки не вели, а, получив по радио персидское «кыш», дали по тапкам в сторону выхода и уплыли рассказывать о том, как освободили Персидский залив. <...> ...беседы прошли «в атмосфере недоверия», — и почему вдруг персы не доверяют стороне, регулярно убивающей переговорщиков оппонента? (И. Титов. Ормузский тупик // Завтра. 2026. 14 апреля);

Трамп накануне рассказал о том, что с Ираном ведутся переговоры (никаких подтверждений этого нет), а также в очередной, уже трудно подсчитать какой точно, раз заявил о победе. Примерно в это же время, кстати, побежденный Иран разнес FPV-дронами радар и вертолет «Апач» на американской военной базе в Ираке, а также весьма успешно бил ракетами по израильским городам, в том числе Тель-Авиву (Д. Попов. «Подойдите поближе»: почему Иран назвал переговоры с США «поражением Вашингтона» и диктует свои условия // Московский комсомолец. 2026. 25 марта).

По нашим наблюдениям, наиболее часто в публикациях о событиях в Персидском заливе обыгрывается несоответствие заявляемых сведений (о победе, уничтожении инфраструктуры, военной силы Ирана) реальному положению дел. Война с Ираном предполагалась как «маленькая и победоносная» (на неё изначально отводилось три дня), но «что-то пошло не так», и это противоречие легло в основу иронических количественных оценок:

Операция «на пару часов» растянулась на два-три дня — они превратились в неделю, неделя обещает затянуться дней на сто (по словам мрачно ошарашенного всей ситуацией госсекретаря Марко Рубио), а главы двух иницировавших кровопролитие государств уже прямым текстом обещают геноцид... (И. Титов. Коток увяз? // Завтра. 2026. 11 марта);

Трампа объявлял о победе над Ираном девять раз — данные приведены на 15 марта. К моменту выхода этого номера в печать и попадания его к читателю может добавиться ещё несколько окончательных побед. Заверения Трампа о том, что из Тегерана к нему рекой текут пока что не устраивающие его мирные предложения (очень тайные, так что он их вам не покажет), свидетельствуют о том, что укоренившаяся в регионе Америка по-прежнему держится когтями за пропитанный нефтью песок и что внимание пошедшего на принцип президента ещё не исчерпано (И. Титов. Ормузский капкан // Завтра. 2026. 18 марта);

Многokrатно победивший Иран Трамп опять передумал. Снова отложил сокрушительный удар по иранской энергетике — теперь до 6 апреля (Д. Попов. Иран хочет увидеть, какого цвета американская кровь: переговоры отвергнуты // Московский комсомолец. 2026. 29 марта); **Минул месяц и ещё чуть-чуть с начала операции «Тегеран за три дня»** (И. Титов. Тризна по трампизму // Завтра. 2026. 31 марта);

«Хезболла», которую, по заверениям сионистской глобальной прессы, **четырежды уничтожили в полном составе** посредством хитрейших операций с подрывом пейджеров и точнейших ракетных ударов, разносящих по полгорода за раз, никуда не делась, несмотря на все активно подогревавшиеся Тель-Авивом в том году конфликты между ней и ливанским правительством, вроде бы требовавшим немедленного разоружения группировки (И. Титов. Каменный век // Завтра. 2026. 7 апреля).

В. Соловьёв (ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьёвым» от 12 апреля 2026 года) воспроизводит воображаемый диалог

США и Ирана: США: «Мы вас победили 36 раз». Иран: «Серьёзно? А мы не заметили». Ср. также: *Но больше всего критики досталось европейским союзникам Америки. Про то, как на протяжении всех семи недель операции «Тегеран за три дня» Трамп неустанно критиковал отдельных европейцев, у нас рассказывалось постоянно: то на британского премьера Стармера наедет, обзывая того трусом, то Макрона оскорбит, обвиняя в слабости, то заругает испанского премьера Санчеса за отказ приютить американские самолёты* (И. Титов. Трюки Трампа // Завтра. 2026. 22 апреля);

Трампа уже победил в десяти войнах, только эти войны всё время возвращаются (слова В. Соловьёва в ток-шоу «Воскресный вечер с Владимиром Соловьёвым» 19 апреля 2026 г.). В этом же ток-шоу неделей позже (26 апреля 2026 года) генерал-лейтенант в отставке Е. П. Бужинский анализирует ситуацию так: **«Трампа заявил, что уничтожил флот Ирана, все 159 кораблей. Но у Ирана столько не было, было 130»**. Профессор А. А. Сидоров добавляет новую «краску»: **«Может быть, он посчитал и рыбацкие лодки»**.

Ср. также: *Если среди республиканцев, по уши завязших в иранском хаосе и пытающихся соорудить некое подобие успеха на фоне ежеминутных объявлений своего шефа об окончательной победе, и есть кто-то, приблизительно напоминающий победителя, то это — упомянутый вице-президент Вэнс* (И. Титов. Ормузский капкан // Завтра. 2026. 28 марта).

Явно преждевременные заявления Трампа об уничтожении вооружённых сил Ирана дают повод иронизировать таким образом: *...в ответ на нерешительные замечания дорогих союзников о том, что через Ормуз всё ещё не пройти — мешает «уничтоженный» иранский флот, — министр войны Пит Хегсет заявил, что ходить там абсолютно безопасно, однако сопровождать американские военные никого не будут, потому что персы могут их обстрелять* (И. Титов. Ормузский капкан // Завтра. 2026. 28 марта).

Все уничтожили на 100%, оставшийся ноль процентов наносит удары по Израилю (там же). Как видим, с помощью иронической количественной оценки (которая в стандартном проявлении относится к типу интеллектуальных оценок, противопоставленных оценкам эмоциональным) осуществляется беспощадное (для США) переосмысление сути происходящего.

Характерны заголовки статей политического аналитика газеты «Завтра», посвя-

щенных войне в Персидском заливе: «Кого-ток увяз?» (начало пословицы «Кого-ток увяз — всей птичке пропасть»), «Ормузский тупик», «Ормузский капкан», «Трюки Трампа», «Пробитое дно» (выражение используется для описания всё ухудшающейся ситуации), «Каменный век» (министр войны Хегсет грозил вбомбить Иран в каменный век), «Союз Эпштейна проиграл блицкриг», «Маразм гегемона». Или ср. лид статьи Д. Попова: «Как объявить о победе, если вас вынудили отползти: мастер-класс от Трампа» (Московский комсомолец. 2026. 1 апреля). То есть события на Ближнем Востоке однозначно оцениваются как провал политики США и поражение Трампа.

Поскольку приоритет сегодня принадлежит не информирующим, фактологическим жанрам, а жанрам оценочным, значительное место в представлении политических событий занимают иронические метафоры, аллюзии и реминисценции:

За всем накалом драмы ни у кого не возникло мысли о том, был ли вообще мальчик — сбивали ли персы самолёт, теряли ли в иранской пустыне пилота и штурмана и не снято ли всё это на американском «Мосфильме». И вот за историями героического превозмогания как бы теряются вопросы о том, что же вообще делал американский самолёт в небе страны, которой никто не объявлял войну, точно ли всё идёт так гладко, и сколько ещё таких самоотверженных подвигов принесёт эскалация конфликта — эскалация, в которой «Нью-Йорк таймс», разумеется, обвинила Иран (потому что совсем оборзели сбивать самолёты, мирно летевшие бомбить электростанции) (И. Титов. Каменный век // Завтра. 2026. 7 апреля);

Персы поступают в лучших традициях ближневосточной казуистики: формально пролив не закрыт, а заявление КСИР о его перекрытии было в первый же день отозвано. Тем не менее редкое судно дойдёт до середины Ормуза: периодические атаки на принадлежащие американским конторам танкеры и взлетевшая стоимость страховки надёжно отпугивают потенциальных любителей прибыли (И. Титов. Ормузский капкан // Завтра. 2026. 18 марта);

Заверения Трампа о том, что из Тегерана к нему рекой текут пока что не устраивающие его мирные предложения (очень тайные, так что он их вам не покажет), свидетельствуют о том, что укоренившаяся в регионе Америка по-прежнему держится когтями за пропитанный нефтью песок и что внимание

пошедшего на принцип президента ещё не исчерпано. ...разговоры про блокаду «Ормуза» продолжались уже на внутриамериканском контуре информационного пространства в виде сладких мечтаний о том, как Америка будет сидеть и пановать, а вареники от проходящих мимо танкеров будут сами прыгать в рот (И. Титов. Ормузский тупик // Завтра. 2026. 14 апреля).

Реминисценция, в отличие от аллюзии, представляет собой «неявное цитирование, едва уловимый след присутствия в произведении идей автора-предшественника» [Рябко 2021: 2514], как в случае с фразой «редкое судно дойдёт до середины Ормуза» (ср. гоголевское «редкая птица долетит до середины Днепра»). В последнем примере (вареники от проходящих танкеров) реминисценция позволяет соотнести далекие друг от друга «картинки» — современные события на Ближнем Востоке и гоголевскую фантастику из «Вечеров на хуторе близ Диканьки». Помимо стилистического обогащения текстов, такие приемы выполняют важные прагматические функции, оказывая влияние на восприятие информации аудиторией [Горбань 2024: 144–145; см. также: Солодилова 2023].

Яркой пейоративностью обладают анималистические метафоры и сравнения:

Америка как бульдог, если вцепился в палец, то не успокоится, пока не доберется до горла (Слова В. Соловьёва в ток-шоу «Вечер с Владимиром Соловьёвым», 12 апреля 2026 г.).

Частотный прием — антономазия на основе имен политических деятелей США, которая по сути является разновидностью иронической метафоры:

...волны имитации бурной деятельности всякими Кушнерами-Дрисколлами-Уиткоффами... Вне зависимости от попыток списать всю затею на происки подлых Нетаньяху, Грэмов, Хегсетов и даже Рубио (а самый вменяемый человек в Вашингтоне не может не оказаться крайним), первая неделя слишком громких воплей белоголового орлана из Белого дома ясно даёт понять, что так просто слиться не получится — коготок увяз (И. Титов. Кого-ток увяз? // Завтра. 2026. 11 марта).

Интересно, что события на Ближнем Востоке нашли отражение в такой специфической форме, как анекдот; ср. тексты, опубликованные в рубрике «Анекдоты» в «Комсомольской правде»:

Редкий танкер доплывёт до середины Ормузского пролива» (Комсомольская правда. 2026. 25 марта);

Один ушлый танкер всё-таки прошёл Ормузский пролив со словами «мне только спросить...» (Комсомольская правда. 2026. 21 апреля).

Последнее обстоятельство доказывает не только актуальность соответствующей информации, но также и доминирование иронической модальности в оценке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проанализированный материал подтверждает известный тезис об экспансии иронии в современном медийном дискурсе, а также о приемлемости иронии в политической аналитике, для которой сегодня характерна игра смыслами, имитация реальности в ироническом контексте, неприятие стандартов и стереотипов, интертекстуальность (аллюзивность) и ориентация на косвенную ироническую оценку событий и персоналий. Всё это делает медиа инструментом познания объективной реальности и транслятором оценочного дискурса. Информация с нейтральных позиций не характерна для современной политической аналитики. Напротив, она применяет весь арсенал риторических и стилистических средств — метафорику, гиперболлизацию, аллюзию, ироническую модальность и прямые инвективы, с помощью которых конструируется образ новой войны на Ближнем Востоке.

ИСТОЧНИКИ

1. Вечер с Владимиром Соловьевым, 12 апреля 2026 г. — URL: https://vkvideo.ru/video-229182936_456241428 (дата обращения: 14.08.2025).
2. Один ушлый танкер всё-таки прошёл Ормузский пролив со словами «мне только спросить» // Комсомольская правда. — 2026. — 21 апр. — С. 16.
3. Попов, Д. «Подойдите поближе»: почему Иран назвал переговоры с США «поражением Вашингтона» и диктует свои условия / Д. Попов // Московский комсомолец. — 2026. — 25 марта. — URL: <https://www.mk.ru/politics/2026/03/25/podoydite-poblizhe-pochemu-iran-nazval-peregovory-s-ssha-porazheniem-vashingtona-i-diktuet-svoi-usloviya.html> (дата обращения: 12.08.2026).
4. Попов, Д. Трамп объявил о победе над Ираном, пока Тегеран унижает армию США, раскалывает НАТО и зарабатывает на нефти / Д. Попов // Московский комсомолец. — 2026. — 1 апр. — URL: <https://www.mk.ru/politics/2026/04/01/tramp-obyavil-o-pobede-nad-iranom-poka-tegeran-unizhaet-armiyu-ssha-ras-kalyvaet-nato-i-zarabatyvaet-na-nefti.html> (дата обращения: 12.08.2026).
5. Редкий танкер доплывёт до середины Ормузского пролива // Комсомольская правда. — 2026. — 25 марта. — С. 16.
6. Титов, И. Коготок увяз? / И. Титов // Завтра. — 2026. — 11 марта. — URL: https://zavtra.ru/blogs/kogotok_uvyaz (дата обращения: 12.08.2026).
7. Титов, И. Ормузский тупик / И. Титов // Завтра. — 2026. — 18 марта. — URL: https://zavtra.ru/blogs/ormuzskij_tupik (дата обращения: 12.08.2026).
8. Титов, И. Ормузский капкан / И. Титов // Завтра. — 2026. — 28 марта. — URL: https://zavtra.ru/blogs/ormuzskij_kapkan (дата обращения: 12.08.2026).
9. Титов, И. Тризна по трампизму / И. Титов // Завтра. — 2026. — 31 марта. — URL: https://vk.ru/wall-32969466_237923 (дата обращения: 12.08.2026).

10. Титов, И. Каменный век / И. Титов // Завтра. — 2026. — 7 апр. — URL: https://zavtra.ru/blogs/kamennij_vek (дата обращения: 12.08.2026).

11. Титов, И. Трюки Трампа / И. Титов // Завтра. — 2026. — 22 апр. — URL: https://zavtra.ru/blogs/titov_16_26 (дата обращения: 12.08.2026).

12. Угланов, А. Что будет после ядерного удара по Ирану / А. Угланов // Аргументы недели. — 2026. — 24 марта. — URL: <https://argumenti.ru/society/2026/03/991318> (дата обращения: 12.08.2026).

13. Угланов, А. От Исфахана до Диканьки / А. Угланов // Аргументы недели. — 2026. — 7–14 апр. — URL: <https://argumenti.ru/society/2026/04/992934> (дата обращения: 12.08.2026).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алиев, Д. Ф. Гибридная война в контексте информационного противостояния / Д. В. Алиев // Наука. Культура. Общество. — 2024. — Т. 30. — № 4. — С. 8–20. — DOI 10.19181/nko.2024.30.4.1. — EDN JEZBRE.
2. Балакина, Ю. В. Медийное сопровождение военно-политических кризисов / Ю. В. Балакина // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. — 2025. — № 2 (44). — С. 249–260. — DOI 10.52575/2712-7451-2025-44-2-249-260. — EDN AOFFBD.
3. Вартакова, Е. Л. Медиа и конфликты: исследование взаимодействия в актуальном академическом дискурсе / Е. Л. Вартакова, Д. В. Дунас, А. А. Гладкова // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. — 2021. — № 4. — С. 3–32. — DOI 10.30547/vestnik.journ.4.2021.332. — EDN PLANZI.
4. Горбань, П. В. Функциональные аспекты иронии и сарказма в авторских Telegram-каналах военных корреспондентов / П. В. Горбань // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 144–155. — EDN IOXQQR.
5. Гуреева, А. Н. Концептуализация феномена медиатизации политики: основные теоретические подходы / А. Н. Гуреева, В. С. Кузнецова // Вопросы теории и практики журналистики. — 2021. — Т. 10. — № 1. — С. 191–205. — DOI 10.17150/2308-6203.2021.10(1).191-205. — EDN KEQXJJ.
6. Евдокимов, В. А. Функционирование массмедиа в условиях политических конфликтов / В. А. Евдокимов // Наука о человеке: гуманитарные исследования. — 2022. — Т. 16. — № 1. — С. 92–103. — DOI 10.17238/issn1998-5320.2022.16.1. — EDN HVACSM.
7. Киреева, О. Ф. Медиатизация политического пространства: проблемы инклюзивности новых медиа / О. Ф. Киреева, Э. Т. Квернадзе // Коммуникология. — 2025. — № 3 (13). — С. 168–175. — DOI 10.21453/2311-3065-2025-13-3-168-175. — EDN NHMWDC.
8. Лабуш, Н. С. Медиатизация политики: объективные основания и субъективный фактор / Н. С. Лабуш // Журналистика. — 2019: состояние, проблемы и перспективы : материалы 21-й Междунар. науч.-практ. конф., Минск (Минск, 14–15 ноября 2019 г.). — С. 53–57. — EDN SOSDOO.
9. Пую, А. С. Медиатизация политики: в поиске новых исследовательских подходов / А. С. Пую // Меди@льманах. — 2023. — № 3 (114). — С. 54–58. — DOI 10.30547/mediaalmanah.1.2023.5458. — EDN VGDPGP.
10. Рябко, Е. И. Реминисценция как смыслообразующий компонент кинотекста и текста киноперевода (на материале англоязычного сериала “Once Upon a Time” / “Однажды в сказке” и его перевода) / Е. И. Рябко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — Т. 14. — № 2. — С. 2512–2517. — DOI 10.30853/phil210369. — EDN SOTFHR.
11. Солодилова, И. А. Ирония в политических дебатах: функциональная когерентность / И. А. Солодилова // Теоретическая и прикладная лингвистика. — 2023. — Вып. 9. — № 4. — С. 124–135. — DOI 10.22250/24107190_2023_9_4_124. — EDN ZEDZAK.
12. Федорова, Е. В. Медиатизация как важный ресурс современного политического процесса, направленный на адаптацию политических субъектов к новым формам массовых коммуникаций / Е. В. Федорова // Вестник Евразийской науки. — 2018. — № 3. — URL: <https://esj.today/PDF/14ECVN318.pdf> (дата обращения: 22.04.2024). — EDN XWXQYN.
13. Шмелёва, Т. В. Медиатизация как феномен современной культуры и объект исследования / Т. В. Шмелёва // Вестник

Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. — 2015. — № 7 (90). — С. 145–148. — EDN VLCHTT.

14. Lüthje, C. Field-specific mediatization: Testing the combination of social theory and mediatization theory using the example of scientific communication / C. Lüthje // *Mediatization Studies*. — 2017. — Vol. 1 (1). — P. 45–67. — DOI 10.17951/ms.2017.1.45.

15. Hepp, A. *Deep Mediatization* / A. Hepp. — New York : Routledge, 2020. — 237 p. — ISBN 978-1-138-02498-4 (hbk).

MATERIALS

1. Vecher s Vladimirom Solov'evym (2026). Vecher s Vladimirom Solov'evym 12 aprelya 2026 g. = An evening with Vladimir Solovyov from April 12, 2026 Available at Aug. 14, 2026 from https://vkvideo.ru/video-229182936_456241428.

2. Komsomol'skaya pravda (2026, 21 Apr.). Odin ushlyi tanker vse-taki proshel Ormuzskii proliv so slovami «mne tol'ko sprosit' = One cunning tanker still managed to pass through the Strait of Hormuz, saying, “I just need to ask”.

3. Popov, D. (2026) “Podoidite poblizhe”: pochemu Iran nazval peregovory s SSHA “porazheniem Vashingtona” i diktuet svoi usloviya = “Come closer”: why Iran called the negotiations with the US a “defeat for Washington” and is dictating its terms. *Moskovskii komsomolets*. March 25. Available at Aug. 12, 2026 from <https://www.mk.ru/politics/2026/03/25/podoydite-poblizhe-poche-mu-iran-nazval-peregovory-s-ssha-porazheniem-vashingtona-i-di-ktuet-svoi-usloviya.html>.

4. Popov, D. (2026) Tramp ob'yavil o pobede nad Iranom, poka Tegeran unizhaet armiyu SSHA, raskalyvaet NATO i zarabatyvaet na nefi = Trump announced a victory over Iran while Tehran is humiliating the US military, splitting NATO, and profiting from oil. *Moskovskii komsomolets*. April 1. Available at Aug. 12, 2026 from <https://www.mk.ru/politics/2026/04/01/tramp-ob-yavil-o-pobede-nad-iranom-poka-tegeran-unizhaet-armiyu-ssha-raskalyvaet-nato-i-zarabatyvaet-na-nefti.html>.

5. Komsomol'skaya pravda (2026, 25 March). Redkii tanker doplyvet do serediny Ormuzskogo proliva = A rare tanker will make it to the middle of the Strait of Hormuz.

6. Titov, I. (2026, 11 March) Kogotok uvyaz? = Is the claw stuck? *Zavtra*. Available at Aug. 12, 2026 from https://zavtra.ru/blogs/kogotok_uvyaz.

7. Titov, I. (2026, 18 March) Ormuzskii tupik = Hormuz dead end. *Zavtra*. Available at Aug. 12, 2026 from https://zavtra.ru/blogs/ormuzskij_tupik.

8. Titov, I. (2026, 28 March). Ormuzskiy kapkan = The Hormuz Trap. *Zavtra*. Available at Aug. 12, 2026 from https://zavtra.ru/blogs/ormuzskij_kapkan.

9. Titov, I. (2026, 31 March). Trizna po trampizmu = A Tribute to Trumpism. *Zavtra*. Available at Aug. 12, 2026 from https://vk.ru/wall-32969466_237923.

10. Titov, I. (2026, 7 Apr.). Kamennyy vek = The Stone Age. *Zavtra*. Available at Aug. 12, 2026 from https://zavtra.ru/blogs/kamennij_vek.

11. Titov, I. (2026, 22 Apr.). Tryuki Trampa = Trump's Tricks. *Zavtra*. Available at Aug. 12, 2026 from https://zavtra.ru/blogs/titov_16_26.

12. Uglanov, A. (2026, 7–14 Apr.). Chto budet posle yadernogo udara po Iranu = What will happen after a nuclear strike on Iran? *Zavtra*. Available at Aug. 12, 2026 from <https://argumenti.ru/society/2026/03/991318>.

13. Uglanov, A. (2026, 24 March). Ot Isfakhana do Dikan'ki = From Isfahan to Dikanka. *Zavtra*. Available at Aug. 12, 2026 from https://zavtra.ru/blogs/ormuzskij_tupik.

REFERENCES

1. Aliev, D. F. (2024). Gibrnaya voina v kontekste informatsionnogo protivostoyaniya = Hybrid warfare in the context of information warfare. *Science. Culture. Society*, 30(4), 8–20.

2. Balakina, Yu. V. (2025). Mediinoe soprovozhdenie voenno-politicheskikh krizisov = [Media coverage of military-political crises. *Issues of Journalism, Pedagogy, and Linguistics*, 2(44), 249–260.

3. Vartanova, E. L., Dunas, D. V., Gladkova, A. A. (2021). Media i konflikty: issledovanie vzaimovliyaniya v aktual'nom akademicheskome diskurse = Media and conflicts: a study of mutual influence in contemporary academic discourse. *Bulletin of Moscow University. Serie 10. Journalism*, 4, 3–32.

4. Gorban, P. V. (2024). Funktsional'nye aspekty ironii i sarkazma v avtorskikh Telegram-kanalakh voennykh korrespondentov = The functional aspects of irony and sarcasm in the Telegram channels of military correspondents. *Political Linguistics*, 4(106), 144–1551.

5. Gureeva, A. N., Kuznetsova, V. S. (2021). Kontseptualizatsiya fenomena mediatizatsii politiki: osnovnye teoreticheskie podkhody = Conceptualizing the phenomenon of the mediatization of politics: main theoretical approaches. *Issues of Theory and Practice of Journalism*, 10(1), 191–205.

6. Evdokimov, V. A. (2022). Funktsionirovanie massmedia v usloviyakh politicheskikh konfliktov = The functioning of mass media in the context of political conflicts. *Science of Man: Humanitarian Research*, 16(1), 92–103.

7. Kireeva, O. F., Kvernadze, E. T. (2025). Mediatizatsiya politicheskogo prostranstva: problemy inkluzivnosti novykh media = The mediatization of the political space: challenges to the inclusivity of new media. *Communicology*, 3(13), 168–175.

8. Labush, N. S. (2019). Mediatizatsiya politiki: ob'ektivnye osnovaniya i sub'ektivnyi faktor = The mediatization of politics: objective grounds and subjective factors. *Journalism*. — 2019: state, problems and prospects. *Materials of the 21st International Scientific and Practical Conference*, Minsk (Minsk, November 14–15, 2019), 53–57. Minsk.

9. Puyu, A. S. (2023). Mediatizatsiya politiki: v poiske novykh issledovatel'skikh podkhodov = The mediatization of politics: in search of new research approaches. *Medi@l'manakh*, 1(14), 54–58.

10. Ryabko, E. I. (2021). Reministsentsiya kak smysloobrazuyushchii komponent kinoteksta i teksta kinoperevoda (na materiale angloyazychnogo seriala “Once Upon a Time” / «Odnazhdy v skazke» i ego perevoda) = Reminiscence as a meaning-forming component of film text and film translation text (based on the English-language series “Once Upon a Time” / “Once Upon a Fairy Tale” and its translation). *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, 20(14), 2512–2517.

11. Solodilova, I. A. (2023). Ironiya v politicheskikh debatakh: funktsional'naya kogerentnost' = Irony in political debates: functional coherence. *Theoretical and Applied Linguistics. Study of Art*, 9(4), 124–135.

12. Fedorova, E. V. (2018). Mediatizatsiya kak vazhnyi resurs sovremennogo politicheskogo protsesssa, napravlennyi na adaptatsiyu politicheskikh sub'ektov k novym formam massovykh kommunikatsii = Mediatization as an important resource of the modern political process, aimed at adapting political actors to new forms of mass communication. *Bulletin of Eurasian Science*, 3. Available at Aug. 14, 2026 from <https://esj.today/PDF/14ECVN318.pdf>.

13. Shmelyova, T. V. (2015). Mediatizatsiya kak fenomen sovremennoi kul'tury i ob'ekt issledovaniya = Mediatization as a phenomenon of modern culture and an object of study. *Bulletin of Yaroslav the Wise Novgorod State University*, 7(90), 145–148.

14. Lüthje, C. (2017). Field-specific mediatization: Testing the combination of social theory and mediatization theory using the example of scientific communication. *Mediatization Studies*, 1(1), 45–67.

15. Hepp, A. (2020). *Deep Mediatization*. New York: Routledge, 237 p. ISBN 978-1-138-02498-4 (hbk).

Политическая лингвистика. 2026. № 4 (118).
Political Linguistics. 2026. No 4 (118).

УДК 811.111'42+811.111'38+811.111'373+81'27
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55+Ш100.621+Ш143.21-3

ГРНТИ 16.21.51

Код ВАК 5.9.6; 5.9.8

Марина Юрьевна Рябова

Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия, mriabova@inbox.ru, SPIN-код: 2543-4870,
<https://orcid.org/0000-0003-2288-7098>

Неолексика как отражение политических идеологем современного англоязычного политического дискурса

АННОТАЦИЯ. Современная политическая коммуникация в сфере англоязычного медиадискурса представляет обширный материал языковых номинаций, отражающих новую политическую и идеологическую реальность, осмысление и описание которой с лингвопрагматической точки зрения является сегодня актуальной лингвистической задачей. Цель данного исследования — выявить и описать на материале современного английского языка лингвистические способы образования неолексика как отражения идеологем современного политического дискурса. Материалом исследования послужили тексты современных англоязычных СМИ, таких как «The New York Times», «Unherd», «Spectator», «The American Conservative» и др., откуда методом сплошной выборки был получен корпус обследованных современных номинаций — политических неологизмов. Методы исследования включают семантический, контекстуальный и словообразовательный анализ, метод ретроспекции и лингвистического описания. В результате проведенного исследования было установлено, что образование новых политических номинаций и их лексикализация возможны в языке на основе существующих словообразовательных моделей, наиболее продуктивной из которых, вероятно, является модель семантизации, или метафорический сдвиг, включая такие способы, как переосмысление и расширение значения слова. Практическая значимость настоящего исследования обусловлена возможностью использования его результатов на материале других языков и типов дискурса для осмысления закономерностей образования неолексика как отражения новой политической реальности. Научная новизна данного исследования состоит в выявлении новых лексических номинаций, репрезентирующих политические идеологемы современной политической коммуникации, описании словообразовательного механизма неологизации и установлении аксиологической роли политических неологизмов в медиадискурсе политики. Политические неологизмы как результат взаимодействия языка и объективного мира позволяют определить перспективу развития современной политической ситуации, так как выражаемые ими идеологемы актуализируют определенную идеологическую позицию, являясь эффективным средством формирования семиотической категории оценки и интертекстуальности, которые связаны с отражением, формированием и кодированием социальных и смысловых отношений между участниками дискурса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика, политический дискурс, журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, англоязычные СМИ, политическая идеология, идеологемы, политические неологизмы, политическая коммуникация, лексическая номинация, словообразовательная модель, лексикология английского языка, неолексика.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Рябова Марина Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия, email: mriabova@inbox.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Рябова, М. Ю. Неолексика как отражение политических идеологем современного англоязычного политического дискурса / М. Ю. Рябова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 4 (118). — С. 37-44.

Marina Yu. Ryabova

Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, mriabova@inbox.ru, SPIN code: 2543-4870, <https://orcid.org/0000-0003-2288-7098>

Neologisms as a Reflection of Political Ideologemes of Contemporary English-Language Political Discourse

ABSTRACT. Contemporary political communication in the sphere of the English-language media discourse contains a vast array of linguistic nominations reflecting the new political and ideological reality. The attempts to understand and describe this reality from a linguopragmatic perspective present an urgent linguistic challenge. The aim of this study is to identify and describe the linguistic methods of forming neologisms as a reflection of ideologemes of the contemporary political discourse in English. The practical research material includes texts from contemporary English-language media, such as The New York Times, UnHerd, The Spectator, The American Conservative, and others, from which a corpus of political neologisms (new nominations) was obtained using the continuous sampling method. The research methods rely on semantic, contextual, and word-formation analyses, the method of retrospection, and the method of linguistic description. The analysis has revealed that the formation of new political nominations and their lexicalization are possible in the language on the basis of the existing word-formation models, the most productive of which might be the semantization model or metaphorical shift, including such mechanisms as semantic reinterpretation and semantic expansion. The practical significance of this study lies in the possibility of applying its results to other languages and types of discourse to understand the formation patterns of

neologisms as a reflection of new political reality. The scientific novelty of this study consists in the identification of new lexical nominations representing the ideologemes of modern political communication, the description of the word-formation mechanism of neologization, and the discovery of the axiological role of political neologisms in political media discourse. Political neologisms, as a result of the interaction between language and the objective world, allow determining the prospects for the development of the current political situation, since the ideologemes they express actualize a certain ideological position, serving as an effective means of formation of the semiotic category of evaluation and intertextuality, which are associated with the reflection, formation, and encoding of social and semantic relations between discourse participants.

KEYWORDS: *political linguistics, political discourse, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, English-language media, political ideology, ideologemes, political neologisms, political communication, lexical nomination, word formation model, English lexicology, neologisms.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Ryabova Marina Yur'evna, Doctor of Philology, Professor, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia.*

FOR CITATION: *Ryabova M. Yu. (2026). Neologisms as a Reflection of Political Ideologemes of Contemporary English-Language Political Discourse. In Political Linguistics. No 4 (118), pp. 37-44. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Политический дискурс представляет собой, по общему мнению [Шейгал 2004; Скачкова 2021; Демьянков 2002; Чудинов 2013; Карасик 2000], использование языка в социально-политической сфере, это вся совокупность речевых актов, текстов (выступления, интервью, статьи) и коммуникативных ситуаций, направленных на борьбу за власть, ее удержание и влияние на общественное мнение. Он объединяет дискурс политиков и реакцию общества, являясь инструментом идеологического воздействия. Основная цель политического дискурса — формирование мнений и оценок, политических взглядов и определенных идеологических установок, необходимых для удержания или захвата власти в обществе. Предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы внушить адресату необходимость «политически правильных» действий и оценок, убедить или побудить к желаемому действию [Демьянков 2002], что и определяет эффективность дискурса.

Идеологические мнения и оценки реализуются посредством формирования неких аксиологических суждений, представленных в виде так называемых идеологем, которые актуализируются в форме ключевого слова, фразы или выражения, содержащих специфический идеологический смысл и обозначающих интересы определенной социальной группы, класса или государства. Современный политический дискурс, как зеркало идеологической войны, предоставляет обширный материал для исследования лингвистического механизма формирования и означивания новых политических идеологем, для выражения которых могут использоваться средства неологизации, исследование механизмов образования которых представляется актуальной задачей лингвистики. Таким образом, целью настоящего исследования является анализ механизма неологизации как средства выражения политических

идеологем в современном медиадискурсе англоязычных СМИ. Задачи исследования включают: установление текстовых единиц, номинирующих идеологемы; семантико-стилистический и дискурсивный анализ данных единиц в коммуникативной стратегии политдискурса; когнитивно-семантическую интерпретацию неолексиксы.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

В настоящем исследовании описание и анализ функционирования неониминаций современной политической коммуникации проводится на материале текстов ведущих англоязычных СМИ, таких как «The New York Times», «Unherd», «Spectator», «The American Conservative» и др., отражающих политико-идеологическую ситуацию в мире, что позволяет зафиксировать появление новых идеологем и описать механизмы их лингвистической репрезентации. В качестве методов научного исследования использовались метод сплошной выборки, семантический, контекстуальный и словообразовательный анализы, метод ретроспекции и лингвистического описания.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

1. Понятия идеологемы и неологизма

Идеологема служит для управления массовым сознанием, маркируя ценности (позитивно или негативно), легко запоминается и часто используется в целях продвижения соответствующей идеологии. По определению Ю. Кристевой, идеологема есть интертекстуальная функция, придающая тексту социальные и исторические координаты, связывающая текст с прочими практиками означивания, составляющими его культурное пространство. Функция идеологемы текста — представлять в концентрированном виде господствующий способ мышления [Кристева 2004: 83]. Ю. Кристева понимает идеологему как процедуру семиозиса текста: «...the concept of text as ideologeme determines the

very procedure of a semiotics that, by studying the text as intertextuality, considers it as such within (the text of) society and history. The ideologeme of a text is the focus where knowing rationality grasps the transformation of utterances (to which the text is irreducible) into a totality (the text) as well as the insertion of this totality into historic and social text» (пер.: «Концепция текста как идеологемы определяет саму процедуру семиотики, которая, изучая текст как интертекстуальность, рассматривает его как таковой в рамках (текста) общества и истории. Идеологема текста — это фокус, в котором познающая рациональность постигает трансформацию высказываний (к которым текст несводим) в целостность (текст), а также встраивание этой целостности в исторический и социальный текст»; здесь и далее перевод наш. — М. Р.) [Kristeva 2012: 37]. Таким образом, идеологема придает тексту исторические и социальные координаты.

Идеологема воплощает основную мысль, наиболее полно выражающую содержание той или иной системы взглядов¹. Политическая идеологема — это, как правило, высказывание, слово, номинация, которая отсылает к определенному политико-идеологическому дискурсу. С точки зрения авторов Нового дипломатического словаря, идеологема выступает политической и медийной универсалией, формирует и закрепляет мировоззренческие ориентиры².

Политические идеологемы транслируют основные концептуальные сущности и распространяют в обществе определенные политические установки. Основная функция идеологемы — целенаправленное воздействие на сознание адресата³.

По мнению А. А. Карамовой, отличительной чертой политического дискурса является идеологичность, средством репрезентации которой является идеологема, представляющая собой лексическую единицу, в значение которой входит идеологический компонент [Карамова 2015]. С точки зрения Е. Г. Малышевой, идеологема — это когнитивная универсалия, единица идеологической картины мира, которая объективируется в тексте языковыми единицами разных уровней. Идеологема может репрезентироваться такими номинациями, в значениях которых заключены идеологически маркированные признаки, относящиеся к власти,

государству, нации, политическим и идеологическим институтам [Малышева 2019].

Структура идеологемы основывается на фундаментальных оппозициях: свой — чужой, старое — новое, друг — враг [Дейк 1989; Dijk 1982]. Другими словами, идеологема нацелена на то, чтобы выразить ту или иную идеологию. Идеологема всегда маркирована, то есть эмоционально окрашена. Целенаправленное использование идеологем является эффективным средством управления массовым сознанием, поскольку идеологема легко запоминается и создает иллюзию понимания у объекта манипуляции. Отличительным признаком идеологемы считается изменение значений либо их расплывчатость. Этот механизм изменения значений и обновления смыслов номинаций является средством формирования политических идеологем [Иванов, Катышев 2023].

Таким образом, можно заключить, что в целях объективации идеологем в языке используется механизм создания новых вербальных номинаций, т. е. процесс неологизации. Новые слова и выражения при этом призваны не только обозначить новый идеологический смысл и новый политический аспект, но и подчеркнуть его эмоциональную привлекательность или неприятие, дать позитивную или негативную оценку, повысить экспрессивность высказывания в целом, обратить внимание адресата и удержать интерес к содержанию политического дискурса [Рябова, Каруковец 2026]. Соответственно, неология является одним из средств повышения политического накала, пламенности, эффективности и полемичности идеологического дискурса. Так, В. З. Демьянков отмечал, что полемичность политической речи — своеобразная театрализованная агрессия, направленная на внушение отрицательного отношения к противникам говорящего, на навязывание иных ценностей и оценок [Демьянков 2002].

Современный политический дискурс, представленный публикациями международных СМИ, может служить материалом для иллюстрации различных механизмов образования новых номинаций, используемых для выражения тех или иных политических идеологем, так как именно неологизмы и выполняют данную функцию. И. Р. Гальперин отмечает, что функция неологизма заключается в раскрытии дополнительной характерной черты явления, которая появляется в таком стиле речи, где больше всего отражается пульсация общественной жизни народа, говорящего на данном языке, а именно в публицистическом стиле. В значениях политических неологизмов устанавливаются

¹ Карта слов и выражений русского языка // Картослов.Ру. — URL: <https://kartaslov.ru/> (дата обращения: 25.02.2026).

^{2,3} Идеологема. Новый дипломатический словарь. — URL: <http://diplomaticdictionary.com/dictionary> (дата обращения: 25.02.2026).

связи с определенными событиями и фактами политической жизни общества в конкретный период его развития [Гальперин 2011: 80].

Современная международная политика, характеризующаяся острым накалом политической борьбы, представленной как «холодными», так и горячими войнами, агрессией, конфликтами, разного рода санкциями и рестрикциями, существует в круговороте разнообразных идеологий и маркирующих их идеологем, что приводит к необходимости создания номинаций, выражающих данные смыслы, оценки и ценности.

2. Политические неологизмы

Способы образования неологизмов и политических неологизмов в частности исследовались в работах И. Р. Гальперина [Гальперин 2011]; Н. И. Коноваловой [Коновалова 2025]; Ю. Л. Михайловой [Михайлова 2017]; Л. Ф. Шангаряевой, Н. А. Депутатовой, Н. П. Поморцевой [Шангаева, Депутатова, Поморцева 2021]; Ali Muhsin Gharab AL-Majdawi [Hadi 2019], V. Hromovenko [Hromovenko 2021] и других авторов. Неологизмы можно разделить на две группы: 1) абсолютно новые слова, введенные в речевой обиход (например, *google* — гуглить, искать информацию в Интернете) и 2) знакомые слова, которым присвоили новые значения. В зависимости от способа появления неологизмов в языке, их разделяют на лексические и семантические [Михайлова 2017]. Лексические неологизмы — это новые слова, созданные по продуктивным моделям, или заимствованные слова. Семантические неологизмы — это известные слова, которым придаются новые значения в речи.

В целом продуктивными моделями образования политических неологизмов в англоязычном дискурсе являются:

1) словосложение, т. е. соединение двух и более основ в одно слово с новым лексическим значением: *eurocrat* (чиновник Евросоюза); *Russagate* (расследование о том, что Россия вмешалась в выборы 2016 г. с целью помочь Трампу); *pizzagate* (phony rumors of child sex trafficking — a conspiracy theory that became known as “Pizzagate”— теория заговора о торговле детьми в целях сексуальной эксплуатации);

2) аффиксация — слова, образованные при помощи префиксов или суффиксов: *vassalization* (ограничение автономии более слабого государства, подчиняющегося более сильной власти); *defeatism* (ожидание неудачи или чрезмерная готовность смириться с ней); *neoroyalism* (глобальная экономическая политика основывается на личных, семейных и деловых связях, а не на нацио-

нальных интересах, конкурентных преимуществах, всеобщем процветании или долгосрочном росте);

3) контаминация — это слияние двух языковых единиц, в результате чего появляется слово с новым лексическим значением: *Donroe Doctrine* (Доктрина Донро, также известная как «дополнение Трампа» к доктрине Монро, представляет собой интерпретацию принципов внешней политики президента Дональда Трампа в странах Америки);

4) сокращение — способ словообразования является довольно продуктивным и имеет свои специфические черты. В качестве инвентарных единиц здесь выступают не слова или морфемы, а буквы или их сочетания: *LTE* (long term evolution — долгосрочное развитие); *MAGA* (“Make America Great Again” — «Сделаем Америку великой опять»), *D.E.I.* (diversity, equality, inclusion programs — программы по вопросам разнообразия, равенства и инклюзивности) и др.

В современном англоязычном политическом дискурсе неологизмы в основном выполняют идеологическую функцию воздействия и оценки, преимущественно отрицательной (см. пункты 1, 2, 3), выступая, таким образом, механизмом формирования необходимых политических идеологем, отражающих системы социально значимых ценностей.

Рассмотрим некоторые примеры дискурсивных функций новых номинаций в политическом контексте публикаций современных англоязычных СМИ. Так, неологизм *street politics* (The rules of laws people of the streets follow. Rules of loyalty, trust and doing whatever necessary to survive. Usually coming from impoverished beginnings, street politics is a way to civilize the environment, usually with illegal measures) [https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Street+Politics] (пер.: «Термин „уличная политика“ обозначает правила, которым следуют люди на улицах. Законы доверия и готовности делать все необходимое для выживания. Как правило, уличная политика относится к выходцам из бедных семей — это способ цивилизовать окружающую среду, обычно с помощью противозаконных мер»). Термин *street politics* зачастую функционирует в дискурсах, описывающих протестные акции бедных социальных групп и стран, по отношению к которым «демократии» выражают свое неодобрение, например: “*Street politics*” is gaining momentum, and the centrist establishment is crumbling at the seams [https://spectator.com/article/weimar-britain-lessons-from-history-in-radical-times/] (пер.: «„Уличная политика“ набирает силу, а центристский истеблишмент трещит по швам»). Номинация *street politics* представляет собой

неологизм, образованный на основе изменения значения слова *street*, которое в данном контексте означает *illegal measures* — несанкционированные стихийные действия. Аксиологическая функция неологизма — выражение отрицательной оценки протестных выступлений людей, а имплицитное сравнение повышает экспрессию высказывания; идеологема данного фрагмента — негодование автора по поводу невозможности исправить текущую политическую ситуацию.

Политические неологизмы могут представлять собой номинации из сферы экологической политики, ср.: *South America has shifted decisively toward **renewables**: over 60% of its electricity generation is from renewables (including hydropower), and more than 90% of the region's solar and wind equipment is from Chinese producers. Will the Trump administration demand that South America abandon its current dependence on Chinese infrastructure, electric vehicles and **green energy**?* [<https://unherd.com/2026/01/china-doesnt-fear-the-donroe-doctrine/>] (пер.: «Южная Америка уверенно переходит на „зеленый“ курс: на возобновляемые источники (включая ГЭС) приходится свыше 60 % выработки электричества. Попытается ли администрация Трампа заставить Южную Америку отказаться от нынешней зависимости от китайской инфраструктуры, электрокаров и зеленой энергетики?»). В данном фрагменте дискурса неологизмами являются лексемы *renewables* и *green energy*, которые образованы на основе семантического сдвига значения, что делает их использование более удобным и экономит речевые усилия говорящего, повышая таким образом иллюкативность самих номинаций и формируя позитивный имидж осуществляемой политики экологической безопасности.

Другой пример идеологем, отражающих новую политическую реальность: *Yet this is not just a case of the current crop of European leaders' almost nostalgic, **neocolonial racism** — a grubby little fantasy they live out vicariously through "daddy's" interventions in their old stomping grounds. The European leaders care just as little for the populations in Europe. There was no outcry when the Obama administration bombed Libya, which resulted in a migration wave that destroyed the European social fabric. Nor were they outraged when the Nord Stream pipeline mysteriously exploded, setting in motion **the deindustrialization of Europe**. They cheered all of this on. They are only opposed to Trump's **Greenland intervention** because it rubs up against their egos and exposes them as the weak subordinates they have long been* [<https://www.theamericanconservative.com/greenland-is-a-punishment-for-europes-role-in-ukr>

aine/] (пер.: «И все же это не просто пример без пяти минут ностальгического *неоколониального расизма* нынешних европейских лидеров — маленькой гнусной фантазии, которую они воплощают в жизнь руками „папочки“, который хозяйничает в их старых владениях. Европейским лидерам нет дела и до собственного населения. Мы не видели никаких протестов, когда администрация Обамы разбомбила Ливию, всколыхнув волну миграции, разрушившую европейскую социальную структуру. Они даже не пикнули, когда таинственным образом взлетел на воздух газопровод „Северный поток“, положив начало *краху европейской промышленности*. Наоборот, они ликовали. А *вмешательству Трампа в Гренландию* они воспротивились лишь потому, что это задевает их самолюбие и выставляет их слабыми приспешниками, коими они уже давно являются»). В данном фрагменте дискурса функционируют неологизмы, отражающие негативную оценочность новой политической идеологии неоколониального расизма, деиндустриализации и интервенции в Гренландию (последняя номинация уже становится мемом современной политики).

Рассмотрим пример из сферы дипломатического медиадискурса: *The Kissinger-Dobrynin exchange is a quintessential example of **backchannel diplomacy**. Effective diplomacy does not have to happen at the official level* [<https://unherd.com/2026/01/europe-must-talk-to-russia/>] (пер.: «Обмен мнениями между Киссинджером и Добрыниным — это яркий пример *закулисной дипломатии*. Эффективная дипломатия не обязательно должна осуществляться на официальном уровне»). В данном контексте неологизм *backchannel diplomacy* является номинацией, репрезентирующей идеологему новой политической реальности в сфере европейской дипломатии — не сидеть и ждать, пока произойдут какие-то политические события, а самим их создавать и развивать направления и траекторию их движения, что нашло отражение в семантике данного термина. Аксиологический смысл данного неологизма — повышение эмоционально-экспрессивной силы высказывания.

Другим примером неологизмов, отражающих новую политическую реальность событий российско-украинского конфликта, можно считать следующие номинации: *dirty diplomacy, the Yom-Kippur diplomacy, a diplomatic brain*, ср.: *This is not the most likely scenario, but it's more probable than glorious victory. Without some **dirty diplomacy**, I don't see a good outcome of the Russia-Ukraine war. Remember, though, the Kissinger—Dobrynin*

channel was arranged within a few weeks of President Nixon's inauguration. That was almost five years before the *Yom-Kippur diplomacy* was masterminded. Even if the Europeans started to regrow a *diplomatic brain*, it would take time. We should not expect miracles. But if they don't start now, they will forever stay where they are today: out of the reckoning (<https://unherd.com/2026/01/europe-must-talk-to-russia/?edition=us>) (пер.: «Это не самый вероятный сценарий, но он более вероятен, чем славная победа. Без некоторой *грязной дипломатии* я не вижу хорошего исхода российско-украинского вооруженного конфликта. Однако помните, что канал Киссинджер — Добрынин был организован через несколько недель после инаугурации президента Никсона. Это было почти за пять лет до того, как была разработана *дипломатия Судного дня*. Даже если европейцы и разовьют *дипломатические навыки*, это займет время. Не стоит ожидать чудес. Но если они не начнут сейчас, они навсегда останутся там, где находятся сегодня: вне игры»). Данные неологизмы, в основе семантики которых содержится метафорический сдвиг, являются отражением политических идеологем — негативной оценки дипломатии европейских государств, которые, с точки зрения автора публикации, представляют собой “a collection of minions” (сборище мелких сошек), а не настоящих политиков, у которых имеется какой-либо план и стратегия видения современной ситуации.

Таким образом, события современности отражаются в семантике новых номинаций, функционирующих в дискурсе политической коммуникации, репрезентируя идеологемы современной политики и дипломатии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в политической коммуникации активно используются средства неолексиксы, которые функционируют как идеологемы, объективирующие известные ментальные, социальные или политические процессы, актуализируя идеологическую оценочность участников дискурса. Выразителями идеологем являются номинации, механизмом образования которых являются следующие модели неологизации: словосложение (pizza-gate), суффиксация (renewables, deindustrialization), контаминация (Donroe Doctrine), метафоризация (dirty diplomacy, backchannel diplomacy), изменение значения слова (Street politics). В результате использования неониминаций автор выражает определенную идеологическую позицию, как сторонника либо противника соответствующей идеологии, формирует мнения и суждения о разви-

тии тех или иных явлений жизни в тексте политического дискурса, отличающегося высокой степенью эмоциональности, оценочности, чаще всего негативной, и эмоционально-экспрессивной выразительности. Таким образом, неониминации, образуемые для маркирования как отдельных событий, так и определенного курса политической жизни государства (neoroyalism, MAGA, vassalization, etc.) можно рассматривать как языковое средство отражения политической действительности, как зеркало социальных изменений. Политическая идеологема соотносится с конкретной политико-идеологической ситуацией современного мира, по отношению к которой в ней выражается мировоззренческая установка и оценка автора суждения, цель которого — изменить позицию коммуниканта или повлиять на нее. Инструментом влияния на мировоззрение читателя политдискурса выступает коммуникативная стратегия аргументации, тактическим средством которой являются политические неологизмы, когнитивно-семантическая интерпретация которых позволяет выявить аксиологию языка политики.

ИСТОЧНИКИ

1. Gove, M. Weimar Britain: lessons from history in radical times / M. Gove. — URL: <https://spectator.com/article/weimar-britain-lessons-from-history-in-radical-times/> (date of access: 25.06.2026).
2. Mitter, R. China doesn't fear the Donroe Doctrine Beijing already has plans for its near abroad / R. Mitter. — URL: <https://unherd.com/2026/01/china-doesnt-fear-the-donroe-doctrine/> (date of access: 25.06.2026).
3. Munchau, W. Europe must talk to Russia. The war should have ended years ago / W. Munchau. — URL: <https://unherd.com/2026/01/europe-must-talk-to-russia/> (date of access: 25.06.2026).
4. Pilkington, P. Greenland is a Punishment for Europe's Role in Ukraine / P. Pilkington. — URL: www.theamericanconservative.com/greenland-is-a-punishment-for-europes-role-in-ukraine/ (date of access: 25.06.2026).
5. Street politics. — The urban dictionary. — URL: <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Street+Politics> (date of access: 25.06.2026).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Гальперин, И. Р. Очерки по стилистике английского языка: опыт систематизации выразительных средств / И. Р. Гальперин. — Изд. 2-е, степ. — Москва : URSS, 2011. — 376 с. — ISBN 978-5-397-02330-6. — EDN QWZNVH.
2. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация : сборник работ / Т. А. ван Дейк ; сост. В. В. Петрова ; пер. с англ. яз. под ред. В. И. Герасимова ; вступ. ст. Ю. Н. Караулова, В. В. Петрова. — Москва : Прогресс, 1989. — 310 с.
3. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков // Когнитивные аспекты лексикографии. — URL: <https://infolex.ru/PolDis.html> (дата обращения: 14.03.2026).
4. Иванов, П. К. Идеологема в политической коммуникации: интерперсональный аспект / П. К. Иванов, П. А. Катывцев // Виртуальная коммуникация и персональные сети. — 2023. — Т. 2, № 3(7). — С. 138–143. — DOI 10.21603/2782-4799-2023-2-3-138-143. — EDN LFHZZMK.
5. Карасик, В. И. О типах дискурса / В. И. Карасик // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сборник научных трудов / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. — Волгоград : Перемена, 2000. — С. 5–20. — EDN VWHLIZ.

6. Карамова, А. А. Идеологемы: определение понятия и типология / А. А. Карамова // Современные проблемы науки и образования. — 2015. — № 2-1. — С. 397. — EDN UHXCNI.

7. Коновалова, Н. И. Словообразовательный потенциал политического дискурса / Н. И. Коновалова, О. А. Михайлова, Ю. Н. Михайлова // Политическая лингвистика. — 2025. — № 1(109). — С. 75–83. — EDN MMJWDX.

8. Кристева, Ю. Избранные труды: разрушение поэтики / Ю. Кристева; пер. с франц. — Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. — 656 с. — (Серия «Книга света»). — ISBN 5-8243-0500-5. — URL: <https://www.philol.msu.ru/~discours/images/stories/speckurs/kristeva.pdf> (дата обращения: 25.02.2026).

9. Malysheva, E. G. Ideologeme as Lingo-cognitive Phenomenon: Definition and Classification / E. G. Malysheva // Political Linguistics. — 2019. — No. 1 (73). — P. 134–144. — DOI 10.26170/pl19-01-16. — EDN YZFLLZ.

10. Михайлова, Ю. Л. Неологизация как элемент пополнения словарного состава английского языка XXI века / Ю. Л. Михайлова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 9-2(75). — С. 129–131. — EDN ZFDSHL.

11. Рябова, М. Ю. Лингвокультурная специфика текстов дипломатического дискурса / М. Ю. Рябова, Н. С. Каруковец // СибСкрипт. — 2026. — Т. 28, № 1 (113). — С. 55–68. — DOI 10.21603/sibscript-2026-28-1-55-68. — EDN KZQHEE.

12. Скачкова, Е. А. Политический дискурс в англоязычных и российских СМИ (на примере выступлений политических деятелей США и России) / Е. А. Скачкова, Л. В. Ещеркина, И. В. Денисова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. — 2021. — Т. 18, № 2. — С. 26–34. — DOI 10.14529/ling210205. — EDN HLK-KUH.

13. Чудинов, А. П. Очерки по современной политической метафорологии / А. П. Чудинов. — Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2013. — 176 с. — ISBN 978-5-7186-0504-4. — EDN QZIQHH.

14. Шангараева, Л. Ф. Образование неологизмов в медиа-политическом дискурсе современного английского языка / Л. Ф. Шангараева, Н. А. Депутатова, Н. П. Поморцева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2021. — Т. 14, № 7. — С. 2151–2156. — DOI 10.30853/phil210320. — EDN LTHOJC.

15. Шейгал, Е. И. Семантика политического дискурса / Е. И. Шейгал; Е. И. Шейгал. — Москва: Гнозис, 2004. — ISBN 5-7333-0144-9. — EDN QODCTF.

16. Dijk, Teun A. van. Text and Context Explorations in the semantics and pragmatics of discourse / Teun Adrianus van Dijk. — London; New York: Longman, 1982. — 261 p. — ISBN 0-582-29105-4.

17. Hadi, Saja. The Significance of Political Neologisms / Hadi Saja, Al-Majdawi Ali // The Journal of College of Education (EDUJ). — 2019. — Vol. 2. — No. 37. — P. 10–20. — DOI 10.31185/eduj.Vol2.Iss37.1107. — URL: <https://eduj.uowasit.edu.iq/index.php/eduj/en/article/view/1107> (date of access: 02.26.2026).

18. Hromovenko, V. V. Thematic groups of political neologisms in English and Ukrainian: a comparative approach / V. V. Hromovenko // Science and Education a New Dimension. — 2020. — Vol. VIII(218), No. 66. — P. 31–34. — DOI 10.31174/send-ph2020-218viii66-06. — EDN WPAVUI.

19. Kristeva, J. Desire in Language. A semiotic Approach to Literature and Art / Julia Kristeva; ed. by Leon S. Rудiez, translated by T. Gora. — 305 p. — [S.l.]: Columbia Univ. Pr., 1980. — ISBN 978-0231048071. — URL: <https://www.english.cam.ac.uk/cmt/wp-content/uploads/2012/10/kristeva-bounded.pdf>. (date of access: 27.02.2026).

MATERIALS

1. Gove, M. (n.d.). Weimar Britain: lessons from history in radical times. Available at June 25, 2026 from <https://spectator.com/article/weimar-britain-lessons-from-history-in-radical-times/>.

2. Mitter, R. (n.d.). China doesn't fear the Donroe Doctrine Beijing already has plans for its near abroad. Available at June 25, 2026 from <https://unherd.com/2026/01/china-doesnt-fear-the-donroe-doctrine/>.

3. Munchau, W. (n.d.). Europe must talk to Russia. The war should have ended years ago. Available at June 25, 2026 from <https://unherd.com/2026/01/europe-must-talk-to-russia/>.

4. Pilkington, P. (n.d.). Greenland is a Punishment for Europe's Role in Ukraine. Available at June 25, 2026 from www.theamericanconservative.com/greenland-is-a-punishment-for-euro-pes-role-in-ukraine/.

5. The urban dictionary (n.d.). Street politics. Available at June 25, 2026 from <https://www.urbandictionary.com/define.php?term=Street+Politics>.

REFERENCES

1. Gal'perin, I. R. (2016). Ocherki po stilistike angliyskogo yazyka: Opyt po sistematizatsii vyrazitel'nykh sredstv = Essays on the Stylistics of the English Language: An Experience in Systematizing Expressive Means. Moscow: Librokom, 376 p. ISBN 978-5-397-02330-6. EDN QWZNVH.

2. Dijk, Teun van (1989). Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya: sbornik rabot = Language. Cognition. Communication: a collection of works (Ed. V. V. Petrov; trans. V. I. Gerasimov). Moscow: Progress, 310 p.

3. Dem'yankov, V. Z. (2002). Politicheskiy diskurs kak predmet politologicheskoy filologii = Political discourse as a subject of political science philology. Available at March 14, 2026 from <https://infolex.ru/PolDis.html>.

4. Ivanov, P. K., Katyshev, P. A. (2023). Ideologema v politicheskoy kommunikatsii: interpersonal'nyy aspekt = Ideologeme in political communication: interpersonal aspect. *Virtual communication and social web*, 2(3), 138–143. DOI 10.21603/2782-4799-2023-2-3-138-143. EDN LFHJMK.

5. Karasik, V. I. (2000). O tipakh diskursa = On the types of discourse. *Language personality: institutional personal discourse*, 5–20. Volgograd: Peremena. EDN VVHLIZ.

6. Karamova, A. A. (2015). Ideologemy: opredelenie ponyatiya i tipologiya = Ideologemes: definition of the concept and typology. *Modern problems of science and education*, 2-1. EDN UHXCNI.

7. Konovalova, N. I. (2025). Slovoobrazovatel'nyi potentsial politicheskogo diskursa = Word-Formation Potential of Political Discourse. *Political linguistics*, 1(109), 75–83. EDN MMJWDX.

8. Kristeva, Yu. (2004). Izbrannyye trudy: Razrusheniye poetiki = Selected Works: The Destruction of Poetics. Trans. from Fr. Moscow: Russian political Encyclopedia (ROSSPEN), 656 p. ISBN 5-8243-0500-5. Available at February 25, 2026 from <https://www.philol.msu.ru/~discours/images/stories/speckurs/kristeva.pdf>.

9. Malysheva, Ye. G. (2019). Ideologeme as a linguacognitive phenomenon: definition and classification (translated into English by I. S. Pirozhkova). *Political linguistics*, 1(73), 134–144. DOI 10.26170/pl19-01-16. EDN YZFLLZ.

10. Mikhaylova, Yu. L. (2017). Neologizatsiya kak element popolneniya slovarnogo sostava angliyskogo yazyka XXI veka = Neologization as an Element of Replenishing the Vocabulary of the English Language of the 21st Century. *Philological sciences: issues of theory and practice*, 9(75), part 2, 129–131. Tambov: Gramota. EDN ZFDSHL.

11. Ryabova, M. Yu., Karukovets, N. S. (2026). Lingvokul'turnaya spetsifika tekстов diplomacheskogo diskursa = Linguacultural profile of diplomatic discourse texts. *Sibskript*, 28-1(113), 55–68. DOI 10.21603/sibscript-2026-28-1-55-68. EDN KZQHEE.

12. Skachkova, Ye. A., Yeshcherkina, L. V., Denisova, I. V. (2021). Politicheskiy diskurs v angloyazychnykh i rossiyskikh SMI (na primere vystupleniy politicheskikh deyateley USA i Rossii) = Political discourse in English-language and Russian media (based on speeches by political figures from the USA and Russia). *Bulletin of South-Ural State Univ. Series: Linguistics*, 18(2), 26–34. DOI 10.14529/ling210205. EDN HLKKUH.

13. Chudinov, A. P. (2013). Ocherki po sovremennoy politicheskoy metaforologii: Monografiya = Essays on modern political metaphorology. Monograph. Ekaterinburg: Ural State Ped. Univ., 176 p. ISBN 978-5-7186-0504-4. EDN QZIQHH.

14. Shangarayeva, L. F., Deputatova, N. A., Pomortseva, N. P. (2021). Obrazovaniye neologizmov v mediapoliticheskom diskurse sovremennogo angliyskogo yazyka = Formation of neologisms in the media-political discourse of modern English. *Philo-*

logical sciences: issues of theory and practice, 14(7), 2151–2156. Tambov: Gramota. DOI 10.30853/phil210320. EDN LTHOJC.

15. Sheygal, Ye. I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskursa* = Semiotics of political discourse. Moscow: Gnozis, 324 p. ISBN 5-7333-0144-9. EDN QODCTF.

16. Dijk, Teun van (1982). *Text and Context. Explorations in the semantics and pragmatics of discourse*. London and New York: Longman, 261 p. ISBN 0-582-29105-4.

17. Hadi, Saja, Al-Majdawi Ali (2019). The Significance of Political Neologisms. *The Journal of College of Education (EDUJ)*, 2(37), 10-20. Available at February 26, 2026 from <https://eduj.uowasit.edu.iq/index.php/eduj/en/article/view/1107>.

18. Hromovenko, V. V. (2020). Thematic groups of political neologisms in English and Ukrainian: a comparative approach. *Science and Education: a New Dimension. Philology*, VIII(66), Issue: 218. DOI 10.31174/send-ph2020-218viii66-06. EDN WPAVUI.

19. Kristeva, Julia (1980). *Desire in Language. A semiotic Approach to Literature and Art* (Ed. by Leon S. Rudiez, translated by T. Gora). Available at February 27, 2026 from <https://www.english.cam.ac.uk/cmt/wp-content/uploads/2012/10/kristeva-bounded.pdf>.

Политическая лингвистика. 2026. № 4 (118).
Political Linguistics. 2026. No 4 (118).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+81'27
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.51

Код ВАК 5.9.5

Анатолий Прокопьевич Чудинов^{1✉}, Ирина Николаевна Пономаренко^{2✉}, Наталья Александровна Сегал^{3✉}

¹ Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, ap_chudinov@mail.ru[✉], SPIN-код: 4516-4166, <https://orcid.org/0000-0001-5436-5273>

² Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, irnik20@mail.ru[✉], SPIN-код: 1388-1830, <https://orcid.org/0000-0002-7330-7383>

³ Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия, natasha-segal@mail.ru[✉], SPIN-код: 1068-7693, <https://orcid.org/0000-0002-8213-5050>

«Красные линии»: от термина до ключевой единицы современного языкового ландшафта

АННОТАЦИЯ. *Востребованность изучения языка политики, отраженного в актуальном медийном поле, обусловлена турбулентностью международного политического пространства. Статья посвящена комплексному анализу устойчивой единицы «красные линии» как важной составляющей русской языковой картины мира в диахронии и синхронии. Утверждается, что при широком распространении исследуемой конструкции в актуальном политическом дискурсе до сих пор отсутствуют лингвистические труды, выявляющие ее диахронический рисунок и определяющие ее современное содержание. В статье изучается денотативное содержание исследуемой языковой единицы при ее фиксации в текстах и дискурсах различной направленности с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов. При помощи интерпретационного и описательного методов, метода контекстологического описания и элементов количественного анализа на материале электронных медиатекстов 2021–2025 гг. анализируется динамика развития конструкции «красные линии» в современной русскоязычной публицистике. Доказывается, что, сохраняя интегральный компонент «границы, которые запрещено пересекать без нарушения закрепленных правил, ущемления интересов одной из сторон», данная конструкция расширяет сферу своей реализации и затрагивает новые аспекты современной социополитической системы России, становясь одной из центральных языковых единиц актуального медийного пространства.*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, электронные СМИ, русский язык, языковые единицы, ключевые единицы, устойчивая конструкция, «красные линии».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Чудинов Анатолий Прокопьевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, email: ap_chudinov@mail.ru.

Пономаренко Ирина Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры современного русского языка Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия, email: irnik20@mail.ru.

Сегал Наталья Александровна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского и общего языкознания, декан факультета русского языка и литературы, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Республика Крым, Россия.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Чудинов, А. П. «Красные линии»: от термина до ключевой единицы современного языкового ландшафта / А. П. Чудинов, И. Н. Пономаренко, Н. А. Сегал. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 4 (118). — С. 45-50.

Anatoliy P. Chudinov^{1✉}, Irina N. Ponomarenko^{2✉}, Natal'ya A. Segal^{3✉}

¹ Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia, ap_chudinov@mail.ru[✉], SPIN code: 4516-4166, <https://orcid.org/0000-0001-5436-5273>

² Kuban State University, Krasnodar, Russia, irnik20@mail.ru[✉], SPIN code: 1388-1830, <https://orcid.org/0000-0002-7330-7383>

³ V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia, natasha-segal@mail.ru[✉], SPIN code: 1068-7693, <https://orcid.org/0000-0002-8213-5050>

“Krasnye Linii”: From the Term to the Key Unit of the Modern Language Landscape

ABSTRACT. *The need to study the language of politics as reflected in the current media field is driven by the turbulence of the international political space. The article presents a complex analysis of the stable expression “krasnye linii” (red lines) as an important component of the Russian linguistic worldview in diachrony and synchrony. It is argued that despite the widespread use of this construction in contemporary political discourse, there are still no linguistic studies aimed at identifying its diachronic pattern and establishing its current content. The article examines the denotative content of the linguistic unit under study in texts and discourses of various types, taking into account linguistic and extralinguistic factors. Using the interpretative and descriptive methods, the method of contextual description, and elements of quantitative analysis,*

© Чудинов А. П., Пономаренко И. Н., Сегал Н. А., 2026

the study analyzes the dynamics of the development of the expression "krasnye linii" in modern Russian-language journalism based on electronic media texts from 2021 to 2025. It is proved that, while maintaining the integral component of "borders that are forbidden to be crossed without violating the established rules and infringing on the interests of one of the parties," this construction expands its scope of usage and affects new aspects of Russia's contemporary socio-political system, becoming one of the central linguistic units in the current media space.

KEYWORDS: political discourse, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, electronic media, Russian language, linguistic units, key units, stable expression, "krasnye linii".

AUTHOR'S INFORMATION: Chudinov Anatoliy Prokop'evich, Doctor of Philology, Professor of Department of Intercultural Communication, Rhetoric and Russian as a Foreign Language, Institute of Philology, Culturology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

Ponomarenko Irina Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor of Department of Modern Russian, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Segal Natal'ya Aleksandrovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Russian and General Linguistics, Dean of the Faculty of Russian Language and Literature, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.

FOR CITATION: Chudinov A. P., Ponomarenko I. N., Segal N. A. (2026). "Krasnye Linii": From the Term to the Key Unit of the Modern Language Landscape. In *Political Linguistics*. No 4 (118), pp. 45-50. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Интернетизация и цифровизация современного мира, стремительные изменения, происходящие в политике, экономике, социальной и культурной сферах, обуславливают значительные трансформации в системе языка, который не просто отражает современную реальность, но и в значительной степени участвует в ее создании. Преломленные в языке реалии, по справедливому замечанию В. А. Масловой, не отражаются зеркально, а превращаются в форму особого мира, интерпретируемого в соответствии с мировидением носителей языка [Маслова 2001: 65]. При этом до сих пор требуют особого исследования языковые факты, представляющие собой ключевые единицы современной языковой системы. Ценность настоящей работы обусловлена значимостью изучения ключевых единиц русской языковой картины мира как комплексной динамической системы с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов. Предлагаемая статья посвящена семантико-прагматическому анализу конструкции «красные линии», прошедшей путь от сочетания нетерминологического характера до одной из ключевых единиц современного медиадискурса. **Целью** работы является семантико-прагматический анализ конструкции «красные линии» в языковой картине мира современного россиянина.

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена тем, что в связи с социополитическими событиями как в России, так и за ее пределами последнее десятилетие все больший вес приобретают так называемые «слова года», ключевые слова эпохи, в которых, как в зеркале, отражаются происходящие в стране и мире события. Проводи-

мый с 2007 г. по инициативе М. Эпштейна¹ Всероссийский проект «Слово года» и более поздние лингвистические проекты («Слово года» по версии Государственного института русского языка (с 2018 г.); «Слово года» по версии портала «Грамота.ру» (с 2023 г.) и др.) дают весьма полное представление об изменении ценностных ориентиров, происходящем в российском обществе. Так, эпоха COVID-19 в качестве ключевых для носителей русского языка определила такие языковые единицы, как *коронавирус*, *изоляция* и *вакцинация*; начало специальной военной операции стало причиной частотности единиц *СВО*, *война*, *иноагент*, *мобилизация*, *демилитаризация*, *денацификация*; для 2023–2024 гг. характерна активизация слов, связанных с научно-техническим прогрессом: *искусственный интеллект (ИИ)*, *нейросеть*, *промпт*. При этом, несмотря на широкое тематическое разнообразие ключевых слов, определяемых как центральные для того или иного периода, одной из наиболее частотных конструкций на протяжении всего последнего десятилетия неизменно остается словосочетание «красные линии», что и определило наш исследовательский интерес.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДОЛОГИЯ

Проведенный анализ научных работ, посвященных особенностям языкового моделирования русской языковой картины мира (в частности, исследования Н. Д. Арутюновой [Арутюнова 1998], Ю. М. Лотмана [Лотман 1996], В. А. Масловой [Маслова 2001]), позволяет говорить о значимости ключевых единиц как основы мировоззрения

¹ 8 мая 2026 г. был внесён Министерством юстиции Российской Федерации в список лиц, выполняющих функции иностранного агента.

поколений, своего рода скреп, формирующих базовую часть национального самосознания. Важная роли медийного поля как ключевого ресурса получения информации определяет тот факт, что в современной языковой системе значительная доля таких единиц появляется и распространяется именно в виртуальном медийном пространстве, становясь важным инструментом влияния на массового адресата (работы Е. Н. Басовской [Басовская 2020], Э. В. Будаева и А. П. Чудинова [Будаев, Чудинов 2020], Н. Д. Голева [Голев, Шпильная 2021] и др.).

Материалом исследования послужили тексты электронных медийных изданий за 2021–2025 гг., отражающие различные взгляды на актуальные социополитические события. В качестве ключевых методов исследования в работе были использованы интерпретационный и описательный методы, метод контекстологического описания и элементы количественного анализа. Каталог контекстов, собранный при подготовке статьи, включает в себя более 90 словоупотреблений.

АНАЛИЗ И РЕЗУЛЬТАТЫ

В результате исследования:

- определено место ключевых слов эпохи в языковой картине мира, доказаны их динамичный характер и экстралингвистическая ориентированность;
- выявлен диахронический рисунок устойчивой конструкции **красные линии** в различных языках и культурах, установлено актуальное денотативное содержание исследуемой единицы;
- охарактеризован семантико-прагматический и ассоциативный потенциал языковой единицы **красные линии** как элемента современного медиадискурса;
- доказано центральное место интегрального компонента **красные линии** в медиадискурсе социополитической направленности, выявлены ключевые метафорические образы, построенные с опорой на исследуемую конструкцию.

ОБСУЖДЕНИЕ

1. История становления устойчивой конструкции **красные линии**

Анализ лексикографических источников позволяет говорить о том, что термин «красные линии» является закрепленным, однако изначально апеллирует не к политической сфере, а к сфере строительства. Так, согласно пункту 11 статьи 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 27.12.2019), под «красными линиями» понимаются линии,

которые обозначают границы территорий общего пользования и подлежат установлению, изменению или отмене в документации по планировке территории. Термин «красные линии» до 1997 г. встречался в спортивном дискурсе: в хоккее «правило красной линии» запрещало бросать шайбу так, чтобы она пересекла две линии. Таким образом, игрок не мог принимать шайбу, посланную из зоны защиты, если сам находился за центральной красной линией, т. е. на половине площадки чужой команды. В футболе «переходом красной линии» до сих пор называют получение красной карточки, после которой футболист покидает поле. Свои «красные линии» присутствуют и в сфере искусства. Так, в театре под красной линией понимается условная линия между авансценой и основной сценой, на которую опускается противопожарный занавес. В психологии при описании личного пространства «красные линии» интерпретируются как границы дозволенного, пересечение которых является недопустимым.

Таким образом, интегральный семантический компонент «границы, которые запрещено пересекать без нарушения закрепленных правил, ущемления интересов одной из сторон» сближает терминологические значения и формулировки, отнесенные к сферам спорта, искусства и психологии, с дальнейшим развитием конструкции как элемента политического лексикона.

Узуальное распространение конструкции «красные линии» и ее англоязычного аналога «red line», по мнению ученых, связано с различными историко-политическими факторами. Обратим внимание на наиболее значимые:

1. Соглашение «Красные линии» о разделе ближневосточной нефтяной промышленности после распада Османской империи, подписанное в 1928 г. (А. Мельник).

2. Так называемая «тонкая красная линия», героизирующая со стороны западных журналистов шотландский полк, состоящий из раненых солдат во время Крымской войны (битва при Балаклаве 25 октября 1854 г.).

Кроме обозначенных факторов, исследователь Б. Тертрэ предлагает и иные возможные этимологические варианты. В частности, он указывает на «красную линию» между Кенией и Суданом, проведенную в 1931 году (также известна как «линия Глендэя»), а также предполагает, что происхождение исследуемой конструкции может быть напрямую связано с онимом «Рубикон»: название Рубикона происходит от красного цвета его воды, а конструкция «перейти Рубикон» давно стала прецедентной [Tertrais 2016: 29].

В политический словарь различных мировых держав конструкция «красные линии» вошла в 70-е г. XX в. и связана с политическим дискурсом государства Израиль, позже — с выступлениями политиков США. Термин «красная черта» широко используется при описании внешней политики Китая («дипломатия красных черт») как исследователями, так и во внутренних документах китайского руководства [Willy 2012: 203–204]. Таким образом, можно заключить, что использование устойчивой конструкции **красные линии** актуально при отражении различных реалий в строительной, спортивной, культурной и иных сферах, однако в современном языковом пространстве, как будет доказано далее, наиболее активно данная конструкция будет реализована при апеллировании к политической сфере.

2. Особенности языковой реализации устойчивой конструкции **красные линии** в современных медийных текстах

Распространение конструкции «красные линии» в современном российском политическом нарративе связано с выступлением Президента РФ В. В. Путина 21 апреля 2021 г., фрагменты и анализ которого были растиражированы в отечественных СМИ и переведены на многие языки мира: «Путин, оглашая послание парламенту, обратил внимание на недружественные акции некоторых стран по отношению к России и сравнил ситуацию с подражанием „задирающим“ Россию странам с шакалом Табаки, крутящимся вокруг тигра Шерхана. В Кремле заявили, что президент РФ Владимир Путин, говоря о „красных линиях“ в отношениях с другими странами, предупредил Шерхана и „прилипал“. Позже Песков сообщил, что вмешательство во внутренние дела России, включая выборы или другие политические процессы, а также оскорбления и ущемление экономических интересов будут „красными линиями“ для России»¹. Совершенно очевидно, что в данном политическом выступлении под «красными линиями» понимается обозначение предела терпения России по отношению к политике недружественных стран при условии их вмешательства во внутренние дела нашего государства. Реакция российских и международных СМИ как на тональность выступления, так и на коннотацию, с которой была реализована конструкция «красные

линии», была неоднозначной, а основным вопросом, волнующий политиков и журналистов, заключался в том, где именно проходят границы, очерченные президентом: «Глава государства выразил надежду, что „никому не придёт в голову перейти в отношении России так называемую красную черту“. „А где она будет проходить, — добавил Путин, — это мы будем определять в каждом конкретном случае сами“»².

С апреля 2021 г. частотность использования в русскоязычном медиадискурсе данной конструкции кратно возросла. Нами было выделено более 90 политических контекстов, в которых «красные линии» реализуются при описании внешней политики, обозначая те границы, нарушение которых является недопустимым: «„Красные линии“ на „сером фоне“. Западная бравада по поводу непризнания „красных линий“ России не имеет ничего общего с реальной действительностью»³; «„Держаться подальше“. В США предупредили о **красных линиях** Путина. „Красные линии“ Путина представляют из себя возникновение конкретной стратегической угрозы для России. Он напрямую сказал, что если западные дальнобойные ракеты начнут наносить удары по России, то это будет расценено как нападение США <...> Нам нужно держаться подальше от **красных линий** других стран“, — заявил эксперт»⁴; «Трамп тестирует „красные линии“ Путина: президент США взвинчивает ставки»⁵.

Показательным представляется тот факт, что в 2024–2025 гг. наблюдается расширение сферы применения конструкции «красные линии», которая экстраполируется на глобальную политику и характеризует глобальные конфликты: «Угроза третьей мировой: обозначены **две красные линии** для Великобритании»⁶; «Путин показыва-

¹ Путин показывает зубы: красные линии Кремля обрели шипы // МК.Ru. — URL: <https://www.mk.ru/politics/2024/06/06/putin-pokazyvaet-zuby-krasnye-linii-kremlya-obreli-shipy.html> (дата обращения: 14.06.2026).

² Путин предупредил организаторов провокаций против России о последствиях // РИА «Новости». — URL: <https://ria.ru/20210421/otvet-1729334858.html> (дата обращения: 14.06.2026).

³ «Держаться подальше». В США предупредили о красных линиях Путина // РИА «Новости». — URL: <https://ria.ru/20240606/saks-1951050940.html> (дата обращения: 14.06.2026).

⁴ В Киеве оценили слова Путина о «красных линиях» // РИА «Новости». — URL: <https://crimea.ria.ru/20210422/V-Kieve-otsenili-slova-Putina-o-krasnykh-liniyakh-1119496956.html> (дата обращения: 14.06.2026).

⁵ «Красные линии» современности — где они проходят // Правда.Ru. — URL: https://www.pravda.ru/world/1614548-krasnye_linii/ (дата обращения: 14.06.2026).

⁶ Дискриминация и нарушение прав человека. Все красные линии уже перешли // Спортс. — URL:

ет зубы: **красные линии Кремля обрели шипы. Гибридная война России и Запада подошла к точке выплескивания за пределы Украины»¹.**

В современных реалиях происходит политизация сфер, которые, казалось бы, не имели к политике непосредственного отношения. Наиболее очевидным данный тезис представляется при обращении к спорту. Так, идея о том, что спорт «вне политики», давно утратила свою актуальность, а современный спорт попадает в прямую зависимость от международных отношений: **«Дискриминация и нарушение прав человека. Все красные линии уже перешли». Фетисов о запрете финнам из КХЛ играть за сборную»².**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стремительное изменение социополитической ситуации как в стране, так и за ее пределами, смещение фокуса лингвистического интереса на изучение лексикона современного носителя языка позволяет заключить, что языковая картина мира представителя русской лингвокультуры глубоко и полно отражает происходящие события, маркируя те языковые факты, которые здесь и сейчас являются наиболее актуальными. Турбулентность происходящих на международной арене процессов определяет тот факт, что именно изучение языка политики, отраженного в актуальном медийном поле, представляется сегодня востребованным и перспективным. Являясь одной из центральных конструкций современного языкового пространства, конструкция «красные линии» сохраняет элементы денотативного содержания, закрепленные в неполитических значениях, при этом наряду с закреплением интегрального компонента «границы, которые запрещено пересекать без нарушения закрепленных правил, ущемления интересов одной из сторон» в медиатекстах политической направленности актуализируются новые коннотативные компоненты, связанные с необходимостью оценки тех или иных политических фактов. Комплексный и системный анализ конструкции «красные линии» позволяет изучить показательный фрагмент языковой

картины мира, отражающий актуальные социополитические события.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Языки русской культуры, 1998. — 896 с. — ISBN 5-7859-0027-0. — EDN QROEGR.
2. Басовская, Е. Н. Фактор адресата медиатекста и речевая тактика создания образа читателя / Е. Н. Басовская // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2020. — № 4(38). — С. 196–203. — DOI 10.24411/2070-0695-2020-10422. — EDN YABPRB.
3. Будаев, Э. В. Современная российская политическая метафорология (2011–2020 гг.) / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Филологический класс. — 2020. — Т. 25, № 2. — С. 103–113. — DOI 10.26170/FK20-02-09. — EDN CSTMYX.
4. Голев, Н. Д. Обыденная медиакommunikация как социоречевая сфера: постановка проблемы и границы проявления / Н. Д. Голев, Н. Н. Шпильная // Медиалингвистика. — 2021. — Т. 8, № 1. — С. 23–34. — DOI 10.21638/spbu22.2021.102. — EDN VJZDEI.
5. Егорова, М. Р. Прагматика метафоры в открытом русскоязычном дипломатическом дискурсе / М. Р. Егорова // Рефлексия. — 2025. — № 1. — С. 71–75. — EDN EBCUQM.
6. Жантурина, Б. Н. Синкретизм смыслов в цветовой политической метафоре красные линии — red lines / Б. Н. Жантурина, Ю. Э. Знак, З. А. Новикова // Политическая лингвистика. — 2022. — № 5(95). — С. 192–198. — DOI 10.26170/1999-2629_2022_05_20. — EDN VVGEPL.
7. Ковальчук, О. В. Метафоричность как определяющая черта дипломатического дискурсивного пространства / О. В. Ковальчук // Вопросы психолингвистики. — 2019. — № 1(39). — С. 252–261. — DOI 10.30982/2077-5911-2019-39-1-252-261. — EDN IMTISM.
8. Лотман, Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история / Ю. М. Лотман. — Москва : Языки русской культуры : Кошелев, 1996. — 447 с. — ISBN 5-7859-0006-8.
9. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / В. А. Маслова. — Москва : Академия, 2001. — 208 с. — ISBN 5-7695-0745-4. — EDN UKCOEI.
10. Неймарк, М. А. Красные линии стратегической безопасности России: от метафоры к критической альтернативе / М. А. Неймарк // Обозреватель. — 2022. — № 1(384). — С. 5–14. — DOI 10.48137/2074-2975_2022_01_5. — EDN JNFWCF.
11. Рожкова, Л. В. «Красные линии» во внешней политике России и в представлениях студенческой молодежи / Л. В. Рожкова, О. В. Сальникова, С. Г. Ивченко // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. — 2025. — № 2(74). — С. 5–16. — DOI 10.21685/2072-3016-2025-2-1. — EDN ZHHRHD.
12. Сныткин, Ф. И. Метафора-термин «красные линии — red lines» в политическом поле «безопасность» в русском и английском языках / Ф. И. Сныткин, Б. Н. Жантурина // Курскский вестник: вопросы филологии и лингвистики : сб. ст. / под общ. ред. М. В. Полубояровой. — Москва : Военный университет, 2023. — Вып. 2. — С. 109–119. — EDN BLZMQI.
13. Tetrais, Bruno. The Diplomacy of “Red Lines” / Bruno Tetrais // Recherches & Documents. — Fondation pour la recherche stratégique, 2016. — Vol. 2. — 30 p. — ISSN 1966-5156.
14. Willy, Wo-Lap Lam. China Wages Quasi-Superpower Diplomacy / Willy Wo-Lap Lam // China: A New Stage of Development for an Emerging Superpower. — City University of HK Press, 2012. — P. 203–204. — ISBN 978-9629371975.

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (1998). Yazyk i mir cheloveka = Language and the Human World. Moscow: Languages of Russian culture, 896 p.
2. Basovskaya, E. N. (2020). Faktor adresata mediateksta i rechevaya taktika sozdaniya obraza chitatatelya = The Addresser Factor of Media Text and the Speech Tactic of Creating an Image of a Reader. *Znak: The Problematic Field of Media Education*, 4(38), 196–203.
3. Budaev, E. V., Chudinov, A. P. (2020). Sovremennaya rossijskaya politicheskaya metaforologiya (2011–2020 gg.) = Modern

<https://www.sports.ru/hockey/1108678649-diskriminaciya-i-narushenie-prav-cheloveka-vse-krasnye-linii-davno-uz.html> (дата обращения: 14.06.2026).

¹ Угроза третьей мировой: обозначены две красные линии для Великобритании // Inosmi. — URL: <https://inosmi.ru/20251212/ugrozy-276123902.html> (дата обращения: 14.06.2026).

² «Красные линии» на «сером фоне» // АиФ. — URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/20221121622-9yFic.html> (дата обращения: 14.06.2026).

Russian political metaphorology (2011—2020). *Philological class*, 2(25), 103–113.

4. Golev, N. D., Shpilnaya, N. N. (2021). Oby'dennaya media-kommunikaciya kak sociorechevaya sfera : postanovka problemy i granicy proyavleniya = Everyday media communication as a sociolinguistic sphere : problem statement and boundaries of manifestation]. *Medialinguistics*, 8(1), 23–34.

5. Egorova, M. R. (2025). Pragmatika metafor v otkrytom russkoyazychnom diplomaticheskom diskurse = Pragmatics of Metaphor in Open Russian-Language Diplomatic Discourse. *Reflection*, 1, 71–75. EDN EBCUQM.

6. Zhanturina, B. N., Znak, Yu. Eh., Novikova, Z. A. (2022). Sinkretizm smyslov v tsvetovoy politicheskoy metafore krasnye linii — red lines = Syncretism of meanings in the political color metaphor Krasnye Linii – Red Lines. *Political Linguistics*, 5(95), 192–198. DOI 10.26170/1999-2629_2022_05_20. EDN VVGEPL.

7. Koval'chuk, O. V. (2019). Metaforichnost' kak opredelyayushchaya cherta diplomaticheskogo diskursivnogo prostranstva = Metaphoricality as a Defining Feature of Diplomatic Discursive Space. *Issues of Psycholinguistics*, 1(39), 252–261. DOI 10.30982/2077-5911-2019-39-1-252-261. EDN IMTISM.

8. Lotman, Yu. M. (1996). Vnutri my'slyashix mirov. Chelovek — tekst — semiosfera — istoriya = Inside thinking worlds. Man — text — semiosphere — history. Moscow. 447 p.

9. Maslova, V. A. (2001). Lingvokul'turologiya = Linguoculturology. Moscow: Academy, 208 p.

10. Neymark, M. A. (2022). Krasnye linii strategicheskoy bezopasnosti Rossii: ot metafor k kriticheskoy al'ternative = Red Lines of Russia's Strategic Security: From Metaphor to a Critical Alternative. *Observer*, 1(384), 5–14. DOI 10.48137/2074-2975_2022_01_5. EDN JNFWCF.

11. Rozhkova, L. V., Sal'nikova, O. V., Ivchenkov, S. G. (2025). «Krasnye linii» vo vneshney politike Rossii i v predstavleniyakh studencheskoy molodezhi. *News of Higher Educational Institutions. Volga Region. Social Sciences*, 2(74), 5–16. DOI 10.21685/2072-3016-2025-2-1. EDN ZHHRHD.

12. Snytkin, F. I., Zhanturina, B. N. (2023). Metafora-termin «krasnye linii — red lines» v politicheskom pole «bezopasnost'» v russkom i angliyskom yazykakh = The Metaphor-Term “Red Lines” in the Political Field of “Security” in the Russian and English Languages. *Kursantsky Vestnik: Issues of Philology and Linguistics. Collection of Articles (Ed. M. V. Poluboyarova)*. Iss. 2, 109–119. Moscow: Voennyi universitet. — EDN BLZMQI.

13. Tertrais, Bruno (2016). The Diplomacy of “Red Lines”. *Recherches& Documents. — Fondationpour la recherches tratégique*, 2, 30 p.

14. Willy Wo-Lap Lam (2012). China Wages Quasi-Superpower Diplomacy. *China: A New Stage of Development for an Emerging Superpower*, 203–204. City University of HK Press.

Политическая лингвистика. 2026. № 4 (118).
Political Linguistics. 2026. No 4 (118).

УДК 811.111'42+811.111'373+81'27
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-31+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.51

Код ВАК 5.9.6 (германские языки)

Ляля Гайнулловна Юсупова¹, Светлана Андреевна Песина²

¹ Уральский государственный горный университет, Екатеринбург, Россия, lyalyax@bk.ru[✉], SPIN-код: 8141-2180, <https://orcid.org/0000-0002-6104-2699>

² Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, Магнитогорск, Россия, spsesina@bk.ru[✉], SPIN-код: 3764-7739, <https://orcid.org/0000-0002-3728-256>

Метафорические механизмы антропоморфизации окружающей действительности

АННОТАЦИЯ. В статье предпринята попытка выявления антропоморфной природы тропических значений в структуре многозначных слов. Антропоморфизм затрагивает системные свойства мышления, воссоздающие стереотипы человеческого поведения; антропоморфический характер человеческого мышления оправдан логически и вполне закономерно имеет глубинные родовые черты, отражает ход и итог мировой истории, представляя собой результат социальных явлений того общества, в котором индивид живет; итог мировой истории укоренен в глубинных архетипических чертах современного человека и отражает результат социальных и политико-экономических воздействий. В качестве примера представлен инвариантно-компонентный анализ английского субстантива “eye” с целью определения семантической общности метафорических переосмыслений с определением антропоморфных инвариантных сем, которые предположительно формируются в сознании носителя языка, как результат многочисленных актуализаций контекстуальных значений полисемантов в полном соответствии с языковой экономией и коммуникативным цейтнотом. Осуществлено пополнение списка известных когнитивных механизмов образования метафор за счет антропоморфно-инвариантной модели образования метафор. Подобное понимание функционирования многозначного слова способно пролить свет на вопрос о том, каким образом значения хранятся и актуализируются в лексиконе человека в семантически связанном виде, участвуя в понимании тропических переосмыслений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: метафорическое моделирование, метафорические модели, языковые единицы, когнитивные метафоры, метафорические механизмы, окружающая действительность, антропоморфность, многозначность слов, метонимия, лексический инвариант, английский язык, лексикология английского языка, многозначные слова, антропоморфизмы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Юсупова Ляля Гайнулловна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и деловой коммуникации, Уральский государственный горный университет, г. Екатеринбург, Россия, email: lyalyax@bk.ru.

Песина Светлана Андреевна, доктор филологических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры лингвистики и перевода, Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, г. Магнитогорск, Россия, email: spsesina@bk.ru.

БЛАГОДАРНОСТИ. Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда, 26-18-20002 от 12.05.2026 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Юсупова, Л. Г. Метафорические механизмы антропоморфизации окружающей действительности / Л. Г. Юсупова, С. А. Песина. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 4 (118). — С. 51-58.

Lyalya G. Yusupova¹, Svetlana A. Pesina²

¹ Ural State Mining University, lyalyax@bk.ru[✉], SPIN code: 8141-2180, <https://orcid.org/0000-0002-6104-2699>

² Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia, spsesina@bk.ru[✉], SPIN code: 3764-7739, <https://orcid.org/0000-0002-3728-256>

Metaphorical Mechanisms of Anthropomorphization of Surrounding Reality

ABSTRACT. The article attempts to identify the anthropomorphic nature of tropical meanings in the structure of polysemous words. Anthropomorphism affects the systemic properties of thinking, which recreate stereotypes of human behavior. The anthropomorphic nature of human thinking is logically justified and quite naturally has inherent generic features, reflects the course and outcome of world history, and represents the result of the social phenomena of the society in which the individual lives. The outcome of world history is rooted in the deep-seated archetypal features of modern man and reflects the result of social and politico-economic influences. As an example, the article presents an invariant-component analysis of the English substantive “eye” with the aim of determining the semantic commonality of metaphorical reinterpretations and identifying anthropomorphic invariant semes that are presumably formed in the mind of a native speaker as a result of numerous actualizations of the contextual meanings of polysemous words, in full accordance with the rules of linguistic economy and communicative time constraints. The study expands the list of known cognitive mechanisms of metaphor formation

© Юсупова Л. Г., Песина С. А., 2026

with the addition of an anthropomorphic-invariant model of the formation of metaphors. Such an interpretation of a polysemous word functioning can shed light on how meanings are stored and actualized in a person's lexicon in a semantically bound form, contributing to the understanding of tropical reinterpretations.

KEYWORDS: *metaphorical modeling, metaphorical models, linguistic units, cognitive metaphors, metaphorical mechanisms, surrounding reality, anthropomorphism, polysemy of words, metonymy, lexical invariant, English language, English lexicology, polysemantic words, anthropomorphisms.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Yusupova Lyalya Gaynullovna, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Department of Foreign Languages and Business Communication, Ural State Mining University, Ekaterinburg, Russia.*

Pesina Svetlana Andreevna, Doctor of Philology, Doctor of Philosophy, Professor of Department of Linguistics and Translation, Nosov Magnitogorsk State Technical University, Magnitogorsk, Russia.

ACKNOWLEDGMENTS. The study has been carried out with financial support of the Russian Science Foundation Grant 26-18-20002 of May 12, 2026.

FOR CITATION: *Yusupova L. G., Pesina S. A. (2026). Metaphorical Mechanisms of Anthropomorphization of Surrounding Reality. In Political Linguistics. No 4 (118), pp. 51-58. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Как тип мировоззрения антропоморфизм является собой одно из фундаментальнейших свойств человеческого мышления в области категоризации и концептуализации окружающей действительности. В отличие от антропоцентризма, при котором на первый план выдвигается общий субстанциональный характер человеческой сущности, явление антропоморфизма стоит, вне сомнения, ближе к языку. Антропоморфизм отвечает за то, как полученная извне информация об окружающем мире структурируется в сознании человека по образу и подобию того, как устроено и функционирует само его сознание и тело.

Именно антропоморфичность мышления ответственна за метафорические олицетворения и анимацию как животного мира, так и неживой природы, поэтому антропоморфический фактор в языке полностью направляет и контролирует процессы вторичной номинации. С другой стороны, именно человеческими свойствами наделяется все ближайшее окружение человека. Таким образом, антропоморфизм является ведущим вектором профилирования знаний человека о мире, углом зрения, под которым человек смотрит на окружающий мир и как бы «просеивает» все знания о нем сквозь сито своего эго [Pesina, Yusupova 2022; Песина 2021].

Так, номинация частей тела человека активно используется для номинации практически необъятного числа референтов, среди которых различные артефакты, растения, природные объекты и явления, сооружения. Посредством структурных и функциональных особенностей строения собственного тела человек пытается объяснить сложный конгломерат своих чувств от восторга и изумления до непонимания.

Представленный в рамках данной статьи анализ направлен на выявление того факта, что источником образования метафорических значений могут служить не столько

компоненты первого, номинативно-непроизводного значения, сколько скрытые признаки, не содержащиеся в главном значении. При этом семантика метонимических значений легко получает интерпретацию на основе первого значения, а в составных элементах фразеологизмов актуализируются как семы первого значения, так и инвариантные признаки.

В метафорических значениях номинативные процессы продолжают в сфере сопоставлений. В них отражается разнообразное уподобление объектов внешнему виду и функции человеческого глаза.

По мнению Дж. Лакоффа, в когнитивной лингвистике антропоморфные метафоры могут изучаться в рамках экспериентализма, где во главу угла поставлен телесный опыт: «...reason has a bodily basis» [Lakoff 1987: 267]. В концепции экспериентализма интерактивное свойство объекта является продуктом нашего взаимодействия с этим объектом. Представления об объектах — это многомерные гештальты с интерактивными характеристиками, включающими такие составляющие, как восприятие, функциональные свойства, моторно-двигательные особенности и целеполагание. В наши дни антропоморфная метафора способствует постижению объектов и явлений действительности «по образу и подобию» человека и тем самым пересекается с одним из ключевых понятий когнитивной лингвистики — понятием телесности, «воплощенности» (embodiment) [Evans 2006; Азнабаева 2012].

В задачу этой части исследования входит показать, как антропоцентрическая семантика первого значения используется в качестве исходной базы при формировании и функционировании метафорических значений. Предстоит также продемонстрировать, сохраняется ли при осмыслении метафор тот когнитивный образ, который лежит в основе главного значения.

АНТРОПОМОРФНОСТЬ И СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОБЩНОСТЬ СТРУКТУРЫ ПОЛИСЕМАНТА "EYE"

В качестве примера приведем анализ семантической структуры многозначного английского субстантива *eye* с точки зрения проявления антропоморфности мышления человека. Первое значение *eye* (1) является номинативно-непроизводным:

eye (1) — one of the two organs of sight in your face that are sensitive to light and used for seeing (один из двух органов зрения на вашем лице, которые чувствительны к свету и используются для зрения).

Следующим шагом на пути вывода доминантных семантических признаков полисеманта является интерпретация значений слова на основе установленного первого значения. Цель данной процедуры — определить мотивированность каждого последующего члена семантической структуры слова его «системным» значением, определить механизм образования производных тропеических толкований (метафорических, метонимических), а также фразеологически связанных значений с установлением семантических компонентов (зачастую потенциальных), лежащие в их основе.

Основными методами исследования являются комплексный эмпирический компонентно-инвариантный анализ по определению антропоморфных лексических кластеров многозначных слов, а также когнитивный анализ значений посредством реконструкции семиозиса лексем. В процессе предложенного анализа выносятся за скобки все признаки тривиального характера, редуцируясь до чистой абстракции [Песина 2014].

В метонимических значениях этого полисеманта получили отражение как антропоморфные признаки символического характера, непосредственно вытекающие из первого значения (например, сила зрения, направление взгляда), так и компоненты, логически вытекающие из семантики первого значения, но имеющие более отдаленный характер (способность понимать, воспринимать чье-то мнение).

Eye (2) — used to refer to someone's power of vision and in descriptions of the manner or direction of someone's gaze (используется для обозначения остроты зрения, а также при описании манеры или направления взгляда). Например: *A mix of glossy and matte leaves and angular and round flower heads will keep the eye moving* (сочетание блестящих и матовых листьев, а также угловатых и округлых соцветий не даст лишнего взгляда) [OED]. Данный ЛСВ (лексико-семантический вариант), передающий понятие о

чьей-то манере смотреть или направлении взгляда, силе зрения кого-либо, представляет собой метонимический перенос по модели «орган (зрения) человека — функция, выполняемая данным органом». Как можно видеть из толкования значения и приведенного контекста использования, речь идет не столько о простой способности смотреть, сколько об особой силе взгляда или о манере наблюдать. Поэтому метонимический механизм можно скорректировать как «орган человека — функциональные особенности его использования».

Метонимия *eye* (3) — an ability to understand and appreciate something seen (способность понимать и ценить увиденное) [MW] образована по механизму «орган человека — способность воспринимать/понимать что-либо посредством этого органа». Это сложная метонимия, или метафтонимия [Песина, Юсупова 2025], поскольку используется двойной метонимический механизм, предполагающий не только способность видеть как следствие функционирования главного органа зрения человека, но и далее, согласно логическому ходу мысли, и его способность понимать то, что он воспринял с помощью глаз.

Метонимия *eye* (4) — used to refer to someone's opinion or attitude toward something (используется для обозначения чьего-либо мнения или отношения к чему-либо) (*He seems to think that the media have reached a new low in the eyes of the public* / Похоже, он считает, что средства массовой информации достигли нового дна в глазах общественности) [OED]. Значение передает понятие о мнении (например, точке зрения аудитории), практически предполагая неограниченный круг референтов — тех, кто может выражать мнение. Данная метонимия образована по механизму «орган человека — способность использовать этот орган».

Метонимический перенос *eye* (5) — a detective, especially a private investigator [AHDEL] осуществлен на основе ассоциации, когда главным органом, обеспечивающим получение детективом информации (наблюдение за людьми), является зрение, поэтому на уровне разговорного регистра вполне логично возник перенос по модели «часть — целое».

В метафорах отражается разнообразное уподобление объектов внешнему виду и функции человеческого глаза. В задачу этой части исследования входит показать, как антропоцентрическая семантика НН значения используется в качестве исходной базы при формировании и функционировании метафорических значений. Предстоит продемонстрировать, сохраняется ли при осмыс-

лении метафор тот когнитивный образ, который лежит в основе главного значения:

Eye of a needle/ring (6) — the hole through the head of a needle/ring (отверстие в головке иглы/кольца) (*Use a good thread and make sure the needle eye is large enough for the thread type.* / Используйте качественную нить и убедитесь, что ушко иглы достаточно большое для данного типа нити) [MD]. Данное метафорическое значение основано на уподоблении овального или круглого отверстия иглы или кольца человеческому глазу (языковая картина мира носителей русского языка предполагает номинацию *ушко* иглы). Что касается отверстия в кольце, то русскоязычная языковая картина мира не содержит похожего метафорического образного уподобления типа «глаз или ушко кольца». Подобная метафора входит в число безэквивалентной лексики и может быть переведена на русский язык описательным способом — «отверстие внутри кольца». Тем не менее основные семантические компоненты, лежащие в основе данного метафорического переноса, очевидны: *a hole through the head of a needle/ring, used for passing sth through (a thread)*.

Следующее метафорическое значение семантически близко предыдущему: *eye of a loop/hook* (7) — a loop/hook at the end of a rope, especially one at the top end of a shroud; a loop or catch to receive a hook [MD] (петля/крючок на конце веревки, особенно на верхнем конце ваны; петля или защелка для крючка). (*The double overhand knot is tied through the eye of the hook and of the swivel, then secured with either a single or double crimp* / Двойной простой узел завязывается через ушко крючка и вертлюга, а затем закрепляется одинарным или двойным обжимным узлом) [OED]. Данное значение основано на образе петли или крючка на конце веревки. Отверстие внутри такой петли или крючка уподоблено человеческому глазу по форме. В данном ЛСВ можно выделить компоненты *an opening, in the length of line/thread etc., that is curved or doubled*.

В основе метафоры *eye of a twig/tuber* (8) — a bud on a twig or tuber (почка на веточке или клубне) [MD] (*The eyes and even sprouting potatoes are safe to use but they may not keep well.* / Глазки и даже проросший картофель безопасны для использования, но они могут плохо храниться) лежит уподобление глазка клубня картофеля или почки на ветке растения человеческому глазу. Сравнение осуществляется на основе образа глаза человека как круглого центрального углубления и образа почки на поверхности картофельного клубня/ростка на ветке. В этом

значении можно выделить следующие семантические компоненты: *protrusion, extended above a surface, roundish, small*.

Следует заметить, что использование метафоры часто продиктовано необходимостью заполнить номинативные лакуны в условиях отсутствия точного термина. При этом происходит сопоставление несопоставимых объектов, что делает коммуникацию возможной. Кроме того, являясь сильным выразительным средством, метафора опирается на фоновые ассоциации, требуя от адресата умственных усилий, а на глубинном уровне — транслируя эмоции и экспрессию.

Eye of a flower (9) — the often differently colored center of the corolla of some flowers (центр венчика некоторых цветов часто имеет разный цвет) [MD] (*As he stared into the eyes of the flower bud, memories began to flood within his own.* / Вглядываясь в глаза цветочного бутона, он вдруг вспомнил собственные воспоминания) [OED]. В данном случае метафорическое значение основано на уподоблении круглой центральной части цветка (часто контрастного цвета) внешнему виду глаза человека. Это значение, как и предыдущее, включает только идентифицирующие семантические компоненты, оно лишено функциональных признаков, тем не менее основано на олицетворении, когда цветок как бы смотрит на нас, при этом лепестки в какой-то степени можно уподобить ресницам глаза. В данном ЛСВ следует выделить компоненты *part of a flower, round, central, small, colored*.

Значение *the eye of an ax* (10) — a hole made in a thing for the insertion of some object, as the handle of a tool (отверстие, сделанное в предмете для вставки какого-либо предмета, например, рукоятки инструмента) [OED] возникло на основе сопоставления образа отверстия, предназначенного для фиксации ручки топора, и глаза как анатомического отверстия. Данная метафора фактически предполагает широкий референционный круг: любое отверстие соответствующей формы в каком-либо инструменте может быть номинировано как *eye*. Этот ЛСВ основан на семантических компонентах *an opening, in a tool, for the insertion of some object*. Отметим наличие функционального компонента в семантике этой метафоры.

Метафора *eye of a peephole/buttonhole* (11) [OED] основана на сравнении глаза человека как отверстия (глазницы) на лице и петли для пуговицы или отверстия для увеличительной дверной линзы для обзора (дверного глазка). Во втором случае мы имеем пограничный случай, предполагающий как метафорическую трактовку переноса (прозрачное отверстие в центральной

части объекта — двери), так и метонимический перенос по модели «часть тела/лица — функция, осуществляемая этой частью». В случае понимания этого ЛСВ как метафоры в ее основе лежат компоненты *a hole in a door/button, small, round, through which one may look*. Потенциальными компонентами, идентифицирующими понятие о глазе человека, становятся семы *small, round*, не представленные в первом значении, но зачастую являющиеся важнейшими в ходе метафорической антропоморфной категоризации индивидом окружающего пространства.

Eye of a peacock's tail (12) — a rounded eyelike marking on an animal, such as those on the tail of a peacock (округлая метка, похожая на глаз, на животном, например, на хвосте павлина) [OED] (*It is pleased when others look at the eyes on its tail feathers; it pulls them all together in a cluster for this purpose*); обычно круглая метка на хвосте павлина (ему нравится, когда другие смотрят на глаза на его хвостовых перьях; он собирает их все вместе в пучок для этой цели) [MD]. Данный ЛСВ основан на сходстве цветных круглых или овальных пятен на хвосте павлина с глазом человека по внешнему виду. Подобные яркие, красочные пятна имеют соответствующую форму (обычно круг/овал, один внутри другого), подобно глазу, состоящему из зрачка и белка и окаймленному ресницами. При этом создается впечатление, как будто глаза человека смотрят с роскошного павлиньего оперенья. В этой метафоре присутствуют компоненты *a marking, on a peacock's tail, circular or oval, colorful*.

Eye of a tropical cyclone/storm (13) — the circular area of relative calm at the center of a cyclone (круглая область относительного штиля в центре циклона) [AHDEL]; The calm region at the center of a storm or hurricane (*Only an aircraft flying right into the eye of the hurricane can accurately obtain the data.* / Только самолет, летящий прямо в глаз урагана, может точно получить эти данные). Метафора построена на сравнении глаза, как важнейшей центральной части лица, с эпицентром тропического циклона или шторма как относительно спокойной зоной с умеренным ветром и хорошей погодой. Эта область уподоблена глазу как отверстию и имеет преимущественно округлую форму. Следует отметить, что, несомненно, семантический компонент *central* является важнейшим в процессе семиозиса таких метафор, как *eye of a tropical cyclone/storm*, и относится к потенциальным компонентам, не отмеченным составителями словарей в номинативно-непроизводном значении. Данный перенос основан на компонентах *the area,*

circular, of relative calm, at the center of a cyclone/storm.

Семантически близким предыдущему значению является ЛСВ *eye of a wind* (14) — the direction from which the wind is blowing (направление, с которого дует ветер) [MD] (*The conversion into the eye of the wind from wide out was converted by Bernard Robinson...* / Преобразование из широкого направления в центр (глаз) ветра было выполнено Бернардом Робинсоном...). Стержневым, но семантически не представленным в первом значении становится признак центральности. В той степени, в какой глаз является важнейшим органом человека, в той же степени и то направление, откуда дует ветер, очень важно. В значении актуализируются компоненты *the direction, from which the wind is blowing, origin of it, important*.

Eye of meat (15) — a choice center cut of meat: *an eye of round/rib*; a compact mass of muscular tissue usually embedded in fat in a rib or loin cut of meat (отборный центральный кусок мяса: вырезка/ребро; компактная масса мышечной ткани, обычно вкрапленная в жир в ребристом или поясничном куске мяса) (*Fillet or tenderloin is the small eye of meat beneath the backbone under the sirloin.* / Филе или вырезка — это небольшой участок мяса (глаз) под позвоночником под вырезкой) [MD]. В основе этого ЛСВ лежит уподобление центральной филейной части мясной туши человеческому глазу по форме и внешнему виду. Подобно глазу, состоящему из зрачка и белка и окаймленному ресницами, центральный филейный (лучший) кусок мяса могут окружать жир и ребра. Данный перенос основан на компонентах *cut of meat, center, compact, roundish, usually embedded in fat/ rib*.

Семантически близким предыдущему является значение *eye of beef* (16) — a triangular piece of beef cut from between the top and bottom of a round (треугольный кусок говядины, вырезанный между верхней и нижней частью бедра) [MD]. Оно передает понятие о куске мяса треугольной формы, вырезанном из соответствующего куска округлой формы. Значение содержит семантические компоненты *cut of meat, center, triangular, cut from between the top and bottom of a round*.

An eye of cheese (17) — a hole formed during the maturation of cheese, esp. Emmentaler or Gruyère [MD]. Данный ЛСВ основан на схожести по внешнему виду полостей, образующихся в сыре в процессе созревания, с глазом человека. Эти полости имеют соответствующую форму (обычно круг/овал), подобно глазу, анатомически расположенному в полости. В этой метафоре присутствуют

компоненты *a hole, small, roundish, formed during the maturation of cheese*.

Eye of a photoelectric cell (18) — a photo-sensitive device (фоточувствительное устройство) [АНДЕЛ] (*The eye of the lens stays with the girl as she becomes aware of another behind her, a presence*. / Глаз линзы остается с девочкой, когда она осознает присутствие другого человека позади себя) [ОЕД]. Данная метафора основана на уподоблении человеческому глазу центральной части электронного или электрического устройства, который генерирует электричество, когда на него попадает свет. В основе метафоры лежит сравнение по функции — часть этого устройства (дословно — «глаз (центр) фотоэлектрической клетки») как бы «видит» или «улавливает» свет в той степени, в какой видит глаз человека. С другой стороны, фотоклетки, например, калькулятора могут напоминать глаз человека по форме. Значение основано на компонентах *electron-ic/electrical cells, often square, that generate electricity when light falls on them*.

Eye of a ship (19) — the extreme forward part of a ship (самая передняя часть корабля) (*Passengers are normally allowed into the «eyes» of the ship and this will give you an unrestricted view ahead*. / Пассажирам обычно разрешается заглядывать в «глаза» корабля, что обеспечивает беспрепятственный обзор вперед) [ОЕД]. Это переосмысление основано на уподоблении носовой, самой выдающейся вперед части судна, глазу. Данная важнейшая часть корабля сравнивается с центральными чертами лица — носом и глазами. Передняя часть — эта та часть судна, с которой осуществляется обзор и управление кораблем, в этой части открывается лучший вид на морские просторы. В этом смысле данный перенос является, скорее, метонимией по модели «часть тела/лица — функция этой части», в отличие от метафорического переноса *nose of a ship* (сравнение по форме).

Следующая метафора носит абстрактный характер и обозначает эпицентр проблемы, противоречия, действия, внимания: *eye of the problem/controversy/attention/action* (20) — the center or focal point of attention or action (центр или фокус внимания или действия) [АНДЕЛ]. В той степени, в какой глаза являются центральной и, следовательно, важнейшей частью лица, в той же степени и фокус проблемы, внимания и т. п. — это самая важная часть данных психических и акциональных феноменов. В основе анализируемого значения лежит базовый для метафорических переосмыслений, но не отмеченный словарями, а следовательно, имплицитный семантический компонент *central*

(of problem/controversy/attention/action). С данным значением соотносится метафора *eye of intelligence/influence* (21) — a center of intelligence, influence (центр разведки, влияния) [infoplease], передающая понятие о самой важной составляющей сущностей, связанных со способностями и характеристиками человека.

Наличие некоего абстрактного семантического ядра, стоящего за метафорическими переосмыслениями первого значения слова *eye*, косвенно подтверждается регистрацией следующего ЛСВ: *eye* (22) — an area that is approximately central within some larger region (область, приблизительно расположенная в центре какой-либо более крупной области) something having an appearance suggestive of an eye, something central (нечто, имеющее внешний вид, напоминающий глаз, нечто центральное) [MD]; thing resembling an eye in appearance, shape, or relative position, in particular (вещь, похожая на глаз по внешнему виду, форме или относительному положению, в частности) [ОЕД]. Данное метафорическое значение носит наиболее абстрактный характер, так как предполагает широкий круг объектов и их частей, похожих по форме, строению или функции на глаз человека.

Данные референты могут предполагать существование одной области в пределах другой, большей по размеру, и передавать понятие о центральной, наиболее важной части объекта. Основываясь на представленном выше анализе, можно заключить, что такими обобщенными компонентами будут *a small central roundish often colored part of sth or opening in sth, used for passing sth through/for the insertion of something*.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИНВАРИАНТНО-КОМПОНЕНТНОГО АНАЛИЗА МЕТАФОРИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ПОЛИСЕМАНТА “EYE”

Итак, проведенный анализ ЛСВ существительного *eye* демонстрирует, что они мотивированы как номинативно-непроизводным (НН) значением, так и выделенными в ходе компонентного анализа более абстрактными и зачастую скрытыми семантическими компонентами. Так, удалось установить следующее:

1. Так как метонимический перенос означает в общем смысле «перенос по смежности», то главным признаком метонимического значения является его «соотнесенность по смежности» с НН значением (one of the two organs of sight in your face that are sensitive to light and used for seeing), которая в данном исследовании условно обозначается как *associated, in a certain way, with*. Главный

механизм образования метонимий — «содержащее — содержимое». Подобный способ описания метонимического значения отражает не только узואально закрепленные ЛСВ, но и потенциально возможные.

Все эти значения содержат сему сравнения *as if*, поскольку предполагают сопоставление на основании НН значения и потенциальных сем. Осуществленный анализ первого и переосмысленных значений слова *eye* позволил определить частотность выделенных нами семантических компонентов: так, наиболее частотными оказались семы *small, central, roundish colored part of sth, opening in sth, used for passing sth through/for the insertion of something*. Данные компоненты указывают на то, что глаз в представлении носителя языка является важной, центральной круглой или овальной, часто цветной частью объекта. Глазом в представлении носителей английского языка может быть также круглое отверстие (обычно небольшое), сквозь которое что-то пропускается или проходит.

2. С помощью выделенных в ходе анализа важнейших антропоморфных семантических компонентов, которые явились базовыми для формирования семантической структуры слова, сформулируем те основные признаки, которым должен отвечать АЛИ-кластер анализируемого слова в составе содержательного ядра или лексического инварианта существительного *eye*: ***a small central roundish often colored area within some larger region or opening, used for passing through/for the insertion of sth, or the most intense part of a situation/human ability***. Если какая-либо часть объекта подпадает под данный кластер семантических компонентов, то ее можно назвать *eye*.

3. Сформулированный нами лексический кластер функционирует вследствие того, что в памяти человека естественным образом остаются воспоминания о случаях реализаций актуальных переносных значений в смысловых структурах высказываний, стоящих за формой и содержанием *eye*. Все значения данного слова можно назвать антропоморфными, напрямую связанными с тем, как человек посредством строения и функционирования своего важнейшего органа, через который он получает основную информацию (до 85 %), пытается объяснить суть окружающих его объектов.

4. Помимо своего буквального значения, обозначающего центральный зрительный орган или сферический элемент, концепт *eye* в английской лингвокультуре выступает метафорическим центром психической жизни. Он отражает пик эмоциональной и интеллектуальной интенсивности человека при

возникновении конфликта, фокусе внимания или совершении поступка.

5. Можно предположить, что исследуемый полисемант продолжит антропоцентрически развиваться в сторону лексического инварианта. Ввиду того, что семантическую основу метафорических переосмыслений лексемы *eye* составляют выявленные нами антропоморфные компоненты, связанные с человеческим телом, последние способны породить новые ассоциации (на основе лексического инварианта). Таким образом, в структуре полисеманта *eye* могут возникнуть новые переносные метафорические значения, т. е. антропоморфно-инвариантное направление развития семантической структуры этого слова является приоритетным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поскольку свойственный языку способ антропоморфной концептуализации действительности как универсален, так и национально-специфичен, в определенном нами в ходе анализа лексическом инварианте слова *eye* в свернутом виде заложены наиболее значимые компоненты значений, отражающие специфическое для определенной картины мира мировоззрение. Выявляя их, можно найти стереотипы отражения в сознании человека объектов и явлений, соответствующих как научной, так и, главным образом, обиходной картина мира, с учетом того, что зачастую в последней нет ничего наивного, помимо преломленного отражения действительности на определенном этапе развития сознания человека.

В целом антропоморфизм — это явление, которое затрагивает системные свойства мышления, воссоздающие стереотипы человеческого поведения, в том числе речевого. Поэтому антропоморфический характер человеческого мышления вполне оправдан логически и вполне закономерно имеет глубинные родовые черты, отражает ход и итог мировой истории, представляя собой результат социальных явлений того общества, в котором индивид живет; итог мировой истории укоренен в глубинных архетипических чертах современного человека и отражает результат социальных и политико-экономических воздействий.

ИСТОЧНИКИ

1. AHDEL = The American Heritage Dictionary of the English Language. — URL: <http://www.bartleby.com>.
2. MW = Merriam — Webster's Online Dictionary, 10th edition. — URL: <http://www.m-w.com>.
3. OED = Oxford English Dictionary. — Oxford at the Clarendon Press, 1970.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Азнабаева, Л. А. Когнитивный анализ антропоморфных номинаций / Л. А. Азнабаева // Вестник Башкирского универ-

ситета. — 2012. — Т. 17, № 1. — С. 149–153. — EDN OXTLVL.

2. Бурмакова, Е. А. Когнитивная природа антропоморфной метафоры в художественном дискурсе / Е. А. Бурмакова // Язык и культура. — 2015. — № 3(31). — С. 28–36. — DOI 10.17223/19996195/31/3. — EDN UUWRBJ.

3. Керимов, Р. Д. Метафорический антропоморфизм в социально-политической коммуникации / Р. Д. Керимов. — Кемерово : Кемеровский государственный университет, 2015. — 339 с. — ISBN 978-5-8353-1886-5. — EDN YIMDNJ.

4. Песина, С. А. Метафтонимия как средство создания нелинейного контекста / С. А. Песина, Л. Г. Юсупова // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования : тезисы докладов 83-й Междунар. науч.-техн. конф. (Магнитогорск, 21–25 апр. 2025 г.). — Магнитогорск : Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова, 2025. — Т. 3. — С. 142. — EDN QYUBNK.

5. Песина, С. А. Антропоморфная метафора как базовый механизм мышления в области категоризации действительности / С. А. Песина // Когнитивные исследования языка. — 2022. — № 2 (49). — С. 81–86. — EDN RRDEOG.

6. Песина, С. А. Инвариантность в когнитивной лингвистике и философии языка : учеб. пособие / С. А. Песина. — Москва : Флинта : Наука, 2014. — ISBN 978-5-9765-1786-8.

7. Складская, Г. Н. Метафора в системе языка / Г. Н. Складская. — 2-е изд., стер. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2004. — 165 с. — ISBN 5-8465-0206-7. — EDN XYYVET.

8. Теплякова, А. Б. Метафтонимия в освещении политики и экономики в мультимодальном медийном дискурсе / А. Б. Теплякова // Когнитивные исследования языка. — 2023. — № 3-1(54). — С. 232–236. — EDN FSJFAD.

9. Boyer, P. What Makes Anthropomorphism Natural: Intuitive Ontology and Cultural Representations / P. Boyer // Journal of the Royal Anthropological Institute. — 1996. — Vol. 2, Iss. 1. — P. 83. — DOI 10.2307/3034634.

10. Gadjeva, A. Y. Anthropomorphism as a part of language and culture / A. Y. Gadjeva, S. A. Atkamova // Молодой специалист. — 2024. — Vol. 3, No. 3(24). — P. 23–25. — EDN MDBXVP.

11. Evans, V. Cognitive Linguistics. An Introduction / V. Evans, M. Green. — Edinburgh University Press, 2006. — 830 p. — ISBN 978-0748618316.

12. Lakoff, G. Women, fire and dangerous things: what categories reveal about the mind / G. Lakoff. — Chicago : The University of Chicago Press, 1987. — ISBN 0226468038.

13. Representation of Polysemous Words in the Lexicon / S. A. Pesina, L. G. Yusupova, N. V. Kozhushkova [et al.] // Applied Linguistics Research Journal. — 2021. — Vol. 5, No. 2. — P. 131–136. — DOI 10.14744/alrj.2021.93276. — EDN YBXVUT.

MATERIALS

1. AHDEL = The American Heritage Dictionary of the English Language. Available from <http://www.bartleby.com>.

2. MW = Merriam — Webster's Online Dictionary, 10th edition. Available from <http://www.m-w.com>.

3. OED = Oxford English Dictionary. Oxford at the Clarendon Press, 1970.

REFERENCES

1. Aznabaeva, L. A. (2012). Kognitivnyy analiz antropomorfnykh nominatsiy = Cognitive analysis of anthropomorphic nominations. *Bulletin of Bashkir University*, 17(1), 149–153. EDN OXTLVL.

2. Burmakova, E. A. (2015). Kognitivnaya priroda antropomorfnoy metafory v khudozhestvennom diskurse = Cognitive nature of anthropomorphic metaphor in artistic discourse. *Language and Culture*, 3(31), 28–36. DOI 10.17223/19996195/31/3. EDN UUWRBJ.

3. Kerimov, R. D. (2015). Metaforicheskiy antropomorfizm v sotsial'no-politicheskoy kommunikatsii = Metaphorical anthropomorphism in socio-political communication. Kemerovo: Kemerovo State University, 339 p. ISBN 978-5-8353-1886-5. EDN YIMDNJ.

4. Pesina, S. A., Yusupova, L. G. (2025). Metaftonimiya kak sredstvo sozdaniya nelineynogo konteksta = Metaphonymy as a means of creating a nonlinear context. *Actual problems of modern science, technology and education. Abstracts of the 83rd Int. scientific and technical conf. (Magnitogorsk, April 21-25, 2025)*, 3, 142. Magnitogorsk: Magnitogorsk State Technical University named after G. I. Nosov. EDN QYUBNK.

5. Pesina, S. A. (2022). Antropomorfная метафора как базовый механизм мышления в области категоризации действительности = Anthropomorphic Metaphor as a Basic Mechanism of Thinking in the Field of Categorization of Reality. *Cognitive Studies of Language*, 2(49), 81–86. EDN RRDEOG.

6. Pesina, S. A. (2014). Invariantnost' v kognitivnoy lingvistike i filosofii yazyka = Invariance in Cognitive Linguistics and Philosophy of Language. Textbook. Moscow: Flinta, Nauka. ISBN 978-5-9765-1786-8.

7. Sklyarevskaya, G. N. (2004). Metafora v sisteme yazyka = Metaphor in the language system. 2nd ed., ster. Philological Faculty of St. Petersburg State University, 165 p. ISBN 5-8465-0206-7. EDN XYYVET.

8. Teplyakova, A. B. (2023). Metaftonimiya v osvshchenii politiki i ehkonomiki v mul'timodal'nom mediynom diskurse = Metaphonymy in Coverage of Politics and Economics in Multimodal Media Discourse. *Cognitive Studies of Language*, 3-1(54), 232–236. EDN FSJFAD.

9. Boyer, P. (1996). What Makes Anthropomorphism Natural: Intuitive Ontology and Cultural Representations. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 2(1), 83. DOI 10.2307/3034634.

10. Gadjeva, A. Y., Atkamova, S. A. (2024). Anthropomorphism as a part of language and culture. *Young Specialist*, 3(3[24]), 23–25. EDN MDBXVP.

11. Evans, V., Green, M. (2006). Cognitive Linguistics. An Introduction. Edinburgh University Press, 830 p. ISBN 978-0748618316.

12. Lakoff, G. (1987). Women, fire and dangerous things: what categories reveal about the mind. Chicago : The University of Chicago Press. — ISBN 0226468038.

13. Pesina, S. A., Yusupova, L. G., Kozhushkova, N. V., et al. (2021). Representation of Polysemous Words in the Lexicon. *Applied Linguistics Research Journal*, 5(2), 131–136. DOI 10.14744/alrj.2021.93276. EDN YBXVUT.

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Политическая лингвистика. 2026. № 4 (118).

Political Linguistics. 2026. No 4 (118).

УДК 811.411.171.1'42+81'27+811.411.171.1'22

ББК Ш161-51+Ш161-006.21+Ш100.2

ГРНТИ 16.21.27; 11.15.25

Код ВАК 5.9.8

Алнаджар Тарек Валед

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, twhn2022@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1526-5250>

Семиотика персональных символов в палестинском национальном дискурсе: типология, механизмы репрезентации и политико-коммуникативные функции

АННОТАЦИЯ. Предметом статьи является персональная символика в палестинском национальном дискурсе. Тема исследования связана с тем, каким образом отдельные политические, культурные, общественные и связанные с национальной борьбой фигуры превращаются в устойчивые символы, выходящие за пределы индивидуальной биографии. Цель работы состоит в выявлении основных типов таких фигур, механизмов их дискурсивной и вербально-визуальной репрезентации, а также выполняемых ими политико-коммуникативных функций. Методология исследования основана на качественном подходе, объединяющем семиотический анализ, дискурс-анализ и политико-коммуникативный анализ. В результате выделены четыре типа значимых персональных фигур: тело, сражающееся до конца; открытое / переговорное / осажденное тело; обездвиженное сопротивляющееся тело; скрытое или самоустраивающееся тело. Показано, что производство персональной символики осуществляется через номинацию, прозвища, фреймирование, метафору, местоимения, визуальный образ и цифровую циркуляцию. Практическая значимость результатов заключается в возможности их применения при анализе политического дискурса, национальной памяти и символической коммуникации в конфликтных обществах. Делается вывод, что палестинская персональная символика выступает не как прославление отдельных лиц, а как механизм воспроизводства легитимности, мобилизации, памяти, национального нарратива и борьбы за смысл.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, палестинская персональная символика, персональные символы, национальный дискурс, политико-коммуникативные функции, политическая семиотика, фреймирование, коллективная память, политическое представительство, палестинские символы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Алнаджар Тарек Валед, аспирант кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории, Институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия, email: twhn2022@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Алнаджар, Т. В. Семиотика персональных символов в палестинском национальном дискурсе: типология, механизмы репрезентации и политико-коммуникативные функции / Т. В. Алнаджар. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 4 (118). — С. 59-68.

Alnajjar Tareq W. H.

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, twhn2022@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1526-5250>

The Semiotics of Personal Symbols in Palestinian National Discourse: Typology, Mechanisms of Representation, and Politico-Communicative Functions

ABSTRACT. This study analyzes personal symbolism in Palestinian national discourse. The research topic is related to how certain political, cultural, social, and national struggle-related figures become stable symbols that transcend individual biographies. The aim of the work is to identify the main types of such figures, the mechanisms of their discursive and verbal-visual representation, as well as the politico-communicative functions they perform. The research methodology is based on a qualitative approach that combines semiotic analysis, discourse analysis, and politico-communicative analysis. As a result, four types of significant personal figures have been identified: the person fighting to the end; the open / negotiable / besieged person; the immobilized, resisting person; the hidden or self-effacing person. It has been shown that the production of personal symbolism is carried out through nomination, nicknames, framing, metaphor, pronouns, visual imagery, and digital circulation. The practical significance of the results lies in the possibility of applying them to the analysis of political discourse, national memory, and symbolic communication in conflict societies. It is concluded that Palestinian personal symbolism does not serve as a glorification of individual figures, but rather as a mechanism for reproducing legitimacy, mobilization, memory, national narrative, and struggle for reason.

KEYWORDS: political discourse, Palestinian personal symbolism, personal symbols, national discourse, politico-communicative functions, political semiotics, framing, collective memory, political representation, Palestinian symbols.

AUTHOR'S INFORMATION: *Alnajjar Tareq W. H., Post-Graduate Student of Department of Foreign Area Studies and Local History, Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.*

FOR CITATION: *Alnajjar T. W. H. (2026). The Semiotics of Personal Symbols in Palestinian National Discourse: Typology, Mechanisms of Representation, and Politico-Communicative Functions. In Political Linguistics. No 4 (118), pp. 59-68. (In Russ.).*

1. ВВЕДЕНИЕ

Устойчивое присутствие палестинского вопроса в публичном пространстве обеспечивается не только продолжением прямого политического действия, но и способностью палестинского национального дискурса производить значимые персональные фигуры, превращающиеся в носителей символических смыслов сопротивления, памяти, легитимности и представительства. Данное исследование сосредоточено не на материальных национальных символах (таких как куфия, ключ возвращения или оливковое дерево), а на персональной символике — на том, каким образом определенные политические, культурные, общественные и связанные с национальной борьбой фигуры становятся символами, выходящими за пределы индивидуальной биографии и выполняющими политико-коммуникативные функции в коллективном сознании.

Актуальность темы обусловлена тем, что символическая фигура в палестинском случае формируется не как изолированный индивидуальный образ, а как элемент более широкой дискурсивной и семиотической системы. Ее значение может проистекать из боевого присутствия, представительской позиции, физической слабости, переосмысленной в качестве нравственной силы, или исчезновения индивидуальных черт ради коллективного символа. Соответственно, задача статьи состоит не в ценностной оценке этих фигур, а в анализе механизмов их репрезентации и воспроизводства внутри палестинского национального дискурса.

Исследовательская проблема заключается в объяснении того, как палестинский национальный дискурс производит значимые персональные фигуры и обеспечивает их циркуляцию в коллективной памяти и национальном нарративе. Исходя из этого, центральный исследовательский вопрос формулируется так: каковы дискурсивные и вербально-визуальные механизмы производства значимых персональных фигур в палестинском национальном дискурсе и какие политико-коммуникативные функции они выполняют, поддерживая непрерывность национального нарратива?

Гипотеза исследования состоит в том, что устойчивость палестинских символических фигур определяется взаимодействием

колониального контекста, дискурсивно-визуальной репрезентации, социальной памяти и ценностных ориентиров, в рамках которых утрата превращается в коллективный символический смысл.

Научная новизна состоит в подходе к палестинской персональной символике как к смысловой системе, включающей несколько типов, а не как к набору отдельных биографий или разрозненных примеров. Предлагается аналитическая типология четырех основных типов значимых персональных фигур: тело, сражающееся до конца; открытое / переговорное / осажденное тело; обездвиженное сопротивляющееся тело; скрытое или самоустраняющееся тело. Исследование опирается на качественный подход, объединяющий семиотический анализ, дискурсивный анализ номинации, фреймирования и вербально-визуальной репрезентации, а также политический анализ функций этих фигур в палестинском национальном дискурсе.

2. МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование основано на качественном подходе к анализу персональной символики в палестинском национальном дискурсе. Его цель — не создание исчерпывающего количественного корпуса, а разработка аналитической модели, объясняющей механизмы производства и циркуляции значимых персональных фигур в качестве политических и культурных знаков. Материалом служат репрезентативные примеры палестинских фигур, получивших символическое значение в политическом дискурсе, медиа, народной памяти, визуальной культуре, мемориальных практиках и цифровой коммуникации, включая способы их называния, устойчивые ценностные формулы и визуально считываемые признаки самой фигуры.

Эти примеры отобраны не как отдельные биографии, а как образцы различных типов персональной символики внутри палестинской национальной системы. Поэтому такие фигуры, как Ясир Арафат, Ахмад Ясин, Яхья Синвар, Далаль аль-Муграби, Мухаммад ад-Дурра, Фарис Уда, Абу Убайда, Махмуд Дарвиш, Гассан Канафани и Наджи аль-Али, рассматриваются не с точки зрения политической или моральной оценки их действий и

статуса, а с точки зрения того, каким образом конструируются их символические значения в палестинском национальном дискурсе.

Анализ опирается на три взаимосвязанных инструмента: семиотический анализ, позволяющий читать фигуру как сложный знак, выводящий за пределы индивида к смыслу жертвенности, стойкости, легитимности и представительства; дискурсивный анализ, прежде всего анализ номинации, фреймирования и вербально-визуальной репрезентации; и политико-коммуникативный анализ, изучающий функции этих фигур в легитимации, мобилизации, сохранении памяти и поддержании непрерывности национального нарратива. Данное методологическое ограничение оправданно, поскольку исследование нацелено на построение качественной аналитической модели, которая в дальнейшем может проверяться на более широком корпусе дискурсивных и визуальных материалов, а не на получение статистических данных или сплошного количественного измерения распространенности персональных символов.

3. ТЕОРЕТИКО-ПОНЯТИЙНЫЕ ОСНОВАНИЯ: ПЕРСОНАЛЬНАЯ СИМВОЛИКА И МЕХАНИЗМЫ ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Исследование опирается на четыре взаимосвязанных понятия: символ как сложный знак, символическая система, политический образ как фреймирующая конструкция и механизмы символического воспроизводства. Эти понятия используются как аналитические инструменты для объяснения превращения исторической личности в политический и культурный знак.

Символ понимается здесь не просто как известный образ или имя, а как знак, выходящий за пределы самого человека и отсылающий к более широким значениям — жертвенности, стойкости, легитимности и национального представительства. Символическая фигура рассматривается как носитель коллективного смысла, формирующегося внутри дискурса и меняющегося в зависимости от контекста, аудитории и способов восприятия [Barthes 1972: 109–159; Swedenburg 1990: 18–20; Шейгал 2004; Чудинов 2012].

Понятие символической системы обозначает совокупность значимых персональных фигур и способов их циркуляции в национальном дискурсе. В этом смысле палестинские символические фигуры изучаются не как изолированные случаи, а как элементы структуры, распределенной между ло-

кальным, национальным и международным уровнями [Khalili 2007: 17–21; Davis 2017: 69–73; Чудинов 2012].

Политический образ трактуется не как нейтральное отражение реальности, а как дискурсивно-коммуникативная конструкция, формируемая через отбор, акцентирование и интерпретацию. Теория фреймирования позволяет объяснить, каким образом фигура переводится с уровня события на уровень символа, способного циркулировать в национальном и международном пространстве [Entman 1993: 52–53; Муслех 2018: 87–97].

Под механизмами символического воспроизводства понимаются процессы, обеспечивающие продолжение существования значимой фигуры после ее первого появления: медиа, локальная память, номинация, мемориальные тексты, визуальная репрезентация и цифровая циркуляция. Эти механизмы закрепляют присутствие символа и позволяют заново интерпретировать его в разных поколениях и контекстах [Khalili 2007: 84–96; Nashif 2008: 113–130; Davis 2017: 74–80].

4. ТИПОЛОГИЯ ЗНАЧИМЫХ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ФИГУР В ПАЛЕСТИНСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Палестинский национальный дискурс производит не единую модель значимой персональной фигуры, а несколько символических типов, различающихся телесной организацией, способом публичного появления и политической, культурной или социальной принадлежностью. Поэтому палестинская значимая фигура не может рассматриваться как продолжение одной идеологической линии. Напротив, она формируется в плюралистическом национальном поле, включающем политические, полевые, культурные, профессиональные, локальные, женские и молодежные фигуры [Khalili 2007: 1–21; Nashif 2008: 1–20].

С этой точки зрения значимые персональные фигуры читаются не только как индивидуальные биографии, но и как повторяющиеся символические типы в национальном дискурсе. Можно выделить четыре основных типа: тело, сражающееся до конца; открытое / переговорное / осажденное тело; обездвиженное сопротивляющееся тело; скрытое или самоустраняющееся тело. Эти типы представляют собой не закрытую классификацию, а инструмент для понимания связи между телом, образом, номинацией, памятью и политической функцией символа [Khalili 2007: 113–149; Шейгал 2004; Чудинов 2012].

4.1. Тело, сражающееся до конца

Этот тип основан на соединении значимой фигуры с полемым действием и идеей прямого противостояния. Символическая насыщенность возникает здесь не только из лидерской позиции или публичной речи, но и из устойчивой связи между телом и действием, между личным присутствием и моментом опасности или смерти. Тем самым сражающееся тело превращается в знак боевой легитимности, суть которой — неразрывность слова и дела, лидерства и поля противостояния [Khalili 2007: 113–149].

К этому типу могут быть отнесены такие фигуры, как Изз ад-Дин аль-Кассам, Абд аль-Кадир аль-Хусейни и Далаль аль-Муграби. Их объединяет не единство исторического периода или идеологической принадлежности, а способ репрезентации в палестинском восприятии — как тел, присутствующих в момент прямого столкновения. Пример Далаль аль-Муграби обнаруживает, что образ сражающегося тела не сводится к мужской репрезентации сопротивления, но может нести гендерное измерение внутри символической системы [Khalili 2007: 126–129]. В современном контексте символика Яхьи Синвара может читаться в рамках этого типа, поскольку связывается с образом лидерского тела, не отделенного от поля противостояния, тогда как Ибрагим ан-Набульси представляет пример локального молодежного символа, выходящего за пределы города в национальное пространство через народную и цифровую рецепцию [Khalili 2007: 113–149; Davis 2017: 74–80].

4.2. Открытое / переговорное / осажденное тело

Этот тип связан с фигурой, значение которой формируется через публичное присутствие и прямую представительскую функцию. Здесь тело открыто, имя известно, политическая или культурная роль открыто обозначена, а фигура строится через способность представлять дело или коллектив перед внутренней и внешней аудиторией. В определенных обстоятельствах этот тип может смещаться от образа представителя или переговорщика к образу осажденного тела, в результате чего его значение переходит от политического представительства к символической стойкости [Entman 1993: 52–53; Чудинов 2012; Муслех 2018: 87–97].

Наиболее очевидным примером этого типа является Ясир Арафат, соединивший публичное политическое присутствие, международное представительство палестинского вопроса и, на позднем этапе, образ осажденного тела. В этом случае фигура

перестает быть лишь политическим актором и становится местом борьбы за признание, легитимность и сам образ палестинского вопроса [Муслех 2018: 87–97]. К этому типу в разной степени могут быть отнесены публичные политические и культурные фигуры, такие как Ханан Ашрауи в ее представительском измерении, Махмуд Дарвиш и Гассан Канафани — в культурно-символическом, Наджи аль-Али — в критическом карикатурном. Открытое присутствие не ограничивается политической фигурой в узком смысле, но охватывает любую публичную фигуру, заново представляющую палестинский вопрос как дискурс, память и идентичность [Rowland, Frank 2002: 1–16].

Этот тип показывает, что значимая фигура не всегда базируется на военном действии или организационной позиции; она может основываться также на способности производить язык, образ или национальное воображаемое. Отсюда — особая значимость Гассана Канафани и Наджи аль-Али, демонстрирующих, что слово и рисунок способны выполнять символическую функцию, близкую к функции политического или полевого тела, уплотняя память и заново представляя палестинца в национальном и международном пространствах.

4.3. Обездвиженное сопротивляющееся тело

Этот тип основан на очевидном символическом парадоксе: тело, несущее знаки слабости или инвалидности, воспроизводится в национальном дискурсе как тело высокой символической эффективности. Значимая фигура строится здесь не на образе физической силы или боевого присутствия, а на способности дискурса превращать видимую слабость в противоположное значение — стойкость, вызов и нравственную легитимность.

Ярким примером этого типа служит шейх Ахмад Ясин. В палестинском восприятии его тело прочитывалось не как знак беспомощности, а как знак вызова и способности влиять вопреки физическим ограничениям. Плотность этой модели возникает из напряжения между ограниченностью тела и расширением символического действия: телесная хрупкость не ослабляет символ, а напротив, может усиливать его, поскольку переводит фигуру в нравственное поле, обладающее сильным воздействием на коллективное сознание [Khalili 2007: 17–21].

В более широком смысле этот тип не исчерпывается физической инвалидностью, но раскрывает способность национального дискурса превращать позиции слабости или телесной уязвимости в источники символиче-

ской силы. Поэтому присутствие профессиональных и социальных фигур — врача, медсестры, матери, заключенного — может быть понято как модели, чья символика опирается не на жесткую силу, а на значения терпения, заботы, жертвенности и стойкости. В эту рамку в разной степени вписываются такие фигуры, как Абд аль-Азиз ар-Рантиси, Разан ан-Наджжар и Хадер Аднан [Nashif 2008: 113–130; Davis 2017: 74–80].

4.4. Скрытое или самоустраняющееся тело

Этот тип представляет собой более сложный случай, поскольку он основан не на подчеркивании индивида, а на уменьшении его визуального присутствия в пользу более широкого коллективного символа. Здесь иконический образ строится не из открытого лица или подробной индивидуальной биографии, а из самого отсутствия: отсутствия черт лица, сокрытия личного имени или растворения индивида в группе, идее, организации или деле.

Ярким примером этой модели является замаскированный представитель, как в случае Абу Убайды. Маска из куфии превращается из знака идентичности в инструмент ее сокрытия, так что фокус смещается с индивида на символическую функцию, которую он выполняет. Парадокс здесь в том, что устранение индивидуальности не ослабляет иконический образ, а может повышать его символическую плотность, загадочность и способность к циркуляции, поскольку фигура становится менее привязанной к индивидуальному телу и более связанной с коллективным воображением [Abdul-Dayyem, Ben-Ze'ev 2020: 849–852]. Тем самым эта модель отличается от открытого лидера или переговорщика: она производит свою символику из сокрытия, а не из появления, из голоса, а не из лица, из функции, а не из индивидуальной биографии [Rowland, Frank 2002: 17–29; Чудинов 2012].

Присутствие Хандалы как иконической графической фигуры может быть понято на границе этого типа, но не полностью внутри него. Хандала не является исторической фигурой в прямом смысле, а представляет собой воображаемый персонаж, превратившийся в квазиперсональный знак палестинского воображения. Он аккумулирует в себе смыслы детства, изгнания, ожидания и возвращения и выполняет дискурсивную функцию, близкую к функции реальных персональных фигур, уплотняя память и идентичность. Тем самым Хандала показывает, что палестинская символическая система производит свои символы не только из реальных тел, но и из воображаемых персонажей,

если они становятся способными циркулировать как носители коллективного смысла.

5. ДИСКУРСИВНЫЕ И ВЕРБАЛЬНО-ВИЗУАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ПРОИЗВОДСТВА И ЦИРКУЛЯЦИИ ЗНАЧИМОЙ ПЕРСОНАЛЬНОЙ ФИГУРЫ

Данный раздел переходит к анализу механизмов, превращающих рассмотренные выше типы тел в символы. Персональная фигура не становится значимой лишь в силу своего присутствия в политическом, полевым или культурном событии. Она обретает это качество благодаря дискурсивным и вербально-визуальным процессам, которые заново ее именуют (номинация), фреймируют, закрепляют ее образ и связывают с коллективной памятью, способной к дальнейшей циркуляции. Таким образом, персональная символика понимается не как автоматическое следствие индивидуальной биографии, а как постепенное дискурсивное и семиотическое конструирование [Barthes 1972: 109–159; Шейгал 2004; Чудинов 2012].

5.1. Номинация и прозвища как механизм производства символа

Номинация представляет собой один из ключевых механизмов превращения личности из исторического индивида в коллективный знак. Имя в политическом дискурсе выполняет не только идентифицирующую функцию, но и несет в себе смысловую нагрузку, определяющую позицию фигуры в коллективном сознании. Поэтому различие между «Ясир Арафат» и «Абу Аммар», между «Ахмад Ясин» и «шейх Ахмад Ясин», между личным именем и организационным или народным прозвищем — это не простое языковое различие, а различие в конструировании образа, легитимности и принадлежности [Шейгал 2004; Чудинов 2012].

Такие обозначения, как «шахид», «заключенный», «лидер», «шейх», «мать», «замаскированный представитель» или «символ», не просто описывают фигуру, но заново вписывают ее в определенную ценностную систему. Они переносят фигуру с уровня индивида на уровень роли, а с уровня частной биографии — на уровень коллективной функции, закрепляя за ней место в более широком нарративе о жертвенности, стойкости, представительстве и памяти [Khalili 2007: 84–96; Nashif 2008: 113–130].

Значение номинации особенно очевидно, когда прозвище становится более употребительным, чем личное имя. Так, «Абу Аммар» отсылает к отцовскому и политически объединяющему образу в национальном сознании, а «шейх» в случае Ахмада Ясина привязывает фигуру к религиозному и нрав-

ственному полю. В случае же замаскированного представителя отсутствие личного имени или его оттеснение на второй план позволяет превратить фигуру в дискурсивную функцию, а не в индивидуальную личность: сокрытие имени становится частью производства символа, а не его дефицитом.

5.2. Дискурсивное фреймирование: от события к смыслу

Простого факта события или появления фигуры недостаточно для ее превращения в символ: необходима дискурсивная рамка, определяющая способ ее прочтения. Теория фреймирования объясняет этот процесс тем, что дискурс не отражает факты нейтрально, а отбирает их отдельные элементы, акцентирует их и связывает с причинным объяснением, моральной оценкой или политической функцией [Entman 1993: 52–53]. Вследствие этого одна и та же фигура может быть представлена в рамках «сопротивления» или «угрозы», «шахидства» или «насилия», «стойкости» или «экстремизма» — в зависимости от производителя дискурса и его политико-медийного контекста.

В палестинском национальном дискурсе значимая персональная фигура обычно фреймируется через ее связь со смыслами жертвенности, стойкости, верности, представительства и справедливости. В противоположных дискурсах, особенно в некоторых формах официального и медийного израильского и западного дискурса, та же фигура может быть вновь представлена как знак «подстрекательства», «угрозы безопасности» или «терроризма». Таким образом, символическая фигура становится не просто объектом упоминания или репрезентации, а местом интерпретационного конфликта [Entman 1993: 52–53; Чудинов 2012].

Значение фреймирования особенно заметно в случаях, когда символика фигуры возникает из одного концентрированного образа или момента: ребенка-шахида, юноши в неравном противостоянии, осажденного тела, заключенного, объявившего голодовку. В этих случаях визуальный образ не действует изолированно, а функционирует внутри языковой рамки, задающей его значение: является ли этот образ жертвой, сопротивляющимся, свидетелем насилия или объектом угрозы? Производство значимой фигуры, таким образом, всегда требует устойчивой связи между образом и дискурсом, который его интерпретирует и закрепляет [Davis 2017: 74–80; Abu-Ayyash 2024: 1–6].

5.3. Метафора и ценностные формулы

Политическая метафора играет важную роль в уплотнении образа значимой персо-

нальной фигуры. Национальный дискурс не просто описывает такие фигуры, но переосмысляет их через устойчивые символические образы: «тело-крепость», «голос, который не исчезает», «икона», «корень», «совесть», «свидетель», «лицо стойкости». Эти метафоры, взаимодействуя с визуальными признаками фигуры, переводят ее с уровня отдельного события на уровень воспроизводимого и повторно вызываемого смысла [Барт 1972: 109–159; Barthes 1977; Mitchell 1994; Чудинов 2012; Шейгал 2004].

Особенно заметно это в репрезентации сражающегося тела. В случаях Абд аль-Кадира аль-Хусейни и Яхьи Синвара формулы «стойкость», «готовность стоять до конца», «отказ от отступления» соединяются с визуальными образами поля боя, осажденного пространства, последнего появления, похоронной сцены или последующего тиражирования изображения. В результате тело участника события перестает быть только биографическим фактом и превращается в визуально-вербальный знак продолжения борьбы. Эти примеры не отождествляются политически или исторически, а показывают общий семиотический механизм перевода физического присутствия в момент опасности в ценностную формулу стойкости.

Иной механизм действует в случае осажденной или ограниченной фигуры, прежде всего в символической репрезентации Ясира Арафата последних лет. Формулы «стойкость», «осада», «твердость», «непокоренность» соединяются с визуальными образами закрытого пространства, окружения, разрушенного здания, ограниченного движения или изолированного тела. В то же время имя «Абу Аммар» работает внутри вербального ряда: оно усиливает не только политическое значение фигуры, но и ее эмоционально-патерналистскую близость. В таком взаимодействии осада перестает быть только материальным фактом и превращается в метафору сохранения палестинского дела под давлением.

Особое значение имеет метафоризация уязвимого тела, например в образе шейха Ахмада Ясина или фигуры палестинского заключенного. Обездвиженное, раненое, заключенное, голодающее или подвергнутое опасности тело прочитывается через парадокс, обращающий видимую слабость в знак силы и нравственной легитимности. Здесь формулы «терпение», «достоинство», «стойкость», «жертвенность» взаимодействуют с визуальными знаками телесной ограниченности: инвалидной коляской, тюремной решеткой, больничной палатой, медицинской одеждой или истощенным телом. В этом

контексте титул «шейх» также входит в вербальный ряд: он не отменяет телесную слабость, а переводит ее в регистр нравственного авторитета, духовной устойчивости и символической преемственности [Allen 2013; Khalili 2007: 113–149; Nashif 2008: 113–130].

В случае скрытой или коллективной фигуры, например Абу Убайды или Мухаммада Дейфа, символизация строится вокруг отсутствия лица. Формулы «голос сопротивления», «голос, который не исчезает», «коллективный голос», «невидимый командир» соотносятся с визуальными элементами маски, затемненного лица, редкой фотографии или полного отсутствия изображения. Здесь визуальная неполнота не ослабляет символ, а усиливает его: внимание переносится с индивидуальной биографии на функцию, голос, имя или коллективное представительство. Поэтому прозвище «аль-Мулятта» действует как часть вербального ряда, объясняющего визуальный знак маски: скрытое лицо превращается в голос коллективного субъекта.

Наконец, в случае воображаемой или иконической фигуры, прежде всего Хандалы, вербальный ряд строится вокруг формул «возвращение», «изгнание», «ожидание», «молчаливый отказ», тогда как визуальный ряд представлен устойчивым образом ребенка, повернутого спиной, со скрещенными за спиной руками. Символическая сила возникает здесь не из биографической реальности персонажа, а из повторяемости визуального знака и его связи с ключевыми ценностными формулами палестинского дискурса. Поэтому Хандала функционирует как визуальная метафора незавершенного возвращения и как постоянный свидетель продолжающейся несправедливости.

Таким образом, метафоры, имена, куньи, прозвища и титулы не образуют отдельный уровень анализа, а входят в общий вербально-визуальный механизм репрезентации. Вербальные формулы задают ценностную рамку фигуры, а визуальный ряд делает эту рамку узнаваемой, эмоционально насыщенной и пригодной для повторного воспроизведения. Именно во взаимодействии слова и образа формируются основные семиотические модели: тело как крепость, голос как коллективное присутствие, уязвимость как моральная сила, отсутствие лица как знак общности, иконический образ как память о незавершенном возвращении.

Эти метафоры и номинации связаны с повторяющимися ценностными формулами: «жертвенность», «стойкость», «твердость», «достоинство», «верность», «память», «возвращение». Данные формулы действуют как

общая смысловая ткань, позволяющая символике переходить между фигурами, принадлежащими к разным социальным и политическим полям: боец, врач, инженер, поэт, заключенный, мать, медсестра, ребенок или воображаемый персонаж могут входить в одну и ту же символическую систему, поскольку дискурс связывает их с ценностями, выходящими за пределы их индивидуальных ролей [Khalili 2007: 113–149; Nashif 2008: 113–130].

5.4. Местоимения и оппозиция «мы / они»

Местоимения участвуют в превращении значимой персональной фигуры из индивидуального субъекта в коллективный знак. Выражения «мы», «наш народ», «наше дело», «наша земля» не выполняют нейтральную грамматическую функцию, а очерчивают границы коллективного субъекта и включают фигуру в национальный нарратив [Шейгал 2004; Чудинов 2012; Муслех 2018: 87–97].

Оппозиция «мы / они» закрепляет фигуру внутри конфликтных отношений: она определяется не только тем, что представляет для своей группы, но и тем, как соотносится с другой стороной, подаваемой как источник насилия, изгнания, блокады или делегитимации. Этот механизм замечен в представительской модели Ясира Арафата, где личное имя соединяется с позицией коллективного голоса, и в модели замаскированного голоса, где индивидуальная биография отступает перед неперсонализированным «мы».

5.5. Образ, визуальная репрезентация и цифровая циркуляция

Палестинская персональная символика неотделима от визуального образа. Фотография, телевизионный кадр, плакат, настенное изображение, карикатура или цифровой материал играют центральную роль в закреплении фигуры в памяти. Однако образ не действует изолированно, а включен в отношения с текстами, прозвищами, комментариями и мемориальными практиками, которые определяют и воспроизводят его значение [Khalili 2007: 84–96; Davis 2017: 69–85; Abu-Ayyash 2024: 1–14].

С этой точки зрения можно понять силу отдельных визуальных знаков: куфия, маски, инвалидной коляски, настенного изображения, образа ребенка, образа заключенного или карикатурной фигуры, как в случае Хандалы. Эти элементы являются не внешними деталями, а знаками, концентрирующими в себе позицию и функцию фигуры в дискурсе: куфия связывает с национальной идентичностью, маска превращает индивида в коллективный голос, инвалидная коляска пере-

осмысляет телесную слабость как нравственную стойкость, а Хандаля аккумулирует опыт изгнания, ожидания и возвращения.

Цифровая циркуляция увеличила скорость распространения и переосмысления этих символов. Образ больше не ограничен плакатом, настенным изображением или прессой — он может быть заново опубликован, прокомментирован и модифицирован в различных цифровых пространствах. Однако это же пространство стало и полем борьбы за символ: через усиление его присутствия, с одной стороны, и через удаление, ограничение доступа или повторное фреймирование в рамках политики платформ и дискурсов безопасности — с другой.

6. ПОЛИТИКО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ФУНКЦИИ ПЕРСОНАЛЬНОЙ СИМВОЛИКИ

После того как значимая персональная фигура формируется через различные телесные и дискурсивные типы, она начинает выполнять политико-коммуникативные функции в палестинском национальном дискурсе. Такая фигура действует не только как выразительный образ, но и как смысловой ресурс, участвующий в производстве легитимности, мобилизации, сохранении памяти и предотвращении разрыва национального нарратива. Поэтому ее значение определяется не индивидуальным присутствием как таковым, а способностью превращать частный опыт в коллективный смысл, пригодный для циркуляции [Шейгал 2004; Чудинов 2012; Khalili 2007: 84–96].

6.1. Легитимация и представительство

Значимые персональные фигуры выполняют фундаментальную функцию легитимации и представительства. Когда фигура превращается в символ, она перестает быть лишь индивидом с частной биографией и становится посредником в представлении дела, группы или определенного типа национального действия. Тем самым символическая фигура действует как концентрированная форма легитимности: легитимности борьбы, политического представительства или нравственной легитимности жертвенности и стойкости [Khalili 2007: 113–149].

Эта функция особенно заметна в открытых и представительских фигурах, таких как Ясир Арафат, чье политическое тело присутствует не только как индивидуальный субъект, но и как место представления народа и палестинского вопроса перед внутренней и внешней аудиторией [Муслах 2018: 87–97]. В разной степени она применима и к культурным и политическим фигурам, таким как Махмуд Дарвиш, Ханан Ашрауи и Гассан Канафани: Дарвиш придает палестинскому

вопросу эмоциональную и культурную легитимность, Канафани связывает легитимность с культурным и нарративным действием сопротивления, а Ашрауи представляет тип дискурсивной и дипломатической легитимности [Rowland, Frank 2002: 1–16; Чудинов 2012].

Легитимация не ограничивается политическими лидерами. Она может производиться также через страдающее, осажденное, бездвигательное тело или тело заключенного — в этих случаях легитимность основана не на официальном статусе, а на нравственной ценности, которую дискурс придает опыту утраты, боли или стойкости [Nashif 2008: 113–130; Davis 2017: 74–80].

6.2. Символическая мобилизация и заполнение представительского разрыва

Персональная символика выполняет также мобилизационную функцию — не только в узком организационном смысле, но и в дискурсивном и эмоциональном измерении. Общество, находящееся в условиях насилия и блокады, нуждается в образах и фигурах, которые придают повседневному опыту смысл и превращают утрату в возможность продолжения. Поэтому значимая фигура действует как точка концентрации коллективного чувства и как символический ориентир, заново связывающий индивидов с коллективом и национальным нарративом [Khalili 2007: 84–96; Davis 2017: 69–85].

Эта функция усиливается, когда прежний символ исчезает вследствие убийства, заключения, блокады или временной дистанции: исчезновение фигуры не отменяет потребности в символе, а воспроизводит ее в новых формах. Это можно наблюдать в появлении молодежных или локальных символов, таких как Ибрагим ан-Набульси, а также профессиональных и гуманитарных символов, таких как Разан ан-Наджжар, где локальная или профессиональная позиция превращается в носителя более широкого национального смысла [Davis 2017: 74–80].

6.3. Сопротивление психологическому поражению и превращение утраты в смысл

Одна из важнейших функций персональной символики состоит в сопротивлении психологическому поражению через превращение утраты в политический и нравственный смысл. Значимая фигура оценивается не только по тому, чего она достигла в материальном или политическом плане, но и по способности закреплять идею продолжения и предотвращать разрыв национального нарратива. Поэтому убийство, заключение,

осада или телесная ограниченность не обязательно означают конец символа; в палестинском национальном дискурсе они могут становиться условиями его концентрации, распространения и включения в коллективную память [Khalili 2007: 84–96].

В этом контексте разные типы символического тела получают сходную функцию продолжения: тело, сражающееся до конца, читается как знак отказа от отступления; осажденное тело — как знак стойкости под давлением; обездвиженное тело — как доказательство того, что физическая ограниченность не отменяет символической эффективности; скрытое тело — как переход от индивида к коллективному голосу [Khalili 2007: 113–149; Abdul-Dayyem, Ben-Ze'ev 2020: 849–867]. Тем самым утрата перестает быть немим финалом и превращается в форму памяти, через которую частный опыт включается в более широкий национальный смысл.

Эта функция проявляется и в культурных и художественных фигурах. Символика Гасана Канафани и Наджи аль-Али связана со способностью слова и рисунка противостоять образу палестинца как сломленного или лишенного голоса. Ханда, будучи воображаемой иконической фигурой, представляет особый случай персональной символики: ему не нужен исторический индивид для функционирования, поскольку он превращает опыт изгнания, ожидания и возвращения в устойчивый образ палестинской визуальной памяти [Rowland, Frank 2002: 17–29].

Память здесь действует не только как сохранение прошлого, но и как постоянное воспроизводство смысла. Обращение к фигурам разных поколений — от Изз ад-Дина аль-Кассамы и Ясира Арафата до Махмуда Дарвиша и Ибрагима ан-Набульси — формирует не линейное повествование, а сеть памяти, в которой новый символ не отменяет предыдущий, а активизирует его или добавляет новый смысловой слой [Swedenburg 1990: 18–30; Khalili 2007: 1–21]. Поэтому непрерывность национального нарратива основана не на сохранении одного символа или одного типа, а на способности дискурса производить новые символы из разных позиций: политического лидера, локального бойца, заключенного, поэта, женщины, ребенка или графического персонажа.

6.4. Борьба за символ и контрфреймирование

Персональная символика выполняет свои функции не только внутри палестинского пространства, но и вступает в более широкую борьбу за смысл. Чем сильнее символическое присутствие палестинской фигуры, тем чаще она становится объектом повтор-

ного фреймирования в противоположных дискурсах. В палестинском национальном дискурсе такая фигура может читаться в рамках шахидства, стойкости, представительства или памяти, тогда как в некоторых формах официального и медийного израильского и западного дискурса она переопределяется через рамки угрозы, подстрекательства или безопасности. Поэтому борьба вокруг символической фигуры является спором не только об отдельном человеке, но и о языке его названия, допустимом образе и рамке, в которой его опыт должен быть прочитан [Entman 1993: 52–53; Чудинов 2012; Grimm, Mauthofer 2025].

Борьба за символ проявляется и в цифровом пространстве — через удаление, ограничение доступа или повторное фреймирование в рамках политики платформ и дискурсов безопасности. Это подтверждает, что персональная символика не является второстепенным элементом национального дискурса, а выступает активным политическим ресурсом: попытки искажения или ограничения не отменяют силы символа, а, напротив, обнаруживают его способность воздействовать на публичное пространство.

7. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование показало, что персональная символика в палестинском национальном дискурсе действует как дискурсивно-семиотический механизм производства политического смысла. Палестинская значимая фигура формируется не по единой модели, а в рамках четырех типов символического тела, различающихся способом репрезентации, степенью видимости и политико-коммуникативной функцией.

Такие фигуры становятся символами посредством номинации, прозвищ, фреймирования, метафоры, местоимений, визуального образа и цифровой циркуляции. Эти механизмы переводят частный опыт на уровень коллективного знака, способного участвовать в легитимации, мобилизации, сохранении памяти, поддержании национального нарратива и борьбе за интерпретацию.

Таким образом, палестинская персональная символика представляет собой открытую структуру, превращающую тело, имя, образ, отсутствие и утрату в ресурсы воспроизводства национального смысла. Ее значение состоит не в прославлении отдельных лиц, а в связывании индивидуального опыта с коллективной памятью и борьбой за представительство.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Муслех, Х. А. Р. Стратегия убеждения в речах палестинского лидера Ясира Арафата / Х. А. Р. Муслех // Полити-

ческая лингвистика. — 2018. — № 1 (67). — С. 87–97. — DOI 10.26170/pl18-01-10. — EDN YSUNNH.

2. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. — 4-е изд. — Москва : Флинта : Наука, 2012. — 254 с. — ISBN 978-5-89349-897-4. — EDN UUAHYZ.

3. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : Гнозис, 2004. — 324 с. — ISBN 5-7333-0144-9. — EDN QODCTF.

4. Abdul-Dayyem, M. The shahid as a Palestinian icon: negotiating meanings / M. Abdul-Dayyem, E. Ben-Ze'ev // *British Journal of Middle Eastern Studies*. — 2020. — Vol. 47. — № 5. — P. 849–867. — DOI 10.1080/13530194.2019.1580184.

5. Abu-Ayyash, S. Representations of Palestinian Culture in the Digital Public Sphere: A Semiotic Analysis of the Thobe and the Keffiyeh / S. Abu-Ayyash // *Social Media + Society*. — 2024. — Vol. 10, № 1. — P. 1–14. — DOI 10.1177/20563051231224274. — EDN HBFVOZ.

6. Allen, L. The Rise and Fall of Human Rights: Cynicism and Politics in Occupied Palestine / L. Allen. — Stanford, 2013. — 280 p. — ISBN 978-0-8047-8470-2.

7. Barthes, R. Mythologies / R. Barthes ; transl. by A. Lavers. — New York : Hill and Wang, 1972. — 160 p. — 0-374-52150-6.

8. Barthes, R. Rhetoric of the Image / R. Barthes // *Image, Music, Text* / ed. and transl. by S. Heath. — London : Fontana Press, 1977. — P. 32–51.

9. Davis R. The Politics of Commemoration among Palestinians / R. Davis // *Journal of Palestine Studies*. — 2017. — Vol. 47, № 1. — P. 69–85. — DOI 10.1525/jps.2017.47.1.69.

10. Entman, R. M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm / R. M. Entman // *Journal of Communication*. — 1993. — Vol. 43, № 4. — P. 51–58. — DOI 10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x. — EDN HJMFXX.

11. Grimm, J. J. Multi-Perspectivity & Ethical Representation in the Context of Gaza & October 7: Addressing the Semantic Void / J. J. Grimm, L. Mauthofer // *Daedalus*. — 2025. — Vol. 154. — № 2. — P. 169–188. — DOI 10.1162/daed_a_02146. — EDN BMPOJF.

12. Khalili, L. Heroes and Martyrs of Palestine: The Politics of National Commemoration / L. Khalili. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2007. — 260 p. — ISBN 978-0-521-86512-8.

13. Mitchell, W. J. T. Picture Theory: Essays on Verbal and Visual Representation / W. J. T. Mitchell. — Chicago : Univ. of Chicago Pr., 1994. — 462 p. — ISBN 978-0226532325.

14. Nashif, E. Palestinian Political Prisoners: Identity and Community / E. Nashif. — London ; New York : Routledge, 2008. — 248 p. — ISBN 978-1134065974.

15. Rowland, R. C. Shared Land/Conflicting Identity: Trajectories of Israeli and Palestinian Symbol Use / R. C. Rowland, D. A. Frank. East Lansing : Michigan State University Press, 2002. — 406 p. — ISBN 0-87013-635-6.

16. Swedenburg, T. The Palestinian Peasant as National Signifier / T. Swedenburg // *Anthropological Quarterly*. — 1990. — Vol. 63, № 1. — P. 18–30. — EDN HFCJAL.

REFERENCES

1. Muslekh, Kh. A. R. (2018). Strategiya ubezhdeniya v re-chakh palestinskogo lidera Yasira Arafata = Persuasion strategy in the speeches of Palestinian leader Yasser Arafat. *Political Linguistics*, 1(67), 87–97.

2. Chudinov, A. P. (2012). Politicheskaya lingvistika = Political linguistics (4th ed.). Moscow: Flinta; Nauka.

3. Sheygal, E. I. (2004). Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of political discourse. Moscow: Gnosis.

4. Abdul-Dayyem, M., Ben-Ze'ev, E. (2020). The shahid as a Palestinian icon: Negotiating meanings. *British Journal of Middle Eastern Studies*, 47(5), 849–867.

5. Abu-Ayyash, S. (2024). Representations of Palestinian culture in the digital public sphere: A semiotic analysis of the thobe and the keffiyeh. *Social Media + Society*, 10(1), 1–14. <https://doi.org/10.1177/20563051231224274>.

6. Allen, L. (2013). The rise and fall of human rights: Cynicism and politics in occupied Palestine. Stanford: Stanford University Press.

7. Barthes, R. (1972). Mythologies (A. Lavers, Trans.). New York: Hill and Wang.

8. Barthes, R. (1977). Rhetoric of the image. R. Barthes, *Image, music, text* (S. Heath, Ed. & Trans.), 32–51. London: Fontana Press.

9. Davis, R. (2017). The politics of commemoration among Palestinians. *Journal of Palestine Studies*, 47(1), 69–85.

10. Entman, R. M. (1993). Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication*, 43(4), 51–58. <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1993.tb01304.x>.

11. Grimm, J. J., & Mauthofer, L. (2025). Multi-perspectivity and ethical representation in the context of Gaza and October 7: Addressing the semantic void. *Daedalus*, 154(2), 169–188. https://doi.org/10.1162/daed_a_02146.

12. Khalili, L. (2007). Heroes and martyrs of Palestine: The politics of national commemoration. Cambridge: Cambridge University Press.

13. Mitchell, W. J. T. (1994). Picture theory: Essays on verbal and visual representation. Chicago: University of Chicago Press.

14. Nashif, E. (2008). Palestinian political prisoners: Identity and community. London ; New York : Routledge.

15. Rowland, R. C., Frank, D. A. (2002). Shared land/conflicting identity: Trajectories of Israeli and Palestinian symbol use. East Lansing: Michigan State University Press.

16. Swedenburg, T. (1990). The Palestinian peasant as national signifier. *Anthropological Quarterly*, 63(1), 18–30.

Политическая лингвистика. 2026. № 4 (118).
Political Linguistics. 2026. No 4 (118).

УДК 81'42+81'38
ББК Ш105.51+Ш105.551.5

ГРНТИ 19.21.91; 16.21.33

Код ВАК 5.9.9

Бай Цзянь¹, Янь Яогуан²

^{1,2} Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия

¹ mollybai0220@gmail.com[✉], SPIN-код: 5313-0814, <https://orcid.org/0009-0007-6740-9942>

² yanyg1997@gmail.com[✉], SPIN-код: 6174-3360, <https://orcid.org/0009-0008-2938-602X>

Медиа ландшафт социальных медиа Китая и Средней Азии в эпоху ИИ: от персонализации контента к рискам фейковых новостей

АННОТАЦИЯ. Предметом исследования являются коммуникативные эффекты искусственного интеллекта в социальных медиа Китая и Средней Азии. Тема статьи связана с влиянием платформенной структуры, языковой среды и условий регулирования на контентную персонализацию, распределение информационной видимости и распространение фейковых новостей. Цель работы состоит в выявлении того, каким образом искусственный интеллект в разных платформенных режимах изменяет механизмы циркуляции дискурса, конструирования достоверности и распространения вводящей в заблуждение информации. Методологическую основу исследования составляют качественный сравнительный анализ, анализ научной литературы, кейс-анализ и элементы дискурсивного анализа. В качестве источников использованы цифровые отчеты по Китаю и странам Средней Азии, нормативные документы, материалы международных организаций и медиакейсы. Результаты исследования показывают, что искусственный интеллект не ограничивается повышением эффективности производства и распространения информации, а активно участвует в сортировке контента, формировании видимости и усилении фейковых нарративов. В Китае AI в большей степени встроен в платформенную инфраструктуру, тогда как в Средней Азии он чаще функционирует как инструмент кросс-платформенного и межъязыкового переноса контента. Практическая значимость результатов связана с их применением в исследованиях платформенного управления, фактчекинга и медиаграмотности. Делается вывод, что риски AI-опосредованного распространения фейковых новостей определяются не только технологическими возможностями, но и платформенными институтами, языковыми ресурсами, структурой доверия к новостям и режимами регулирования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: интернет-коммуникация, интернет-дискурс, интернет-тексты, интернет-ресурсы, языковые средства, цифровые ресурсы, искусственный интеллект, социальные медиа, контентная персонализация, информационная видимость, платформенная структура, фейковые новости, новостной дискурс, платформенное управление.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Бай Цзянь, аспирант, кафедра теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия, email: mollybai0220@gmail.com.

Янь Яогуан, аспирант, кафедра массовых коммуникаций, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва, Россия, email: yanyg1997@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Бай, Ц. Медиа ландшафт социальных медиа Китая и Средней Азии в эпоху ИИ: от персонализации контента к рискам фейковых новостей / Бай Цзянь, Янь Яогуан. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 4 (118). — С. 69-79.

Bai Jiayan¹, Yan Yaoguang²

^{1,2} Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia

¹ mollybai0220@gmail.com[✉], SPIN code: 5313-0814, <https://orcid.org/0009-0007-6740-9942>

² yanyg1997@gmail.com[✉], SPIN code: 6174-3360, <https://orcid.org/0009-0008-2938-602X>

The Social Media Landscape of China and Central Asia in the Age of AI: From Content Personalization to the Risks of Fake News

ABSTRACT. This article examines the communicative effects of artificial intelligence in the social media of China and Central Asia. The research topic is associated with the influence of the platform structure, linguistic environment, and regulatory conditions on content personalization, distribution of information visibility, and the spread of fake news. The aim of the study is to find out how artificial intelligence, under different platform regimes, reshapes discourse circulation, construction of credibility, and dissemination of misleading information. Methodologically, the study combines qualitative comparative analysis, literature review, case analysis, and elements of discourse analysis. The empirical basis includes digital reports on China and the countries of Central Asia, normative and regulatory documents, materials from international organizations, and representative media cases. The findings demonstrate that artificial intelligence is not merely a tool for improving the efficiency of information production and distribution. It also actively participates in content ranking, formation of visibility, and reinforcement of fake narratives. In China, AI is as a rule deeply embedded in platform infrastructure, whereas in Central Asia, it usually functions as a tool for cross-platform and cross-linguistic content transfer. The practical significance of the findings is connected with the possibility of their application in the study of platform management, fact-checking, and

© Бай Ц., Янь Я., 2026

media literacy. The authors conclude that the risks of AI-mediated fake news dissemination are shaped not only by technological capacity, but also by platform institutions, language resources, news trust structure, and regulatory regimes.

KEYWORDS: Internet communication, Internet discourse, Internet texts, Internet resources, language means, digital resources, artificial intelligence, social media, content personalization, information visibility, platform structure, fake news, news discourse, platform management.

AUTHOR'S INFORMATION: Bai Jiayan, Post-Graduate Student of Department of Theory and History of Journalism, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia.

Yan Yaoguang, Post-Graduate Student of Department of Mass Communications, Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Bai J., Yan Ya. (2026). The Social Media Landscape of China and Central Asia in the Age of AI: From Content Personalization to the Risks of Fake News. In *Political Linguistics*. No 4 (118), pp. 69-79. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

В условиях продолжающейся трансформации цифровой коммуникации искусственный интеллект стал важнейшим элементом функционирования платформ социальных медиа. От систем рекомендаций и рекламного таргетинга до генерации текста, изображений и видео AI все глубже участвует в производстве, сортировке, распространении и потреблении информации, изменяя саму логику медиакommunikации. В результате социальные медиа все в большей степени функционируют не как пространство, где пользователи просто создают контент, а как среда, в которой видимость информации формируется совместным действием пользователя, платформы и алгоритма.

В Китае крупная интернет-аудитория, высокая степень интеграции национальных платформ и зрелость платформенной экономики создали условия, при которых искусственный интеллект оказался встроен в полный цикл цифровой коммуникации — от распределения информации и поддержки создателей контента до удержания пользователей и коммерческой конверсии. Однако интеграция AI в социальные медиа не сводится к росту эффективности. Распространение генеративного искусственного интеллекта, дипфейков и автоматизированного производства контента заметно снижает порог создания ложной информации и усиливает правдоподобие, скорость и масштаб распространения вводящих в заблуждение сообщений. Тем самым роль искусственного интеллекта в социальных медиа носит двойственный характер: с одной стороны, он повышает эффективность коммуникации, а с другой — размывает границы достоверности и усиливает риски для общественного доверия.

Если исходить только из китайского опыта, существует риск интерпретировать эти эффекты как универсальный технологический результат и недооценить различия, обусловленные институциональной средой, платформенной структурой и языковой экосистемой. В этом отношении страны Сред-

ней Азии представляют важный объект сравнения. Регион также переживает рост интернет-проникновения и расширение социальных медиа, однако заметно отличается от Китая по степени платформенного суверенитета, уровню локализации платформ, языковым ресурсам, структуре доверия к новостям и возможностям регулирования. Включение Китая и Средней Азии в единую аналитическую рамку позволяет глубже понять, каким образом искусственный интеллект в разных платформенных режимах влияет на контентную персонализацию, распределение информационной видимости и распространение фейковых новостей.

В связи с этим статья ставит три исследовательских вопроса. Во-первых, каким образом искусственный интеллект через механизмы персонализированной рекомендации изменяет логику распределения информационной видимости в социальных медиа Китая и Средней Азии? Во-вторых, как различия в платформенной структуре, языковой среде и новостном доверии влияют на способы встраивания AI и траектории его коммуникативного действия? В-третьих, каким образом искусственный интеллект усиливает правдоподобие, масштабируемость и сложность регулирования фейковых новостей, дипфейков и вводящих в заблуждение нарративов? В статье обосновывается тезис о том, что коммуникативные эффекты искусственного интеллекта в социальных медиа не являются автоматическим следствием технических возможностей, а определяются сочетанием платформенных институтов, путей циркуляции контента, языковых ресурсов и структуры общественного доверия.

МЕТОДОЛОГИЯ И ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье используется качественный сравнительный дизайн исследования, сочетающий анализ литературы, кейс-анализ, сравнительный анализ и дискурсивный анализ, с целью выявить, каким образом искусственный интеллект влияет в социальных медиа Китая и Средней Азии на контентную

персонализацию, распределение информационной видимости и распространение фейковых новостей. В отличие от традиционных платформенных исследований, в центре внимания находится не только технологическое встраивание AI, но и то, как он посредством имитации новостного жанра, авторитетной тональности, датафицированных формулировок и кросс-платформенной перепакровки изменяет механизмы конструирования достоверности и коммуникативный эффект информации. Исследовательский материал включает четыре основные группы: (1) работы 2017–2025 гг., посвященные искусственному интеллекту, платформизации, алгоритмическому управлению, фейковым новостям и цифровой коммуникации; (2) цифровые отчеты DataReportal за 2023–2025 гг. по Китаю и пяти странам Средней Азии, а также нормативные документы Канцелярии Центральной комиссии КНР по делам киберпространства и политико-правовые тексты Узбекистана, Казахстана и других стран региона, касающиеся искусственного интеллекта и платформенного управления; (3) открытые материалы «Freedom House»¹, «Human Rights Watch»² и других международных организаций и СМИ; (4) типичные кейсы, отражающие платформенное управление и риски распространения AI-опосредованного контента. Китай в работе рассматривается как тип случая с доминированием национальных платформ и высокой степенью платформенной интеграции, тогда как Средняя Азия трактуется как региональный тип, сочетающий зависимость от транснациональных платформ, многоязычную коммуникацию и фрагментированное управление. Сопоставление этих двух случаев позволяет выявить различия в платформенной структуре, путях циркуляции контента, языковой среде, источниках и структуре доверия к новостям, а также в формах регулирования, и тем самым показать институциональные условия встраивания искусственного интеллекта в различные медиасреды.

Анализ опирается на три взаимосвязанных теоретических подхода: платформизацию, алгоритмическое управление и сравнительную коммуникацию. Исследования платформизации показывают, что цифровые платформы не являются нейтральными контейнерами для контента, а постоянно формируют порядок информационной циркуля-

ции через сбор данных, дизайн интерфейсов, распределение трафика и систему правил [van Dijck et al. 2018; Poell et al. 2022]. В этом смысле искусственный интеллект представляет собой не внешний по отношению к платформе инструмент, а важный механизм организации видимости, ранжирования и распространения контента. Китайские социальные медиа в ходе длительного развития достигли высокой степени интеграции, благодаря чему социальное взаимодействие, платежные сервисы, дистрибуция контента и коммерческая конверсия оказались тесно встроены друг в друга; это позволяет AI сравнительно беспрепятственно встраиваться в рекомендательные системы, модерацию, пользовательское управление и регулирование трафика [Kaye et al. 2020; Zeng & Kaye 2022]. Напротив, цифровая коммуникационная среда Средней Азии в большей степени зависит от транснациональных платформ и сетей мгновенного обмена сообщениями, а информационные потоки чаще циркулируют между несколькими платформами, чем внутри единой замкнутой системы; поэтому AI здесь чаще проявляется как распределенное и интерфейсное приложение и реже формирует единый инфраструктурный эффект платформы [Gritsenko et al. 2021].

Подход алгоритмического управления позволяет далее показать, что алгоритмы являются не только техническими устройствами повышения эффективности, но и социальными механизмами, влияющими на сортировку информации, распределение внимания и конструирование реальности [Just & Latzer 2017]. В социальных медиа это прежде всего проявляется в персонализированной рекомендации: внешне она выглядит как реакция на интересы пользователя, но фактически непрерывно формирует сами интересы и траектории информационного контакта [Bucher 2017]. Следовательно, внедрение искусственного интеллекта не только увеличивает скорость и точность сопоставления контента и аудитории, но и создает преимущества для тех высказываний, которые обладают более высоким эмоциональным потенциалом, новостным оформлением или авторитетной тональностью. Для политической лингвистики это особенно важно, поскольку алгоритмы влияют не только на то, какой контент распространяется, но и на то, какие типы дискурса оказываются более заметными, более убедительными и более подверженными повторному распространению.

С точки зрения сравнительной коммуникации, такие различия не являются случайными, а определяются институциональной

¹ В 2024 г. внесена Минюстом РФ в список организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории России.

² В 2025 г. внесена Минюстом РФ в список организаций, деятельность которых признана нежелательной на территории России.

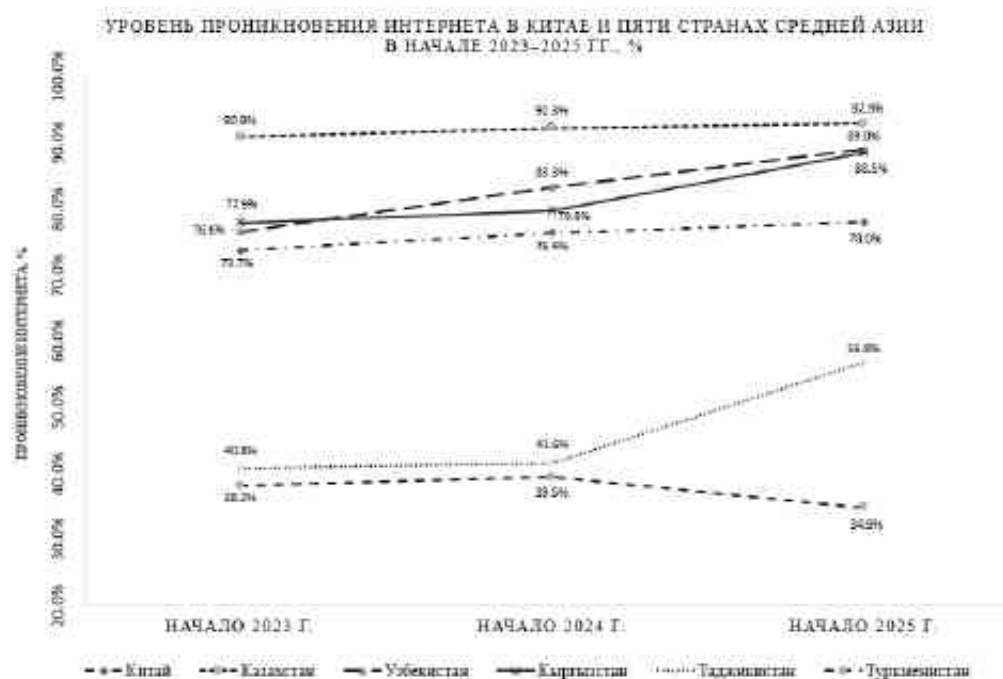

Рис. 1. Уровень проникновения интернета в Китае и странах Средней Азии в начале 2023 и 2025 гг., %

Источник: составлено автором на основе данных DataReportal (Digital 2023—2025).

средой, языковыми условиями и способами платформенного управления [Flew et al. 2019]. В Китае платформенная власть и способности к интеграции данных более концентрированы, поэтому искусственный интеллект легче дает системный и платформенный эффект; в Средней Азии, напротив, сосуществуют многоязычие, кроссплатформенность и фрагментированное управление. Особенно в условиях языков с ограниченными ресурсами недостаточность алгоритмического распознавания, генерации контента и фактчекинга дополнительно влияет на эффективность применения технологий и возможности информационного регулирования [Wijermars & Lokot 2022]. В связи с этим язык в работе рассматривается не только как средство коммуникации, но и как важная переменная, влияющая на способность AI к распознаванию, на способы переписывания контента и на конструирование достоверности. Отсюда искусственный интеллект целесообразно понимать как механизм усиления, встроенный в уже существующие структуры коммуникации: он не предопределяет результат автоматически, а в конкретных условиях платформенных институтов, языковых ресурсов, структуры доверия к новостям и режимов регулирования перестраивает информационную видимость, границы достоверности и пути распространения фейковых новостей.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Механизмы и условия контентной персонализации социальных медиа под влиянием искусственного интеллекта

Контентная персонализация является одним из наиболее непосредственных проявлений внедрения искусственного интеллекта в социальные медиа, однако этот процесс не представляет собой автономное техническое явление, существующее вне конкретной платформенной среды. В период с начала 2023 г. до начала 2025 г. Китай и страны Средней Азии демонстрировали заметные различия по уровню интернет-проникновения, масштабу платформенной представленности и размеру пользовательской аудитории: например, в Китае уровень интернет-проникновения вырос с 73,7 % до 92,5 %, в Казахстане он устойчиво сохранялся на уровне выше 90 %, в Таджикистане увеличился с 40,8 % до 56,8 %, тогда как в Туркменистане оставался сравнительно низким¹ (рис. 1). Это показывает, что Китай и Средняя Азия не образуют однородного цифрового коммуникационного пространства, а потому контентная персонализация, осуществляемая с помощью AI, характеризуется различной интенсивностью встраивания и

¹ Kemp S. DataReportal Global Digital Reports, 2023–2025 // DataReportal. 2023–2025. URL: <https://datareportal.com/>.

различными траекториями распространения. Как отмечает А. В. Рожков, искусственный интеллект перестраивает коммуникационный процесс посредством организации цифровых потоков, контентной персонализации и систем автоматизированной приоритизации, а значит, персонализированное распределение все в большей степени основывается на механизмах автоматизированного сопоставления [Рожков 2025].

С точки зрения коммуникативных и языковых механизмов конкурентоспособность платформ социальных медиа все в большей степени зависит от их способности обеспечивать устойчивое информационное соответствие между интересами пользователя, его поведенческими данными и социальными связями [Kietzmann et al. 2018]. Используя машинное обучение, обработку естественного языка, распознавание изображений и поведенческое прогнозирование, платформы не только уточняют пользовательские профили, оптимизируют рекомендации контента и рекламные показы, но и постоянно переопределяют, какие формы выражения, какие стили информации и какие дискурсивные структуры с большей вероятностью будут рекомендованы, удержат внимание и вызовут взаимодействие [Covington et al. 2016]. Следовательно, контентная персонализация представляет собой не только форму сервисной оптимизации, но и механизм реорганизации информационной видимости и способов выражения: платформа реагирует не только на уже имеющиеся интересы пользователя, но и формирует, с каким содержанием он будет взаимодействовать, в какой языковой форме это содержание будет ему предъявлено и какие типы высказываний получают преимущество в распространении.

В Китае данная тенденция проявляется в наиболее выраженной замкнутой форме. По мере дальнейшей интеграции национальной платформенной экосистемы социальные медиа сформировали комплексную структуру, в которой распределение контента, социальное взаимодействие, платежные сервисы, коммерческая конверсия и платформенное управление оказываются взаимно встроенными. С точки зрения цифрового суверенитета, чем выше автономность платформы, тем в большей степени контентная персонализация приобретает системный и инфраструктурный характер [Максимов 2026]. В условиях такой замкнутой платформенной среды искусственный интеллект не только оптимизирует рекомендации, но и глубоко встраивается в генерацию заголовков, написание текстов, разра-

ботку сценариев коротких видео, управление взаимодействием с аудиторией и механизмы выявления рисков. Тем самым в китайских социальных медиа контентная персонализация означает не просто «более точную рекомендацию», а системную реконфигурацию информационного ранжирования, языковой формы и распределения внимания при поддержке платформенных правил.

В отличие от этого, в социальных медиа Средней Азии контентная персонализация имеет скорее зависимый характер. Показанные на рис. 1 различия в уровне интернет-проникновения означают, что платформенная представленность и сценарии применения AI разворачиваются в регионе не синхронно. В отличие от китайской среды, основанной на доминировании национальных суперплатформ, Средняя Азия в большей степени зависит от транснациональных платформ, вследствие чего искусственный интеллект в первую очередь меняет фронтенд производства контента и интерфейсы кросс-платформенного распространения, а не глубоко встраивается в базовую инфраструктуру локальных платформ. Одновременно многоязычная среда региона усиливает сложность контентной персонализации. Во многих странах информация циркулирует одновременно на национальных языках, русском и, нередко, английском, что превращает контентное соответствие не только в задачу распознавания интересов, но и в задачу языкового переключения, контекстуальной адаптации и кросс-платформенной переупаковки. Особенно показателен в этом отношении Узбекистан. По данным Министерства торговли США, Telegram используют более 70 % населения страны, а государственные учреждения, СМИ и частные компании широко ведут собственные телеграм-каналы¹. Это означает, что распределение информации здесь сосредоточено не столько на нескольких национальных суперплатформах, сколько движется по траектории «канал — группа — кросс-платформенный перенос». Следовательно, искусственный интеллект легче подключается к производству и распространению контента на переднем крае, чем интегрируется в глубинные платформенные правила. В этом смысле AI-медиатизация социальных медиа Средней Азии ближе к уровню «контентного инструментария» и «интерфейса», чем к уровню платформенной инфраструктуры.

¹ Uzbekistan — eCommerce // International Trade Administration, U.S. Department of Commerce. URL: <https://www.trade.gov/index.php/country-commercial-guides/uzbekistan-e-commerce> (date of access: 01.05.2026).

Таким образом, функционирование искусственного интеллекта, продвигающего контентную персонализацию, не сводится к ситуации, когда «технология лучше понимает пользователя», а представляет собой дифференцированный процесс, разворачивающийся в зависимости от платформенных институтов, языковых ресурсов и коммуникативных условий. В Китае персонализация в большей степени опирается на системную интеграцию внутри замкнутой экосистемы национальных платформ, тогда как в Средней Азии она преимущественно принимает форму инструментального применения в условиях кросс-платформенного распространения и многоязычной адаптации. Эти различия влияют не только на эффективность распределения контента, но и на способы организации информационной видимости, создавая разные институциональные и дискурсивные условия для последующего распространения фейковых новостей и изменения границ достоверности.

Структурные различия социальных медиа Китая и Средней Азии и их дискурсивные последствия

Если контентная персонализация отражает непосредственную функцию искусственного интеллекта в социальных медиа, то платформенная структура определяет, каким образом эта функция реализуется, усиливается или ограничивается. Платформенная структура означает не только то, какими платформами пользуются аудитории, но и то, как циркулирует информация, какие типы дискурса легче приобретают видимость и каким образом платформы вмешиваются в ранжирование контента и управление его распространением.

Для более наглядного представления различий между платформенными экосистемами Китая и Средней Азии они обобщены в табл. 1. Как показывает сопоставление, различия между Китаем и Средней Азией не сводятся к поверхностным различиям в типах социальных платформ, а укоренены в разных платформенно-институциональных структурах.

Таблица 1. Основные различия экосистем социальных медиа Китая и стран Средней Азии

Сравнительный параметр	Китай	Страны Средней Азии
Платформенная структура	Национальные «суперплатформы»; замкнутая экосистема «контент — соцсети — платежи — коммерция — сервисы»	Зависимость от транснациональных платформ; более открытая и фрагментированная структура распределения контента
Встраивание ИИ	ИИ как часть платформенной инфраструктуры; глубоко интегрирован в рекомендации, модерацию, управление пользователями и коммерческие цепочки	ИИ как инструмент на уровне контент-производства и интерфейсов; генерация, перевод, упаковка контента, оптимизация фронт-энда
Циркуляция новостей и контента	Внутриплатформенные ленты; тесная связь рекомендаций и социальных графов; цикл «обнаружение — взаимодействие — монетизация» внутри национальных сервисов	Кросс-платформенные цепочки «каналы — группы — репост — перенос на другие площадки»; сильная зависимость от миграции между платформами
Языковые условия	Относительно однородная китайско-язычная среда; крупные массивы локального контента и поведенческих данных	Многоязычие (национальные языки, русский, английский); низкоресурсные языки, ограниченные корпуса, усложненная персонализация и модерация
Регуляторная логика и платформенный суверенитет	Более высокий платформенный суверенитет; институционализированные режимы управления ИИ (ответственность платформ, регистрация алгоритмов, маркировка контента, технические стандарты)	Фрагментарная платформо-зависимость; неоднородные государственные возможности регулирования; мозаичная система управления ИИ

Китайская экосистема социальных медиа опирается прежде всего на национальные платформы. WeChat, Douyin, Weibo, Xiaohongshu, Kuaishou и другие платформы образуют замкнутую структуру, в которой взаимно встроены распределение контента, социальное взаимодействие, платежные системы, коммерческая конверсия и сервисные входы. В такой системе искусственный интеллект может сравнительно беспрепятственно входить в рекомендательные механизмы, системы модерации, инструменты производства контента и пользовательского управления. Как отмечают R. Gorwa, R. Binns и C. Katzenbach, алгоритмическая модерация контента является не только технической, но и политико-институциональной проблемой [Gorwa et al. 2020]. В китайском контексте чем более замкнута платформа, тем легче AI формирует связку между производством, распределением и управлением контентом, влияя не только на эффективность информационного обмена, но и на то, какие формы выражения, какие стили информации и какие типы дискурса с большей вероятностью будут увидены, открыты и воспроизведены.

В отличие от этого, страны Средней Азии в большей степени зависят от транснациональных платформ, а информационное распространение характеризуется большей открытостью, но и большей фрагментированностью. Новости, комментарии, короткие видео и общественно значимая информация циркулируют преимущественно через каналы, группы, социальные сети и цепочки кросс-платформенной пересылки, а не внутри единой замкнутой платформенной среды. Это означает, что применение AI в регионе в большей степени сосредоточено на инструментальном и интерфейсном уровнях, то есть на генерации контента, переводе, визуальной упаковке и фронтенд-оптимизации распространения, и в меньшей степени связано с глубоким встраиванием в базовые механизмы локального платформенного управления. Следовательно, в социальных медиа Средней Азии AI выступает скорее как инструмент, наложенный на сеть транснационального платформенного распространения, чем как инфраструктурная способность, системно интегрированная в локальные платформы.

Различия между двумя регионами проявляются и в языковых ресурсах. Китайские платформы опираются на масштабный китайскоязычный корпус, устойчивые массивы пользовательских данных и сравнительно зрелую национальную контентную среду, что позволяет искусственному интеллекту по-

стоянно совершенствоваться в относительно однородной языковой среде. В Средней Азии, напротив, широко распространены многоязычие, ограниченные локальные корпуса и недостаточная поддержка языков с низким ресурсом. Параллельное использование казахского, узбекского, киргизского, таджикского и русского языков означает, что контентное соответствие связано не только с распознаванием интересов, но и с языковым переключением, контекстуальной адаптацией и кросс-платформенной переупаковкой. Иными словами, в китайских платформах AI в большей степени воздействует на внутripлатформенное ранжирование дискурса, тогда как в среднеазиатских — на межъязыковую и кросс-платформенную миграцию высказываний и преобразование их формы.

Различия в путях циркуляции новостей дополнительно усиливают эту структурную асимметрию. В китайских платформах внутripлатформенные рекомендации тесно сопряжены с сетями социальных связей и контент часто проходит цикл от обнаружения и взаимодействия до повторного распространения внутри одной локальной среды. В Средней Азии, напротив, более отчетливо проявляется траектория «канал — группа — пересылка — кросс-платформенный перенос». Как указывает Д. М. Салимов, одной из ключевых характеристик цифрового медиапространства Средней Азии является кросс-платформенная коммуникационная среда, формируемая совместно социальными сетями и сетевыми медиа, а также относительная размытость ее управленческих границ [Салимов 2024]. В таких условиях искусственный интеллект, хотя и повышает эффективность распространения, одновременно способствует тому, что информация в процессе платформенной миграции отрывается от исходного контекста, а дискурсивное значение смещается в ходе многократной пересылки и переупаковки.

Не менее существенны и различия в логике регулирования. Благодаря более выраженному платформенному суверенитету и наличию собственной платформенной системы Китай способен формировать относительно институционализированную рамку управления AI через ответственность платформ, алгоритмическую регистрацию, маркировку контента и технические нормы. Средняя Азия, напротив, демонстрирует более выраженную фрагментированность управления вследствие зависимости от внешних платформ и значительных различий между государствами региона. Таким образом, различия между Китаем и Средней Азией не сводятся к поверхностным разли-

чиям между типами платформ, а укоренены в двух разных платформенно-институциональных средах. Эти структурные различия влияют не только на глубину встраивания искусственного интеллекта, но и на траектории его распространения и дискурсивные последствия: в Китае AI в большей степени выступает как продолжение инфраструктурной способности платформ по организации дискурсивной видимости, тогда как в Средней Азии он чаще функционирует как инструмент кросс-платформенной миграции, переписывания и усиления дискурса.

**Дискурсивное конструирование
фейковых новостей и механизмы
усиления их распространения
в условиях применения
искусственного интеллекта**

Искусственный интеллект не производит фейковые новости непосредственно, однако он существенно меняет условия генерации ложной информации, траектории ее распространения и сложность ее регулирования. По сравнению с традиционной ложной информацией дипфейки и другие синтетические медиа обладают более высокой степенью правдоподобия, более низким порогом производства и большим потенциалом масштабного распространения. Ahmed и соавт. указывают, что в среде социальных медиа контакт пользователей с дипфейками повышает их склонность верить связанной с ними ложной информации, причем этот эффект особенно заметен среди тех, кто получает новости преимущественно из социальных медиа [Ahmed et al. 2024]. Schiff и соавт. отмечают, что дипфейки также создают так называемый «дивиденд лжеца» (liar's dividend), когда даже подлинный контент может быть объявлен подделкой, что ослабляет механизмы распознавания достоверности в публичной коммуникации [Schiff et al. 2024]. С точки зрения механизма распространения усиление фейковых новостей под воздействием AI проявляется не только в повышении скорости генерации и снижении издержек, но, что более существенно, в укреплении дискурсивной достоверности вводящего в заблуждение контента. В среде социальных медиа AI-генерируемые материалы часто создают «достоверную внешность» за счет имитации новостных сводок, официальных сообщений и экспертных комментариев: используются формулы вроде «официальная публикация», «последнее сообщение», «внутренняя информация», подкрепленные датафицированными формулировками, нарративом присутствия и стандартизированной структурой заголовка. Тем самым искусственный интеллект участвует не

только в производстве контента, но и в формировании эффекта достоверности.

Такое дискурсивное усиление прежде всего проявляется в имитации жанра и авторитетной тональности. AI-генерируемый контент легче воспроизводит новостной стиль, административно-деловой регистр и рамку «экспертного толкования», формируя впечатление объективности, нейтральности и профессионализма. Для аудитории в условиях быстрого потребления информации первичным критерием становится не немедленная проверка фактов, а жанровое распознавание; поэтому, когда ложная информация упакована как «новость», «объявление» или «видеосвидетельство с места событий», ее вводящий в заблуждение потенциал резко возрастает. Особенно в форматах коротких видео, графико-текстовых новостных карточек и репостов в социальных сетях синхронная правдоподобность текста, субтитров, голоса и визуального ряда облегчает преодоление первоначального скепсиса аудитории. Это означает, что AI увеличивает не только объем контента, но и способность вводящего в заблуждение дискурса имитировать новостной жанр, авторитетную интонацию и внешние признаки доказательности.

В Китае данный риск прежде всего проявляется как дискурсивное усиление в условиях платформенной среды. Поскольку рекомендательные системы, инструменты производства контента и механизмы платформенного управления тесно взаимосвязаны, вводящий в заблуждение контент, оформленный как «горячее разоблачение», «авторитетный комментарий» или «видео с места событий», с большей вероятностью получает высокую видимость за счет алгоритмического распределения. Иными словами, AI не только расширяет возможности производства ложной информации, но и повышает вероятность того, что внутри платформы такой контент будет распознан как «достойный дальнейшего распространения». Принятые в Китае в 2025 г. «Правила маркировки контента, созданного и синтезированного с помощью искусственного интеллекта» включили в единый нормативный контур как явную, так и скрытую маркировку и сделали акцент на решении вопросов «что является сгенерированным», «кем оно создано» и «откуда оно происходит». Это показывает, что регуляторный фокус смещается от простого удаления ложного контента к институционализированному распознаванию и прослеживаемости его «внешности досто-

верности»¹. Следовательно, в китайском контексте риск AI-опосредованных фейковых новостей связан не только с проблемой различения истинного и ложного, но и с тем, каким образом платформа организует информационную видимость, маркирует сгенерированный контент и несет ответственность за его идентификацию и отслеживание.

В Средней Азии, напротив, риск AI-опосредованных фейковых новостей более отчетливо проявляется в форме межъязыкового переписывания и кросс-платформенной миграции. Один и тот же нарратив может многократно пересылаться, монтироваться и переупаковываться между телеграм-каналами, группами мгновенного обмена сообщениями и платформами коротких видео, а также переводиться на национальные языки, русский и английский, приобретая всякий раз новую форму распространения и новую степень правдоподобия. В марте 2026 г. полиция Ташкента публично предупредила о распространении в социальных медиа AI-поддельного «официального новостного видео», в котором мошенники, имитируя стиль профессионального новостного вещания, побуждали пользователей переходить по ссылкам. Этот случай ясно показывает, что AI способен не только генерировать контент, но и заимствовать «официальную тональность» и «новостной жанр» для усиления убедительности². Одновременно ограничительные меры, введенные в Кыргызстане в отношении TikTok в 2024 г., показывают, что в среднеазиатском контексте некоторые государства склонны реагировать на платформенные риски скорее через ограничения платформ, чем через детализацию ответственности самих платформ³. Следовательно, в Средней Азии усиление фейковых новостей при посредстве AI проявляется не только в удлинении цепочки распространения, но и в том, что вводящий в заблуждение дискурс в

условиях многоязычия и кросс-платформенной циркуляции легче подвергается повторной упаковке, повторной пересылке и повторному признанию достоверным.

В целом различия между Китаем и Средней Азией показывают, что влияние искусственного интеллекта на распространение фейковых новостей нельзя понимать исключительно как техническое ускорение генерации или повышения эффективности распространения; его следует рассматривать как механизм дискурсивного конструирования достоверности. В Китае этот механизм в большей степени опирается на внутриплатформенное распределение видимости, маркировку контента и систему платформенной ответственности; в Средней Азии — на кросс-платформенную миграцию, многоязычное переписывание и фрагментированную среду регулирования. Эти различия подтверждают, что риски AI-опосредованных фейковых новостей определяются не только технологическими возможностями, но и платформенными институтами, языковыми ресурсами, структурой доверия и способами управления. Соответственно, в дальнейшем управление такими рисками не должно ограничиваться удалением контента и опровержением, а должно смещаться в сторону маркировки сгенерированного контента, кросс-платформенной верификации, многоязычного фактчекинга и согласованного развития медиаграмотности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В статье с позиций сравнительного анализа рассмотрены коммуникативные эффекты искусственного интеллекта в социальных медиа Китая и Средней Азии. Проведенное исследование показывает, что искусственный интеллект не сводится к функции повышения эффективности производства и распространения информации. Он глубоко вовлечен в механизмы распределения информационной видимости, в процессы конструирования эффектов достоверности, а также в дискурсивные траектории распространения фейковых новостей. Усиление ложной информации под воздействием AI не является естественным продолжением технических возможностей как таковых, а определяется конкретной платформенной структурой, языковыми ресурсами, конфигурацией доверия к новостям и режимами регулирования. В этом смысле искусственный интеллект следует рассматривать как механизм усиления, имеющий одновременно технологическую и дискурсивную природу.

Сравнительный анализ позволяет утверждать, что различия между Китаем и Сред-

¹ Канцелярия Центральной комиссии КНР по делам киберпространства. Уведомление о публикации «Положения о маркировке контента, созданного и синтезированного с помощью искусственного интеллекта» // 中华人民共和国国家互联网信息办公室. 关于印发《人工智能生成合成内容标识办法》的通知. URL: https://www.cac.gov.cn/2025-03/14/c_1743654684782215.htm. (дата обращения: 20.03.2025).

² Tashkent Police Warn of AI-Generated Video Scam // UzDaily.uz. 13.03.2026. URL: <https://www.uzdaily.uz/en/tashkent-police-warn-of-ai-generated-video-scam/>. (дата обращения: 01.05.2026).

³ Kyrgyzstan: Freedom on the Net 2024 Country Report // Freedom House. URL: <https://freedomhouse.org/country/kyrgyzstan/freedom-net/2024> (дата обращения: 01.05.2026).

ней Азией не сводятся к различию типов платформ или пользовательских практик, а укоренены в разных платформенных институциональных средах. В Китае высокая степень интеграции национальных платформ способствует тому, что AI легче встраивается в инфраструктурные уровни рекомендаций, модерации, производства контента и управления, усиливая тем самым видимость высказываний, обладающих внешними признаками новостного и авторитетного дискурса. В Средней Азии, напротив, зависимость от транснациональных платформ, многоязычная коммуникация и фрагментированное управление обуславливают преимущественно инструментальный характер AI, связанный с кросс-платформенным распространением и межъязыковой переработкой контента, что усиливает повторную упаковку и воспроизводство вводящих в заблуждение нарративов. Следовательно, риски AI-опосредованного распространения фейковых новостей следует понимать не только как проблему истинности содержания, но и как проблему имитации и усиления новостного жанра, авторитетной тональности и маркеров достоверности.

Значение проведенного исследования состоит в том, что оно позволяет выйти за пределы бинарной схемы «технологическое расширение возможностей / технологический риск» и поставить в центр анализа вопрос о том, каким образом платформенные институты влияют на циркуляцию дискурса, как алгоритмические механизмы перестраивают информационную видимость и каким образом фейковые новости получают новую форму убедительности при посредстве искусственного интеллекта. Это означает, что искусственный интеллект меняет не только скорость и масштаб распространения информации, но и ее языковую форму, механизмы убеждающего воздействия и границы достоверности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Максимов, А. А. Цифровой суверенитет и страны Востока / А. А. Максимов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. — 2026. — № 1. — С. 5–23. — DOI 10.31249/rva/2026.01.01. — EDN XHRUPX.
2. Рожков, А. В. Специфика влияния искусственного интеллекта на прогресс связей с общественностью / А. В. Рожков // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. — 2025. — Т. 44, № 4. — С. 660–674. — DOI 10.52575/2712-7451-2025-44-4-660-674. — EDN HVPQAS.
3. Салимов, Д. М. Культурный империализм в среднеазиатском медиaprостранстве: механизмы и институты реализации / Д. М. Салимов // Вопросы теории и практики журналистики. — 2024. — Т. 13, № 2. — С. 342–357. — DOI 10.17150/23086203.2024.13[2].342-357. — EDN DBMPNH.
4. Ahmed, S. Social media news use amplifies the illusory truth effects of viral deepfakes: a cross-national study of eight countries / S. Ahmed, A. W. T. Bee, S. W. T. Ng, M. Masood // Jour-

nal of Broadcasting & Electronic Media. — 2024. — P. 1–28. — DOI 10.1080/08838151.2024.2410783.

5. Bucher, T. The algorithmic imaginary: exploring the ordinary affects of Facebook algorithms / T. Bucher // Information, Communication & Society. — 2017. — Vol. 20, Iss. 1. — P. 30–44. — DOI 10.1080/1369118X.2016.1154086.

6. Covington P., Adams J., Sargin E. Deep Neural Networks for YouTube Recommendations / P. Covington, J. Adams, E. Sargin // Proceedings of the 10th ACM Conference on Recommender Systems. — New York : ACM, 2016. — P. 191–198. — DOI 10.1145/2959100.2959190.

7. Flew, T. Internet regulation as media policy: rethinking the question of digital communication platform governance / T. Flew, F. Martin, N. Suzor // Journal of Digital Media & Policy. — 2019. — Vol. 10, no. 1. — P. 33–50. — DOI 10.1386/jdmp.10.1.33_1.

8. Gorwa, R. Algorithmic content moderation: Technical and political challenges in the automation of platform governance / R. Gorwa, R. Binns, Ch. Katzenbach // Big Data and Society. — 2020. — Vol. 7, No. 1. — P. 205395171989794. — DOI 10.1177/2053951719897945. — EDN UQYBGD.

9. Gritsenko, D. The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies / Eds.: D. Gritsenko, M. Wijermans, M. Kopotев. — Switzerland : Palgrave Macmillan Cham, 2021. — 612 p. — ISBN 978-3-030-42855-6. — DOI 10.1007/978-3-030-42855-6. — EDN RLEEW.

10. Just, N. Governance by algorithms: reality construction by algorithmic selection on the Internet / N. Just, M. Latzer // Media, Culture & Society. — 2017. — Vol. 39, no. 2. — P. 238–258. — DOI 10.1177/0163443716643157.

11. Kaye, D. B. V. The co-evolution of two Chinese mobile short video apps: Parallel platformization of Douyin and TikTok / D. B. V. Kaye, Xu. Chen, J. Zeng // Mobile Media and Communication. — 2021. — Vol. 9, No. 2. — P. 229–253. — DOI 10.1177/2050157920952120. — EDN PNMTRB.

12. Kietzmann, J. Artificial Intelligence in Advertising / J. Kietzmann, J. Paschen, E. Treen // Journal of Advertising Research. — 2018. — Vol. 58, no. 3. — P. 263–267. — DOI 10.2501/JAR-2018-035.

13. Poell, T. Platforms and cultural production / T. Poell, D. B. Nieborg, B. E. Duffy. — Cambridge ; Medford : Polity Press, 2022. — 259 p. — ISBN 978-1509540501.

14. Schiff, K. J. The liar's dividend: can politicians claim misinformation to evade accountability? / K. J. Schiff, D. S. Schiff, N. S. Bueno // American Political Science Review. — 2024. — P. 1–20. — DOI 10.1017/S0003055423001454.

15. Van Dijck, J. The Platform Society: Public Values in a Connective World / J. van Dijck, T. Poell, M. de Waal. — New York : Oxford University Press, 2018. — DOI 10.1093/oso/9780190889760.001.0001.

16. Wijermans, M. Is Telegram a “harbinger of freedom”? The performance, practices, and perception of platforms as political actors in authoritarian states / M. Wijermans, T. Lokot // Post-Soviet Affairs. — 2022. — Vol. 38, No. 1-2. — P. 125–145. — DOI 10.1080/1060586X.2022.2030645. — EDN VTZVTU.

17. Zeng, J. From content moderation to visibility moderation: A case study of platform governance on TikTok / J. Zeng, D. B. V. Kaye // Policy and Internet. — 2022. — Vol. 14, No. 1. — P. 79–95. — DOI 10.1002/poi.3287. — EDN OSEXIT.

REFERENCES

1. Maksimov, A. A. (2026). Cifrovoy suverenitet i strany Vostoka = Digital Sovereignty and the Countries of the East. *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 9: Oriental and African Studies*, 1, 5–23. <https://doi.org/10.31249/rva/2026.01.01>
2. Rozhkov, A. V. (2025). Specifika vliyanija iskusstvennogo intellekta na progress svyazey s obshchestvennost'ju = Specifics of the Influence of Artificial Intelligence on the Progress of Public Relations. *Issues of Journalism, Pedagogy, Linguistics*, 44(4), 660–674. <https://doi.org/10.52575/2712-7451-2025-44-4-660-674>.
3. Salimov, D. M. (2024). Kul'turnyj imperializm v sredneaziatskom mediaprостranstve: Mehanizmy i instituty realizacii = Cultural imperialism in the Central Asian media space: mechanisms and institutions of implementation. *Issues of the theory and practice of journalism*, 13(2), 342–357. [https://doi.org/10.17150/23086203.2024.13\(2\).342-357](https://doi.org/10.17150/23086203.2024.13(2).342-357).

4. Ahmed, S., Bee, A. W. T., Ng, S. W. T., & Masood, M. (2024). Social media news use amplifies the illusory truth effects of viral deepfakes: A cross-national study of eight countries. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 1–28. <https://doi.org/10.1080/08838151.2024.2410783>.
5. Bucher, T. (2017). The algorithmic imaginary: exploring the ordinary affects of Facebook algorithms. *Information, Communication & Society*, 20(1), 30–44. DOI 10.1080/1369118X.2016.1154086.
6. Covington, P., Adams, J., & Sargin, E. (2016). Deep neural networks for YouTube recommendations. *Proceedings of the 10th ACM Conference on Recommender Systems*, 191–198. ACM. <https://doi.org/10.1145/2959100.2959190>.
7. Flew, T., Martin, F., & Suzor, N. (2019). Internet regulation as media policy: Rethinking the question of digital communication platform governance. *Journal of Digital Media & Policy*, 10(1), 33–50. https://doi.org/10.1386/jdmp.10.1.33_1.
8. Gorwa, R., Binns, R., & Katzenbach, C. (2020). Algorithmic content moderation: Technical and political challenges in the automation of platform governance. *Big Data & Society*, 7(1). <https://doi.org/10.1177/2053951719897945>.
9. Gritsenko, D., Wijermars, M., & Kopotev, M. (2021). The Palgrave handbook of digital Russia studies. *Springer Nature*. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-42855-6>.
10. Just, N., & Latzer, M. (2017). Governance by algorithms: Reality construction by algorithmic selection on the Internet. *Media, Culture & Society*, 39(2), 238–258.
11. Kaye, D. B. V., Chen, X., & Zeng, J. (2020). The co-evolution of two Chinese mobile short video apps: Parallel platformization of Douyin and TikTok. *Mobile Media & Communication*, 9(2), 229–253. <https://doi.org/10.1177/2050157920952120>.
12. Kietzmann, J., Paschen, J., & Treen, E. (2018). Artificial intelligence in advertising. *Journal of Advertising Research*, 58(3), 263–267. <https://doi.org/10.2501/JAR-2018-035>.
13. Poell, T., Nieborg, D. B., & van Dijck, J. (2022). Platforms and cultural production. *Polity Press*.
14. Schiff, K. J., Schiff, D. S., & Bueno, N. S. (2024). The liar's dividend: Can politicians claim misinformation to evade accountability? *American Political Science Review*, 1–20. <https://doi.org/10.1017/S0003055423001454>.
15. Van Dijck, J., Poell, T., & de Waal, M. (2018). The platform society: Public values in a connective world. Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190889760.001.0001>.
16. Wijermars, M., & Lokot, T. (2022). Is Telegram a “harbinger of freedom”? The performance, practices, and perception of platforms as political actors in authoritarian states. *Post-Soviet Affairs*, 38(1–2), 125–145. <https://doi.org/10.1080/1060586X.2022.2030645>.
17. Zeng, J., & Kaye, D. B. V. (2022). From content moderation to visibility moderation: A case study of platform governance on TikTok. *Policy & Internet*, 14, 79–95. <https://doi.org/10.1002/poi3.287>.

Политическая лингвистика. 2026. № 4 (118).
Political Linguistics. 2026. No 4 (118).

УДК 81'42+81'2+808.51

ББК Ш105.51+Ш105.55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.51

Код ВАК 5.9.8

Дмитрий Александрович Гусаров^{1,2}, Елена Павловна Савченко^{3,4}, Елена Юрьевна Харитонов^{3,5}

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия

² Российский университет дружбы народов, Москва, Россия, dmitriy_gusarov@mail.ru[✉], SPIN-код: 1123-2507, <https://orcid.org/0000-0001-6844-5792>

³ Государственный университет просвещения, Москва, Россия

⁴ ep.savchenko@guppros.ru[✉], SPIN-код: 8807-2657, <https://orcid.org/0000-0002-8557-9984>

⁵ charitonova-elena@yandex.ru[✉], SPIN-код: 6498-3508, <https://orcid.org/0000-0001-7181-2354>

Специфика вербализации концепта «национальные ценности» в политическом дискурсе (на материале выступлений президентов России и США)

АННОТАЦИЯ. Цель статьи заключается в выявлении и описании лингвистических средств вербализации концепта «национальные ценности» в российском и американском политическом дискурсе на основе публичных выступлений президентов (В. В. Путина, Дж. Байдена, Д. Трампа). **Методология** исследования включает концептуальный, контекстуальный, семантический, квантитативный и сравнительный методы, а также метод сплошной выборки. Материалом послужили выступления президентов России и США периода 2017–2025 гг. **В результате** анализа были выявлены и систематизированы ядерные и периферийные компоненты лексико-семантического поля «национальные ценности» в каждом из дискурсов. Установлено, что в американском политическом дискурсе ядро концепта формируют ценности демократии и свободы, тогда как в российском дискурсе приоритет отдается ценностям культуры, образования и безопасности. **Сравнительный анализ** показал наличие универсальных ценностей (право, свобода, безопасность) при существенных различиях в их иерархии, что отражает специфику исторического развития, политических систем и культурных традиций каждой страны. Полученные **результаты** свидетельствуют о том, что ценности являются эффективным инструментом конструирования образа реальности в соответствии с коммуникативным замыслом автора. Аксиологический подход к анализу политического дискурса позволяет реконструировать фрагмент языковой картины мира определенной лингвокультуры через выявление ценностных доминант на всех уровнях языковой личности. **Результаты исследования** могут быть применены в лингвокультурологии, политической лингвистике и дискурс-анализе для анализа идеологической и аксиологической нагрузки политического дискурса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политическая риторика, политические речи, публичные выступления, политические тексты, российские президенты, американские президенты, языковая личность, лингвоперсоналогия, концептосфера, концепты, национальные ценности, система ценностей, лингвокультурология, языковая репрезентация, лексико-семантическое поле, лингвоаксиология.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Гусаров Дмитрий Александрович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкого языка, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия; доцент кафедры русского языка № 1, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия, email: dmitriy_gusarov@mail.ru.

Савченко Елена Павловна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры индоевропейских и восточных языков, Государственный университет просвещения, Москва, Россия, email: ep.savchenko@guppros.ru.

Харитонов Елен Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой индоевропейских и восточных языков, Государственный университет просвещения, Москва, Россия, email: charitonova-elena@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Гусаров, Д. А. Специфика вербализации концепта «национальные ценности» в политическом дискурсе (на материале выступлений президентов России и США) / Д. А. Гусаров, Е. П. Савченко, Е. Ю. Харитонов. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 4 (118). — С. 80-89.

Dmitriy A. Gusarov^{1,2}, Elena P. Savchenko^{3,4}, Elena Yu. Kharitonova^{3,5}

¹ Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

² Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia, dmitriy_gusarov@mail.ru[✉], SPIN code: 1123-2507, <https://orcid.org/0000-0001-6844-5792>

³ State University of Education, Moscow, Russia

⁴ ep.savchenko@guppros.ru[✉], SPIN code: 8807-2657, <https://orcid.org/0000-0002-8557-9984>

⁵ charitonova-elena@yandex.ru[✉], SPIN code: 6498-3508, <https://orcid.org/0000-0001-7181-2354>

Verbalization of the Concept of “National Values” in the Political Discourse of Russia and the USA (Based on the Speeches of Russian and American Presidents)

ABSTRACT. The aim of the paper is to identify and describe the linguistic means and methods of verbalization of the concept of “national values” in the Russian and American political discourse based on the public speeches of the Russian and American presidents (V.V. Putin, J. Biden, and D. Trump). The research methodology includes the conceptual, contextual, semantic, quantitative and comparative methods, as well as the continuous sampling method. The practical research material comprises speeches of the presidents of Russia and the USA from 2017 to 2025. As a result of the analysis, the core and peripheral components of the lexico-semantic field “national values” were identified and systematized in each discourse. It was found that in American political discourse, the core of the concept is formed by the values of democracy and freedom, while in Russian discourse, priority is given to the values of culture, education and security. The comparative analysis revealed the presence of universal values (law, freedom, security) with significant differences in their hierarchy, reflecting the specific historical development, political systems and cultural traditions of each country. The findings indicate that values serve as an effective tool for constructing the image of reality in accordance with the author's communicative intention. The axiological approach to the analysis of political discourse makes it possible to reconstruct fragments of the linguistic worldview of a particular linguoculture through identifying value dominants at all levels of the linguistic personality. The results of the study can be applied to linguoculturology, political linguistics and discourse analysis to evaluate the ideological and axiological load of political discourse.

KEYWORDS: political discourse, political rhetoric, political speeches, public speeches, political texts, Russian presidents, American presidents, linguistic personality, linguopersonology, conceptsphere, concepts, national values, system of values, linguoculturology, linguistic representation, lexico-semantic field, linguoaxiology.

AUTHOR'S INFORMATION: Gusarov Dmitry Aleksandrovich, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of German Language, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia; Associate Professor of Russian Language Department No. 1, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

Savchenko Elena Pavlovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Indo-European and Oriental Languages, State University of Education, Moscow, Russia.

Kharitonova Elena Yur'evna, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Department of Indo-European and Oriental Languages, State University of Education, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Gusarov D. A., Savchenko E. P., Kharitonova E. Yu. (2026). Verbalization of the Concept of “National Values” in the Political Discourse of Russia and the USA (Based on the Speeches of Russian and American Presidents). In *Political Linguistics*. No 4 (118), pp. 80-89. (In Russ.).

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Настоящее исследование выполнено в рамках лингвокультурологии и посвящено изучению языковой репрезентации концепта «национальные ценности» в политическом дискурсе на примере выступлений президентов России и США. Политическая речь глав государств представляет собой особый жанр институциональной коммуникации, через который транслируются ключевые идеологические установки и национальные приоритеты. В связи с этим анализ президентских выступлений позволяет выявить те ценностные ориентиры, которые государство считает важными для консолидации общества и формирования национальной идентичности.

Особое значение для настоящего исследования имеет понятие политического дискурса. Его изучение является важным аспектом современной лингвистики, который помогает лучше понять в том числе и актуальные ценности разных народов [Будаев, Чудинов 2006]. Исследованием политической

лингвистики занимались такие отечественные ученые, как Э. В. Будаев, А. П. Чудинов [Будаев, Чудинов 2006], В. З. Демьянков [Демьянков 2002; 2003].

Актуальность настоящей работы обусловлена динамичным характером политического дискурса, новые аспекты которого требуют постоянного изучения со стороны лингвистики. Политический дискурс, являясь частью деловой речи, обладает рядом значительных отличий, включая выраженную идеологическую обусловленность и ориентацию на воздействие. В данном исследовании предпринимается попытка понять, как концепт «национальные ценности» отражен в речи глав государств и как способ его выражения варьируется в зависимости от политической и культурной среды.

Политический дискурс трактуется как коммуникационная система, которая обладает как реальным, так и потенциальным измерением. В аспекте реального измерения дискурс понимается как процесс актуальной речевой деятельности и совокупность текстов; с точки зрения потенциального — как

особое семиотическое пространство¹. А. П. Чудинов и Э. В. Будаев утверждают, что основными источниками изучения политического языка являются политический медиадискурс и собственно политический, или институциональный, дискурс [Будаев, Чудинов 2006]. Последний представлен такими жанрами, как публичные выступления, официальные документы, политические заявления.

Аксиологический подход к изучению дискурса, разрабатываемый в современной лингвистике [Карасик 2024; Аракелова, Ширяева 2025; Ковш, Савченко, Харитонов 2025; Проскуряков, Харитонов 2026; Гусаров, Захарова, Савченко 2026], позволяет рассматривать ценности как ключевой фактор в процессе формирования смысла речевого произведения и его воздействия на адресата.

В свою очередь, концепт является центральным понятием лингвокультурологии и рассматривался в работах многих известных ученых: А. Вежбицкой [Вежбицкая 1999], Ю. С. Степанова [Степанов 1997], В. И. Карасика [Карасик 2002], В. А. Масловой [Маслова 2001], С. Г. Воркачева [Воркачев 2004] и др. Ю. С. Степанов осмысляет концепт как сложное образование, которое содержит в себе все, что делает концепт фактом культуры, а именно этимологию, историю, представления и оценки [Степанов 1997: 41]. В. И. Карасик определяет концепт как многомерное лингвистическое образование, включающее в себя понятийное ядро, особенности употребления, культурологические свойства, валентностные связи и внутреннюю форму [Карасик 2002: 29]. Таким образом, концепт понимается как сложное ментальное образование, формирующееся в результате взаимодействия языка, культуры и сознания и отражающее культурно значимые представления общества.

Согласно подходу З. Д. Поповой и И. А. Стернина, внутреннее строение любого концепта включает в себя 3 фундаментальных компонента: базовый слой (ядро), информационное содержание и интерпретационное поле (периферия) [Попова, Стернин 2003]. Данная модель позволяет структурировать концепт по принципу ядро — ближняя периферия — дальняя периферия, что дает возможность наглядно представить иерархию ценностных приоритетов в конкретном дискурсе.

МЕТОДИКА АНАЛИЗА И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данном исследовании используется комплекс методов, направленных на всесторонний анализ языкового материала. Основным методом сбора материала стал метод сплошной выборки, позволивший выделить из текстов выступлений все лексические единицы, репрезентирующие исследуемый концепт. Для выявления смыслового наполнения и особенностей употребления отобранных единиц применялся контекстуальный анализ. Семантический анализ использовался для определения значений ключевых лексем-репрезентантов. Квантитативный метод обеспечил возможность статистической обработки данных и построения полевых моделей концепта на основе частотности употребления лексических единиц. Сравнительный анализ позволил установить сходства и различия в структуре и содержании концепта в двух лингвокультурах.

Материалом для исследования послужили публичные выступления президентов России (В. В. Путина) и США (Дж. Байдена и Д. Трампа) за период 2017–2025 гг., включая инаугурационные речи, обращения к нации и послание к Федеральному Собранию [источники 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7]. Выбор указанного материала обуславливается его высокой значимостью в политическом дискурсе, так как данные выступления направлены на широкую аудиторию и указывают на официальную позицию государства по главным вопросам его внешней и внутренней политики.

В скриптах указанных текстов для анализа было отобрано равное количество лексем — по 13 в американском и российском дискурсах. Принадлежность лексем к ядру и перифериям рассчитывалась исходя из доли каждого понятия в общем числе словоупотреблений выборки. Общее количество лексем в проанализированной выборке текстов американского политического дискурса с учетом словоупотреблений составило 133 единицы. Ядро составили понятия с долей более 15 %, ближнюю периферию — с долей от 3 % до 15 %, дальнюю периферию — до 3 %. Общее количество словоупотреблений в проанализированном корпусе текстов российского политического дискурса — 255 единиц. Ядро составили лексемы с долей более 10 %, ближнюю периферию — от 4 % до 10 %, дальнюю периферию — до 4 %.

АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА

Американский политический дискурс

В американском политическом дискурсе было выявлено 13 ключевых лексем — ре-

¹ Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : автореферат дис. ... д-ра филол. наук / Е. И. Шейгал. — Волгоград, 2000. — 27 с.

презентантов концепта «национальные ценности». Ядро концепта образуют лексемы *democracy* и *free* (а также их производные). Это свидетельствует о фундаментальной значимости либерально-демократических ценностей для американского общества.

Обратимся к примерам, демонстрирующим первую из ядерных лексем — **демократию**.

В своей речи президент Джозеф Байден неоднократно подчеркивает центральное место демократии в системе национальных ценностей.

(1) *And that democracy — democracy must be defended, for democracy makes all these things possible* [источник 6] / «И эту демократию — демократию необходимо защищать, ведь именно она делает все это возможным» (здесь и далее перевод авторов — Д. Г., Е. С., Е. Х.). Лексический повтор помогает подчеркнуть главную ценность, усиливая ее перлокутивный эффект. Использование модальной конструкции *must be defended* придает утверждению характер обязательности, подчеркивая, что демократия является ценностью, нуждающейся в активной защите.

(2) *These two documents and the ideas they embody — equality and democracy — are the rock upon which this nation is built* [источник 6] / «Эти два документа и идеи, которые они воплощают — равенство и демократия — являются тем фундаментом, на котором построена эта нация». Дж. Байден обозначает демократию как основу американской нации и государственности, делая акцент на ее устойчивый и главенствующий характер. Лексема *rock* (скала, фундамент) создает образ прочности и незыблемости.

(3) *We are still, at our core, a democracy* [источник 6] / «Мы по-прежнему, в своей сути, являемся демократией». Политик рассматривает демократию как часть национальной идентичности, подчеркивая сохранение данной ценности во времени.

(4) *Democracy begins and will be preserved in we, the people's, habits of heart, in our character: optimism that is tested yet endures, courage that digs deep when we need it, empathy that fuels democracy, the willingness to see each other not as enemies but as fellow Americans* [источник 5] / «Демократия начинается и сохраняется в нас, в привычках сердца народа, в нашем характере: в оптимизме, который проходит испытания и сохраняется, в мужестве, которое проявляется в трудные моменты, в эмпатии, питающей демократию, в готовности видеть друг в друге не врагов, а сограждан». Данный фрагмент описывает демократию как

моральный ориентир, укорененный в идеологическом миропонимании народа. Дж. Байден подчеркивает роль нации как носителей и защитников демократических принципов. Метафора *habits of heart* представляет демократию как внутреннее качество, присущее каждому американцу.

(5) *There is nothing more important, nothing more sacred, nothing more American. That's our soul. That's who we truly are. And that's who must — we must always be. And I have no doubt — none — that this is who we will be and that we'll come together as a nation. That we'll secure our democracy* [источник 5] / «Нет ничего более важного, ничего более священного, ничего более американского. Это наша душа. Это то, кем мы на самом деле являемся. И это то, кем мы всегда должны быть. И у меня нет никаких сомнений, что именно такими мы и останемся, что мы объединимся как нация и защитим нашу демократию». Дж. Байден причисляет демократию к части американской национальной идентичности. Фраза *that's our soul* придает данной ценности значение символа США, осмысляя ее как сущностную характеристику нации, определяющую ее внутреннюю природу и самосознание. Градация *nothing more important, nothing more sacred, nothing more American* усиливает значимость демократии.

(6) *Our task is to make our nation free and fair, just and strong, noble and whole. And this work is the work of democracy — the work of this generation* [источник 5] / «Наша задача — сделать нашу нацию свободной и справедливой, честной и сильной, благородной и единой. И эта работа является работой демократии, работой нашего поколения». Демократия показана как процесс, формирующий задачи и ключевые национальные ценности. Перечисление главных ценностей и объединение их в рамках понятия демократии указывает на ее главенствующий характер.

(7) *American democracy asks the hardest of things: to believe that we're part of something bigger than ourselves. So, democracy begins with each of us* [источник 6] / «Американская демократия требует самого трудного — верить в то, что мы являемся частью чего-то большего, чем мы сами. Таким образом, демократия начинается с каждого из нас». Дж. Байден подчеркивает, что демократия сопряжена с осознанием себя в качестве члена национального сообщества и гражданина, а также с личной ответственностью каждого человека.

(8) *My recent election is a mandate to completely and totally reverse a horrible betrayal and all of these many betrayals that have*

taken place and to give the people back their faith, their wealth, their democracy, and, indeed, their freedom. From this moment on, America's decline is over [источник 4] / «Мое недавнее избрание является мандатом на полное преодоление ужасного предательства и возвращение народу его веры, его благосостояния, его демократии, и, действительно, его свободы. С этого момента упадок Америки закончен». Д. Трамп включает демократию в перечень важных ценностей наряду со свободой и верой, что показывает значимость данного явления в системе ценностных ориентиров.

Вторая ядерная лексема — **свобода** — может быть проиллюстрирована следующими фрагментами.

(9) *This is a nation that respects free and fair elections. We honor the will of the people. We do not deny it* [источник 6] / «Это нация, которая уважает свободные и честные выборы. Мы уважаем волю народа. Мы не отвергаем ее». Свобода представлена как возможность граждан влиять на политический процесс путем участия в свободных выборах. Президент подчеркивает, что волеизъявление народа — это право, которое почитается американской нацией.

(10) *We, the people, have burning inside each of us the flame of liberty that was lit here at Independence Hall... That sacred flame still burns now in our time as we build an America that is more prosperous, free, and just* [источник 5] / «Мы, народ, храним в себе пламя свободы, зажженное здесь, в Зале Независимости... Это священное пламя продолжает гореть и сегодня, когда мы строим Америку более процветающую, свободную, справедливую». Свобода выступает в качестве ориентира национального развития. Метафора *flame of liberty* и эпитет *sacred flame* создают образ свободы как священного дара, передаваемого из поколения в поколение.

(11) *But democracy endures only if we, the people, respect the guardrails of the republic. Only if we, the people, accept the results of free and fair elections. Only if we, the people, see politics not as total war but mediation of our differences* [источник 6] / «Но демократия сохраняется только тогда, когда мы, народ, уважаем основы республики. Только тогда, когда мы принимаем результаты свободных и честных выборов. Только тогда, когда мы воспринимаем политику не как тотальную войну, а как способ разрешения разногласий». Дж. Байден говорит о свободе как о возможности граждан участвовать в политическом процессе без давления и принуждения, а также об обязанности признавать

легитимность результатов на честных выборах.

(12) *I will not stand by and watch the most fundamental freedom in this country — the freedom to vote and have your vote counted — be taken from you and the American people* [источник 5] / «Я не буду стоять в стороне и смотреть, как у вас и у американского народа отнимают самую основополагающую свободу в этой стране — свободу голосовать и быть уверенными, что ваш голос будет учтен». Дж. Байден отмечает свободу осуществлять избирательное право как главную ценность американского народа. Эпитет *most fundamental* подчеркивает исключительную важность данной свободы.

(13) *They're not asking us to scale these cliffs, but they're asking us to stay true to what America stands for. They're asking us to do our job: to protect freedom in our time, to defend democracy, to stand up to aggression abroad and at home, to be part of something bigger than ourselves* [источник 5] / «Они не просят нас штурмовать эти скалы, они просят оставаться верными тому, что отстаивает Америка. Они просят нас делать нашу работу: защищать свободу в наше время, отстаивать демократию, противостоять агрессии внутри страны и за ее пределами, быть частью чего-то большего, чем мы сами». Дж. Байден ссылается на события Второй мировой войны, утверждая, что свобода и демократия являются ценностями, которые США исторически всегда отстаивали.

(14) *And our top priority will be to create a nation that is proud, prosperous, and free* [источник 4] / «И нашим главным приоритетом станет создание нации, которая будет гордой, процветающей и свободной». Д. Трамп отдает свободе исключительный приоритет в вопросе дальнейшего развития страны. Адъективный ряд *proud, prosperous, and free* представляет свободу как неотъемлемое качество процветающей нации.

(15) *This censorship and bias is a threat to freedom itself. Therefore, today I'm signing an executive order to protect and uphold the free speech and rights of the American people* [источник 7] / «Эта цензура и предвзятость представляют угрозу самой свободе. Поэтому сегодня я подписываю указ, чтобы защитить и отстоять свободу слова и права американского народа». Д. Трамп говорит о свободе как о праве выражать свое мнение. Утверждение *threat to freedom itself* приравнивает угрозу свободе слова к угрозе свободе в целом.

(16) *After years and years of illegal and unconstitutional federal efforts to restrict free expression, I also will sign an executive order*

to immediately stop all government censorship and bring back free speech to America [источник 7] / «После многих лет незаконных и неконституционных попыток федеральных властей ограничить свободу выражения мнения я подпишу указ, чтобы немедленно прекратить государственную цензуру и вернуть Америке свободу слова». Трамп рассматривает свободу слова в правовом поле. Лексемы *illegal* и *unconstitutional* подчеркивают, что ограничение свободы слова является нарушением конституционного строя.

Ближнюю периферию американского концепта составляют лексемы *law, justice, safety, wealth, equality, patriotism, independence*.

Рассмотрим примеры их употребления.

Лексема право (law)

(17) *They promote authoritarian leaders, and they fan the flames of political violence that are a threat to our personal rights, to the pursuit of justice, to the rule of law, to the very soul of this country* [источник 5] «Они продвигают авторитарных лидеров и раздувают пламя политического насилия, которое представляет угрозу нашим личным правам, стремлению к справедливости, верховенству закона и самой душе этой страны». Дж. Байден включает право и справедливость в перечень ценностей, отражающих убеждения граждан США.

(18) *MAGA Republicans do not respect the Constitution. They do not believe in the rule of law. They do not recognize the will of the people* [6] / «МАГА-республиканцы не уважают конституцию. Они не верят в верховенство закона. Они не признают волю народа». Соблюдение правовых норм представлено как национальная ценность, помогающая сохранять порядок внутри государства.

(19) *This is a nation that believes in the rule of law. We do not repudiate it* [источник 6] / «Это нация, которая верит в верховенство закона. Мы не отрекаемся от него». Дж. Байден подчеркивает ценностный, а не только правовой статус закона. Глагол *believe* указывает на то, что соблюдение закона является частью американской идентичности.

(20) *American democracy only works only if we choose to respect the rule of law and the institutions that were set up in this chamber behind me, only if we respect our legitimate political differences* [источник 5] / «Американская демократия работает только в том случае, если мы выбираем уважать верховенство закона и институты, созданные в этих стенах, если мы уважаем наши законные политические различия». Байден высказы-

вает мысль о созависимости демократии и права.

Лексема справедливость (justice), патриотизм (patriotism)

(21) *We are still an America that believes in honesty and decency and respect for others, patriotism, liberty, justice for all, hope, possibilities* [источник 6] / «Мы по-прежнему Америка, которая верит в честность, порядочность, уважение к другим, патриотизм, свободу, справедливость для всех, надежду и возможности». Справедливость понимается как равные возможности и равная ответственность. Фраза *justice for all* отсылает к тексту клятвы американскому флагу, что указывает на историческую важность данной ценности.

Лексема безопасность (safety)

(22) *I believed we could make America safer, so we passed the most significant gun safety law since President Clinton* [источник 6] / «Я верил, что мы можем сделать Америку более безопасной, поэтому мы приняли самый значительный закон об оружейной безопасности со времен президента Клинтона». Безопасность упоминается в правовом поле как ценность, требующая законодательного закрепления.

Лексема благополучие (wealth)

(23) *The United States will once again consider itself a growing nation — one that increases our wealth, expands our territory, builds our cities, raises our expectations, and carries our flag into new and beautiful horizons* [источник 4] / «Соединенные Штаты вновь будут считать себя развивающейся нацией — нацией, которая увеличивает наше богатство, расширяет территорию, строит города, повышает наши ожидания и несет наш флаг к новым горизонтам». Д. Трамп говорит о богатстве в рамках перспектив развития страны.

Лексема равенство (equality)

(24) *The soul of America is defined by the sacred proposition that all are created equal in the image of God* [источник 5] / «Душа Америки определяется священным принципом о том, что все созданы равными по образу Божьему». Равенство представлено как основополагающий принцип национальной идентичности.

Лексема независимость (independence)

(25) *From this day on, the United States of America will be a free, sovereign, and independent nation* [источник 4] / «С этого дня Соединенные Штаты Америки будут свободной, суверенной и независимой нацией». Д. Трамп говорит о независимости как о приоритете в развитии страны.

Дальнюю периферию американского концепта представляют лексемы *peace, family, religion, American dream*.

(26) *We will move with purpose and speed to bring back hope, prosperity, safety, and peace for citizens of every race, religion, color, and creed* [источник 4] / «Мы будем действовать целеустремленно и быстро, чтобы вернуть надежду, процветание, безопасность и мир гражданам любой расы, религии, цвета кожи и вероисповедания». Мир представлен как результат целенаправленной государственной политики.

(27) *I will immediately begin the overhaul of our trade system to protect American workers and families* [источник 4] / «Я немедленно начну реформу нашей торговой системы, чтобы защитить американских рабочих и семьи». Семья рассматривается как ценность и социальная единица, нуждающаяся в защите.

(28) *The American dream will soon be back and thriving like never before* [источник 4] / «Американская мечта скоро вернется и будет процветать как никогда прежде». Американская мечта отражает идеал жизненного пути и коррелирует с другими ценностями изучаемого концепта.

Российский политический дискурс

В российском политическом дискурсе также было выделено 13 ключевых лексем. Ядро концепта составляют лексемы *культура, образование и безопасность*.

Лексема **культура** представлена следующими фрагментами.

(29) *Позиция России хорошо известна: мы выступаем за уважение к самобытности стран и народов, к их обычаям и культурам* [источник 1]. Культура представлена как признак национальной идентичности и часть исторической уникальности каждого народа.

(30) *Благополучие, само существование целых государств и народов, их успех и жизнеспособность всегда берут начало в мощной корневой системе своей культуры и ценностей* [2]. В. В. Путин осмысляет культуру как фундаментальную основу существования народа и государства. Метафора *мощная корневая система* создает образ культуры как источника жизненной силы нации.

(31) *Нам нужно последовательно и активно продвигать свои ценности, формировать свои гуманитарные, культурные смыслы, востребованные и в стране, и в мире* [источник 1]. Культура представлена как смыслообразующий фактор для будущих поколений.

Лексема образование

(32) *И конечно, молодые поколения должны расти сильными, широко образованными, открытыми к творчеству и созиданию, быть глобально конкурентоспособными в знаниях, компетенциях, предлагать свои оригинальные идеи, решения, а не копировать чужие* [источник 1]. Образование представлено как условие формирования интеллектуально и профессионально развитой личности. Адъективный ряд *сильными, широко образованными, открытыми к творчеству* создает образ идеального гражданина.

(33) *И конечно, для укрепления наших общих ценностей, национальной идентичности крайне важны система образования, отечественная культура* [источник 3]. Образование прямо связывается с задачей укрепления национальной идентичности.

Лексема безопасность

(34) *При этом ведущие политические силы консолидированы и едины в главном, а главное, основополагающее для всех нас — это безопасность и благополучие народа, суверенитет и национальные интересы* [источник 3]. Безопасность обозначена как ключевое условие существования государства и развития нации. Лексема *основополагающее* подчеркивает фундаментальный характер данной ценности.

(35) *Кто встал на путь прямого предательства, совершая террористические и иные преступления, направленные против безопасности нашего общества, территориальной целостности страны, понесет ответственность по закону* [источник 1]. Безопасность представлена как фактор, от которого зависит суверенитет.

Ближнюю периферию российского концепта формируют лексемы *право, единство, свобода, семья, выбор, суверенитет*.

Лексема право

(36) *И мы считаем важным, чтобы этим правом — правом выбора — могли воспользоваться все народы, проживающие на территории сегодняшней Украины, все, кто этого захочет* [источник 2]. Право представлено как возможность выбирать свое будущее.

(37) *Кроме того, нужно совершенствовать законодательные и нормативно-правовые акты, направленные на защиту традиционных ценностей* [источник 1]. Право рассматривается как часть законодательной деятельности по защите национальных ценностей.

Лексема единство

(38) *Мы идем только вперед благодаря преданности Родине, воле и нашему един-*

ству [источник 3]. Единство рассматривается как важный внутренний ресурс общества.

Лексема **свобода**

(39) *В основе нашей политики — свобода, свобода выбора для всех самостоятельно определять свое будущее и будущее своих детей* [источник 2]. Свобода представлена как принцип, лежащий в основе государственной политики.

(40) *Важнейший элемент экономического суверенитета — это свобода предпринимательства* [источник 3]. Свобода рассматривается в экономическом аспекте.

Лексема **семья**

(41) *Наш долг — поддержать семьи, потерявшие родных, близких, любимых, помочь им вырастить, поднять детей, дать им образование, профессию* [источник 3]. Семья осмысливается как важная социальная ценность, нуждающаяся в государственной поддержке.

Лексема **выбор**

(42) *В этой связи хочу подчеркнуть, что и выборы в местные и региональные органы власти в сентябре этого года, и президентские выборы в 2024-м состоятся в строгом соответствии с законом, с соблюдением всех демократических, конституционных процедур* [источник 3]. Выбор осмысливается как демократическое право, защищенное законом.

Лексема **суверенитет**

(43) *Как уже говорил ранее, Россия после развала СССР приняла новые геополитические реалии. Мы с уважением относимся и будем так же относиться ко всем вновь образованным на постсоветском пространстве странам. Мы уважаем и будем уважать их суверенитет* [источник 2]. Суверенитет представлен как основополагающий принцип международных отношений.

Дальнюю периферию российского концепта представляют лексемы *патриотизм, благополучие, справедливость, гуманизм*.

Лексема **патриотизм**

(44) *В этой поддержке прежде всего проявился настоящий патриотизм — чувство, которое исторически присуще нашему народу* [источник 3]. Патриотизм представлен как важное нравственное качество.

Лексема **благополучие**

(45) *Благополучие, само существование целых государств и народов, их успех и жизнеспособность всегда берут начало в мощной корневой системе своей культуры и ценностей, опыта и традиций предков* [источник 2]. Благополучие осмысливается как результат устойчивого развития общества.

Лексемы **справедливость, гуманизм**

(46) *Такие ценности, определяющие для нас, — это единство народов России, приверженность правде и справедливости, милосердие и гуманизм, крепкая семья и любовь к детям* [источник 1]. Справедливость представлена как одна из нравственных основ российского общества.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Проведенное исследование показало, что концепт «национальные ценности» имеет различную вербализацию в российском и американском политическом дискурсе, что отражает специфику каждой лингвокультуры и государственной идеологии. Сравнительный анализ позволил выявить как сходства, так и различия.

Сходства в репрезентации концепта «национальные ценности»:

- опора на ключевые лексемы-репрезентанты, объединенные в лексико-семантическое поле;

- наличие ядра и периферии в структуре концепта;

- присутствие универсальных ценностей (право, свобода, безопасность, справедливость, семья, религия).

Различия проявляются в следующих чертах. В американском политическом дискурсе ядро концепта формируют ценности демократии и свободы, которые рассматриваются как фундаментальные основы американского государства и национальной идентичности. Ближняя и дальняя периферии концепта дополняют ядерные ценности ценностями права, справедливости, безопасности и патриотизма.

В российском политическом дискурсе ядро концепта составляют ценности культуры, образования и безопасности, что свидетельствует о приоритете культурной идентичности, интеллектуального развития и государственной стабильности. Ближняя и дальняя периферии отражают значимость общественной консолидации, духовных ориентиров и моральных принципов.

Таким образом, аксиологический подход к анализу смысловой структуры политического дискурса позволил выявить составляющие ценность стереотипы прагматического, когнитивного и вербально-семантического уровней языковой личности, восстановив тем самым сегмент языковой картины мира определенной лингвокультуры. Результаты исследования имеют практическую значимость и могут быть использованы в преподавании курсов по лингвокультурологии и политической лингвистике, при написании курсовых и научных работ, а также при

анализе современных политических текстов. Перспективой дальнейшего исследования является расширение корпуса текстов за счет выступлений других политических деятелей и анализ динамики концепта в более продолжительном временном периоде.

ИСТОЧНИКИ

1. Выступление Владимира Путина на заседании Совета Безопасности Российской Федерации. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/77160> (дата обращения: 05.06.2026).
2. Обращение Президента Российской Федерации Владимира Путина. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70565> (дата обращения: 05.06.2026).
3. Послание Президента Федеральному Собранию Российской Федерации. — URL: <https://ria.ru/20220224/obraschenie-1774658619.html> (дата обращения: 05.06.2026).
4. President Trump's Inaugural Address. — URL: <https://hr.usembassy.gov/president-trumps-inaugural-address/> (date of access: 05.06.2026).
5. Remarks by President Biden on Democracy and Freedom, Normandy, France. — URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/speeches-remarks/2024/06/07/remarks-by-president-biden-on-democracy-and-freedom-normandy-france/> (date of access: 05.06.2026).
6. Remarks by President Biden on the Continued Battle for the Soul of the Nation. — URL: <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/09/01/remarks-by-president-biden-on-the-continued-battle-for-the-soul-of-the-nation/> (date of access: 05.06.2026).
7. Remarks by President Trump Announcing an Executive Order on Preventing Online Censorship. — URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-announcing-executive-order-preventing-online-censorship/> (date of access: 05.06.2026).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аракелова, А. Р. Дискурс отмены и аксиология: как и почему СМИ вербализуют ценностные концепты / А. Р. Аракелова, Т. А. Ширяева // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2025. — № 1 (895). — С. 17–24. — EDN HBXTAM.
2. Будаев, Э. В. Современная политическая лингвистика / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2006. — 267 с. — ISBN 5-7186-0314-6. — EDN XPAEAX.
3. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков : моногр. / А. Вежбицкая, А. Д. Шмелев, Т. В. Булыгина. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 790 с. — ISBN 5-7859-0032-7. — EDN SUMHYX.
4. Воркачев, С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт : моногр. / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6. — EDN QRBAUZ.
5. Гусаров, Д. А. Аксиологическая модель смысловой структуры текста: выборы мэра Нью-Йорка 2025 года на страницах немецких газет / Д. А. Гусаров, М. Ю. Захарова, Е. П. Савченко // Политическая лингвистика. — 2026. — № 2. — С. 152–161. — EDN OBCNHO.
6. Демьянков, В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / В. З. Демьянков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учебное пособие / отв. ред. М. Н. Володина. — Москва : Изд-во МГУ, 2003. — С. 116–133. — EDN SCEGEZ.
7. Демьянков, В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В. З. Демьянков // Политическая наука. — 2002. — № 3. — С. 32–43. — EDN BAZKIF.
8. Карасик, В. И. Ценностная картина мира как объект аксиологической лингвистики / В. И. Карасик // Языки, литературы и культуры народов России в современной академической науке : сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Междунар. науч. форума), посвящ. 85-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан (Казань, 9–

11 окт. 2024 г.). — Казань : Академия наук Республики Татарстан, 2024. — С. 183–188. — EDN QOPXEQ.

9. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-88234-552-2. — EDN UGQAMP.

10. Ковш, Е. В. Функциональная семантика дискурсивных маркеров в инаугурационной речи Дональда Трампа / Е. В. Ковш, Е. П. Савченко, Е. Ю. Харитонов // Казанская наука. — 2025. — № 9. — С. 487–490. — EDN YHUZZK.

11. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. — Москва : Академия, 2001. — 208 с. — ISBN 5-7695-0745-4. — EDN UKCOEJ.

12. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж : Истоки, 2003. — 192 с. — ISBN 5-88242-189-6. — EDN VCBYXD.

13. Проскуряков, Н. А. Моделирование концепта «национальные ценности» (на примере англоязычного политического дискурса) / Н. А. Проскуряков, Е. Ю. Харитонов // Дискурсивные практики в современном мире : сборник научных трудов межвузовского научно-практического круглого стола. — Москва, 2026. — С. 132–137. — EDN PLVWLD.

14. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. — Москва : Языки русской культуры, 1997. — 824 с. — ISBN 5-88766-067-0. — EDN QOFIUL.

MATERIALS

1. Putin, V. V. (n.d.). Vystuplenie Vladimira Putina na zasedanii Soveta Bezopasnosti Rossijskoj Federacii = Vladimir Putin's speech at the meeting of the Security Council of the Russian Federation. Available at June 5, 2026 from <http://kremlin.ru/events/president/news/77160>.
2. Putin, V. V. (n.d.). Obrashchenie Prezidenta Rossijskoj Federacii Vladimira Putina = Address by the President of the Russian Federation Vladimir Putin. Available at June 5, 2026 from <http://kremlin.ru/events/president/news/70565>.
3. Putin, V. V. (n.d.). Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu Rossijskoj Federacii = Presidential Address to the Federal Assembly of the Russian Federation. Available at June 5, 2026 from <https://ria.ru/20220224/obraschenie-1774658619.html>.
4. Trump, D. (n.d.). President Trump's Inaugural Address. Available at June 5, 2026 from <https://hr.usembassy.gov/president-trumps-inaugural-address/>.
5. Biden, J. (2022). Remarks by President Biden on the continued battle for the soul of the nation. Available at June 5, 2026 from <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/speeches-remarks/2022/09/01/remarks-by-president-biden-on-the-continued-battle-for-the-soul-of-the-nation/>.
6. Biden, J. (2024). Remarks by President Biden on democracy and freedom, Normandy, France. Available at June 5, 2026 from <https://bidenwhitehouse.archives.gov/briefing-room/speeches-remarks/2024/06/07/remarks-by-president-biden-on-democracy-and-freedom-normandy-france/>.
7. Trump, D. (n.d.). Remarks by President Trump announcing an executive order on preventing online censorship. Available at June 5, 2026 from <https://trumpwhitehouse.archives.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-announcing-executive-order-preventing-online-censorship/>.

REFERENCES

1. Arakelova, A. R., Shiryayeva, T. A. (2025). Diskurs otmeny i aksiologiya: kak i pochemu SMI verbalizuyut cennostnye koncepty = Cancel culture and axiology: how and why media verbalize value concepts. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, 1(895), 17–24. EDN HBXTAM.
2. Budaev, E. V., Chudinov, A. P. (2011). Sovremennaya politicheskaya lingvistika = Modern political linguistics. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 252 p. ISBN 5-7186-0314-6. EDN XPAEAX.
3. Vezhbitskaya, A. (1999). Semanticheskie universalii i opisaniye yazykov = Semantic universals and description of languages. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 780 p. ISBN 5-7859-0032-7. EDN SUMHYX.
4. Vorkachev, S. G. (2004). Schast'e kak lingvokul'turnyj koncept = Happiness as a linguocultural concept. Moscow: Gnozis, 192 p. ISBN 5-94244-002-6. EDN QRBAUZ.
5. Gusarov, D. A., Zaharova, M. YU., Savchenko, E. P. (2026). Aksiologicheskaya model' smyslovoj struktury teksta: vybory

mera N'yu-Jorka 2025 goda na stranicah nemeckih gazet = Axiological model of text semantic structure: 2025 New York mayoral election in German newspapers. *Political Linguistics*, 2, 152–161. EDN OBCHNO.

6. Dem'yankov, V. Z. (2003). *Interpretaciya politicheskogo diskursa v SMI = Interpretation of political discourse in media. Media language as an object of interdisciplinary research* (Ed. M. N. Volodina), 116–133. Moscow: Izd-vo MGU. EDN SCEGEZ.

7. Dem'yankov, V. Z. (2002). Politicheskij diskurs kak predmet politologicheskoy filologii = Political discourse as a subject of political philology. *Political Science*, 3, 32–43. EDN BAZKIF

8. Karasik, V. I. (2024). Cennostnaya kartina mira kak ob'ekt aksiologicheskoy lingvistiki = Value picture of the world as an object of axiological linguistics. *Languages, literatures and cultures of the peoples of Russia in modern academic science*, 183–188). Kazan: Akademiya nauk Respubliki Tatarstan. EDN QOPXEQ.

9. Karasik, V. I. (2002). Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs = Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena, 477 p. ISBN 5-88234-552-2. EDN UGQAMP.

10. Kovsh, E. V., Savchenko, E. P., Haritonova, E. YU. (2025). Funkcional'naya semantika diskursivnykh markerov v inauguratsionnoj rechi Donal'da Trampa = Functional semantics of discourse markers in Donald Trump's inaugural address. *Kazan Science*, 9, 487–490. EDN YHUZZK.

11. Maslova, V. A. (2001). *Lingvokul'turologiya = Linguoculturology*. Moscow: Akademiya, 208 p. ISBN 5-7695-0745-4. EDN UKCOEJ.

12. Popova, Z. D., Stermin, I. A. (2003). *Ocherki po kognitivnoj lingvistike = Essays on cognitive linguistics*. Voronezh: Istoki, 192 p. ISBN 5-88242-189-6. EDN VCBYXD.

13. Proskuryakov, N. A., Haritonova, E. Yu. (2026). Modelirovanie koncepta «nacional'nye cennosti» (na primere angloyazychnogo politicheskogo diskursa) = Modeling the concept of “national values” (based on English-language political discourse). *Discursive practices in the modern world*, 132–137. Moscow. EDN PLVWLD

14. Stepanov, Yu. S. (1997). *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya = Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience*. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury, 824 p. ISBN 5-88766-067-0. EDN QOFIUL.

Политическая лингвистика. 2026. № 4 (118).
Political Linguistics. 2026. No 4 (118).

УДК 811.111'42+811.111'38+81'27
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.8; 5.9.9

Ксения Владимировна Землякова^{1✉}, Анастасия Витальевна Кульназарова^{2✉}

^{1,2} Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций имени проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия

¹ zemlyakova.kv@sut.ru[✉], SPIN-код: 3770-4058, <https://orcid.org/0000-0003-2090-8879>

² avkulnazarova@gmail.com[✉], SPIN-код: 5135-5921, <https://orcid.org/0000-0003-3858-995X>

Гендерная специфика Twitter-коммуникации Т. Мэй и Б. Джонсона: тенденции официализации и интимизации (на материале твитов 2019 и 2021 гг.)

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию действия гендерного фактора в социальной сети Twitter¹ на примере аккаунтов премьер-министров Великобритании Т. Мэй и Б. Джонсона. **Актуальность** обусловлена двумя факторами: с одной стороны, важностью медиадискурса как определяющей институции в формировании повестки дня, с другой стороны, возросшей значимостью коммуникации политика с электоратом в социальных сетях.

Цель — установить специфику реализации традиционно женских и мужских черт речи в жанре политического твитинга. **Материал** исследования образован выборкой из 98 и 103 постов соответственно от 2019 и 2021 г. Обработка корпуса твитов осуществлена **методами** контекстологического, концептуального, семантико-стилистического анализа и контент-анализа с применением количественных процедур.

Продemonстрировано, что в постах Т. Мэй доминирует тенденция к официализации. Преобладание в женском блоге маркеров фактуальности (точности) и нормативности формирует образ эксперта, соблюдающего конвенции политического дискурса. Коммуникация Б. Джонсона характеризуется значительной интимизацией — тяготением к персонализации, привнесением личностно-определяемого содержания в официальные сообщения. Его твиты отличаются частым употреблением мобилизационной лексики со значением призыва, эмоционально-оценочных средств, императивных конструкций и акцентированием «Мы»-темы. Доказано, что виртуальная сфера оказывает влияние на переконфигурацию традиционных маскулинных и феминных черт речи, позволяя мужчине-политику активнее использовать интимизирующую стратегию самопрезентации через сокращение дистанции с читателем, а женщине, напротив, сохранять роль лидера в рамках институционального регистра.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политическая коммуникация, политические тексты, политические деятели, премьер-министры, интернет-коммуникация, интернет-технологии, интернет-дискурс, интернет-тексты, социальные сети, интернет-ресурсы, языковая личность, лингвоперсонология, статусно ориентированное общение, самопрезентация политика, языковые средства, английский язык, маскулинизация, феминизация, гендер, гендерный аспект.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Землякова Ксения Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия, email: zemlyakova.kv@sut.ru.

Кульназарова Анастасия Витальевна, кандидат политических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой социально-политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия, email: avkulnazarova@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Землякова, К. В. Гендерная специфика Twitter-коммуникации Т. Мэй и Б. Джонсона: тенденции официализации и интимизации (на материале твитов 2019 и 2021 гг.) / К. В. Землякова, А. В. Кульназарова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 4 (118). — С. 90-99.

Kseniya V. Zemlyakova^{1✉}, Anastasiya V. Kulnazarova^{2✉}

^{1,2} Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, Saint Petersburg, Russia

¹ zemlyakova.kv@sut.ru[✉], SPIN code: 3770-4058, <https://orcid.org/0000-0003-2090-8879>

² avkulnazarova@gmail.com[✉], SPIN code: 5135-5921, <https://orcid.org/0000-0003-3858-995X>

Gender Specificity of Theresa May's and Boris Johnson's Twitter Communication: Officialization and Intimization Trends (Based on the Tweets of 2019 and 2021)

ABSTRACT. This article examines the functioning of the gender factor on Twitter on the example of the accounts of the British Prime Ministers Theresa May and Boris Johnson. The **relevance** of the study stems from two factors: on the one hand, the importance of media discourse as a defining institution in agenda-setting, and on the other hand, the increased

¹ Заблокирован на территории РФ 04.03.2022 по решению Генпрокуратуры.

significance of politicians' communication with their electorate on social media. The aim of the study is to identify the specificity of the usage of traditionally feminine and masculine speech traits in the genre of political tweeting. The practical research material consists of a sample of 98 and 103 posts published in 2019 and 2021 respectively. The tweet corpus has been processed using contextological, conceptual, semantico-stylistic, and content analysis methods, employing quantitative procedures.

It has been demonstrated that Theresa May's posts are dominated by a tendency towards officialization. The prevalence of factuality (accuracy) and normativity markers in the women's blog creates the image of an expert who adheres to the conventions of political discourse. B. Johnson's communications are characterized by significant intimidation – a tendency towards personalization, introducing personally identifiable content into official messages. His tweets are distinguished by the frequent use of mobilizing vocabulary with the meaning of a call, emotional-evaluative means, imperative constructions, and emphasis on the "WE" theme. It has been shown that the virtual sphere influences the reconfiguration of traditional masculine and feminine features of speech, allowing male politicians to utilize an intimidation self-presentation strategy by reducing the distance with the reader, while women, conversely, maintain their role of leadership within the institutional register.

KEYWORDS: political discourse, political communication, political texts, politicians, prime ministers, Internet communication, Internet technologies, Internet discourse, Internet texts, social networks, Internet resources, linguistic personality, linguopersonology, status oriented communication, self-presentation of a politician, language means, English language, masculinization, feminization, gender, gender aspect.

AUTHOR'S INFORMATION: Zemlyakova Kseniya Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications, Saint Petersburg, Russia.

Kulnazarova Anastasiya Vitalievna, Candidate of Political Science, Acting Head of Department of Social and Political Sciences, Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications, Saint Petersburg, Russia.

FOR CITATION: Zemlyakova K. V., Kulnazarova A. V. (2026). Gender Specificity of Theresa May's and Boris Johnson's Twitter Communication: Officialization and Intimidation Trends (Based on the Tweets of 2019 and 2021). In *Political Linguistics*. No 4 (118), pp. 90-99. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Сложившийся в отечественной гуманитарной науке социолингвистический подход к коммуникации разграничивает личностно ориентированные и статусно ориентированные типы дискурса [Карасик 2002; Кравченко 2020]. Рассматриваемый нами политический сетевой дискурс выделяется по отнесенности к социальному институту власти, который задает набор ролей и регламентирует соответствующие языковые нормы [Алексеев 2022: 98]. Но коммуникация через онлайн-блог не подразумевает прямого осуществления политиком административных действий: соцсетевые страницы политических лидеров по схожести задач скорее приравниваются к пресс-службе ведомств и государственных структур [Землякова 2022: 79]. По замечанию авторов работы [Исследование... 2020: 90], социальная сеть «Twitter» стала источником политического контента в результате функциональной сегментации социальных медиа в эпоху коронавируса. Доступ политика к созданию медиатекстов в блоге обеспечивает реализацию нескольких дискурсивных личностей политика: журналиста, блогера, главы государства, гражданина своей страны. С помощью публикаций в блоге политик реализует стратегии, которые невозможно реализовать в других форматах: стратегию соучастия, неформального общения, открытости и доверительности [Амиров 2026: 14–15].

Особый интерес для политической дискурсологии и лингвоперсонологии сегодня представляет аспект гендера: «...генери-

рование и использование дискурса нельзя изучать вне гендерного фактора» [Моногорова 2020: 114]. Вслед за Т. Г. Скребцовой под *гендером* в данной работе будет пониматься фактор речевой деятельности, влияющий на типичные тактики и стратегии мужчин и женщин, выявляемые через их предпочтения при выборе языковых единиц [Скребцова 2020: 264]. Установление определенной конфигурации языковых реализаций в связной базе текстов дает возможность судить о тенденциях в речевом поведении политика в социальных сетях. О. Б. Максимова подчеркивает, что гендерные отличия традиционно относятся к сфере приватной коммуникации, но могут проявиться в новом качестве именно в виртуальном сегменте политической коммуникации [Максимова 2016: 403].

Исследовательский вопрос статьи состоит в том, реализуются ли традиционно выделяемые маркеры мужской и женской речи в политической твиттер-коммуникации и какой модификации они могут подвергаться.

Цель исследования — установить действие гендерных речевых черт для построения самопрезентации политиков в медийном пространстве с учетом тенденций официализации или интимизации. Исследование способствует уточнению традиционно приписываемых гендерных черт в политической коммуникации. Теоретическая значимость исследования заключается в дополнении категориального аппарата лингвистики через взгляд на институциональность политиче-

ского дискурса как на личный выбор стратегий самопрезентации политика в условиях коммуникативной свободы цифровой среды. Обращение к гендерному фактору в самопрезентации политика может быть использовано специалистами по политтехнологиям и имиджологии, в частности, при создании имиджа политического деятеля и проектировании предвыборных кампаний.

МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ОПИСАНИЯ

В качестве материала исследования привлечены тексты твитов британских политиков Терезы Мэй и Бориса Джонсона в первый месяц после вступления каждым в должность премьер-министра. Период опубликования сообщений в блоге Терезы Мэй — с 5 июня по 6 июля 2019 г., Бориса Джонсона — с 28 апреля по 25 мая 2021 г. Количество текстов в выборке составляет 98 и 103 поста соответственно. Общее текстовое пространство для анализа насчитывает 3319 слов мужского авторства и 2949 слов женского, что свидетельствует об относительно одинаковой плотности общения политиков со своим электоратом в социальной сети «Твиттер» за взятый период.

Для обработки выборки применялись контекстологический, концептуальный и семантико-стилистический анализ, а также контент-аналитические приемы. С помощью количественных процедур оценена выраженность параметров по количеству случаев использования средств в двух корпусах текстов. Преобладание в коммуникации черт каждого гендера устанавливается по количественному подсчету особенностей вербального поведения на некотором массиве текстов мужского или женского авторства [Диасамизде 2009; Кутузова 2018; Максимова 2016; Моногарова 2020; Jones 2016; Noorsanti 2021; Solomon 2023]. В результате обзора научной литературы установлено, что языковые маркеры черт феминности и маскулинности составляют следующие единицы (но не ограничиваются только ими):

оценочная лексика, слова с эмоциональной окраской, образные средства (тропы), лексика призыва к действию, императивные конструкции, апеллирование к фактам личной жизни, профессиональная (политическая) лексика, сленг (в том числе интернет-жаргон), аббревиатуры, точная фактуальная информация (имена собственные, названия организаций, даты, статистика и числовые данные), гиперссылки, использование восклицаний, вопросов, графическое выделение слов (использование заглавных букв), единицы включения адресата в диалог (обращения и местоимение *you*), преобладание личных местоимений единственного или множественного числа [Диасамизде 2009; Каменева, Потапова 2021; Карандеева 2017; Максимова 2016; Плюснина 2012]. Маркеры объединены в группы параметров коммуникации. Тексты постов оцениваются по следующим речевым параметрам: степень эмоциональности или сдержанности, нормативности или отступления от норм, конкретности и референциальной точности, акцентирования внимания на себе или других, как продемонстрировано в Таблице 1.

Методика анализа построена следующим образом: 1) на основе научных результатов лингвоперсонологии и гендерной коммуникативистики определен состав традиционных речевых характеристик обоих полов; 2) выполнена разметка текстов постов с целью установления численных данных использования маркеров феминности и маскулинности в твиттер-аккаунтах Т. Мэй и Б. Джонсона; 3) определена степень выраженности гендерных маркеров мужской и женской речи в твитах; 4) сделан вывод о составе доминирующих черт в каждом блоге; 5) сделано сравнение преобладания тенденций официализации и интимизации и средств их реализации.

С целью установления доминирующей тенденции в каждом блоге посты проанализированы на наличие в них соответствующих языковых средств. Данные количественного подсчета представлены в Таблице 1.

Таблица 1

Языковые средства реализации гендерного фактора в твиттер-аккаунтах Т. Мэй и Б. Джонсона

Тенденция	Параметр коммуникации	Языковые средства		Т. Мэй	Б. Джонсон
Официализация	Фактуальность (точность)	средства — носители референции	имена собственные	70	75
			точные даты	10	13
			статистика (цифровые данные)	9	25
			топонимика, локации (в т. ч. название мероприятий)	28	15
			гиперссылки и хештеги	17	5
	Итого по параметру		134	133	

Окончание таблицы 1

Официализация (окончание)	Нормативность (исполнение функции)	профессиональная (политическая) лексика	111	93	
		маркеры интеграции: мобилизационная лексика (призыва к действию), лозунговые слова	25	45	
		«Я»-акцент: местоимения I, me, my, mine	26	33	
	Итого по параметру		162	171	
Итого по тенденции «Официализация»			296	304	
Интимизация	Оценочность, экспрессивность	слова с эмоциональной окраской	40	65	
		оценочная лексика	30	55	
		восклицательные предложения	5	3	
		вопросительные предложения (риторические вопросы)	0	0	
		тропы (метафоры, эпитеты, олицетворения, сравнения, гиперболы)	6	8	
	Итого по параметру		81	131	
	Неофициальность, разговорность	факты личной жизни (семантическое поле семьи, личной сферы)	3	1	
			аббревиатуры, сокращения	11	12
		сленг и интернет-жаргон	2	3	
		императивные конструкции	10	25	
		единицы включения	обращения к аудитории	0	1
		адресата в диалог	местоимения you, your, yours	7	36
		капитализация слов	1	1	
		«Мы»-акцент: местоимения we, us, our, ours	65	80	
	Итого по параметру		99	159	
Итого по тенденции «Интимизация»			180	290	

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

1. Параметр «Фактуальность (точность)»

В данный параметр входят единицы — носители референции. Обнаружено их равное употребление в двух блогах, но с разным процентным распределением. Самым частым средством в речи обоих политиков стали упоминания имен людей и названий организаций, с небольшим опережением в блоге Б. Джонсона.

Апеллирование к **именам собственным** (в том числе внутри хештегов) создает опору на других лиц, события и факты, т. е. несет когнитивную информацию: *Sir David Attenborough, @SteveAikenUUP, @Narendra Modi, @RoyalNavy; @Theresa_May speaks to @IvankaTrump, @Lagarde and Chancellor Merkel.*

Обилие имен людей, названий организаций, точных локаций и временных значений призвано демонстрировать конкретные достижения власти и в целом обеспечивает официальный тон презентации информации. Б. Джонсон активно, в 2,7 раза чаще Т. Мэй использует **цифры и статистику** для демонстрации результатов и планов своего правительства. Такая конкретика позволяет аудитории оценить реальный вклад политика в развитие общества (например, твит: *I'm proud to say we've recruited 8,771 new police officers in England and Wales, well ahead of*

our target of 6,000 more officers in the first year of our recruitment drive, and 20,000 over three years. К данному обещанию — нанять полицейских — Б. Джонсон прибегает неоднократно, повторяя свои цели, так как они привязаны к выполнению предвыборных намерений. Графически они выделяются у политика жирным шрифтом и часто сопровождаются эмодзи).

Т. Мэй также не пренебрегает таким способом убеждения, как статистика, но пользуется ею гораздо реже (9 случаев против 25 у Б. Джонсона). Употребление точных данных демонстрирует владение ситуацией и формирует ощущение доверия лидеру: *£1.4 billion, 22 new free schools, 19,000 additional pupil places, Over 2 million people work in the digital economy.* Этой же цели служат **топонимы**, уточняющие место событий: *Western Balkans Summit in Poznan in Poland, G20OsakaSummit, conference in Geneva* (Т. Мэй); *new training academy in Coventry, the situation in Jersey* (Б. Джонсон).

По этому показателю Т. Мэй превосходит своего коллегу (28 против 15), как и по маркеру «гиперссылки и хештеги» (17 случаев против 5). Речь Б. Джонсона опережает речь Т. Мэй по использованию имен, дат и статистических данных. Поскольку мужчины склонны давать больше фактической информации, эта гендерная черта проявляется и в онлайн-коммуникации, а значит, вирту-

альный тип дискурса не оказывает влияние на ее реализацию.

Количество **дат** в речи обоих политиков примерно одинаковое, но в твитах Б. Джонсона больший акцент сделан на краткосрочные тактические шаги: это анонсы приближающихся событий (*on Thursday, Friday at 1pm, next week*), конкретные дедлайны (*1 July 2021, 4 May, until June*) и даты выборов (*tomorrow, May 6th / 6th May*). Лексема *tomorrow* встречается 5 раз и связана с мобилизацией населения на участие в выборах. Такой подбор темпоральных лексем направлен на создание впечатления срочности и немедленных действий, динамичности исполнения обещаний и большей надежности. Долгосрочные цели затрагиваются незначительно; обнаружено всего два употребления единицы *by 2030*.

В отличие от него, у Т. Мэй преимущественно используются даты (*2025, 2030, 2050*), обозначающие долгосрочные стратегические цели, как правило, сопровождающиеся глобальными действиями и планами: *to reach #netzero emissions by 2050, to help halve food waste by 2030*. Также темпоральные единицы отражают промежуточные результаты и итоги работы премьер-министра на посту: *in the first six months of this year, in the whole of 2018*. Лексемы со значением точных дат в речи Т. Мэй создают образ системной работы, стратегического видения и подчеркивают характер коммуникации, обращенной в будущее.

Таким образом, по первому параметру оба премьер-министра демонстрируют равное использование средств-носителей референции, но при разном численном распределении внутри категории. Представляется, что цифровая среда не отразилась на реализации гендерных черт в данном параметре, даже привнесла новые возможности для навигации по контенту и управления вниманием аудитории через хештеги и гиперссылки, и оба политика активно пользуются ими.

2. Параметр «Нормативность»

В данном параметре собраны маркеры осуществления политиком своей непосредственной государственной функции: мобилизационная лексика, в качестве которой выступают лозунговые слова. Единицы призыва к действию служат знаками интеграции и используются в дискурсе как средства для мобилизации населения вокруг определенных идей [Шейгал 2004: 117–120]. Лозунговые единицы у Б. Джонсона используются почти в 2 раза чаще: *Please keep coming forward to get your jabs; I am urging Israel and the Palestinians; So let's protect these gains*. Это

делает стиль политика более побудительным и агитационным, особенно в преддверии выборов в мае 2021 г. Чаще остальных встречаются лозунги *Let's, Please keep*, 6 случаев употребления *Make sure you*, 4 случая *I'm urging*, хештеги с лозунговым значением (*#BuildBackBetter, #BuildBackGreener*) и прямые призывы к действию: 6 употреблений *Vote Conservative* и 3 повторения фразы *Get your jab*.

Такое средство реализации официальности, как личные и притяжательные местоимения единственного числа *I, me, my, mine*, помогает политикам выражать персональное мнение, демонстрировать свое «я», включенность в процессы и участие в событиях и принимаемых мерах. В мужском блоге частота я-знаков ожидаемо выше, чем в женском, хотя и незначительно. У Б. Джонсона они используются для выражения благодарности, призыва и служат усилению эмоциональности: *I am deeply moved, I know, I am proud to say, I want to thank, I've been campaigning today with...*

В отличие от него, у Т. Мэй употребление лозунговой лексики ниже. Содержательно призывные фразы затрагивают проблемы борьбы с тяжелыми болезнями (*#StepUpThe Fight against AIDS, TB and malaria*), вопросы ментального здоровья (*we need to treat mental health*), проблемы защиты окружающей среды (*#BeatAirPollution; Let's do it. #Net Zero*), террористические угрозы в Интернете. Призывы к действию у Т. Мэй направлены на поиск единомышленников и лишь незначительно — на формирование у аудитории поддержки ее действий, и вербализованы в обобщенной, отстраненной форме: *we need to..., Let's...* Формулировки Б. Джонсона персонализированы по отношению к читателям, выражают требуемое действие конкретными глаголами (*vote, take a jab*), они содержат прямую просьбу, убеждение и в целом более эмоциональны.

В электронной коммуникации и блогосфере женщины акцентируют внимание на себе и более многословны. Обилие знаков «я»-темы в статусно-обусловленном дискурсе позволяет женщине-политику демонстрировать свою личную ответственность при решении стоящих перед ней политических задач [Каменева, Потапова 2021: 98–100], к примеру: *I care passionately about our Union... I am optimistic about its future; I am proud to announce new measures; I'm very pleased to learn...; I encourage all countries*.

Большие результаты в различных сферах политик связывает со своей фигурой, приписывая себе усилия в борьбе с проблемами и акцентируя свою роль в их решении.

Однако типичное преобладание у женщин «я»-акцента над «мы»-акцентом [Диасамидзе 2009: 61; Карандеева, Нестерова 2015: 173] не подтверждается на изученном материале постов Т. Мэй. В мужском блоге я-акцент действительно проявляется чаще, чем в женском, но он значительно уступает мы-знакам по частотности употреблений внутри блога одного авторства, однако говорить о данной черте следует скорее не как об отдельной особенности, а в тесной связи с другими характеристиками, в частности, с лексикой политической сферы.

Политический дискурс, как институциональный тип, использует собственный подъязык, образованный системой профессионально ориентированных знаков, которыми являются лексические и фразеологические единицы [Шейгал 2004]. Более высокая плотность данной лексики наблюдается в блоге Т. Мэй (111 случаев употребления против 93 у Б. Джонсона). Женщина-премьер чаще использует ее в прямом официальном значении. Она ориентирована на разъяснение политических решений и охватывает широкий круг тем: экологии (*netzero emissions, environment, future, planet, climate change*), социальной сферы (*community, support, schools, teachers, health systems, mental health, better social housing, disabled people*), экономики (*jobs, global economy, major economy, trade and investment, business*), международных отношений (*legislate, world leaders, partners, Paris Agreement*). Большое число единиц называет международные события (*G20 Osaka Summit, @ILO conference in Geneva*), организации (*Union, Brussels, EU Council, FIFA, Global Fund, Law Commission*), политических лидеров (*Emmanuel Macron*) — таких слов внутри политического лексикона женского блога больше всего, через них Т. Мэй профилирует себя как опытного руководителя страны с одной из крупных экономик, включенного в мировые процессы. Б. Джонсон больше сфокусирован на проблемах внутри страны. В его твитах освещаются темы пандемии COVID-19 (*vaccines, jabs, fight against COVID-19, doses of a vaccine, restrictions, overcome the pandemic, roadmap*), экономической ситуации в стране (*deliver more local jobs, investments, plan*), безопасности и благополучия внутри общества (*community, infrastructure, manifesto promise, police officers, streets, to cut crime, safe, Armed Forces, security, transport, bikes*). Международная повестка менее доминантна.

По соблюдению параметра нормативности разница между маскулинным и феминным стилями несущественна. Маркеров нормативности в мужской речи больше, воз-

можно, это объясняется сугубо мужским характером сферы политики — мужские характеристики считаются конвенциональными. Б. Джонсон реализует нормативный регламент политической коммуникации через мобилизационную лексику и акцент на позиции «Я», Т. Мэй — через обилие профессиональной лексики. Данный параметр носит системный, сквозной характер в обоих блогах: этих единиц больше, чем каких-либо других маркеров в выборке.

Несмотря на сопоставимый объем маркеров официализации в двух блогах, способы ее реализации гендерно дифференцированы. В блоге Т. Мэй доминируют средства точной референции и профессиональная лексика: имена собственные, топонимы, специализированная терминология. В дискурсе Б. Джонсона в тенденции **официализации** преобладают статистические данные и лозунговые формулы. Его официальность больше связана с ролью народного лидера. Но общий вывод о стратегиях самопрезентации политиков должен быть сделан при подсчете распределения маркеров обеих тенденций на всей выборке.

3. Параметр «Оценочность (экспрессивность)»

Коммуникации Б. Джонсона свойственна повышенная эмоциональность и сдвиг по шкале в сторону оценочности. По сравнению с Т. Мэй, речь мужчины-политика выглядит более активной и яркой за счет частого использования выразительной лексики (*fantastic news, brilliant plan / work, outstanding job, vile terrorist propaganda, ambitious plan, incredible example, huge contribution*), к примеру: *Andy Street is doing a brilliant job; these bostin' bikes*.

В мужской речи наблюдается количественное превышение показателей по всем выделяемым маркерам: эмоциональная лексика превышает тот же маркер в женской речи более чем в 1,5 раза, оценочная лексика — почти в 2 раза, восклицания — в 2 раза. Они придают речи неформальность и энергичность, в то время как в стиле Т. Мэй элементы эмоциональности создают контраст с официально-деловым тоном и еще больше подчеркивают ее стремление к соблюдению официальности. Женщина-премьер активно использует следующие единицы с положительной эмоциональной окраской: прямые номинации чувств (*proud, delighted, congratulations, grateful, optimistic, pleased, care passionately, sorry, shock, good, commitment, commiserations*), характеристика достижений (*a fantastic result, a great news / initiative, strong partnership, best investments, the biggest transformation in mental health ser-*

vices, a peaceful and prosperous world), оценка событий, даже не всегда положительная, и выражение поддержки людям (a fantastic match, devastating fire, a superb / excellent Member of Parliament, our Armed Forces the best in the world and pride of our nation; It was **humbling** to meet veterans in Normandy today, after a very **moving** service).

Количество метафор и эпитетов невелико у обоих политиков, но у Т. Мэй метафоры преимущественно стертые, избитые: We need to work with industry, and **harness** its innovation, to **stay ahead** of the threat. У Б. Джонсона метафоры более непредсказуемые, свободные в производстве новых, нетипичных образов: ...nurses and healthcare workers who have been the **bastion** of our NHS; will **fire up businesses**; I am urging Israel and the Palestinians to **step back from the brink**; ...solution that ends the **cycle of violence**.

В речи Т. Мэй также наблюдается использование гипербола: I will be your ally **for the rest of my life**; I will never **forget the shock** I felt... But I will be **forever grateful** to all those who...

Мужскому стилю приписываются сниженная метафоризация и образность речи, редкое использование тропов. В рассмотренных блогах наблюдается обратная тенденция: Т. Мэй склонна к меньшей экспрессивности и образности и чаще эксплуатирует политический лексикон, в отличие от Б. Джонсона, чей стиль следует охарактеризовать как эмоционально-неформальный. Оценочность в обоих блогах сопровождается мобилизационной лексикой и используется как инструмент интеграции.

4. Параметр «Неофициальность (разговорность)»

Знаки неофициальности сближают деловой стиль политика с разговорной речью. В противовес профессиональной лексике, обслуживающей институциональность политической сферы и составляющей параметр «Нормативность», закономерным будет рассмотреть использование неформальной лексики как маркера интернет-жанров личностно ориентированного дискурса. Разговорные слова, действительно, частотны в рассмотренной выборке: *It's great news that...*, *keep up the good work, a lot of fun, wake up to* (Т. Мэй); *folks, bostin', We're getting on with delivering, Let's get on with fulfilling, Get out, jab* (Б. Джонсон). Однако данная черта не выделяется для целей исследования в отдельный способ реализации неофициальности, поскольку исследователи отмечают наличие разговорного пласта лексики в любой персональной коммуникации.

Для акцентирования неофициальности дискурса остановимся на маркерах двух типов: личностной открытости, содержащих референции к частной сфере, и сетевого регистра общения, служащих сближению автора с читателями.

Обращение к фактам семейной жизни незначительно: 3 случая у Т. Мэй против 1 — у Б. Джонсона. Упоминания личной сферы не образуют устойчивой тенденции самопрезентации; даже в жанре персонального блога политики избегают приватизации политической коммуникации.

Говоря об использовании аббревиатур и интернет-жаргона как наиболее экзотических и инородных средств в политической речи, отметим, что частотность их употребления сопоставима у двух политиков. У Т. Мэй обнаружено 11 аббревиатур и 2 случая сетевого жаргона. Большинство аббревиатур универсальны и встречаются в обоих блогах: PM, UK, EU, G20, US / USA. У Б. Джонсона — соответственно 12 и 3 случая подобных единиц: @COP26, COVID-19, @G7, folks, bostin', интернет-мем *How it started: How it's going*. Также выявлено по одному случаю капитализации слов: *More than 50 MILLION doses of coronavirus vaccine* (Б. Джонсон), *READ ... today on the Independent Review* (Т. Мэй), что позволяет говорить о закрепившихся нормах сокращений, графических выделений текста и сетевых клише безотносительно гендерных различий.

Активное употребление императивных конструкций и местоимения «мы» причисляется к маскулинным коммуникативным стратегиям [Синеокая 2019: 120; Карандеева, Нестерова 2015: 173]. По частоте побудительных конструкций мужская речь обходит женскую: 25 случаев у Б. Джонсона против 10 — у Т. Мэй. У женщины-политика случаи императивов ограничиваются глаголом *let*: *Let's do it, Let us commit ourselves; Let others know; Let's recognize that*. У мужчины-политика диапазон употребляемых императивных конструкций шире: *Vote; Please do come forward; Make sure you vote; So let's protect; Come out and vote folks!*

Мужчины чаще отождествляют себя с аудиторией, предпочитая личные местоимения множественного числа [Диясамидзе 2009: 61–62]. Действительно, Б. Джонсон использует слова *We / us* в 2,4 раза больше, чем *I / me*. В его речи местоимение множественного числа подчеркивает конкретные достижения правительства: *We've recruited 8,771 officers; We've given 50 million doses*; оно чаще сопряжено с лексикой совместного действия и преодоления, что усиливает эффект солидаризации: *We will deliver a nation-*

al recovery from the pandemic; We can look forward to a much happier future; Together we can move forward and defeat this virus.

Данная черта повторяется и в женской речи. Т. Мэй использует местоимения множественного числа в 2,5 раза больше, чем единственного. С помощью форм *we / us* она говорит от лица народа и своей партии: *We should never accept a rise in mental health problems; We will never forget those who lost their lives; Working together we can ensure that disabled people get the support; We are very proud of you; We are all behind you.*

Еще один маркер установления контакта с читателями — средства включения адресата в диалог. Б. Джонсон активно ими пользуется: обнаружено 36 случаев употребления местоимения *you / your* и 1 случай обращения *folks* (народ, ребята). Данные средства апеллируют к общности и единству, подчеркивают принадлежность лидера своему народу, устраняют социальный разрыв между властью и обществом. Т. Мэй употребляет местоимение *you / your* по отношению к своим избирателям в 5 раз реже — насчитано всего 7 случаев.

Итак, интимизирующие маркеры в твитах Т. Мэй используются эпизодически и выполняют функцию смягчения тона в преимущественно официально-деловом дискурсе. В целом женщина-политик эксплуатирует черты маскулинного стиля и строит коммуникацию в рамках институционально заданного регистра. Интимизация носит фрагментарный, а не системообразующий характер, в отличие от речи Б. Джонсона. Его сообщения ориентированы на взаимодействие и выстраивание контакта через прямые императивы и местоимение *you*, которые создают эффект прямого разговора с читателем, переводя коммуникацию в неформальный режим.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ Twitter-коммуникации Т. Мэй и Б. Джонсона показал, что гендерные различия не исчезают в цифровом политическом дискурсе, а проявляются через иные конфигурации институциональных и персонализированных маркеров. По категории официализации наблюдается лидерство женского дискурса: 62,2 % средств у Т. Мэй против 51,2 % у Б. Джонсона. В интернет-речи Т. Мэй официальный регистр коммуникации доминирует над неформальным. Несмотря на элементы личных тем и проявления чувств (выражение поддержки, благодарности, сочувствия), экспрессивные средства используются женщиной-политиком сдержанно и не нарушают общий официаль-

ный тон сообщений. Таким образом, маскулинность стиля Т. Мэй обусловлена политической ролью и не подвержена влиянию сетевого формата коммуникации. Такая стратегия может интерпретироваться как соответствие женщины ожиданиям маскулинного поведения в сфере политики и желание подтвердить свою легитимность и профессиональную компетентность. Доля персонализирующих элементов, традиционно ассоциирующихся в массовом сознании с феминным стилем, напротив, более выражено представлена в мужской речи. По суммарным показателям интимизирующих средств мужской дискурс опережает женский: 180 единиц у Т. Мэй и 290 у Б. Джонсона, что составляет 48,8 % против 37,8 % от общего количества маркеров интимизации в двух корпусах. Помимо лексем эмоциональной оценки с мобилизационным содержанием, интимизация в речи Б. Джонсона дополнительно выражается в императивных конструкциях, формах обращения к адресату «*you*» и усилении «мы»-темы. Он активно задействует данные средства как инструмент сокращения дистанции с избирателями и создания имиджа народного, «своего» лидера. Виртуальная среда, соответственно, не нивелирует гендерные различия, а предоставляет политикам новые инструменты для реализации стратегий самопрезентации: Т. Мэй использует цифровой формат для укрепления маскулинного институционального образа, Б. Джонсон — для усиления персонализированной составляющей своего публичного профиля.

ИСТОЧНИКИ

1. Boris Johnson (@BorisJohnson) / Twitter. — Режим доступа: <https://twitter.com/BorisJohnson> (дата обращения: 20.11.2021).
2. Theresa May (@theresa_may) / Twitter. — Режим доступа: https://twitter.com/theresa_may (дата обращения: 20.11.2021).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеев, А. Б. Коммуникативная стратегия маргинализации как манипулятивная стратегия власти в политическом дискурсе / А. Б. Алексеев // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2022. — Т. 20, № 1. — С. 96–111. — DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-96-111. — EDN KROJIN.
2. Амиров, В. М. Личный блог политика: тематическая палитра и особенности репрезентации авторской позиции / В. М. Амиров // Политическая лингвистика. — 2026. — № 1 (115). — С. 12–18. — EDN AUQWOJ.
3. Диасамидзе, Л. Р. Гендерная идентичность в дискурсе политических блогов / Л. Р. Диасамидзе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2009. — № 10 (44). — С. 58–62. — EDN MVPZLP.
4. Землякова, К. В. Авторский дискурс политиков в социальных сетях: определение места в классификации типов дискурса / К. В. Землякова // Социогуманитарные коммуникации. — 2022. — № 2 (2). — С. 76–87. — EDN WHSNNS.
5. Исследование лингвистической модели политических коммуникаций в социальной сети «Twitter» в отношении

президента США Д. Трампа в марте — июне 2020 г. / В. В. Катермина, Н. А. Рябченко, С. Х. Липириды [и др.] // Политическая лингвистика. — 2020. — № 5 (83). — С. 87–107. — DOI 10.26170/pl20-05-09. — EDN UCHHLQ.

6. Каменева, В. А. Стратегия самопрезентации политика (на материале личного и официального блога в Twitter вице-президента США Камалы Харрис) / В. А. Каменева, Н. В. Потапова // Научный диалог. — 2021. — № 11. — С. 82–105. — DOI 10.24224/2227-1295-2021-11-82-105. — EDN RPBETA.

7. Карандеева, Л. Г. Формирование гендерной идентичности в немецкоязычных политических блогах: вербально-семантический уровень / Л. Г. Карандеева, С. В. Нестерова // Инновационная наука. — 2015. — № 12-2. — С. 171–174. — EDN VDQWMZ.

8. Карандеева, Л. Г. Формирование гендерной идентичности в немецкоязычных политических блогах: лингво-когнитивный уровень / Л. Г. Карандеева // Казанская наука. — 2017. — № 12. — С. 99–102. — EDN YMFCEK.

9. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград: Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-88234-552-2. — EDN UGQAMP.

10. Кравченко, Т. Ю. Политический дискурс как разновидность институционального дискурса / Т. Ю. Кравченко // Герценовские чтения. Иностранные языки: сборник научных трудов. — Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2020. — С. 79–82. — EDN VCZTTT.

11. Кутузова, Н. В. Гендерные особенности репрезентации языковой личности (на материале текстов англоязычных авторов) / Н. В. Кутузова // Личность в пространстве и времени. — 2018. — № 7. — С. 76–81. — EDN YQYBZR.

12. Максимова, О. Б. Конструирование гендерной идентичности в виртуальной политической коммуникации: дискурсивные стратегии и практики самопрезентации в социальных сетях / О. Б. Максимова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. — 2016. — Т. 16, № 2. — С. 403–417. — EDN YHQLHJ.

13. Моногорова, А. Г. Речевое поведение британских политиков в обсуждении Брексита: прагматика, гендер и коммуникативное доминирование в политическом медиадискурсе / А. Г. Моногорова, Т. А. Ширяева, А. Ю. Багян // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 114–127. — DOI 10.24224/2227-1295-2020-10-114-127. — EDN DMZLQZ.

14. Плюснина, А. В. Характеристики мужской и женской письменной речи в гендерном сознании коммуникантов / А. В. Плюснина // Ярославский педагогический вестник. — 2012. — Т. 1, № 1. — С. 184–188. — EDN PXHJBT.

15. Синеокая, Н. А. Маскулинные коммуникативные стратегии и тактики (на материале интервью женщин-политиков в Германии) / Н. А. Синеокая // Верхневолжский филологический вестник. — 2019. — № 1 (16). — С. 115–122. — DOI 10.24411/2499-9679-2019-10321. — EDN ZAQXZJ.

16. Скребцова, Т. Г. Лингвистика дискурса: структура, семантика, прагматика / Т. Г. Скребцова. — Москва: Издательский дом ЯСК, 2020. — 311 с. — ISBN 978-5-907290-15-0.

17. Шейгал, Е. И. Семантика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва: Гнозис, 2004. — 324 с. — ISBN 5-7333-0144-9. — EDN QODCTF.

18. Jones, J. J. Talk “like a man”: the linguistic styles of Hillary Clinton, 1992–2013 / J. J. Jones // Perspectives on Politics. — 2016. — Vol. 14, No. 3. — P. 625–642. — DOI 10.1017/S1537592716001092.

19. Noorsanti, P. H. Masculinity and femininity in Yuriko Koike’s speech style / P. H. Noorsanti // Register Journal. — 2021. — Vol. 14, No. 1. — P. 139–156. — DOI 10.18326/rgt.v14i1.139-156. — EDN GJAOVQ.

20. Solomon, E. Female gender stereotyping and President Samia Suluhu Hassan’s political communication on Twitter: a blessing for female political leaders? / E. Solomon // Information, Communication & Society. — 2023. — Vol. 26, No. 13. — P. 2518–2534. — DOI 10.1080/1369118X.2023.2239889. — EDN OAGNBI.

MATERIALS

1. Twitter (n.d.). Boris Johnson (@BorisJohnson). Available at Nov. 20, 2021 from <https://twitter.com/BorisJohnson>.

2. Twitter (n.d.). Theresa May (@theresa_may). Available at Nov. 20, 2021 from https://twitter.com/theresa_may.

REFERENCES

1. Alekseev, A. B. (2022). Kommunikativnaya strategiya marginalizatsii kak manipulyativnaya strategiya vlasti v politicheskom diskurse = Communicative strategy of marginalization as a manipulative strategy of power in political discourse. *Novosibirsk State University Bulletin. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 20(1), 96–111. DOI 10.25205/1818-7935-2022-20-1-96-111. EDN KROJH.

2. Amirov, V. M. (2026). Lichnyy blog politika: tematicheskaya palitra i osobennosti reprezentatsii avtorskoy pozitsii = Politician’s personal blog: thematic palette and features of representation of the author’s position. *Political Linguistics*, 1(115), 12–18. EDN AUQWOJ.

3. Diasamidze, L. R. (2009). Gendernaya identichnost’ v diskurse politicheskikh blogov = Gender identity in the political blogs discourse. *Bulletin of Volgograd State Pedagogical University*, 10(44), 58–62. EDN MVPZLP.

4. Zemlyakova, K. V. (2022). Avtorskiy diskurs politikov v sotsial’nykh setyakh: opredelenie mesta v klassifikatsii tipov diskursa = Author’s discourse of politicians in social networks: defining the place in the classification of discourse types. *Socio-Humanitarian Communications*, 2(2), 76–87. EDN WHSNNS.

5. Katermina, V. V. et al. (2020). Issledovanie lingvisticheskoy modeli politicheskikh kommunikatsiy v sotsial’noy seti “Twitter” v otnoshenii prezidenta SShA D. Trampa v marte — iyune 2020 g = The study of linguistic model of political communications on Twitter about US President D. Trump in March — June 2020. *Political Linguistics*, 5(83), 87–107. DOI 10.26170/pl20-05-09. EDN UCHHLQ.

6. Kamenева, V. A., Potapova, N. V. (2021). Strategiya samoprezentatsii politika (na materiale lichnogo i ofitsial’nogo blogov v Twitter vitse-prezidenta SShA Kamaly Harris) = Politician’s self-presentation strategy (based on the personal and official Twitter blogs of US Vice President Kamala Harris). *Scientific dialogue*, 11, 82–105. DOI 10.24224/2227-1295-2021-11-82-105. EDN RPBETA.

7. Karandeeva, L. G., Nesterova, S. V. (2015). Formirovanie gendernoy identichnosti v nemetskoyazychnykh politicheskikh blogakh: verbal’no-semanticheskiy uroven’ = Formation of gender identity in German-language political blogs: verbal-semantic level. *Innovative science*, 12-2, 171–174. EDN VDQWMZ.

8. Karandeeva, L. G. (2017). Formirovanie gendernoy identichnosti v nemetskoyazychnykh politicheskikh blogakh: lingvo-kognitivnyy uroven’ = The Formation of gender identity in German-language political blogs: linguistic and cognitive level. *Kazan Science*, 12, 99–102. EDN YMFCEK.

9. Karasik, V. I. (2002). Yazykovoy krug: lichnost’, kontsepty, diskurs = Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Volgograd: Peremena, 477 p. ISBN 5-88234-552-2. EDN UGQAMP.

10. Kravchenko, T. Yu. (2020). Politicheskiy diskurs kak raznovidnost’ institutsional’nogo diskursa = Political discourse as a type of institutional discourse. *Herzen Readings. Foreign Languages*, 79–82. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University. EDN VCZTTT.

11. Kutuzova, N. V. (2018). Gendernye osobennosti reprezentatsii yazykovoy lichnosti (na materiale tekстов angloyazychnykh avtorov) = Gender peculiarities of linguistic personality representation (on the material of the texts of English-speaking authors). *Personality in space and time*, 7, 76–81. EDN YQYBZR.

12. Maksimova, O. B. (2016). Konstruirovaniye gendernoy identichnosti v virtual’noy politicheskoy kommunikatsii: diskursivnye strategii i praktiki samoprezentatsii v sotsial’nykh setyakh = Gender identity construction in virtual political communication: discourse strategies and self-representation practices in social networks. *RUDN Journal of Sociology*, 2, 403–417. EDN YHQLHJ.

13. Monogorova, A. G., Shiryayeva, T. A., Bagyan, A. Yu. (2020). Rechevoe povedenie britanskikh politikov v obsuzhdenii Breksita: pragmatika, gender i kommunikativnoe dominirovanie v politicheskom mediadiskurse = Speech behavior of British politicians in discussion of Brexit: pragmatics, gender and communicative dominance in political media discourse. *Scientific dialogue*, 1(10), 114–127. DOI 10.24224/2227-1295-2020-10-114-127. EDN DMZLQZ.

14. Plusnina, A. V. (2012). Kharakteristiki muzhskoy i zhen-skoy pis'mennoy rechi v gendernom soznanii kommunikantov = Characteristics of man and female written speech in gender consciousness of communicators. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 1, 1, 184–188. EDN PXHJBT.
15. Sineokaya, N. A. (2019). Maskulinnye kommunikativnye strategii i taktiki (na materiale interv'yu zhenshchin-politikov v Germanii) = Masculine communication strategies and tactics in the female political discourse (on the example of women politicians' interviews in Germany). *Verhnevolzhski Philological Bulletin*, 1(16), 115–122. DOI 10.24411/2499-9679-2019-10321. EDN ZAQXZJ.
16. Skrebtsova, T. G. (2020). Lingvistika diskursa: struktura, semantika, pragmatika = Linguistics of the discourse: structure, semantics, pragmatics. Moscow: Izdatel'skiy Dom YaSK, 311 p. ISBN 978-5-907290-15-0.
17. Sheigal, E. I. (2004). Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of political discourse. Moscow: Gnozis, 324 p. ISBN 5-7333-0144-9. EDN QODCTF.
18. Jones, J. J. (2016). Talk “like a man”: the linguistic styles of Hillary Clinton, 1992—2013. *Perspectives on Politics*, 14(3), 625–642. DOI 10.1017/S1537592716001092.
19. Noorsanti, P. H. (2021). Masculinity and femininity in Yuriko Koike's speech style. *Register Journal*, 14(1), 139–156. DOI 10.18326/rgt.v14i1.139-156.
20. Solomon, E. (2023). Female gender stereotyping and President Samia Suluhu Hassan's political communication on Twitter: a blessing for female political leaders? *Information, Communication & Society*, 26(13), 2518–2534. DOI 10.1080/1369118X.2023.2239889.

Политическая лингвистика. 2026. № 4 (118).
Political Linguistics. 2026. No 4 (118).

УДК 811.134.2'42+811.134.2'38+81'27
ББК Ш147.21-51+Ш147.21-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.55

Код ВАК 5.9.8

Инна Германовна Кириченко

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, innakirrr00@list.ru,
<https://orcid.org/0009-0000-9544-4605>

Коммуникативные стратегии аргентинского предвыборного политического дискурса: перонизм и риторика Х. Милея

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена изучению коммуникативных стратегий аргентинского предвыборного дискурса с акцентом на перонизм как идеологическую матрицу аргентинской политической культуры и риторику Хавьера Милея — победителя президентских выборов 2023 года.

Цель исследования — описать доминирующие коммуникативные стратегии, выявить их испаноязычную репрезентацию и установить механизмы преемственности перонистского дискурса в постперонистском политическом пространстве. Методология: применяются критический дискурс-анализ, интенмент-анализ и метод контекстуальной интерпретации. Разработана авторская методика интенмент-анализа политического дискурса, включающая выделение пяти интенциональных категорий и подсчет их частотности на основе корпуса текстов объемом 12 847 словоупотреблений.

Материал — речи Х. Милея в ходе кампании 2023 года, инаугурационное обращение (10 декабря 2023 года) и публичные высказывания в социальных сетях (X/Twitter) за период с 1 августа по 10 декабря 2023 года. В результате исследования установлено, что в дискурсе Х. Милея выделяются четыре ключевые стратегии: демонизация оппонента через концепт *la casta*, кризисный перформанс, самопрезентация в роли аутсайдера-спасителя и идеологическая маркировка через концепты *libertad* и *bien*. Антиперонистский по идеологии дискурс воспроизводит структурные модели самого перонизма. Аргентинский предвыборный дискурс обнаруживает устойчивые черты — противопоставление «своих» и «чужих», культ харизматического лидера и сакрализацию языка, — уходящие корнями в перонизм и сохраняющиеся вне зависимости от идеологической ориентации политика.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политическая риторика, политические речи, политические тексты, аргентинские президенты, языковая личность, лингвоперсоналогия, языковые средства, предвыборная коммуникация, коммуникативные стратегии, политическая лингвистика, перонизм, Х. Милей, популизм, манипулятивная риторика, дискредитация, испанский язык, предвыборные кампании, аргентинская политическая культура.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Кириченко Инна Германовна, аспирант, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, email: innakirrr00@list.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кириченко, И. Г. Коммуникативные стратегии аргентинского предвыборного политического дискурса: перонизм и риторика Х. Милея / И. Г. Кириченко. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 4 (118). — С. 100-106.

Inna G. Kirichenko

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, innakirrr00@list.ru, <https://orcid.org/0009-0000-9544-4605>

Communicative Strategies of Argentine Pre-Election Political Discourse: The Peronism and Rhetoric of J. Milei

ABSTRACT. The article explores the communicative strategies of Argentine electoral discourse, focusing on Peronism as an ideological matrix of Argentine political culture and the rhetoric of Javier Milei, the winner of the 2023 presidential election.

The study aims to describe the dominant communicative strategies, identify their Spanish-language representation, and reveal the mechanisms of continuity of the Peronist discourse in the post-Peronist political landscape. The research employs the method of critical discourse analysis, intent analysis, and the contextual interpretation method. The author has developed an authorial method of intent analysis of political discourse, which involves identifying five intentional categories and calculation of their frequency based on a text corpus of 12,847 word usages.

The practical research material comprises J. Milei's speeches during the 2023 campaign, his inaugural address (December 10, 2023), and public statements on social media (X/Twitter) from August 1 to December 10, 2023. As a result, the study reports that four key strategies can be singled out in J. Milei's discourse: demonization of the opponent through the concept of "*la casta*", crisis performance, self-presentation as an outsider-savior, and ideological marking through the concepts of "*libertad*" and "*bien*". While ideologically anti-Peronist, the discourse reproduces the structural models of Peronism proper. The Argentine electoral discourse demonstrates persistent traits — the "Own – Alien" opposition, the cult of a charismatic leader, and the sacralization of language — that are rooted in Peronism and persist regardless of a politician's ideological orientation.

KEYWORDS: political discourse, political rhetoric, political speeches, political texts, Argentine presidents, linguistic personality, linguopersonology, language means, pre-election communication, communicative strategies, political linguistics, Peronism, J. Milei, populism, manipulative rhetoric, discreditation, Spanish language, election campaigns, Argentine political culture.

AUTHOR'S INFORMATION: Kirichenko Inna Germanovna, Post-Graduate Student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Kirichenko I. G. (2026). Communicative Strategies of Argentine Pre-Election Political Discourse: The Peronism and Rhetoric of J. Milei. In *Political Linguistics*. No 4 (118), pp. 100-106. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Аргентина обладает уникальным политическим языком, который трудно объяснить в рамках стандартных типологий. Ни одна другая страна Латинской Америки не вырабатала столь самобытной и устойчивой дискурсивной традиции, не сводимой ни к «левому», ни к «правому» полюсу, ни к классическому национализму, ни к европейскому либерализму. Корень данной особенности — перонизм: течение, которое на протяжении восьми десятилетий задает структурные параметры любой политической коммуникации в стране, в том числе той, что называет себя антиперонистской.

Победа Хавьера Милея на выборах 2023 года обострила научный интерес к аргентинскому дискурсу. Политик, построивший кампанию на жестком отрицании «перонистской касты», при лингвистическом рассмотрении воспроизводит дискурсивные структуры, впервые обкатанные именно перонизмом: противопоставление «чистого народа» коррумпированным элитам, сакрализацию языка, культ избавителя. Данный парадокс — то, что Р. Хайниш, О. Грасиа, А. Лагуна-Тапия и К. Мурьель назвали «либертарным популизмом» [Heinisch, Gracia, Laguna-Tapia, Muriel 2024: 599] — составляет центральную аналитическую проблему настоящей статьи.

Теоретический каркас исследования образуют классические работы в области политической лингвистики. О. С. Иссерс рассматривает коммуникативную стратегию как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс 2008: 54], подчеркивая ее когнитивную природу. Е. И. Шейгал определяет политический дискурс через базовую интенцию борьбы за власть, указывая, что мифологизация, ритуализация и суггестивность составляют его системообразующие признаки [Шейгал 2004: 23–25]. О. Н. Паршина разработала классификацию речевых стратегий политической элиты, выделив стратегии самопрезентации, легитимизации, дискредитации и убеждения [Паршина 2004: 18–22]. Д. С. Храмченко и Я. Ю. Хлопотунов показали, что в предвыборном дискурсе участники «всё чаще прибегают к нарушению конвенциональной коммуникативной нормы», формируя прагматическое воздействие через «комплекс разноуровневых языковых средств» [Храмченко, Хлопотунов 2020: 189].

Новизна настоящего исследования состоит в том, что в нем впервые проводится комплексный интен-анализ предвыборного дискурса Х. Милея на материале оригинальных текстов (речи, инаугурационное обращение, посты в X/Twitter) с квантитативной оценкой интенциональных категорий. В отличие от предшествующих работ, сосредоточенных на качественном анализе отдельных стратегий [Heinisch et al. 2024; Sendra, Marcos-Marne 2024; Luján, Puig Lombardi 2025], данное исследование предлагает верифицируемую методику подсчета интенций и устанавливает структурные параллели между дискурсами перонизма и Милея на уровне статистически подтвержденных частотных паттернов.

1. МЕТОДОЛОГИЯ И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Материал исследования

Материалом исследования послужил корпус текстов Хавьера Милея, относящихся к предвыборной кампании 2023 года и первому периоду его президентства. Корпус включает:

1. Пять полных стенограмм публичных выступлений в ходе избирательной кампании (август — октябрь 2023 года): митинги в Буэнос-Айресе, Кордове и Росарио (общий объем — 8421 словоупотребление).

2. Инаугурационное обращение к нации (10 декабря 2023 года) — 2104 словоупотребления.

3. Все посты в официальном аккаунте X/Twitter (@JMilei) за период с 1 августа по 10 декабря 2023 года (исключая ретвиты) — 187 постов общим объемом 2322 словоупотребления.

Общий объем корпуса — 12 847 словоупотреблений. Все тексты взяты из официальных источников: стенограммы предоставлены пресс-службой кандидата, инаугурационное обращение — с официального сайта президента Аргентины (www.casarosada.gob.ar), посты — из архива X/Twitter. Это обеспечивает воспроизводимость исследования и его соответствие стандартам эмпирической лингвистики.

Для сопоставительного анализа привлекались тексты Х. Д. Перона (речи 1946–1955 годов) и К. Киршнер (речи 2007–2015 годов) из электронного архива Института национального наследия Аргентины.

1.2. Методы исследования

Критический дискурс-анализ (КДА) — применяется в традиции Т. ван Дейка [van Dijk 2008] и Р. Водак [Wodak 2001], позволяя выявлять идеологические структуры, закрепленные в языковых формах, и отношения власти, воспроизводимые через дискурс. В фокусе КДА находятся оппозиции «свой — чужой», стратегии легитимации и делегитимации, а также способы конструирования социальной реальности через номинацию и предикацию.

Применяется интент-анализа на основе подходов Т. Н. Ушаковой [Ушакова 2000] и А. А. Леонтьева [Леонтьев 1999], учитывается частотность лексем для выявления скрытых интенций говорящего — его коммуникативных намерений, стоящих за прямым значением высказываний.

Метод контекстуальной интерпретации — предполагает анализ дискурсивных единиц в широком историко-политическом контексте Аргентины, с учетом социокультурной специфики перонизма как «тотального социального факта». Данный метод позволил связать языковые формы с внеязыковыми реалиями — экономическим кризисом, институциональным кризисом доверия, медиаландшафтом страны.

2. ПЕРОНИЗМ КАК ДИСКУРСИВНАЯ МАТРИЦА

Перонизм возник в Аргентине в 1946 году не как четко оформленная идеология, а как мощный коммуникативный проект, направленный на создание новой политической идентичности. Х. Д. Перон пришел к власти в период кризиса доверия к традиционным институтам — ситуации, при которой восприимчивость к харизматическому воздействию оказывается максимальной. Риторика политика строилась на нескольких устойчивых дискурсивных операциях.

Первая — противопоставление *oligarquía* (олигархии) и *pueblo* (народа). Данная оппозиция, не предполагающая примирения, воспроизводит базовый принцип популизма: «чистый народ» противопоставлен «коррупцированной элите», причем общая воля народа имеет приоритет перед любыми институциональными механизмами [Mudde, Kaltwasser 2017: 5–6].

В аргентинском исполнении оппозиция приобретала особую интенсивность: *oligarquía* насыщалась коннотациями предательства и иностранного агентства, тогда как *pueblo* окружалось почти сакральным ореолом. Формула *Perón cumple / Evita dignifica* (Перон выполняет / Эвита облагораживает) — наглядный пример того, как дискурс

строит лидера как воплощение народных чаяний.

Вторая операция — нарратив экономической жертвы и спасения. П. С. Сорокина, анализируя эволюцию перонизма, отмечает его способность «как губка впитывать различные дискурсы», адаптируясь к конъюнктуре при неизменной структурной матрице «кризис — жертва — спаситель» [Сорокина 2019: 529].

Третья операция — ритуализация языка политики: интенсивный, аффективный регистр, апеллирующий к телесному опыту несправедливости. Фраза «*Los únicos privilegiados son los niños*» (Единственные привилегированные — это дети) — образец лозунга, опровержение которого семантически невозможно. Данный прием — создание высказываний, возразить против которых значит поставить себя в позицию врага, — является устойчивым наследием перонистской риторики.

Кирхнеризм 2003–2015 годов обновил дискурс, добавив правозащитную риторику, однако структурно не изменил ничего: те же оппозиции, тот же нарратив, та же ритуализация. Принципиально важно, что непримиримый критик всего этого наследия — Хавьер Милей — воспроизвел ту же матрицу с зеркально инвертированным содержанием. Именно инвертирование содержания при сохранении структуры делает его дискурс лингвистически родственным тому, против чего он якобы выступает.

3. РИТОРИКА ХАВЬЕРА МИЛЕЯ: ЧЕТЫРЕ КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ

Стратегия демонизации оппонента реализуется прежде всего через концепт *la casta* — «каста». Этот термин, заимствованный из испанского политического лексикона, Милей переосмыслил и превратил в универсальный ярлык для всего политического класса страны. Лексическая семантика слова *casta* содержит коннотации замкнутости, наследственной привилегии и презрения к аутсайдерам — все эти коннотации были активированы и направлены против политиков, журналистов, профсоюзных лидеров и интеллектуалов.

В интервью телеканалу «La Nación+» (28 февраля 2023 года) он прямо утверждал, что его соперник «является лучшим выражением касты» [цит. по: Heinisch, Gracia, Laguna-Tapia, Muriel 2024: 599]. Концепт функционирует как «абстрактная структура власти, удаленная от нации» [Biondi 2024: 12], тогда как сам политик позиционирует себя как представителя «*barrio*» — квартала, простого человека. Структурно это в точно-

сти воспроизводит перонистскую оппозицию *pueblo / oligarquía*, только роль олигархии теперь играют сами перонисты.

О. С. Иссерс включает «навешивание ярлыков» в число классических тактик дискредитации [Иссерс 2008: 158–162]. В дискурсе Милея эта тактика реализуется через устойчивые именные группы: *los gerentes de la pobreza* (менеджеры бедности — о лидерах социальных организаций), *el modelo fracasado* (провалившаяся модель — о перонизме).

Каждый ярлык содержит оценочный компонент, не требующий доказательств: само наименование уже содержит приговор. О. Н. Паршина указывает, что стратегия дискредитации направлена на «подрыв авторитета дискредитируемого объекта в глазах избирателей» [Паршина 2004: 84]; в аргентинском случае этот подрыв переводится в плоскость моральных, а не политических обвинений.

Стратегия кризисного перформанса.

Б. Моффитт разработал понятие «*crisis performance*» применительно к политикам, которые не столько отражают реальный кризис, сколько риторически конструируют его как рамку восприятия [Moffitt 2015: 190]. Р. Хайниш с соавторами признали этот механизм наиболее адекватным для описания дискурса Милея: он «риторически превращает кризис не только в экзистенциальную экономическую проблему, но и в моральную историю о коррупции и неудаче» [Heinisch, Gracia, Laguna-Tapia, Muriel 2024: 599].

Инфляция в 142,7 % в октябре 2023 года давала для этого превосходный материал. Устойчивая лексическая фигура в его речах — «*nos robaron*» («они украли у нас»), употреблявшееся применительно к деньгам, будущему, достоинству. В обращении по «*cadena nacional*» (10 декабря 2024 года) эта техника воспроизводилась уже в качестве президента: перечисление экономических показателей предшествующего периода неизменно предварялось описанием «ужасного наследия» перонизма.

Стратегия самопрезентации в роли аутсайдера-спасителя строилась на нескольких нарративных ходах. Во-первых, последовательное позиционирование себя как *outsider* — человека вне касты. Это самопозиционирование было тщательно срежиссировано: митинги сопровождались *rockstar*-интро, он появлялся с бензопилой —

символом «обрезания» государственных расходов. Ф. Сендра и Х. Маркос-Марне, опираясь на корпусный анализ предвыборных текстов, показали, что Милей «никогда не был ограничен коллективной организацией» собственной партии и строил всю кампанию исключительно на личном бренде [Sendra, Marcos-Marne 2024: 641].

Во-вторых, образ «интеллектуального превосходства» придавал его антиэлитарному дискурсу особый характер: он нападал на элиту не с позиции «простого человека», а с позиции знающего больше элиты. Дискредитация оппонентов носила интеллектуальный оттенок — он называл их «*burros*» (ослами) [Luján, Puig Lombardi 2025], апеллировал к австрийской экономической школе. Это создавало противоречивый образ: «народный человек» с профессиональными знаниями, одновременно понятный широкой аудитории и интеллектуально превосходящий оппонентов.

Стратегия идеологической маркировки строится вокруг концепта *libertad* (свобода). По данным корпусного анализа, *libertad* и имя самого политика были наиболее часто встречающимися лексемами в его предвыборных твитах [Heinisch, Gracia, Laguna-Tapia, Muriel 2024: 599].

В терминах Э. Лакло *libertad* у Милея превратилась в «пустой означающий» [Laclau 2005: 96–97] — термин, достаточно широкий, чтобы апеллировать к экономической свободе, личной автономии и культурной независимости одновременно. Лозунг «*¡Viva la libertad, carajo!*» («Да здравствует свобода, чёрт возьми!») стал визитной карточкой кампании — грубоватое *carajo* вносило регистр аутентичности и нарушения конвенций.

Противоположным полюсом выступал концепт *populismo* — популизм, переопределенный Милеем как синоним «безответственной экономической политики» и «воровства». Тогда как сам он настаивал на отрицании популистского лейбла, профессор Х. Б. Лукка из Национального университета Росарио характеризует его как «ультралиберального в экономике, но ультрапопулистского в риторике» [Lucca 2025]. Это сочетание и составляет дискурсивный парадокс Милея.

Интен-анализ корпуса текстов Х. Милея позволил получить количественные данные, представленные в Таблице 1.

Таблица 1

Распределение интенциональных категорий в дискурсе Х. Милей (август — декабрь 2023 г.)

Интенциональная категория	Кол-во блоков	Доля (%)	Примеры языковых маркеров
Дискредитация	475	38,2	La casta, ratas, ladrones, enemigos
Самопрезентация	307	24,7	Soy el león, economista, soy outsider, libertador
Апелляция к эмоциям	265	21,3	Miedo, esperanza, sufrimiento, carajo
Легитимация	118	9,5	Constitución, voluntad popular, ley y orden
Информирование	78	6,3	Dato, cifra, porcentaje
Итого	1243	100	

Так, доминирующей интенцией является дискредитация (38,2 %), что подтверждает центральную роль стратегии демонизации оппонента в предвыборной коммуникации Милей. На втором месте — самопрезентация (24,7 %), причем в постах X/Twitter ее доля возрастает до 31,2 %, тогда как в официальных речах снижается до 20,1 %. Это свидетельствует о том, что социальные сети служат для Милей главной площадкой построения личного бренда.

Апелляция к эмоциям занимает третье место (21,3 %), при этом в инаугурационном обращении ее доля падает до 14,8 %, уступая место легитимации (16,2 %), что отражает смену коммуникативной задачи: от возбуждения электоральных страстей к обоснованию президентской власти.

Сопоставление с интен-профилем перонистских текстов (речи Х. Д. Перона 1946–1955 гг., N = 1021 блок) показывает принципиальное сходство по трем категориям: дискредитация (36,5 % у Перона против 38,2 % у Милей), самопрезентация (25,1 % против 24,7 %) и апелляция к эмоциям (22,3 % против 21,3 %). Различия статистически незначимы ($\chi^2 = 1,47$, $df = 4$, $p > 0,05$), что количественно подтверждает гипотезу о структурной преемственности дискурсивных моделей.

4. ПЕРОНИЗМ И МИЛЕЙ: СТРУКТУРНОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ

Прямое сопоставление дискурсов наглядно демонстрирует механизм структурного воспроизводства при инвертировании содержания.

Конструирование образа врага: Перон — «*La oligarquía y el imperialismo son los enemigos del pueblo argentino*» («Олигархия и империализм — враги аргентинского народа») [Perón 1946]; Милей — «*La casta política te roba el trabajo y el futuro*» («Политическая каста крадет у тебя работу и будущее») [Milei 2023a]. Структурная параллель очевидна: в обоих случаях безличный коллективный враг представлен как паразит, присваивающий результаты труда народа. Меняется только лексическое наполнение.

Нарратив «золотого века»: Перон апеллировал к Аргентине 1940-х как образцу

справедливого государства; Милей апеллирует к Аргентине начала XX в. как к «одной из богатейших держав мира» [Milei 2023b]. Оба нарратива помещают «золотой век» в разные исторические точки, но выполняют идентичную риторическую функцию: доказательство возможности через прецедент.

Авторы испаноязычного исследования, опубликованного в «*Revista Mexicana de Ciencias Políticas y Sociales*», указывают, что дискурс Милей строит «антагонистическую границу» (*frontera antagónica*) между кастой и *pueblo* через концепты *casta* и *populismo*, воспроизводя лакловскую логику эквивалентных цепочек требований [Díaz 2025: 51–74]. Это подтверждает центральную гипотезу исследования: аргентинский предвыборный дискурс обладает устойчивой структурной матрицей, восходящей к перонизму, которая сохраняется вне зависимости от идеологических деклараций ораторов.

5. НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Аргентинский дискурс обнаруживает ряд черт, отличающих его от других случаев правопопулистской риторики.

Во-первых, исключительная насыщенность внутренними историческими референциями: слово «*peronismo*» в аргентинском дискурсе — не просто название движения, а мифологема, мгновенно активирующая весь комплекс аффективных реакций. Для иностранного наблюдателя этот пласт коннотаций практически непрозрачен.

Во-вторых, специфический аффективный регистр аргентинского политического испанского, сложившийся под влиянием перонизма: склонность к сакрализации концептов, митинговый стиль, устойчивые перформативные элементы.

В-третьих, Аргентина — один из лидеров Латинской Америки по проникновению интернета (88 % населения) и использованию X / Twitter (более 50 % пользователей) [Luján, Puig Lombardi 2025]. Дискурс Милей изначально строился под логику социальных сетей: лаконичность, эмоциональная заряженность, хештегируемость лозунгов.

Наконец, это, пожалуй, главное, — феномен «антиперонистского перонизма»: использование дискурсивного инструментария перонизма против него самого. Профессор Лукка описывает это как «нормализацию популистского дискурса» в аргентинском политическом мейнстриме, где неолиберальная ортодоксия «возвеличивается как акт моральной смелости» [Лусса 2025]. Именно в этой точке аргентинский случай наиболее интересен для сравнительной политической лингвистики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько итоговых наблюдений. Аргентинский предвыборный дискурс обладает устойчивыми структурными характеристиками, выходящими за рамки конкретных идеологических позиций: манихейское противопоставление «своих» и «чужих», нарратив «утраченного рая» и грядущего спасения, сакрализация языка и культ харизматического лидера. Эти черты, систематически оформленные перонизмом, воспроизводятся вне зависимости от ориентации конкретного политика.

Дискурс Милея демонстрирует феномен структурного воспроизводства при содержательной инверсии: антиперонистский по идеологии, он перонистский по дискурсивной архитектуре. Концепт *la casta* функционально эквивалентен перонистскому концепту *oligarquía*; апелляция к «Аргентине начала XX века» параллельна апелляции к «Аргентине Перона»; самопрезентация как аутсайдера-спасителя воспроизводит харизматическую матрицу перонистского лидерства.

В дискурсе Х. Милея реализуются четыре доминирующие стратегии: дискредитация оппонента через концепт-ярлык (*la casta*), кризисный перформанс, самопрезентация в роли аутсайдера-спасителя и идеологическая маркировка через ценностные концепты. Интент-анализ подтверждает качественные наблюдения количественно: дискредитация составляет 38,2 % всех интенций, самопрезентация — 24,7 %, апелляция к эмоциям — 21,3 %. Статистическое сходство с интент-профилем перонизма ($\chi^2 > 0,05$) дает эмпирическое обоснование тезису о дискурсивной преемственности.

Перспективы дальнейших исследований связаны с корпусным анализом лексики предвыборных выступлений, сопоставлением с перонистскими текстами разных исторических периодов и изучением «войны за язык» — в частности, запрета инклюзивного языка, введенного правительством Милея, как продолжения дискурсивного конфликта.

ИСТОЧНИКИ

1. Milei, J. = Milei 2023a. Discurso en el mitin de Córdoba. 15 de septiembre de 2023 // Archivo de Prensa de la Campaña Milei 2023. — URL: www.milei2023.ar/cordoba (date of access: 10.01.2026).
2. Milei, J. = Milei 2023b. Entrevista en La Nación+. 28 de febrero de 2023 // YouTube. — URL: www.youtube.com/watch (date of access: 10.01.2026).
3. Milei, J. = Milei 2023c. Mensaje inaugural ante la Asamblea Legislativa. 10 de diciembre de 2023 // Presidencia de la Nación Argentina. — URL: www.caserosada.gob.ar/milei-2023 (date of access: 10.01.2026).
4. Milei, J. Publicaciones en X/Twitter (@JMilei). 1 de agosto — 10 de diciembre de 2023.
5. Perón, J. D. Discurso del 1 de mayo de 1946 // Archivo del Instituto Nacional de Patrimonio. — URL: www.inp.gov.ar/peron-1946 (date of access: 10.01.2026).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Дейк, Т. А. ван. Язык. Познавание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк. — Москва : Прогресс, 1989. — 310 с.
2. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Изд. 5-е. — Москва : Изд-во ЛКИ, 2008. — 288 с. — ISBN 978-5-382-00698-7. — EDN UFGTJF.
3. Каган, Е. Б. Коммуникационные стратегии и тактики в прощальной речи Д. Трампа и языковые средства их реализации / Е. Б. Каган // Политическая лингвистика. — 2022. — № 5(95). — С. 127–134. — DOI 10.26170/1999-2629_2022_05_12. — EDN GCEZMA.
4. Каменева, В. А. Тактика апелляции к авторитету, актуализирующая стратегию (де)легитимизации в англоязычном предвыборном дискурсе / В. А. Каменева, Н. В. Потапова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2021. — Т. 19, № 3. — С. 84–97. — DOI 10.25205/1818-7935-2021-19-3-84-97. — EDN SSNYET.
5. Паршина, О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России : моногр. / О. Н. Паршина ; под ред. О. Б. Сиротининой ; Астрах. гос. техн. ун-т. — Астрахань : Изд-во АГТУ, 2004. — 195 с. — ISBN 5-89154-132-7. — EDN QODPSN.
6. Сорокина, П. С. Перонизм в социально-политической системе Аргентины: истоки популярности и современные вызовы / П. С. Сорокина // Многомерность общества: цифровой поворот в гуманитарном знании : 3-й молодежный конвент : материалы Междунар. студенческой конф. (Екатеринбург, 14–16 марта 2019 г.). — Екатеринбург : Урал. фед. ун-т имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2019. — С. 529–532. — EDN HPTWGT.
7. Храмченко, Д. С. Функционально-лингвистические особенности тактической реализации конфликтных коммуникативных стратегий американского предвыборного политического дискурса / Д. С. Храмченко, Я. Ю. Хлопотунов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2017. — № 1-2 (67). — С. 188–191. — EDN XIOLP.
8. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. — Москва : Гнозис, 2004. — ISBN 5-7333-0144-9. — EDN QODCTF.
9. Biondi, M. ¿Viva la Libertad? A Critical Analysis of Javier Milei's Rhetoric / M. Biondi ; Sciences Po — OPALC Working Paper. — [S.l.], 2024. — 47 p.
10. Heinisch, R. Libertarian Populism? Making Sense of Javier Milei's Political Discourse / R. Heinisch, O. Gracia, A. Laguna-Tapia, C. Muriel // Social Sciences. — 2024. — Vol. 13, No. 11. — P. 599. — DOI 10.3390/socsci13110599. — EDN WEHOSM.
11. Laclau, E. On Populist Reason / E. Laclau. — London ; New York : Verso, 2005. — 276 p. — ISBN 1-85984-651-3.
12. Luján, M. Campaigning against the Casta: Electoral Personalism and the Rise of Javier Milei in Argentina / M. Luján, A. Puig Lombardi // Government and Opposition. — 2025. — Vol. 60. — DOI 10.1017/gov.2024.56.
13. Moffitt, B. How to Perform Crisis: A Model for Understanding the Key Role of Crisis in Contemporary Populism / B. Moffitt // Government and Opposition. — 2015. — Vol. 50. — № 2. — P. 189–217. — DOI 10.1017/gov.2014.13.
14. Mudde C., Rovira Kaltwasser C. Populism: A Very Short Introduction / C. Mudde, C. Rovira Kaltwasser. — 2nd ed. —

New York : Oxford University Press, 2017. — 136 p. — ISBN 978-0190-234-904.

15. Sendra, F. Is Milei a Populist? People and Market in the New Radical Right in Argentina / F. Sendra, H. Marcos-Marne // *Contemporary Politics*. — 2024. — Vol. 30. — № 5. — P. 639–655. — DOI 10.1080/13569775.2024.2311982.

MATERIALS

1. Milei, J. (2023a). Discurso en el mitin de Córdoba. 15 de septiembre de 2023. *Archivo de Prensa de la Campaña Milei 2023*. Available at 2026, Jan. 10 from www.milei2023.ar/cordoba.

2. Milei, J. (2023b). Entrevista en La Nación+. 28 de febrero de 2023 from *YouTube*. Available at 2026, Jan. 10 from www.youtube.com.

3. Milei, J. (2023c). Mensaje inaugural ante la Asamblea Legislativa. 10 de diciembre de 2023. *Presidencia de la Nación Argentina*. Available at 2026, Jan. 10 from www.casarsosada.gob.ar/milei-2023.

4. Milei, J. (2023). Publicaciones en X/Twitter (@JMilei). 1 de agosto — 10 de diciembre de 2023.

5. Perón, J. D. (1946). Discurso del 1 de mayo de 1946. *Archivo del Instituto Nacional de Patrimonio*. Available at Jan. 10, 2026 from www.inp.gov.ar/peron-1946.

REFERENCES

1. Deyk, T. A. van. (1989). *Yazyk. Poznaniye. Kommunikatsiya* = Language. Cognition. Communication. Progress.

2. Issers, O. S. (2008). *Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi* = Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech (5th ed.). LKI Press.

3. Kagan, Ye. B. (2022). Kommunikatsionnyye strategii i taktiki v proshchal'noy rechi D. Trampa = Communication Strategies in D. Trump's Farewell Address. *Political Linguistics*, 5(95), 127–134.

4. Kameneva, V. A., Potapova, N. V. (2022). Taktika apel'yatsii k avtoritetu = The Tactic of Appealing to Authority in English Electoral Discourse. *Bulletin of the Novosibirsk State*

University. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 20(2), 28–41.

5. Parshina, O. N. (2004). *Strategii i taktiki rechevogo povedeniya sovremennoy politicheskoy elity Rossii* = Strategies and Tactics of Speech Behavior of the Russian Political Elite. AGTU Press.

6. Sorokina, P. S. (2019). Peronizm v sotsial'no-politicheskoy sisteme Argentiny = Peronism in Argentina's Socio-Political System. *Multidimensionality of society: digital turn in humanitarian knowledge. 3rd youth convention: materials of the International student conference (Ekaterinburg, March 14–16, 2019)*, 529–532. UrFU Press.

7. Khranchenko, D. S., Khlopotunov, Ya. Yu. (2020). Funktsional'no-lingvisticheskiye osobennosti = Functional-Linguistic Features of Conflict Communicative Strategies. *Philological sciences. Theoretical and practical issues*, 1, 43–51.

8. Sheygal, Ye. I. (2004). *Semiotika politicheskogo diskursa* = Semiotics of Political Discourse. Gnozis.

9. Biondi, M. (2024). ¿Viva la Libertad? A Critical Analysis of Javier Milei's Rhetoric. *Sciences Po — OPALC*.

10. Heinisch, R., Gracia, O., Laguna-Tapia, A., Muriel, C. (2024). Libertarian populism? Making sense of Javier Milei's political discourse. *Social Sciences*, 13(11), Article 599. <https://doi.org/10.3390/socsci13110599>.

11. Laclau, E. (2005). *On populist reason*. Verso.

12. Luján, M., Puig Lombardi, A. (2025). Campaigning against the casta: Electoral personalism and the rise of Javier Milei in Argentina. *Government and Opposition*, 60. <https://doi.org/10.1017/gov.2024.56>.

13. Moffitt, B. (2015). How to perform crisis. *Government and Opposition*, 50(2), 189–217.

14. Mudde, C., Rovira Kaltwasser, C. (2017). *Populism: A very short introduction* (2nd ed.). Oxford University Press.

15. Sendra, F., Marcos-Marne, H. (2024). Is Milei a populist? *Contemporary Politics*, 30(5), 639–655. <https://doi.org/10.1080/13569775.2024.2311982>.

Политическая лингвистика. 2026. № 4 (118).
Political Linguistics. 2026. No 4 (118).

УДК 81'42+81'38+81'27

ББК Ш105.51+Ш105.551.5+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.55

Код ВАК 5.9.8

Виктория Игоревна Космодемьянская

Российский государственный педагогический университет, Санкт-Петербург, Россия, kosmoviktoria@gmail.com,
SPIN-код: 1902-8924

Лингвистический анализ стратегий речевого воздействия в современном политическом дискурсе на материале палестино-израильского конфликта

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию особенностей современной политической коммуникации в США и Великобритании в контексте трансформации геополитического баланса сил на Ближнем Востоке и обострения палестино-израильского конфликта. В статье рассматриваются стратегии речевого воздействия, используемые произраильскими и пропалестинскими политиками для легитимации собственных позиций, формирования общественного мнения и мобилизации политической поддержки. Особое внимание уделяется языковым средствам репрезентации конфликта, способам конструирования образов «своих» и «чужих», а также использованию оценочной лексики, метафор, эмоционально-экспрессивных средств, прецедентных феноменов и риторических приемов. Анализируются особенности аргументации и фреймирования событий, посредством которых политические акторы интерпретируют причины и последствия конфликта, распределяют ответственность между его участниками и формируют определенную систему ценностей и оценок. В статье также рассматриваются сходства и различия американского и британского политического дискурса, обусловленные национальными политическими и социокультурными контекстами. Выявляются основные механизмы речевого воздействия, посредством которых политические акторы стремятся влиять на общественное восприятие конфликта и определять отношение аудитории к происходящим событиям. Полученные результаты позволяют глубже раскрыть роль языковых средств в современной политической коммуникации и формировании общественного мнения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика, политический дискурс, политические тексты, политические деятели, политическая конфликтология, лингвистический анализ, речевые стратегии, речевое воздействие, политическая коммуникация, палестино-израильский конфликт, палестино-израильские отношения, коммуникативные ходы, общественное мнение, формирование общественного мнения.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Космодемьянская Виктория Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и лингвострановедения, институт иностранных языков, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия, email: kosmoviktoria@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Космодемьянская, В. И. Лингвистический анализ стратегий речевого воздействия в современном политическом дискурсе на материале палестино-израильского конфликта / В. И. Космодемьянская. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 4 (118). — С. 107-111.

Viktoriya I. Kosmodem'yanskaya

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia, kosmoviktoria@gmail.com, SPIN code: 1902-8924

Linguistic Analysis of the Strategies of Verbal Influence in Contemporary Political Discourse: A Case Study of the Israeli-Palestinian Conflict

ABSTRACT. The article examines the specific features of contemporary political communication in the U.S.A. and Great Britain in the context of the transformation of the geopolitical balance of power in the Middle East and the escalation of the Israeli-Palestinian conflict. The article studies the strategies of verbal influence employed by pro-Israeli and pro-Palestinian political actors to legitimize their own positions, shape public opinion, and mobilize political support. Particular attention is paid to the linguistic means of representation of the conflict, the means of construction of the images of "own" and "alien", and the use of evaluative vocabulary, metaphors, emotional expressive means, precedent phenomena, and rhetorical devices. The study analyzes the specific features of argumentation and framing of events through which political actors interpret the causes and consequences of the conflict, attribute responsibility to its participants, and build a specific system of values and evaluations. The article also considers similarities and differences between American and British political discourse brought about by national political and sociocultural contexts. The study identifies the principal mechanisms of verbal influence through which political actors seek to manipulate public perceptions of the conflict and form the audience's attitudes towards the events in question. The findings provide a deeper understanding of the role of linguistic means in contemporary political communication and in the formation of public opinion.

KEYWORDS: political linguistics, political discourse, political texts, politicians, political conflictology, linguistic analysis, verbal strategies, verbal influence, political communication, Israeli-Palestinian conflict, Israeli-Palestinian relations, communicative acts, public opinion, formation of public opinion.

AUTHOR'S INFORMATION: *Kosmodem'yanskaya Viktoriya Igorevna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of the English Language and Linguoculturology, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia.*

FOR CITATION: *Kosmodem'yanskaya V. I. (2026). Linguistic Analysis of the Strategies of Verbal Influence in Contemporary Political Discourse: A Case Study of the Israeli-Palestinian Conflict. In *Political Linguistics*. No 4 (118), pp. 107-111. (In Russ.).*

Палестино-израильский конфликт остается одним из наиболее устойчивых вызовов мировой политике. Его влияние на формирование политической повестки выходит далеко за рамки Ближнего Востока. Для дискурсов Великобритании и США это противостояние представляет комплексную внешнеполитическую проблему, связывающую концепции исторической ответственности, проблемы коллективной идентичности и удержание контроля над экономически важным регионом. Последний фактор является одним из самых значимых при принятии внешнеполитического решения для реализации своих интересов, что уже было доказано действиями США в Персидском заливе во время войны с Ираком [Бжежинский 2012: 220–235; Яковлева 2025: 151–157].

Природа этого конфликта позволяет ему долгое время находиться в центре информационного пространства. На его устойчивость влияют нарративные свойства, такие как высокая степень «извлекаемости» (retrievability), которая влияет на то, насколько легко событие актуализируется в медиа благодаря богатому историческому и символическому материалу [Schudson 1989: 153–180]. Другим свойством конфликта является «пластичность» (pliability), позволяющая различным идеологическим силам интерпретировать его в соответствии со своими интересами [Дроздова 2016; Кравченко 2000; Wuthnow 1989: 220–245].

Такие характеристики позволяют поддерживать вокруг данного конфликта двойной поток информации. Эта двойственность делает конфликт эффективным инструментом мобилизации электората. Как показывает теория «спирали молчания», публичное выражение позиции по столь поляризующему вопросу вынуждает политиков занимать упрощенные, ригидные позиции, чтобы соответствовать ожиданиям своей аудитории и с помощью грамотно подобранных речевых стратегий «перетягивать» на свою сторону сомневающихся или аполитичных граждан [Чудинов 2009]. Для того, чтобы провести комплексный анализ британо-американского политического дискурса на фоне указанных выше социальных и политических особенностей, необходимо обратить внимание на его языковую составляющую, а в первую очередь — использованные спикерами тактики

и стратегии. Проанализировав теоретические аспекты, мы отобрали 8 публичных выступлений в соответствии со следующими критериями:

1) принадлежность спикеров к основным партиям Великобритании и США;

2) полярность их политических позиций, выраженных в согласии или несогласии с проводимой внешней политикой;

3) контекст выступления — у каждого спикера были выбраны два выступления, одно из которых было посвящено этому военному конфликту, а второе затрагивало его косвенно [Дементьев 2000; Иссерс 2017].

Перечисленные выше характеристики считались границей исследования и были необходимы для обеспечения репрезентативности массива текстов. На данном основании для анализа в качестве израильских политиков были выбраны Майк Джонсон (спикер Палаты представителей США, Республиканская партия) и Прити Пател (бывший министр иностранных дел Великобритании, член Консервативной партии). К пропалестинским спикерам относятся Александрия Окасио-Кортес (член Палаты представителей США, Демократическая партия), Джереми Корбин (Лейбористская партия Великобритании). В процессе работы с материалом был проведен контент-анализ, стилистический анализ и сравнительный анализ.

Коммуникативная стратегия — обязательное условие существования политического дискурса. Они являются основой любого языкового взаимодействия людей, от которого во многом зависят взаимоотношения между ними, способ манипуляции мнением и чувствами окружающих [Космодемьянская 2018: 170–180; Балахонская 2018: 495–496; Brown, Levinson 1987]. В условиях политической напряженности и общественного резонанса участники политической коммуникации зачастую прибегают к стратегиям согласия/несогласия, являющимися равноценными в контексте «кооперативной интенциональности» [Космодемьянская 2018: 2020: 47052]. Эти стратегии являются универсальными, и политики прибегают к ним вне зависимости от политической ориентации, реализуя с их помощью свои цели в зависимости от направленности реактивных реплик [Космодемьянская 2024: 60–64; Формановская 2007].

Таблица 1. Коммуникативные ходы стратегии несогласия

	Майк Джонсон	Прити Пател	Александрия Окасио-Кортес	Джереми Корбин
Риторическое противопоставление	This is not free speech. This is not the free market of ideas. These are open threats	Well, in due course , yes, but not right now . This is not the right time	It will never be just institutions and officials alone. It will always be the people	We are not just witnessing the war, we are witnessing the genocide
Делегитимация акторов и институтов	University officials failed to protect Jewish students	That's the same United Nations which basically had its own representatives and employees involved in the atrocities on October the 7 th	The United States bombed its own territories, its own communities	The government of the day spent many years resisting those attempts. History is now repeating itself
Использование риторических вопросов	–	–	How can anyone possibly make an objective vote on this issue when so many financial ties exist?	What arms have been supplied to Israel?

Прим. Источники: 1) https://youtu.be/_9mZoNrSvVI (дата обращения: 05.06.2026), 2) URL: https://youtu.be/msQ9_YDmrC4 (дата обращения: 11.05.2026).

В отобранном материале эта гипотеза подтверждается, что было выявлено благодаря проведенному контент-анализу. Стратегия несогласия чаще всего реализуется через следующие коммуникативные ходы: риторическое противопоставление, делегитимация институтов и отрицание позиции оппонента.

Несмотря на то, что стратегия несогласия характерна для всех спикеров, выбор коммуникативных ходов напрямую коррелирует с политической ориентацией спикера. Это связано с объектом легитимации и делегитимации, выражаемым в конструировании образа «свой — чужой». Для израильских спикеров не характерно использование риторических вопросов в процессе

аргументации, так как их речь больше построена на осуждение происходящих протестов и обвинение причастных к поддержке Палестины в содействии терроризму. В случае пропалестинских политиков ходы выстраиваются вокруг призыва к справедливости, гражданскому активизму и поддержке угнетенных как на территории Палестины, так и в США и Великобритании.

Аналогично со стратегией несогласия было выявлено и использование стратегии согласия, к которой политики часто прибегали, за счет задействования таких коммуникативных ходов, как апелляция к единству и коллективным ценностям, авторитету и инклюзивное позиционирование.

Таблица 2. Коммуникативные ходы стратегии согласия

	Майк Джонсон	Прити Пател	Александрия Окасио-Кортес	Джереми Корбин
Апелляция к единству и коллективности	The survival of the State of Israel and her people unites us all together and unites all Americans, all Americans	We have to put money where our mouth is	We are all here together because we share in the frustration and heartache that comes from watching those in power actively tear down or refuse to fight for everyday working Americans like us	The only thing we've got is our presence. The only thing we've got is our voice
Апелляция к личному нарративу	I used to litigate free speech cases with regard to campus expression on university campuses	When I was Home Secretary...	I would go to sleep as a little girl with the sounds of US bombs detonating	I've stood in this very street protesting about the invasion of Afganistan, protesting about the invasion of Iraq, and the war in Libya

	Майк Джонсон	Прити Пател	Александрия Окасио-Кортес	Джереми Корбин
Инклюзивное позиционирование	This morning we watched the horrific film... The auditorium was full of Republicans and Democrats in the House, and they wept and we watched the film together	—	We have to be honest with ourselves	We are a global force, a global voice for peace, a global voice for justice

Прим. Источники: https://youtu.be/_JYjCzmKzFE (дата обращения: 15.06.2026), 2) https://youtu.be/9-u_GuVKwjg (дата обращения: 10.05.2026).

Анализируя стратегии согласия, мы пришли к выводу, что коммуникативные ходы имеют аналогичную со стратегией несогласия двунаправленность и применимость для спикеров вне зависимости от их политической позиции. Релевантным исключением в данном контексте будет являться отсутствие хода инклюзионного позиционирования у Прити Пател. Такой условный выбор обусловлен статусом экс-министра внешней политики, для которого характерна скорее апелляция к личному авторитету, нежели причисление себя к определенной группе акторов.

Таким образом, палестино-израильский конфликт является значимым как для внешней политики Великобритании и США, так и для внутреннеполитических процессов. Переплетение исторической ответственности и сложная история взаимоотношений со странами Персидского залива вкупе со сложившимися нарративами исламофобии вынуждает политиков занимать четкие, полярные позиции. Однако стратегии, которые они используют для достижения своих целей, практически идентичны. Понимание данной языковой динамики позволяет лучше проанализировать происходящие в англоязычном пространстве процессы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Балахонская, Л. В. Речевая агрессия в политических блогах радиостанции «Эхо Москвы» / Л. В. Балахонская, И. А. Быков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. — 2018. — Т. 15, № 3. — С. 492–506. — DOI 10.21638/spbu09.2018.313. — EDN YMRSZV.
2. Бжезинский, З. Стратегический взгляд: Америка и глобальный кризис / З. Бжезинский; пер. с англ. — Москва: Астрель: CORPUS, 2012. — 285 с. — ISBN 978-5-17-078247-5.
3. Дементьев, В. В. Непрямая коммуникация и ее жанры / В. В. Дементьев. — Саратов: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 2000. — 248 с. — ISBN 5-292-02534-8. — EDN RENCTF.
4. Дроздова, Д. Р. Феномен речевой агрессии как особый вид языкового манипулирования в академическом дискурсе / Д. Р. Дроздова // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сборник статей V Междунар. науч. конф. молодых ученых (Екатеринбург, 12 февр. 2016 г.). — Екатеринбург: Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2016. — С. 12–15. — EDN WKVXGR.

5. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Изд. 8-е, испр. и доп. — Москва: Ленанд, 2017. — 308 с.

6. Космодемьянская, В. И. Агрессия в политическом дискурсе как институализированный вид речевой конфронтации / В. И. Космодемьянская, М. В. Лисенко, М. В. Малыхина // Политическая лингвистика. — 2024. — № 3 (105). — С. 60–64. — EDN EYSNXI.

7. Космодемьянская, В. И. Коммуникативная стратегия согласия/несогласия в рамках прямой кооперативной реагирующей интенциональности / В. И. Космодемьянская // Политическая лингвистика. — 2020. — № 4 (82). — С. 47–52. — DOI 10.26170/pl20-04-05. — EDN MFFTYH.

8. Космодемьянская, В. И. Концептуальные основания, прагматические и лингвистические особенности прямых и не прямых реактивных реплик (на материале современных англоязычных диалогических дискурсов): 10.02.04: дис. ... канд. филол. наук / Космодемьянская Виктория Игоревна. — Санкт-Петербург, 2018. — 194 с. — EDN YOKMOV.

9. Кравченко, А. В. Что такое коммуникация? Очерк биокогнитивной философии языка / А. В. Кравченко // Прямая и не прямая коммуникация: сб. науч. ст. — Саратов: Колледж, 2003. — С. 27–39. — EDN IYUFYG.

10. Формановская, Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. — Москва: Икар, 2007. — 478 с. — ISBN 978-5-7974-0141-4. — EDN QDWTGF.

11. Чудинов, А. П. Современная политическая коммуникация: учеб. пособие / А. П. Чудинов. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. — 292 с. — ISBN 978-5-7186-0420-7.

12. Яковлева, Д. А. Непрямая коммуникация в британском политическом дискурсе / Д. А. Яковлева // Гуманитарный научный вестник. — 2025. — № 4. — С. 151–157. — DOI 10.5281/zenodo.15423306. — EDN PCWYBM.

13. Brown, P. Linguistic Politeness: Some Universals in Language Usage / P. Brown, S. Levinson. — Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 1987. — 345 p. — ISBN 0-521-30862-3.

14. Cowley, S. J. Distributed language / S. J. Cowley // Distributed Language / ed. by S. J. Cowley. — Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2011. — P. 1–14. — ISBN 978-9027284150.

15. Schudson, M. How Culture Works: Perspectives from Media Studies on the Efficacy of Symbols / M. Schudson // Theory and Society. — 1989. — Vol. 18, No. 4. — P. 153–180. — DOI 10.2307/657530.

16. Wuthnow, R. Meaning and Moral Order: Explorations in Cultural Analysis / R. Wuthnow. — Berkeley: University of California Press, 1989. — 435 p. — ISBN 0-520-06621-9.

REFERENCES

1. Balakhonskaya, L. V., Bykov, I. A. (2018). Rechevaya agresiya v politicheskikh blogakh radiostantsii «Ekhho Moskvyy» = Speech aggression in the political blogs of the radio station “Echo of Moscow”. *Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature*, 15(3), 492–506. DOI 10.21638/spbu09.2018.313. EDN YMRSZV.

2. Bzhzinskiy, Z. (2012). Strategicheskii vzglyad: Amerika i global'nyy krizis = Strategic view: America and the global crisis. Moscow: Astrel': CORPUS, 285 p. ISBN 978-5-17-078247-5.

3. Dement'ev, V. V. (2000). Nepryamaya kommunikatsiya i ee zhanry = Indirect communication and its genres. Saratov: Saratov

National Research State University named after N. G. Chernyshevsky, 248 p. ISBN 5-292-02534-8. EDN REHCTF.

4. Drozdova, D. R. (2016). Fenomen rechevoy agressii kak osobyi vid yazykovogo manipirovaniya v akademicheskom diskurse = The Phenomenon of Speech Aggression as a Special Type of Linguistic Manipulation in Academic Discourse. *Actual Issues of Philological Science of the 21st Century. Collection of Articles of the V Int. Scientific Conf. of Young Scientists (Ekaterinburg, February 12, 2016)*, 12–15. Ekaterinburg: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 2016. EDN WKVXGR.

5. Issers, O. S. (2017). Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi = Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech. 8th ed. Moscow: Lenand, 308 p.

6. Kosmodem'yanskaya, V. I. Agressiya v politicheskom diskurse kak institucionalizirovannyi vid rechevoy konfrontatsii / V. I. Kosmodem'yanskaya, M. V. Lisenko, M. V. Malykhina // *Politicheskaya lingvistika*. — 2024. — № 3 (105). — S. 60–64. — EDN EYSNXI.

7. Kosmodem'yanskaya, V. I. (2020). Kommunikativnaya strategiya soglasiya/nesoglasiya v ramkakh pryamoy kooperativnoy reagiruyushchey intentsional'nosti = Communicative strategies of agreement and disagreement in direct cooperative response intentionality. *Political Linguistics*, 4(82), 47–52. DOI 10.26170/pl20-04-05. EDN MFFTYH.

8. Kosmodem'yanskaya, V. I. (2018). Kontseptual'nye osnovaniya, pragmaticheskie i lingvisticheskie osobennosti pryamykh i nepryamykh reaktivnykh replik (na materiale sovremennykh angloyazychnykh dialogicheskikh diskursov) = Conceptual foundations, pragmatic and linguistic features of direct and indirect reactive remarks (based on modern English-language dialogic

discourses). Dis. of Cand. of Philological Sciences. St. Petersburg, 194 p. EDN YOKMOB.

9. Kravchenko, A. V. (2003). Chto takoe kommunikatsiya? Ocherk biokognitivnoy filosofii yazyka = What is communication? An essay on the biocognitive philosophy of language. *Direct and indirect communication. Collection of scientific articles*, 27–39. Saratov: Kolledzh. EDN IYUFYG.

10. Formanovskaya, N. I. (2007). Rechevoe vzaimodeystvie: kommunikatsiya i pragmatika = Speech interaction: communication and pragmatics. Moscow: Ikar, 478 p. ISBN 978-5-7974-0141-4. EDN QDWTGF.

11. Chudinov, A. P. (2009). Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya = Modern political communication. Textbook. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 292 p. ISBN 978-5-7186-0420-7.

12. Yakovleva, D. A. (2025). Nepryamaya kommunikatsiya v britanskom politicheskom diskurse = Indirect communication in British political discourse. *Humanitarian Scientific Bulletin*, 4, 151–157. DOI 10.5281/zenodo.15423306. EDN PCWYBM.

13. Brown, P., Levinson, S. (1987). Linguistic Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 345 p. ISBN 0-521-30862-3.

14. Cowley, S. J. (2011). Distributed language. *Distributed Language (Ed. by S. J. Cowley)*, 1–14. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins. ISBN 978-9027284150.

15. Schudson, M. (1989). How Culture Works: Perspectives from Media Studies on the Efficacy of Symbols. *Theory and Society*, 18(4), 153–180. DOI 10.2307/657530.

16. Wuthnow, R. (1989). Meaning and Moral Order: Explorations in Cultural Analysis. Berkeley: Univ. of California Pr., 435 p. ISBN 0-520-06621-9.

Политическая лингвистика. 2026. № 4 (118).
Political Linguistics. 2026. No 4 (118).

УДК 811.111(73)'42+811.111(73)'38+81'27
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Вера Юрьевна Кузнецова

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва,
Россия, vera087@mail.ru, SPIN-код: 3742-7040

Вербально-визуальные метафоры как фразовые конструкции в американском медийном дискурсе

АННОТАЦИЯ. В данной статье рассматриваются вербально-визуальные метафоры как фразовые конструкции в американском медийном дискурсе, формирующие единый мультимодальный нарратив новостной иллюстрации. Актуальность исследования обусловлена возрастающей ролью визуально ориентированных форматов в современных медиа и недостаточной разработанностью фразового измерения мультимодальной метафоры в отечественной лингвистике. Целью работы является описание того, каким образом краткие вербальные формулы во взаимодействии с визуальным рядом обеспечивают экспансию смысла и переход от локального фразового уровня к макроструктуре медианарратива. Теоретическую основу исследования составляют концепция мультимодальной метафоры, принципы визуальной грамматики, а также положения когнитивной лингвистики. Эмпирическую базу составляют три новостные иллюстрации с сайта сатирического издания «The Babylon Bee», отобранные методом целенаправленной выборки по критериям структурной сложности и идеологической нагруженности. В работе применяется качественный мультимодальный анализ с элементами критического дискурс-анализа. Основные результаты включают авторскую типологизацию фразовых вербально-визуальных метафор, описание механизмов их смысловой эволюции в композиции кадра — через пространственное расположение элементов, цветовое и перспективное кодирование, — а также выявление их роли в конструировании оценочной позиции адресанта и манипулятивного потенциала медиатекста. Установлено, что фразовая конструкция выступает не просто подписью к изображению, но самостоятельным смыслообразующим механизмом, активирующим концептуальный фрейм и направляющим интерпретацию адресата. Полученные данные могут быть использованы при дальнейшем изучении мультимодального медийного дискурса, в практике анализа визуально ориентированных текстов, а также в преподавании политической лингвистики и медиаграмотности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая метафорология, метафорологическое моделирование, метафорические модели, вербально-визуальные метафоры, языковые единицы, английский язык, мультимодальный дискурс, медийный нарратив, политическая карикатура, визуальный образ, фразовая конструкция, когнитивные метафоры, интернет-дискурс, интернет-тексты, интернет-сайты, сатирические новостные сайты, политические новости, освещение событий, медиаграмотность.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Кузнецова Вера Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент 33 кафедры, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия, email: vera087@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Кузнецова, В. Ю. Вербально-визуальные метафоры как фразовые конструкции в американском медийном дискурсе / В. Ю. Кузнецова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 4 (118). — С. 112-118.

Vera Yu. Kuznetsova

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky, Moscow, Russia, vera087@mail.ru, SPIN code: 3742-7040

Verbal-Visual Metaphors as Phrasal Constructions in American Media Discourse

ABSTRACT. This article explores verbal-visual metaphors as phrasal constructions in American media discourse that shape a unified multimodal narrative of the news illustration. The relevance of the study is determined by the growing prominence of visually oriented formats in contemporary media and the insufficient attention paid to the phrasal dimension of multimodal metaphor in modern linguistic research. The aim of the study is to describe how brief verbal formulas, in interaction with the visual component, provide semantic expansion and enable transition from the local phrasal level to the macrostructure of the media narrative. The theoretical framework draws on the concept of multimodal metaphor, the principles of visual grammar, and cognitive-linguistics. The empirical material comprises three news illustrations from the satirical outlet The Babylon Bee, selected through purposive sampling based on the criteria of structural complexity and ideological load. The study combines qualitative multimodal analysis with elements of critical discourse analysis. The main findings include an original authorial typology of phrasal verbal-visual metaphors, a detailed description of the mechanisms of their semantic evolution in the composition of the shot through spatial positioning of elements, color and perspective coding, and an assessment of their role in constructing the sender's evaluative stance and the manipulative potential of the media text. The study demonstrates that the phrasal construction functions not merely as an image caption but as an independent meaning-making mechanism that activates the conceptual frame and guides the recipient's interpretation. The findings can be applied

to further investigation of multimodal media discourse, to the analysis of visually oriented texts, and to teaching political linguistics and media literacy.

KEYWORDS: political metaphorology, metaphorological modeling, metaphorical models, verbal-visual metaphors, language units, English language, multimodal discourse, media narrative, political cartoon, visual image, phrasal construction, cognitive metaphors, Internet discourse, Internet texts, Internet sites, satirical news sites, political news, event coverage, media literacy.

AUTHOR'S INFORMATION: Kuznetsova Vera Yur'evna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department 33, Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Kuznetsova V. Yu. (2026). Verbal-Visual Metaphors as Phrasal Constructions in American Media Discourse. In *Political Linguistics*. No 4 (118), pp. 112-118. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Современный американский медийный дискурс все чаще организуется в мультимодальном формате, где текст (вербальные компоненты) и изображение (визуальные компоненты) образуют единую коммуникативную целостность [Павлов 2024: 143]. В этих условиях особое значение приобретают вербально-визуальные метафоры, возникающие тогда, когда синергия вербального и визуального ряда формирует новые значения, распределяя элементы метафорического сопоставления между модусами. Подобные конструкции функционируют на фразовом уровне. Слово, реплика или подпись к изображению запускают метафорический процесс, который получает свою полную реализацию только в сочетании с изображением.

Композиция страницы, где представлена новость, в таком контексте перестает быть нейтральным «фоном» для вербального текста и сама начинает работать как метафора, организуя пространство так, чтобы задать определенные смысловые отношения между элементами, формируя имплицитные смыслы [Баль 2012: 217–218]. Расположение персонажей, соотношение цветов, выбор ракурса, использование символических объектов и графических акцентов образуют скрытые оппозиции, которые поддерживают или переосмысливают заложенную во фразе интерпретационную рамку [Субботина 2023]. Таким образом, метафорическое значение возникает не внутри изолированного высказывания, а в синергетической связи его вербальной и визуальной организации.

Актуальность темы обусловлена стремительным переходом от преимущественно вербального к мультимодальному режиму репрезентации, в котором текст и изображение образуют единую семиотическую систему смыслопорождения. В центре исследования находятся случаи, когда краткая вербальная формула вступает в тесное взаимодействие с визуальным рядом, образуя метафору, распределенную между модусами.

Объектом исследования выступают вербально-визуальные метафоры в амери-

канском медийном дискурсе, а предметом — механизмы их развертывания и экспансии смысла в рамках новостных иллюстраций.

Материалом послужили три изображения с американского новостного сайта «The Babylon bee», в которых варьируемые вербально-визуальные формулы позволяют проследить, как отдельные фразы превращаются в узлы нарратива и соотносятся с глобальным сценарием политико-экономических действий.

Цель статьи — описать, каким образом вербально-визуальные метафоры на фразовом уровне участвуют в построении визуального нарратива и обеспечивают экспансию смысла за пределы буквального содержания.

Для достижения поставленной цели в статье решаются следующие задачи:

1. Выявить и описать критерии, по которым вербально-визуальная метафора может быть охарактеризована как фразовая конструкция.
2. Проанализировать новостные изображения, учитывая особенности синергии вербального и визуального компонентов.
3. Установить, каким образом культурный и политический контекст влияет на экспансию смысла, а также на успешность интерпретации метафоры реципиентом.
4. Охарактеризовать роль фразовых вербально-визуальных метафор в конструировании оценочной позиции адресанта и формировании имплицитных политических смыслов.

Научная новизна исследования заключается в том, что вербально-визуальные метафоры впервые рассматриваются не как изолированные риторические фигуры, а как фразовые конструкции, обеспечивающие переход от локального уровня высказывания к макроструктуре медийного нарратива. В отличие от существующих исследований, занимающихся статическим описанием мультимодальных метафор [Белоедова, Кожемякин 2020; Исакова, Крюкова, 2021], в данной статье выявляются динамические механизмы их развертывания в композиции новостного изображения. Кроме того, в статье предлагается пятикритериальная схема

анализа, позволяющая системно описывать смысловую экспансию.

Теоретически работа опирается на концепцию мультимодальной метафоры [Forceville 2002: 1–14; Forceville 1996; Kress, Leeuwen 2021; Bal 2005: 629–633], теории медианарратива [Павлов 2023; Савченкова 2023; Субботина 2023; Wolf 2003; Wolf 2005]. Дополнительно привлекаются положения теории релевантности, позволяющие описать экспансию смысла как баланс между когнитивными затратами и интерпретационным вознаграждением для реципиента [Kress, Leeuwen 2021]. Такое междисциплинарное сочетание дает возможность рассматривать фразовую вербально-визуальную метафору не как локальный троп, а как динамическую нарративную единицу, встроенную в более широкий медийный сценарий [Кожемякин 2018: 87; Кожемякин 2019: 21].

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ОБЗОР

В контексте современного медиапространства особую роль приобретает политическая карикатура и сатирическая иллюстрация, в которых мультимодальная метафора достигает наибольшей концентрации. Как показывают исследования, посвященные редакционным карикатурам, вербально-визуальный метафорический комплекс в них выполняет одновременно когнитивную (структурирует политическую картину мира), оценочную (формирует эмоциональную позицию адресанта) и перлокутивную (провоцирует определенную реакцию реципиента) функции. Именно совмещение этих функций в пределах одного изображения определяет высокую персуазивную эффективность подобных текстов.

Особую актуальность в рамках исследования приобретает понятие «медианарратив», активно разрабатываемое в современной медиалингвистике. Оно строится на представлении о том, что медийный текст организует содержание как упорядоченную последовательность смысловых событий, имплицитно апеллирующую к известным реципиенту нарративным сценариям. Д. Н. Павлов и его коллеги определяют медианарратив как структуру, обладающую компонентами события, субъекта, хронотопа и оценки, при этом в визуальных медиа все эти компоненты могут быть «свернуты» в единый образ [Павлов, Голованов, Тыркалова 2023]. Применительно к нашему материалу это означает, что отдельное новостное изображение способно функционировать как самостоятельный нарративный узел, активирующий у реципиента целый сценарий политических отношений.

Важнейший теоретический вклад в разработку концепции визуального нарратива внесли В. Вольф [Wolf 2003; Wolf 2005] и М. Баль [Баль 2012]. В. Вольф разграничивает «нарративность» и «нарратив», указывая, что визуальный образ может нести нарративный потенциал, не являясь нарративом в строгом смысле: зритель сам достраивает причинно-следственные связи и темпоральную динамику на основании иконических и символических подсказок. М. Баль, в свою очередь, акцентирует роль визуальной риторики в формировании «точки зрения» нарратора: выбор угла, масштаба изображения, цветовой гаммы равнозначен выбору нарративной позиции. Именно это положение объясняет, почему в рассматриваемых нами примерах визуальная композиция не нейтральна, а идеологически нагружена.

Для описания механизмов, посредством которых вербально-визуальная метафора обеспечивает расширение значения за пределы буквального содержания, в настоящей работе привлекаются положения теории релевантности. Согласно данной теории, реципиент стремится к оптимальному балансу между когнитивными усилиями, затраченными на интерпретацию, и получаемым «когнитивным вознаграждением» совокупностью новых смыслов, которые стимул делает доступными. Мультимодальная метафора в этом отношении представляет собой особенно экономичный семиотический механизм: один образ при минимальных когнитивных затратах открывает многоуровневое смысловое пространство, поскольку визуальный ряд и вербальная формула взаимно активируют концептуальные домены друг друга.

Таким образом, настоящее исследование находится на пересечении теории мультимодальной метафоры, концепции медианарратива и теории релевантности. Именно такое теоретическое сочетание позволяет рассматривать вербально-визуальную метафору не как статичный риторический троп, а как динамическую нарративную единицу, участвующую в конструировании политических смыслов в американском медийном дискурсе.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ выбранных нами примеров строился по следующему принципу: каждое изображение рассматривалось как мультимодальный нарратив, разворачивающийся по пяти ключевым критериям — вербально-визуальная синергия, композиция, нарративное развертывание смысла, сопоставление с вербальными метафорическими компонентами, эмоциональная экспансия. Рассмотрим каждый пример подробнее.

Trump Presidential Library To Feature Solemn 'Reflecting Pool' Of Liberal Tears

Рис. 1. Вербально-визуальная метафора в новостной статье [The Babylon Bee 2026a]

Первое изображение интересно тем, что в нем вербально-визуальная метафора реализуется как фразовая конструкция: краткие вербальные элементы (*'Liberal tears'/'reflecting pool'/'Donald J. Trump presidential library'*) задают интерпретационный вектор. Текст формирует «рамку чтения» ситуации, а визуальный ряд переводит ее в плоскость конкретного политического/социального сценария, делая метафору считываемой за доли секунды.

Композиция организована так, чтобы вербальный и визуальный компоненты образовывали единый смысловой фокус — зритель одновременно считывает и текст, и визуальные компоненты, поэтому метафора возникает не как «украшение» речи, а как результат синергии двух кодов.

На нарративном уровне рисунок 1 представляет собой «свернутую историю», в которой присутствуют намеки, делающие отсылку к скрытому политическому конфликту (идея президентской библиотеки Дональда Трампа представляет собой отход от традиционных архивов, вызывая негодование демократов). Изображение функционирует как один эпизод более длинного сценария, а реципиент «дочитывает» имплицитные смыслы на основе фоновых знаний.

По сравнению с чисто вербальной метафорой, этот образ демонстрирует «смысловой пучок»: то, что в тексте пришлось бы развернуть в несколько предложений, визуально передается через одно изображение. Эмоциональная экспансия достигается за счет сочетания иронии и знакомых американцам визуальных элементов. Это позволяет одновременно развлечь и задать критическую позицию (вектор оценочности).

На втором рисунке смысловой акцент переносится со сложных процессов к магии.

Trump Begins Negotiating With Iranian Leadership Via Ouija Board

Рис. 2. Вербально-визуальная метафора в новостной статье [The Babylon Bee 2026b]

Визуальный образ намекает на то, что в реальности президент США Д. Трамп руководствуется не логикой, а обращается к «Доске Уиджи» (*'Ouija board'*), также известной как *'говорящая доска'* или спиритическая доска, при принятии решения. За счет заголовка и визуального сопровождения создается сильный саркастический образ. Интересно, что *'доской Уиджи'* также называют настольную модель для планирования полетов авиатехники на авианосцах США. Возможно, после прочтения заголовка у читателя возникнут ложные ассоциации, связанные именно с авиатехникой, которая будет использована для нанесения ударов по Ирану, но визуальные компоненты разрушают данное предположение.

Рисунок 2 выстроен таким образом, чтобы максимизировать эффект абсурдности ситуации — Д. Трамп показан крупным планом во время спиритического сеанса. За счет этого создается ощущение, что макрополитика США определяется решениями, принятыми президентом на основе общения с духами, а не пониманием общей геополитической обстановки и ситуации на Ближнем Востоке в частности.

Нарративное развертывание здесь связано со сценарием «тотального контроля» и *'единоличного принятия решений'*.

Визуально-вербальный образ раскрывает опасность упрощения сложных геополитических процессов до уровня личной прихоти без подкрепленной информационной базы. Эмоциональная экспансия оказывает психологическое воздействие (формирует беспокойство): зритель начинает задумываться о последствиях решений, принимаемых с помощью инструмента для оккультных практик и спиритических сеансов.

Kim Jong-Un Wins Over Populace With His Charisma, Experience, And Ability To Shoot You In The Face If You Don't Vote For Him

Рис. 3. Вербально-визуальная метафора в новостной статье [The Babylon Bee 2026с]

Третий рисунок переводит повествование в регистр абсурда. Если первое и второе изображения посвящены политической ситуации в Америке и роли Д. Трампа в современной геополитике, то третье изображение посвящено лидеру Северной Кореи. Вербальный ряд (*Kim Jong-un re-elected on ability to shoot people in face* — дословно: *Ким Чен Ына переизбрали благодаря умению стрелять людям в лицо*) призван показать силу лидера Северной Кореи и тотальный контроль властей, которые могут расстрелять любого корейца, несогласного с политикой руководства страны. Визуальный ряд проти-

вопоставлен вербальному: мы видим улыбающегося Ким Чен Ына и аплодирующих офицеров северокорейской армии (главная опора лидера Северной Кореи).

Композиционно рисунок 3 более насыщен: пространство кадра заполняют символы контроля, центром смыслового давления является фигура Ким Чен Ына. Он выступает как источник контроля.

Отличие от чисто вербальной метафоры особенно заметно в эмоциональной плоскости: зритель не только понимает, но и «чувствует», что за улыбками лидера и его окружения стоит жесткий контроль.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Таблица. Анализ новостных иллюстраций по пяти критериям

Критерии	Рис. 1	Рис. 2	Рис. 3
Вербально-визуальная синергия	Текстом задается базовый интерпретационный вектор метафоры, а изображение конкретизирует и усиливает его, превращая абстрактное высказывание в наглядную сцену; смысл рождается именно из их совместного чтения, а не из каждого компонента по отдельности.	Вербальный компонент сокращен и экспрессивен; он «подсвечивает» один ключевой аспект ситуации, тогда как данный аспект акцентируется визуальным рядом, добавляя иронию и сарказм.	Синергия строится на эффекте «дочитывания»: при помощи текста и изображения раскрываются значимые смысловые связи, побуждая реципиента достраивать имплицитные смыслы из культурного и политического контекста.
Композиция	Пространство кадра организовано так, что вербальный элемент (слоган, подпись) и центральный визуальный образ образуют единый фокус внимания.	Основной акцент делается на спиритический аспект: фигура Д. Трампа и «говорящая доска» имитируют «сеанс общения с духами».	Визуальное поле насыщено символами; композиция строится на противопоставлениях (улыбка/жесткий контроль), за счет чего возникает ощущение абсурда и конфликта.
Нарративное развертывание смысла	Внутри изображения задается скрытая временная динамика: зритель мысленно реконструирует предысторию заявленной ситуации и возможные последствия, поэтому метафора функционирует как «свернутая история».	При помощи рисунка формируется новый нарратив: модус «контроля» переносится из военной/политической сферы в сферу магии, демонстрируя способность одного субъекта одинаково произвольно распоряжаться разными системами.	Происходит визуализация нарратива: от демонстрации показного благодушия до реального жесткого контроля.

Окончание таблицы

Критерии	Рис. 1	Рис. 2	Рис. 3
Сравнение вербальной и визуальной метафор	В чисто вербальной форме подобная метафора сводилась бы к устойчивому выражению противоречий двух политических партий; визуальный компонент добавляет конкретизацию.	Изображение раскрывает процесс принятия политических решений в США, вводя элементы сатиры, недоступные одной лишь вербальной формуле.	На третьем рисунке раскрывается ключевая метафорическая установка: читатель видит сразу и субъект давления, и его истинное лицо.
Эмоциональная экспансия	Эмоциональный эффект строится за счет единого смыслового фокуса.	Пафос сменяется иронией: сложная макроситуация «схлопывается» до спиритического сеанса, что вызывает у реципиента смешанную реакцию — от смеха до беспокойства по поводу чрезмерной персонализации власти.	Читателю предлагается не только рационально осмыслить то, что происходит в Северной Корее, но и «прочувствовать» жизнь корейцев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование визуально-вербальных метафорических образов, визуального нарратива и механизмов экспансии смысла позволяет сделать ряд фундаментальных выводов о природе визуальной метафоризации как когнитивно-семиотического феномена, качественно отличающегося от вербальной метафоры и требующего интегративного междисциплинарного подхода.

Ключевым выводом является концептуализация экспансии смысла как двойственного процесса, одновременно осуществляющего смысловую компрессию и расширение. Эта парадоксальная природа визуальной метафоры объясняет ее персуазивную мощь — образ открывает многомерное смысловое пространство, требующее активной когнитивной работы реципиента.

Исследование выявило критическую зависимость вектора экспансии смысла от культурного контекста.

Эмпирические данные подтверждают принцип оптимальной релевантности: метафоры умеренной сложности с высоким смысловым наполнением при низких когнитивных затратах показывают наивысшую эффективность. Однако экспансия смысла может блокироваться некомпетентностью читателей.

Понимание механизмов визуальной метафоризации позволяет как создателям контента более осознанно конструировать смыслы, так и реципиентам критически осмысливать идеологические и коммерческие функции визуального образа, что особенно важно в эпоху доминирования визуальной культуры и мультимодальной коммуникации.

ИСТОЧНИКИ

1. The Babylon Bee. Trump Presidential Library to feature solemn reflecting pool of liberal tears. — 31.03.2026a. — URL: <https://babylonbee.com/news/trump-presidential-library-to-feature-solemn-reflecting-pool-of-liberal-tears> (date of access: 05.04.2026).

2. The Babylon Bee. Trump begins negotiating with Iranian leadership via Ouija board. — 31.03.2026b. — URL: <https://babylonbee.com/news/trump-begins-negotiating-with-iranian-leadership-via-ouija-board> (date of access: 05.04.2026).

3. The Babylon Bee. Kim Jong Un wins over populace with his charisma, experience and ability to shoot you in the face if you don't vote for him. — 18.03.2026c. — URL: <https://babylonbee.com/news/kim-jong-un-wins-over-populace-with-his-charisma-experience-and-ability-to-shoot-you-in-the-face-if-you-dont-vote-for-him>. (date of access: 05.04.2026).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Баль, М. Визуальный эссенциализм и объект визуальных исследований / М. Баль // Логос. — 2012. — № 1(85). — С. 212–249. — EDN RVRFPPT.

2. Белоедова, А. В. Влияние вербального комментария на интерпретацию визуального медиасообщения: мультимодальный подход / А. В. Белоедова, Е. А. Кожемякин, Я. И. Тяжлов // Медиалингвистика. — 2020. — Т. 7, № 4. — С. 445–461. — DOI 10.21638/spbu22.2020.406. — EDN ILTVYP.

3. Исакова, Е. М. Визуальная метафора и способы её идентификации / Е. М. Исакова, Н. Ф. Крюкова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. — 2021. — № 4 (71). — С. 95–100. — DOI 10.26456/vtfilol/2021.4.095. — EDN OMFVRS.

4. Кожемякин, Е. А. Визуальное и социальное: перспективы критического дискурса-анализа и социальной семиотики / Е. А. Кожемякин // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2018. — № 1 (27). — С. 86–92. — EDN YSSODV.

5. Кожемякин, Е. А. Мультимодальный медиадискурс: методологические вызовы / Е. А. Кожемякин // Современные направления в лингвистике и преподавании языков: проблема метода : сборник научных статей по материалам III Международ. науч.-практ. конф. (Пенза, 24–27 апр. 2019 г.) / под общ. ред. Т. В. Дубровской. — Пенза : Пензенский гос. ун-т, 2019. — Т. 1. — С. 19–24. — EDN MQHGFI.

6. Павлов, Д. Н. Нарративные стратегии медиадискурса: мотивирующий контент визуальных платформ TikTok и YouTube / Д. Н. Павлов // Litera. — 2024. — № 9. — С. 44–58. — DOI 10.25136/2409-8698.2024.9.71765. — EDN FEYLHC.

7. Павлов, Д. Н. Медианарратив: к вопросу о структуре и функциях / Д. Н. Павлов, А. Н. Голованов, В. В. Тырколова // Litera. — 2023. — № 8. — С. 141–156. — DOI 10.25136/2409-8698.2023.8.43675. — EDN WZWHEH.

8. Савченкова, Н. М. Истоки нарратива и визуальный образ / Н. М. Савченкова // Кинема.Science. — 2023. — № 1. — С. 7–14. — EDN RFJPLO.

9. Субботина, О. В. Показывать vs рассказывать: в поисках определения визуального нарратива / О. В. Субботина // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. — 2023. — № 9-2. — С. 273–291. — DOI 10.28995/2686-7249-2023-9-273-291. — EDN JTYEJZ.

10. Bal, M. Visual narrativity / M. Bal // Routledge Encyclopedia of Narrative Theory / ed. by D. Herman, M. Jahn, M.-L. Ryan. — New York ; London : Routledge, 2005. — P. 629–633. —

ISBN 0-415-28259-4. — URL: https://archive.org/details/routledgeencyclo0000unse_n9o6 (date of access: 12.05.2026).

11. Forceville, C. Pictorial Metaphor in Advertisements / C. Forceville. — London ; New York : Routledge, 1996. — 250 p. — ISBN 0-415-12868-4. — URL: <https://archive.org/details/pictorialmetapho0000forc> (date of access: 12.05.2026).

12. Forceville, C. The identification of target and source in pictorial metaphors / C. Forceville // *Journal of Pragmatics*. — 2002. — Vol. 34, No. 1. — P. 1–14. — EDN AXURKT.

13. Kress, G. Reading Images: The Grammar of Visual Design / G. Kress, T. van Leeuwen. — London ; New York : Routledge, 2021. — 310 p. — ISBN 0-415-10599-4. — URL: <https://archive.org/details/readingimagesgra0000kres> (date of access: 12.05.2026).

14. Wolf, W. Narrative and narrativity: A narratological reconceptualization and its applicability to the visual art / W. Wolf // *Word and Image: a journal of verbal/visual enquiry*. — 2003. — Vol. 19. — № 3. — P. 180–197. — URL: <https://doi.org/10.1080/02666286.2003.10406232> (date of access: 12.05.2026).

15. Wolf, W. Pictorial narrativity / W. Wolf // *Routledge Encyclopedia of Narrative Theory* / ed. by D. Herman, M. Jahn, M.-L. Ryan. — New York ; London : Routledge, 2005. — P. 431–435. — ISBN 0-415-28259-4. — URL: https://archive.org/details/routledgeencyclo0000unse_n9o6 (date of access: 12.05.2026).

MATERIALS

1. The Babylon Bee (2026a, March 31). Trump Presidential Library to feature solemn reflecting pool of liberal tears. Available at 2026, Apr. 5 from <https://babylonbee.com/news/trump-presidential-library-to-feature-solemn-reflecting-pool-of-liberal-tears>.

2. The Babylon Bee (2026a, March 31). Trump begins negotiating with Iranian leadership via Ouija board. Available at 2026, Apr. 5 from <https://babylonbee.com/news/trump-begins-negotiating-with-iranian-leadership-via-ouija-board> (date of access: 05.04.2026).

3. The Babylon Bee (2026c, March 18). Kim Jong Un wins over populace with his charisma, experience and ability to shoot you in the face if you don't vote for him. Available at Apr. 5, 2026 from <https://babylonbee.com/news/kim-jong-un-wins-over-populace-with-his-charisma-experience-and-ability-to-shoot-you-in-the-face-if-you-dont-vote-for-him>.

REFERENCES

1. Bal', M. (2012). Vizual'nyy essentsializm i ob'ekt vizual'nykh issledovaniy = Visual Essentialism and the Object of Visual Studies. *Logos*, 1(85), 212–249. EDN RVRFP.

2. Beloedova, A. V., Kozhemyakin, E. A., Tyazhlov, Ya. I. (2020). Vliyaniye verbal'nogo kommentariya na interpretatsiyu vizual'nogo mediasoobshcheniya: mul'timodal'nyy podkhod = The influence of verbal commentary on the interpretation of visual media message: a multimodal approach. *Medialinguistics*, 7(4), 445–461. DOI 10.21638/spbu22.2020.406. EDN ILTVYP.

3. Isakova, E. M., Kryukova, N. F. (2021). Vizual'naya metafora i sposoby eyo identifikatsii = Visual metaphor and methods of its identification. *Bulletin of Tver State University. Series: Philology*, 4(71), 95–100. DOI 10.26456/vtfilol/2021.4.095. EDN OMFVRS.

4. Kozhemyakin, E. A. (2018). Vizual'noe i sotsial'noe: perspektivy kriticheskogo diskurs-analiza i sotsial'noy semiotiki = The visual and the social: perspectives of critical discourse analysis and social semiotics. *Sign: Problematic Field of Media Education*, 1(27), 86–92. EDN YSSODV.

5. Kozhemyakin, E. A. (2019). Mul'timodal'nyy mediadiskurs: metodologicheskie vyzovy = Multimodal media discourse: methodological challenges. *Modern trends in linguistics and language teaching: the problem of method*. Vol. 1, 19–24. EDN MQHGFI.

6. Pavlov, D. N. (2024). Narrativnye strategii mediadiskursa: motiviruyushchiy kontent vizual'nykh platform TikTok i YouTube = Narrative strategies of media discourse: motivating content of visual platforms TikTok and YouTube. *Litera*, 9, 44–58. DOI 10.25136/2409-8698.2024.9.71765. EDN FEYLHC.

7. Pavlov, D. N., Golovanov, A. N., Tyrkalova, V. V. (2023). Medianarrativ: k voprosu o strukture i funktsiyakh = Media narrative: on the issue of structure and functions. *Litera*, 8, 141–156. DOI 10.25136/2409-8698.2023.8.43675. EDN WZWHED.

8. Savchenkova, N. M. (2023). Istoki narratsii i vizual'nyy obraz = Origins of narration and visual image. *Kinema. Science*, 1, 7–14. EDN RFJPLO.

9. Subbotina, O. V. (2023). Pokazyvat' vs rasskazyvat': v poiskakh opredeleniya vizual'nogo narrativy = Showing vs telling: in search of a definition of visual narrative. *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural Studies*, 9(part 2), 273–291. DOI 10.28995/2686-7249-2023-9-273-291. EDN JTYEJZ.

10. Bal, M. (2005). Visual narrativity. *Routledge Encyclopedia of Narrative Theory* (Eds. D. Herman, M. Jahn, M.-L. Ryan), 629–633. New York; London: Routledge. Pp. 629-633. Available at May 12, 2026 from https://archive.org/details/routledgeencyclo0000unse_n9o6.

11. Forceville, C. (1996). Pictorial Metaphor in Advertisements. London; New York: Routledge, 250 p. ISBN 0-415-12868-4. Available at May 12, 2026 from <https://archive.org/details/pictorialmetapho0000forc>.

12. Forceville, C. (2002). The identification of target and source in pictorial metaphors. *Journal of Pragmatics*, 34, 1–14. EDN AXURKT.

13. Kress, G., van Leeuwen, T. (2021). Reading Images: The Grammar of Visual Design. London; New York: Routledge, 310 p. Available at May 12, 2026 from <https://archive.org/details/readingimagesgra0000kres>.

14. Wolf, W. (2003). Narrative and narrativity: A narratological reconceptualization and its applicability to the visual art. *Word and Image: a journal of verbal/visual enquiry*, 19(3), 180–197. DOI 10.1080/02666286.2003.10406232. Available at May 12, 2026 from <https://doi.org/10.1080/02666286.2003.10406232>.

15. Wolf, W. (2005). Pictorial narrativity. *Routledge Encyclopedia of Narrative Theory* (Eds. D. Herman, M. Jahn, M.-L. Ryan), 431–435. New York; London: Routledge. Available at May 12, 2026 from https://archive.org/details/routledgeencyclo0000unse_n9o6.

Политическая лингвистика. 2026. № 4 (118).
Political Linguistics. 2026. No 4 (118).

УДК 811.111(73)'42+811.111(73)'38+81'27
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.8; 5.9.6 (германские языки)

Валерия Романовна Муравлева

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия, VR.Muravleva@mail.ru, SPIN-код: 5657-2997

Диалектическая структура «свой — другой — иной — чужой» в речи Д. Трампа

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена проблеме категоризации социальных субъектов в политическом дискурсе на примере обращения американского президента Д. Трампа к нации с речью о военной операции против Ирана под названием «Эпическая ярость». Автор исходит из того, что классическая бинарная оппозиция «свой — чужой» не позволяет описать амбивалентные и переходные состояния идентификации, возникающие в ситуациях моральной дилеммы, конфликта идентичности и межкультурного взаимодействия. В качестве теоретической альтернативы предлагается диалектическая структура «свой — другой — иной — чужой», где каждый элемент получает четкое определение: «свой» маркирует положительную ценностную принадлежность, «другой» — неизвестное, требующее осмысления через стереотипы, «иной» — переходное состояние, связанное с угрозой идентичности, «чужой» — радикально неприемлемое, отрицательно валентное. На материале речи Д. Трампа демонстрируется, как одна и та же страна (Венесуэла) в пределах одного текста перемещается из «чужого» в «другого», а затем и в «своего», в то время как Иран удерживается преимущественно в категории «чужого», хотя содержит элементы «иного» и «другого». Делается вывод о том, что предложенная четырехчленная структура фиксирует подвижность категоризации, ее зависимость от контекста и коммуникативных задач, что дает более точный инструмент для критического дискурс-анализа политических текстов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политическая риторика, политические речи, политические тексты, американские президенты, языковая личность, лингвоперсоналогия, речевые жанры, диалектическая структура, «свой — чужой», критический дискурс-анализ, Д. Трамп, военные операции, ирано-американские отношения.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Муравлева Валерия Романовна, кандидат филологических наук, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия, email: VR.Muravleva@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Муравлева, В. Р. Диалектическая структура «свой — другой — иной — чужой» в речи Д. Трампа / В. Р. Муравлева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 4 (118). — С. 119-123.

Valeriya R. Muravleva

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia, VR.Muravleva@mail.ru, SPIN code: 5657-2997

The Dialectical Structure of “the Self — the Other — the Alien — the Enemy” in D. Trump’s Speech

ABSTRACT. The article is devoted to the problem of categorization of social actors in political discourse using the example of the address of the American President D. Trump to the nation with a speech about the military operation against Iran called “Epic Fury”. The author proceeds from the fact that the classical binary opposition of “friend and foe” does not allow describing ambivalent and transitional states of identification that arise in situations of moral dilemma, identity conflict and intercultural interaction. As a theoretical alternative, the dialectical structure “the self — the other — the alien — the enemy” is proposed, where each element receives a clear definition: “the self” marks a positive value affiliation, “the other” — an unknown that requires understanding through stereotypes, “the alien” — a transitional state associated with the threat of identity, “the enemy” — radically unacceptable, negatively valent. Based on the speech of D. Trump demonstrates how the same country (Venezuela) moves from “the enemy” to “the other” and then to “the self” within the same text, while Iran is kept mainly in the category of “the enemy”, although it contains elements of “the alien” and “the other”. It is concluded that the proposed four-part structure captures the mobility of categorization, its dependence on context and communicative tasks, which provides a more accurate tool for critical discourse analysis of political texts.

KEYWORDS: political discourse, political rhetoric, political speeches, American presidents, linguistic personality, linguoperpersonology, speech genres, dialectical structure, “Own — Alien”, critical discourse analysis, D. Trump, military operations, U.S.-Iran relations.

AUTHOR’S INFORMATION: Muravleva Valeriya Romanovna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of Department of English (Basic), Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Muravleva V. R. (2026). The Dialectical Structure of “the Self — the Other — the Alien — the Enemy” in D. Trump’s Speech. In *Political Linguistics*. No 4 (118), pp. 119-123. (In Russ.).

Зачастую в лингвистике язык рассматривается как нечто имманентное, формальное и независящее от внешних условий. Однако по тонкому замечанию Ф. де Соссюра фундаментальным свойством языкового знака является то, что «в нем ничто не может существовать в одном члене... Части знаков не обладают ценностью сами по себе» [Соссюр 2004: 25]. Ценность раскрывается за счет композиторности знака, позволяющей во взаимодействии с другими элементами речи порождать актуальный смысл, вычленимый за счет составляющих синтагматического сочетания [Ахренова 2024; Кубрякова 2015].

Именно этот принцип лежит в основе дискурсивных исследований: значение высказывания не предзадано, а возникает в сети его связей с другими высказываниями и контекстом. Однако критический дискурс-анализ уходит чуть дальше и смещает акцент с изучения языка на характер социокультурных процессов, стоящих за его использованием. В данном направлении понятия «дискурс» и «социокультурная практика» находятся в диалектическом единстве: общество и культура создаются через дискурс и одновременно порождают определенный дискурс [Муравлева 2025].

Важной характеристикой любой социокультурной системы можно назвать устойчивый баланс «сил добра» («своего») и «сил зла» («чужого»): «...если внешняя угроза возрастает, то соответственно либо увеличивается представление о собственном могуществе, либо дополнительная психологическая нагрузка падает на „образ защитника“ в любой его форме» [Лурье 2005: 20]. Указанное равновесие зачастую достигается в процессе коммуникации через *механизмы трансфера* (переноса качеств «своего» или «чужого» на объект референции) и *автотрансфера* (приписывания себе черт коллективного «мы» для эксплицитного включения в «своих»).

При этом нужно помнить, что процессы восприятия, осознания и «присвоения» мира «вооружены и одновременно ограничены той конкретно-исторической системой значений, несущей в себе совокупный общественный опыт, которая присуща той или иной социальной общности, той или иной культуре» [Петренко 1988: 23]. Во многом именно она определяет, что для субъекта будет «своим», а что — «чужим».

Для современного политического дискурса описанные принципы играют решающую роль, так как данное направление коммуникации уже уверенно совершило сдвиг от информативности к манипулятивности, выдвигая своей целью формирование и укрепление статусов политических групп и их оппозиций

[Ахренова 2025; Иванов 2023; Чернявская, Молодыхенко 2014]. Так, например, при изучении высказываний Д. Трампа становится очевидным, что они не просто отражают его личные взгляды, но и активно конструируют социальную реальность, задавая границы «своего» и «чужого» [Муравлева 2021].

Однако бинарная оппозиция «свой — чужой» не позволяет описать промежуточные состояния, когда объект нельзя назвать ни «своим», ни «чужим», но он выполняет важную функцию для субъекта. В связи с этим в данной работе мы выходим за рамки формальной дихотомической логики и предлагаем рассмотреть речь американского президента через призму расширенной диалектической структуры **«свой — другой — иной — чужой»**, которая позволяет в ситуациях моральной дилеммы, конфликтов идентичности и межкультурного взаимодействия рассмотреть объект описания не как статичную единицу, а как подвижную категорию, зависящую от контекста ее употребления.

При этом под «своим» мы понимаем нечто, соответствующее положительной аксиологической валентности, принятым нормам и идентичности субъекта; «другой» — это неизвестное, ранее неиспытанное и, как следствие, вызывающее опасение или же полное равнодушие; «иной» — описывает переходное состояние («пока/уже не свой»), с которым субъект отчасти знаком, однако теперь «иной» связан не столько с опытом, сколько с угрозой потери идентичности субъекта; и «чужой» — как нечто противоречащее фундаментальным ценностям и жизненным ориентациям субъекта.

Данная структура находит эмпирическое подтверждение в дискурсе Д. Трампа и позволяет проанализировать то, каким образом он в своей речи приписывает смыслы тем или иным социальным субъектам. Ключом к пониманию его дискурсивных стратегий выступает анализ метапрагматических маркеров, направляющих интерпретацию в заданное русло.

Прежде всего немаловажным считаем указать, что одной из причин эффективности дискурса Д. Трампа можно назвать «подготовленность» аудитории [Муравлева 2021]. По справедливому замечанию В. В. Знакова, «смысл какого-либо знания для субъекта возникает не путем определения понятий, описывающих ту или иную предметную область, а посредством выявления его концептуальных и ассоциативных связей с другими, уже осмысленными ранее знаниями» [Знаков 2016: 45]. Применительно к дискурсу американского президента это означает, что его высказывания обретают смысл лишь потому, что они активируют у реципиентов уже

существующие смысловые структуры. Иными словами, Д. Трамп не создает референции «с нуля», а апеллирует к уже имеющимся, зачастую коннотативно окрашенным структурам, что предопределяет высокую резонансность его высказываний.

Рассмотрим специфику проявления диалектической структуры «свой — другой — иной — чужой» в речи Д. Трампа на примере его обращения к нации с речью о военной операции против Ирана под названием «Эпическая ярость» [Trump 2026].

СВОЙ

Так, категория «свой» в дискурсе Д. Трампа конструируется посредством инклюзивной реализации дейктических свойств местоимений, идеологически окрашенной лексики и разнообразных «ритуализованных» включений референтных субъектов (союзников, военных и т. д.). В начале анализируемой речи президент США обращается к NASA, астронавтам миссии «Артемиды II»:

Let me begin by congratulating the team at NASA and our brave astronauts on the successful launch of Artemis II. It will be traveling further than any manned rocket has ever flown.

Далее он говорит о военных:

Our armed forces have delivered swift, decisive, overwhelming victories on the battlefield. Victories like few people have ever seen before.

В обоих примерах использование притяжательного местоимения *our*, а также сильных, идеологически окрашенных определений *brave, swift, decisive, overwhelming* прямо именует «своих» и приписывает им образ непобедимой силы и могущества.

Отдельного внимания заслуживает ритуал поминовения усопших:

Tonight, I think especially of the 13 American warriors who have laid down their lives ... I wanted to be with those heroes as they return to American soil. And I was with them and their families. ... And every single one of the people, their loved ones, said: "Please, sir. Please finish the job." Every one of them. And we are going to finish the job and we're going to finish it very fast. We're getting very close.

В данном примере Д. Трамп не просто называет погибших «своими», но и эксплицитно подчеркивает свое личное участие в трауре по ним, усиливая тем самым эмоциональную связь. Кроме того, цитируя просьбу семей погибших, президент посредством механизма автотрансфера включает себя в категорию «свой», в рамках чего военная операция в Иране уже становится общим, объединяющим нацию решением.

Категория «свой» в тексте обращения не ограничивается национальным или террито-

риальным единством. Союзники также маркируются как свои:

I want to thank our allies in the Middle East: Israel, Saudi Arabia, Qatar, the U.A.E., Kuwait and Bahrain. They've been great, and we will not let them get hurt or fail in any way, shape or form.

В приведенном фрагменте Д. Трамп конструирует категорию «свой» посредством личного местоимения *our*, коннотативно окрашенных определений (*great*), а также абсолютных конструкций, описывающих США и союзников как гарант безопасности в мире (*in any way, shape or form*). Стоит отметить, что при описании «своего» в речи американского президента отсутствуют элементы угрозы идентичности, что позволяет избежать когнитивного диссонанса, возможного в иных категориях («чужой», «другой», «иной»).

ЧУЖОЙ

Категория «чужой» представлена в дискурсе Д. Трампа наиболее развернуто. Иран последовательно демонизируется через метафоры болезни, варварства и крайней враждебности [Чудинов 2025]. В своем обращении президент США называет Иран *"world's number one state sponsor of terror", "fanatical regime", "murderous regime", "most violent and thuggish regime on Earth"* и даже предлагает *"get rid of a cancer that has long simmered. It's known as the nuclear Iran"*.

Помимо отрицательной эмоционально-оценочной лексики категория «чужого» реализуется посредством деперсонификации — ему (а точнее его правительству) приписываются социально неодобряемые действия (в соответствии с картиной мира американцев): *"they laughed at our president", "deranged terror attacks", "bring them back to the stone ages, where they belong"*.

Важно отметить, что даже когда речь заходит о возможных переговорах, образ врага не смягчается в дипломатических целях: *"If there is no deal, we are going to hit each and every one of their electric-generating plants very hard"*. Это подтверждает теорию о том, что «чужой» более статичен в сравнении с «иным» и «другим».

ДРУГОЙ

В анализируемой речи категория «другой» наиболее эксплицитно актуализируется в отношении политического режима Ирана:

In the meantime, discussions are ongoing. Regime change was not our goal. We never said regime change, but regime change has occurred because of all of their original leaders' death. They're all dead. The new group is less radical and much more reasonable.

До определенного момента описываемые режимы были строго «чужими», нехарактерными для демократических взглядов США. Теперь же, после определенных событий (которые, кстати говоря, произошли в результате военной деятельности США), государственный строй страны-противника уже скорее «пока не свой» (или в нашей классификации «другой»): его катастрофизация уже прекращена, однако он еще не соответствует характеристикам «своего». Более того, Д. Трамп оставляет пространство для дипломатического достижения трансформации «другой» — «свой» (*In the meantime, discussions are ongoing*).

Не менее показателен пример с Венесуэлой, которая не так давно стала объектом военного удара США и — в нашей терминологии — относилась к категории «чужой». Теперь президент США заявляет: *...now we're working along with Venezuela — are, in a true sense, joint-venture partners. We're getting along incredibly well in the production and sale of massive amounts of oil and gas*.

В рамках лишь одного высказывания объект референции совершает трансфер из «чужого» в «другого» (потенциально своего — *now we're working along with Venezuela*), а затем и вовсе становится партнером («своим»).

ИНОЙ

Категория «иной» представлена в обращении Д. Трампа менее эксплицитно, но от этого не менее значима для целостного восприятия текста. Так, в качестве «иноного» в отдельных фрагментах текста (преимущественно в начале) также выступает Иран — информация о нем неполная, противоречивая. Основные возможности этой страны могут быть раскрыты исключительно в процессе конфликта (тем самым будет осуществлен трансфер из «иноного» в «чужое»).

В рассматриваемом тексте категория «иной» реализуется преимущественно грамматическими средствами. Например:

Their command and control of the Islamic Revolutionary Guard Corps is being decimated as we speak.

В приведенном примере настоящее длительное время указывает на процесс, развивающийся непосредственно в момент говорения. Иран уже постепенно трансформируется из «иноного» в «чужого», и его угроза для США только начинает осознаваться участниками коммуникативной ситуации.

Другой пример: *And they had some weapons that nobody believed they had. We just learned that.*

Реализация категории «иноного» снова достигается посредством описания начала

процесса трансформации. Однако в данном случае срабатывает относительно устойчивая лексико-грамматическая структура.

Особенно любопытным с точки зрения нашего исследования видится следующий пример:

This situation has been going on for 47 years and should have been handled long before I arrived in office.

В своих дискурсах Д. Трамп достаточно часто прибегает к сравнению своего президентства с другими историческими периодами США. Данный пример интересен тем, что он не просто констатирует проблему, возникшую некогда в прошлом, которую никто не решал, но и делает акцент на том, что именно он смог перевести абстрактного и оттого непобедимого «иноного» в ранг «чужого», которого гораздо легче нейтрализовать.

Проведенный нами анализ позволяет констатировать факт подвижности референта относительно структуры «свой — другой — иной — чужой». «Отдельные фрагменты познаваемого мира объединяются в динамическое целое таким образом, что в зависимости от поставленных задач ведущим попеременно становится то или иное направление взаимосвязанных знаний о действительности» [Знаков 2016: 36]. Так, Венесуэла буквально мгновенно трансформируется из «чужого» (объект военного удара) в «другого» (партнер по переговорам), а затем и в «своего» (совместное предприятие по добыче нефти). Иран, напротив, удерживается в категории «чужой», хотя и содержит элементы «иноного» (неизвестные ранее вооружения) и «другого» (новый, более разумный режим, с которым ведутся переговоры). Такая контекстуальная переключаемость подтверждает, что категориальная принадлежность объектов в дискурсе Д. Трампа не является имманентным свойством, а представляет собой результат интерпретативной работы, зависящей от политической задачи, аудитории и активируемых ассоциативных структур.

Таким образом, основываясь на результатах исследования, мы полагаем, что классическая дихотомическая структура «свой — чужой» недостаточна для проведения детализированного анализа и описания реальных механизмов (само)идентификации в процессе коммуникации. Предложенная нами диалектическая структура «свой — другой — иной — чужой», в свою очередь, позволяет фиксировать подвижность категоризации, ее зависимость от контекста (как лингвистического, так и экстралингвистического), участников процесса коммуникации, а также целей общения.

ИСТОЧНИКИ

1. Trump, D. Transcript: President Trump's Address to the Nation on Iran (April 1, 2026) / D. Trump // *The New York Times*. — 2026. — 1 April. — URL: <https://www.nytimes.com/2026/04/01/us/politics/trump-transcript-speech-iran.html> (date of access: 03.04.2026)

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Ахренова, Н. А. Интернет-лингвистика: доминантный подход / Н. А. Ахренова. — Москва : Русайнс, 2024. — 178 с. — ISBN 978-5-466-03824-8. — EDN DAATHR.
- Ахренова, Н. А. Эволюция политической медиариторики в Великобритании / Н. А. Ахренова, С. Г. Тер-Минасова // *Вестник Российской государственной академии дружбы народов. Серия: Теория языка. Семантика. Стилистика*. — 2025. — Т. 16, № 4. — С. 1090–1101. — DOI 10.22363/2313-2299-2025-16-4-1090-1101. — EDN MXKGIU.
- Знаков, В. В. Психология понимания мира человека. — Москва : Институт психологии РАН, 2016. — 488 с. — ISBN 978-5-9270-0324-8.
- Иванов, Н. В. Информационное воздействие в политическом медиадискурсе / Н. В. Иванов, О. И. Калинин // *Ученые записки национального общества прикладной лингвистики*. — 2023. — № 3 (43). — С. 76–105. — EDN IHFMAO.
- Кубрякова, Е. С. Синтагматика / Е. С. Кубрякова // *Большая российская энциклопедия* : в 35 т. / гл. ред. Ю. С. Осипов. — Москва : Большая российская энциклопедия, 2015. — Т. 30 : Сен-Жерменский мир 1679 — Социальное обеспечение. — С. 240–241. — EDN UBPISI.
- Лурье, С. В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы : учеб. пособие для вузов / С. В. Лурье. — 2-е изд. — Москва : Академический проект, 2005. — 624 с. — (Gaudeamus). — ISBN 5-8291-0544-6. — EDN QXNDNL.
- Муравлева, В. Р. Дихотомия СВОЙ — ЧУЖОЙ: ценностные детерминанты семантики (на материале русского и английского языков) / В. Р. Муравлева, А. С. Романов, М. Б. Клименко // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. — 2024. — Т. 17, № 5. — С. 1590–1595. — DOI 10.30853/phil20240230. — EDN JCCZTL.
- Муравлева, В. Р. Прагмалингвистические особенности коммуникативной ситуации «информационная война» (на материале печатных текстов СМИ) : дис. ... канд. филол. наук / Муравлева Валерия Романовна. — Москва, 2021. — 275 с. — EDN RRHCFE.
- Муравлева, В. Р. Язык, культура и динамика смыслов: лингвистический взгляд на социальные практики / В. Р. Муравлева // *Языки в диалоге культур: проблемы многоязычия в поликультурном пространстве : материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. (Уфа, 28 нояб. 2025 г.)*. — Уфа : Уфимский университет науки и технологий, 2025. — С. 126–129. — EDN MGYFFM.
- Петренко, В. Ф. Психосемантика сознания / В. Ф. Петренко. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1988. — 2008 с. — ISBN 5-211-00023-4.
- Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики : пер. с фр. / Ф. де Соссюр ; издан Ш. Балли и А. Сеше при участии А. Ридлинга. — Москва : URSS, 2004. — 285 с. — ISBN 5-354-00556-6.
- Чернявская, В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса / В. Е. Чернявская. — Москва : Ленанд, 2024. — 200 с. — ISBN 978-5-9519-4249-4. — EDN ODMBKQ.
- Чернявская, В. Е. История в дискурсе политики: Лингвистический образ «своих» и «чужих» / В. Е. Чернявская, Е. Н. Молодыхенко. — Москва : Ленанд, 2014. — 200 с. — ISBN 978-5-9710-0967-2. — EDN SJZNNB.
- Чудинов, А. П. Метафоры дегуманизации как способ формирования образа России в украинских телеграм-каналах / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, М. В. Никифорова // *Вопросы когнитивной лингвистики*. — 2025. — № 3. — С. 52–61. — DOI 10.20916/1812-3228-2025-3-52-61. — EDN AICTEQ.

MATERIALS

1. Trump, D. (2026, April 1). Transcript: President Trump's Address to the Nation on Iran (April 1, 2026). *The New York Times*. Available at April 3, 2026 from <https://www.nytimes.com/2026/04/01/us/politics/trump-transcript-speech-iran.html>.

REFERENCES

- Akhrenova, N. A. (2024). Internet-lingvistika: dominantnyy podkhod = Internet linguistics: dominant approach. Moscow: RUDN, 320 p. ISBN 978-5-466-03824-8. EDN DAATHR.
- Akhrenova, N. A., Ter-Minasova, S. G. (2025). Evolyutsiya politicheskoy mediatoriki v Velikobritanii = Evolution of political media rhetoric in Great Britain. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(4), 1090–1101. DOI 10.22363/2313-2299-2025-16-4-1090-1101. EDN MXKGIU.
- Znakov, V. V. (2016). Psikhologiya ponimaniya mira cheloveka = Psychology of human understanding of the world. Moscow: Publishing House "Institute of Psychology RAS", 488 p. ISBN 978-5-9270-0324-8.
- Ivanov, N. V., Kalinin, O. I. (2023). Informatsionnoe vozdeystvie v politicheskom media diskurse = Information influence in political media discourse. *Scientific Notes of the National Society of Applied Linguistics*, 3(43), 76–105. EDN IHFMAO.
- Kubryakova, E. S. (2015). Sintagmatika = Syntagmatics. *Great Russian Encyclopedia (ed. by Yu. S. Osipov). Vol. 30*, 231–232. Moscow: Great Russian Encyclopedia. EDN UBPISI.
- Lur'e, S. V. (2005). Psikhologicheskaya antropologiya: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy = Psychological anthropology: history, current state, prospects. Moscow: Akademicheskii proekt, 622 p. ISBN 5-8291-0544-6. EDN QXNDNL.
- Muravleva, V. R., Romanov, A. S., Klimenko, M. B. (2024). Dikhotomiya SVOY — CHUZHoy: tsennostnye determinanty semantiki (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) = Dichotomy US — THEM: value determinants of semantics (based on Russian and English languages). *Philological Sciences. Theory and Practice Issues*, 17(5), 1590–1595. DOI 10.30853/phil20240230. EDN JCCZTL.
- Muravleva, V. R. (2021). Pragmalingvisticheskie osobennosti kommunikativnoy situatsii "informatsionnaya voyna" (na materiale pechatnykh tekstov SMI) = Pragmalinguistic features of the communicative situation "information war" (based on printed media texts). Candidate of Philology dissertation. Moscow, 275 p. EDN RRHCFE.
- Muravleva, V. R. (2025). Yazyk, kul'tura i dinamika smyslov: lingvisticheskiy vzglyad na sotsial'nye praktiki = Language, culture and dynamics of meanings: a linguistic view on social practices. *Languages in Dialogue of Cultures: Problems of Multilingualism in Polyethnic Space. Proceedings of the VII All-Russian Scientific-Practical Conference, Ufa, November 28, 2025*, 126–129. Ufa: Ufa University of Science and Technology. EDN MGYFFM.
- Petrenko, V. F. (1988). Psikhosemantika soznaniya = Psychosemantics of consciousness. Moscow: Moscow University Press, 2008 p. ISBN 5-211-00023-4.
- Saussure, F. de. (2004). Kurs obshchey lingvistiki = Course in General Linguistics. Edited by Ch. Bally and A. Seche with the participation of A. Riedlinger. Translated from French. Moscow: URSS, 285 p. ISBN 5-354-00556-6.
- Chernyavskaya, V. E. (2024). Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa = Text linguistics. Discourse linguistics. Moscow: Lenand, 200 p. ISBN 978-5-9519-4249-4. EDN ODMBKQ.
- Chernyavskaya, V. E., Molodychenko, E. N. (2014). Istoriya v diskurse politiki: lingvisticheskiy obraz "svoikh" i "chuzhikh" = History in political discourse: linguistic image of "us" and "them". Moscow: URSS, 328 p. ISBN 978-5-9710-0967-2. EDN SJZNNB.
- Chudinov, A. P., Budaev, E. V., Nikiforova, M. V. (2025). Metafori dehumanizatsii kak sposob formirovaniya obraza Rossii v ukrainikh telegram-kanalakh = Metaphors of dehumanization as a way of forming the image of Russia in Ukrainian Telegram channels. *Issues of Cognitive Linguistics*, 3, 52–61. DOI 10.20916/1812-3228-2025-3-52-61. EDN AICTEQ.

Политическая лингвистика. 2026. № 4 (118).
Political Linguistics. 2026. No 4 (118).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+351.74
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55+Х401.133.1

ГРНТИ 16.21.33

Код ВАК 5.9.8; 5.9.5; 5.1.3

Валерия Евгеньевна Нестерова

Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, karelan@mail.ru, SPIN-код: 4840-1914

Аллюзия как средство моделирования образа полиции в российском газетном дискурсе

АННОТАЦИЯ. В условиях современного информационного общества СМИ играют важную роль в формировании образа правоохранительных органов, который может варьироваться от нейтрального до идеализированно или критически негативного. Целью настоящей статьи является изучение стилистического приема аллюзии с позиции ее оценочно-характеризующей функции и способности конструирования образа российской полиции в газетном дискурсе. В ходе исследования методом сплошной выборки за период с 01.01.2020 г. по 01.01.2026 г. было отобрано и проанализировано 204 медиатекста, представленных в таких известных газетных изданиях, как «Ведомости», «Известия», «Московский комсомолец» и «Новая газета». Все рассмотренные медиатексты посвящены деятельности правоохранительных органов и содержат примеры исторических, литературных, религиозных аллюзий, а также аллюзий к художественным фильмам и мультфильмам. Методологической основой исследования выступают контент-анализ, дискурс-анализ и интертекстуальный анализ. В совокупности эти методы позволяют выявить частотность употребления аллюзий в газетных медиатекстах, классифицировать типы аллюзий, а также выделить ключевые элементы и культурно-исторические коды, которые влияют на восприятие образа полиции. В результате исследования автор приходит к выводу, что аллюзия является мощным средством лингвистического моделирования образа полиции, посредством которого адресант создает востребованный образ и формирует общественное мнение о ведомстве в целом и об отдельных сотрудниках.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, медиаобразы, российские СМИ, российская полиция, российские полицейские, органы внутренних дел, правоохранительные органы, аллюзия, образ полиции, газетный дискурс, газетные статьи, лингвистическое моделирование.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Нестерова Валерия Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия, email: karelan@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Нестерова, В. Е. Аллюзия как средство моделирования образа полиции в российском газетном дискурсе / В. Е. Нестерова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 4 (118). — С. 124-130.

Valeriya E. Nesterova

Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russia, karelan@mail.ru, SPIN code: 4840-1914

Allusion as a Means of Modeling the Police Image in Russian Newspaper Discourse

ABSTRACT. In modern information society, mass media play a significant role in shaping the image of law enforcement agencies that can range from neutral to either idealized or critically negative. The aim of the article is to study the stylistic device of allusion from the perspective of its evaluative and characterizing function and the ability to construct the image of the Russian police in newspaper discourse. In the course of the study, using the continuous sampling method, 204 media texts published in such well-known newspapers as the “Vedomosti”, “Izvestia”, “Moskovsky Komsomolets” and “Novaya Gazeta” were selected and analyzed over the period from 01/01/2020 to 01/01/2026. All these media texts are devoted to the activities of the law enforcement agencies and contain examples of historical, literary, and religious allusions, as well as allusions to films and cartoons. The main research methods include content analysis, discourse analysis and intertextual analysis. Together these methods make it possible to register the frequency of the usage of allusions in newspaper media texts, to classify the types of allusions, and to identify the key elements and cultural-historical codes that influence the perception of the police image. As a result of the study, the author concludes that allusion is a powerful means of linguistic modeling of the police image through which the author of the text creates a desired image and shapes public opinion about the department as a whole and about individual officers.

KEYWORDS: political discourse, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, media images, Russian media, Russian police, Russian policemen, internal affairs agencies, law enforcement agencies, allusion, police image, newspaper discourse, newspaper articles, linguistic modeling.

AUTHOR'S INFORMATION: Nesterova Valeriya Evgen'evna, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Nesterova V. E. (2026). Allusion as a Means of Modeling the Police Image in Russian Newspaper Discourse. In *Political Linguistics*. No 4 (118), pp. 124-130. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

В условиях роста внимания, уделяемого деятельности силовых структур, в частности правоохранительных органов, анализ процессов конструирования их образа является социально значимым вопросом. Общественное отношение к сотрудникам полиции исторически изменчиво и зависит от социального контекста. Медийная репрезентация образа института полиции формируется посредством имплицитной или эксплицитной оценки тактических действий представителей закона, которая способна сконструировать мелиоративный / пейоративный образ. Так, оценка эффективности органов внутренних дел, с одной стороны, служит стратегическим инструментом для определения приоритетов и направлений развития ведомства, с другой стороны, такая оценка выступает своеобразным механизмом публичной легитимации и контроля за деятельностью правоохранительных органов. В связи с этим актуальность данного исследования обусловлена анализом социально-политических, медиалингвистических и историко-культурологических факторов, затрагивающих легитимность и общественное признание / непризнание полиции.

Лингвистические способы выражения оценки в массмедийном дискурсе включают в себя широкий диапазон языковых средств. Одним из эффективных инструментов оказания воздействия на реципиента выступают аллюзии, позволяющие создать национально-специфические нарративы и мифологемы, целенаправленно используемые СМИ для моделирования образа правоохранительных органов. Аллюзия как специфический, культурно-контекстуальный механизм конструирования образа института полиции остается малоизученной областью лингвистики.

Методом сплошной выборки за период с 01.01.2020 г. по 01.01.2026 г. было отобрано и проанализировано 204 медиатекста, представленных в таких известных газетных изданиях, как «Ведомости», «Известия», «Московский комсомолец» и «Новая газета». Выбранный период охватывает этапы резкой трансформации образа полиции в СМИ, начиная от периода пандемии, когда на полицию были возложены контролирующие функции, до различных протестных движений и несанкционированных митингов. Проанализированные медиатексты обеспечивают репрезентативность и позволяют проследить эволюцию медийных нарративов. Критериями отбора материала выступают: 1) медиатексты, содержащие упоминание сотрудников правоохранительных органов в контексте профессиональной деятельности;

2) новостные статьи, характеризующиеся явной оценочной составляющей (пейоративная / мелиоративная оценка деятельности полиции) посредством аллюзии.

Данное исследование находится на стыке политической лингвистики, медиалингвистики, культурологии, социологии и политологии, что реализует принцип междисциплинарности и обеспечивает его теоретическую и практическую значимость.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Массмедийный дискурс, включая газетный дискурс, является комплексно организованным пространством медиатекстов, в котором не только осуществляется передача фактуальной информации, но и манипулятивно предпринимается попытка изменить восприятие того или иного фрагмента внеязыковой действительности [Чудинов 2001]. Посредством языка СМИ внедряют в сознание адресата определенные идеалы, ценности и стереотипы, оказывающие влияние на укоренившиеся ценностные ориентиры конкретного общества (Поликарпова, 2011¹). Процесс убеждения представляет собой целенаправленную (интенциональную) деятельность, конечной целью которой является трансформация позиций, установок, ценностей или действий реципиента. Механизм такого воздействия заключается в том, чтобы привести систему оценок и убеждений адресата в соответствие с позицией адресанта или сформировать совершенно новые, желаемые представления (Бокмельдер, 2000²) как через прямые номинации, так и посредством имплицитных механизмов смыслопорождения. В этом контексте особый интерес для исследования представляют аллюзии, которые являются интертекстуальными отсылками [Hinds 1998], актуализирующими в сознании адресата целый комплекс исторических, идеологических, культурных и религиозных ассоциаций.

Аллюзия является одним из хуже изученных стилистических приемов при изучении медиаобраза института полиции. Эффективность аллюзии в конструировании образа заключается в ее имплицитном ха-

¹ Поликарпова, Е. В. Воздействие современных информационно-коммуникационных технологий на сознание человека и конструирование социальной реальности : дис. ... д-ра филос. наук / Поликарпова Е. В. — Ростов-на-Дону, 2011. — 303 с. — EDN QFLMIR.

² Бокмельдер, Д. А. Стратегии убеждения в политике: анализ дискурса на материале современного английского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Д. А. Бокмельдер. — Иркутск, 2000. — 23 с. — EDN NLRKML.

рактуре и способности создавать принципиально разные, эмоционально окрашенные модели восприятия за счет апелляции к общенациональному культурному коду, комплексу ассоциаций и готовых смыслов, представленных в литературе, кинематографе, истории, мифологии, религии и т. д. В связи с этим изучение аллюзий позволяет вскрыть зашифрованные в тексте глубинные идеологические и ценностные установки [Van Dijk 2006].

Аллюзия как явление рассматривается лингвистами, с одной стороны, с позиции интертекстуальности [Галиуллина 2024; Ковалева 2015] — «прием художественной выразительности, который содержательно обогащает текстовую информацию, создавая многочисленные ассоциации с помощью намека на события, факты, персонажей других текстов» и, с другой стороны, с позиции стилистических приемов, как прием, используемый «для создания подтекста и состоящий в намеке на какой-либо широко известный исторический, политический, культурный или бытовой факт»¹. Аллюзия способствует привлечению внимания читателя к конкретному факту или лицу, риторическому усилению речи говорящего, основанному на трансформации прецедентных высказываний и имен [Гудков 1999; Онищенко <https://>]. Кроме того, аллюзия может выполнять в медиатексте четыре основные функции: 1) смыслообразующую [Павлова 2016], 2) оказание воздействия на эмоционально-психический фон адресата [Сафина 2015], 3) выражение оценки [Локун <https://>] и 4) иронизацию / создание комического эффекта [Петрова 2011].

В российском газетном дискурсе наиболее распространенными типами аллюзий являются исторические, литературные, религиозные, а также аллюзии к известным художественным фильмам и мультфильмам, которые помогают провести параллели между современными общественно-политическими и культурными событиями, известными для широкого круга читателей прецедентами. Рассмотрим наиболее яркие примеры аллюзий, направленные на конструирование образа российской полиции.

Примером исторической аллюзии может выступать медиатекст под заголовком «Суд в Хакасии оштрафовал организатора акции со свиньей» [источник 9]: «<...> 18 августа на улицы Абакана кто-то выпустил живую

свинью, на правом боку которой изобразили серп и молот. <...> сначала за акцию был задержан исполнитель, житель Таштыпского района по фамилии Попов. <...> «Наши политические оппоненты осквернили священный символ, который размещен на Знамени Победы, — символ, под которым Красная армия громила нацистских захватчиков. Они осквернили нашу историю, нашу память», — заявил Коновалов». Упоминание во фрагменте исторически значимых для российского государства символов *серп и молот*, а также отсылка к Великой Отечественной войне вызывают стойкие патриотические ассоциации у адресата и позволяют вызвать положительные эмоции по отношению к сотрудникам полиции, которые вовремя среагировали на «осквернение нашей истории, нашей памяти» и привлекли к ответственности правонарушителя. Перлокутивный эффект в контексте усиливается за счет эпитетов **священный символ** и **нацистские захватчики**, способствующих реализации семантической категории «свой — чужой», которая апеллирует в рассматриваемом контексте к национальной гордости за победу над вражеской Германией.

Еще одним примером исторической аллюзии выступает фрагмент «Достаточно вспомнить историю царской семьи, чьи останки пролежали в земле больше 90 лет и даже были облиты кислотой и сожжены, но ДНК на них всё равно сохранились, что позволило следователям идентифицировать личности погибших, — напомнил он (криминалист Лев Бертовский)» [источник 5]. Аллюзия к временам Николая II направлена на убеждение аудитории в действенности современных средств и методов ведения уголовного розыска, находящихся в арсенале у правоохранительных органов, а также в компетентности и профессионализме полицейских, занимающихся следственными мероприятиями по сложным и резонансным уголовным делам. Усиление перлокутивного эффекта достигается за счет аргумента «и даже были облиты кислотой и сожжены», подчеркивающего эффективность современных криминалистических технологий и способствующего возникновению доверия к экспертам.

Литературные аллюзии зачастую используются адресантом для придания описываемым событиям и фактам дополнительных коннотаций. Например, заголовок «Пир во время чумы: власти, полиция и студенты усилят противодействие телефонным мошенникам» [источник 4] содержит аллюзию «Пир во время чумы», которая является отсылкой к четвертой из ма-

¹ Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. — Москва : Флинта: Наука, 2003. — 840 с. — ISBN 5-89349-389-3 (Флинта), 5-02-002766-9 (Наука).

леньких трагедий А. С. Пушкина с одноименным названием, что свидетельствует о реализации прагматических интенций автора провести параллель между событиями, происходящими в произведении А. С. Пушкина во время эпидемии холеры, и увеличением преступной активности в период пандемии коронавируса в 2020 г., что непосредственным образом отразилось на деятельности ОВД. В отличие от пушкинского текста, в котором «пир» символизирует беспечность перед лицом катастрофы, в рассматриваемом медиатексте она выступает своеобразной метафорой циничной преступной активности. На фоне противопоставления хаосу («чуме») усиление мер противодействия способствуют легитимации действий правоохранительных органов.

Еще одним примером литературной аллюзии является подзаголовок *«Ищите женщину»*, встречающийся в медиатексте *«За смерть приговор: расследование нашумевшего дела „черных вдов“ идет к финалу»* [источник 2]. Крылатая фраза «ищите женщину» (фр. *cherchez la femme* впервые встречается в романе «Могикане Парижа» А. Дюма) была поговоркой парижского жандарма о том, что женщина — виновница всех событий и является по своей сути гендерным предрассудком той эпохи, однако в современных медиа приобретает ироничный оттенок. Так, с одной стороны, данная аллюзия направлена на критику правоохранительных органов, действующих «по шаблону», с другой — такая параллель способствует конструированию образа успешных и результативных сотрудников полиции, эффективно и грамотно выполняющих свои обязанности, руководствуясь проверенными методами ведения розыска преступников и профессиональной интуицией.

В «Новой газете»¹ статьи, посвященные деятельности правоохранительных органов, характеризуются ироничными заголовками: *«Выпил — не крал — в тюрьму»* [источник 10]; *«Ай-да следователь! Ай-да судья!»* [источник 3]. В первом примере автор использует аллюзию с отсылкой к известному советскому фильму «Джентльмены удачи», к фразе главного героя Е. Леонова «Украл — выпил — в тюрьму... Романтика!», акцентирующую внимание на абсурдности ситуации, когда употребление алкоголя может привести к уголовной ответственности, в то время как более серьезные преступления остаются безнаказанными, что создает впечатление о

неэффективности функционирования всей правоохранительной системы. В заголовке *«Ай-да следователь! Ай-да судья!»* прослеживается явная связь с высказыванием из письма А. С. Пушкина своему другу П. Вяземскому, благодаря чему фраза стала крылатой и обозначает шутливое выражение радости от реализованного плана или выполненной работы. Однако в данном случае подобного рода аллюзия употребляется с целью глубокой социальной критики и направлена на осмеяние аналитических и профессиональных навыков сотрудников полиции и судей.

Примером аллюзии к известному советскому мультфильму может выступать медиатекст под названием *«Мальчики-зайчики: детей без билета запретили высаживать из поездов и электричек»* [источник 1], с отсылкой к 15 выпуску мультипликационного фильма «Ну, погоди!» и хору мальчиков-зайчиков, терроризируемых хулиганом-волком. Так посредством создания образа незащищенных детей адресант создает устойчивый образ полиции в качестве защитника прав несовершеннолетних граждан, что позволяет трансформировать негативно окрашенную новость в позитивный нарратив о защите и безопасности: *«Полицейский в этом случае — гарант того, что ребенок не будет оставлен в опасности»*. Интенция адресанта по созданию образа полиции как компетентного органа, обеспечивающего безопасность всех категорий граждан, усиливается за счет юридического термина *«гарант»*.

В статье «Цыганочка с выводом: как развораживают материнский капитал» [источник 8] специалист по этнической преступности, полковник полиции В. Становов подчеркивает важность расследования преступных схем, совершаемых малыми этническими группами, и дает рекомендации по борьбе с такими видами уголовно-наказуемых деяний: *«Укрепление ЕСИА, повсеместное внедрение биометрии для получения ключевых услуг он считает мерами, которые будут работать на опережение, не нарушая прав граждан и не разжигая межнациональную напряженность»*. Словосочетание «Цыганочка с выводом» формирует сложный интертекстуальный эффект и в данном контексте может быть аллюзией 1) к одноименной мелодраме 2008 г. «Цыганочка с выводом», 2) к традиционной русско-цыганской пляске. В первом случае адресантом актуализируется нарратив об обмане и авантюрах, которые характерны для кинематографа, а во втором — создается ассоциация между «цыганской темой» и хаотичными, трудно контролируемыми процессами. Несмотря на

¹ «Новая газета» — издание, признанное Генпрокуратурой России 28 июня 2023 года нежелательной организацией.

заголовок, формирующий медийно-стереотипный образ цыган-преступников, в самом контексте профессионализм сотрудников полиции репрезентируется не посредством стигматизации конкретной этнической группы, а привлечением внимания к проблеме преступности в целом: *Преступления такого рода фиксируются в самых разных социальных и этнических средах. Их основа — не этническая принадлежность, а криминальная организация и системные уязвимости.*

Примером религиозных аллюзий может выступать статья под заголовком «Мухаммад, Аиша и чеченская полиция» [источник 6], в которой действия ОВД резко критикуются и высмеиваются автором статьи. Так, в названии присутствует аллюзия с отсылкой к Корану, которая является обращением к чувствам верующих, исповедующих ислам. Ироничный тон всего дальнейшего повествования оскорбляет их чувства, что, в свою очередь, усиливает перлокутивный эффект при моделировании пейоративного образа полиции, разрушающего религиозные и профессиональные ценности. Кроме того, в заголовке можно наблюдать такой стилистический прием, как лексико-семантическая зевгма, которая заключается в нарушении смысловой однородности слов в логической цепочке: Мухаммад — главный пророк в исламе, Аиша — первая жена Мухаммада, но из структуры высказывания вырывается чеченская полиция. Такое нарушение смысловой последовательности в данной фразе используется адресантом для акцентирования внимания адресата на алогичности дальнейших событий и создания комического эффекта. Далее в контексте «силовики» представлены как «атеисты», наделенные властью и применяющие радикальные «незаконные» действия по отношению к «беременной» «сироте».

Еще одна религиозная аллюзия встречается в медиатексте под названием «Хоть святых выноси: из валдайской обители похитили святыню. Полиция в течение месяца раскрыла дерзкую кражу Иверской иконы Божией Матери» [источник 7]. Фразеологизм «*хоть святых выноси*» обозначает «нет сил терпеть что-либо; нестерпимо, невыносимо». Под святыми в древнерусском обиходе подразумеваются иконы. Смысл фразеологизма заключается в почтении к иконе, которая должна оберегаться от всего «непристойного, греховного»¹. Таким образом, рассматриваемая аллюзия обращена к людям,

исповедующим православие, с целью вызвать у них уважительные чувства к сотрудникам полиции, раскрывшим кражу святыни. Эпитет «*дерзкая кража*» усиливает интенции адресанта по убеждению читательской аудитории в высокой эффективности правоохранительных органов, которые смогли раскрыть преступление в короткие сроки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современные СМИ оказывают непосредственное влияние на социально-политическую жизнь страны и формируют общественное мнение о фактах, событиях и личностях. В газетных текстах за счет конвергенции различных выразительных и изобразительных средств языка особенно эффективно реализуется целостное выражение оценочного смысла. В публицистических текстах одним из наиболее частотных средств создания экспрессивности и оценочности выступает аллюзия, которая всегда подразумевает определенную авторскую интенцию и позволяет создать интертекстуальные связи и исторические, культурные, религиозные и другие типы ассоциаций.

В российских газетах аллюзии могут использоваться с целью создания как мелиоративного, так и пейоративного образа правоохранительных органов. Из проанализированных 204 медиатекстов в 146 медиатекстах с помощью аллюзий формируется мелиоративный образ полиции России, а 58 контекстов содержат резкую критику в адрес правоохранительных органов. Исторические аллюзии (74 контекста — 51 %) используются зачастую для моделирования положительного образа полиции (рис. 1), в то время как отрицательный образ конструируется в большинстве случаев за счет аллюзий к художественным фильмам и мультфильмам (27 контекстов — 46 %) (рис. 2).

Таким образом, целесообразность использования аллюзий в процессе моделирования образа полиции продиктована несколькими ключевыми факторами: 1) аллюзии облегчают восприятие и обработку информации и позволяют передавать сложные концепты через знакомые адресату образы и ситуации; 2) аллюзии обладают сильным эмоционально-оценочным воздействием, что позволяет более результативно формировать отношение аудитории к деятельности ОВД в целом и отдельно взятых сотрудников.

¹ Справочник по фразеологии // Грамота.ру. — URL: <https://gramota.ru/biblioteka/spravochniki/spravochnik-po-frazeologii/khot-svyatykh-vynosi> (дата обращения: 20.01.2026).

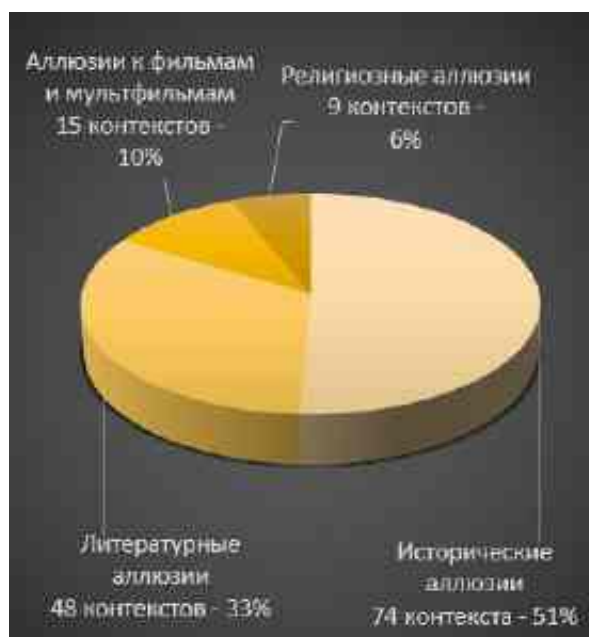

Рис. 1. Мелиоративный образ полиции

Перспективой дальнейшего исследования может выступать межкультурный сравнительный анализ, направленный на сопоставление аллюзий, используемых в российском медиадискурсе, с их проявлениями и механизмами функционирования в СМИ других стран с целью выявления специфических национальных стереотипов в репрезентации образа полиции.

ИСТОЧНИКИ

- Алексеев, Д. Мальчики-зайчики: детей без билета запретили высаживать из поездов и электричек / Д. Алексеев. — URL: <https://iz.ru/1567126/dmitrii-alekseev/malchiki-zaichiki-de-tei-bez-bileta-zapretili-vysazhivat-iz-poezdov-i-elektrichkek> (дата обращения: 02.12.2025).
- Балаян, Е. За смерть приговор: расследование нашумевшего дела «черных вдов» идет к финалу. Как аферистки из Подмосковья убивали своих жертв за недвижимость / Е. Балаян, Я. Штурма. — URL: <https://iz.ru/1454162/elena-balaian-iana-shturma/za-smert-prigovor-rassledovanie-nashumev-shego-dela-chemykh-vdov-idet-k-finalu> (дата обращения: 02.12.2025).
- Гутионтов, П. Ай-да следователь! Ай-да судья / П. Гутионтов. — URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/12/15/88382-ay-da-sledovatel-ay-da-sudya> (дата обращения: 17.05.2023).
- Ламберт, А. Пир во время чумы: власти, полиция и студенты усилят противодействие телефонным мошенникам / А. Ламберт. — URL: <https://brl.mk.ru/social/2020/12/21/pir-vo-vremya-chumy-vlasti-policiya-i-studenty-usilyat-protivodeystviye-telefonnym-moshennikam.html> (дата обращения: 02.12.2025).
- Медведева, Е. Старый новый код: подозреваемого в громком убийстве школьниц нашли спустя 33 года. Как тест ДНК и современные базы данных помогли арестовать причастного к смерти двух девушек в Москве в 1989-м / Е. Медведева, Е. Балаян. — URL: <https://iz.ru/1455129/katerina-medvedeva-elena-balaian/staryi-novyi-kod-podozrevaev-mogo-v-gromkom-ubistve-shkolnic-nashli-spustia-33-goda> (дата обращения: 02.12.2025).
- Милашина, Е. Мухаммад, Аиша и чеченская полиция / Е. Милашина. — URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/01/05/88609-muhammad-aisha-i-chechenskaya-politsiya> (дата обращения: 17.05.2023).
- Петров, И. Хоть святых выноси: из валдайской обители похитили святыню. Полиция в течение месяца раскрыла

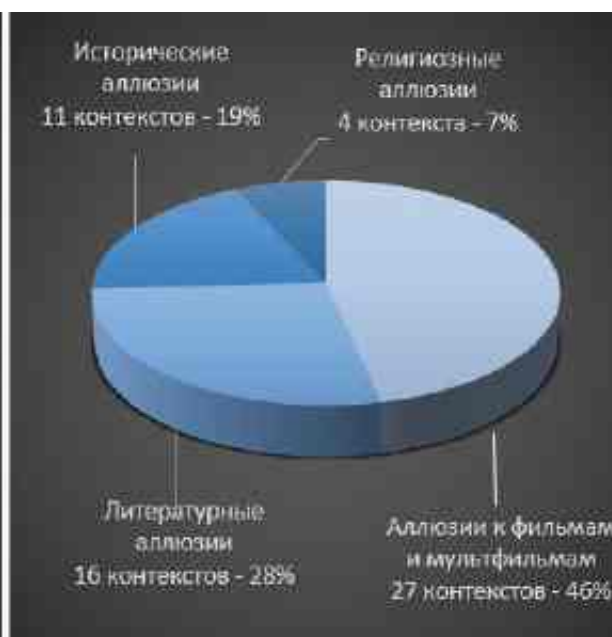

Рис. 2. Пейоративный образ полиции

дерзкую кражу Иверской иконы Божией Матери / И. Петров. — URL: <https://iz.ru/1068662/ivan-petrov/khot-sviatykh-vynosi-iz-valdaiskoi-obiteli-pokhitili-sviatyniu> (дата обращения: 02.12.2025).

8. Петров, И. Цыганочка с выводом: как разворовывают материнский капитал / И. Петров. — URL: <https://iz.ru/2016201/ivan-petrov/tcyganochka-s-vyvodom-kak-razvorovyvayut-materinskii-kapital> (дата обращения: 09.01.2026).

9. Суд в Хакасии оштрафовал организатора акции со свиньей. — URL: <https://www.vedomosti.ru strana/siberian/news/2023/08/29/992413-sud-v-hakasii> (дата обращения: 11.12.2025).

10. Шенкман, Я. Выпил — не крал — в тюрьму / Я. Шенкман. — URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2020/12/23/88489-uvazhayte-pyanyh> (дата обращения: 17.05.2023).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Веклич, Е. В. Литературная аллюзия как средство языковой манипуляции в печатных СМИ / Е. В. Веклич // Экономика, политика, право, образование в современном информационном обществе: новые парадигмы : Всерос. науч.-практ. конф. (Братск, 18–24 апр. 2011 г.). — Братск : Иркутск. гос. ун-т, 2011. — С. 256–261. — EDN TNTRYJ.
- Галиуллина, О. Р. Аллюзия как средство реализации интертекстуальности в англоязычной сетевой кинорецензии / О. Р. Галиуллина // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2024. — Т. 30, № 3. — С. 142–151. — DOI 10.18287/2542-0445-2024-30-3-142-151. — EDN WTXBVB.
- Гудков, Д. Б. Прецедентные имена и проблемы прецедентности / Д. Б. Гудков. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1999. — 152 с. — ISBN 978-5211041851.
- Ковалева, К. Л. Аллюзия как проявление интертекстуальных связей в романе Б. Акунина «Алмазная колесница» / К. Л. Ковалева // Инновации в науке. — 2015. — № 51-2. — С. 37–46. — EDN VCSXHN.
- Локун, Е. Н. Аллюзия как средство речевого воздействия в СМИ / Е. Н. Локун. — URL: <https://rep.brsu.by/bitstream/handle/123456789/5337/Локун.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 17.11.2025).
- Онищенко, О. В. Функционирование аллюзий, реминисценций и прецедентных феноменов в текстах русскоязычных СМИ / О. В. Онищенко // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. — 2010. — № 52. — С. 58–64. — EDN OYLNDT.
- Павлова, К. В. О смыслообразующей функции аллюзии в англоязычных газетно-журнальных публикациях / К. В. Павлова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2016. — № 5 (744). — С. 168–177. — EDN ZDEHDR.
- Петрова, О. Г. Типы иронии в художественном тексте: концептуальная и контекстуальная ирония / О. Г. Петрова //

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. — 2011. — Т. 11, № 3. — С. 25–30. — EDN OIPSV D.

9. Сафина, А. Р. Коммуникативно-прагматические функции модальных слов (на материале современного английского языка) / А. Р. Сафина // Вестник Бурятского государственного университета. — 2015. — № 11. — С. 65–69. — EDN ULYTMX.

10. Соколова, В. Л. Стилистический прием аллюзии как носитель лингвокультурной информации / В. Л. Соколова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. — 2016. — № 19 (758). — С. 63–68. — EDN QEBLPG.

11. Чудинов, А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) : моногр. / А. П. Чудинов / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2001. — 238 с. — ISBN 5-7186-0277-8.

12. Dijk, T. A. van. Ideology and discourse analysis / T. A. van Dijk // Journal of Political Ideologies. — 2006. — Vol. 11, Iss. 2. — P. 115–140. — DOI 10.1080/13569310600687908.

13. Hinds, S. Allusion and intertext: Dynamics of appropriation in Roman poetry / S. Hinds. — New York : Cambridge Univ. Pr., 1998. — 172 p. — ISBN 978-0521571869.

MATERIALS

1. Alekseev, D. (n.d.). Bunny Boys: Children without Tickets are Prohibited from Being Removed from Trains and Commuter Trains. Available at December 02, 2025 from <https://iz.ru/1567126/dmitrii-alekseev/malchiki-zaichiki-detei-bez-bileta-zapretili-vysazhivat-iz-poezdov-i-elektrichek>.

2. Balayan, E., Shturma, Y. (n.d.). Death Sentence: The Investigation into the High-Profile “Black Widows” Case is Nearing its Conclusion. How Moscow Region Scammers Murdered their Victims for Real Estate. Available at December 02, 2025 from <https://iz.ru/1454162/elena-balaian-iana-shturma/za-smert-prigovor-rassledovanie-nashumevshogo-dela-chernykh-vdov-idet-k-finalu>.

3. Gutontov, P. (n.d.). Well Done, Investigator! Well Done, Judge! Available at May 17, 2023 from <https://novayagazeta.ru/articles/2020/12/15/88382-ay-da-sledovatel-ay-da-sudya>.

4. Lambert, A. (n.d.). A Feast During the Plague: Authorities, Police, and Students to Step Up Their Efforts to Combat Phone Fraudsters. Available at December 02, 2025 from <https://brl.mk.ru/social/2020/12/21/pir-vo-vremya-chumy-vlasti-policiya-i-suspechnye-usilyat-protivodeystvie-telefonnym-moshennikam.html>.

5. Medvedeva, E., Balayan, E. (n.d.). Old New Code: the Suspect in the High-Profile Murder of Schoolgirls Has Been Found after 33 Years. How DNA Testing and Modern Databases Helped Arrest the Man Involved in the Deaths of Two Girls in Moscow in 1989. Available at December 02, 2025 from <https://iz.ru/1455129/katerina-medvedeva-elena-balaian/staryi-novyi-kod-podozrevaemogo-v-gromkom-ubiistve-shkolnic-nashli-spustia-33-goda>.

6. Milashina, E. (n.d.). Muhammad, Aisha and the Chechen police. Available at May 17, 2023 from <https://novayagazeta.ru/articles/2021/01/05/88609-muhammad-aisha-i-chechenskaya-politsiya>.

7. Petrov, I. (n.d.). A Holy Relic Was Stolen from a Valдай Monastery. Within a Month Police Solved the Brazen Theft of the Iveron Icon of the Mother of God. Available at December 02, 2025 from <https://iz.ru/1068662/ivan-petrov/khot-sviatykh-vy-nosi-iz-valdaiskoi-obiteli-pokhitili-sviatyniu>.

8. Petrov, I. (n.d.). Gypsy with an Entrance: How Maternity Capital is Stolen. Available at January 09, 2026 from <https://iz.ru/2016201/ivan-petrov/tcyganochka-s-vyvodom-kak-razvorovyvaiut-materinskii-kapital>.

9. A Court in Khakassia Fined the Organizer of the Pig Protest. Available at December 11, 2025 from <https://www.vedomosti.ru/strana/siberian/news/2023/08/29/992413-sud-v-hakasii>.

10. Shenkman, Y. (n.d.). Drank, Didn't Steal, Went to Jail. Available at May 17, 2023 from <https://novayagazeta.ru/articles/2020/12/23/88489-uvazhayte-pyanyh>.

REFERENCES

1. Veklich, E. V. (2011). Literaturnaya allyuziya kak sredstvo yazykovoy manipulyatsii v pechatnykh SMI = Literary allusion as a means of linguistic manipulation in print media. *Economics, politics, law, education in the Modern Information Society: New paradigms. All-Russian Scientific and Practical Conference (Bratsk, April 18-24, 2011)*, 256–261. — Bratsk: Irkutsk St. Univ. EDN TNTPYJ.

2. Galiullina, O. R. (2024). Allyuziya kak sredstvo realizatsii intertekstual'nosti v angloyazychnoi setevoi kinoretsenzii = Allusion as a Means of Implementing Intertextuality in English-Language Online Movie Reviews. *Bulletin of Samara University. History, Pedagogy, Philology*, 30(3), 142–151.

3. Gudkov, D. B. (1999). Pretsedentnye imena i problemy pretsedentnosti = Precedent Names and Problems of Precedent. Moscow: Moscow University Publishing House, 152 p.

4. Kovaleva, K. L. (2015). Allyuziya kak proyavlenie intertekstual'nykh svyazei v romane B. Akunina “Almaznaya koleznitsa” = Allusion as a Manifestation of Intertextual Connections in B. Akunin’s Novel “The Diamond Chariot”. *Innovations in Science*, 11(48), 37–46.

5. Lokun, E. N. (n.d.). Allyuziya kak sredstvo rechevogo vozdeystviya v SMI = Allusion as a Means of Speech Influence in the Mass Media. Available at Nov. 11, 2025 from <https://rep.brsu.by/bitstream/handle/123456789/5337/Lokun.pdf?sequence=1&isAllowed=y>.

6. Onishchenko, O. V. (2010). Funktsionirovanie allyuzii, reminitsentsii i pretsedentnykh fenomenov v tekstakh russkoyazychnykh SMI = The Functioning of Allusions, Reminiscences, and Precedent Phenomena in Russian-Language Media Texts. *Bulletin of the Taganrog State Pedagogical Institute*, S2, 58–64.

7. Pavlova, K. V. (2016). O smysloobrazuyushchei funktsii allyuzii v angloyazychnykh gazetno-zhurnal'nykh publikatsiyakh = On the Meaning-Forming Function of Allusion in English-Language Newspaper and Magazine Publications. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, 5(744), 168–177.

8. Petrova, O. G. (2011). Tipy ironii v khudozhestvennom tekste: kontseptual'naya i kontekstual'naya ironiya = Types of Irony in Fiction: Conceptual and Contextual Irony. *Bulletin of the Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, 3, 25–30.

9. Safina, A. R. (2015). Kommunikativno-pragmaticheskie funktsii modal'nykh slov (na materiale sovremennogo angliiskogo yazyka = Communicative and Pragmatic Functions of Modal Words (Based on Modern English). *Bulletin of the Buryat State University*, 11, 65–69.

10. Sokolova, V. L. (2016). Stilisticheskiy priyem allyuzii kak nositel lingvokulturnoy informatsii = Stylistic device of allusion as a carrier of linguistic and cultural information. *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*, 19(758), 63–68. EDN QEBLPG.

11. Chudinov, A. P. (2001). Rossiya v metaforicheskom zerkale: Kognitivnoe issledovanie politicheskoi metafory (1991–2000) = Russia in the Metaphorical Mirror: A Cognitive Study of Political Metaphor (1991–2000). Monograph. Ekaterinburg: Ural St. Ped. Univ., 238 p.

12. Van Dijk, T. A. (2006). Ideology and discourse analysis. *Journal of Political Ideologies*, 11(2), 115–140.

13. Hinds, S. (1998). Allusion and intertext: Dynamics of appropriation in Roman poetry. New York: Cambridge University Press, 172 p.

Политическая лингвистика. 2026. № 4 (118).
Political Linguistics. 2026. No 4 (118).

УДК 811.531'42+811.531'373+81'27

ББК Ш175.41-51+Ш175.41-31+Ш100.621 ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33; 11.25.40

Код ВАК 5.9.8

Ирина Борисовна Строганова

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия, korean.volcano@gmail.com

Языковые средства репрезентации революционной преемственности в политико-идеологическом дискурсе КНДР

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются языковые средства репрезентации революционной преемственности в политико-идеологическом дискурсе КНДР. Материалом исследования послужили программные тексты Ким Чен Ына, публикации газеты «Родон синмун» — центрального печатного органа Трудовой партии Кореи — и сообщения Центрального телеграфного агентства Кореи (ЦТАК), официального информационного агентства КНДР, за 2012–2026 гг. Анализируемые тексты связаны с Пэктусанским символическим комплексом — системой идеологических образов и номинаций, через которые гора Пэктусан представляется как исток революции и символ преемственности власти. Цель работы состоит в выявлении лексико-семантических, оценочных и прагматических средств, посредством которых в официальном северокорейском дискурсе конструируется представление о непрерывности революционной линии. Методологическую основу составляют критический дискурс-анализ, лексико-семантический и контекстуальный анализ. В официальном северокорейском дискурсе революционная преемственность получает языковое выражение через сакрализованную топонимику, генеалогическую и мобилизационную лексику, идеологемы революционного духа, а также номинации ритуально-перформативных практик. Также делается вывод о том, что Пэктусанский символический комплекс выступает механизмом легитимации власти, воспроизводства коллективной памяти и формирования корпоративной идентичности северокорейского общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика, политический дискурс, политические тексты, политическая идеология, политические деятели, критический дискурс-анализ, революционная преемственность, Пэктусан, революционная традиция, идеологемы, легитимация власти, корпоративная идентичность, средства репрезентации, языковая репрезентация, лексическая семантика, корейский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Строганова Ирина Борисовна, преподаватель 40 кафедры (дальневосточных языков), Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия, email: korean.volcano@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Строганова, И. Б. Языковые средства репрезентации революционной преемственности в политико-идеологическом дискурсе КНДР / И. Б. Строганова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 4 (118). — С. 131-141.

Irina B. Stroganova

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky, Moscow, Russia, korean.volcano@gmail.com

Linguistic Means of Representation of Revolutionary Succession in the Politico-Ideological Discourse of the DPRK

ABSTRACT. The article examines the linguistic means of representation of revolutionary succession in the politico-ideological discourse of the DPRK. The sources of the practical research material include program texts by Kim Jong Un, publications in *Rodong Sinmun*, the central newspaper of the Workers' Party of Korea, and reports of the Korean Central News Agency (KCNA), the official news agency of the DPRK, published over the period from 2012 to 2026. The texts under analysis are related to the Paektusan symbolic complex, understood as a system of ideological images and nominations through which Mt Paektu is represented as the origin of the revolution and a symbol of political succession. The aim of the article is to identify the lexico-semantic, evaluative and pragmatic means through which the official North Korean discourse constructs the idea of an uninterrupted revolutionary line. The main research methods include critical discourse analysis, lexico-semantic analysis and contextual analysis. In the official North Korean discourse, revolutionary succession is linguistically represented through sacralized toponymy, genealogical and mobilizing vocabulary, ideologemes of revolutionary spirit, and nominations of ritual-performative practices. The article also concludes that the Paektusan symbolic complex functions as a mechanism of political legitimation of power, reproduction of the collective memory, and formation of the corporate identity of North Korean society.

KEYWORDS: political linguistics, political discourse, political texts, political ideology, politicians, critical discourse analysis, revolutionary succession, Paektusan, revolutionary tradition, ideologemes, legitimization of power, corporate identity, representation means, linguistic representation, lexical semantics, Korean language.

AUTHOR'S INFORMATION: Stroganova Irina Borisovna, Senior Lecturer of Department 40, (Far Eastern Languages), Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Stroganova I. B. (2026). Linguistic Means of Representation of Revolutionary Succession in the Politico-Ideological Discourse of the DPRK. In *Political Linguistics*. No 4 (118), pp. 131-141. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

В политико-идеологическом дискурсе КНДР категория революционной преемственности занимает одно из центральных мест. Ее значение обусловлено историко-политическим контекстом становления северокорейской государственности и особой ролью антияпонской борьбы 1930-х — первой половины 1940-х гг. в официальной идеологии страны. Географическим и символическим центром этой системы представлений выступает гора Пэктусан, которая в северокорейском нарративе связывается с началом революции, партизанской борьбой, победой и исторической правомочностью действующей власти [Ким, Соловьев 2023: 49–56; Асмолов, Захарова 2022: 58–68]. В последующие десятилетия, по мере институционализации культа революционной традиции и преемственности трех поколений руководителей — Ким Ир Сена (1948–1994), Ким Чен Ира (1994–2011) и Ким Чен Ына (с 2011 г. по настоящее время), — образ Пэктусана стал одним из устойчивых элементов официального политического дискурса КНДР [Курбанов 2018; Асмолов, Захарова 2022: 58–68].

В настоящей статье используется понятие «Пэктусанский символический комплекс». Под ним понимается система идеологических образов, номинаций и устойчивых речевых формул, организованных вокруг Пэктусана как сакрализованного пространства происхождения революции, символа победы и знака преемственности власти. В его состав входят такие языковые единицы, как «гора Пэктусан» (백두산, «пэктусан»), «пэктусанская кровная линия» (백두혈통, «пэкту-хэльтхонь»), «революционный дух Пэкту» (백두의 혁명정신, «пэкту-ый хёнъмён-чёнъсин»), «дух пэктусанского ледяного ветра» (백두의 칼바람정신, «пэкту-ый кхаль-парам-чёнъсин»), «революционная традиция» (혁명전통, «хёнъмён-чёнъсин»), «воспитание в духе революционной традиции» (혁명전통교양, «хёнъмён-чёнъсин-кёянъ»), «из поколения в поколение» (대를 이어, «тэрыль иё»), «преемственное завершение / доведение до конца» (계승완성, «кёсынъ-вансёнъ»). Данные языковые единицы функционируют не изолированно, а как элементы единой дискурсивной системы.

Актуальность исследования определяется тем, что официальный дискурс КНДР остается одним из наиболее устойчивых примеров идеологически организованной

политической коммуникации, где языковые формулы обладают высокой повторяемостью, нормативностью и мобилизационной силой. После прихода Ким Чен Ына к власти традиционные северокорейские идеологемы переоформляются и используются для подтверждения легитимности третьего поколения руководства, поддержания лояльности и включения различных социальных групп в общую систему политической идентичности [Лим 2015: 1–2; Асмолов, Захарова 2022: 46–68; Пак Сонёль, Чон Вонхи, Хан Чиман 2022: 31–33]. При этом Пэктусанский комплекс чаще рассматривается в историческом, политологическом и культурно-антропологическом аспектах, тогда как собственно языковые механизмы репрезентации революционной преемственности требуют отдельного лингвистического осмысления и описания.

Объектом исследования является политико-идеологический дискурс КНДР. Предмет исследования — языковые средства репрезентации революционной преемственности в официальных северокорейских текстах, связанных с Пэктусанским символическим комплексом. Цель исследования состоит в выявлении и систематизации лексико-семантических, оценочных и прагматических средств, с помощью которых в дискурсе КНДР конструируется представление о непрерывности революционной линии. Для достижения цели решаются задачи: охарактеризовать научный контекст изучения проблемы; определить материал и методику исследования; выявить основные группы языковых средств; описать их функции в легитимации власти, воспроизводстве коллективной памяти, мобилизации и формировании корпоративной идентичности.

Научная новизна статьи состоит в смещении исследовательского фокуса с политико-исторического описания Пэктусанского комплекса на анализ его языковой организации. В предшествующих исследованиях Пэктусанский комплекс рассматривался главным образом как политико-символическое и ритуально-идеологическое явление. Исследователи анализировали его связь с культом руководителя, коллективной памятью, легитимацией пэктусанской кровной линии (백두혈통, «пэкту-хэльтхонь») и практиками походов-экскурсий к революционным местам (답사행군, «тапса-хэньгун») [Чо Ынхи 2007: 100–104; Лим 2015: 1–2; Пак Сонёль, Чон Вонхи, Хан Чиман 2022: 31–33, 40]. В настоящей статье эти явления рассматриваются

как система языковых средств, посредством которых в официальном дискурсе КНДР конструируется революционная преемственность. В качестве самостоятельных языковых механизмов выделяются сакрализованная топонимика, генеалогическая лексика, идеологемы революционного духа, мобилизационная лексика и номинации ритуально-перформативных практик.

1. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Проблематика революционной преемственности в КНДР находится на пересечении исследований политического мифа, коллективной памяти, культа лидера, символической политики, идеологического воспитания, ритуальных практик и механизмов легитимации власти. Северокорейские официальные тексты в настоящей статье рассматриваются не как научная литература, а как материал дискурсивного анализа: их задача состоит не в аналитическом описании идеологии, а в ее воспроизводстве.

В российской научной литературе по КНДР для данного исследования важен историко-политический аспект. Работы С. О. Курбанова позволяют рассматривать антияпонскую борьбу, становление КНДР и культ Ким Ир Сена как основу северокорейского государственного нарратива [Курбанов 2018]. Исследование К. В. Асмолова и Л. В. Захаровой дает представление о первом десятилетии эпохи Ким Чен Ына, включая укрепление власти, переоформление идеологической рамки и актуализацию символов преемственности [Асмолов, Захарова 2022: 46–68]. Работы Н. Н. Ким и А. В. Соловьева позволяют рассматривать память об антияпонской борьбе как элемент политического мифа и антиколониального нарратива [Ким, Соловьев 2023: 49–56].

Наиболее развернутая исследовательская традиция по теме Пэктусана и революционной традиции представлена в южнокорейской литературе. Ли Уён показывает, что символы и революционные лозунги в КНДР выступают средствами коммуникации и социальной интеграции [Ли Уён 2002: 1–4]. Чо Ынхи рассматривает походы к революционным памятным местам как ритуальное производство революционной традиции, то есть как практику, в которой идеология становится видимой и переживаемой коллективно [Чо Ынхи 2007: 100–104, 127–140]. Пак Кери анализирует Пэктусан как «созданную традицию» и объект символической репрезентации, что важно для понимания сакрализации пространства [Пак Кери 2011: 43–45, 69–70].

Отдельную группу образуют южнокорейские исследования, посвященные правлению Ким Чен Ына и проблеме наследования власти. Ким Капсик указывает, что легитимация преемственности была одной из ключевых задач раннего периода нового режима [Ким Капсик 2012: 1–3]. О Кёнсоп и соавторы рассматривают построение системы власти Ким Чен Ына и механизмы стабилизации режима [О Кёнсоп и др. 2021: 15–16]. Пак Сонёль, Чон Вонхи и Хан Чиман анализируют Самчжиён как пространство символической политики. Самчжиён — город у подножия Пэктусана, который в северокорейском дискурсе связывается с антияпонской революционной традицией, революционными памятными местами и памятью о семье руководителей КНДР. Через этот образ, по мнению исследователей, актуализируется идея легитимности «пэктусанской кровной линии» (백두혈통, «пэкту-хёльтхонь») [Пак Сонёль, Чон Вонхи, Хан Чиман 2022: 31–33, 40]. Чон Юсок и Квак Ынгён показывают, что Пэктусан в практиках выездного руководства Ким Чен Ына функционирует как сакрализованное пространство власти и средство стимулирования лояльности [Чон Юсок, Квак Ынгён 2015: 156–159, 201].

Значимы также исследования идеологического воспитания и молодежной политики. Ким Чонсу рассматривает молодежь как «преемников революционного дела» и мобилизационный авангард [Ким Чонсу 2013: 51–53, 73]. Ом Хёнсук анализирует стратегии воспитания в духе культа руководителя и формирования верности лидеру [Ом Хёнсук 2018: 126–128]. Ким Сокхян и Пак Минчжу показывают, как фигура Ким Чонсук включается в систему семейной сакрализации власти и символической преемственности [Ким Сокхян, Пак Минчжу 2019: 131–134].

Англоязычные исследования дополняют эту рамку анализом культа лидера, коллективной памяти и символической организации власти. Дж. Ч. Лим анализирует систему символов руководителя и механизмы ритуального закрепления власти [Лим 2015: 1–2]. К. Квон и П. Х. Ким рассматривают Пэктусан как национальный и трансграничный символ [Квон, Ким 2019: 1–6], а Дж. Ли показывает, что коллективная память в северокорейских новогодних обращениях служит механизмом повседневной легитимации режима [Ли 2024: 270–275]. В совокупности эти работы формируют политико-символический контекст, однако специальное лингвистическое описание языковых средств революционной преемственности остается недостаточно разработанным.

2. МАТЕРИАЛ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования послужили официальные северокорейские тексты за 2012–2026 гг., в которых актуализируются темы Пэктусана, революционной традиции, преемственности поколений, идеологического воспитания и коллективной лояльности. Нижняя хронологическая граница связана с началом эпохи Ким Чен Ына и задачей легитимации третьего поколения власти; верхняя граница позволяет показать, что Пэктусанский символический комплекс сохраняет актуальность в современном политико-идеологическом дискурсе.

В рабочий корпус вошло 17 официальных северокорейских текстов. В жанровом отношении корпус включает: 1) программные выступления, письма и доклады Ким Чен Ына; 2) газетные передовицы и информационно-идеологические публикации «Родон синмун»; 3) сообщения Центрального телеграфного агентства Кореи; 4) тексты о коллективных походах к революционным памятным местам. Из корпуса были отобраны повторяющиеся языковые единицы и формулы, связанные с Пэктусаном, революционной традицией, кровной линией, революционным духом, коллективной решимостью и ритуальными практиками.

Отбор единиц проводился по трем основным критериям. Во-первых, учитывалась тематическая связь с Пэктусанским символическим комплексом. Во-вторых, фиксировалась семантика преемственности. В-третьих, учитывалась прагматическая функция единицы: легитимация власти, сакрализация прошлого, мобилизация адресата, ритуальное подтверждение лояльности или формирование корпоративной идентичности. Дополнительно фиксировалась количественная представленность выделенных групп: количество отобранных единиц в каждой

группе и суммарная частотность их употребления в корейскоязычной части корпуса. Англоязычные переводы программных выступлений Ким Чен Ына использовались как вспомогательный материал для содержательной верификации дискурсивных мотивов, но не включались в частотный подсчет корейских языковых единиц. На основе этих критериев были выделены основные группы языковых средств, представленные в Таблице 1.

Методологическую основу исследования составляют критический дискурс-анализ, лексико-семантический анализ и контекстуальный анализ. В рамках критического дискурс-анализа официальные тексты КНДР рассматриваются как форма символической власти, в которой язык участвует в воспроизводстве идеологического порядка, нормализации политической лояльности и легитимации руководства [Фэрклоу 1995: 54–56; ван Дейк 1998: 8–10]. Лексико-семантический анализ применяется для выявления повторяющихся номинаций, оценочных эпитетов, метафорических моделей и устойчивых словосочетаний. Контекстуальный анализ позволяет установить, в каких жанрах, коммуникативных ситуациях и ритуальных практиках актуализируются языковые средства революционной преемственности.

Процедура анализа включала четыре этапа. На первом этапе были выделены фрагменты, содержащие ключевые номинации Пэктусанского комплекса. На втором этапе единицы распределялись по семантическим полям: пространство, кровь / линия, дух, борьба / воля, ритуальное действие. На третьем этапе определялась их сочетаемость с оценочной, мобилизационной и ритуальной лексикой. На четвертом этапе устанавливалась дискурсивная функция каждой группы: легитимирующая, сакрализующая, мобилизационная, воспитательная, интегративная или ритуально-перформативная.

Таблица 1

Основные группы языковых средств репрезентации революционной преемственности

Группа средств	Количественные показатели	Ключевые единицы: оригинал, транскрипция, перевод	Семантический центр	Дискурсивная функция
Сакрализованная топонимика	n = 9; f = 91	백두산 («пэктусан», «гора Пэктусан»); 백두산지구 혁명전적지 («пэктусан-чигу хёнъмёнъ-чёнчжончи», «революционные памятные места района Пэктусана»); 혁명의 성산 («хёнъмёнъ-ыи сёнъсан», «священная гора революции»); 혁명의 성지 («хёнъмёнъ-ыи сёнъчжи», «святыня революции»); 조선혁명의 발원지 («чосён-хёнъмёнъ-ыи парвёнчжи», «исток корейской революции»)	пространство истока революции	легитимация власти через связь с сакрализованным прошлым

Окончание таблицы 1

Группа средств	Количественные показатели	Ключевые единицы: оригинал, транскрипция, перевод	Семантический центр	Дискурсивная функция
Генеалогическая лексика	n = 11; f = 36	백두의 혈통 («пэкту-ый хёльтхонъ», «кровная линия Пэкту»); 만경대의 혈통 («мангёнъдэ-ый хёльтхонъ», «кровная линия Мангёнъдэ»); 혁명의 피줄기 («хёнъмён-ый пичжуги», «кровная линия революции»); 주체혁명위업 («чучхе-хёнъмёнъ-виоп», «дело чучхейской революции»); 계승자 («кесынъча», «преемник»)	линия, кровь, наследование	представление власти и общества как продолжателей революционной линии
Идеологемы революционного духа	n = 11; f = 79	백두의 혁명정신 («пэкту-ый хёнъмёнъ-чёнъсин», «революционный дух Пэкту»); 백두산정신 («пэктусан-чёнъсин», «пэктусанский дух»); 백두의 칼바람정신 («пэкту-ый кхаль-парам-чёнъсин», «дух пэктусанского ледяного ветра»); 백두의 혁명전통 («пэкту-ый хёнъмёнъ-чёнъхонъ», «революционная традиция Пэкту»); 자력갱생 («чарёк-кэнсэнь», «опора на собственные силы»)	стойкость, верность, закалка	нормирование политического сознания и поведения
Мобилизационная лексика	n = 12; f = 158	계승 («кесынъ», «преемствование»); 이어나가다 / 이어가다 («иё-нагада / иё-када», «продолжать»); 끝까지 («ккыт-ккачжи», «до конца»); 관철 («кванчхоль», «претворение в жизнь»); 무장 («мучжанъ», «вооружение»); 받들다 («паттыльда», «почтительно следовать, поддерживать»)	воля, борьба, обязательство	перевод памяти о революции в современное действие
Ритуально-перформативные номинации	n = 16; f = 126	백두산지구 혁명전적지답사행군 («пэктусан-чигу хёнъмёнъ-чёнъчочки тапса-хэньгун», «поход к революционным памятным местам района Пэктусана»); 답사행군 («тапса-хэньгун», «учебно-идеологический поход»); 답사 («тапса», «посещение с учебно-идеологической целью»); 동상제막식 («тонъсанъ-чемаксик», «церемония открытия памятника»); 결의 («кёри», «решимость»); 구호 («кухо», «лозунг»)	коллективное действие	воспроизводство преемственности через ритуал и организационную принадлежность

Примечание к Таблице 1:

n — количество отобранных единиц в группе;

f — суммарная частотность употребления данных единиц в корейскоязычной части корпуса

3. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЯДРО ПЭКТУСАНСКОГО СИМВОЛИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Первую группу языковых средств составляет сакрализованная топонимика. В официальном северокорейском дискурсе географические названия, связанные с Пэктусаном и прилегающим к нему революционным пространством, не ограничиваются функцией пространственной локализации. Топоним Пэктусан (백두산, «пэктусан») выступает центральным элементом символическо-идеологической системы, в которой пространство преобразуется в знак политической памяти и исторической легитимности [Пак Кери 2011: 43–45; Квон, Ким 2019: 1–6].

Сакрализация Пэктусана реализуется через устойчивые номинации: «священная гора революции» (혁명의 성산, «хёнъмёнъ-ый сёнъсан»), «святыня революции» (혁명의 성지, «хёнъмёнъ-ый сёнъчжи»), «исток корейской революции» (조선혁명의 발원지, «чосён-хёнъмёнъ-ый парвёнчжи»), «символ победы» (승리의 상징, «сынни-ый санъчжинъ»), «духовная опора» (마음의 기둥, «маым-ый кидунъ»). Эти формулы переводят географический объект из плана физического пространства в план политической сакральности. В публикации о молодежном походе к революционным памятным местам района Пэктусана гора одновременно определяется как «священная гора революции», «исток корейской революции», «символ победы» и «духовная опора народа» [Родон синмун 2026: 4]. Такое накопление номинаций показывает, что Пэктусан указывает на начало революции, закрепляет ее победоносный характер и задает эмоционально-ценностную вертикаль принадлежности к революционной традиции.

Особое значение имеют устойчивые выражения, связывающие Пэктусан с началом революционного движения и происхождением революционной традиции. В передовице «Родон синмун» от 25 апреля 2025 г. «Передадим из поколения в поколение победоносную историю нашей революции, начавшуюся в Пэкту» (백두에서 시작된 우리 혁명의 백승의 역사를 만대에 이어나가자, «пэкту-эсё сичжак-твен ури хёнъмёнъ-ый пэксынъ-ый рёкса-рыль мандэ-э иднагачжа») используется конструкция «начавшаяся в Пэкту» (백두에서 시작된, «пэкту-эсё сичжак-твен») [Родон синмун 2025б: 1]. Она задает модель происхождения: революция мыслится как процесс, имеющий единый сакрализованный исток, а вся последующая история КНДР интерпретируется

как продолжение начатого там движения. Сходную функцию выполняет формула «дело чучхейской революции, проложенное в Пэкту» (백두에서 개척된 주체혁명 위업, «пэкту-эсё кэчхёк-твен чучхе-хёнъмёнъ-виоп»), употребляемая в сообщениях о коллективных практиках посещения Пэктусанского района революционных памятных мест [Родон синмун 2025в: 3].

Вторая группа средств связана с генеалогической лексикой. Центральной единицей здесь является «пэктусанская кровная линия» (백두혈통, «пэкту-хельтхонъ»), где топонимический компонент «Пэкту / Пэктусан» (백두, «пэкту») соединяется с компонентом «кровная линия, происхождение, род» (혈통, «хельтхонъ»). В результате легитимность правящей линии выводится не только из принадлежности к правящей семье Кимов, но и из связи этой семьи с сакрализованным пространством Пэктусана. В данном случае политическая идея преемственности получает лексико-семантическое выражение через связку «Пэктусан — кровь — род — наследование» [Пак Сонель, Чон Вонхи, Хан Чиман 2022: 31–33, 40].

Генеалогическая модель раскрывается через единицы «кровная линия Пэкту» (백두의 혈통, «пэкту-ый хельтхонъ»), «кровная линия Мангёндэ» (만경대의 혈통, «мангёндэ-ый хельтхонъ»), «кровная жила, кровная линия» (피줄기, «пичжильги»), «жизненная нить, преемственная линия» (명맥, «мёнъмэк»), «преемствование» (계승, «кесынъ»), «преемник» (계승자, «кесынъчжа»), «преемственное завершение / доведение до конца» (계승완성, «кесынъ-вансёнъ»). Особенно показательны тексты, связанные с Мангёндэской революционной школой. Мангёндэ в официальной северокорейской символике связано с местом рождения Ким Ир Сена и выступает одним из ключевых пространств памяти о происхождении северокорейской революционной линии. Мангёндэская революционная школа представлена в дискурсе КНДР как элитное учебно-воспитательное учреждение, предназначенное для подготовки детей революционеров и будущих политико-идеологических кадров. Поэтому учащиеся школы обозначаются как «дети революционеров» (혁명이 유자녀, «хёнъмёнга-ючжанё») и будущий «ключевой кость» революции (핵심골간, «хэксим-кольган»). Формула «кровная линия Мангёндэ, кровная линия Пэкту» (만경대의 혈통, 백두의 혈통, «мангёндэ-ый хельтхонъ», «пэкту-ый хельтхонъ») соединяет Мангёндэ как пространство, связанное с

происхождением Ким Ир Сена, и Пэктусан как пространство революционной легитимности [Ким Ченын 2012: 1–4; ЦТАК 2012].

При этом революционная преемственность не сводится только к биологическому родству. Формула «из поколения в поколение» (대를 이어, «*тэрыль иё*») переводит идею наследования из семейно-династического плана в общекolleктивный. В публикациях о Пэктусанских походах она связывается с задачей «до конца продолжить и завершить» (끝까지 계승완성하다, «*кытккачи кесынь-вансён-хада*»), что придает преемственности телеологическое значение: революционное дело должно быть не просто унаследовано, а доведено до окончательной победы [Родон синмун 2025б: 1; Родон синмун 2025в: 3; Родон синмун 2026: 4].

Третья группа средств — идеологемы революционного духа. Ключевыми единицами являются «революционный дух Пэкту» (백두의 혁명정신, «*пэкту-ый хёнъмён-чёнъсин*»), «пэктусанский дух» (백두산정신, «*пэктусан-чёнъсин*»), «дух пэктусанского ледяного ветра» (백두의 칼바람정신, «*пэкту-ый кхаль-парам-чёнъсин*»), «дух антияпонской революции» (항일혁명정신, «*ханъиль-хёнъмён-чёнъсин*»), «несгибаемый революционный дух» (백철불굴의 혁명정신, «*пэкчоль-пульгуль-ый хёнъмён-чёнъсин*»). Все они организованы вокруг компонента «дух, сознание, морально-волевая установка» (정신, «*чёнъсин*»), который в данном дискурсе обозначает нормативную характеристику субъекта.

Наиболее выразительной является формула «духа пэктусанского ледяного ветра» (백두의 칼바람정신, «*пэкту-ый кхаль-парам-чёнъсин*»). Входящая в ее состав лексема «ледяной, режущий ветер» (칼바람, «*кхаль-парам*») вводит природно-экстремальный образ и отсылает к суровым условиям периода антияпонской партизанской борьбы. В программном тексте Ким Чен Ына «Будем жить и бороться революционным духом Пэкту, духом пэктусанского ледяного ветра» от 27 октября 2014 г. эта идеологема связывается с верностью, непримиримостью к врагу, готовностью к лишениям, мобилизационной энергией и ориентацией на победу [Ким Ченын 2014б: 1–4]. Идеологемы революционного духа часто сочетаются с лексикой оружия и внутренней закалки: «идейно-духовное оружие» (사상정신적 무기, «*сасанъ-чёнъсинчжок муги*»), «духовное достояние» (정신적 재부, «*чёнъсинчжок чэбу*»), «знамя борьбы» (투쟁의 기치, «*тхучжэнь-ый кичхи*») [Ким Ченын 2014б: 2–4].

Таким образом, лексико-семантическое ядро Пэктусанского комплекса строится на трех взаимосвязанных уровнях: сакрализованном пространстве, генеалогической линии и революционном духе. Топонимика отвечает на вопрос, где начинается революция; генеалогическая лексика — кто является ее легитимным продолжателем; идеологемы революционного духа — какие качества и модели поведения должны наследоваться. Вместе они формируют представление о революционной преемственности как о единстве пространства, крови, памяти, идеологии и политического действия.

4. МОБИЛИЗАЦИОННО-РИТУАЛЬНОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Пэктусанский символический комплекс функционирует не только как система номинаций, но и как механизм мобилизации. Мобилизационная лексика переводит память о революционном прошлом в плоскость современного политического действия. Ключевыми единицами этой группы являются «борьба» (투쟁, «*тхучжэнь*»), «решимость» (결의, «*кёри*»), «клятва» (맹세, «*мэньсе*»), «воля» (의지, «*ыйчжи*»), «верность» (충성, «*чхунъсён*»), «претворение в жизнь» (관철, «*кванчхоль*»), «почтительно следовать, поддерживать» (받들다, «*паттыльда*»), «преемственное завершение / доведение до конца» (계승완성, «*кесынь-вансён*»). Эти слова формируют лексическое поле, в котором субъект преемственности описывается как активный носитель воли, верности и готовности к действию.

Показательна формула «жить и бороться» (살며 투쟁하다, «*сальмё тхучжэнь-хада*»), связанная с идеологемой «революционный дух Пэкту» (백두의 혁명정신, «*пэкту-ый хёнъмён-чёнъсин*»). В сочетании с выражением: «жить и бороться революционным духом Пэкту, духом пэктусанского ледяного ветра» (백두의 혁명정신, 백두의 칼바람정신으로 살며 투쟁하다, «*пэкту-ый хёнъмён-чёнъсин, пэкту-ый кхаль-парам-чёнъсин-ыро сальмё тхучжэнь-хада*») революционный дух предстает не как отвлеченная ценность, а как принцип повседневного существования и политического поведения [Ким Ченын 2014б: 1–4]. Лексемы «решимость» (결의, «*кёри*»), «воля» (의지, «*ыйчжи*») и «клятва» (맹세, «*мэньсе*») формируют слой коллективного самообязательства: участники массовых мероприятий не просто присутствуют при идеологическом событии, а выражают волю, подтверждают решимость и демонстрируют готовность продолжать ре-

волюционное дело [Родон синмун 2024д: 6; Родон синмун 2026: 4].

Особое место занимает глагол «почти-тельно следовать, поддерживать» (받들다, «паттыльда»), обозначающий следование высшей политической воле, идеям руководителя, заветам предшественников и линии партии. Сочетания типа «следовать заветам» (유훈을 받들다, «юхун-ыль паттыльда»), «поддерживать идеи и руководство» (사상과 령도를 받들다, «сасанъ-гва рёнъдо-рыль паттыльда»), «следовать замыслу партии» (당의 구상을 받들다, «танъ-ый кусанъ-ыль паттыльда») формируют вертикальную модель лояльности. Субъект преемственности действует не автономно, а как носитель и исполнитель высшей революционной линии.

Мобилизационная лексика тесно связана с номинациями пути и движения: «поход, марш» (행군, «хэньгун»), «путь похода» (행군길, «хэньгун-киль»), «продолжать» (이어가다 / 이어나가다, «иё-када / иё-нагада»). В текстах о Пэктусанских походах эти единицы имеют двойное значение: обозначают реальное коллективное движение к революционным памятным местам и одновременно символизируют продолжение революционного пути [Родон синмун 2024в: 2; Родон синмун 2026: 4]. Поэтому выражения «до конца продолжать пэктусанский походный путь» (백두의 행군길을 끝까지 이어가다, «пэкту-ый хэньгун-кирыль ккыт-ккачжи иё-када») и «продолжать походный путь» (행군길을 이어가다, «хэньгун-кирыль иё-када») могут быть прочитаны и как описание маршрута, и как метафора исторической преемственности.

Ритуально-перформативный слой дискурса показывает, что революционная преемственность не только называется, но и воспроизводится в коллективных действиях. Ключевой единицей здесь является «поход-экскурсия, учебно-идеологический поход» (답사행군, «тапса-хэньгун»), а в контексте Пэктусана — формула «поход к революционным памятным местам района Пэктусана» (백두산지구 혁명전적지답사행군, «пэктусан-чигу хёнъмёнъ-чёнчёкчи тапса-хэньгун»). Она объединяет сакрализованное пространство, революционную память, коллективное движение и идеологическое обучение [Родон синмун 2024в: 2; Родон синмун 2025в: 3; Родон синмун 2026: 4]. Чо Ынхи рассматривает подобные походы как практику, через которую революционная традиция становится переживаемой в коллективе [Чо Ынхи 2007: 100–104, 127–140].

Важны и номинации самих памятных мест: «революционное памятное место»

(혁명전적지, «хёнъмёнъ-чёнчёкчи»), «революционное историческое место» (혁명사적지, «хёнъмёнъ-сачжёкчи»), «Пэктусанский тайный лагерь» (백두산밀영, «пэктусан-мирёнъ»), «родной дом в Пэктусанском тайном лагере» (백두산밀영고향집, «пэктусан-мирёнъ-коханъ-чип»). В официальном дискурсе эти места представлены не как музейные объекты, а как пространства эмоционального и политического приобщения к революционной традиции [Родон синмун 2024в: 2; Ким Ченын 2014б: 4–6]. Ритуальный характер таких практик проявляется в сочетаемости номинаций места с глаголами «посещать с учебно-идеологической целью» (답사하다, «тапса-хада»), «подниматься» (오르다, «орыда»), «осматривать» (돌아보다, «тора-пода»), «укреплять решимость» (결의를 다지다, «кёри-рыль тачжида»), «клясться» (맹세하다, «мэньсе-хада») [Родон синмун 2024в: 2; Родон синмун 2026: 4].

Наряду с походами важна ритуальная сигнификация массовых мероприятий: «собрание» (모임, «моим»), «собрание по случаю отправления» (출발모임, «чхульбаль-моим»), «ораторское собрание» (웅변모임, «унъбён-моим»), «собрание решимости» (결의모임, «кёри-моим»), «хоровое пение» (합창, «хапчханъ»), «лозунг» (구호, «кухо»), «церемония открытия памятника» (동상제막식, «тонъсанъ-чемаксик»). Ораторское выступление, коллективное пение, клятва, возложение цветов и церемониальное присутствие перед монументом выступают как формы публичного воспроизведения идеологически правильного смысла [Родон синмун 2024д: 6; ЦТАК 2012].

Субъект преемственности в таких текстах, как правило, представлен коллективно. К числу наиболее значимых номинаций относятся «молодежный авангард» (청년전위, «чхонъ-нён-чонви»), «молодежь и учащиеся» (청년학생들, «чхонънён-хаксэнъдыль»), «дети революционеров» (혁명가유자녀, «хёнъмёнга-южжанё»), «Народная армия» (인민군대, «инмин-кундэ»), «члены партии» (당원들, «танъвён-дыль»), «трудящиеся» (근로자들, «кылпочжа-дыль»), «члены профсоюза» (직맹원들, «чинъ-мэньвёндыль»), «члены женского союза» (녀맹원들, «нёмэньвёндыль»). Эти номинации показывают, что революционная преемственность в политико-идеологическом дискурсе КНДР не сводится только к правящей линии, а распределяется между различными социальными и институциональными группами [Ким Ченын 2012: 1–4; Ким Чонсу 2013: 51–53, 73; Родон синмун 2024в: 2; Родон синмун 2025в: 3; Родон синмун 2026: 4].

Такой способ репрезентации позволяет говорить о корпоративной идентичности северо-корейского общества. Под ней понимается включенность индивида в устойчивый политико-идеологический коллектив, организованный вокруг общей истории, символики, ритуалов, дисциплины и модели лояльности. В официальном дискурсе человек мыслится прежде всего как представитель коллектива — молодёжного, военного, партийного, трудового, женского или образовательного. Именно через эти коллективы он становится участником революционной преемственности [Ли Уён 2002: 1–4; Чон Вонхи 2023: 151–154].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ показал, что революционная преемственность в политико-идеологическом дискурсе КНДР формируется не отдельными идеологическими лозунгами, а системой взаимосвязанных языковых средств. Пэктусанский символический комплекс выступает в этой системе центральным механизмом смысловой организации: через него революционное прошлое связывается с действующей властью, коллективной памятью и моделями политического поведения.

Ключевым результатом исследования является выделение нескольких функциональных уровней репрезентации революционной преемственности. Пространственный уровень закрепляет Пэктусан как место революционного истока; генеалогический уровень переводит идею преемственности в модель линии и наследования; идеологический уровень задает нормативный образ субъекта, обладающего верностью, стойкостью и готовностью к борьбе; мобилизационно-ритуальный уровень превращает память о прошлом в коллективное действие.

Важным является то, что революционная преемственность в анализируемых текстах представлена не только как связь между поколениями руководителей, но и как обязанность всего политико-идеологического коллектива. Молодежь, армия, партийные и общественные организации, трудовые коллективы и учащиеся революционных школ включаются в единую модель продолжения революционной линии. Тем самым династическая логика наследования расширяется до модели коллективной идентичности.

Таким образом, Пэктусанский символический комплекс в официальном дискурсе КНДР выполняет одновременно легитимирующую, мобилизационную и интегративную функции. Он не только закрепляет представление о правомерности власти, но и воспроизводит коллективную память, задает

нормы политической лояльности и формирует образ общества как единого субъекта, обязанного продолжать революционную традицию.

ИСТОЧНИКИ

1. Ким Ченын 2012 = 김정은. 혁명가유자녀들은 만경대의 혈통, 백두의 혈통을 굳건히 이어나가는 선군혁명의 믿음직한 골간이 되어야 한다 = Дети революционеров должны стать надежным костяком сонгунской революции, твердо продолжающим кровную линию Мангёндо и кровную линию Пэкту. 2012.
2. Ким Ченын 2014а = 김정은. 혁명적인 사상공세로 최후승리를 앞당겨나가자 = Ускорим окончательную победу революционным идеологическим наступлением. 2014.
3. Ким Ченын 2014б = 김정은. 백두의 혁명정신, 백두의 칼바람정신으로 살며 투쟁하자 = Будем жить и бороться революционным духом Пэкту, духом пэктусанского ледяного ветра. 2014.
4. Ким Ченын 2015а = 김정은. 주체104(2015)년 새해에 즈음하여 하신 신년사 = Новогоднее обращение по случаю 104-го года чучхе (2015). 2015.
5. Ким Ченын 2015б = 김정은. 백두산영웅청년발전소는 자랑스러운 청춘대기념비, 청년강국의 상징이다 = Пэктусанская героическая молодежная электростанция — гордый великий памятник молодежи, символ молодежной державы. 2015.
6. Ким Ченын 2016 = 김정은. 조선로동당 제7차대회에서 한 당중앙위원회 사업총화보고 = Отчетный доклад Центрального Комитета партии на VII съезде Трудовой партии Кореи. 2016.
7. Ким Ченын 2021 = 김정은. 조선로동당 제8차대회에서 하신 보고에 대하여 = О докладе, сделанном на VIII съезде Трудовой партии Кореи. 2021.
8. Родон синмун 2024а = 경애하는 김정은동지의 불후의 고전적로작 《혁명적인 사상공세로 최후승리를 앞당겨나가자》 발표 10돛기념 사회과학부문 연구토론회 진행 = Проведена научная конференция в области общественных наук, посвященная 10-летию опубликования классического труда уважаемого товарища Ким Ченына «Ускорим окончательную победу революционным идеологическим наступлением» // 노동신문. 2024. 2월 28일. 1면.
9. Родон синмун 2024б = 유서깊은 혁명의 성지에 굽이치는 그리움의 대하 = Поток тоски и почтения, текущий в исторической святыне революции // 노동신문. 2024. 4월 7일. 1면.
10. Родон синмун 2024в = 전국녀맹초급선전일군들 백두산지구 혁명전적지를 답사 = Всекорейские низовые пропагандисты женского союза посетили революционные памятные места района Пэктусана // 노동신문. 2024. 6월 14일. 2면.
11. Родон синмун 2024г = 조국해방위업을 성취한 항일선열들의 숭고한 정신은 주체혁명의 승리적전진과 더불어 영원불멸할것이다 = Возвышенный дух антияпонских предшественников, совершивших дело освобождения Родины, будет бессмертен вместе с победоносным продвижением чучхейской революции // 노동신문. 2024. 8월 15일.
12. Родон синмун 2024д = 조국해방 79돛에 즈음하여 《백두의 혁명정신을 계승해나가기 위한 청년학생들의 웅변모임-2024》 진행 = К 79-летию освобождения Родины состоялось ораторское собрание молодежи и учащихся «За продолжение революционного духа Пэкту — 2024» // 노동신문. 2024. 8월 16일. 6면.
13. Родон синмун 2025а = 경애하는 총비서동지의 혁명사상은 우리 국가의 전면적률성기를 펼치는 향도적기치이다 = Революционные идеи уважаемого товарища Генерального секретаря — руководящее знамя, открывающее период всестороннего процветания нашего государства // 노동신문. 2025. 4월 11일. 1면.

14. Родон синмун 2025б = 백두에서 시작된 우리 혁명의 백승의 역사를 만대에 이어나가자 = Будем из поколения в поколение продолжать победоносную историю нашей революции, начавшуюся в Пэкту // 로동신문. 2025. 4월 25일. 1면.

15. Родон синмун 2025в = 전국적맹일군들과 직맹원들의 백두산지구 혁명전적지답사행군 출발모임 진행 = Состоялось собрание по случаю отправления во всекорейский поход работников и членов профсоюза к революционным памятным местам района Пэктусана // 로동신문. 2025. 7월 30일. 3면.

16. Родон синмун 2026 = 전국청년학생들의 백두산지구 혁명전적지답사행군대가 혁명의 성산 백두산에 올랐다 = Участники всекорейского молодежного похода к революционным памятным местам района Пэктусана поднялись на священную гору революции Пэктусан // 로동신문. 2026. 2월 12일. 4면.

17. ЦТАК 2012 = 경애하는 김정은동지의 참석밑에 만경대 혁명학원에 높이 모신 위대한 대원수님들의 동상 제막식 진행 = В присутствии уважаемого товарища Ким Ченгына прошла церемония открытия статуй великих генералиссимусов в Мангэндэской революционной школе // 조선중앙통신. 2012.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Асмолов, К. В. Современная Северная Корея: первое десятилетие эпохи Ким Чен Ына (2012-2021) / К. В. Асмолов, Л. В. Захарова ; Российская академия наук, Федеральное государственное автономное учреждение науки Институт Китая и современной Азии РАН. — Москва : Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, 2022. — 440 с. — ISBN 978-5-8381-0450-2. — DOI 10.48647/IFES.2022.83.95.009. — EDN ZRUGEF.

2. Ким, Н. Н. Антиколониальные и постколониальные нарративы в контексте политического мифа в КНДР и Республике Корея / Н. Н. Ким, А. В. Соловьев // Международная аналитика. — 2023. — Т. 14, № 2. — С. 49–72. — DOI 10.46272/2587-8476-2023-14-2-49-72. — EDN SOXAYK.

3. Курбанов, С. О. История Кореи с древности до начала XXI в / С. О. Курбанов. — 3-е издание, исправленное. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2018. — 744 с. — ISBN 978-5-288-05822-6. — EDN PPKPYF.

4. Dijk, T. A. van. Ideology: A Multidisciplinary Approach / T. A. van Dijk. — London : Sage, 1998. — 374 p. — ISBN 0-7619-5654-9.

5. Fairclough, N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language / N. Fairclough. — London : Longman, 1995. — 265 p. — ISBN 0-582-29184.

6. Kwon, K. Will the Dormant Volcano Erupt Again? Mt. Paektu and Contemporary Sino-Korean Relations / K. Kwon, P. H. Kim // The Asia-Pacific Journal: Japan Focus. — 2019. — Vol. 17, iss. 1, no. 4. — Article ID 5232. — DOI 10.1017/S1557466019014955.

7. Lee, J. Collective Memory and Everyday Politics in North Korea: A Qualitative Text Analysis of New Year Statements, 1946–2019 / J. Lee // Asian Studies Review. — 2024. — Vol. 48, no. 2. — P. 270–288. — DOI 10.1080/10357823.2023.2226814.

8. Lim, J.-C. Leader Symbols and Personality Cult in North Korea: The Leader State / J.-C. Lim. — London ; New York : Routledge, 2015. — 146 p. — ISBN 1138831425.

9. 김갑식. 북한 김정은 정권의 출범과 정치적 과제 = Ким Капсик. Становление северокорейского режима Ким Ченгына и политические задачи // 통일정책연구. — 2012. — 제21권, 제1호. — С. 1–24.

10. 김석향, 박민주. 조선녀성 기사 제목에 등장하는 “김정숙” 호칭의 의미구조 분석 = Ким Сокхян. Анализ смысловой структуры именования «Ким Чонсук» в заголовках статей журнала «Чосон ёсон» // 현대북한연구. — 2019. — 제22권, 제3호. — С. 131–173. — DOI 10.17321/mks.2019.22.3.004.

11. 김중수. 북한 김정은 시대 청년동맹 연구 = Ким Чонсу. Исследование Союза молодежи Северной Кореи в эпоху Ким Ченгына // 통일정책연구. — 2013. — 제22권, 제2호. — С. 51–78.

12. 박계리. 백두산: 만들어진 전통과 표상 = Пак Кери. Пэктусан: созданная традиция и репрезентация // 미술사학보. — 2011. — 제36집. — С. 43–74.

13. 박성열, 정원희, 한지만. 북한의 상징정치: 김정은 시대 삼지연 중심으로 = Пак Сонёль. Символическая политика Северной Кореи: Самчжён в эпоху Ким Ченгына // 통일정책연구. — 2022. — 제31권, 제1호. — С. 31–77. — DOI 10.33728/ups.2022.31.1.002.

14. 엄현숙. 북한 우상화 교육의 전략 분석 = Ом Хёнсук. Анализ стратегий северокорейского воспитания в духе культа руководителя // 현대북한연구. — 2018. — 제21권, 제1호. — С. 126–173. — DOI 10.17321/mks.2018.21.1.004.

15. 오경섭, 김진하, 박형중, 한병진, 김에스라. 김정은 지배체제 구축과 권력 안정화 = О Кёнсон. Построение системы господства Ким Ченгына и стабилизация власти. — 서울 : 통일연구원, 2021. — 231 с. — KINU 연구총서 21-11.

16. 이우영. 북한사회의 상징체계 연구: 혁명기호의 변화를 중심으로 = Ли Уён. Исследование символической системы северокорейского общества: на материале изменений революционных лозунгов. — 서울 : 통일연구원, 2002. — 연구총서 2002-05.

17. 정원희. 김정은 통치이념과 담론: 비판적 담론 분석(Critical Discourse Analysis)을 중심으로 = Чон Вонхи. Идеология и дискурс правления Ким Ченгына: на основе критического дискурс-анализа // 세계지역연구논총. — 2023. — 제41집, 제2호. — С. 151–199.

18. 정유석, 짝은경. 김정은 현지지도에 나타난 북한의 상징정치 = Чон Юсок, Квак Ынгён. Символическая политика Северной Кореи в выездном руководстве Ким Ченгына // 현대북한연구. — 2015. — 제18권, 제3호. — С. 156–224. — DOI 10.17321/mks.2015.18.3.004.

19. 조은희. 북한의 답사행군을 통해 본 혁명전통의 의례 만들기 = Чо Ынхи. Создание ритуала революционной традиции через северокорейские походы к революционным местам // 현대북한연구. — 2007. — 제10권, 제2호. — С. 100–150.

MATERIALS

1. Kim Jong-eun (2012). The children of the revolutionaries should become the reliable backbone of the Songun revolution, firmly continuing the Mangyongdae bloodline and the Paektu bloodline.

2. Kim Jong-eun (2014a). Let us hasten the final victory with the revolutionary ideological offensive.

3. Kim Jong-un (2014b). Let us live and fight with the revolutionary spirit of Paektu, with the spirit of the icy wind of Paektu.

4. Kim Jong-un (2015a). Let us live and fight with the revolutionary spirit of Paektu, with the spirit of the icy wind of Paektu. New Year's Address on the Occasion of the 104th Year of Juche.

5. Kim Jong-un (2015b). New Year's Address on the Occasion of the 104th Year of Juche.

6. Kim Jong-eun (2016). Report of the Party Central Committee at the 7th Congress of the Workers' Party of Korea.

7. Kim Jong-eun (2021). About the report made at the 8th Congress of the Workers' Party of Korea.

8. Rodong sinmun (2024a). A scientific conference in the field of social sciences was held on 10th anniversary of the publication of the classic work of the respected Comrade Kim Jong-un's "Let Us Accelerate the Final Victory Through the Revolutionary Ideological Offensive".

9. Rodong Sinmun (2024b). A Stream of Longing and Veneration Flowing in the Historical Shrine of the Revolution.

10. Rodong Sinmun (2024v). All-Korean grassroots propagandists of the Women's Union visited revolutionary memorial sites in the Baekdusan area.

11. Rodong Sinmun (2024). The sublime spirit of the anti-Japanese predecessors who accomplished the cause of liberating the motherland will be immortalized along with the victorious advancement of the Juche revolution.

12. Rodong sinmun (2024). On the occasion of the 79th anniversary of the liberation of the Motherland, an oratorical meeting of youth and students "For the continuation of the revolutionary spirit of Paektu – 2024" was held.

13. Rodong Sinmun (2025a). The Revolutionary Thought of the Esteemed Comrade General Secretary is the Guiding Banner Ushering in a Period of All-Round Prosperity for Our Country.

14. Rodong Sinmun (2025b). Let us continue from generation to generation the victorious history of our revolution that began in Paektu.

15. Rodong Sinmun (2025v). A meeting was held on the occasion of the departure of workers and trade union members on an all-Korean march to the revolutionary memorial sites of the Paektusan area.

16. Rodong Sinmun (2026). Participants of the All-Korean Youth March to the Revolutionary Memorial Sites of the Paektusan Area Climbed the Sacred Mountain of the Revolution, Paektusan.

17. KCNA (2012). In the presence of respected comrade Kim Jong-un, the unveiling ceremony of the statues of the great generalissimos was held at the Mangyongdae Revolutionary School.

REFERENCES

1. Asmolov, K. V., Zakharova, L. V. (2022). Sovremennaya Severnaya Koreya: pervoe desyatiletie epokhi Kim Chen Yna (2012–2021) = Contemporary North Korea: The first decade of the Kim Jong Un era (2012–2021). Moscow: IKSA RAN, 440 p. <https://doi.org/10.48647/IFES.2022.83.95.009>.

2. Kim, N. N., Solov'yev, A. V. (2023). Antikolonialnye i postkolonialnye narrativy v kontekste politicheskogo mifa v KNDR i Respublike Koreya = Anti-colonial and post-colonial narratives in the context of political myth in the DPRK and the Republic of Korea. *Journal of International Analytics*, 14(2), 49–72. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-2-49-72>.

3. Kurbanov, S. O. (2018). Istoriya Korei s drevnosti do nachala XXI veka = History of Korea from antiquity to the early 21st century (3rd ed.). St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 740 p.

4. Dijk, T. A. van (1998). Ideology: A multidisciplinary approach. London: Sage, 374 p.

5. Fairclough, N. (1995). Critical discourse analysis: The critical study of language. London: Longman, 265 p.

6. Kwon, K., Kim, P. H. (2019). Will the dormant volcano erupt again? Mt. Paektu and contemporary Sino-Korean relations. *The Asia-Pacific Journal: Japan Focus*, 17(1), article 5232. <https://doi.org/10.1017/S1557466019014955>.

7. Lee, J. (2024). Collective memory and everyday politics in North Korea: A qualitative text analysis of New Year statements, 1946–2019. *Asian Studies Review*, 48(2), 270–288. <https://doi.org/10.1080/10357823.2023.2226814>.

8. Lim, J.-C. (2015). Leader symbols and personality cult in North Korea: The leader state. London; New York: Routledge, 146 p.

9. Kim, Gap-sik. (2012). Bukhan Kim Jeong-eun jeongggwonui chulbeomgwa jeongchijeok gwaje = The launch of the North

Korean Kim Jong Un regime and its political tasks. *Unification Policy Studies*, 21(1), 1–24.

10. Kim, Seok-hyang, Park, Min-joo. (2019). Joseon yeoseong gisa jemoge deungjanghaneun “Kim Jeong-suk” hochingui uimi gujo bunseok = Analysis of the semantic structure of the name “Kim Jong Suk” in titles of articles in Joseon Yeoseong. *North Korean Studies Review*, 22(3), 131–173. <https://doi.org/10.17321/mks.2019.22.3.004>.

11. Kim, Jong-soo. (2013). Bukhan Kim Jeong-eun sidae cheongnyeondongmaeng yeongu = A study on the Youth League of North Korea in the Kim Jong Un era. *Unification Policy Studies*, 22(2), 51–78.

12. Park, Gye-ri. (2011). Baekdusan: mandeureojin jeontong-gwa pyosang = Mt Paektu: Invented tradition and representation. *Reviews on the Art History*, 36, 43–74.

13. Park, Seong-yeol, Jeong, Won-hui, Han, Ji-man. (2022). Bukhanui sangjing jeongchi: Kim Jeong-eun sidae Samjiyon jungsimeuro = Symbolic politics in North Korea: Focusing on Samjiyon in the Kim Jong Un era. *Unification Policy Studies*, 31(1), 31–77. <https://doi.org/10.33728/ups.2022.31.1.002>.

14. Eom, Hyeon-suk. (2018). Bukhan usanghwa gyoyugui jeollak bunseok = Analysis of strategies of North Korean idolization education. *North Korean Studies Review*, 21(1), 126–173. <https://doi.org/10.17321/mks.2018.21.1.004>.

15. Oh, Kyung-seob, Kim, Jin-ha, Park, Hyeon-jung, Han, Byung-jin, Kim, Esther. (2021). Kim Jeong-eun jibaechaje guchukgwa gwollyeok anjeonghwa = Construction of Kim Jong Un's ruling system and stabilization of power. Seoul: Korea Institute for National Unification, 231 p.

16. Lee, Woo-young. (2002). Bukhan sahoeui sangjing chegye yeongu: hyeongmyeong guhoui byeonhwareul jungsimeuro = A study of the symbolic system of North Korean society: Focusing on changes in revolutionary slogans. Seoul: Korea Institute for National Unification.

17. Park, Seong-yeol, Jeong, Won-hui, Han, Ji-man. (2022). Bukhanui sangjing jeongchi: Kim Jeong-eun sidae Samjiyon jungsimeuro = Symbolic politics in North Korea: Focusing on Samjiyon in the Kim Jong Un era. *Unification Policy Studies*, 31(1), 31–77. <https://doi.org/10.33728/ups.2022.31.1.002>.

18. Jeong, Yu-seok, Kwak, Eun-gyeong. (2015). Kim Jeong-eun hyeonjijidoe natanan Bukhanui sangjingjeongchi = Symbolic politics of North Korea shown in Kim Jong Un's field guidance. *North Korean Studies Review*, 18(3), 156–224. <https://doi.org/10.17321/mks.2015.18.3.004>.

19. Cho, Eun-hee. (2007). Bukhanui dapsahaengguneul tonghae bon hyeongmyeong jeontongui uirye mandeulgi = Ritualizing revolutionary tradition through North Korean study marches. *North Korean Studies Review*, 10(2), 100–150.

Политическая лингвистика. 2026. № 4 (118).
Political Linguistics. 2026. No 4 (118).

УДК 811.111(73)'42+811.111(73)'38+811.111'373+81'27
ББК Ш143.21-51+Ш143.21-55+ Ш143.21-3+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.51; 16.21.33

Код ВАК 5.9.6, 5.9.9

Евгений Владимирович Танков

Хакасский технический институт — филиал Сибирского федерального университета, Абакан, Россия,
e.tankov@mail.ru, SPIN-код: 2272-1437

Понятие «pathologization»: дискурсивные стратегии и тактики, реализуемые в американских СМИ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается понятие «pathologization/патологизация» как языковое явление, объективируемое в американском медиадискурсе. Целью работы является установление семантического наполнения понятия «патологизация» и выявление в первом приближении дискурсивных стратегий и тактик его актуализации. Объектом исследования выступает прагма-семантическое представление рационализации патологических отклонений в медиадискурсе. В качестве основных методов исследования были использованы лексикографический и контекстуальный анализ. Лексикографическим материалом послужили данные словарных статей американских и британских словарей. В рамках контекстуального анализа рассмотрены публикации американских средств массовой информации. В результате исследования определяются общие параметры патологизации как осмысления ситуативного проявления болезненности / отклонения от нормы. К данным параметрам относятся характеристика объекта рассмотрения, формы и источник оценивания, дискурсивная функциональность и др. Исследование выявляет два основных стратегических подхода при актуализации понятия «патологизация»: собственно патологизацию (объект — другой человек или явление) и самопатологизацию (аутонаправленность). Проведенный анализ позволяет установить общие и отличительные особенности каждого из подходов. Для самопатологизации характерны интенция вызвать эмоциональный отклик, сочувствие; создание образа страдающего человека (нивелирование социального статуса); стремление к реабилитации в глазах общественности, восстановлению положительного образа и др.

Стратегии патологизации свойственны критическая направленность; констатация наличия психических отклонений/заболеваний (напр., патологический нарциссизм, мегаломания, деменция); по преимуществу персональная направленность патологизации и др. В рамках стратегий были установлены дискурсивные тактики их актуализации: персональная дискредитация, институциональная дискредитация, персональная реабилитация, институциональная реабилитация. Полученные результаты могут быть использованы в рамках исследований по политической и когнитивной лингвистике.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика, политический дискурс, журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, американские СМИ, патологизация, *pathologization*, самопатологизация, дискурсивные стратегии, дискурсивные тактики, лексикология английского языка, актуализация понятия, К. Уэст, Д. Трамп, языковые явления, патологические отклонения.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Танков Евгений Владимирович, кандидат филологических наук, доцент, кафедра прикладной информатики, естественно-научных и гуманитарных дисциплин, Хакасский технический институт — филиал Сибирского федерального университета, г. Абакан, Россия, email: e.tankov@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Танков, Е. В. Понятие «pathologization»: дискурсивные стратегии и тактики, реализуемые в американских СМИ / Е. В. Танков. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 4 (118). — С. 142-150.

Evgeniy V. Tankov

Khakassky Technical Institute — Branch of Siberian Federal University, Abakan, Russia, e.tankov@mail.ru, SPIN code: 2272-1437

The Concept of “Pathologization”: Discursive Strategies and Tactics Used in American Media

ABSTRACT. The article explores the concept of “pathologization” as a linguistic phenomenon in American media discourse. The aim of the work is to establish the semantic content of the concept of “pathologization” and to identify, as a first approximation, the discursive strategies and tactics of its actualization. The scope of the study covers the pragmasemantic representation of rationalization of pathological deviations in media discourse. Lexicographic and contextual analyses were used as the main research methods. The sources of lexicographic material include American and British dictionary entries. American media publications were used as practical material for contextual analysis. As a result, the study has formulated the general parameters of pathologization as representation of a situational manifestation of morbid condition or deviation from the norm. These parameters include the characteristics of the object of pathologizing, the forms and source of evaluation, the discursive functionality, etc. The study reveals two main strategic approaches to actualizing the concept of “pathologization”: *pathologization proper* (the object is another person or phenomenon) and *self-pathologization* (self-focus). The undertaken analysis identifies the common and distinctive features of each approach. Self-pathologization is characterized by

the intention to evoke an emotional response and sympathy; creation of an image of a suffering person (leveling social status); striving for public rehabilitation, restoration of a positive image, etc.

The pathologization strategy is characterized by a critical orientation; statement of the presence of an intellectual disability (e.g., pathological narcissism, megalomania, dementia); primarily personal nature of pathologization, etc. With relation to the strategies, the study highlights the following discursive tactics of their actualization: personal discreditation, institutional discreditation, personal rehabilitation, and institutional rehabilitation. The results obtained can be used in political and cognitive linguistics studies.

KEYWORDS: political linguistics, political discourse, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, American media, pathologization, self-pathologization, discursive strategies, discursive tactics, English lexicology, actualization of a concept, K. West, D. Trump, linguistic phenomena, pathological deviations.

AUTHOR'S INFORMATION: Tankov Evgeniy Vladimirovich, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Applied Informatics, Natural Sciences and Humanities, Khakassky Technical Institute — Branch of Siberian Federal University, Abakan, Russia.

FOR CITATION: Tankov E. V. (2026). The Concept of "Pathologization": Discursive Strategies and Tactics Used in American Media. In *Political Linguistics*. No 4 (118), pp. 142-150. (In Russ.).

Разнообразие современных технических средств и стратегий представления информации в медиадискурсе приводит к появлению новых дискурсивных практик, целью которых является эффективное воздействие на реципиентов. Одной из распространенных дискурсивных практик, используемых в информационном пространстве, становится патологизация социального явления или персонального образа. Под патологизацией в данной работе понимается процесс рационализации общественно-политической жизни, который связан с интерпретацией ее различных проявлений с точки зрения (болезненного) отклонения от каких-либо норм в жизнедеятельности человека [ср. Михель 2022]. В исследовательских работах различных гуманитарных направлений часто используются также термины *медиализация* [Conrad 2013; Rainock 2025] и *психологизация* [De Vos 2012; Гребенюк 2024]. Однако представляется, что использование понятия *патологизация* позволяет точнее отразить сущность критической репрезентации явления или человека, поскольку данный термин включает в себе однозначно отрицательную коннотацию.

Патологизация в современной речевой деятельности становится не просто отдельным элементом смыслового содержания текста, но дискурсивной стратегией. Под стратегией понимается совокупность прагма-семантических параметров организации текста, которые направлены на достижение определенного коммуникативного эффекта. Тактики могут рассматриваться как конкретные средства реализации стратегии на различных уровнях текста (см. [Иссерс 2024]). Целью данной работы является установление стратегий и тактик актуализации понятия *pathologization* в американских СМИ.

Одним из эффективных методов определения семантического объема понятия является концептуально-дефиниционный анализ,

который позволяет выделять конкретные смысловые характеристики на основе анализа словарных статей в различных типах словарей (см. [Болдырев 2009]).

Рассмотрим лексикографическую фиксацию понятия *pathologization* в англоязычных словарях. Кембриджский словарь определяет патологизацию следующим образом: *pathologization: the act of unfairly or wrongly considering something or someone as a problem, especially a medical problem* [Cambridge 2026]. Интерес представляют приводимые в словаре примеры: *There is an ever-growing medicalization and pathologisation of fatness; Such persistent determination to produce rigorous knowledge about teenage mothers compounds the pathologization of these young women* [ibid.]. Обращает на себя внимание разведение понятий *medicalization* и *pathologisation*, где медиализация, по всей видимости, выступает как номинация широкой сферы медицинского дискурса (использование терминологии, специфических дискурсивных областей), в то время как патологизации фокусируется на медицинских отклонениях от нормы. В следующих примерах подчеркивается специфичность групп, по отношению к которым применяется данное понятие: *The book investigates the pathologisation of homosexuality during the fascist regime; She claims there has been a pathologization of transgender people; If one-third of all children in a school have mental disorders, this appears to be evidence of an unwarranted pathologization of child misbehaviour* [ibid.]. При дефиниции глагола *to pathologize* в словаре Cambridge также отмечается приоритетность медицинской области: *to unfairly or wrongly consider something or someone as a problem, especially a medical problem* [ibid.]. В примерах прослеживается критическое отношение к патологизации описываемых аспектов жизнедеятельности: *There is a tendency to pathologize the victim of the suicide,*

rather than consider what might be wrong with the system in which it took place; She believes that "mental illness" is a metaphor used to pathologize behaviour that annoys or offends others; Why do we pathologise other cultures, only seeing the worst side and not appreciating the practices and values that might enrich our way of life? [ibid.].

Словарь Merriam-Webster дает следующее определение: *to pathologize: to view or characterize as medically or psychologically abnormal [Merriam-Webster 2026].* Следует отметить, что вместо используемых в дефиниции словаря Cambridge лексем «unfair or wrong» (которые можно рассматривать как эмоциональную оценку объекта/ситуации) употребляется лексема «abnormal» (несущая рациональную оценку). Примеры между тем отмечают критическое отношение к процессу патологизации, ситуативно маркируя его как неуместный. Напр.: *Recognizing this tendency is more useful than either indulging or pathologizing it; His mother pathologizing him as somewhat of a sociopath and planting that seed in his head is the bigger issue with Benton; But the trend also risks making healthy, younger men pathologize over their levels of the still little-understood hormone [ibid.].*

В словаре приводится серия примеров современного употребления глагола *to pathologize*. Патологизация может быть направлена на самого индивида (самопатологизация), напр.: *To pathologize your own creative frustration feels to me like an act of ego [ibid.].* Патологизация может соотноситься как с одним человеком, так и с целыми группами людей, напр.: *That is just another way to pathologize Black people and blame us for slavery's evilness; But of course a blanket designation of obesity as an illness unfairly pathologizes all large bodies [ibid.].*

Отрицательная оценка патологизации высказывается говорящим через уточнение, напр.: *Yet many mental-health experts say that to pathologize this conduct is to fail to deal with the underlying causes* (патологизирование как непрофессионализм) [ibid.]. Патологизация может рассматриваться как легкий способ интерпретировать положение дел, используя соответствующее определение («навешивая ярлык»). Напр.: *On the one hand, Krafft-Ebing set the stage for scholars to pathologize anyone whose erotic interests strayed from the heteronormative; Try not to pathologize past behaviors, like the conflict avoidance; However, that should not lead us to pathologize mental health in general [ibid.].* Люди обладают склонностью к патологизации поведения других, напр.: *Smith, who famously crafted a new genre out of the one-woman show, seeks to per-*

sonalize the headlines by making us reflect on our propensity to pathologize [ibid.].

Патологизация может расцениваться как способ стигматизации, напр.: *This is not to pathologize conspiracy believers, who, in any case, are hard to pigeonhole. The film, in which each of Simmons's accusers affirms her prior affection for the mogul and love of black men in general, doesn't set out to pathologize an entire demographic; Some experts are calling for more investment and research into drugs for weight loss and obesity, but critics argue that doing so may unjustly pathologize and stigmatize weight [ibid.].*

Патологизация имеет неприятные последствия, она несет в себе угрозу, напр.: *If programs pathologize some teen behaviors, parents are often frightened, leaving them to feel as if sending their kid away is their only option; The two were easy scapegoats in a media culture and news environment that often pathologized Black masculinity as deviant and dangerous; There can be a tendency to defend every aspect of our experiences, actions, behaviors and beliefs because of the external forces in this society that seek to pathologize and destroy us [ibid.].*

Патологизация не нейтральна, она подразумевает отрицательную оценку, соотносится с унижением других (*to demean*), напр.: *The words associated with and available to the community, once limited largely to language meant to demean or pathologize, have expanded to include more neutral or positive terms [ibid.].*

Возможна патологизация отношений к объектам, напр.: *Although the decluttering movement can sometimes pathologize a close relationship with objects, our connection with our belongings is not to be dismissed [ibid.].* Данный пример также демонстрирует важность патологизации (как экспертной оценки) для самооценки индивида, который стремится соответствовать общественному мнению, транслирующему понятие нормы.

С другой стороны, патологизация относительна, норма определяется различно, напр.: *Remember, too, that many of the things these influencers pathologize — occasional bloating, imperfect skin, feeling tired — are completely normal and nothing to worry about [ibid.].* Изменение нормы может вызвать изменение сферы патологизации, напр.: *Caroline Hickman, a researcher on eco-anxiety from the University of Bath, cautions that the feelings of worry, grief, despair, and despondency associated with eco-anxiety should not be pathologized [ibid.].*

Бинарная оппозиция «нормализировать — патологизировать» является естественной оппозицией [см. Танков 2020] и находит свое

отражение в контекстах, напр.: *As an executive and leadership coach, my goal is to go deeper with my clients and reveal what's under the surface — not to do personal archeology but just to reveal a little emotional vulnerability and to normalize, not pathologize* [Merriam-Webster 2026].

Словарь Collin's, давая дефиницию глаголу *to pathologize*, определяет его следующим образом: *to represent (something) as a disease* [Collins 2026]. Объем примеров, представляемых словарем Collin's, значительно меньше, чем в Merriam-Webster. Обращает на себя внимание их подборка. Напр.: *Or some professionals and clients may think psychiatrists with their medical backgrounds rely too heavily on diagnostic labels or pathologize people too much; Furthermore, the criterion of 4/6 symptoms be present for a diagnosis helps safeguard against pathologizing adaptive decreases in desire* [ibid.]. В примерах, как правило, подчеркивается роль медицинского сообщества как источника установления патологии. Однако в отдельных контекстных примерах отмечается иронично возможность профанного установления критериев патологии, в основе которого может лежать субъективное мнение, предубеждение и т. п., напр.: *We've even pathologized the sideward glance* [ibid.].

На платформе Dictionary.com семантика патологии представлена прилагательным *pathological*, которое определяется как «relating to diseases». Словоупотребление этого прилагательного акцентирует «ненормальность», отклонение от стандарта, чрезмерность критикуемого фактора. Напр.: *These meetings have been marked for most of the past couple decades by something approaching pathological agreeability* [Dictionary.com 2026]. Прилагательное отмечает продолжительность патологизируемого объекта или события, напр.: *The intellectual class has never been immune to the pathological American conviction that history is bunk* [ibid.]. В приведенных примерах объектами патологии часто становятся чувства, напр.: *Grinch boosters point out that the villain repents and reforms at the end of the story, shedding his pathological hatred of Christmas; We moderns, Mr. Delbourgo argues, have gone from theories of "demonic possession to accusations of superstition, obsession, sexual neurosis, and pathological greed down to the recent invention of the medical term 'hoarding disorder'"* [ibid.].

Таким образом, лексикографический материал помогает установить параметры патологии, которые реализуются при использовании ее в качестве дискурсивной

стратегии в медиадискурсе. К данным параметрам относятся: объект рассмотрения есть болезненное проявление; объект представляет собой негативное отклонение от нормы; рациональная оценка ситуации; присутствие эксперта/врача или человека, критически оценивающего явление/ситуацию (выполняет роль эксперта); возможна самопатологизация; объектом может быть человек/группа людей, явление или ситуация; патологизация есть разновидность стигматизации чего/кого-либо; патологизация опасна как проявление субъективизма.

Медиадискурс представляет разнообразие стратегий употребления понятия патологизация. В качестве примера можно рассмотреть патологизацию медийных образов К. Уэста и Д. Трампа.

Канье Уэст, американский музыкант и продюсер, стал объектом жесткой критики после своих антисемитских и расистских высказываний, выражения симпатий к Гитлеру, продажи футболок с нацистской символикой. Для исправления медийного образа он сделал ряд заявлений, в которых прокомментировал свое поведение. Напр.: *In January, Ye took out an ad in The Wall Street Journal in which he said he regretted his antisemitic comments and attributed them to an untreated bipolar disorder* [Marshall 2026]. К. Уэст обосновывает свое поведение невылеченным биполярным расстройством личности. Некоторые источники усиливают медицинскую составляющую аргументации, напр.: *In his most recent apology, Ye blamed what he said was untreated bipolar I disorder, caused by a brain injury he suffered in a car crash in 2002, for his behavior. But in 2025, he said he had been diagnosed with autism* [Shear 2026]. Уточняется вид расстройства (bipolar I disorder), указывается история возникновения расстройства (caused by a brain injury he suffered in a car crash in 2002), дополнительно сообщается об еще одном расстройстве (he had been diagnosed with autism). Некоторые сообщения могут содержать уточняющую информацию медицинского характера, напр.: *Bipolar disorder is a severe condition in which periods of exhilarating mania alternate with deep depression. It is generally treated with mood stabilizers, like lithium, or with anti-psychotics, in combination with therapy* [Taylor 2026]. В самообличительных признаниях К. Уэст указывает на отклонение от общепринятых нормы, потерю связи с реальностью, напр.: *It makes you blind, but convinced you have insight.; I lost touch with reality; ...that lead to poor judgment and reckless behavior that oftentimes feels like an out-of-body experience* [ibid]

Критически осмысливая поведение К. Уэста, мотивы его самопатологизации обосновываются стремлением к реабилитации, восстановлению положительного образа, напр.: *Ye's participation in the festival was part of an effort by the artist to rehabilitate his reputation...; But the rapper's effort at public rehabilitation has prompted outrage...* [Shear 2026]

Выражая сомнение в достоверности слов (расстройство вызвано автомобильной аварией) К. Уэста, дается медицински обоснованная аргументация, напр.: *Bipolar disorder is believed to be caused by a combination of factors, including genetic vulnerability, stressful life events and substance use. There is little evidence that brain injuries can cause the disorder, though head injuries are known to contribute to symptoms of psychosis, like delusions or hallucinations* [Taylor 2026].

Принося извинения, он фокусируется на определенном сообществе, подчеркивает адресность своих слов и одновременно маркирует себя как яркого представителя этого сообщества, носителя повышенной ответственности, напр.: *Ye also apologized to the Black community, adding, "I am so sorry to have let you down."* [Taylor 2026]; *"My words as a leader in my community have real global impact and influence," he said. "In my mania, I lost sight of that."* [Beck 2026].

Таким образом, осуждение его есть осуждение всего сообщества. Учитывая непростую социальную ситуацию в междоусобных отношениях [см. Heath 2021] в США, это может выступать как дополнительный аргумент К. Уэста в плане его медийной реабилитации.

К. Уэст апеллирует к чувствам своей аудитории, он надеется заслужить прощение, встретить понимание: *"I'm not asking for sympathy, or a free pass, though I aspire to earn your forgiveness," he said. "I write today simply to ask for your patience and understanding as I find my way home."* [Taylor 2026]. Он стремится вызвать сострадание, указывая на болезненные физиологические особенности своего состояния: *"I regret and am deeply mortified by my actions in that state, and am committed to accountability, treatment, and meaningful change. It does not excuse what I did, though."* [Beck 2026]. Это демонстрируется не только в интервью, но и в мерчендайзинге, напр.: *The merchandise for sale included a \$58 T-shirt that employed a four-letter expletive to denounce bipolar disorder* [Moses 2026].

В ситуации с К. Уэстом самопатологизация («позитивная патологизация») рассматривается в медийном дискурсе критически,

скорее как попытка восстановить положительный имидж, избежать ответственности. Об этом свидетельствуют названия статей авторитетных изданий, напр.: *U.K. bars Ye over antisemitism, month before major festival performances* [Marshall 2026]; *Pepsi and others drop sponsorship of London Music Festival headlined by Ye* [Shear 2026]; *Ye apologizes for antisemitic behavior, again* [Taylor 2026]; *Kanye West apologizes for antisemitic comments, links to behavior to 2002 brain injury* [Beck 2026].

В стратегии самопатологизации, используемой К. Уэстом, в первом приближении можно выделить две тактики: персональная реабилитация, институциональная реабилитация. Следует отметить, что тактика всегда привязана к конкретной ситуации, зачастую фокусируется на рациональном или эмоциональном восприятии и включает в себя коммуникативные ходы (отдельные приемы), придающие ей семантическую и стилистическую связность (см. [Иссерс 2024]).

Так, персональная реабилитация включает в себя обращение к чувствам аудитории, напр.: «I regret..», «I ask for your patience and understanding..», «I aspire to earn your forgiveness..». Для этой тактики типична отсылка к физиологическому состоянию, напр.: «..untreated bipolar I disorder..», «..a brain injury..», «...had been diagnosed with autism...». Подчеркивается невозможность контроля ситуации, напр.: «I lost touch with reality; ...behavior that oftentimes feels like an out-of-body experience». На лингвистическом уровне это подразумевает употребление эмотивной лексики, медицинской терминологии.

Другой пример стратегии патологизации как ряда действий, направленных на дискредитацию объекта патологизирования, являет собой критический медийный образ Д. Трампа. Представляя его как объект острой критики, авторы медийных текстов квалифицируют 47-го президента США в качестве человека, имеющего серьезные психические заболевания и расстройства. В медиадиапространстве фигурируют не только отдельные публикации, но исследования в формате книг, напр.: *The Dangerous Case of Donald Trump: 27 Psychiatrists and Mental Health Experts Assess a President* [Lee 2017]; *The More Dangerous Case of Donald Trump: 40 Psychiatrists and Mental Health Experts Warn Anew* [Lee 2024].

Одним из наиболее часто упоминаемых в американском медиадискурсе патологических состояний, приписываемых Д. Трампу, является патологический нарциссизм. Напр.: *A number of Donald Trump's critics have*

reached consensus: We are being governed by a man with a narcissistic personality disorder, almost certainly of the malignant variety, and it's time to call it by name [Senior 2026]; Now, Trump's pathological narcissism, a hard-to-treat personality disorder, is on full display [Goodman 2026]

Мегаломания — еще одно психическое состояние, которое соотносят с образом Д. Трампа. Она рассматривается и как симптом (состояние), и как отдельное психическое расстройство, напр., в электронной версии энциклопедии «Britannica» отмечается: *megalomania: a condition or mental illness that causes people to think that they have great or unlimited power or importance* [Britannica 2026]. В американском медийном дискурсе этот вид патологизации образа Д. Трампа может быть проиллюстрирован следующими примерами: *And there is no doubt that, in addition to his megalomania, the ballroom reflects the president's desire to make the White House a North American Versailles* [Bouie 2026]; *Trump's megalomania undermines Biden blame game* [Kilgoro 2026]; *Nothing captures Trump's megalomania and narcissism more vividly than his openly declared agenda, should he win back the White House next year* [Edsall 2023].

Иногда это состояние не заявляется как непосредственно присущее Д. Трампу, но представляется как тенденция, напр.: *The Washington Roundtable discusses Donald Trump's recent "explosion of the ego" and tendency toward megalomania...* [Glasser 2026]

Другое патологическое состояние, соотносимое с Д. Трампом его политическими оппонентами, — это деменция. Напр.: *Experts have repeatedly warned that the President has been exhibiting signs consistent with dementia and cognitive decline* [Lillis 2026]; *There is "overwhelming" evidence that Donald Trump is suffering from dementia, a leading psychiatrist has claimed, amid speculation about the state of the former president's mental health* [Phillips 2026].

В американском медиадискурсе поведение Д. Трампа описывается также как проявление психопатии. Психопатия определяется следующим образом: *psychopathy, personal disorder characterized by a set of dysfunctional interpersonal emotional, lifestyle, and antisocial tendencies* [Britannica 2026]. Очевидно, носитель этих качеств является человеком, вызывающим опасения и представляющим угрозу. Напр.: *Trump's narcissism was actually distracting us from his psychopathic traits* [Edsall 2023]; *This behavior is also consistent with psychopathy, which is pretty much grandiose narcissism plus poor impulse control.* [ibid.].

В разряд патологических состояний, приписываемых Д. Трампу в медиадискурсе, попадает и паранойя, напр.: *"Trump seems increasingly paranoid, which can also be a reflection of his aging brain and mental decline."* [ibid.]; *Presidential paranoia is not a new phenomenon but Mr. Trump, burned by impeachment, seems to have elevated it to a governing philosophy of his White House* [Baker 2026].

Некоторые авторы отмечают, что использование терминов лишь удобный инструмент для комплексного краткого описания его характерных черт, особенностей психотипа. По существу, за этим стоят его тактики и стратегии, отработанные и успешно примененные им в «допрезидентский» период. Таким образом, поведенческие и управленческие модели Д. Трампа не стоит определять как психические расстройства. Напр.: *Trump always relies on the same unorthodox disruptive tactics. His greed, grandiosity, divisiveness, and shifting agenda methods are not new.... This is why I ultimately believe that while Trump's dangerous lifelong "megalomania" may not endear him to many, it does not indicate insanity either. Instead, it indicates a clear pattern* [Sonnenfeld 2026].

Возможно допущение, что некоторые эксцентричные политические маневры и высказывания Д. Трампа — часть создаваемого им образа, напр.: *Mr. Trump has at times tried to leverage his madman reputation. "Make them think I'm crazy," he told Nikki Haley, his first-term ambassador to the United Nations, referring to the North Koreans* [Baker 2020]. В этом случае можно констатировать использование Д. Трампом стратегии «самопатологизации» для решения политических задач. Это подход реализуется в отдельных случаях, напр.: *A commentary published in a North Korean state newspaper Thursday calls President Trump a "psychopath" — and suggests that he would launch a preemptive strike on North Korea to distract from domestic political problems* [Taylor 2026].

Контекстуальный анализ позволяет выделить две тактики в стратегии патологизации: персональная дискредитация, институциональная дискредитация. Тактики характеризуются не только спецификой смысловой фокусировки, но и особенностями языковых средств выражения. Так, для институциональной дискредитации характерны, помимо негативной лексики, напр.: «malignant», «psychopathic», — подчеркивание статуса патологизируемого, напр.: «...the President has been exhibiting signs consistent with dementia...», «Presidential paranoia...». Кроме того, для этой тактики типичны демонстрация опасностей для системы власти и обще-

ства, напр., концентрация власти: «...the president's desire to make the White House a North American Versailles» (уподобление монархии), непредсказуемые угрозы: «We are being governed by a man with a narcissistic personality disorder...», «...a preemptive strike on North Korea...», масштабирование, перенос личных качеств одного человека на систему: «...seems to have elevated it to a governing philosophy of his White House».

Таким образом, анализ лексикографического материала помогает выявить общие параметры патологизации как осмысления ситуативного проявления болезненности / отклонения от нормы. Эти параметры можно представить следующим образом: объект рассмотрения характеризуется как болезненное проявление; объект демонстрирует негативное отклонение от нормы; рациональная оценка положения дел; лицом, констатирующим патологизацию, является эксперт/врач или критически оценивающий явление/ситуацию человек (в роли эксперта); возможна самопатологизация; объектом может быть человек/группа людей (их состояние, качества, чувства), явление или ситуация; патологизация предстает как проявление стигматизации чего/кого-либо; патологизация опасна, она несет угрозу для непредвзятого, объективного взгляда на ситуацию.

Исследование применения патологизации в качестве дискурсивной стратегии в медиадискурсе демонстрирует наличие двух основных подходов: собственно патологизацию (объект: другой человек или явление) и самопатологизацию (аутонаправленность).

Для самопатологизации характерны детализация особенностей болезненного состояния; апелляция к медицинским показаниям; снятие с себя ответственности в частностях и одновременно гиперболизация ответственности в целом (усиление личной значимости); интенция вызвать эмоциональный отклик, сочувствие; создание образа страдающего человека (нивелирование социального статуса); стремление к реабилитации в глазах общественности, восстановление положительного образа.

Рассмотрение стратегии патологизации было проведено в рамках политического медиадискурса, что придает выводам определенную специфичность. Тем не менее они могут быть экстраполированы по большей части и на другие дискурсивные области. К особенностям данной стратегии следует отнести критическую направленность; отрицательность оценки; рационализацию оценивания посредством использования медицинской терминологии; констатацию наличия психических отклонений/заболеваний (пато-

логический нарциссизм, мегаломания, деменция, психопатия, паранойя); по преимуществу персональную направленность патологизации; перспективное усугубление состояния, невозможность избавления от болезненного отклонения; то, что действия патологизируемого, последствия его деятельности представляют опасность для других людей.

В рамках выявленных стратегий могут быть определены дискурсивные тактики их актуализации. В первом приближении они могут быть сформулированы следующим образом: персональная дискредитация, институциональная дискредитация, персональная реабилитация, институциональная реабилитация.

Перспективным представляется изучение речевых средств актуализации выявленных стратегий и тактик патологизации в медиадискурсе, а также уточнение их разновидностей.

ИСТОЧНИКИ

1. Михель, Д. В. Медикализация / Д. В. Михель // Большая российская энциклопедия. — URL: <https://bigenc.ru/c/medikalizatsiia-0d22fb> (дата обращения: 22.06.2026).
2. Baker, P. A presidency increasingly guided by suspicion and distrust / P. Baker, M. Habermann. — URL: <https://www.nytimes.com/2020/02/15/us/politics/trump-distrust-paranoia.html> (дата обращения: 20.04.2026).
3. Baker, P. Trump's erratic behavior and extreme comments revive mental health debate / P. Baker. — URL: <https://www.nytimes.com/2026/04/13/us/politics/trump-mental-fitness-25th-amendment.html> (дата обращения: 10.05.2026).
4. Beck, E. Kanye West apologizes for anti-Semitic comments, links behavior to 2002 brain injury / E. Beck. — URL: <https://www.washingtonpost.com/style/2026/01/26/kanye-west-ye-antisemitism-apology/> (дата обращения: 10.05.2026).
5. Boui, J. The loneliness of Donald Trump/ J. Boui. — URL: <https://www.nytimes.com/2026/04/29/opinion/trump-assassination-attempts-political-violence.html> (дата обращения: 12.04.2026).
6. Britannica. — URL: <https://www.britannica.com/dictionary/megalomania> (дата обращения: 20.04.2026).
7. Cambridge Dictionary. — URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/pathologization> (дата обращения: 10.05.2026).
8. Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary. — URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/narcissism> (дата обращения: 10.05.2026).
9. Dictionary.com. — URL: <https://www.thesaurus.com/browse/pathological> (дата обращения: 15.06.2026).
10. Edsall, Th. The roots of Trump's rage / Th. Edsall. — URL: <https://www.nytimes.com/2023/11/22/opinion/trump-danger-rage-psychology.html> (дата обращения: 20.05.2026).
11. Glasser, S. What happens when a megalomaniac begins to fail / S. Glasser, J. Mayer, E. Osnos. — URL: <https://www.newyorker.com/podcast/political-scene/what-happens-when-a-megalomaniac-begins-to-fail> (дата обращения: 20.06.2026).
12. Goodman, M. The NYT Times continues to normalize Trump / M. Goodman. — URL: <https://www.counterpunch.org/2026/03/25/the-nyt-times-continues-to-normalize-trump> (дата обращения: 05.04.2026).
13. Heath, J. Why are racial problems in the United States so intractable? / J. Heath. URL: <https://americanaffairsjournal.org/2021/08/why-are-racial-problems-in-the-united-states-so-intractable> (дата обращения: 15.06.2026).
14. Kilgoro, E. Trump's megalomania undermines Biden blame game / E. Kilgoro. — URL: <https://nymag.com/intelligencer/article/trumps-megalomania-undermines-biden-blame-game.html> (дата обращения: 08.06.2026).

15. Lee, B. The Dangerous Case of Donald Trump: 27 Psychiatrists and Mental Health Experts Assess a President/ B. X. Lee (Author), & 30 more. — [S.l.] : Thomas Dunne Books, 2017. — 384 p.
16. Lee, B. The More Dangerous Case of Donald Trump: 40 Psychiatrists and Mental Health Experts Warn Anew / B. X. Lee. — [S.l.] : World Mental Health Coalition, Inc., 2024, 255 p.
17. Lillis, M. Raskin asks White House physician for 'comprehensive cognitive assessment' of Trump / M. Lillis. — URL: <https://thehill.com/author/mike-lillis> (дата обращения: 19.06.2026).
18. Marshall, A. U.K. bars Ye over Antisemitism, months before major festival performances / A. Marshall. — URL: <https://www.nytimes.com/2026/04/07/arts/music/kanye-west-ye-visa-ban-wireless.htm> (дата обращения: 20.06.2026).
19. Megalomania. — URL: <https://www.britannica.com/dictionary/megalomania> (дата обращения: 10.06.2026).
20. Merriam-Webster Dictionary. — URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/pathologiz> (дата обращения: 10.04.2026).
21. Moses, C. Despite protest, Ye takes the stage for thousands of European fans / C. Moses. — URL: <https://www.nytimes.com/2026/06/06/arts/music/ye-concert-bully-tour-netherlands.html> (дата обращения: 10.06.2026).
22. Phillips, A. Donald Trump Dementia Evidence 'Overwhelming,' Says Top Psychiatrist / A. Phillips. — URL: <https://www.newsweek.com/donald-trump-dementia-evidence-overwhelming-top-psychiatrist-1881247> (дата обращения: 02.06.2026).
23. Senior, J. We are all at the mercy of the narcissist in Chief / J. Senior. — URL: <https://www.nytimes.com/2019/10/11/opinion/trump-narcissism.html> (дата обращения: 12.05.2026).
24. Shear, M. D. Pepsi and others drop sponsorship of London Music Festival headlined by Ye / M. D. Shear. — URL: <https://www.nytimes.com/2026/04/05/world/europe/ye-music-festival-pepsi-antisemitism.html> (дата обращения: 17.06.2026).
25. Sonnenfeld, J. The truth about Donald Trump's sanity / J. Sonnenfeld. — URL: <https://time.com/article/2026/05/20/the-truth-about-donald-trump-s-sanity/> (дата обращения: 10.05.2026).
26. Taylor, A. North Korea says Trump is a 'psychopath' who may launch a preemptive strike / A. Taylor. — URL: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2017/06/22/north-korea-says-trump-is-a-psychopath-who-may-launch-a-preemptive-strike/> (дата обращения: 10.05.2026).
27. Taylor, D. Ye apologizes for antisemitic behavior, again / D. Taylor, E. Barry. — URL: <https://www.nytimes.com/2026/01/26/arts/music/ye-kanye-west-apology-antisemitism.html> (дата обращения: 17.04.2026).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Болдырев, Н. Н. Концептуальная основа языка / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. — 2009. — № 4. — С. 25–77. — EDN PNONT.
2. Головина, А. А. Лексические и стилистические особенности заголовков в англоязычном массмедийном политическом дискурсе / А. А. Головина // Вестник филологических наук. — 2023. — Т. 3, № 12. — С. 196–201. — EDN BKIUWT.
3. Гребенюк, А. А. Психологизация как генератор психологических симулякров / А. А. Гребенюк // Мир науки. Педагогика и психология. — 2024. — Т. 12, № 5. — EDN NWRZEU.
4. Дьяченко, И. А. Реализация стратегии самопрезентации в политическом дискурсе Д. Трампа / И. А. Дьяченко // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. — 2019. — № 44. — С. 194–199. — EDN ZYBNBR.
5. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. Изд. 9-е, доп. — Москва: URSS, 2024. — 320 с.
6. Коренецкая, И. Н. Медицинская метафора в медийном политическом дискурсе (на материале английского языка) / И. Н. Коренецкая // Русский лингвистический бюллетень. — 2023. — № 11(47). — DOI 10.18454/RULB.2023.47.31. — EDN KEAJXW.
7. Крючкова, А. Д. Коммуникативные стратегии самопрезентации в англоязычных интернет-интервью / А. Д. Крючкова, Ю. Н. Мухина // Иностранные языки: проблемы преподавания и риски коммуникации / под ред. Р. З. Назаровой, Т. А. Спиридоновой. — Саратов : Саратовский источник, 2017. — Вып. 10. — С. 94–99. — EDN YLRHQC.

8. Михайлова, О. Р. Между дискурсами патологии и нормы: биографическая практика аутоагрессии (на примере самоповреждения) / О. Р. Михайлова // Интеракция. Интервью. Интерпретация. — 2019. — Т. 11, № 20. — С. 77–96. — DOI 10.19181/inter.2019.20.4. — EDN EIFHRN.
9. Танков, Е. В. Исследование политического дискурса: бинарные концептуальные оппозиции / Е. В. Танков // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. — 2020. — № 4-2. — С. 165–169. — DOI 10.37882/2223-2982.2020.04-2.32. — EDN DHGYJY.
10. Фоминых, А. Д. Медицинская терминология как способ метафоризации в общественно-политическом дискурсе английского языка / А. Д. Фоминых // Казанский лингвистический журнал. — 2018. — Т. 1, № 3. — С. 16–21. — EDN VABQCK.
11. Шевченко, Е. С. Конструирование политического образа Д. Трампа авторитетными американскими медиаисточниками: к вопросу формулирования инструментария / Е. С. Шевченко, С. И. Попов, Н. В. Шуленкина // Вопросы политологии. — 2021. — Т. 11, № 8(72). — С. 2284–2295. — DOI 10.35775/PSI.2021.72.8.008. — EDN RIWUZS.
12. Conrad, P. Medicalization: changing contours, characteristics, and contexts/ P. Conrad // W.C. Cockerham (Ed.), Medical Sociology on the Move: New Directions in Theory, Springer Netherlands (2013), pp. 195–214. DOI 10.1007/978-94-007-6193-3_10.
13. De Vos, J. Psychologisation in Times of Globalisation / J. De Vos. London: Routledge, 2012. 176 p. ISBN 978-1136295164.
14. Rainock, M. Expanding contexts of medicalization: The role of policy legacies, race, and class in the prevalence of treatment courts / M. Rainock // Social Science & Medicine. — 2025. — Vol. 370. — P. 117859. — DOI 10.1016/j.socscimed.2025.117859. — EDN MSJQFJ. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0277953625001881> (дата обращения: 10.04.2026).

MATERIALS

1. Mikhel, D. V. (n.d.). Medikalizatsiya = Medicalization. *The Great Russian Encyclopedia*. Available at June 22, 2026 from <https://bigenc.ru/c/medikalizatsiya-0d22fb>.
2. Baker, P., Habermann, M. (n.d.). A presidency increasingly guided by suspicion and distrust. Available at Apr. 20, 2026 from <https://www.nytimes.com/2020/02/15/us/politics/trump-distrust-paranoia.html>.
3. Baker, P. (n.d.). Trump's erratic behavior and extreme comments revive mental health debate. Available at May 10, 2026 from <https://www.nytimes.com/2026/04/13/us/politics/trump-mental-fitness-25th-amendment.html>.
4. Beck, E. (n.d.). Kanye West apologizes for anti-Semitic comments, links behavior to 2002 brain injury. Available at May 10, 2026 from <https://www.washingtonpost.com/style/2026/01/26/kanye-west-ye-antisemitism-apology/>.
5. Boui, J. (n.d.). The loneliness of Donald Trump. Available at Apr. 12, 2026 from <https://www.nytimes.com/2026/04/29/opinion/trump-assassination-attempts-political-violence.html>.
6. Britannica (n.d.). Available at Apr. 20, 2026 from <https://www.britannica.com/dictionary/megalomania>.
7. Cambridge Dictionary (n.d.). Available at May 10, 2026 from <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/pathologization>.
8. Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary (n.d.). Available at May 10, 2026 from <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/narcissism>.
9. Dictionary.com (n.d.). Available at June 15, 2026 from <https://www.thesaurus.com/browse/pathological>.
10. Edsall, Th. (n.d.). The roots of Trump's rage / Th. Edsall. Available at May 20, 2026 from <https://www.nytimes.com/2023/11/22/opinion/trump-danger-rage-psychology.html>.
11. Glasser, S., Mayer, E., Osnos, E. (n.d.). What happens when a megalomaniac begins to fail. Available at June 20, 2026 from <https://www.newyorker.com/podcast/political-scene/what-happens-when-a-megalomaniac-begins-to-fail>.
12. Goodman, M. (n.d.). The NYT Times continues to normalize Trump. Available at Apr. 5, 2026 from <https://www.counterpunch.org/2026/03/25/the-nyt-times-continues-to-normalize-trump>.

13. Heath, J. (n.d.). Why are racial problems in the United States so intractable? Available at June 15, 2026 from <https://americanaffairsjournal.org/2021/08/why-are-racial-problems-in-the-united-states-so-intractable>.

14. Kilgoro, E. Trump's megalomania undermines Biden blame game / E. Kilgoro. Available at June 8, 2026 from <https://nymag.com/intelligencer/article/trumps-megalomania-undermines-biden-blame-game.html>.

15. Lee, B., et al. (2017). The Dangerous Case of Donald Trump: 27 Psychiatrists and Mental Health Experts Assess a President. S.I.: Thomas Dunne Books, 384 p.

16. Lee, B. (2024). The More Dangerous Case of Donald Trump: 40 Psychiatrists and Mental Health Experts Warn Anew. S.I.: World Mental Health Coalition, Inc., 255 p.

17. Lillis, M. (n.d.). Raskin asks White House physician for 'comprehensive cognitive assessment' of Trump. Available at June 19, 2026 from <https://thehill.com/author/mike-lillis>.

18. Marshall, A. (n.d.). U.K. bars Ye over Antisemitism, months before major festival performances. Available at June 10, 2026 from <https://www.nytimes.com/2026/04/07/arts/music/kanye-west-ye-visa-ban-wireless.htm>.

19. Megalomania (n.d.). Available at June 10, 2026 from <https://www.britannica.com/dictionary/megalomania>.

20. Merriam-Webster Dictionary. Available at Apr. 10, 2026 from <https://www.merriam-webster.com/dictionary/pathologiz>.

21. Moses, C. (n.d.). Despite protest, Ye takes the stage for thousands of European fans. Available at June 10, 2026 from <https://www.nytimes.com/2026/06/06/arts/music/ye-concert-bully-tour-netherlands.html>.

22. Phillips, A. (n.d.). Donald Trump Dementia Evidence 'Overwhelming,' Says Top Psychiatrist. Available at June 2, 2026 from <https://www.newsweek.com/donald-trump-dementia-evidence-overwhelming-top-psychiatrist-1881247>.

23. Senior, J. (n.d.). We are all at the mercy of the narcissist in Chief. Available at May 12, 2026 from <https://www.nytimes.com/2019/10/11/opinion/trump-narcissism.html>.

24. Shear, M. D. (n.d.). Pepsi and others drop sponsorship of London Music Festival headlined by Ye. Available at June 17, 2026 from <https://www.nytimes.com/2026/04/05/world/europe/ye-music-festival-pepsi-antisemitism.html>.

25. Sonnenfeld, J. (n.d.). The truth about Donald Trump's sanity. Available at May 10, 2026 from <https://time.com/article/2026/05/20/the-truth-about-donald-trump-s-sanity/>.

26. Taylor, A. (n.d.). North Korea says Trump is a 'psychopath' who may launch a preemptive strike. Available at May 10, 2026 from <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2017/06/22/north-korea-says-trump-is-a-psychopath-who-may-launch-a-preemptive-strike/>.

27. Taylor, D., Barry, E. (n.d.). Ye apologizes for antisemitic behavior, again. Available at Apr. 17, 2026 from <https://www.nytimes.com/2026/01/26/arts/music/ye-kanye-west-apology-antisemitism.html/>.

REFERENCES

1. Boldyrev, N. N. (2009). Kontseptualnaya osnova yazyka = The conceptual basis of language / N. N. Boldyrev// Cognitive language studies. 2009. Issue IV. pp. 25-77.

2. Golovina, A. A. (2023). Leksicheskiye i stilicheskiye osobennosti zagolovkov v angloyazychnom massmediynom politicheskom diskurse = Lexical and Stylistic Features of Headlines in

English-Language Mass Media Political Discourse. *Bulletin of Philological Sciences*, 3(12), 196–201. EDN BKIUWT.

3. Grebenyuk, A. A. (2024). Psychologization as a generator of psychological simulacra = Psikhologizatsiya kak generator psikhologicheskikh simulyakrov. *The world of science. Psychology and Pedagogy*, 12(5), 2024. EDN NWRZEU.

4. Dyachenko, I. A. (2019). Realizatsiya strategii samoprezentatsii v politicheskom diskurse D. Trampa = Implementation of the Self-Presentation Strategy in D. Trump's Political Discourse. *Foreign Languages: Linguistic and Methodological Aspects*, 44(194–199). EDN ZYBNBR.

5. Issers, O. S. (2024). Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoy rechi = Communicative strategies and tactics of Russian speech. Moscow: URSS, 320 p.

6. Korenetskaya, I. N. (2023). Meditsinskaya metafora v mediynom politicheskom diskurse (na materiale angliyskogo yazyka) = Medical Metaphor in Media Political Discourse (Based on the English Language). *Russian Linguistic Bulletin*, 11(47). DOI 10.18454/RULB.2023.47.31. EDN KEAJXW.

7. Kryuchkova, A. D., Mukhina, Yu. N. (2017). Kommunikativnyye strategii samoprezentatsii v angloyazychnykh internet-intervyu. *Foreign languages: problems of teaching and risks of communication* (ed. R. Z. Nazarova, T. A. Spiridonova), 10, 94–99. Saratov: Saratovskiy istochnik. EDN YLRHQC.

8. Mikhaylova, O. R. (2019). Mezhdru diskursami patologii i normy: biograficheskaya praktika autoagressii (na primere samopovrezhdeniya) = Between discourses of pathology and norm: biographical practice of autoaggression (on the example of self-harm). *Interaction. Interview. Interpretation*, 11(20), 77–96. DOI 10.19181/inter.2019.20.4. EDN EIFHRN.

9. Tankov, E. V. (2020). Issledovaniye politicheskogo diskursa: binarnyye kontseptualnyye oppozitsii = Political discourse research: binary conceptual oppositions. *Modern Science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*, 4–2, 165–169.

10. Fominykh, A. D. (2018). Meditsinskaya terminologiya kak sposob metaforizatsii v obshchestvenno-politicheskom diskurse angliyskogo yazyka = Medical Terminology as a Means of Metaphorization in the Socio-Political Discourse of the English Language. *Kazan Linguistic Journal*, 1(3), 16–21. EDN VABQCK.

11. Shevchenko, E. S., Popov, S. I., Shulenina, N. V. (2021). Konstruirovaniye politicheskogo obraza D. Trampa avtoritetnymi amerikanskimi mediaistochnikami: k voprosu formulirovaniya instrumentariya = Construction of the Political Image of D. Trump by Authoritative American Media Sources: Toward the Formulation of Instruments. *Problems of Political Science*, 11(8(72)), 2284–2295. DOI 10.35775/PSI.2021.72.8.008. EDN RIWUZS.

12. Konrad, P. (2013). Medicalization: changing contours, characteristics and contexts. *Medical Sociology in motion: new directions in theory* (Ed. W. S. Cockerham), 195–214. Springer Netherlands.

13. De Vos, J. (2012). Psychologization in times of globalization. London: Routledge, 176 p.

14. Reinock, M. (2025). The expanding context of medicalization: the role of political heritage, race and class in the prevalence of medical courts. *Social Sciences and Medicine*, 370. Available at Apr. 10, 2026 from <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0277953625001881>.

Политическая лингвистика. 2026. № 4 (118).
Political Linguistics. 2026. No 4 (118).

УДК 81'42+81'38+81'27

ББК Ш105.51+Ш105.551.5+Ш100.621

ГРНТИ 11.15.89; 16.21.27

Код ВАК 5.9.9

Кирилл Тимофеевич Тодоров

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия, ktodor98@gmail.com, SPIN-код: 8445-8171

Территориальный спор Венесуэлы и Гайаны: взгляд через соцсети президентов

АННОТАЦИЯ. В статье исследуется коммуникационная кампания, с одной стороны, президента Венесуэлы Николаса Мадуро, с другой — президента Гайаны Ирфаана Али в период обострения конфликта между двумя странами из-за спорной территории Гайана-Эссекибо в 2023 г. Целью исследования было выяснение того, как именно официальные позиции стран проводились с помощью личных аккаунтов президентов в соцсетях. Был проведен контент-анализ постов Николаса Мадуро в Instagram* и Ирфаана Али в Facebook* на тему территориального конфликта. В ходе исследования были выявлены следующие тенденции: с одной стороны, оба использовали классические приемы военной пропаганды, действуя в противовес друг другу, с другой — Ирфаан Али заимствовал некоторые коммуникационные приемы у своего оппонента, Николаса Мадуро, существенно меняя свой привычный стиль коммуникации в соцсетях в период конфликта. Как показало исследование, «атакующая» сторона, которой в данном случае выступила Венесуэла, отличается позитивной коммуникацией, тогда как у стороны «обороняющейся», в данном случае Гайаны, коммуникация носит в большей степени тревожный и агрессивный характер. В то же время важным выводом статьи стало то, что при отсутствии реальных боевых действий противоборствующие стороны остаются в рамках мирной коммуникации, избегая излишне агрессивных маркировок и разжигания ненависти. Результаты исследования могут быть полезны при изучении современных методов военной пропаганды, коммуникационных процессов в ходе международных конфликтов и формирования особого стиля прямой коммуникации главы государства в соцсетях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика, политический дискурс, политические тексты, венесуэльско-гайанский кризис, венесуэльско-гайанские отношения, территориальные споры, интернет-дискурс, интернет-тексты, интернет-ресурсы, социальные сети, политическая коммуникация, военная пропаганда, контент-анализ, политические деятели.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Тодоров Кирилл Тимофеевич, аспирант факультета журналистики, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, email: ktodor98@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тодоров, К. Т. Территориальный спор Венесуэлы и Гайаны: взгляд через соцсети президентов / К. Т. Тодоров. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 4 (118). — С. 151-160.

Kirill T. Todorov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, ktodor98@gmail.com, SPIN code: 8445-8171

Guyana-Venezuela Territorial Dispute: A Look Through the Personal Social Media Profiles of the Presidents

ABSTRACT. The article explores the communication campaigns of Venezuelan President Nicolás Maduro and Guyanese President Irfaan Ali during the escalation of the conflict between the two countries over the Essequibo region in 2023. The aim of the study is to find out exactly how the official positions of the countries were carried out through the personal social media profiles of the presidents. The author conducted content analysis of the social media posts about the territorial dispute from Maduro's Instagram* and Ali's Facebook* profiles. The following tendencies have been revealed: on the one hand, both leaders used traditional methods of military propaganda with relation to each other; on the other hand, Irfaan Ali adopted some of Maduro's communication techniques, significantly changing his own social network communication style during the conflict. The study also showed that the "offensive" side, in this case Venezuela, was distinguished by positive communication, while the "defensive" side, Guyana, demonstrated a more anxious and aggressive nature. However, the most significant conclusion of the article is that with the absence of real hostilities, both sides maintained peaceful communication by avoiding overly aggressive language and hate. The results of this study can be valuable for the understanding of modern military propaganda techniques and media communication during international conflicts and the formation of a specific style of direct communication of state leaders in social media.

KEYWORDS: political linguistics, political discourse, political texts, Guyana-Venezuela crisis, Guyana-Venezuela relations, territorial disputes, Internet discourse, Internet texts, Internet resources, social networks, political communication, military propaganda, content analysis, politicians.

AUTHOR'S INFORMATION: Todorov Kirill Timofeevich, Post-Graduate Student of the Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Todorov K. T. (2026). Guyana-Venezuela Territorial Dispute: A Look Through the Personal Social Media Profiles of the Presidents. In *Political Linguistics*. No 4 (118), pp. 151-160. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Конфликт Боливарианской Республики Венесуэла и Кооперативной Республики Гайана вокруг территории Гайана-Эссекибо длится уже почти 200 лет, при этом ни разу дело не доходило до прямого военного столкновения. Тем не менее этот спор является серьезным препятствием в дипломатических отношениях двух стран, а также отражается на политической ситуации в Латиноамериканском регионе.

Долгое время конфликт считался замороженным, однако после того, как правительство Гайаны заключило соглашение с американской нефтедобывающей компанией *ExxonMobil*, которая в 2015 г. обнаружила в этом районе крупные нефтяные месторождения, вопрос снова стал актуальным. Эскалация конфликта в 2023 г. связана с новой фазой разработок, проводимых *ExxonMobil* [Львова 2024: 85–86]. В конце сентября президент Венесуэлы Николас Мадуро объявил о созыве общенационального референдума «о защите территории Гайана-Эссекибо», на котором, помимо прочего, был поставлен вопрос о принятии «дальнейших мер по возвращению Гайаны-Эссекибо в состав Венесуэлы»¹. Власти Гайаны расценили этот шаг как прямое посягательство на свою территорию. Референдум был проведен 3 декабря, после чего произошел наиболее острый эпизод рассматриваемого периода — крушение вертолета *Bell 412* Сил обороны Гайаны, патрулировавшего границу с Венесуэлой. Хотя в официальных источниках не говорилось о причастности Венесуэлы к инциденту, это вызвало широкий резонанс в гайанских медиа². Напряженность сохранялась вплоть до прямых переговоров Николаса Мадуро и Ирфаана Али, состоявшихся 14 декабря недалеко от аэропорта Аргайл на территории государства Сент-Винсент и Гренадины.

Впервые за много лет конфликт приблизился к горячей фазе, и возможные военные действия стали центральной темой в медиапространстве обеих стран. Проводниками

официальных точек зрения и с той, и с другой стороны выступили президенты Николас Мадуро и Ирфаан Али, активно использующие соцсети. В Латинской Америке прямая коммуникация глав государств занимает важное место в медиапространстве и зачастую вытесняет государственные СМИ. Венесуэла и Гайана подтверждают эту тенденцию.

В Венесуэле прямая политическая коммуникация активно развивается с середины 2000-х гг. Бывший президент Уго Чавес был одним из первых, кто начал использовать каналы массовой коммуникации для прямого общения с народом. У Мадуро тоже достаточно опыта в этом, во многом он копировал стиль своего предшественника. Коммуникационная политика Уго Чавеса активно исследовалась как в зарубежной, так и в российской литературе — можно отметить, например, работы Г. С. Филаткиной [Филаткина 2015]. Мадуро исследован в меньшей степени, но, например, в коллективной монографии о политической коммуникации в Иberoамерике, выпущенной британским издательством «Рутледж», есть глава о стиле коммуникации венесуэльского президента и его связи с традициями Чавеса [Casado, Sánchez 2024].

Медиасистема Гайаны практически не исследована в научной литературе. Можно отметить работы гайанского профессора Э. К. Томаса, изучавшего процессы в массмедиа, но его исследования касаются XX в. [Thomas 1982], тогда как современный период все еще не изучен. Прямая политическая коммуникация находится на начальной стадии развития: Али стал первым президентом Гайаны, активно использующим соцсети.

Поведение СМИ латиноамериканских стран в конфликтных ситуациях неоднократно становилось объектом исследований. Латиноамериканские исследователи часто подходят к вопросу комплексно, активно используя социологические методы, анализируя роль СМИ в затяжной партизанской войне в Колумбии [Medina Gallego 2016] или в социальных конфликтах 2010-х гг. в Перу³. Однако все эти исследования касаются внутренних конфликтов. Эскалация конфликта между Венесуэлой и Гайаной позволяет нам провести сравнительный анализ

¹ Esequibo: 5 preguntas para un pueblo libre, participativo y protagonista — Prensa MPPS, 2023. URL: <https://mpps.gob.ve/esequibo-5-preguntas-para-un-pueblo-libre-participativo-y-protagonico/> (дата обращения: 01.02.2026).

² Williams T. GDF to regroup and continue to protect Guyana's territorial integrity — Guyana Chronicle, 2023. URL: <https://guyanachronicle.com/2023/12/10/gdf-to-regroup-and-continue-to-protect-guyanas-territorial-integrity/> (дата обращения: 01.02.2026).

³ Salazar-Jeanneau, Sebastian. (2014). Periodismo y conflictos sociales en el Perú: ¿cobertura preventiva o tradicional en los diarios de alcance nacional? [Thesis for Bachelor degree, Pompeu Fabra University]

каналов президентов двух латиноамериканских стран в условиях внешнего конфликта — в современной истории Латинской Америки, когда основная коммуникация ведется через социальные сети, таких примеров практически нет.

Кроме того, нетипичной для подобных исследований является природа Венесуэльско-гайанского конфликта: обострение отношений при отсутствии реальных военных действий. Хотя СМИ разных стран в 2023 г. писали о возможной войне между Венесуэлой и Гайаной¹, эксперты-латиноамериканисты, в том числе российские, оценивали вероятность начала реальных боевых действий как крайне низкую². При этом медиаисследователи в большинстве случаев анализируют ситуации, когда насильственные действия уже произошли, и акцентируют внимание на том, как СМИ работают в условиях войны. Но, как можно предположить, в случае возможных, а не реальных военных действий неизбежна модификация традиционных методов информационной войны. Исследований того, как ведут себя медиа в подобных ситуациях, явно не хватает.

Цель работы: выяснить, как через личные каналы президентов проводилась официальная точка зрения двух стран в условиях эскалации внешнего конфликта. **Предметом** исследования стали материалы из личных аккаунтов в *Instagram** Николаса Мадуро и в *Facebook** Ирфаана Али.

Методология и методика. В эпоху активного развития социальных сетей политические процессы переходят в онлайн, пользователи могут наблюдать за ними в прямом эфире, и это коренным образом меняет саму политическую реальность, о чем говорят работы отечественных медиаисследователей начала и середины 2010-х гг. [Русакова, Грибовод 2014]. Из этого фактора выводится концепция медиатизации политики, в соответствии с которой СМИ уже не просто передают информацию и выполняют функцию посредника между политиками и обществом, а становятся полноценными участниками политического процесса. Но медиатизация распространяется и на самих политиков, которые все чаще осознают необходимость

прямой коммуникации с населением, заводят аккаунты в социальных сетях и сами, таким образом, становятся СМИ — участником политического процесса.

Выбор каналов лидеров стран, а не традиционных СМИ, обусловлен особенностями медиасистем Венесуэлы и Гайаны, в которых на первый план в политической коммуникации выходит прямое общение политиков в соцсетях. Несмотря на фактор медиатизации, было бы некорректно рассматривать эскалацию конфликта как процесс, запущенный и проводимый в онлайн-медиаполе. Стиль и характер коммуникации лидеров стран в соцсетях в первую очередь обусловлены событиями, происходившими в реальности. Безусловно, пост в социальной сети можно рассматривать как политический жест. Но за каждым политическим жестом стоит цепь событий, происходивших офлайн, без понимания которых невозможно и полноценное изучение политического процесса. Поэтому для задач настоящей работы было важно действовать на стыке институционального и исторического подхода к медиатизации политики.

Исследование состоит из нескольких этапов. Сначала путем историко-описательного метода и методов политологии выявлены основные причины конфликта и внутриполитические мотивы эскалации 2023 г. для обеих стран. Кроме того, дана общая характеристика медиасистем Венесуэлы и Гайаны, что также необходимо учитывать при рассмотрении стратегии лидеров в социальных сетях.

Далее проведен контент-анализ. В первую очередь публикации, связанные с территориальным конфликтом, были разделены по эмоциональному окрасу на положительные, в которых подчеркивается стремление к миру и любовь к своей стране, и отрицательные, в которых заметны агрессивные или тревожные настроения. Например, одним из ключевых отрицательных маркеров стали милитаристские элементы: фотографии военных, демонстрация вооруженной техники, использование военных терминов. В качестве положительного маркера выступили развлекательные и праздничные элементы, фотографии природы, видео с участием детей. Дальнейшим шагом стало выделение наиболее часто употребляемых слов и выражений, выявляющих основные политические нарративы обеих сторон. Для определения коммуникационного стиля были выделены категории постов, преобладающие у лидеров стран: в частности, официальные документы, посты, рассказывающие об истории и культуре региона и т. д. Для понимания того,

¹ Darraj, Zaid. The Essequibo Territorial Dispute: A New Proxy War? // World Affairs Council of Dallas Fort/Worth, 2024. URL: <https://www.dfwworld.org/the-essequibo-territorial-dispute-a-new-proxy-war/> (дата обращения: 22.01.2026).

² Романов Р. Почему Венесуэла требует две трети соседней Гайаны // Ведомости, 2023. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/12/09/1010209-pochemu-venesuela-trebuat> (дата обращения: 22.01.2026).

как выстраивался образ врага, было подсчитаны и проанализированы упоминания противоборствующей стороны.

Контент-анализ проводился вручную. При его проведении учитывался не только текст публикаций, но и аудиовизуальная составляющая: музыка, фотографии, слова и выражения, которые произносились в видео. Это было необходимо, учитывая креолизированный характер большинства публикаций. У обоих президентов есть как текстовые публикации, сопровождающиеся визуальным рядом без слов, так и публикации, основное содержание которых передается в видео, а текстовые описания представляют собой лишь короткие пояснения.

Хронологические рамки работы: с 23 сентября 2023 г., когда венесуэльские власти объявили о созыве национального референдума — именно после этого разговоры об эскалации конфликта стали резко набирать обороты — до 15 декабря 2023 г., когда была опубликована подписанная президентами конфликтующих стран Аргайльская декларация, в которой, помимо прочего, был прописан пункт о ненападении. Конфликт на этом не закончился, однако разговоры о возможных боевых действиях сошли на нет и, по крайней мере на время, вопрос о принадлежности Гайана-Эссекибо перестал быть главным в информационной повестке Венесуэлы и Гайаны.

ИНФОРМАЦИОННАЯ КАМПАНИЯ В INSTAGRAM* НИКОЛАСА МАДУРО

Помимо экономического интереса в связи с открытием новых месторождений, у Мадуро были и политические причины поставить на повестку дня вопрос о спорной территории. Это можно считать классическим способом отвлечения населения от внутренних проблем путем сплочения перед внешней угрозой. Хотя Венесуэла характеризуется острой политической поляризацией — уже много лет в стране идет противостояние чавистов и античавистов — позиции «Эссекибо принадлежит Венесуэле» придерживается подавляющее большинство венесуэльцев, вне зависимости от политических пристрастий. Но и этот вопрос часто становится поводом для жестких споров. Например, когда Уго Чавес приехал в Джорджтаун с официальным визитом и заключил с гайанским правительством соглашение о совместном развитии региона, оппозиция обвинила его в предательстве национальных интересов [Розенталь 2011: 61–62]. Тем не менее принадлежность Эссекибо никем в Венесуэле, даже оппозицией, под сомнение не ставится. Так что этот шаг Мадуро можно считать по-

пыткой завоевать симпатии населения в преддверии президентских выборов 2024 г. Кроме того, в октябре 2023 г. внутривластные выборы должен был провести альянс «Единая демократическая платформа» (*Plataforma Unitaria Democrática, PUD*), объединяющий античавистскую оппозицию. Можно было предположить, что вопрос о референдуме вызовет раскол в оппозиции, что тоже было на руку Мадуро.

С точки зрения внешней политики, путем народной поддержки на референдуме Мадуро стремился легитимизировать притязания Венесуэлы на спорную территорию перед международным сообществом. При этом с 2018 г. правительство Венесуэлы открыто высказывает недоверие к Международному суду ООН, обвиняя организацию в предвзятости [Торо Нестеренко 2024: 30]. В том же духе Мадуро высказался, когда власти Гайаны пытались оспорить законность проведения референдума, обратившись в Международный суд¹. В этом кроется важный посыл для венесуэльцев: Мадуро таким образом показывает, что для него мнение своего народа важнее решений международных организаций.

Для рассмотрения информационной кампании были изучены материалы аккаунта Мадуро в *Instagram** — именно в этой соцсети, наряду с *TikTok*, президент Венесуэлы наиболее активен. Всего с 23 сентября по 15 декабря 2023 г. в его аккаунте было опубликовано 198 постов, касающихся Венесуэльско-гайанского территориального спора. Их можно разделить по эмоциональному оттенку на позитивные, в которых говорится о стремлении к миру, и негативные, где присутствуют заявления милитаристского характера и звучат обвинения в адрес правительства Гайаны и лично президента Ирфана Али, США, американских корпораций и т. д.

Позитивные	135
Негативные	63

Итак, количество постов с позитивным эмоциональным окрасом более чем в два раза превышает негативные. При этом нужно учитывать, что военная лексика характерна в целом для коммуникационного стиля Мадуро — таким образом он продолжает традиции, заложенные Уго Чавесом [Hesselbach 2024]. Поэтому даже в новостях, не относящихся к военной сфере, он использует

¹ Itriago A. Venezuela Says Guyana Seeks to Halt Vote on Disputed Territory — Bloomberg, 2023. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-10-31/venezuela-says-guyana-seeks-to-halt-vote-on-disputed-territory> (дата обращения: 01.02.2026).

такие слова, как «*мобилизация народа*», «*борьба*», «*защита Родины*». Коммуникационная стратегия Мадуро, как и у Чавеса, во многом строится на антиимпериалистическом и антиамериканском дискурсе, поэтому состояние *борьбы* в этом контексте является постоянным [Русакова 2007: 20–21].

Наиболее часто употребляемые фразы, иногда с некоторыми вариациями: «*Вся Венесуэла*» (*Venezuela Toda*), «*Эссекибо — это Венесуэла*» / «*Эссекибо — наша территория*» (*Esequibo es de Venezuela / Esequibo es nuestro*), «*Венесуэльское солнце восходит над Эссекибо*» (*El sol de Venezuela nace en el Esequibo*), «*защита наших исторических прав*» (*defensa de nuestro derecho histórico*), «*Боливарианская дипломатия мира*» (*Diplomacia Bolivariana de Paz*). Эти фразы часто добавляются в конце, в одном ряду с привычными чавистскими лозунгами, например: *Venceremos* — «*Мы победим*», *Hasta la Victoria siempre* — «*Всегда до победы*», *Viva la Revolución Bolivariana* — «*Да здравствует боливарианская революция*», *Viva el poder popular* — «*Да здравствует народная власть*» и т. д. Таким образом новые утверждения встраиваются в повседневность. Как и Уго Чавес, Мадуро обращается напрямую к аудитории, рассказывает о своей повседневной жизни — в период конфликта эта тенденция никуда не исчезает. Так, например, в одном из постов рассказывает: «*Я выпил кофе от Силии* (Силия Флорес — жена Мадуро) *и иду голосовать на референдуме*». Так конфликтная коммуникация встраивается в повседневность.

Несмотря на обилие военной лексики, прямые угрозы милитаристского характера практически отсутствуют. Наоборот, часто повторяются тезисы о «*дипломатии мира*» и о том, что действия венесуэльского правительства — «не угроза». 93 поста (47 % от общего количества) посвящено непосредственно референдуму 3 декабря. Это событие представлено как национальный праздник, даже используется фраза *la fiesta electoral* — «*электоральный праздник*». Аудиовизуальное содержание постов отличается обилием ярких цветов, кадров с уличных демонстраций (которые тоже подаются как праздничные мероприятия), музыки, танцев; к агитации активно привлекаются дети. В своем *Instagram** Мадуро активно использует музыку, комиксы, мультипликацию и мемы, превращая официальные выступления в шоу — всего за рассматриваемый период опубликовано 122 таких поста, как относящихся к конфликту, так и посвященных другим темам. Это обеспечивает общий позитивный эмоциональный фон.

Этот фон усиливается тем, что ключевые с юридической точки зрения события конфликта — референдум и Аргайльская декларация — Мадуро отмечает как победы. И если на референдуме действительно более 95 % венесуэльцев проголосовали за присоединение Гайаны-Эссекибо, то декларация конфликт никак не решила, сохранив статус-кво. Но в одном из пунктов было прописано согласие с положениями Женевского соглашения 1966 г. между Венесуэлой и Британской Гвианой, а именно к этому документу традиционно апеллируют венесуэльские власти. Это дало повод Мадуро охарактеризовать переговоры в Аргайле как «*триумфальные*» и итог событий 2023 г. — как «*победу боливарианской дипломатии*».

Образ внешнего врага выстраивается неактивно. Кооперативная республика Гайана упоминается только при публикации официальных документов (то есть 7 раз за весь период) и 1 раз — в телевизионном выступлении Мадуро. Всего 9 раз упоминается Ирфаан Али, в 4 случаях (и во всех устных выступлениях) Мадуро не обращается к нему по имени, называя просто «*президент Гайаны*». В 5 постах упоминается компания *ExxonMobil*, в 4 — Южное командование ВС США, проводившее совместные учения с армией Гайаны. Утверждается, что *ExxonMobil* «управляет Гайаной», Мадуро называет Али «*президентом на зарплате*». Но эти посты составляют менее 5 % от общего количества. В целом же Мадуро в своей коммуникации уделяет мало внимания характеру внешней угрозы и рассматривает территориальный спор как внутреннюю проблему.

Этот фактор также разграничивает официальную и неофициальную коммуникацию Мадуро. Первая занимает значительно меньше пространства — за весь период опубликовано 12 официальных документов (6 % от общего числа постов) — и касается внешнеполитических вопросов. Обращения к международным инстанциям и властям Гайаны содержатся именно в этих постах, тогда как в неофициальных публикациях говорится в основном о самой Венесуэле.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ПОЗИЦИЯ ГАЙАНЫ В FACEBOOK* ИРФААНА АЛИ

На протяжении истории независимой Гайаны ее власти тоже неоднократно использовали вопрос о принадлежности Эссекибо как фактор консолидации общества и как удар по политическим конкурентам. Поляризация общества в Гайане присутствует, пусть и не в столь жестких формах, как в Венесуэле (если говорить о XXI в.). Но здесь она другого рода. На политической арене

много лет доминировали две партии: Народная прогрессивная партия (НПП), которую представляет президент Али, и Народный национальный конгресс (ННК). Они различаются не столько по идеологическим признакам, сколько по этническому составу: исторически НПП представляет индогайанское население, а ННК — афрогайанское. Конфликты на этнической почве — одна из болезненных тем для Гайаны [Болтаевский 2019: 55–57]. Поэтому для администрации Али обострившийся кризис вокруг Гайаны-Эссекибо стал возможностью объединить общество перед лицом внешней угрозы и завоевать очки в условиях жесткой политической конкуренции. В этом смысле у Али был определенный карт-бланш: когда его предшественник, представитель ННК Дэвид Грейнджер, заключил договор с *ExxonMobil* о разработке новых месторождений, многие отмечали, что сделано это было на невыгодных для Гайаны условиях [Губский 2025: 62]. В результате Грейнджер начал стремительно терять популярность, а ННК в итоге оказался в глубоком кризисе и в последние годы серьезно сдал позиции — количество мест в Национальном собрании только уменьшалось¹.

Стоит при этом отметить, что в Гайане вопрос о принадлежности Эссекибо, хоть никем не оспаривался, однако, в отличие от Венесуэлы, никогда не являлся частью культурного кода и постоянным пунктом политических дебатов. Но на фоне эскалации это начало меняться: разъяснение официальной позиции властей о принадлежности Гайаны-Эссекибо было в обязательном порядке введено в образовательные программы (в Венесуэле это было сделано уже давно) [Губский 2025: 63].

Хотя в гайанской политической культуре пока небольшой опыт интернет-коммуникации, отмечается, что в последние годы в Гайане растет влияние социальных сетей². Это объясняется тем, что соцсети заполнили лакуны, которые не могли заполнить традиционные СМИ. Подобно политической поляризации, выражающейся в борьбе двух партий, в медиасреде также существует противостояние между государственными СМИ — такими как *Guyana Chronicle* — и частными газетами, крупнейшими из которых являются

Stabroek News и *Kaieteur News*³. При этом традиционная пресса ориентируется главным образом на жителей столицы, тогда как жизнь удаленных от центра районов оказывается за пределами ее внимания⁴. На этом фоне, учитывая распространение Интернета по всей территории страны, соцсети становятся основным источником информации и формирования мировоззрения гайанцев. Этот фактор не может не учитываться в политике, поэтому президент Али активно ведет соцсети.

Для подробного изучения коммуникационной компании гайанских властей был выбран аккаунт Али в *Facebook** — в Гайане эта соцсеть является самой популярной, причем с большим отрывом⁵, и ее президент страны использует в качестве основной. Публикации за рассматриваемый период также разделены на позитивные, в которых говорится о приверженности к миру, и негативные, в которых присутствуют обвинения и угрозы в адрес Венесуэлы или есть намеки на возможные военные действия. Всего за рассматриваемый период президент Гайаны опубликовал 66 постов, касающихся территориального спора.

Позитивные	23
Негативные	43

Активность президента Гайаны в соцсетях существенно ниже, чем у Мадуро. Количество негативных публикаций у Али почти вдвое превышает количество позитивных. Когда речь заходит о территориальном споре, Али постоянно обвиняет венесуэльское правительство в захватнической политике. В 19 публикациях присутствуют гайанские военные. И хотя президент Гайаны подчеркивает стремление урегулировать вопрос мирно, вместе с тем рассказывает о готовности гайанской армии и заявляет о решительности отстаивать территориальную целостность страны любыми способами.

В целом публикации выдержаны в более-менее нейтральном ключе: оценочные суждения присутствуют, но если Мадуро часто обращается к пользователям с вопросами (в том числе риторическими), то посты Али больше похожи на отчеты и доклады.

³ Kissoon F. Factors that led to the demise of Kaieteur News — *Guyana Chronicle*, 2025. URL: <https://guyanachronicle.com/2025/10/27/factors-that-led-to-the-demise-of-kaieteur-news/> (дата обращения: 08.02.2026).

⁴ Social media on political discourse in Guyana is a double-edged sword — *Village Voice*, 2024. URL: <https://villagevoicenews.com/2024/09/15/social-media-on-political-discourse-in-guyana-is-a-double-edged-sword/> (дата обращения: 08.02.2026).

⁵ Kemp S. Ibid.

¹ Kissoon F. I doubt the PNCR can survive beyond 2030 — *Guyana Chronicle*, 2025. URL: <https://guyanachronicle.com/2025/09/15/i-doubt-the-pncr-can-survive-beyond-2030/> (дата обращения: 08.02.2026).

² Kemp S. Digital 2023: Guyana — *Datareportal*, 2023. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2023-guyana> (дата обращения: 08.02.2026).

Значительную часть контента составляют официальные дипломатические ноты, отчеты с выступлений на различных мероприятиях: 16 постов (24 % от общего количества) представляют собой публикации официальных документов гайанских органов власти или международных организаций. Хотя в целом у Али нет четкого разграничения между официальным и неофициальным стилем общения, все же в неофициальных публикациях есть некоторые компоненты, отличные от типичного дипломатического стиля, который присутствует в документах. Например, появляются свои лозунги — фразы, повторяющиеся регулярно, хотя еще не образующие понятной системы лозунгов: «Одна Гайана» (*One Guyana*), «Эссекибо принадлежит Гайане» (*Essequibo belongs to Guyana*), «Вся Гайана принадлежит нам» (*All of Guyana belongs to us*), «Ни пяди земли» (*Not a blade of grass*), «Мы мирные люди» (*We are peaceful people*). Также в неофициальных постах присутствует большое количество аудиовизуального контента, посвященного красоте гайанской природы (в том числе региона Эссекибо), национальным традициям и праздникам — в рассматриваемый период появляется 24 таких поста. В качестве одного из лозунгов — *Not a blade of grass* — «Ни пяди земли» — Али использует строчку из одноименной песни, посвященной Гайане-Эссекибо, группы *The Tradewinds*, лидером которой был выходец из Гайаны. Этот элемент не свойственен обычной сдержанно-нейтральной коммуникации Ирфаана Али. В данном случае он перенимает коммуникационный прием своего оппонента: Мадуро схожим образом апеллировал к массовой музыкальной культуре, выкладывая на своей странице песни венесуэльских исполнителей разных лет (как современных, так и XX века), посвященные Гайане-Эссекибо.

Что касается образа внешнего врага, то, хотя Али довольно часто — в 34 постах — упоминает венесуэльское правительство и президента Мадуро, делает он это в сдержанном тоне. Никаких прямых оскорблений или обвинений в прямой речи Али не присутствует — слова о захватническом характере действий Венесуэлы встречаются только в публикуемых на его странице дипломатических нотах гайанского правительства. Сам же Али проводит четкую грань между правительством Венесуэлы и ее народом, называя венесуэльцев «*братьями и сестрами*», подчеркивая, что им в Гайане «*бояться нечего*» и что «*Венесуэла нам не враг*». По итогам переговоров в Сент-Винсент и Гренадинах Али и вовсе опубли-

ковал фотографию, где пожимает руку Мадуро — таким образом, нет никакой демонстративной неприязни. С точки зрения Али, Аргайльская декларация закрывает вопрос о спорной территории, следовательно, речи о дальнейшей вражде с Венесуэлой быть не может. Но и до ее подписания Али заявлял, что в вопросе о Гайане-Эссекибо «*нет дискуссии*», ссылаясь на решение Международного суда 1899 г., который окончательно решил спор в пользу Британской империи (венесуэльские власти этот документ не признают).

Всего 7 постов за рассматриваемый период посвящены крушению вертолета *Bell 412*, причем ни в одной из этих публикаций нет указаний на конфликт с Венесуэлой, не говоря уже о прямых обвинениях. Хотя спустя год в публичном выступлении на памятном мероприятии президент Гайаны упоминал, что «они [военные] погибли в критический для страны момент»¹, в 2023 г. было очевидно его нежелание связывать авиакатастрофу с территориальным конфликтом и провоцировать тем самым алармистские настроения. Тот факт, что даже такой эпизод не использовался гайанскими властями для создания образа врага и мобилизации населения, резко контрастирует с обычными приемами военной пропаганды и ярче всего свидетельствует о стремлении к мирному урегулированию и переводу конфликта в дипломатическое поле.

Еще одна особенность коммуникационной кампании Али: в вопросе о конфликте с Венесуэлой президент Гайаны постоянно апеллирует к другим странам, формируя мысль, что «*международное сообщество на стороне Гайаны*». Из 66 постов, посвященных территориальному конфликту, в 31 (почти половине) упоминаются третьи страны — Великобритания, США, Бразилия — или международные организации — ООН, КАРИКОМ, СЕЛАК, Британское содружество наций. Здесь очевиден противовес информационному вектору Мадуро, который всячески избегает упоминания третьих стран или международных организаций и, таким образом, поднимает вопрос территориальной принадлежности Гайаны-Эссекибо исключительно как внутреннее дело Венесуэлы. Для Али, напротив, апелляция к международному сообществу служит для подкрепления точки зрения «*Эссекибо принадлежит*

¹ GDF promises continued support for families of soldiers killed in helicopter crash — Kaieteur News, 2024. URL: <https://kaieteurnewsonline.com/2024/12/02/gdf-promises-continued-support-for-families-of-soldiers-killed-in-helicopter-crash/> (дата обращения: 10.02.2026).

Гайане». Есть в этом и политическая подоплека: в случае военных действий у одной Гайаны едва ли хватит ресурсов противостоять более мощной армии Венесуэлы¹, поэтому Али подчеркивает, что защита Гайаны-Эссекибо от притязаний Венесуэлы в интересах всего региона, а не одной Гайаны. Есть и внутривластный подтекст: в последние годы власти Гайаны (независимо от правящей партии) считают привлечение иностранных инвесторов одной из главных задач, делают на это основной упор в экономической политике. Это отражается и в медиа: заключение контракта с иностранной компанией или договора о сотрудничестве с другим государством подается официальными медиа как успех. Хотя сотрудничество с *ExxonMobil* вызывает споры внутри страны² (поэтому в аккаунтах Ирфаана Али эта корпорация почти не упоминается), договоры с другими государствами воспринимаются как шаг к интеграции в мировую экономику³. Поэтому даже вне контекста территориального спора большую часть контента в аккаунтах Али занимают посты о международном партнерстве.

ВЫВОДЫ

В статье были изучены коммуникационные кампании, которые вели лидеры двух противоборствующих государств в условиях возможных военных действий. Анализ медиасистемы и политических процессов в двух странах выявил некоторые внутренние и внешние факторы, которые отчасти обуславливают характерные черты коммуникации — как, например, политика Гайаны, нацеленная на привлечение иностранных инвесторов, в противовес Венесуэле, живущей в условиях санкций и международной изоляции.

Контент-анализ соцсетей президентов стран выявил элементы, характерные для стиля их коммуникации в целом — как,

например, обилие лозунгов и военной лексики в постах Мадуро. Но в то же время выяснилось, что в условиях внешнего конфликта появляются и специфические элементы коммуникации: у Мадуро появляются новые лозунги, у Али — военный контент и апелляция к народной культуре.

В ходе исследования обнаружено отличие в эмоциональном характере коммуникации двух стран при внешнем конфликте. Сторона, которая стремится изменить существующий расклад («атакующая») — в данном случае, Венесуэла — стремится к позитивной коммуникации, тогда как у «обороняющихся», в данном случае Гайаны, коммуникация носит в большей степени тревожный и агрессивный характер. У Али больше маркировок, прямо или косвенно указывающих на возможность реальной войны, тогда как Мадуро таких формулировок избегает.

Обе стороны внешнего конфликта используют и классические приемы военной пропаганды, но выбирают противоположные пути, действуя в противовес друг другу. Али постоянно апеллирует к международному сообществу, в то время как Мадуро противопоставляет Венесуэлу остальному миру. Это два приема, противоположные по своей сути, но служащие одним и тем же целям — поднятию «боевого духа» у населения и обоснованию справедливости своих требований.

Несмотря на это, обе стороны очевидно выражали стремление к дипломатическому разрешению конфликта — в целом оба президента оставались в рамках мирной коммуникации, резко ограничивая агрессивные маркировки и избегая разжигания ненависти. Для этого не используются даже наиболее острые моменты, такие как крушение гайанского военного вертолета. Таким образом, при отсутствии реальных боевых действий мы не видим и активного конструирования образа врага, типичного для военной пропаганды. Мадуро говорит о гайанском правительстве довольно резко, но делает это крайне редко, в основном стараясь избегать упоминаний Гайаны. Али упоминает Венесуэлу чаще, но воздерживается от резких формулировок и прямых угроз в ее адрес. Все это можно считать специфическими элементами коммуникации при возможной, а не реальной военной угрозе.

Важно учитывать, что силы в медиапространстве были изначально не равны. В распоряжении венесуэльского руководства есть развитая медиасистема, глубокие традиции политической коммуникации и четко выстроенная информационная политика, выработанный годами оригинальный стиль

¹ Roblin S. Can the Guyana Defense Force Resist a Venezuelan Invasion? — *Popular Mechanics*, 2023. URL: <https://www.popularmechanics.com/military/a46091879/can-guyana-defense-force-resist-a-venezuelan-invasion/> (дата обращения: 08.02.2026).

² См., например: *ExxonMobil saddling Guyana with hefty exploration bill but blanks citizens on findings* — *Kaieteur News*, 2025. URL: <https://kaieteurnews.com/2025/10/15/exxonmobil-saddling-guyana-with-hefty-exploration-bill-but-blanks-citizens-on-findings/> (дата обращения: 08.02.2026).

³ Allicock A. Leverage Guyana as magnet for trade and investment — *Kaieteur News*, 2025. URL: <https://kaieteurnews.com/2025/06/22/leverage-guyana-as-magnet-for-trade-and-investment/> (дата обращения: 08.02.2026).

ведения соцсетей — чего нельзя сказать о Гайане, где все это только на стадии становления. И в конфликтной ситуации более слабая сторона (в данном случае Гайана) активно перенимает некоторые коммуникационные приемы у более сильного оппонента (в данном случае Венесуэлы). Поэтому Али начал применять методы, обычно для себя несвойственные — так, например, у него появляется своя система лозунгов, по аналогии с лозунгами Мадуро. То же касается и классического приема, который применяли оба президента — апелляции к патриотическим чувствам своего народа путем обращения к массовой культуре. Если для Мадуро это привычный элемент коммуникации — в своем *Instagram** он регулярно делится любимыми песнями, советует книги к прочтению — то у Али этот элемент усиливается именно в период обострения конфликта.

ПРИМЕЧАНИЕ

**Facebook и Instagram принадлежат компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной на территории РФ.*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Болтаевский, А. Многосоставное общество: некоторые социально-экономические и политические аспекты развития Гайаны / А. Болтаевский // Политические изменения в Латинской Америке. — 2019. — № 23. — С. 47–64. — EDN NIMMLG.
2. Губский, А. Д. Эссекибо на весах истории: эволюция позиции Гайаны по территориальному спору с Венесуэлой / А. Д. Губский // Сравнительная политика. — 2025. — Т. 16, № 2. — С. 52–71. — DOI 10.46272/2221-3279-2025-2-16-2. — EDN ZULBAI.
3. Львова, А. О. Геополитические и экономические аспекты территориального спора между Венесуэлой и Гайаной / А. О. Львова // Экономические исследования и разработки. — 2024. — № 3. — С. 84–94. — EDN FZQJYS.
4. Мехоношина, С. И. Индийская диаспора в Кооперативной Республике Гайана / С. И. Мехоношина // Саммиты БРИКС и ШОС: реформа многосторонней системы и укрепление сотрудничества / отв. ред. И. А. Газиева, А. А. Столяров, А. А. Новикова. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2022. — С. 111–120. — EDN TTWOBE.
5. Розенталь, Д. М. Территориальный спор Венесуэлы с Гайаной: эволюция подходов болливарийцев / Д. М. Розенталь // Латинская Америка. — 2011. — № 10. — С. 55–65. — EDN OFUCSZ.
6. Русакова, О. Ф. Дискурс новых латиноамериканских левых: от Че Гевары до Чавеса. Концепт «Наша Америка» / О. Ф. Русакова // Дискурс-Пи : научно-практический альманах. — 2007. — № 1 (7). — С. 20–22. — EDN TQTDUR.
7. Русакова, О. Ф. Политический медиадискурс и медиатизация политики как концепты политической коммуникативистики / О. Ф. Русакова, Е. Г. Грибовод // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. — 2014. — Т. 14, № 4. — С. 65–77. — EDN TRNPDH.
8. Торо Нестеренко, Я. С. Политические последствия обострения территориального спора Венесуэлы и Гайаны по вопросу принадлежности района Эссекибо / Я. С. Торо, Нестеренко // Закон и власть. — 2024. — № 5. — С. 26–32. — EDN EGFDA.
9. Трофимова, И. А. Способы и приемы идеологизации политического медиадискурса в СМИ стран Латинской Аме-

рики / И. А. Трофимова // Геополитическая картина мира: угрозы и вызовы : сборник материалов Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 09–11 дек. 2020 г.). — Москва : Московский государственный лингвистический университет, 2022. — С. 507–513. — EDN BUAPMI.

10. Филаткина, Г. С. Взаимоотношения государственной власти и СМИ в Венесуэле (1998–2009 гг.) / Г. С. Филаткина // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2009. — № 4. — С. 153–156. — EDN KTZVJF.

11. Филаткина, Г. С. Инструменты речевого манипулирования в политическом дискурсе Уго Чавеса (1999–2012) / Г. С. Филаткина // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). — 2015. — № 1. — С. 14–29. — EDN TGKOFZ.

12. Berwick, M. A. An Autocrat's Playbook: Nicolás Maduro's Use of Social Media to Erode Venezuelan Democracy / M. A. Berwick // Berkeley Undergraduate Journal. — 2024. — Vol. 38, Iss. 1. — С. DOI 10.5070/B3.39969.

13. Casado, F. Political communication in 21st-century Venezuela: From Chavismo to Madurismo / F. Casado, R. Sánchez // The Routledge Handbook of Political Communication in Ibero-America. — London : Routledge, 2024. — P. 407–416. DOI 10.4324/9781003388937-41.

14. Hesselbach, R. Analyzing Linguistic Patterns in the Social Media Discourse of Juan Guaidó and Nicolás Maduro during the 2019 Political Conflict in Venezuela — research data / R. Hesselbach // Social Media: Current Issues in Romance Linguistics and Foreign Language Education. — Munich : AVM, 2024. — P. 69–95. — URL: <https://www.avm-verlag.de/res/user/avm/media/9783960916147-hesselbach.pdf> (date of access: 01.02.2026).

15. Medina Gallego, C. Colombia. Conflicto armado, derechos humanos y medios de comunicación / Carlos Medina Gallego // Hachetepé. Revista científica de educación y comunicación. — 2016. — № 13. — P. 13–26. — ISSN-e 2172-7929.

16. Thomas, E. K. Mass Media in Guyana: a Critical Appraisal / E. K. Thomas // Gazette (Leiden, Netherlands). — 1982. — № 29(3). — P. 173–178. ISSN 00165492.

REFERENCES

1. Boltaevskij, A. (2019) Mnogosostavnoe obshchestvo: nekotorye sotsial'no-ekonomicheskie i politicheskie aspekty razvitiya Gajany = A multi-component society: some socio-economic and political aspects of Guyana's development. *Political Changes in Latin America*, 23, 47–64. EDN NIMMLG.
2. Gubskij, A. D. (2025). Essekibo na vesakh istorii: evolyutsiya pozitsii Gajany po territorial'nomu sporu = Essequibo on the scales of history: the evolution of Guyana's position on the territorial dispute. *Comparative Politics*, 16(2), 52–71. EDN ZULBAI.
3. L'vova, A. O. (2024). Geopoliticheskie i ekonomicheskie aspekty territorial'nogo spora mezhdz Venesueloj i Gajanoj = Geopolitical and economic aspects of the territorial dispute between Venezuela and Guyana. *Economic Research and Development*, 3, 84–94. EDN FZQJYS.
4. Mekhonoshina, S. I. (2022). Indijskaya diaspora v Kooperativnoj Respublike Gajana = Indian Diaspora in the Cooperative Republic of Guyana. *BRICS and SCO Summits: Reform of the Multilateral System and Strengthening Cooperation* (ed. by I. A. Gazieva, A. A. Stolyarov, A. A. Novikova), 111–120. Moscow. EDN TTWOBE.
5. Rozental', D. M. (2011). Territorial'nyj spor Venesuely s Gajanoj: evolyutsiya podkhodov bolivarijtsjev = Venezuela's territorial dispute with Guyana: the evolution of Bolivarians' approaches. *Latin America*, 10, 55–65. EDN OFUCSZ.
6. Rusakova, O. F. (2007). Diskurs novykh latinoamerikan-skich levyykh: ot Che Gevary do Chavesa. Kontsept «Nasha Amerika» = The discourse of the new Latin American Left: from Che Guevara to Chavez. The concept of “Our America”. *Diskurs-Pi*, 1, 20–22. EDN TQTDUR.
7. Rusakova, O. F., Gribovod, E. G. (2014). Politicheskij mediadiskurs i mediatizaciya politiki kak koncepty` politicheskoy kommunikativistiki = Political media discourse and the mediatization of politics as concepts of Political communication. *Antinomies*, 4, 65–74. EDN TRNPDH.
8. Toro Nesterenko, Ya. S. (2024). Politicheskie posledstviya obostreniya territorial'nogo spora Venesuely i Gajany po voprosu priadlezhnosti rajona Essekibo = Political consequences of the

escalation of the territorial dispute between Venezuela and Guyana over the ownership of the Essequibo region. *Law and Power*, 5, 26–32. EDN EGFDC A.

9. Trofimova, I. A. (2022). Sposoby i priemy ideologizatsii politicheskogo mediadiskursa v SMI stran Latinskoj Ameriki = Methods and techniques of ideologizing political discourse in Latin American media. *Geopolitical Picture of the World: Threats and Challenges. Collection of Materials of the Int. scientific-practical. conf.*, 507–513. EDN BUAPMI.

10. Filatkina, G. S. (2009). Vzaimootnosheniya gosudarstvennoj vlasti i SMI v Venesuele (1998–2009 gg.) = The relationship between government and the media in Venezuela (1998–2009). *Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences*, 4. EDN KTZVJF.

11. Filatkina, G. S. (2015). Instrumenty rechevogo manipulirovaniya v politicheskom diskurse Ugo Chavesa (1999–2012) = Tools of speech manipulation in the political discourse of Hugo Chavez (1999–2012). *Bulletin of Moscow University. Series 21: Management (state and society)*, 1. EDN TGKOFZ.

12. Berwick, M. A. (2024). An Autocrat's Playbook: Nicolás Maduro's Use of Social Media to Erode Venezuelan Democracy. *Berkeley Undergraduate Journal*, 38(1).

13. Casado, F., Sánchez, R. (2024). Political communication in 21st-century Venezuela: From Chavismo to Madurismo. *The Routledge Handbook of Political Communication in Ibero-America*. London: Routledge.

14. Hesselbach, R. (2024). Analyzing Linguistic Patterns in the Social Media Discourse of Juan Guaidó and Nicolás Maduro during the 2019 Political Conflict in Venezuela — research data. *Social Media: Current Issues in Romance Linguistics and Foreign Language Education*, 69–95. Munich: AVM.

15. Medina Gallego, Carlos (2016). Colombia. Conflicto armado, derechos humanos y medios de comunicación. *Hachetepé. Revista científica de educación y comunicación*, 13, 13–26.

16. Thomas, E. K. (1982). Mass Media in Guyana: a Critical Appraisal. *Gazette (Leiden, Netherlands)*, 29(3), 173–178.

Политическая лингвистика. 2026. № 4 (118).
Political Linguistics. 2026. No 4 (118).

УДК 811.581'42+811.581'38+81'27
ББК Ш171.1-51+Ш171.1-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код ВАК 5.9.8

Чэнь Сюе¹✉, Тимур Беньюминович Радбиль²✉

¹ Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, chenxue2020@yandex.ru✉, SPIN-код: 3462-0690

² Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, timur@radbil.ru✉, SPIN-код: 2835-0370

Корпусный анализ тематической области «российско-китайские отношения»

в китайском внешнеполитическом дискурсе: 1990–2026 гг.

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена корпусному анализу эволюции тематической области «российско-китайские отношения» по материалам открытых медийных источников. На предварительном этапе исследования сформирован диахронический корпус медиатекстов китайского внешнеполитического дискурса за период 1990–2026 гг. (объем: 3 559 223 знака). Применен многоуровневый метод корпусного анализа: на микроуровне посредством сетей семантической коокуренции и алгоритма обнаружения сообществ Louvain проанализирована динамика изменения ключевых тем, определявших российско-китайские отношения в пяти исторических периодах; на макроуровне с помощью тематического моделирования LDA (Latent Dirichlet Allocation) выявлено ранжирование тематических приоритетов в рамках дискурсивной системы китайской дипломатии за 37 лет. Используемые методы выстроены последовательно, взаимно верифицируя друг друга и формируя методологический треугольник данного исследования. Результаты исследования демонстрируют, что в 1990–2026 гг. система внешнеполитического дискурса Китая по вопросам взаимодействия с Россией прошла пять этапов трансформации — от парадигмы «государственного строительства и обеспечения безопасности» к модели «доминирования эндогенных движущих сил и поиска внутреннего консенсуса». В структуре макроуровневых тематических приоритетов доминируют дипломатия глав государств и двусторонние политические отношения, при этом новые тематические кластеры, такие как цифровая экономика и расчеты в национальных валютах, выступают ключевыми переменными, детерминирующими трансформацию двусторонних отношений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика, внешнеполитический дискурс, политические тексты, российско-китайские отношения, китайский язык, интернет-дискурс, интернет-тексты, интернет-ресурсы, языковые средства, корпусно-дискурсивный анализ, метод тематического моделирования.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Чэнь Сюе, аспирант III года обучения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия, email: chenxue2020@yandex.ru.

Радбиль Тимур Беньюминович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Институт филологии и журналистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия, email: timur@radbil.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Чэнь, С. Корпусный анализ тематической области «российско-китайские отношения» в китайском внешнеполитическом дискурсе: 1990–2026 гг. / Чэнь Сюе, Т. Б. Радбиль. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 4 (118). — С. 161-175.

Chen Xue¹✉, Timur B. Radbil²✉

¹ Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, chenxue2020@yandex.ru✉, SPIN code: 3462-0690

² National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, timur@radbil.ru✉, SPIN code: 2835-0370

Corpus Analysis of the Thematic Area “Russian-Chinese Relations” in Chinese Foreign Policy Discourse of 1990–2026

ABSTRACT. The article uses corpus analysis to examine the evolution of the thematic area “Russian-Chinese relations” based on open media sources. At the preliminary stage of the study, a diachronic corpus of media texts of Chinese foreign policy discourse spanning 1990–2026 was compiled (the total size is 3,559,223 characters). A multilevel corpus analysis method is applied: at the micro level, the study uses semantic co-occurrence networks and the Louvain community detection algorithm to analyze the dynamic changes in the key topics shaping Russian-Chinese relations across five historical periods; at the macro level, the LDA (Latent Dirichlet Allocation) topic modeling is used to identify the ranking of thematic priorities within the discursive system of Chinese diplomacy over 37 years. The adopted methods are logically sequenced and mutually verify each other, forming the methodological triangle of this research. The findings show that during 1990–2026, the discursive system of China’s foreign policy regarding interaction with Russia underwent a five-stage transformation — from the paradigm of “state building and security assurance” to the model characterized by “dominance of endogenous driving forces and search for internal consensus.” Within the macro level structure of thematic priorities, head-of-state diplomacy and bilateral political relations dominate, while emerging thematic clusters such as digital economy and settlement in national currencies serve as key variables driving the transformation of bilateral relations.

© Чэнь С., Радбиль Т. Б., 2026

KEYWORDS: *political linguistics, foreign policy discourse, political texts, Russian-Chinese relations, Chinese language, Internet discourse, Internet texts, Internet resources, language means, corpus-based discourse analysis, topic modeling method.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Chen Xue, Third-Year Postgraduate Student, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.*

Radbil Timur Benyuminovich, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Theoretical and Applied Linguistics, Institute of Philology and Journalism, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia.

FOR CITATION: *Chen X., Radbil T. B. (2026). Corpus Analysis of the Thematic Area "Russian-Chinese Relations" in Chinese Foreign Policy Discourse of 1990–2026. In Political Linguistics. No 4 (118), pp. 161-175. (In Russ.).*

0. ВВЕДЕНИЕ

В системе китайской дипломатии Россия, являясь крупнейшим сопредельным государством КНР, выступает местом первоначального выдвижения концепции «сообщества единой судьбы». Российско-китайские отношения функционируют как опытно-пилотная зона формирования нового типа отношений между великими державами в рамках дипломатии великой державы с китайской спецификой, а также служат экспериментальным полигоном и демонстрационной площадкой для строительства «сообщества единой судьбы» в приграничном регионе. Можно утверждать, что отношения всеобъемлющего стратегического партнерства и координации между Россией и Китаем в новую эпоху представляют эталон нового типа межгосударственных отношений для конструирования регионального сообщества единой судьбы. На протяжении последних 37 лет понятие «российско-китайские отношения» занимает значимое положение не только в официальном дискурсе, но и в общественно-политическом нарративе.

В исследованиях дипломатического дискурса фокус ученых традиционно смещен на следующую проблематику: «языковые средства и дискурсивные практики, используемые дипломатическими акторами для выражения международных стратегий и внешнеполитических курсов в определенный исторический период; к ним относятся официальные государственные документы по внешнеполитическим доктринам или политике, выступления руководителей, межгосударственные договоры, соглашения, коммюнике, заявления и декларации, дипломатические переговоры, пресс-конференции и брифинги» [Ху Кайбао, Ли Чань 2018: 5]. В последние годы китайские исследователи последовательно усиливают работу по конструированию системы дипломатического дискурса. Политический и дипломатический дискурсы привлекают пристальное внимание не только лингвистов, но и специалистов в области журналистики, политологии и юриспруденции. Благодаря развитию корпусных методов

анализ дипломатического дискурса утвердился как одно из наиболее релевантных направлений политической лингвистики на международной арене. Основные исследовательские векторы сосредоточены на национальной идентичности [Лю Пин, Дун Гэгэ 2024], внешнеполитической стратегии и дипломатических нарративах [Ху Кайбао, Ли Чань 2018; Тянь Сюйцзюнь 2018], трансформации внешнеполитического курса [Тянь Сюйцзюнь, Ли Сяоянь 2020], а также на стратегиях дипломатического дискурса [Чэнь Яньпин, Чэнь Цзюань 2024].

Академическое сообщество накопило системный опыт дискурс-аналитического изучения ключевых слов и коммуникативных стратегий дипломатического дискурса. В области ключевых слов доминируют работы по их определению и классификации [Baker 2004], а также по дифференциации ключевых слов и частотной лексики [Scott, Tribble 2006]. В сфере дипломатического дискурса Донахью и Проссер [Donahue, Prosser 1997] указали на риски, связанные с дискурсивной размытостью формулировок, способной провоцировать неоднозначное толкование резолюций ООН международным сообществом. На этой основе китайские ученые провели серию эмпирических исследований: так, Цзэн Яминь доказал, что США используют дипломатический дискурс для реконструирования национального имиджа, маркировки враждебной идентичности и конструирования образа общей угрозы [Цзэн Яминь 2018]; Лю Сывэй зафиксировал тенденцию к увеличению в китайско-индийском дипломатическом дискурсе лексики с конкурентным и конфронтационным компонентом после 2000 г., что свидетельствует о плюрализации и дестабилизации двусторонних отношений [Лю Сывэй 2018]. Параллельно китайские исследователи активно формируют собственную исследовательскую парадигму дискурсивного анализа, фокусируясь на конструировании дипломатии великой державы с китайской спецификой [Лу Цзин 2018], формировании концепта «сообщества единой судьбы человечества» [Ма Цзюньфэн, Ма Цяознь 2018], инициативе «Пояс и

путь» [Чэнь Сяодин 2017] и развитии аналитических центров в сфере дипломатической безопасности [Чжан Цзи 2017].

Очевидно, что современные китайские изыскания в области дипломатического дискурса и региональных исследований преимущественно ограничиваются синхронно-идеографическим подходом, тогда как макроуровневые диахронные исследования еще не получили достаточного распространения. Необходимость восполнения указанной исследовательской лакуны обуславливает научную новизну настоящей работы.

Таким образом, **цель** исследования — осуществить макроуровневый микродиахронический корпусный анализ эволюции тематической области «российско-китайские отношения» на материале медиатекстов китайского внешнеполитического дискурса за период 1990–2026 гг.

1. МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирическая база исследования.

На предварительном этапе исследования на базе всех опубликованных за 1990–2026 гг. материалов с тематическими ядрами «российско-китайские отношения», «Россия», «российско-китайская дипломатия» (официальные заявления, новостные сводки, выступления, соглашения, коммюнике, директивные документы, протоколы переговоров, речи руководителей государства, публикации китайских авторов в зарубежных изданиях, расшифровки медиаинтервью и др.), размещенных на порталах МИД КНР и Информационного бюро Госсовета КНР, был сформирован диахронический корпус официального внешнеполитического дискурса Китая (далее — Корпус). В корпус вошли 6428 текстов российско-китайских двусторонних совместных заявлений, стенограмм пресс-конференций и важных пресс-релизов,

опубликованных на официальном сайте Министерства иностранных дел Китая и Информационным бюро Государственного совета КНР. Общий объем корпуса составляет приблизительно 3 559 223 знака.

Описание принятой методики исследования. Сбор данных осуществлялся с применением библиотеки Selenium для Python. Предобработка текста выполнялась в среде Python 3.9 с применением библиотеки jieba (версия 0.42.1) в режиме точной сегментации. В качестве единиц анализа отобраны лексемы длиной не менее двух символов. Абсолютная частота подсчитывалась посредством модуля collections.Counter, после чего нормализовалась в расчете на миллион словоупотреблений (ipm) по формуле:

Стандартизированная частота на миллион словоупотреблений (ipm) =
= (абсолютная частота лексемы/общий объем корпуса) × 1 000 000.

Для минимизации статистического шума исключены слова с общей частотой вхождения <3 (гапаксы и дислегомены). Итоговый набор данных включает: ранжированные списки 100 наиболее частотных лексем по каждому периоду, матрицу семантической совместной встречаемости и тепловую карту семантической коокуренности. Для проверки надежности методики 20 % корпуса случайным образом повторно обработано в программе AntConc (версия 3.5.9). Сравнение результатов выявило коэффициент корреляции Спирмена $r = 0,96$ ($p < 0,01$), что подтверждает высокую воспроизводимость примененного алгоритма. Материалы систематизированы в хронологическом порядке и разделены на 7 подкорпусов (1990–2026 гг.), объединяющих в общей сложности 6428 документов ($\approx 3\,559\,223$ знака) — см. **Таблицу 1.**

Таблица 1

Базовые характеристики диахронического корпуса китайского внешнеполитического дискурса

Этап	Хронологические рамки	Токены, кол-во	Количество подкорпусов	Диахроническая эволюция тематического ядра «российско-китайские отношения»
I этап	1991–2000	40 559	10	Государственное строительство и обеспечение национальной безопасности — закрепление китайского ракурса в качестве базовой позиции при конструировании внешнеполитического дискурса
II этап	2001–2012	406 737	12	Систематизация двустороннего сотрудничества — формирование зрелой модели внешнеполитического дискурса
III этап	2013–2018	1 135 088	6	Усиление дискурсивной власти Китая — период всестороннего развертывания двусторонних связей

Окончание таблицы 1

Этап	Хронологические рамки	Токены, кол-во	Количество подкорпусов	Диахроническая эволюция тематического ядра «российско-китайские отношения»
IV этап	2019–2023	1 504 450	5	Переход к «новому этапу» российско-китайских отношений — качественный переход к отношениям всеобъемлющего стратегического партнерства и взаимодействия
V этап	2024–2026	2 352 940	3	Глубинная качественная трансформация от «экзогенного давления» к «доминированию эндогенных движущих сил» — новый этап консолидации внутреннего согласия в российско-китайских отношениях
Итого: общий объем корпуса				3 559 223 токенов

В среде Python реализован метод анализа сетей коокуренентности для генерации матрицы совместной встречаемости; визуализация семантической сети выполнена с использованием библиотеки networkx. Размер узла отражает степень связности лексемы, а толщина ребра — частоту их совместного появления.

Кластерный анализ, проведенный с применением алгоритма Louvain, позволил выделить тематические кластеры различной семантической направленности (визуализированы различными цветовыми оттенками). На основе кросс-валидации по метрикам перплексии (perplexity) и когерентности тем (topic coherence score) определено оптимальное количество тем: $k = 15$. Гиперпараметры: $\alpha = 'auto'$, $\eta = 0,01$, число итераций — 1000. Для каждой темы сгенерирован список из 20 наиболее частотных лексем; с учетом контекста исходного корпуса им присвоены тематические метки (напр.,

«дипломатия на высшем уровне и двусторонние политические отношения», «культурно-туристический обмен и народная дипломатия» и др.).

2. РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

2.1. Эволюция тематического ядра «российско-китайские отношения» во внешнеполитическом дискурсе по периодам

В данном разделе представлена визуализация семантической сети средствами Python и библиотеки networkx, а также кластерное структурирование данных посредством алгоритма Louvain.

Период I (1991–2000). Государственное строительство и обеспечение безопасности — закрепление китайского ракурса как базовой платформы конструирования внешнеполитического дискурса (см. Табл. 2 и рис. 1).

Таблица 2

Тематическое ядро внешнеполитического дискурса по теме «российско-китайские отношения» (1991–2000 гг.)

№ п/п	Тематическое ядро	Часть речи	Частота встречаемости	№ п/п	Тематическое ядро	Часть речи	Частота встречаемости
1	Китай	сущ.	1306	9	военное дело	сущ.	272
2	развитие	сущ./гл.	833	10	спутники	сущ.	235
3	национальные меньшинства	сущ.	556	11	морские вопросы	сущ.	174
4	женщины	сущ.	401	12	промышленность	сущ.	168
5	региональные вопросы	сущ.	398	13	космическая отрасль	сущ.	146
6	борьба с наркотиками	сущ./гл.	334	14	Россия	сущ.	143
7	ООН	сущ.	324	15	мир	сущ.	129
8	экономика	сущ.	319	16	стабильность	сущ./гл.	127

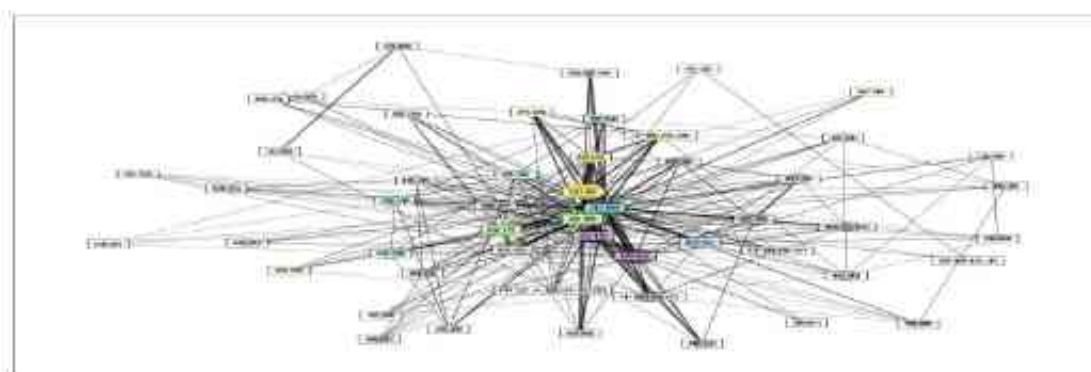

Рис. 1

Сеть семантической коокуренции внешнеполитического дискурса по теме «российско-китайские отношения» (1999–2000 гг.) и кластерный анализ алгоритмом Louvain

Анализ показал, что в период 1990–2000 гг. среди 16 наиболее частотных тематических лексем в дискурсе двусторонних отношений доминирует политическая, регионально-политическая и военная терминология. Высокая частотность лексемы «Китай» свидетельствует о значительном усилении внешнеполитической субъектности Китая. В отличие от характерных для советско-китайских отношений 1950-х гг. формулировок «две страны» или «обе стороны», выдающееся положение слова «Китай» отражает растущую дипломатическую агентность, сопряженную с укреплением национальной мощи: китайский ракурс становится доминантной позицией при конструировании дискурса.

С помощью кластерного анализа алгоритмом Louvain (рис. 1) сложная сеть семантической коокуренции была сегментирована на тематически однородные кластеры с высокой внутренней плотностью связей. Результаты визуализации позволяют выделить пять тематических блоков:

Кластер 1 (фиолетовый) — Международный порядок и глобальное управление: мир, Китай, сотрудничество, международный, наша страна, борьба с наркотиками, наука и техника, стабильность, ООН, поддержание, продвижение (13 лексем).

Кластер 2 (синий) — Социально-гуманитарная сфера и защита прав: Китай, Россия, обеспечение, женщины, равенство, правительство, образование, культура, права, закон (10 лексем).

Кластер 3 (зеленый) — Научно-

технические ресурсы и экология: освоение, технологии, океан, окружающая среда, охрана окружающей среды, исследования, управление, комплексный подход, ресурсы (9 лексем).

Кластер 4 (светло-зеленый) — Экономическое развитие и стратегическая политика: предприятия, развитие, стратегия, политика, жизнь, общество, экономика, высокие технологии (8 лексем).

Кластер 5 (желтый) — Национальная безопасность и этнические регионы: военное дело, государство, регион, местные органы, национальные меньшинства, политика, этнос (7 лексем).

Результаты кластеризации наглядно демонстрируют многомерную структуру дипломатического дискурса 1999–2000 гг. Центральное положение занимают кластеры «Международный порядок и глобальное управление» (1) и «Национальная безопасность и этнические регионы» (5), что отражает стратегические приоритеты сотрудничества: противодействие однополярности, борьба с «тремя силами зла» и обеспечение пограничной безопасности. Одновременно обособление кластеров контактов на высшем уровне (1) и социально-экономической проблематики (4) подтверждает параллельную динамику прагматичного сотрудничества и роста политического взаимодоверия.

Период II (2001–2012). Системное взаимодействие России и Китая — формирование зрелой модели внешнеполитического дискурса (см. Табл. 3 и рис. 2).

Таблица 3

Тематическое ядро внешнеполитического дискурса по теме «российско-китайские отношения» (2001–2012 гг.)

№ п/п	Тематическое ядро	Часть речи	Частота встречаемости	№ п/п	Тематическое ядро	Часть речи	Частота встречаемости
1	Китай	сущ.	10499	9	предприятие	сущ.	1884
2	развитие	сущ./гл.	9297	10	культура	сущ.	1581
3	сотрудничество	сущ./гл.	7612	11	взаимодействие	сущ./гл.	1566
4	государство	сущ.	4287	12	инвестиции	сущ./гл.	1535

Окончание таблицы 3

№ п/п	Тематическое ядро	Часть речи	Частота встречаемости	№ п/п	Тематическое ядро	Часть речи	Частота встречаемости
5	Россия	сущ.	3575	13	обмен	сущ./гл.	1416
6	международный	прил./сущ.	3424	14	технологии	сущ.	1162
7	экономика	сущ.	3080	15	мир	сущ.	1161
8	строительство	сущ./гл.	3044	16	партнерство	сущ.	1141

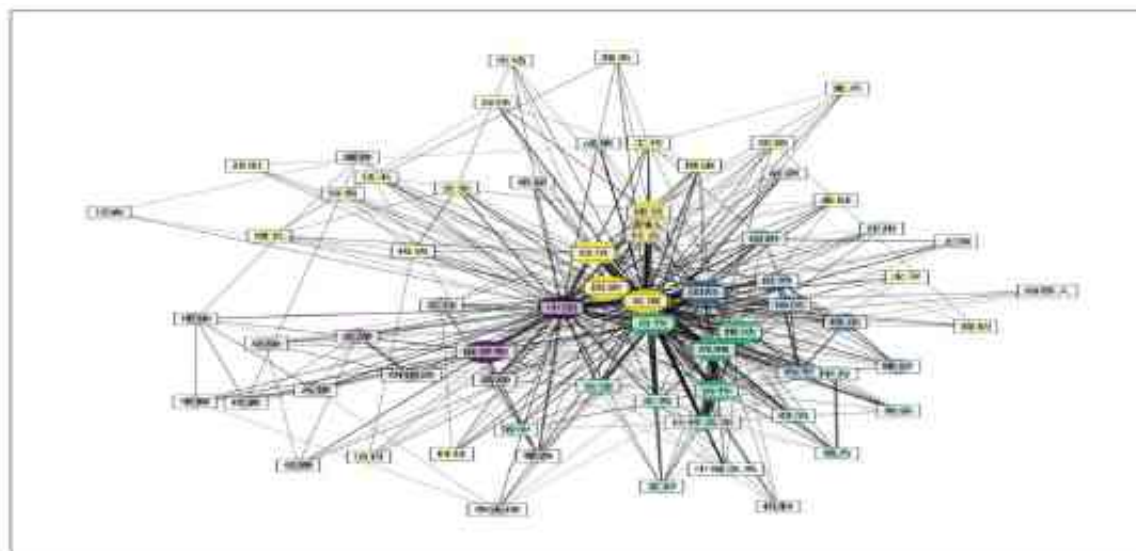

Рис. 2

Сеть семантической кооккурентности внешнеполитического дискурса по теме «российско-китайские отношения» (2001—2012 гг.) и кластерный анализ алгоритмом Louvain

Сравнение по периодам I (1990–2000) и II (2001–2012) выявляет существенные различия: помимо значительного расхождения в частотных показателях, принципиально меняется природа тематического ядра. Это отражает фундаментальную трансформацию характера российско-китайских отношений, глубины сотрудничества и зрелости дискурсивной системы в указанные периоды.

Результаты кластеризации, представленные на рис. 2, обеспечивают дополнительную верификацию вышеизложенных выводов. Выделяются четыре тематических кластера:

Кластер 1 (фиолетовый) — Контакты на высшем уровне и гуманитарное взаимодействие: Китай, Россия, председатель, президент, премьер-министр, посол, Ли Хуэй, Ху Цзиньтао, представитель, посольство, СМИ, журналист, культура, мероприятие, проведение (15 лексем).

Кластер 2 (синий) — Международное и региональное сотрудничество в сфере безопасности: Шанхай (вероятно, ШОС), мир, международный, регион, стабильность, организация, поддержание

(8 лексем).

Кластер 3 (зеленый) — Двустороннее политическое взаимодействие и стратегическое партнерство: российско-китайские отношения, китайская сторона, российская сторона, российско-китайский, отношения, сотрудничество, взаимодействие, дружба, прагматизм, стратегия, политика, партнерство, механизм, энергетика, продвижение, результаты, надежда, роль, обмен, лидеры (20 лексем).

Кластер 4 (желтый) — Экономико-технологическое сотрудничество и модернизационное развитие: предприятие, развитие, государство, экономика, торговля, инвестиции, технологии, наука и техника, строительство, проект, рынок, работа, основа, рост, ускорение, продвижение, реализация, планирование, приоритет, услуги, общество, уровень, правительство (23 лексемы).

Период III (2013–2018). Расширение дискурсивной власти и инновационно-ориентированное всестороннее развитие российско-китайских отношений (см. Табл. 4 и рис. 3).

Таблица 4

Тематическое ядро внешнеполитического дискурса по теме
«российско-китайские отношения» (2013–2018 гг.)

№ п/п	Тематическое ядро	Часть речи	Частота встречаемости	№ п/п	Тематическое ядро	Часть речи	Частота встречаемости
1	Китай	сущ.	26366	9	инвестиции	сущ./гл.	4787
2	развитие	сущ./гл.	18680	10	Культура	сущ.	4312
3	сотрудничество	сущ./гл.	18136	11	Си Цзиньпин	сущ.	3476
4	экономика	сущ.	8539	12	инновации	сущ./гл.	3466
5	строительство	сущ./гл.	7745	13	рынок	сущ.	2914
6	предприятие	сущ.	7134	14	США	сущ.	2470
7	рост	сущ./гл.	6489	15	государства БРИКС	сущ.	2374
8	Россия	сущ.	5487	16	экспорт	сущ./гл.	2364

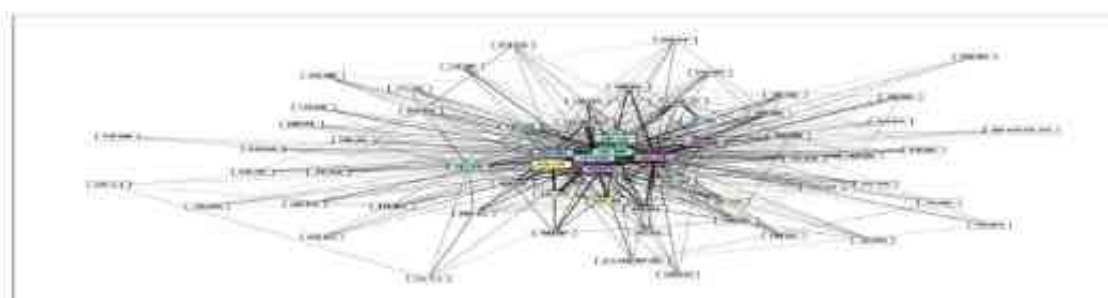

Рис. 3

Сеть семантической коокуренции внешнеполитического дискурса по теме
«российско-китайские отношения» (2013–2018 гг.) и кластерный анализ алгоритмом Louvain

Сравнение по периодам II и III выявляет экспоненциальный рост частотных показателей и перераспределение рангов, что позволяет точно зафиксировать смещение фокуса дипломатического дискурса. Конкретные проявления таковы:

1. Трансформация доминирующей логики: «инновации» как новый драйвер стратегического взаимодействия. В период III (2013–2018) лексема «инновации» поднимается на 12-ю позицию среди ключевых слов (частота — 3466), а «технологии» (14-е место в Таблице 3) интегрируются в более широкое понятие «инновации».

2. Эволюция терминологии сотрудничества: семантическая конкретизация «прагматизма» и интеграция внешнеполитического контекста. В период III «сотрудничество» (18 136 вхождений) сохраняет статус ключевого слова, однако фокус смещается на углубление приоритетных проектов (энергетика, атомная отрасль, космонавтика). Дискурс указывает на полную институционализацию отношений: текущий приоритет — реализация «ключевых проектов» с акцентом на прагматическую эффективность. Также в периоде III появляются новые лексемы — «США» (2470) и «государства БРИКС» (2374), становясь новыми точками отсчета в позиционировании внешнеполитических связей.

3. От «инвестиций» к «рынку»: консолидация цепочки создания стоимости в дву-

стороннем сотрудничестве. В периоде III (2013–2018) «рынок» занимает 13-е место (частота — 2914). Коллокационный анализ лексемы «рынок» в окне ± 5 слов (5:5) выявил следующие высокочастотные коллокаты: «мир», «предприятие», «продвижение», «зрелость», «углубление». Это означает, что включение рыночных субъектов маркирует переход от простых проектов к вниманию ко всей бизнес-экосистеме и конечным каналам сбыта, что знаменует вступление российско-китайского торгово-экономического сотрудничества в стадию зрелости рыночных механизмов и коммерческой интеграции.

Результаты кластеризации, представленные на рис. 3, обеспечивают дополнительную верификацию вышеизложенных выводов. Выделяются четыре тематических кластера:

Кластер 1 (фиолетовый) — Двусторонняя политическая координация и архитектура глобального управления: ШОС, китайская сторона, обмен, прагматизм, сотрудничество, мир, международный, регион, стратегия, политика, образование, механизм, углубление, общество, стабильность, организация, сфера (17 лексем).

Кластер 2 (синий) — Многосторонние акторы и дипломатия на высшем уровне: Китай, китайско-белорусские отношения, председатель, Си Цзиньпин, Россия, инициатива, государство, посол, СМИ,

культура, инициатива «Пояс и путь», ме-
роприятие, Беларусь, США, журналист,
форум, БРИКС (17 лексем).

**Кластер 3 (зеленый) — Прагматич-
ное сотрудничество и модернизацион-
ное развитие:** отрасль, предприятие, ин-
новации, ускорение, развитие, инфра-
структура, строительство, открытость,
технологии, инвестиции, устойчивость,
продвижение, повышение, поддержка, ре-
форма, правительство, политика, услуги,
среда, наука и техника, проект (21 лексема).

**Кластер 4 (желтый) — Глобальная
торгово-экономическая интеграция
и рыночная экспансия:** мир, глобальный,
экспорт, рост, рынок, экономика, торгов-
ля, импорт (8 лексем).

Эти результаты кластеризации наглядно
отражают четыре ключевых измерения
внешнеполитического дискурса по теме
«российско-китайские отношения» в 2013–

2018 гг.: политико-стратегическая координа-
ция (кластер 1), взаимодействие с многосто-
ронними акторами (кластер 2), всестороннее
прагматичное сотрудничество (кластер 3) и
глобальная рыночная интеграция (кластер 4).

**Период IV (2019—2023). «Новый этап»
российско-китайских отношений — каче-
ственный переход к всеобъемлющему
стратегическому партнерству и взаимо-
действию (см. Табл. 5 и рис. 4).**

Общий объем частотных показателей
корпуса за 2019–2023 гг. существенно пре-
вышает показатели предыдущего периода,
демонстрируя средний прирост более 75 %.
Помимо количественного скачка, наблюда-
ются качественные трансформации: в пери-
оде IV фиксируются новые тематические
ядра — «пандемия», «контейнерные пере-
возки „Китай — Европа“», «ИИ», «высокока-

Таблица 5

Тематическое ядро внешнеполитического дискурса по теме
«российско-китайские отношения» (2019—2023 гг.)

№ п/п	Тематическое ядро	Часть речи	Частота встречаемости	№ п/п	Тематическое ядро	Часть речи	Частота встречаемости
1	Китай	сущ.	55222	9	Си Цзиньпин	сущ.	7918
2	развитие	сущ./гл.	41689	10	Россия	сущ.	7478
3	сотрудничество	сущ./гл.	30761	11	устойчивое развитие	сущ. / гл.	7253
4	строительство	сущ./гл.	16136	12	туризм	сущ. / гл.	6264
5	пандемия	сущ.	15648	13	контейнерные перевозки «Китай — Европа»	сущ.	5331
6	экономика	сущ.	14925	14	наука и техника	сущ.	4872
7	культура	сущ.	9116	15	высококачественное развитие	прил.	4655
8	США	сущ.	8457	16	ИИ (искусственный ин- теллект)	сущ.	4636

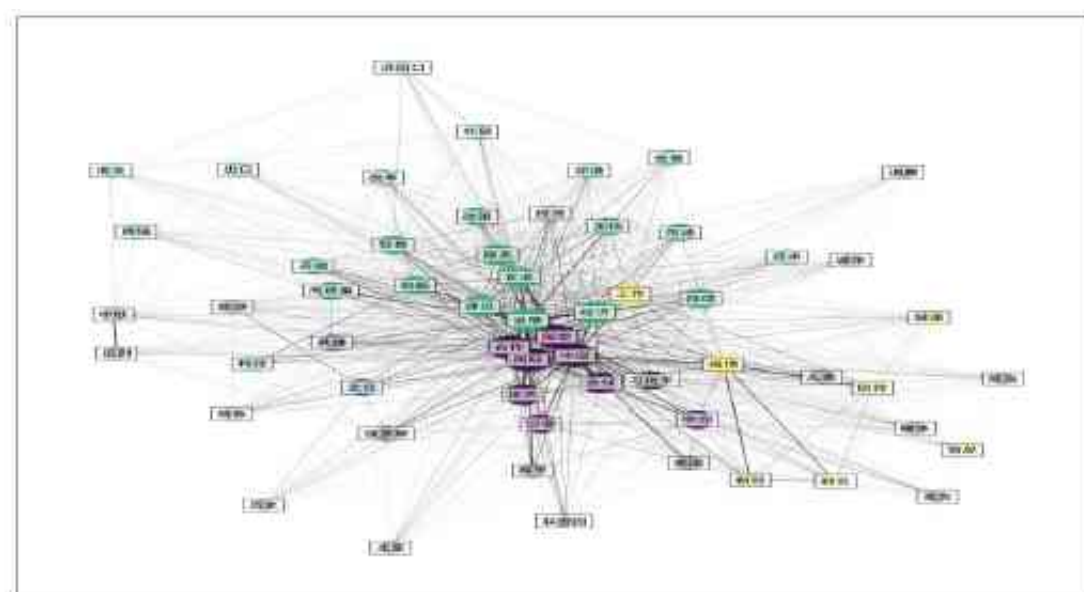

Рис. 4

Сеть семантической коокурентности внешнеполитического дискурса по теме
«российско-китайские отношения» (2019–2023 гг.) и кластерный анализ алгоритмом Louvain

чественное развитие», отражающие влияние чрезвычайных событий, формирование новых логистических коридоров и технологические тренды.

Конкретные проявления трансформаций:

1) беспрецедентная консолидация дискурсивной субъектности во внешне-политическом нарративе. Лексема «Китай» доминирует с частотой 55 222 вхождений, формируя статистический разрыв. Рост с 26 366 до 55 222 (более чем двукратный) отражает не только расширение объема корпуса, но и беспрецедентное усиление субъектного самосознания в дискурсе. Это свидетельствует о смещении нарративной доминанты и контроля над повесткой в пользу китайской стороны;

2) двуосная экспансия «развитие — сотрудничество» и семантическая активация дискурса «строительства». Лексемы «развитие» (41 689) и «сотрудничество» (30 761) в сумме дают более 72 тыс. вхождений (~28 % от топ-16), формируя абсолютные оси дискурса, что указывает на переход к более интенсивному конструированию нарратива в рамках «новой эпохи». Лексема «строительство» увеличилась с 7745 до 16 136 (+108%), заняв четвертое место. Ее семантическая функция расширилась: от традиционного «экономического строительства» до институционального конструирования «сообщества единой судьбы», «новых международных отношений» и инициативы «Пояс и путь»;

3) внутренняя реструктуризация экономического дискурса: относительное снижение частоты употребления лексемы «экономика» и дискурсивный шок пандемии. В периоде III «экономика» (8 539) занимала четвертое место, а полный экономический кластер включал также «рост», «предприятие», «инвестиции», «инновации», «рынок», «экспорт». В периоде IV эта структура была полностью реконструирована;

4) От «БРИКС — экспорт» к «устойчивое развитие — туризм»: появление новых ключевых тем и трансформация дискурса. Фиксируются новые ключевые тематические единицы: «устойчивое развитие» (7253 вхождения), «туризм» (6264), «контейнерные перевозки «Китай — Европа» (5331), «высококачественное развитие» (4655), «ИИ (искусственный интеллект)» (4636). Данные показатели отражают многовекторную трансформацию российско-китайского дипломатического дискурса в указанный период;

5) стабильно высокая позиция термина «США» и усиление системы внешних референций. Частотность терми-

на «США» возрастает до 8457 (8-е место), демонстрируя четырехкратный рост. Данный тренд обусловлен комплексом факторов: (1) углублением координации по вопросам противодействия односторонним мерам и защиты международной справедливости на фоне торговой войны США — Китай (с 2018 г.); (2) усилением потребности в совместном ответе на западное давление после эскалации украинского кризиса в 2022 году. Это свидетельствует о завершении формирования «системы внешних референций» в российско-китайском дипломатическом дискурсе: стратегическое взаимодействие великих держав трансформировалось в конститутивный элемент совместного нарратива;

6) от «стран БРИКС» к «США»: смещение центра тяжести глобального дискурсивного поля. В периоде IV термины «страны БРИКС» и «рынок» уступают место терминам «США», «пандемия», «контейнерные перевозки „Китай — Европа“», объединенным тематическим кластером «геополитика — кризисное реагирование — обеспечение транспортных коридоров». Указанная трансформация подтверждает существенный сдвиг в дискурсивном поле 2019–2023 годов: глобальная тематика частично переориентировалась с конструктивного нарратива «возвышение новых экономик — построение многополярного порядка» на оборонительно-адаптивный нарратив «противодействие внешнему давлению — обеспечение безопасности цепочек поставок — укрепление стратегической автономии»;

7) скачок объема дискурса: интерпретация роста общей частотности на 75,5 %. Суммарная частотность топ-16 лексических единиц в периоде III составляет ~146 800 вхождений, в периоде IV — ~257 700; абсолютный прирост — ~110 900, относительный — 75,5 %. Столь значительный рост напрямую коррелирует с интенсификацией российско-китайского дипломатического взаимодействия и экспансией дискурсивного производства.

Тематическая кластеризация на **рис. 4** позволяет систематизировать дискурс 2019–2023 гг. по четырем направлениям:

1. Двусторонняя политика и глобальное управление (фиолетовый кластер, 19 единиц) включает следующую лексику: мир, Китай, китайская сторона, Си Цзиньпин, человечество, глобальный, совместное строительство, Пекин, история, сотрудничество, государство, международный, СМИ, политика, США, американская сторона, ООН, журналист.

2. Строительство транспортных коридоров и региональное сотрудниче-

ство (синий кластер, 7 единиц): Китай — Европа, город, культура, туризм, потребление, специфика, поезд.

3. Торгово-экономическое и технологическое сотрудничество, высококачественное развитие (зеленый кластер, 23 единицы): предприятие, экспорт, инновация, ускорение, развитие, внешняя торговля, рынок, строительство, открытость, технология, инвестиции, устойчивость, реформа, политика, услуги, таможня, окружающая среда, наука и техника, экономика, торговля, трансграничный, импорт-экспорт, высококачественное развитие.

4. Профилактика и борьба с эпидемиями, общественное здравоохранение (желтый кластер, 7 единиц): информация, здоровье, работа, новая коронавирусная инфекция, эпидемия, пневмония, профилактика и контроль.

Результаты кластеризации выявляют четыре конститутивных элемента китайско-российского дипломатического дискурса 2019–2023 гг.: 1) политическая стратегия и глобальное управление (кластер 1) сохраняют доминирующую позицию; 2) строительство транспортных коридоров и региональное сотрудничество (кластер 2) выделились в самостоятельный кластер благодаря но-

вым драйверам (контейнерные перевозки «Китай — Европа», трансграничная электронная коммерция); 3) торгово-экономическое и технологическое взаимодействие (кластер 3) остается наиболее объемной тематической группой, обогащенной терминами «высококачественное развитие», «трансграничный», «импорт-экспорт», что отражает эскалацию уровня кооперации; 4) профилактика и борьба с эпидемиями (кластер 4) впервые оформились как автономный кластер, фиксируя глубокое влияние пандемии COVID-19 на двусторонний дискурс и документируя практику взаимной поддержки.

В период с 2013–2018 по 2019–2023 гг. система ключевых тематических единиц китайско-российского дипломатического дискурса завершила парадигмальную трансформацию: от модели «инновационный драйв — рыночная ориентация — консенсус БРИКС» к модели «кризисное реагирование — обеспечение транспортных коридоров — построение устойчивости».

Период V (2024–2026 гг.). Фундаментальная трансформация от «внешнего давления» к «эндогенным драйверам» — новый этап формирования внутреннего консенсуса в российско-китайских отношениях (см. Табл. 6 и рис. 5).

Таблица 6

Ключевые тематические единицы дипломатического дискурса «китайско-российские отношения» (2023–2026 гг.)

№ п/п	Тематическое ядро	Часть речи	Частота встречаемости	№ п/п	Тематическое ядро	Часть речи	Частота встречаемости
1	развитие	сущ./гл.	15263	9	устойчивое развитие	сущ.	4090
2	Китай	сущ.	11288	10	туризм	сущ.	3957
3	сотрудничество	сущ./гл.	8148	11	высококачественное развитие	прил.	3216
4	строительство	сущ./гл.	7086	12	наука и технологии	сущ.	2616
5	промышленность	сущ.	6807	13	Шэньчжэнь	сущ.	2012
6	культура	сущ.	5351	14	Хайнань	сущ.	1817
7	услуги	сущ.	5269	15	экологическая среда	сущ.	1767
8	инновации	сущ./гл.	5240	16	Россия	сущ.	1672

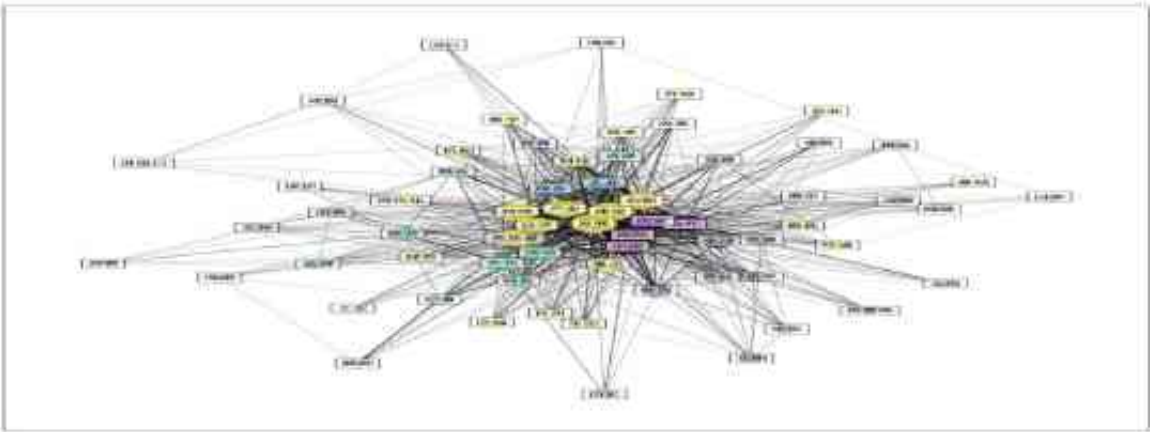

Рис. 5

Сеть семантической коокурентности и кластерный анализ (алгоритм Louvain) дипломатического дискурса «российско-китайские отношения» (2024–2026 гг.)

Сопоставление периода IV и периода V выявляет следующие дифференцирующие черты репрезентации китайско-российских отношений в актуальной системе китайского внешнеполитического дискурса:

1) структурная трансформация пост-пандемийного периода: фокус смещается с «реагирования на внешние вызовы» к «эндогенному развитию». Ядро в периоде V занимают термины, связанные с высококачественным развитием, углублением регионального сотрудничества и повышением качества жизни: «промышленность», «услуги», «инновации», «туризм», «Шэньчжэнь», «Хайнань», «экологическая среда»;

2) актуализация дискурса о реальном секторе промышленности: «промышленность» поднимается на 5-е место (6807 вхождений), «услуги» — на 7-е (5269). Лексемы «наука и технологии», «инновации», «высококачественное развитие» сохраняют высокие позиции; «торговля» и «инвестиции», не попав в топ-16, демонстрируют стабильную абсолютную частотность. Данный тренд прямо фиксирует качественную трансформацию торговой структуры. Кластеризация дискурса об «услугах» (стабильная кооперентность с «инновациями», «технологиями», «промышленностью») свидетельствует о переходе сотрудничества от товарного доминирования к расширению высокотехнологичных сервисных сегментов;

3) трансформация торговой структуры: от «экспорта» к локализации производства. В периоде V агрегируется кластер «промышленность», «услуги», «инновации», «технологии», ориентированный на локализацию производственных звеньев и апгрейд цепочек добавленной стоимости. Наблюдается коннотативное обновление «промышленности» и «услуг» в контексте парадигмы «высококачественного развития российско-китайского сотрудничества»;

4) исчезновение пандемийного дискурса и маргинализация дискурса о США. Этот термин полностью исключается из списка ключевых единиц, что знаменует завершение этапа пандемийной нарративизации во внешнеполитическом дискурсе;

5) региональная специфика и знаковые платформы развития. Фиксируются два репрезентативных топонима: «Шэньчжэнь» (2012 вхождений, 13-е место) и «Хайнань» (1817, 14-е место). Географический дискурс впервые занимает заметное положение в ядре тематического поля китайско-российских отношений. Включение «Шэньчжэня» обусловлено демонстрационным эффектом промышленного парка со-

трудничества «Шэньчжэньский (Харбинский) индустриальный парк». Рост частотности «Шэньчжэня» сигнализирует о переходе китайско-российского взаимодействия с макроуровня межгосударственных нарративов к уровню точечного город-ориентированного сопряжения. Появление «Хайнаня» коррелирует с повышением статуса Свободного порта Хайнань как приоритетной платформы для туристического, выставочного, медико-оздоровительного сотрудничества.

На основании алгоритма кластеризации Louvain (рис. 5) выделяются четыре тематических кластера:

1. Политическое взаимное доверие и глобальное управление (фиолетовый кластер). Включает 16 единиц: *Шанхай, мир, Китай, Си Цзиньпин, обмен, Россия, глобальный, история, сотрудничество, государство, международный, открытость, цивилизация, управление, форум, БРИКС.*

2. Торгово-экономическая логистика и трансграничное сотрудничество (синий кластер). Включает 11 единиц: *предприятие, экспорт, порт, внешняя торговля, инвестиции, услуги, таможенная, логистика, торговля, трансграничный, импорт-экспорт.*

3. Гуманитарный туризм и региональные особенности (зеленый кластер). Включает 14 единиц: *бренд, демонстрация, культура, культурный туризм, новости, туризм, мероприятие, Хайнань, потребление, турист, особенность, ресурс, интеграция, журналист.*

4. Высококачественное развитие и модернизация (желтый кластер). Включает 25 единиц: *промышленность, роль, защита, сельское хозяйство, инновации, регион, модернизация, развитие, основа, строительство, технологии, устойчивость, реформа, цифровой, механизм, среда, модернизация, экология, наука и технологии, экономика, зеленый, фокус, приоритет, высокое качество.*

2.2. LDA-моделирование тематической структуры внешнеполитического дискурса «китайско-российские отношения» (1990–2026)

В прошлом разделе, опираясь на методы построения семантической кооперентной сети и кластеризации по алгоритму Louvain, на уровне биграмм и лексических кластеров мы провели микроструктурный анализ тематических полей. Это позволило реконструировать динамику изменения приоритетных тем китайско-российских отношений в различные исторические периоды. Для обеспечения методологической завершенности исследования применяется модель латентного

размещения Дирихле (LDA), позволяющая на макроуровне выявить структурную иерар-

хию тем дипломатического дискурса за период 1990–2026 гг. (см. **Таблицу 7**).

Таблица 7

Вероятностный вес (интенсивность) тем дискурсивной системы
«российско-китайские отношения» (1990–2026 гг.)

№	Название темы	Интенсивность темы	Топ-20 ключевых слов
1	Цифровая экономика и научно-технические инновации	0,04181799	глобальный, технологии, предприятие, рынок, сеть, наука, цифровой, данные, продукт, инновации, США, промышленность, интеллект, интернет, информация, космос, отрасль, отчет, расчеты в нацвалюте
2	«Большой треугольник» Китай — США — Россия и геополитика	0,089475058	китайская сторона, США, американская сторона, комментарий, глава МИД, Тайвань, общество, обе стороны, правительство, политика, мир, принципы, Гонконг, интересы, ООН, суверенитет, Чжао Лицзянь, позиция, ситуация, официальный представитель
3	Контейнерные перевозки «Китай — Европа» и сухопутные коридоры	0,050074544	составы, логистика, пункты пропуска, транспортировка, коридоры, транспорт, железные дороги, грузы, услуги, порты, таможенное оформление, хаб, грузоперевозки, предприятие, строительство, маршрут, города, авиация, контейнеры, Центральная Азия
4	Противодействие пандемии и общественное здравоохранение	0,033389897	пандемия, профилактика, пневмония, меры, медицина, вирус, вакцина, случаи, антиэпидемические меры, общество, тестирование, ведомства, время, институты, информация, Ухань, эксперты, связанные, маски
5	Оборонное право и система спутниковой навигации «Бэйдоу»	0,032646181	работа, строительство, услуги, системы, ведомства, информация, законодательство, управление, армия, механизмы, институты, «Бэйдоу», действия, правоприменение, общество, навигация, интеллектуальная собственность, дела, спутники, оборона
6	Выставки, форумы и деловое взаимодействие	0,044944875	мероприятия, предприятия, выставки, промышленность, обмен, медиа, ситуация, тематика, результаты, проекты, ярмарки, гости, аспекты, представители, директора, инвестиции, зоны экспозиции, бренды, конференции, господин
7	Дипломатия на высшем уровне и двусторонние политические отношения	0,288328494	две страны, послы, партнеры, китайская сторона, председатель, президент, народ, Беларусь, российская сторона, Путин, главы государств, премьер-министр, итоги, встречи, Си Цзиньпин, дружба, двусторонние отношения, представители, Москва, гуманитарное сотрудничество
8	Культурный туризм и народные обмены	0,069778235	культура, туризм, мероприятия, зимние виды спорта, туристы, искусство, спорт, города, обмены, культурный туризм, медиа, особенности, молодежь, Пекин, история, кино, бренды, проекты, Китай, выступления
9	Этнические и религиозные вопросы, проблематика Синьцзяна	0,058655525	Синьцзян, образование, общество, национальности, КПК, культура, студенты, дело, история, социализм, вся страна, инвалиды, массы, права человека, религия, китайский язык, особенности, нацменьшинства, преподавание
10	Энергетическая инфраструктура и Шелковый путь	0,055155413	строительство, энергетика, инвестиции, инфраструктура, торговля, технологии, финансы, Шелковый путь, регионы, планирование, «зеленая» энергетика, правительство, сельское хозяйство, аспекты, проекты, ресурсы, Арктика, разработка, электроэнергия, рамки
11	Высококачественное развитие и региональная экономика	0,04461922	промышленность, инновации, наука, предприятия, провинция, страна, высокое качество, услуги, сельское хозяйство, кадры, системы, платформы, преимущества, базы, млрд юаней, особенности, ресурсы, технологии, результаты, города
12	Экология, космос и морские ресурсы	0,02538494	экология, космос, океан, традиционная китайская медицина, пространство, проекты, аспекты, охрана, метеорология, ресурсы, наука, Юньнань, климат, леса, арктическое управление, спутники, погода, общенациональный, процессы, системы

№	Название темы	Интенсивность темы	Топ-20 ключевых слов
13	Внешняя торговля и трансграничная электронная коммерция	0,03970638	торговля, предприятия, внешняя торговля, экспорт, рынок, млрд юаней, продукция, импорт, млрд долларов, таможня, товары, электронная коммерция, иностранные инвестиции, Минкоммерции, меры, сельхозпродукция, общая стоимость, рост, инвестиции, политика, общенациональный
14	Потребительские финансы и зона свободной торговли Хайнань	0,033584752	предприятия, политика, потребление, рынок, инвестиции, финансы, Хайнань, аспекты, работа, реформы, среда, млрд юаней, услуги, цены, меры, промышленность, страна, доходы, производство, институты
15	Сообщество единой судьбы человечества и глобальное управление	0,092438497	глобальный, Си Цзиньпин, председатель, организация, человечество, судьба, сообщество, государства-члены, общество, многосторонность, ООН, народ, конференции, концепция, инициативы, результаты, лидеры, форумы, мир, цивилизация

Анализ показал, что безоговорочное доминирование характерно для темы 7 «Дипломатия на высшем уровне и двусторонние политические отношения» (с вероятностной интенсивностью, превышающей 28 %). Второстепенные по значимости темы (интенсивность > 0,05): Тема 15 (9,2 %) > Тема 2 (8,9 %) > Тема 8 (7,0 %) > Тема 9 (5,9 %) > Тема 10 (5,5 %) > Тема 3 (5,0 %). Темы средней и низкой интенсивности характеризуются выраженной хронологической привязкой: эпидемиологическая тематика (3,3 %) при скромном совокупном весе демонстрирует высокую концентрацию в 2020–2022 гг.; «Цифровая экономика», «Высококачественное развитие» и «Трансграничная электронная коммерция» отражают новые векторы сотрудничества последних лет; «Экологическая среда» и «Расчеты в национальной валюте» относятся к эмерджентным или долгосрочным, но не высокочастотным областям.

В целом можно отметить, что многоуровневая архитектура дискурсивной системы выражается в динамических переходах от стратегии высшего политического уровня через торгово-экономическое взаимодействие, гуманитарные обмены и научно-техническое партнерство до конкретных задач инфраструктурного строительства, регионального развития и здравоохранения.

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, на микроуровне корпусного анализа выявлены основные тренды трансформации ключевых тем китайско-российских отношений в рамках китайской дипломатической дискурсивной системы за пять исторических этапов: 1991–2000 — упрочение государственного строя и обеспечение безопасности: формирование дискурсивной системы с китайской перспективой; 2001–2012 — системное сотрудничество

КНР и РФ: становление зрелой дискурсивной системы; 2013–2018 — всестороннее расширение двусторонних дипломатических отношений; 2019–2023 — «новый этап» отношений: всестороннее стратегическое партнерство и координация; 2024–2026 — фундаментальная парадигмальная трансформация: от «внешне-обусловленной динамики» к «доминированию эндогенных факторов»; новый этап консолидации внутреннего консенсуса.

Соответственно, на макроуровне корпусного анализа иерархия интенсивности тем за 36-летний период распределяется следующим образом: Дипломатия на высшем уровне и двусторонние отношения > Сообщество единой судьбы человечества > Геополитика «Большого треугольника» > Культурный туризм > Этнические и религиозные вопросы > Энергетическая инфраструктура и Шелковый путь > Сухопутные логистические коридоры. Новые темы дипломатического дискурса: цифровая экономика, экономика ИИ, высококачественное развитие, трансграничная электронная коммерция, экологическая безопасность, расчеты в национальной валюте и др.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. 郭晓琼. 中俄经贸合作: 新进展与新趋势 / 郭晓琼 // 俄罗斯学刊 = Го Сяо-цзюнь. Чжун-Э цзин-мао хэ-цзо: синь цзинь-чжань юй синь цю-ши / Го Сяо-цзюнь // Э-ло-сы сюэ-кань = Китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество: новые достижения и новые тенденции // Российский научный журнал. — 2020. — Т. 10. — № 4. — С. 23.
2. 李晓倩. 基于语料库的中国外交话语主题词演变研究 / 李晓倩 // 中国外语. = Ли Сяо-цзянь. Цзи-юй юй-ляо-ку да Чжун-го вай-цзяо хуа-юй чжу-ти-цы янь-бянь янь-цзю / Ли Сяо-цзянь // Чжун-го вай-юй. = Исследование эволюции ключевых слов в дискурсе китайской дипломатии на основе корпуса / Ли Сяо-цзянь // Иностранные языки в Китае. — 2020. — Т. 17. — № 2. — С. 16–25.
3. 卢静. 中国特大自然外交话语体系构建刍议 / 卢静 // 教学与研究. = Лу Цзин. Чжун-го тэ-да го вай-цзяо хуа-юй ти-си гоу-цзянь чу-и / Лу Цзин // Цзяо-сюэ юй янь-цзю. = К вопросу о конструировании системы дискурса дипломатии великой

державы Китая / Лу Цзин // Преподавание и научные исследования. — 2018. — Т. 52. — № 9. — С. 85–94.

4. 刘莘, 董格格. 中美外交部门新闻发布会的中国形象建构比较研究——基于语料库的批评话语分析 / 刘莘, 董格格 // 新闻与传播评论. = Лю Пин. Чжун-Мэй вай-цзяо бу-мэнь синь-вэнь фа-бу хуэй дэ Чжун-го син-сян цзянь-гоу би-цзяо янь-цзяо — цзи-юй юй-ляо-ку дэ пи-пан хуа-юй фэнь-си / Лю Пин, Дун Гэ-гэ // Синь-вэнь юй чуань-бо пин-лунь. = Сравнительное исследование конструирования образа Китая на пресс-конференциях дипломатических ведомств Китая и США: критический дискурс-анализ на основе корпуса / Лю Пин, Дун Гэ-гэ // Критический анализ новостей и медиакommunikation. — 2024. — Т. 77. — № 2. — С. 106–118.

5. 刘思伟. 中印战略关系话语分析 / 刘思伟 // 南亚研究季刊. = Лю Сы-вэй. Чжун-Инь чжань-люэ гуань-си хуа-юй фэнь-си / Лю Сы-вэй // Нань-Я янь-цзяо цзи-кань. = Дискурс-анализ стратегических отношений Китая и Индии / Лю Сы-вэй // Исследования Южной Азии. — 2018. — № 2. — С. 12–19.

6. 马俊峰, 马乔恩. 人类命运共同体话语体系的内在逻辑和时代价值 / 马俊峰, 马乔恩 // 学术论坛. = Ма Цзюнь-фэн, Ма Цяо-энь. Жэнь-лэй мин-юнь гун-тун-ти хуа-юй ти-си дэ нэй-цзай ло-цзи хэ ши-дай цзя-чжи / Ма Цзюнь-фэн, Ма Цяо-энь // Сюэ-шу лунь-тань. = Внутренняя логика и современная ценность системы дискурса о сообществе единой судьбы человечества / Ма Цзюнь-фэн, Ма Цяо-энь // Академический форум. — 2018. — № 2. — С. 72–74.

7. 田绪军. 中国外交话语英译中的中国外交形象研究——一项基于语料库的研究 / 田绪军 // 中国外语. = Тянь Сюй-цзюнь. Чжун-го вай-цзяо хуа-юй ин-и чжун дэ Чжун-го вай-цзяо син-сян янь-цзяо — и сян цзи-юй юй-ляо-ку дэ янь-цзяо / Тянь Сюй-цзюнь // Чжун-го вай-юй. = Исследование образа китайской дипломатии в английском переводе дискурса китайской дипломатии: исследование на основе корпуса / Тянь Сюй-цзюнь // Иностранные языки в Китае. — 2018. — Т. 15. — № 6. — С. 79–88.

8. 胡开宝, 李婵. 中国特色大国外交话语的翻译与传播研究: 内涵、方法与意义 / 胡开宝, 李婵 // 中国翻译. = Ху Кай-бао, Ли Чань. Чжун-го тэ-сэ да-го вай-цзяо хуа-юй дэ фан-и юй чуань-бо янь-цзяо: нэй-хань, фан-фа юй и-и / Ху Кай-бао, Ли Чань // Чжун-го фан-и. = Исследование перевода и распространения дискурса дипломатии великой державы с китайской спецификой: содержание, методы и значение / Ху Кай-бао, Ли Чань // Китайское переводоведение. — 2018. — Т. 39. — № 4. — С. 5–12, 129.

9. 左凤荣. 近 30 年来国内当代中俄关系史研究的回顾与思考 / 左凤荣 // 当代中国史研究. = Цзо Фэнжун. Цзинь сань-ши Нянь Лай Го Нэй Дан Дай Чжун Э Гуань Си Ши Янь Цзю Дэ Хуэй Гу Юй Сы Као / Цзо Фэнжун // Дан Дай Чжун Го Ши Янь Цзю. = Обзор и размышления об изучении современных китайско-российских отношений в Китае за последние 30 лет / Цзо Фэнжун // Исследования по современной истории Китая. — 2024. — № 31 (5). — С. 83–92.

10. 曾亚敏. 对外政策话语构建的语料库驱动分析方法——以美国奥巴马政府的对外政策话语为例 / 曾亚敏 // 社会主义研究. = Цзэн Я-минь. Дуй-вай чжэн-цэ хуа-юй гоу-цзянь дэ юй-ляо-ку цюй-дун фэнь-си фан-фа — и Мэй-го Оба-ма чжэн-фу дэ дуй-вай чжэн-цэ хуа-юй вэй ли / Цзэн Я-минь // Шэ-хуэй чжу-и янь-цзяо. = Корпусно-ориентированный метод анализа конструирования дискурса внешней политики: на примере дискурса внешней политики администрации Обамы в США / Цзэн Я-минь // Изучение социализма. — 2018. — № 2. — С. 141–151.

11. 张历历. 当代中国外交简史 / 张历历. — 上海人民出版社. = Чжан Лили. Дан-дай Чжун-го вай-цзяо цзянь-ши / Чжан Ли-ли. — Шан-хай жэнь-минь чу-бань-шэ. = Краткая история современной китайской дипломатии: монография / Чжан Лили. — Шанхай: Шанхайское народное изд-во, 2015. — 312 с.

12. 张骥. 中国外交安全智库国际话语全分析 / 张骥 // 国际展望. = Чжан Цзи. Чжун-го вай-цзяо ань-цюань чжи-ку го-цзи хуа-юй цюань фэнь-си / Чжан Цзи // Го-цзи чжань-ван. = Полный анализ международного дискурса китайских анали-

тических центров по вопросам дипломатии и безопасности / Чжан Цзи // Перспективы международного сотрудничества. — 2018. — № 5. — С. 76–94.

13. 陈小鼎. 中国周边外交新理念的国际话语权塑造 / 陈小鼎 // 上海行政学院学报. = Чэнь Сяо-дин. Чжун-го чжоу-бянь вай-цзяо синь ли-нянь дэ го-цзи хуа-юй цюань су-цзао / Чэнь Сяо-дин // Шан-хай син-чжэн сюэ-юань сюэ-бао. = Формирование международного дискурсивного влияния новых концепций периферийной дипломатии Китая / Чэнь Сяо-дин // Перспективы международного сотрудничества. — 2017. — Т. 18. — № 2. — С. 85–94.

14. 陈艳平, 陈娟. 韩国外交话语中“请求 — 拒绝”问答互动的立场研究 / 陈艳平, 陈娟 // 外语导刊. = Чэнь Янь-пин, Чэнь Цзюань. Хань-го вай-цзяо хуа-юй чжун «цин-цю — цзюй-цзюэ» вэнь-да ху-дун дэ ли-чан янь-цзяо / Чэнь Янь-пин, Чэнь Цзюань // Вай-юй дао-кань. = Исследование позиционирования в интерактивных вопросах и ответах «запрос-отказ» в корейском дипломатическом дискурсе / Чэнь Янь-пин, Чэнь Цзюань // Путеводитель по иностранным языкам. — 2024. — Т. 47. — № 3. — С. 92–101, 160.

15. Baker, P. Querying Keywords: Questions of Difference, Frequency, and Sense in Keywords Analysis / P. Baker // Journal of English Linguistics. — 2004. — Vol. 32. — No. 4. — P. 346–359. — DOI 10.1177/0075424204269894.

16. Donahue, R. Diplomatic Discourse: International Conflict at the United Nations — Addresses and Analysis / R. Donahue, M. Prosser. — London: Ablex Publ. Corp., 1997. — 385 p. — ISBN 1567502903, 1567502911.

17. Scott, M. Textual Patterns: Keywords and Corpus Analysis in Language Education / M. Scott, C. Tribble. — Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2006. — 198 p. — ISBN 978-9027293633.

REFERENCES

1. Go Sjao-cjun (2020). Chzhun-Je czin-mao hje-czo: sin' czin'-chzhan' juj sin' cju-shi = Chinese-Russian trade and economic cooperation: new achievements and emerging trends. *Je-lo-sy sjuje-kan'*, 10(4), 23.

2. Li Sjao-cjan' (2020). Czi-juj juj-ljao-ku dje Chzhun-go vaj-czjao hua-juj chzhu-ti-cy jan'-bjan' jan'-czju = A corpus-based study of the evolution of keywords in Chinese diplomatic discourse. *Chzhun-go vaj-juj*, 17(2), 16–25.

3. Lu Czin (2018). Chzhun-go tje-da go vaj-czjao hua-juj ti-si gou-czjan' chu-i = On the construction of a discourse system of great power diplomacy in China. *Czjao-sjuje juj jan'-czju*, 52, 85–94.

4. Lju Pin, Dun Gje-gje (2024). Chzhun-Mjeje vaj-czjao bumjen' sin'-vjen' fa-bu hujej dje Chzhun-go sin-sjan czjan'-gou bi-czjao jan'-czju — czi-juj juj-ljao-ku dje pi-pan hua-juj fjen'-si = A comparative study of China's image construction in press conferences of Chinese and us diplomatic ministries: a corpus-based critical discourse analysis. *Sin'-vjen' juj chuan'-bo pin-lun'*, 77(2), 106–118.

5. Lju Sy-vjeje (2018). Chzhun-In' chzhan'-ljuje guan'-si hua-juj fjen'-si = Discourse analysis of strategic relations between China and India. *Nan'-Ja jan'-czju czi-kan'*, 2, 12–19.

6. Ma Czjun'-fjen, Ma Cjao-jen' (2018). Zhjen'-ljeje min-jun' gun-tun-ti hua-juj ti-si dje njeje-czaj lo-czi hje shi-daj czja-chzhi = The internal logic and contemporary value of the discourse system about the community of shared destiny of humanity. *Sjuje-shu lun'-tan'*, 2, 72–74.

7. Tjan' Sjuj-czjun' (2018). Chzhun-go vaj-czjao hua-juj in-i chzhun dje Chzhun-go vaj-czjao sin-sjan jan'-czju — i sjan czi-juj juj-ljao-ku dje jan'-czju = Exploring the Image of Chinese Diplomacy in English Translation of Chinese Diplomatic Discourse: A Corpus-Based Study. *Chzhun-go vaj-juj*, 15(6), 79–88.

8. Hu Kaj-bao, Li Chan' (2018). Chzhun-go tje-sje da-go vaj-czjao hua-juj dje fan-i juj chuan'-bo jan'-czju: njeje-han', fan-fa juj i-i = A study on the translation and dissemination of great power diplomacy discourse with Chinese characteristics: content, methods, and significance. *Chzhun-go fan-i*, 39(4), 5–12, 129.

9. Czo Fjenzhun (2024). Czin' san'-shi Njan' Laj Go Njeje Dan Daj Chzhun Je Guan' Si Shi Jan' Czju Dje Hujej Gu Juj Sy Kao = A review and reflection on the study of contemporary Sino-Russian relations in China over the past 30 years. *Dan Daj Chzhun Go Shi Jan' Czju*, 31(5), 83–92.

10. Czjen Ja-min' (2018). Duj-vaj chzhjen-cje hua-juj gou-czjan' dje juj-ljao-ku cjuj-dun fjen'-si fan-fa — i Mjej-go Oba-ma chzhjen-fu dje duj-vaj chzhjen-cje hua-juj vjej li = A corpus-based method for analyzing the construction of foreign policy discourse: the example of the Obama administration's foreign policy discourse in the United States. *Shje-hujej chzhu-i jan'-czju*, 2, 141–151.
11. Chzhan Lili (2015). Chzhun-go Vai Cza Czan Shi = A Brief History of Modern Chinese Diplomacy. Shanhaj: Shanhaj Zhjen Min' Cu Ban' Shhje Publ., 312 p.
12. Chzhan Czi (2018). Chzhun-go vaj-czjao an'-cjuan' chzhi-ku go-czi hua-juj cjuan' fjen'-si = A comprehensive analysis of the international discourse of Chinese think tanks on diplomatic and security issues. *Go-czi chzhan'-van*, 5, 76–94.
13. Chjen' Sja-din (2017). Chzhun-go chzhou-bjan' vaj-czjao sin' li-njan' dje go-czi hua-juj cjuan' su-czao = The shaping of international discursive influence of new concepts of China's peripheral diplomacy. *Shan-haj sin-chzhjen sjuje-juan' sjuje-bao*, 18(2), 85–94.
14. Chjen' Jan'-pin, Chjen' Czjuan' (2024). Han'-go vaj-czjao hua-juj chzhun "cin-cju — czjuj-czjuje" vjen'-da hu-dun dje li-chan jan'-czju = A study on positioning in interactive request-refusal questions and answers in Korean diplomatic discourse. *Vaj-juj dao-kan'*, 47(3), 92–101, 160.
15. Baker, P. (2004). Querying keywords: questions of difference, frequency, and sense in keywords analysis. *Journal of English Linguistics*, 32(4), 346–359.
16. Donahue, R., Prosser, M. (1997). Diplomatic Discourse: International Conflict at the United Nations — Addresses and Analysis. London: Ablex Publishing Corporation, 1997, 385 p.
17. Scott, M., Tribble, C. (2006). Textual Patterns: Keywords and Corpus Analysis in Language Education. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 198 p.

Политическая лингвистика. 2026. № 4 (118).
Political Linguistics. 2026. No 4 (118).

УДК 81'42+81'38+81'27

ББК Ш105.51+Ш105.551.5+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.51

Код ВАК 5.9.8

Анна Лаврентьевна Шаймарданова^{1,2,3}

¹ Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия, morozovanna@list.ru, SPIN-код: 7352-6939

² Уральский государственный университет путей сообщения, Екатеринбург, Россия,

³ Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия

Идиостилевая специфика инаугурационной речи, присяги и обращения политиков к нации в аспекте анализа концепта «мудрость»

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается специфика репрезентации концепта «мудрость» («wisdom» / «viz'lykses») в инаугурационном политическом дискурсе. Целью работы является кросс-культурный сравнительный анализ вербализации данного концепта в речах президентов В. Путина и Д. Трампа, короля Карла III и Главы Удмуртии А. Бречалова. Методологическую основу исследования составляет авторская шестиаспектная модель, интегрирующая в рамках межкультурной парадигмы лексико-семантический, фреймовый, темпоральный, прагматический, аксиологический и дискурсивно-риторический срезы анализа. Учитывается неразрывная связь политической коммуникации с медиaprостранством: инаугурационная речь как глобальное медиасобытие требует вербализации концепта в пригодной для медийного тиражирования форме. Результаты демонстрируют, что «мудрость» в политическом дискурсе выступает не как статичная философская категория, а как динамичный ресурс легитимации власти. Выявлена глубокая лингвокультурная вариативность концепта: от популистского «здорового смысла» (США) и государственной преемственности (Россия) до институционального долга (Великобритания) и сакрально-общинного доверия (Удмуртия). Область применения результатов охватывает политическую лингвистику, теорию межкультурной коммуникации и лингвоимиджологию, переводческую практику, нацеленную на сохранение культурных коннотаций. Выводы подтверждают, что идиостиль политика детерминирует выбор специфических лингвокультурных маркеров «мудрости», необходимых для успешного сплочения общества в рамках национальной картины мира.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политические тексты, идиостиль, концептосфера, концепты, мудрость, политическая риторика, политические речи, политические деятели, языковая личность, лингвоперсоналогия, речевые жанры, инаугурационная речь, межкультурная коммуникация, лингвокультурология, легитимация власти.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Шаймарданова Анна Лаврентьевна, преподаватель английского языка, кафедра делового иностранного языка, Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия; преподаватель русского языка как иностранного, кафедра «Иностранные языки и межкультурные коммуникации», Уральский государственный университет путей сообщения, Екатеринбург, Россия; аспирант Института филологии и межкультурной коммуникации, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия, email: morozovanna@list.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шаймарданова, А. Л. Идиостилевая специфика инаугурационной речи, присяги и обращения политиков к нации в аспекте анализа концепта «мудрость» / А. Л. Шаймарданова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 4 (118). — С. 176-185.

Anna L. Shaymardanova^{1,2,3}

¹ Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia, morozovanna@list.ru, SPIN code: 7352-6939

² Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, Russia,

³ Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Individual Stylistic Specificity of Inauguration Speech, Oath of Office, and Address to the Nation of Politicians: An Analysis of the Concept of “Wisdom”

ABSTRACT. The article examines the specificity of representation of the concept of “mudrost'” (“wisdom” / “viz'lykses”) in inaugural political discourse. The aim of the work is to conduct a cross-cultural comparative analysis of the verbalization of this concept in the speeches of Presidents V. Putin and D. Trump, King Charles III, and the Head of Udmurtia, A. Brechalov. The author presents a six-aspect model, which integrates lexico-semantic, frame-based, temporal, pragmatic, axiological, and discursive-rhetorical aspects of analysis within the framework of an intercultural paradigm. The study takes into account the inseparable connection between political communication and the media space: the inaugural speech, as a global media event, requires the verbalization of the concept in a form suitable for media dissemination. The results demonstrate that “wisdom” in political discourse is not a static philosophical category, but a dynamic resource for legitimizing power. The study reveals a profound linguistic and cultural variability of the concept: from the populist “com-

mon sense" (USA) and state continuity (Russia) to institutional duty (UK) and sacred -communal trust (Udmurtia). The scope of application of the results encompasses political linguistics, theory of intercultural communication and linguistic imagology, and translation practice aimed at preserving cultural connotations. The findings confirm that a politician's individual style determines the choice of specific linguocultural markers of "wisdom" that are necessary for the successful cohesion of society within the national worldview.

KEYWORDS: political discourse, political texts, individual style, conceptosphere, concepts, wisdom, political rhetoric, political speeches, politicians, linguistic personality, linguopersonology, speech genres, inauguration speech, intercultural communication, linguoculturology, legitimization of power.

AUTHOR'S INFORMATION: Shaymardanova Anna Lavrent'evna, Teacher of English Language, Department of Business Foreign Languages, Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russia; Teacher of Russian as a Foreign Language, Department "Foreign Languages and Intercultural Communication", Ural State University of Railway Transport, Ekaterinburg, Russia; Post-Graduate Student of the Institute of Philology and Intercultural Communication, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Shaymardanova A. L. (2026). Individual Stylistic Specificity of Inauguration Speech, Oath of Office, and Address to the Nation of Politicians: An Analysis of the Concept of "Wisdom". In *Political Linguistics*. No 4 (118), pp. 176-185. (In Russ.).

МЕТОДОЛОГИЯ

Концепт «мудрость» / «wisdom» / «визылыксыс» в политическом дискурсе — это многоуровневый конструкт, объединяющий языковые, когнитивные, временные, прагматические и ценностные характеристики. Для его изучения применяется интегративный подход, сочетающий методы когнитивной и политической лингвистики, а также межкультурной коммуникации.

Анализ проводится по авторской шестиаспектной модели:

1. Лексико-семантическое поле и оппозиции: выявление ключевых маркеров и бинарных противопоставлений.

2. Концептуальные метафоры и фреймы: анализ образов, с помощью которых абстрактная «мудрость» превращается в инструмент консолидации общества и укрепления власти.

3. Нарративная темпоральность: изучение связи концепта с исторической преемственностью.

4. Прагматика и эпистемическая легитимация: исследование речевых актов, обосновывающих право на власть через апелляции к опыту и доверию.

5. Аксиологический и межкультурный контекст: определение ценностных ядер и культурных скриптов, влияющих на восприятие лидера.

6. Дискурсивные маркеры авторитетности: анализ стилистических и синтаксических средств, создающих образ мудрого правителя.

В современной лингвистике накоплен разрозненный опыт изучения идиостиля. «На наш взгляд, анализ идиостиля предполагает синтез разных направлений его исследования. Выбор того или иного способа анализа идиостиля определяется конкретным материалом и не должен ограничиваться рамками одного подхода» [Демидова 2019: 15]. В основе методики лежит анализ

образных средств (метафорических моделей, фигуративных единиц), через которые формируется концептосфера автора. Используя терминологию Демидовой «фигуративная единица», «метафорическая модель», мы показываем, как абстрактная «мудрость» материализуется в уникальном идиостиле каждого лидера.

Материалом исследования является инаугурационная речь. «Инаугурационное выступление является отражением политической эпохи, языковых и национально-специфических особенностей. Это, как правило, тщательно подготовленная, детально продуманная и ориентированная на определенного слушателя речь. Именно в инаугурационной речи государственный лидер предстает как сильная языковая личность, образец национальной идеологии, оратор, демонстрирующий модели речевого поведения с определенным стилем мышления и высказывания, а также ценности национальной культуры» [Хисматуллина 2019: 238]. Инаугурационная речь рассматривается как жанр дипломатического дискурса, относящийся к политическим перформативам: «...президент, произнося речь, тем самым приносит клятву, и эта клятва является текстом-перформативом» [Олешковская 2022: 12]. Авторы выделяют четыре основные функции: интегративную, инспиративную, декларативную, перформативную [Олешковская 2022: 12].

«Клятва, таким образом, является перформативным актом „микрофизики“ (в терминологии М. Фуко) власти, в связи с чем важнейшей задачей лиц, наделенных публичной властью, становится максимальное ограничение использования клятвы в любых неподконтрольных им сферах общественных отношений» [Санников 2017: 5]. Ритуал принесения клятвы требовал строгого соблюдения формальностей, что указывает на его магические корни. «Клятвы верности выступают одним из семиотических факторов ин-

теграции политического социума, объединения представителей различных культур и народов» [Санников 2017: 3].

Анализ идиостилевой специфики требует учета многоаспектного характера феномена. Как отмечают Т. Б. Самарская и Т. В. Поздеева, в современной лингвистике выделяются семантико-стилистический, лингво-поэтический, системно-структурный и коммуникативный подходы, при этом «выбор того или иного способа анализа идиостиля определяется конкретным материалом и не должен ограничиваться рамками одного подхода» [Самарская 2016: 1].

В связи с этим исследование концепта «мудрость» («wisdom» / «визьлыксэс») строится на принципе методологического синтетизма. Трехкомпонентная модель концепта (ценностный, образный, понятийный аспекты) позволяет системно описать, как «мудрость» вербализуется в речи политиков: какие ценности она выражает, какими образами сопровождается, как аргументируется [Карасик 2002: 127–135]. М. Гаврилова выделяет универсальные смыслы как этический код «мудрости»: «служение народу», «государственные интересы», «высокое доверие» [Гаврилова 2009: 143]. Эти макропропозиции являются аксиологическим ядром концепта. В любой культуре мудрый политик — это тот, кто декларирует отказ от личных интересов в пользу «служению».

При исследовании идиостилевой специфики мы опираемся на подход, предполагающий изучение политических концептов на когнитивном и ментальном уровнях. Как отмечает Я. Ю. Демкина, «политика не существует вне языка, а язык не может быть вне общества» [Демкина 2020: 122], поэтому анализ требует выявления константных структур. Концепт «мудрость» рассматривается как базовая константа инаугурационного дискурса, обеспечивающая легитимацию власти. Следуя методике построения систематизированных структур концептов [Демкина 2020: 123], мы моделируем когнитивный каркас «мудрости» через систему фреймов, прототипов и пропозициональных структур.

Анализ требует учета прагматического потенциала аргументативных стратегий. Как отмечает А. В. Болотнов, тип аргументации выступает ключевым отражением идиостиля, позволяя исследовать «особенности медиадискурса на уровне используемых ею типов аргументации в отражении различных информационных поводов» [Болотнов 2019: 21].

Необходимо также учитывать фундаментальные противоречия политического дискурса. Как отмечает В. А. Маслова, политическая коммуникация представляет собой сложную

систему антиномий: «ритуальность и информативность», «институциональность и личностный характер», «агрессивность и толерантность» [Маслова 2008; Чудинов 2003: 42–56]. Инаугурационная речь, являясь высшей точкой политической ритуальности, выступает пространством, где концепт «мудрость» используется для снятия этих противоречий. «Мудрость» выступает как обязательный институциональный атрибут статуса лидера, легитимирующий власть через апелляцию к историческому опыту. Именно через специфические языковые средства вербализации проявляется личностный характер идиостиля [Маслова 2008; Чудинов 2003: 42–56].

Идиостилевая специфика не может быть понята исключительно через лингвостилистический анализ, поскольку укоренена в национально-психологических прототипах. «...Несмотря на присутствие значительного общего содержания, феномен мудрости включает в себя и специфические аспекты, связанные с культурой» [Никитина 2021: 30]. Данное психологическое различие напрямую детерминирует идиостилевую специфику: «...хотя их первичное восприятие, связанное с познавательной деятельностью человека, совпадает, в русской концептуальной картине мира мудрость осознается прежде всего как характеристика человека, в английской, напротив, важным является не столько наличие этого качества, сколько его применение на практике» [Никитина 2021: 31]. «На рубеже веков мудрость „становится центром междисциплинарного дискурса“, включающего антропологию культуры, политические науки, образование и психологию» [Никитина 2021: 33].

Анализ невозможен без учета интертекстуальной природы политического дискурса. Как отмечает А. П. Чудинов, удачная политическая метафора «связывает текст с другими текстами, она особенно ярко ощущается в дискурсе», обеспечивая его восприятие как элемента национальной культуры [Чудинов 2003: 138]. В инаугурационной речи концепт «мудрость» редко вербализуется напрямую; чаще он актуализируется через прецедентные метафоры, исторические аллюзии и пословичные реминисценции: «Когнитивно-дискурсивное изучение национальных особенностей политической метафоры позволяет погружаться в различные ментальные миры, сложившиеся в неодинаковых социально-исторических условиях и проявляющиеся при использовании различных языков» [Чудинов 2003: 183]. Использование стилистических фигур (параллелизм, антитеза, инверсия) придает речи ритмическую убедительность, свойственную «мудрым» изречениям.

Анализ требует учета того, что политическая коммуникация неразрывно связана с медиапространством. Политический медиадискурс «соприкасается с другими, так называемыми „отраслевыми“, разновидностями — от научного и религиозного и вплоть до спортивного и юридического, что посредством концептуально-вербальных конструктов позволяет отражать актуальные фрагменты социальной реальности» [Равочкин 2024: 95]. Фундаментальное отличие политической деятельности заключается в ее «ярко выраженном дискурсивном характере» [Равочкин 2024: 94]. Инаугурационная речь, являясь глобальным медиасобытием, требует вербализации концепта «мудрость» в форме, пригодной для медийного тиражирования.

Политический дискурс обладает рядом сущностных признаков: «прагматическая (инструментальная) направленность», «манипулятивность», «национально-культурная предопределенность» [Равочкин 2018: 245]. Последняя диктует радикальные различия в идиостилиях. Идиостиль формируется на пересечении универсальных законов политической манипуляции и национально-культурной специфики: «Время, политика, язык и власть обладают лингвокультурологическим измерением, поскольку допускают интерпретацию в знаках культуры конкретного сообщества и в связи с его культурной спецификой» [Равочкин 2018: 245].

Идиостилевая специфика не может быть понята в отрыве от глубинной этнокультурной матрицы. Как отмечает Т. Г. Владыкина, предметный мир и материальные реалии удмуртской этнокультуры являются «материальным выражением их духовной культуры и мировоззрения» [Владыкина 2002: 5]. Концепты удмуртского языка представляют собой «социально-культурные ценности, отраженные в языковой картине мира удмуртов» [Душенкова 2020: 15]. Особое место занимают ментальные концепты, среди которых ключевую роль играет «мудрость» («визылыксэс») [Душенкова 2020: 90].

При анализе мы также опираемся на семиотическую модель политического дискурса Е. И. Шейгал. Согласно ее подходу, семиотическое пространство политики функционально организовано знаками ориентации, интеграции и агональности [Карасик 2001: 55].

ОБРАЩЕНИЕ К НАЦИИ КОРОЛЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ КАРЛА III ПРИ ВСТУПЛЕНИИ В ДОЛЖНОСТЬ (9 СЕНТЯБРЯ 2022)

I speak to you today with profound sorrow. Throughout her life, Her Majesty The Queen — my beloved Mother — was an inspiration and

example to me and to all my family, for her love, affection, guidance, understanding and example.

Queen Elizabeth's was a life well lived; a promise with destiny kept. She made sacrifices for duty. Her dedication and devotion as Sovereign never wavered, through times of change and progress, through times of joy and celebration, and through times of sadness and loss. Alongside the personal grief, we also share a deep sense of gratitude. In her life of service we saw that abiding love of tradition, together with that fearless embrace of progress, which make us great as Nations. She combined these qualities with warmth, humor and an unerring ability always to see the best in people.

As the queen herself did with such unswerving devotion, I too now solemnly pledge myself, throughout the remaining time God grants me, to uphold the Constitutional principles at the heart of our nation. I shall endeavor to serve you with loyalty, respect and love. That promise of lifelong service I renew to you all today. I have been brought up to cherish a sense of duty to others, and to hold in the greatest respect the precious traditions, freedoms and responsibilities of our unique history.

And to my darling Mama... Thank you for your love and devotion to our family and to the family of nations you have served so diligently all these years.

May "flights of Angels sing thee to thy rest."

АНАЛИЗ РЕЧИ КОРОЛЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ КАРЛА III

Концепт «wisdom» в этой речи выступает речевым инструментом, который через долг и сакральность обеспечивает преемственность власти, единство нации и передачу традиций британской монархии.

1. Лексико-семантическое поле и оппозиции. «Мудрость» вербализуется через лексику служения, долга и эмоциональной зрелости (*service, duty, devotion, loyalty, example, commitment, promise, guidance, warmth, humor, tradition, constitutional principles*). Ключевые оппозиции: *tradition / progress* («*abiding love of tradition, together with that fearless embrace of progress*») и *personal grief / public duty*. Мудрый лидер подчиняет личные эмоции интересам института, делая личную добродетель гарантией стабильности.

2. Концептуальные метафоры и фреймы «мудрости»:

WISDOM AS INHERITED DUTY: *renew the promise, solemnly pledge, take up my new responsibilities*. «Мудрость» не создается с нуля, она наследуется.

WISDOM AS EXEMPLARY LIFE: *life well lived, example to me and to all my family, light*

of her example. «Мудрость» — это жизненный пример.

WISDOM AS BALANCED CONTINUITY: *abiding love of tradition... with that fearless embrace of progress*. Это ключевая метафора британского монархического идиостиля. Мудрость — это умение удержать две противоположности: неизменная любовь к традиции с бесстрашным стремлением к прогрессу.

WISDOM AS SACRED COVENANT: *promise with destiny kept, flights of Angels sing thee to thy rest*. Обращение к тайным священным смыслам, знакомым на подсознательном уровне всей нации.

3. Нарративная темпоральность и историческая преемственность. «Мудрость» в речи Карла III дискурсивно конструируется через непрерывность времени как «верность обещанию сквозь время». Связь прошлого и будущего проявляется через настоящее: *As the queen herself did... I too now solemnly pledge myself, throughout the remaining time God grants me...* Институциональная память как источник «мудрости»: *...cherish a sense of duty to others, and to hold in the greatest respect the precious traditions, freedoms and responsibilities of our unique history...* Лидер демонстрирует «мудрость», встраивая себя в цепь поколений.

4. Прагматика и эпистемическая легитимация. Концепт актуализируется через комисивные речевые акты (обещания, клятвы) в торжественном регистре (*renew, solemnly pledge, shall endeavor*). Использование модального глагола *shall* и прямая апелляция к примеру королевы (*As the queen herself did with such unswerving devotion...*) и баланс личного и институционального (*Alongside the personal grief... we also share... a deep sense of gratitude*) легитимируют новую власть через сакрализацию преемственности.

5. Аксиологический и межкультурный контекст. Ценности, на которые опирается политик в своей речи: служение и долг: *lifelong service, devotion to duty, loyalty, respect and love*; традиция и прогресс: *abiding love of tradition with fearless embrace of progress*; институциональная стабильность: *constitutional principles, parliamentary government, Church of England*, эмоциональный интеллект: *warmth, humor and an unerring ability always to see the best in people*.

В британской политике «мудрость» опирается не на сухие расчеты экспертов, а на верность монархическим традициям, что помогает Великобритании легко находить общий язык с другими народами, ценящими свою историю.

6. Дискурсивные маркеры авторитетности. Идиостиль Карла III отличается высоким

культурным кодом: использованием инклюзивных местоимений (*we, our nation, my family*), синтаксического параллелизма (*...times of change and progress, through times of joy and celebration, and through times of sadness and loss*) и градации (*...serve you with loyalty, respect and love...*). Мощнейшим маркером культурной мудрости выступает интертекстуальная аллюзия на Шекспира: *«May flights of Angels sing thee to thy rest»*, создающая эффект сакральности момента для всей англоязычной аудитории.

В речи короля Карла III «мудрость» конструируется через служение, преемственность и долг. Она предстает как добродетель, основанная на жизненном примере, верности слову и балансе традиции с прогрессом, что помогает легитимизировать монархию, сплотить нацию при смене власти и сохранить ключевые ценности.

ОФИЦИАЛЬНАЯ РЕЧЬ ПРЕЗИДЕНТА США ДОНАЛЬДА ТРАМПА (20.01.2025)

Vice President Vance, Speaker Johnson, Senator Thune, Chief Justice Roberts, justices of the Supreme Court of the United States, President Clinton, President Bush, President Obama, President Biden, Vice President Harris, and my fellow citizens, the golden age of America begins right now.

...we will begin the complete restoration of America and the revolution of common sense. It's all about common sense.

For many years, a radical and corrupt establishment has extracted power... while the pillars of our society lay broken... For too long, a small group in our nation's capital has reaped the rewards of government while the people have borne the cost.

I have been tested and challenged more than any president... and I've learned a lot along the way. An assassin's bullet ripped through my ear. But I felt then and believe even more so now that my life was saved for a reason. I was saved by God to make America great again. I stand before you now as proof that you should never believe that something is impossible to do.

Americans pushed thousands of miles through a rugged land... Americans are explorers, builders, innovators, entrepreneurs, and pioneers. The spirit of the frontier is written into our hearts... we will pursue our manifest destiny into the stars.

To restore competence and effectiveness to our federal government, my administration will establish the brand-new Department of Government Efficiency. We will drill, baby, drill. ...it is that liquid gold under our feet that will help to do it.

My proudest legacy will be that of a peacemaker and unifier. That's what I want to be.

We will not be conquered, we will not be intimidated, we will not be broken, and we will not fail. We will be prosperous, we will be proud, we will be strong, and we will win like never before. We will stand bravely, we will live proudly, we will dream boldly, and nothing will stand in our way because we are Americans.

The future is ours, and our golden age has just begun. We will make his dream come true. God bless America.

АНАЛИЗ ИНАУГУРАЦИОННОЙ РЕЧИ ПРЕЗИДЕНТА США ДОНАЛЬДА ТРАМПА

Речь Д. Трампа представляет собой хрестоматийный пример популистской, прагматической и харизматической «мудрости». В его идиостиле «wisdom» вербализуется через лексику прагматизма, выживания и здравого смысла, жестко противопоставляемую лексике «элитарного невежества».

1. Лексико-семантическое поле и концептуальные оппозиции. Маркеры прагматической мудрости: *common sense, tested, learned, competency, integrity, loyalty, efficiency*. Здравый смысл приравнивается к революционной силе: «*we will begin the complete restoration of America and the revolution of common sense*». Концептуальные оппозиции. Лексика «мудрости» (*common sense, integrity*) жестко противопоставляется лексике «элитарного безумия» (*radical political theories, weaponization, corrupt establishment*). Мудрость лидера дискурсивно противопоставляется иррациональности и порочности системы.

2. Концептуальные метафоры и фреймы «мудрости». Д. Трамп конструирует свою «мудрость» через специфические когнитивные фреймы, отражающие американский миф об исключительности и индивидуальном успехе.

WISDOM AS COMMON SENSE — апелляция к «революции здравого смысла» как альтернативе технократическому знанию: *It's all about common sense. ...revolution of common sense...*

WISDOM AS SURVIVAL AND PROVIDENCE — «мудрость» доказана фактом физического выживания: *I was saved by God to make America great again*. «Мудрость» здесь — сакральный статус «спасенного» лидера.

WISDOM AS FRONTIER SPIRIT — «мудрость» как дух первопроходцев: *we will pursue our manifest destiny into the stars*. Мудрость нации видится в экспансии и покорении невозможного.

WISDOM AS MESSIANIC DESTINY — когнитивная метафора мессианского предназначения: *My proudest legacy will be that of a*

peacemaker and unifier. Называя себя «миротворцем», лидер помещает себя в ряд библейских фигур, чья мудрость освящена высшей целью.

WISDOM AS BUSINESS EFFICIENCY — «мудрость» как бизнес-эффективность: *Department of Government Efficiency*. «Мудрость» измеряется экономической выгодой.

3. Нарративная темпоральность и историческая преемственность. Политик конструирует ось через разрыв с недавним прошлым (*crisis of trust, catastrophic events, horrible betrayal*) и возврат к славному глубокому прошлому (*250-year history, ancestors, William McKinley, Teddy Roosevelt, pioneers*) ради будущего триумфа (*golden age, Mars, four greatest years*). Личный опыт преодоления кризисов становится мостом, по которому «мудрость» переносится в будущее.

4. Прагматика и эпистемическая легитимация. Используется стратегия опыта выживания: *assassin's bullet ripped through my ear, I stand before you now as proof*. Эпистемическая стратегия «личного опыта как истины»: лидер использует собственное тело и биографию как главное доказательство своей «мудрости». Перформативная «мудрость» реализуется через немедленные директивы (*I will declare, I will direct, I will sign*), подаваемые как акты восстановления очевидной истины. «Мудрость» — действие, а не рефлексия.

5. Аксиологический и межкультурный контекст. Американские ценности превращают «wisdom» в идеологический конструкт, понятный внутри страны, но сложный для внешнего диалога. Речь опирается на меритократию, амбиции и веру в божественное предопределение (*saved by God*). В популизме «мудрость» и «объединение» привязаны к личности лидера (*I will be a peacemaker*). Религиозный детерминизм (*one glorious nation under God, saved by God, God bless America*) наделяет эту мудрость сакральным статусом. Это отражает миф о «спасителе-одиночке» (*lone savior*), где личная харизма подменяет работу целой системы.

6. Дискурсивные маркеры авторитетности. Идиостиль опирается на чередование авторитетного *I* и инклюзивного *we*, императивно-декларативный контекст (*I will declare, I will sign*) и синтаксический параллелизм (*We will not be conquered... we will not be broken; We will be prosperous... we will win like never before*), формируя эффект абсолютной уверенности. Особый интерес представляет клише *Drill, baby, drill*: императив и вокатив снижают пафос, создавая иллюзию «своего» диалога с электоратом, а повтор обеспечивает мантрический эффект, транслируя

образ решительного лидера, говорящего «на языке народа».

Идиостиль Трампа представляет «мудрость» как личную, харизматическую способность лидера преодолеть хаос и восстановить «естественный» порядок. Самоименование (*That's what I want to be: a peacemaker and a unifier*) выступает актом присвоения статуса мудрого лидера, чья миссия направлена на высшую цель — возрождение нации.

СЛОВА ПРИСЯГИ ГЛАВЫ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ АЛЕКСАНДРА БРЕЧАЛОВА ПРИ ВСТУПЛЕНИИ В ДОЛЖНОСТЬ (05.10.2022)

Кыл сетисько, Удмурт элькун торолэсь уж оскетъёсэс быдэсьякум. Адямилэсь но удмуртлэсь эрикательёсэс новикательёсэс га-жаны но утьыны. Росси Федерацилэсь кун катъёсэс, Федерал катъёсты, Удмурт Элькун кун катэз но удмурт элькун катъёсты быдэсьяны но утьыны. Калык понна оскымон ужаны.

АНАЛИЗ ПРИСЯГИ ГЛАВЫ УДМУРТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ АЛЕКСАНДРА БРЕЧАЛОВА

Текст присяги на удмуртском языке представляет собой не развернутый нарратив, а концентрированный перформативный акт. В региональном дискурсе концепт «мудрость» («визьлыксэс») интегрируется в модель служения, вербализуясь через этическую надежность, сакральность слова и общинную заботу.

1. Лексико-семантическое поле и концептуальные оппозиции. Мудрость выражается через лексику доверия и действия: *кыл сетисько* (даю слово) — сакральная клятва, верность слову, *оскымон* (доверие, надёжность, верность) — эпистемическая добродетель надежности, *гажаны но утьыны* (уважать и защищать), *быдэсьяны но утьыны* (исполнять и защищать) — баланс признания и охраны, *калык понна ужаны* (служение народу) — ориентация на благо сообщества. Концептуальная оппозиция строится не на конфликте, а на балансе: *адямилэсь но удмуртлэсь* (человека и удмурта) и *Росси Федерацилэсь... но Удмурт Элькунлэсь* (Российской Федерации и Удмуртии). «Мудрость» лидера конструируется как способность удерживать гармонию между правами человека, этнической идентичностью и федеральной субординацией.

2. Концептуальные метафоры мудрости и выявленные фреймы.

МУДРОСТЬ КАК СВЯЩЕННЫЙ ЗАВЕТ: «*кыл сетисько*» — «мудрость» как сакральное слово и готовность связать себя словом перед лицом общины и высших сил.

МУДРОСТЬ КАК УВАЖЕНИЕ ЗАКОНОВ: *Росси Федерацилэсь кун катъёсэс, Федерал катъёсты* (Конституция Российской Федерации и федеральные законы) и *Удмурт Элькун кун катэз но удмурт элькун катъёсты* (Конституция Удмуртской республики и законы Удмуртской республики) — мудрость как уважение к многоуровневой правовой системе, федеральной и региональной.

МУДРОСТЬ КАК ЭТНИЧЕСКО-ГРАЖДАНСКИЙ БАЛАНС: *адямилэсь но удмуртлэсь* — мудрость как защита прав человека и этноса в их иерархическом единстве.

МУДРОСТЬ КАК ВЕРНОЕ СЛУЖЕНИЕ: *калык понна оскымон ужаны* — «мудрость» как верное, доверительное служение народу, тождественно труду на благо общества.

3. Нарративная темпоральность и историческая преемственность. В отличие от развернутых речей, присяга концентрирует время в перформативном настоящем (*кыл сетисько*), где имплицитное прошлое, традиция и телеологическое будущее (*калык понна оскымон ужаны*) актуализируются через акт принятия ответственности. «Мудрость» лидера конструируется через готовность стать живым мостом между историческим правом удмуртского народа на самоопределение и его будущим благополучием.

4. Прагматика и эпистемическая легитимация. Мудрость легитимируется не через личные качества, а через добровольное принятие обязательств, перформативный акт и апелляцию к коллективному доверию (*оскымон*), сакрализируя долг перед народом и законом.

5. Аксиологический и межкультурный контекст. Ядро концепта составляют коллективизм, *калык* как центр, правовая культура и этнокультурная ответственность. В кросс-культурном срезе «визьлыксэс» включает не только интеллект, но и нравственную целостность, интегрируя финно-угорскую этику заботы о сообществе с общероссийскими ценностями служения.

6. Дискурсивные маркеры авторитетности. Синтаксическая организация текста формирует перцепцию «мудрости» как смирения перед законом и народом. Ключевые маркеры: отсутствие местоимения *мон* (я), растворяющее индивидуальность в функции служения; доминирование инфинитивных конструкций обязательства (*гажаны, утьыны, быдэсьяны, ужаны*), создающих ритм заботы; синтаксический параллелизм (*Адямилэсь но удмуртлэсь... / Росси Федерацилэсь... но Удмурт Элькунлэсь*), визуально и фонетически моделирующий гармонию.

В тексте присяги «визылыксыс» («мудрость») выступает как добродетель служения, объединяющая этническую идентичность и гражданский долг. Сакральное слово («кыл сетисько») и доверие («оскымон») легитимируют власть и сохраняют традиции.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ВЛАДИМИРА ПУТИНА НА ЦЕРЕМОНИИ ВСТУПЛЕНИЯ В ДОЛЖНОСТЬ ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ (07.05.2024)

Уважаемые граждане России! Дамы и господа! Дорогие друзья!

В эти торжественные и ответственные минуты хочу сердечно поблагодарить граждан России во всех регионах нашей страны, жителей наших исторических земель, отстоявших право быть вместе с Родиной. Хочу поклониться нашим героям, участникам специальной военной операции, всем, кто сражается за Отечество.

Только что произнёс слова президентской присяги. В её тексте сконцентрирована суть высочайшего предназначения главы государства – беречь Россию и служить нашему народу. Понимаю, что это огромная честь, обязанность и священный долг. Заверяю вас, что и впредь интересы, безопасность народа России будут для меня превыше всего.

Консолидированная воля миллионов людей — это колоссальная сила, свидетельство нашей общей твёрдой уверенности, что судьбу России мы будем определять сами и только сами ради сегодняшних и будущих поколений. Мы должны обеспечить надёжную преемственность в развитии страны на десятилетия вперёд, вырастить и воспитать молодые поколения, которые будут укреплять могущество России, развивать нашу государственность, в основе которой межнациональное согласие, сбережение традиций всех народов, живущих в России, стране-цивилизации, объединённой русским языком и нашей многонациональной культурой.

Сегодня, по сути, мы держим ответ перед нашей тысячелетней историей и нашими предками. Нам важно помнить и её уроки, не забывая о трагической цене внутренних смут и потрясений.

Мы видим, как изменилась атмосфера в обществе, как высоко ценятся сегодня надёжность, взаимная ответственность, искренность, порядочность, благородство и мужество.

Разговор с нашими партнёрами возможен только на равных, уважая интересы друг друга, без всякого высокомерия, чванства и собственной исключительности.

При этом стабильность не означает косность. Наша государственная, общественная система должна быть гибкой, создавать условия для обновления и движения вперёд.

Сделаю всё, буду делать всё необходимое, чтобы люди, которые проявили свои лучшие человеческие и профессиональные качества, выходили на ведущие позиции.

Дорогие друзья! Мы единый и великий народ и вместе преодолеем все преграды, воплотим в жизнь всё задуманное. Вместе победим!

АНАЛИЗ ИНАУГУРАЦИОННОЙ РЕЧИ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ВЛАДИМИРА ПУТИНА

В речи В. Путина концепт «мудрость» выступает аксиологическим конструктом, обеспечивающим легитимацию власти, консолидацию общества и трансляцию цивилизационной идентичности через категории служения, исторической преемственности и ответственности.

1. Лексико-семантическое поле и концептуальные оппозиции. «Мудрость» вербализуется через лексику долга, исторической памяти и нравственной стойкости (*священный долг, тысячелетняя история, преемственность, традиции, межнациональное согласие, народосбережение, стабильность, гибкость, надёжность, ответственность, искренность, порядочность, благородство и мужество, многонациональная культура*), жестко противопоставляемую хаосу. Ключевые оппозиции: *единство, сплочённость / внутренние смуты, стабильность / косность, открытость к диалогу / позиция силы и высокомерия, консолидированная воля миллионов людей (суверенитет, единство, могущество России) / собственная исключительность Запада*. «Мудрость» приравнивается к морально-этическому каркасу нации.

2. Концептуальные метафоры и фреймы «мудрости».

МУДРОСТЬ КАК ЗАЩИТА: *безопасность, беречь Россию, служить народу, сбережение традиций.*

МУДРОСТЬ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ: *тысячелетняя история, предки, будущие поколения, преемственность, многовековые семейные ценности.*

МУДРОСТЬ КАК ОСНОВА ЦИВИЛИЗАЦИИ: *страна-цивилизация, межнациональное согласие, многонациональная культура.*

МУДРОСТЬ КАК СБАЛАНСИРОВАННАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ: *прочная, устойчивая, гибкая система, стабильность развития.*

3. Нарративная темпоральность и историческая преемственность. Прошлые (*тысячелет-*

няя история, предки, уроки истории, трагическая цена смут) связывается с настоящим (рубежный период, серьёзные испытания, консолидированная воля) ради будущего (долгосрочные планы, молодые поколения, могущество России, поступательность развития). «Мудрость» конструируется как «ответственность перед прошлым ради будущего», что отличает российскую модель от западных футуроцентричных дискурсов.

4. Прагматика и эпистемическая легитимация. Легитимация строится не на личном успехе, а на институциональном служении и слиянии с коллективной волей («суть предназначения — беречь Россию и служить народу»). Перформативы (*благодарю, обращаюсь, заверяю, сделаю всё, буду делать всё необходимое*) функционируют как маркеры «мудрости», сакрализируя долг и ответственность перед народом.

5. Аксиологический и межкультурный контекст. Ядро ценностей: соборность (*мы, наш народ, единство и сплочённость, мы единый и великий народ, вместе преодолеем, вместе победим*), традиционализм (*многовековые семейные ценности, сбережение традиций всех народов, многонациональная культура*) и суверенитет (*на равных, уважая интересы друг друга, многополярный миропорядок*). В кросс-культурном срезе российская «мудрость» интегрирует экспертное знание в систему традиций, создавая основу для диалога с незападными цивилизациями, но контрастируя с либерально-индивидуалистическими моделями Запада.

6. Дискурсивные маркеры и стратегии авторитетности. Идиостиль отличается сдержанной торжественностью и синтаксической строгостью. Используются инклюзивные местоимения (*мы, наш*), синтаксический параллелизм и градация (*надёжность, взаимная ответственность, искренность, порядочность, благородство и мужество*), а также модус долженствования «*сделаю всё*», «*буду делать всё необходимое*». Это формирует восприятие «мудрости» как смирения перед историей и народом, а не проявления личной харизмы.

В речи В. В. Путина «мудрость» — это коллективная добродетель служения и исторической преемственности, обеспечивающая сохранение народа в условиях геополитических вызовов.

ВЫВОДЫ

Кросс-культурное исследование концепта «мудрость» в инаугурационных речах позволило сделать следующие выводы.

Во-первых, «мудрость» в политическом дискурсе — это не статичная философская

категория, а динамичный инструмент легитимации власти, формирующий авторитет лидера через специфические маркеры.

Во-вторых, выявлена глубокая культурная вариативность концепта. У короля Карла III (Великобритания) это институциональная добродетель, балансирующая традицию и прогресс. У Д. Трампа (США) «мудрость» сводится к «здравому смыслу» и харизме спасителя, противостоящего коррумпированной элите. У А. Бречалова (Удмуртия) она выражается через этику доверия (*оскымон*), верность слову (*кыл сетисько*) и заботу о народе. У В. Путина (Россия) это коллективная добродетель, основанная на исторической преемственности, служении и цивилизационном суверенитете.

В-третьих, концепт выступает культурно-специфическим мостом между лидером и аудиторией. В российском и удмуртском дискурсах он опирается на традиции и исторический опыт, в британском — на конституционные ценности, тогда как в американском популизме он радикально противопоставляется «экспертному знанию» элит.

В-четвертых, предложенная шестиаспектная модель анализа доказала свою эффективность. Она позволяет рассматривать идиостиль политика как целостную систему, в которой абстрактный концепт материализуется через конкретные языковые средства и риторические стратегии.

В-пятых, результаты исследования имеют практическую значимость и могут быть применены в преподавании политической лингвистики, лингвоимиджологии, а также в переводческой практике для сохранения культурных коннотаций.

Таким образом, идиостиль лидера определяет выбор специфических маркеров «мудрости», необходимых для консолидации аудитории. Этот концепт является гибким инструментом, который адаптируется к культурному коду, историческому контексту и конкретным задачам политика.

ИСТОЧНИКИ

1. URL: <https://www.nytimes.com/>.
2. URL: <https://www.whitehouse.gov/>.
3. URL: http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&infostr=xO7q8+zl7flg7vLu4fDg5uDI8vH/IO3II0Ig7+7x6+Xk7eXpIPDI5ODq9ujo&backlink=1&nd=149031176&page=1&rdk=9#I0.
4. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73981>.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Болотнов, А. В. Тип аргументации как отражение идиостиля публичной информационно-медийной языковой личности / А. В. Болотнов // Вестник Томского государственного педагогического университета. — 2019. — № 4 (201). — С. 21–30. — DOI 10.23951/1609-624X-2019-4-21-30. — EDN SZUOYW.
2. Гаврилова, М. В. Инаугурационная речь: идеальный проект дела и идейная основа объединения общества / М. В. Гаврилова // Политическая наука. — 2009. — № 4. — С. 138–156. — EDN KXOWWD.

3. Демидова, Т. А. Методика комплексного описания идиостиля в аспекте теории образности / Т. А. Демидова, Л. М. Гриценко // Вестник Томского государственного университета. — 2019. — № 442. — С. 14–21. — DOI 10.17223/15617793/442/2. — EDN ZYCYCT.

4. Демкина, Я. Ю. Концепты-константы политического дискурса / Я. Ю. Демкина // Дискурс. — 2020. — Т. 6, № 1. — С. 121–128. — DOI 10.32603/2412-8562-2020-6-1-121-128. — EDN WSUBNE.

5. Душенкова, Т. Р. Ключевые понятия удмуртской языковой картины мира / Т. Р. Душенкова. — Ижевск : Шелест, 2020. — 246 с. — ISBN 978-5-907285-17-0. — EDN NCDAAWW.

6. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Москва : Гнозис, 2004. — 389 с. — ISBN 5-7333-0143-0.

7. Карасик, В. И. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / В. И. Карасик // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6, Языкознание. Реферативный журнал. — 2001. — № 2. — С. 52–57. — EDN BGWVTF.

8. Маслова, В. А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? / В. А. Маслова // Политическая лингвистика. — 2008. — № 1(24). — С. 43–47. — EDN JVZAQX.

9. Никитина, Е. А. Современные исследования мудрости: состояние и перспективы / Е. А. Никитина // Психологический журнал. — 2021. — Т. 42, № 2. — С. 15–24. — DOI 10.31857/S020595920014228-6. — EDN SMQKRJ.

10. Олешковская, У. А. Функции инаугурационного обращения / У. А. Олешковская, С. В. Шустова // Евразийский гуманитарный журнал. — 2022. — № 3. — С. 10–15. — EDN UJWAOA.

11. Предметные реалии удмуртской этнокультуры / Т. Г. Владыкина, Н. В. Анисимов, А. А. Арзамасов [и др.] ; науч. ред. Т. Г. Владыкина. — Ижевск : Удмуртский федеральный исследовательский центр Уральского отделения Российской академии наук, 2021. — 188 с. — ISBN 978-5-6044266-7-8. — EDN FYNUYC.

12. Равочкин, Н. Н. Особенности изучения концептов в современном политическом медиадискурсе / Н. Н. Равочкин // Гуманитарные и социальные науки. — 2024. — Т. 102, № 1. — С. 94–98. — DOI 10.18522/2070-1403-2024-102-1-94-98. — EDN MXNXZW.

13. Равочкин, Н. Н. Особенности политического дискурса / Н. Н. Равочкин // Вестник Костромского государственного университета. — 2018. — Т. 24, № 3. — С. 244–250. — EDN YOIOIH.

14. Самарская, Т. Б. Языковые средства создания идиостиля / Т. Б. Самарская, Т. В. Поздеева // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. — 2016. — № 116. — С. 129–138. — EDN VQUXBD.

15. Санников, С. В. Клятва и присяга как перформативные акты «микрорелигии» власти / С. В. Санников // Universum: филология и искусствоведение. — 2017. — № 10(44). — С. 4–9. — EDN ZNDRUV.

16. Хисматуллина, Л. Г. Инаугурационная речь как инструмент формирования речевого портрета президента / Л. Г. Хисматуллина, Д. Б. Гарифуллина, А. А. Гимадеева // Гуманитарные и социальные науки. — 2019. — № 6. — С. 231–240. — DOI 10.23683/2070-1403-2019-77-6-231-240. — EDN IYMTWW.

17. Чудинов, А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2003. — 248 с. — ISBN 5-7186-0127-5. — EDN QCNWUV.

MATERIALS

1. URL: <https://www.nytimes.com/>.
2. URL: <https://www.whitehouse.gov/>.
3. URL: http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips?doc_itself=&infostr=xO7q8+zl7f1g7vLu4fDg5uDI8vH/IO3lIOlg7+7x6+Xk7eXpIPDI5ODq9Ujo&backlink=1&nd=149031176&page=1&rdk=9#I0.
4. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73981>.

REFERENCES

1. Bolotnov, A. V. (2019). Tip argumentatsii kak otrazhenie idiositilya publichnoy informatsionno-mediynoy yazykovoy lichnosti = The Type of Argumentation as a Reflection of the Idiostyle of a Public Information and Media Linguistic Personality. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 4(201), 21–30. DOI 10.23951/1609-624X-2019-4-21-30. EDN SZUOYW.
2. Gavrilova, M. V. (2009). Inauguratsionnaya rech': ideal'nyy proekt dela i ideynaya osnova ob'edineniya obshchestva = Inaugural Speech: An Ideal Project for a Case and the Ideological Basis for Unifying Society. *Political Science*, 4, 138–156. EDN KXOWWD.
3. Demidova, T. A., Gritsenko, L. M. (2019). Metodika kompleksnogo opisaniya idiositilya v aspekte teorii obraznosti = Methodology for a Comprehensive Description of Idiostyle in the Aspect of Imagery Theory. *Bulletin of Tomsk State University*, 442, 14–21. DOI 10.17223/15617793/442/2. EDN ZYCYCT.
4. Demkina, Ya. Yu. (2020). Kontsepty-konstanty politicheskogo diskursa = Concepts-Constants of Political Discourse. *DISCOURSE*, 6(1), 121–128. DOI 10.32603/2412-8562-2020-6-1-121-128. EDN WSUBNE.
5. Dushenkova, T. R. (2020). Klyuchevye ponyatiya udmurtskoy yazykovoy kartiny mira = Key Concepts of the Udmurt Linguistic Picture of the World. Monograph. — Izhevsk: Shelest, 246 p. ISBN 978-5-907285-17-0. EDN NCDAAWW.
6. Karasik, V. I. (2004). Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs = Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Moscow: Gnosis, 389 p. ISBN 5-7333-0143-0.
7. Karasik, V. I. (2001). Sheygal E. I. Semiotika politicheskogo diskursa = Review of the book: Semiotics of Political Discourse / E. I. Sheygal. Volgograd: Peremena. *Social and Humanities Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 6, Linguistics*, 2. EDN BGWVTF.
8. Maslova, V. A. (2008). Politicheskii diskurs: yazykovye igry ili igry v slova? = Political Discourse: Language Games or Word Games? *Political Linguistics*, 2(24), 44–51. EDN JVZAQX.
9. Nikitina, E. A. (2021). Sovremennye issledovaniya mudrosti: sostoyanie i perspektivy = Modern Studies of Wisdom: State and Prospects. *Psychological Journal*, 42(2), 15–24. DOI 10.31857/S020595920014228-6. EDN SMQKRJ.
10. Oleshkovskaya, U. A., Shustova, S. V. (2022). Funktsii inavguratsionnogo obrashcheniya = Functions of the Inaugural Address. *Eurasian Humanitarian Journal*, 3, 10–15. EDN UJWAOA.
11. Vladykina, T. G. (et al.) (2021). Predmetnye realii udmurtskoy etnokul'tury = Subject Realities of the Udmurt Ethnoculture. Monograph (under the general editorship of T. G. Vladykina). Izhevsk, 188 p. EDN FYNUYC.
12. Ravochkin, N. N. (2018). Osobennosti izucheniya kontseptov v sovremennom politicheskom mediadiskurse = Features of Political Discourse. *Bulletin of Kostroma State University*, 24(3), 244–250. EDN YOIOIH.
13. Ravochkin, N. N. (2024). Osobennosti politicheskogo diskursa = Features of the Study of Concepts in Modern Political Media Discourse. *Humanitarian and Social Sciences*, 102(1), 94–98. DOI 10.18522/2070-1403-2024-102-1-94-98. EDN MXNXZW.
14. Samarskaya, T. B., Pozdeeva, T. V. (2016). Yazykovye sredstva sozdaniya idiositilya = Linguistic Means of Creating an Idiostyle. *Scientific Journal of KubSAU*, 116(02), 1–10. EDN VQUXBD.
15. Sannikov, S. V. (2017). Klyatva i prisyaga kak performativnye akty «mikrofiziki» vlasti = Oath and Pledge as Performative Acts of the “Microphysics” of Power. *Universum: Philology and Art Criticism*, 10(44). EDN ZNDRUV.
16. Khismatullina, L. G., Garifullina, D. B., Gimadeeva, A. A. (2019). Inavguratsionnaya rech' kak instrument formirovaniya rechevogo portreta prezidenta = Inaugural Speech as a Tool for Forming the Speech Portrait of the President. *Humanities and Social Sciences*, 6, 231–240. EDN IYMTWW.
17. Chudinov, A. P. (2003). Metaforicheskaya mozaika v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii = Metaphorical Mosaic in Modern Political Communication. Monograph. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University, 248 p. EDN QCNWUV.

Политическая лингвистика. 2026. № 4 (118).
Political Linguistics. 2026. No 4 (118).

УДК 811.581'42+811.581'373+81'27
ББК Ш171.1-51+Ш171.1-31+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.33; 16.21.45

Код ВАК 5.9.5

Ян Цаньцань

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия,
can.325@qq.com, SPIN-код: 4732-7756

Динамические процессы в лексике политического дискурса Китая как отражение изменений в обществе

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются активные процессы изменения лексико-семантических единиц политического дискурса Китая под влиянием экстралингвистических факторов. Лексика рассматривается как одна из когнитивных технологий адаптации социума к новым геополитическим реалиям. Представленный анализ словоупотреблений в современном китайском языке позволяет увидеть не просто набор новых слов, а сложную динамику сдвигов в языковом сознании социума: от индивидуального освоения новых языковых единиц в формально-семантическом единстве до их коллективной институционализации. Именно эта взаимосвязь делает лексику надежным эмпирическим материалом для изучения того, как язык отражает и одновременно формирует социальную реальность. На основании использования модели анализа больших данных по материалам китайского Национального корпуса мониторинга языковых ресурсов (более 1 миллиарда иероглифов) были определены наиболее динамично изменяющиеся сферы в неологической лексике: «Цифровизация и интернет», «Экономика и бизнес», «Технологии и искусственный интеллект», «Политика и идеология», «Культура и быт, социальная политика». Выявлены тематические доминанты неологизмов данных групп, отмечаемые в их функционировании в китайском политическом дискурсе. Представлены сопоставительные статистические данные, характеризующие тенденции отражения динамических процессов в лексике 2000-х и 2020-х гг. до настоящего времени.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политическая лингвистика, китайский язык, лексикология китайского языка, лексические единицы, лексическая семантика, языковые единицы, словоупотребление, языковое сознание, неологизмы.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ян Цаньцань, аспирант кафедры русского языка для иностранных учащихся, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, email: can.325@qq.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ян, Ц. Динамические процессы в лексике политического дискурса Китая как отражение изменений в обществе / Ян Цаньцань. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 4 (118). — С. 186-192.

Yang Cancan

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, can.325@qq.com,
SPIN code: 4732-7756

Dynamic Processes in the Political Discourse Vocabulary of China as a Reflection of Social Change

ABSTRACT. The article analyzes the active processes of change of the lexico-semantic units of China's political discourse under the influence of extralinguistic factors. Vocabulary is considered as one of the cognitive areas of social adaptation to new geopolitical realities. The presented analysis of word usages in modern Chinese allows seeing not just a set of new words, but a complex dynamics of shifts in the linguistic consciousness of society: from the individual acquisition of new linguistic units within a formal-semantic unity to their collective institutionalization. It is precisely this interconnection that makes vocabulary a reliable empirical material for studying how language reflects and simultaneously shapes social reality. Based on the use of a big data analysis model of materials from the Chinese National Corpus for Monitoring Language Resources (more than 1 billion characters), the most dynamically changing areas in neological vocabulary were identified: "Digitalization and the Internet," "Economy and Business," "Technologies and Artificial Intelligence," "Politics and Ideology," and "Culture and Everyday Life, Social Policy." The article has identified thematic dominants of neologisms of these groups, observed in their functioning in Chinese political discourse. The study presents comparative statistical data characterizing the trends reflecting dynamic processes in the vocabulary of the 2000s and 2020s up to the present time.

KEYWORDS: political discourse, political linguistics, Chinese language, Chinese lexicology, lexical semantics, linguistic units, word usage, linguistic consciousness, neologisms.

AUTHOR'S INFORMATION: Yang Cancan, Post-Graduate Student of Department of the Russian Language for Foreign Students, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia.

FOR CITATION: Yang C. (2026). Dynamic Processes in the Political Discourse Vocabulary of China as a Reflection of Social Change. In Political Linguistics. No 4 (118), pp. 186-192. (In Russ.).

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Актуальность предпринятого исследования определяется рядом факторов: во-первых, язык является «зеркалом» изменений общественного и индивидуального сознания [Бубнова 2026; Гридина 2023; Залевская 2018; Коновалова 2016]; во-вторых, политический дискурс в значительной мере отражает такие межъязыковые и межкультурные реалии, как глобализация, цифровизация, развитие ИИ, урбанизация, экономические и культурные трансформации [Бубнова 2023; Коновалова 2026; Русский язык... 2014; Чу 2025; Шао 2025; Ян 2022]; в-третьих, лексика выступает одним из наиболее чувствительных участков языковой системы: она не просто фиксирует новые реалии, но и отражает динамику сдвигов в языковом сознании как отдельного индивида, так и общества в целом [Васильева 2020; Вэй 2026; Гридина 2021; Залевская 2019; Ян 2025], о чем свидетельствует и фиксация в словарях новых слов, и резкий рост частотности неологизмов в корпусах.

В условиях стремительных изменений в КНР (цифровизации экономики, трансформации ценностных ориентиров, переосмысления традиционных моделей взаимодействия) именно лексические инновации становятся инструментом когнитивной адаптации носителей языка к сложным и часто не всегда понятным социальным реалиям. Ср., например, широкое распространение неологизмов, связанных с государственными проектами: «*Цифровой Китай*», «*Инициатива глобальной цивилизации*» и т. п.

Заметим, что к лексическим инновациям в широком смысле мы относим не только формальные / структурные инновации, но и семантические (в том числе коннотативные) сдвиги в структуре уже существующих в узусе слов, возврат устаревшей лексики в активный запас, актуализацию отдельных семантических компонентов в структуре лексического значения. Особый интерес представляет именно этот механизм: как в семантике неологизмов, в динамике их распространения и частотности проявляется эволюция коллективного языкового сознания и индивидуальных когнитивных стратегий освоения новой лексики [Вань 2011; Коновалова 2021; Приемышева 2024].

МАТЕРИАЛ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Отбор «Топ-10 новых слов 2025–2026 гг.» проводился методом сплошной и фокус-выборки на основе Национального корпуса мониторинга языковых ресурсов (более 1 миллиарда иероглифов) с применением техноло-

гий обработки больших данных. Использованы материалы корпусов: CCL (Центр китайской лингвистики Пекинского университета, ccl.pku.edu.cn), BCC (Пекинский университет языка и культуры, bcc.bcu.edu.cn). С целью выделения и уточнения актуальных смыслов используемой лексики нами использовался контекстуальный анализ примеров употребления соответствующих неологизмов из 15 ведущих общенациональных газет, расшифровок передач Центрального телевидения и радио Китая, 12 региональных телеканалов и 7 радиостанций, а также полных текстов двух интернет-порталов за период с 1 января 2025 года по настоящее время. Общий объем выборки анализируемых единиц и контекстов их употребления составил более 300 единиц. Для определения групп неологизмов с точки зрения тематических доминант использован метод компонентного анализа и классификации. Методологическую базу исследования составляют достижения корпусной лингвистики, психо- и социолингвистики, рассматривающей языки (в том числе китайский) в контексте глобализационных процессов и цифровой коммуникации; исследования интернет-лексики, фиксирующие ее переход из субкультурного пласта в общепотребительную сферу [Гридина 2025].

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Корпусный анализ позволил выявить наиболее динамично изменяющиеся сферы в неологической лексике современного китайского политического дискурса: «Цифровизация и интернет», «Экономика и бизнес», «Технологии и искусственный интеллект», «Политика и идеология», «Культура и быт, социальная политика».

Приведем наиболее показательные примеры неологизации в данных сферах.

Сфера «Технологии и искусственный интеллект»

未来产业 **Отрасли будущего** — предусматривается создание механизма наращивания инвестиций в отрасли будущего и развитие таких перспективных направлений, как биопроизводство, квантовые технологии, воплощенный интеллект, 6G и другие.

人工智能+ Искусственный интеллект+ — предполагает активное развитие интеллектуальных терминалов нового поколения, таких как интеллектуальные подключенные автомобили на новых источниках энергии, смартфоны и компьютеры на базе ИИ, интеллектуальные роботы, а также оборудование для интеллектуального производства.

智能经济新形态 Новая форма интеллектуальной экономики — впервые пред-

ложено углубить инициативу «Искусственный интеллект+», содействовать масштабному внедрению интеллектуальных терминалов и интеллектуальных агентов, а также развивать новые AI-ориентированные виды экономической деятельности. Это знаменует переход искусственного интеллекта от технологической революции к промышленной революции.

1. **Интеллектуальная экономика** — это новая форма интеллектуальной экономики, заключающаяся не в том, что появились технологии и продукты искусственного интеллекта, а в том, что вся экономика переходит от «цифровой записи» к «интеллектуальному функционированию», от «человек бежит за проблемами» к «система вращается вокруг потребностей», от «локальной оптимизации» к «глобальной координации» (Источник: *Экономическая газета (Economic Daily)*. 24.07.2026).

2. «Китай обладает уникальными преимуществами для создания новой формы интеллектуальной экономики. С точки зрения рыночного потенциала, население в 1,4 миллиарда человек и более 400 миллионов человек со средним уровнем дохода формируют колоссальный спрос, предоставляя богатые сценарии для итеративного обновления интеллектуальных технологий и образуя благотворный цикл «технологии → применение → данные → новое усовершенствование» (Источник: *Экономическая газета (Economic Daily)*. 17.03.2026).

Сфера «Экономика и бизнес»

«Тикетная экономика» — это экономическое явление, в центре которого находятся различные виды корешков билетов (кино, театральные, транспортные и т. д.). Оно проявляется через коллекционирование, куплю-продажу и вторичное использование таких корешков. Помимо функции подтверждения покупки, билетные корешки обладают мемориальной и культурной ценностью:

1. **«Тикетная экономика»** как новая экономическая модель, объединяя квитанции и билеты из различных видов потребительской деятельности, взаимодействуя с торговыми центрами, заведениями общепита, гостиницами и другими предприятиями, предлагает межсценарные скидки и

стремительно развивается по всему миру (Источник: *Китайская сеть общественных наук — Китайская газета общественных наук*. 13.01.2026);

2. 2025年以来, “票根经济”在我国呈爆发式发展态势。所谓“票根经济”,是指消费者凭借交通出行、文旅活动等场景的票务凭证,在后续的消费场景中转化为优惠凭证,获得折扣、积分兑换等权益,形成消费链延伸,从而刺激更多消费行为产生的一种经济模式。(国家治理. 06.02.2026) «С 2025 года „экономика билетных корешков“ в Китае демонстрирует взрывной рост. Под этим понятием подразумевается экономическая модель, при которой потребители, имея билетные документы из таких сфер, как транспорт, поездки, культурные и развлекательные мероприятия, могут конвертировать их в льготные сертификаты в последующих потребительских ситуациях, получая права на скидки, накопление баллов и т. п., что удлиняет потребительскую цепочку и стимулирует дополнительное потребительское поведение (Источник: *Государственное управление*. 06.02.2026).

3. 一张票玩转一座城“票根经济”点燃消费新引擎。(证券日报. 08.09.2025) «„Один билет — и ты покоришь целый город“: „экономика билетных корешков“ зажигает новый двигатель потребления» (Источник: *Газета «Чжэн-цзянь жибао» (Securities Daily)*. 08.09.2025).

Сфера «Политика и идеология»

«Современный народный город» — это модель развития урбанизации, ориентированная на интересы народа, сосредоточенная на обеспечении благосостояния населения, совершенствовании городских функций, повышении эффективности управления, экологической комфортности и удовлетворении растущих потребностей людей в лучшей жизни.

На Центральном городском рабочем совещании, проходившем с 14 по 15 июля 2025 года, было подчеркнуто, что необходимо стремиться к построению «современных народных городов, отличающихся инновационностью, комфортностью для жизни, красотой, устойчивостью, цивилизованностью и интеллектуальностью». В «Мнении Центрального комитета Коммунистической партии Китая и Государственного совета о содействии высококачественному развитию городов», опубликованном и введенном в действие 15 августа, поставлена задача к 2035 году в основном завершить строительство современных народных городов.

1. 从2015年中央城市工作会议强调“坚持人民城市为人民”,到2019年习近平总书记提出“人民城市人民建,人民城市为人民”,再到20

25年中央城市工作会议提出“以建设创新、宜居、美丽、韧性、文明、智慧的现代化人民城市为目标”，人民城市理念为新时代城市建设指明了方向。(《求是》杂志. 23.01.2026). «От состоявшегося в 2015 году Центрального совещания по работе в городах, подчеркнувшего „принцип города для народа“, до выдвинутой в 2019 году Генеральным секретарем Си Цзиньпином идеи „народ строит народный город, народный город для народа“, и до Центрального совещания по работе в городах 2025 года, поставившего цель „строительства инновационного, пригодного для жизни, красивого, устойчивого, цивилизованного и умного современного народного города“, концепция народного города указала направление для строительства городов в новую эпоху» (Источник: Журнал «Цюши». 23.01.2026).

2. 习近平总书记指出：“中国式现代化，民生为大。”宜居是建设现代化人民城市的基本要求。(中国共产党新闻网. 02.09.2025). «Генеральный секретарь Си Цзиньпин отметил: „В китайской модернизации благосостояние народа имеет первостепенное значение“. Пригодность для жизни является основным требованием при строительстве современного народного города (Источник: Сайт новостей Коммунистической партии Китая. 02.09.2025).

3. 城市的核心是人。做好城市工作，要深刻把握建设现代化人民城市的目标定位，自觉践行以人民为中心的发展思想。(中国日报网. 21.07.2025). «Ядром города является человек. В работе по управлению городом необходимо глубоко осознавать целевую направленность на построение современного народного города и неуклонно руководствоваться идеей развития, ориентированной на народ» (Источник: China Daily. 21.07.2025).

Сфера «Культура и быт, социальная политика»

育儿补贴 Детские пособия (субсидии на поддержку семей с детьми) — это меры социальной поддержки, предоставляемые на государственном или местном уровне для стимулирования рождаемости и снижения финансовой нагрузки на семьи, воспитывающие детей. Такая поддержка

включает денежные выплаты, налоговые льготы, субсидии на оплату дошкольных учреждений, ежемесячные пособия и другие формы экономической помощи. Данная политика направлена на оптимизацию демографической структуры общества, укрепление института семьи и создание благоприятных условий для воспитания подрастающего поколения.

1. 据悉，2026年3月，我区出台《西藏自治区育儿补贴制度实施细则》，对符合政策生育的3岁以下婴幼儿，按照每年每孩3600元标准发放育儿补贴。(西藏发布. 26.07.2026). «Для детей в возрасте до 3 лет, рождённых в рамках политики планирования семьи, предусмотрена выплата пособия на ребёнка в размере 3600 юаней в год на каждого ребёнка» (Источник: Выпуск Тибета. 26.07.2026).

2. 每孩每年3600元，中央财政预算约900亿元 — 一国新办发布会解读育儿补贴方案。(中华人民共和国中央人民政府. 30.07.2025). «3600 юаней в год на каждого ребёнка, около 90 миллиардов юаней из центрального бюджета — разъяснение программы детских пособий на пресс-конференции Информационного бюро Госсовета КНР» (Источник: Центральное народное правительство Китайской Народной Республики. 30.07.2025).

3. 实施育儿补贴制度 减轻家庭养育负担。(人民日报. 31.07.2025). «Введение системы детских пособий для снижения финансовой нагрузки на семьи по воспитанию детей» (Источник: Жэньминь жибао. 31.07.2025).

Социальные проблемы играют значительную роль в политическом дискурсе, включающем как документы руководства Китая, так и широкое обсуждение в интернете и социальных сетях. Ср.: *城乡居民增收计划* *Программа увеличения доходов городских и сельских жителей*; *初婚初育家庭住房保障* *Жилищное обеспечение для семей, вступающих в первый брак и имеющих первенца*; *银发经济* *Серебряная экономика (экономика для пожилых)* и др.

В самом общем виде можно представить лексико-семантические изменения в политическом дискурсе КНР последних двух лет в виде таблицы (Таблица 1).

Таблица 1. Процент обновления лексики в разных тематических сферах политического дискурса Китая по данным за 2025–2026 гг.

Тематическая сфера	Примеры слов	Доля (%)	Источник данных (корпус / словарь)
Цифровизация и интернет	躺平 (tǎngpíng), 破防 (pòfáng), 直播带货 (zhíbō dài huò)	30	CCL, Weibo Trends, 新词语词典
Технологии и ИИ	元宇宙 (yuányǔzhòu), 生成式AI (shēngchéngshì AI)	25	CCL, IT-медиа, отчёты Минцифры КНР
Экономика и бизнес	内卷 (nèi juǎn), 裁员 (cáiyuán)	20	BCC, Жэньминь жибао, Синьхуа
Культура и быт	佛系 (fó xì), 全国生态日 (quán guó shēng tài rì)	15	Zhihu, лайфстайл-медиа
Политика и идеология	新质生产力 (xīn zhì shēng chǎn lì), 双减 (shuāng jiǎn)	10	Синьхуа, официальные документы

Очевидно, что наиболее подверженными обновлению являются сферы, связанные с технологическими процессами, цифровизацией и ИИ, определяющими существенный рост экономического суверенитета Китая и выхода его на лидирующие позиции в мире.

В сравнении с предыдущим десятилетием (2000–2010), по данным Китайского национального образовательного информационного агентства, можно отметить следующее.

1. Цифровизация и ИТ. В 2000–2010 гг. этот сегмент был представлен 25 %, он также рос, но медленнее. Основные термины были связаны с начальным этапом развития интернет-технологий.

2. Экономика и бизнес, напротив, был представлен в политическом дискурсе шире (30 %), в фокусе внимания была глобализация, прямые иностранные инвестиции, акционерный капитал.

3. Технологии и ИИ. В 2000-е годы технологии только начинали развиваться, термины были менее специализированными и процент их употребления был невысок. В настоящее время обнаруживается сращивание этой сферы с другими (ИТ, экономика и даже идеология).

4. Политика и идеология. В этот период политическая лексика была представлена в политдискурсе более существенно (20 %), она отражала акцент на государственное строительство и экономическое развитие.

5. Культура, быт, экология. В 2000-е годы (лексика этой группы представлена тоже 15 %) внимание уделялось культурному возрождению, экологическим инициативам, но без такого акцента на моду, как сейчас. В настоящее время актуальна тема государственной поддержки семьи и повышения качества жизни среднего китайца.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, анализ материала позволил выявить тенденции трансформации

лексической системы китайского языка: интернационализация в основном касается мировых брендов, в большей же степени обновление словарного состава осуществляется за счет собственных ресурсов китайского языка. Новые лексические единицы в современном китайском языке выполняют функцию семантической конденсации: в одном слове совмещаются номинация целой ситуации и ее эмоционально-экспрессивная оценка (в какой-то степени этот механизм коррелирует с русским словосложением и семантическим включением).

Как в любой современной лингвокультуре, значительная часть неологизмов начинается путь с платформ интернет-коммуникации *Weibo*, *Zhihu*, *Bilibili* и других, выступающих своеобразным «экспериментальным полем» апробации языковых единиц, которые позже проникают в медиа и становятся общеупотребительными. С психологической точки зрения, такие процессы ускоряют семантическую адаптацию новой языковой единицы в повседневном употреблении.

Комплексное описание неологизмов в сочетании корпусного анализа частот с социолингвистическим подходом позволяет не только фиксировать появление новых единиц, но и реконструировать их роль в формировании коллективного языкового сознания социума. Анализ сочетаемости и контекстов употребления слов и устойчивых выражений в корпусах позволяет выявить, как они закрепляются в языке и как меняется их восприятие в зависимости от дискурса. Продуктивным представляется в перспективе обратиться к экспериментальному исследованию психологической реальности значений неологизмов, что позволит отследить динамику изменений в обществе по данным лексики и фразеологии в сравнении с медиатекстами той же тематической направленности.

ИСТОЧНИКИ

1. <http://lianghui.people.com.cn/2025/n1/2025/0305/c460142-40431710.html> (date of access: 22.04.2026).
2. https://www.gov.cn/zhengce/jiedu/tujie/202603/content_7060748.htm (date of access: 22.04.2026).
3. https://www.gov.cn/zhengce/jiedu/tujie/202603/content_7060748.htm (date of access: 22.04.2026).
4. 第一财经. 03.06.2026 = Первая финансовая газета (Yicai). 03.06.2026.
5. 北京日报客户端. 23.05.2026 = Пекинская газета (клиент Beijing Daily). 23.05.2026.
6. 新京报. 19.12.2024 = Новая столичная газета (The Beijing News). 19.12.2024.
7. Гуанминван (Guangming Online). 27.03.2025. = Гуанминван (Guangming Online). 27.03.2025.
8. 中国城市报. 04.08.2025 = Китайская городская газета (China City News). 04.08.2025.
9. 中国教育新闻网 — 《中国民族教育》. 14.09.2025. = Китайское образовательное информационное агентство — журнал «Национальное образование Китая». 14.09.2025.
10. 人民日报. 29.05.2025. = Жэньминь жибао. 29.05.2025.
11. 上海社会科学院. 19.06.2025. = Шанхайская академия общественных наук. 19.06.2025.
12. 经济日报. 14.06.2026 = Экономическая газета (Economic Daily). 14.06.2026.
13. 经济参考报. 11.03.2026 = Экономическая справочная газета (Economic Information Daily). 11.03.2026.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бубнова, И. А. Нажми на кнопку: от homo sapiens к dis-button homo / И. А. Бубнова // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2023. — № 21. — С. 5–16. — EDN NRPIGX.
2. Бубнова, И. А. Языковая личность как продукт культурно-исторического развития общества: современные тренды / И. А. Бубнова // Политическая лингвистика. — 2026. — № 1 (115). — С. 19–28. — EDN YALKKR.
3. Васильева, С. П. Опыт выявления специфики обыденного языкового сознания русских по данным ассоциативных словарей XX–XXI веков / С. П. Васильева // Научный диалог. — 2020. — № 1. — С. 27–44. — DOI 10.24224/2227-1295-2020-1-27-44. — EDN YPTSLT.
4. Гридина, Т. А. Ассоциативный потенциал префиксоида: квази-, псевдо-, лже- в современном медиадискурсе / Т. А. Гридина, Н. И. Коновалова // Политическая лингвистика. — 2025. — № 2 (110). — С. 32–39. — EDN ZVOMBH.
5. Гридина, Т. А. Идиоматика игрового слова: экспериментальные данные / Т. А. Гридина // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. — 2021. — № 2. — С. 7–24. — DOI 10.26170/23067462_2021_02_01. — EDN VMQANX.
6. Гридина, Т. А. Языковая игра в эргономинациях: провокативность и эмоционально-коммуникативная рецепция / Т. А. Гридина // Quaestio Rossica. — 2023. — Т. 11, № 1. — С. 243–257. — DOI 10.15826/qr.2023.1.787. — EDN DBDUNN.
7. Залевская, А. А. Об интерфейсной функции значения слова / А. А. Залевская // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. — 2019. — № 2 (61). — С. 43–48. — EDN QVPOXR.
8. Залевская, А. А. Абдукция как поиск нового знания / А. А. Залевская // Понимание и рефлексия в коммуникации, культуре и образовании: Всероссийская (с международным участием) герменевтическая конференция, посвященная памяти Г. И. Богина, Тверь, 20–23 октября 2017 года. — Тверь: Тверской государственный университет, 2018. — С. 85–92. — EDN XUJML.
9. Коновалова, Н. И. Неологизмы 21 века в китайской лексикографической практике: экспериментальное исследование / Н. И. Коновалова, Ц. Ян // Актуальные проблемы филологии. — 2021. — № 23. — С. 95–103. — EDN YOKFWQ.
10. Коновалова, Н. И. Перцептивные образы сознания в свете данных «Русского ассоциативного словаря» / Н. И. Коновалова // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке: материалы докладов и сообщений

Междунар. научн. конф. — Москва; Екатеринбург: Фабрика комиксов (импринт «Кабинетный ученый»), 2016. — С. 130–136. — EDN XSBAAN.

11. Коновалова, Н. И. Российский общественно-политический дискурс как «экспериментальное поле» адаптации иноязычных аббревиатур / Н. И. Коновалова, О. А. Михайлова, Ю. Н. Михайлова // Политическая лингвистика. — 2026. — № 1 (115). — С. 119–127. — EDN XHNAAW.
12. Приемышева, М. Н. Русская академическая неогграфия в начале XXI в.: к проблеме новых объектов описания / М. Н. Приемышева // Коммуникативные исследования. — 2024. — Т. 11. — № 4. — С. 667–682.
13. Русский язык в многогортном социокультурном пространстве / отв. ред. Б. М. Гаспаров, Н. А. Купина. — Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2014. — 324 с. — ISBN 978-5-7996-1083-8. — EDN RXLJTF.
14. Ян, Ц. Лексикографические практики фиксации активных процессов в русской лексике / Ц. Ян, Н. И. Коновалова // Начала Русского мира. — 2025. — № 4. — С. 27–32. — EDN FNHQXA.
15. Ян, Ц. Слова «текущего момента» в китайском интернет-дискурсе / Ц. Ян // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. — 2022. — № 20. — С. 282–298. — EDN USVWJL.
16. 韦世方, 杨庆, 黄玉瑛. 语言学视角下的2025年度十大新词语[J]. 嘉应文学, 2026, (8):76-79. = Вэй, Ш. Топ-10 новых слов 2025 года с лингвистической точки зрения / Ш. Вэй, Ц. Ян, Ю. Хуан // «Цзянь вэньсюэ» (Литература Цзянь). — 2026. — № 8. — С. 76–79.
17. 绍轩. 两会热词里的中国[J]. 记者观察, 2025, (10):16-17. = Шао, С. Китай в популярных словах двух сессий (ВСП и НПКС) / С. Шао // «Цзичжэ гуаньча» (Журналистские наблюдения). — 2025. — № 10. — С. 16–17.
18. 褚贺迪, 赵越. 从媒体新词语角度探析汉语新词语对语言文化传承的影响[J]. 青年文学家, 2025, (2):73-75. = Чу, Х. Исследование влияния новых слов китайского языка на передачу языковой культуры с точки зрения новых медийных терминов / Х. Чу, Ю. Чжао // «Циньянь вэньсюэцзя» (Молодые литераторы). — 2025. — № 2. — С. 73–75.
19. 万琴. 浅析现代汉语类词缀的特点 // 九江学院报 (哲学社会科学版). 2011. № 1. 43-45页. = Вань, Ц. Цянься сяньдай ханьюй лэйцзычжуйдэ тэдянь (Общий анализ особенностей поллаффиксов современного китайского языка) / Ц. Вань // Цзюцзяньсюэюаньбао (чжэсюэ шэхуэй сюэбань). — 2011. — № 1. — С. 43–45.

MATERIALS

1. Available at Apr. 22, 2026 from <http://lianghui.people.com.cn/2025/n1/2025/0305/c460142-40431710.html>.
2. Available at Apr. 22, 2026 from https://www.gov.cn/zhengce/jiedu/tujie/202603/content_7060748.htm.
3. Available at Apr. 22, 2026 from https://www.gov.cn/zhengce/jiedu/tujie/202603/content_7060748.htm.
4. 第一财经. = First Financial Daily. 03.06.2026.
5. 北京日报客户端. = Beijing Daily Client. 23.05.2026.
6. 新京报. = The Beijing News. 19.12.2024.
7. Guangming Online. 27.03.2025.
8. 中国城市报. = China City News. 04.08.2025.
9. 中国教育新闻网 — 《中国民族教育》. = China Education News Network — “Chinese Ethnic Education”. 14.09.2025.
10. 人民日报. = People’s Daily. 29.05.2025.
11. 上海社会科学院. = Shanghai Academy of Social Sciences. 19.06.2025.
12. 经济日报. = Economic Daily. 14.06.2026.
13. 经济参考报. = Economic Information Daily. 11.03.2026.

REFERENCES

1. Bubnova, I. A. (2023). Nazhmi na knopku: ot homo sapiens k dis-button homo = Press the button: from homo sapiens to dis-button homo. *Psycholinguistic aspects of the study of speech activity*, 21, 5–16. EDN NRPIGX.
2. Bubnova, I. A. (2026). Linguistic personality as a product of cultural and historical development of society: current trends. *Political Linguistics*, 1(115), 19–28. EDN YALKKR.

3. Vasil'eva, S. P. (2020). Opyt vyavleniya spetsifiki obydenogo yazykovogo soznaniya russkikh po dannym assotsiativnykh slovary XX–XXI vekov = An attempt to identify the specifics of everyday linguistic consciousness of Russians based on associative dictionaries of the 20th–21st centuries. *Scientific dialogue*, 1, 27–44. DOI 10.24224/2227-1295-2020-1-27-44. EDN YPTSLT.
4. Gridina, T. A., Kononova, N. I. (2025). Assotsiativnyy potentsial prefiksoida: kvazi-, psevd-, lzhe- v sovremennom mediadiskurse = The association potential of the prefixoids kvazi-, psevd-, lzhe- in modern media discourse. *Political Linguistics*, 2(110), 32–39. EDN ZVOMBH.
5. Gridina, T. A. (2021). Idiomatika igrovogo slova: ehksperimental'nye dannye = Idiomatics of the game word: experimental data. *Ural Philological Bulletin. Series: Language. System. Personality: Linguistics of creativity*, 2, 7–24. DOI 10.26170/23067462_2021_02_01. EDN VMQAHX.
6. Gridina, T. A. (2023). Yazykovaya igra v ehrgonominatsiyakh: provokativnost' i ehmtsional'no-kommunikativnaya retseptsiya = Language play in ergonominations: provocativeness and emotional-communicative reception. *Quaestio Rossica*, 11(1), 243–257. DOI 10.15826/qr.2023.1.787. EDN DBDUNN.
7. Zalevskaya, A. A. (2019). Ob interfeysnoy funktsii znacheniya slova = On the interface function of word meaning. *Bulletin of Tver State University. Series: Philology*, 2(61), 43–48. EDN QVPOXR.
8. Zalevskaya, A. A. (2018). Abduksiya kak poisk novogo znaniya = Abduction as a Search for New Knowledge. *Understanding and Reflection in Communication, Culture and Education. All-Russian (with International Participation) Hermeneutic Conference Dedicated to the Memory of G. I. Bogin, Tver, October 20–23, 2017*, 85–92. Tver': Tver State University. EDN XUIJML.
9. Kononova, N. I., Yang, C. (2021). Neologizmy 21 veka v kitayskoy leksikograficheskoy praktike: ehksperimental'noe issledovanie = Neologisms of the 21st Century in Chinese Lexicographical Practice: An Experimental Study. *Actual Problems of Philology*, 23, 95–103. EDN YOKFWQ.
10. Kononova, N. I. (2016). Pertseptivnye obrazy soznaniya v svete dannykh «Russkogo assotsiativnogo slovary» = Perceptual images of consciousness in light of the data of the “Russian Associative Dictionary”. *New Russia: traditions and innovations in language and language science. Materials of reports and communications of the Int. scientific conf.*, 130–136. Moscow; Ekaterinburg: Fabrika komiksov (imprint «Kabinetnyy uchenyy»). EDN XSBAAH.
11. Kononova, N. I., Mikhaylova, O. A., Mikhaylova, Yu. N. (2026). Rossiyskiy obshchestvenno-politicheskiy diskurs kak «ehksperimental'noe pole» adaptatsii inoyazychnykh abbiyatur = Russian socio-political discourse as an “experimental field” for the adaptation of foreign-language abbreviations. *Political Linguistics*, 1(115), 119–127. EDN XHHAAW.
12. Priemysheva, M. N. (2024). Russkaya akademicheskaya neografiya v nachale XXI v.: k probleme novykh ob'ektov opisaniya = Russian Academic Neography at the Beginning of the 21st Century: On the Problem of New Objects of Description. *Communicative Studies*, 11(4), 667–682.
13. Gasparov, B. M., Kupina, N. A. (Eds.) (2014). Russkiy yazyk v mnogorechnom sotsiokul'turnom prostranstve = Russian Language in the Multifluent Sociocultural Space. Ekaterinburg: Ural Fed. Univ. n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin, 324 p. ISBN 978-5-7996-1083-8. EDN RXLJTF.
14. Yang, C., Kononova, N. I. (2025). Leksikograficheskie praktiki fiksatsii aktivnykh protsessov v russkoy leksike = Lexicographic Practices of Recording Active Processes in Russian Lexicon. *Beginnings of the Russian World*, 4, 27–32. EDN FNHQXA.
15. Yang, C. (2022). Slova «tekushchego momenta» v kitayskom internet-diskurse = Words of the “current moment” in Chinese online discourse. *Psycholinguistic aspects of the study of speech activity*, 20, 282–298. EDN USVWJL.
16. Wei, Sh., Yang, Q., Huang, Yu. (2026). Top 10 New Words of 2025 from a Linguistic Perspective. *Jiaying Literature*, 8, 76–79.
17. Shao, S. (2025). China in Popular Words of Two Sessions (NPC and CPPCC). *Journalistic Observations*, 10, 16–17.
18. Chu, H., Zhao, Yu. (2025). A Study on the Impact of New Words in the Chinese Language on the Transmission of Linguistic Culture from the Perspective of New Media Terms. *Young Writers*, 2, 73–75.
19. Wan, Q. (2011). General analysis of the features of semi-affixes of the modern Chinese language. *Jiujiang University Journal (Philosophy and Social Sciences Journal)*, 1, 43–45.

Политическая лингвистика. 2026. № 4 (118).
Political Linguistics. 2026. No 4 (118).

УДК 791.229.2+811.161'42
ББК Ц375+Ш141.12-51

ГРНТИ 16.21.33

Код ВАК 5.9.9

Андрей Николаевич Ященко^{1,2}

¹ Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия, putserdcacilm@yandex.ru, SPIN-код: 2834-2374, <https://orcid.org/0009-0000-9535-4722>

² ООО «ПУТЬ СЕРДЦА», Москва, Россия

Нарративные стратегии репрезентации вооруженного конфликта в современном документальном кино

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу нарративных стратегий современного российского документального кино в контексте формирования господствующих идеологических смыслов периода 2022–2025 гг. Актуальность исследования определяется ростом роли документального кино как инструмента нарративной политики, где визуальная и эмоциональная репрезентация боевых действий формирует моральные и этические ориентиры аудитории. Проблематика статьи связана с выявлением механизмов конструирования образов героя, антигероя и жертвы, а также способов эмоциональной легитимации событий через визуальные и нарративные приемы. В качестве материала анализируются фильмы «У края бездны» (2023), «Я иду домой» (2023) и «20 дней в Мариуполе» (2022), демонстрирующие различные модели репрезентации конфликта: коллективную, индивидуальную и свидетельскую. Выводы показывают, что современная документалистика во многом наследует традиции, использует принципиальные подходы и методы советской военной документалистики, но трансформирует их через призму современного видения проблематики гуманизма. Современная документалистика о вооруженном конфликте демонстрирует сложное сочетание хроникальности, авторской субъективности и эмоционального свидетельства. Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях визуальной политики, медиапамяти и документального кино как формы публичного исторического знания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: российское киноискусство, военная документалистика, документальное кино, господствующий нарратив, информационная война, визуальная политика, нарративные стратегии, СВО, специальная военная операция, вооруженные конфликты, нарративная политика, визуальная репрезентация, эмоциональная репрезентация, средства репрезентации, кинодискурс, кинопотексты.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ященко Андрей Николаевич, соискатель ученой степени кандидата филологических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; генеральный директор ООО «ПУТЬ СЕРДЦА», Москва, Россия, email: putserdcacilm@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ященко, А. Н. Нарративные стратегии репрезентации вооруженного конфликта в современном документальном кино / А. Н. Ященко. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 4 (118). — С. 193-202.

Andrey N. Yashchenko^{1,2}

¹ Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia, SPIN code: 2834-2374, putserdcacilm@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-9535-4722>

² LLC "PUT' SERDTSA", Moscow, Russia

Narrative Strategies of Representation of the Armed Conflict in Modern Documentaries

ABSTRACT. The article analyzes of the narrative strategies in modern Russian documentaries in the context of the formation of dominant ideological meanings during the period from 2022 to 2025. The relevance of the study is determined by the growing role of documentary cinema as a tool of narrative politics, where visual and emotional representation of combat operations shapes the moral and ethical benchmarks of the audience. The focus of the article is on identifying the mechanisms for constructing the image of the hero, anti-hero, and victim, as well as the ways of emotional legitimization of events through visual and narrative techniques. The practical research material was taken from the films "At the Edge of the Abyss" (2023), "I'm Going Home" (2023), and "20 Days in Mariupol" (2022), demonstrating various models of conflict representation: collective, individual, and witness. The conclusions show that modern documentary filmmaking largely continues the traditions and uses the fundamental approaches and methods of the Soviet war documentary cinematography, but transforms them through the lens of a modern vision of the issues of humanism. Modern documentaries about the armed conflict demonstrate a complex combination of chronological accuracy, author's subjectivity, and emotional witnessing. The results obtained can be used in further research on visual politics, media memory, and documentary cinema as a form of public historical knowledge.

KEYWORDS: Russian cinema art, war documentary cinematography, documentary cinema, leading narrative, information warfare, visual policy, narrative strategies, special military operation, armed conflicts, narrative policy, visual representation, emotional representation, representation means, cinema discourse, cinema texts.

AUTHOR'S INFORMATION: Yashchenko Andrey Nikolaevich, Applicant for the Degree of Candidate of Philology, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia; General Director of the LLC "PUT' SERDTSA", Moscow, Russia.

FOR CITATION: Yashchenko A. N. (2026). Narrative Strategies of Representation of the Armed Conflict in Modern Documentaries. In *Political Linguistics*. No 4 (118), pp. 193-202. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Современная медиасреда характеризуется существенной технологической трансформацией и перестройкой функций [Вартанова 2024], а также смещением акцента от информирования к управлению смысловыми интерпретациями, через которые формируется восприятие реальности [Couldry, Nepp 2013].

В рамках этой системы ключевым понятием выступает нарратив [Саркисова, Дунаева, Петров 2024], через который и происходит формирование интерпретаций. На данный момент существует множество определений данного понятия, в этом исследовании мы будем придерживаться формулировки, предложенной Д. Г. Качановым: «Нарратив — форма коммуникации и организации человеческого опыта, которая представляет собой репрезентацию событий, представленных в виде временной или причинной последовательности в определенной семиотической системе» [Качанов 2021: 22]. Современные исследования показывают, что доминирующие нарративы функционируют как институционально закрепленные смысловые конструкции, формирующие коллективные рамки понимания социальной реальности [Bahrami 2025]. Данная точка зрения получила свое развитие в теориях дискурсивной и медиатизированной гегемонии, где медиа рассматриваются как ключевое пространство производства и закрепления доминирующих нарративов [Castells 2007].

Документальное кино выступает важным инструментом формирования нарративов. В российской гуманитарной традиции оно рассматривается не только как форма фиксации событий, но и как культурный механизм смыслопроизводства, влияющий на интерпретацию реальности в системе массовой коммуникации [Смирнова 2019].

Документальное кино обладает высокой степенью доверия аудитории, воспринимается как форма свидетельства и при этом конструирует эмоциональные и смысловые границы интерпретации реальности. Как подчеркивает Б. Николс, документальное кино «не воспроизводит мир, а репрезентирует его», поскольку «любая репрезентация является выборочной и частичной» [Nichols 2015: 20].

Актуальность исследования определяется тем, что в последние годы документальное кино, а особенно военная документалистика получили значительный толчок в развитии, что требует серьезного научного осмысления. В период 2022–2025 годов про-

исходит переход от хроникальной репрезентации к нарративной модели, где реальные события преобразуются в символическую систему, объединяющую архетипы служения, долга и справедливости.

Цель исследования — выявить механизмы формирования доминирующего нарратива в современном российском документальном кино, отражающего ценностные и нормативные рамки современного публичного дискурса. Научная новизна работы заключается в анализе документального кино как инструмента нарративной политики и выявлении архетипических структур (герой, антигерой, жертва), через которые осуществляется эмоциональная легитимация доминирующих интерпретационных рамок в медиaprостранстве современной России.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Проблематика нарратива как способа организации смысла восходит к В. Я. Проппу, М. М. Бахтину и Ю. М. Лотману. Среди современных отечественных исследователей нарратив понимается как «совокупность рецептов по осуществлению человеческих действий» [Каныгин 2024: 15]. Западная нарратология, представленная Р. Бартом, Ж. Женеттом, Х. Уайтом, трактует нарратив как интерпретацию фактов. Опираясь на лотмановское понимание культуры как механизма коллективной памяти [Лотман 1992], в данной статье нарратив определим как форму репрезентации, структурирующую коллективное понимание событий, что соответствует современным интерпретациям семиотической традиции в гуманитарных исследованиях [Астафьева 2023].

В отечественной науке документальное кино рассматривается как особый тип идеологической коммуникации. По Г. С. Прожику, кадр в документальном кино выступает источником доверия к официальному дискурсу [Прожики 2004]. Как показывает М. Ренов, современная документалистика переходит от претензии на объективность к практике субъективного высказывания, где форма фильма становится аргументом — через визуальную и эмоциональную достоверность [Renov 2004].

Особое значение для анализа документалистики рассматриваемого периода имеет механизм эмоциональной легитимации — процесса, при котором доверие к изображенной реальности формируется не через логическое доказательство, а через вызываемые эмоции [Chouliaraki 2013]. Л. Болтански демонстрирует, что страдание, представленное через медиа, выполняет функцию морально-

го ориентира. Оно не просто вызывает сопереживание, но и структурирует реакцию зрителя, позволяя ему артикулировать представления о справедливости и ответственности [Boltanski 1999], тем самым формируя авторские нарративы. Как показывают исследования современной документалистики, режиссерский отбор кадров, монтаж и звуковое оформление не просто фиксируют реальность, а конструируют определенную этическую позицию, направляя зрительское сопереживание в русло моральной оценки¹.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологическую основу исследования составляют качественные методы анализа аудиовизуального медиатекста, ориентированные на выявление особенностей нарративной организации и визуальной репрезентации военной реальности в документальном кино 2022–2025 гг. Предметом исследования выступает военная документалистика как разновидность документального кинематографа, тематически связанная с вооруженными конфликтами и военной службой. В работе используется определение документального кино, предложенное М. А. Мясниковой: *«вид кинематографа, в центре внимания которого находятся реальные люди в реальном мире»* [Мясникова 2013: 58]. Данное определение задает границы исследования, фиксируя внимание на способах экранной репрезентации действительности и исключая из анализа игровые и постановочные формы.

В рамках данного исследования мы будем понимать **военную документалистику** как **тип документального кино, фиксирующий реальные события вооруженного конфликта и моральный, психологический опыт участников, с использованием визуальных и нарративных стратегий**. Современная российская военная документалистика рассматривается как пограничная медиaprактика, функционирующая на пересечении кинематографического искусства [Прожиго 2004] и журналистики вооруженных конфликтов [Амиров 2019], что обуславливает совмещение художественных и информационно-коммуникативных задач.

Теоретическая рамка исследования опирается на концепцию модусов документалистики Б. Николса. Дополнительно используется функциональный подход М. Ренова, рассматривающий документальное кино как форму публичного высказывания.

¹ Якимов, А. Е. Проблема репрезентации повседневности в кинематографе : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Якимов А. Е. — Екатеринбург, 2021. — 35 с.

Эмпирическую базу исследования составляют фильмы:

- «У края бездны» (реж. М. Фадеев, Россия, 2023)²;
- «Я иду домой» (реж. В. Рытков, Россия, 2023)³;
- «20 дней в Мариуполе» (реж. М. Чернов, Украина, 2022)⁴.

Отбор данных произведений обусловлен популярностью этих картин среди зрителей и высокими оценками экспертов, а также различием авторских стратегий репрезентации конфликта. Анализ проводится по следующим параметрам:

- 1) тип героя и способ его экранной репрезентации;
- 2) характер конфликта и его драматургическое оформление;
- 3) формулирование основной идеи фильма как художественного высказывания;
- 4) визуальные и монтажные решения;
- 5) общий нарративный строй произведения.

Ключевым аналитическим инструментом выступает нарративный анализ, позволяющий выявить структуру повествования, конфликты персонажей и авторские стратегии построения истории. Для интерпретации визуальных и аудиальных средств используется визуально-семиотический анализ, включающий исследование композиции кадра, монтажных решений, звукового оформления и символической нагрузки образов. Также используется сравнительно-исторический метод, позволяющий сопоставить современные подходы к документалистике с традициями советского и постсоветского кино.

Единицами анализа выступают: персонажи и их развитие, визуальные и монтажные приемы, структура повествования, а также способы репрезентации ключевых событий. Такой комплекс методов позволяет выявить связь формы и содержания, определить авторские подходы к отображению реальности и проанализировать влияние контекста на кинематографический нарратив.

² Премия «Золотая Свеча» 2025 года присудила главный приз фильму Максима Фадеева «У края бездны. Прорыв к центру». Официальный сайт Гильдии неигрового кино. — URL: <https://rgdoc.ru/news/premiya-zolotaya-svecha-2025-goda-prisudila-glavnyy-priz-filmu-maksima-fadeeva-u-kрая-bezdny-film-p/> (дата обращения: 1.04.2026).

³ «Я иду домой»: ошеломительный документальный фильм о взятии Артемовска. Российская газета. — URL: https://rg.ru/2024/04/25/ia-idu-domoj-oshelomitelnyj-dokumentalnyj-film-o-vzятии-artemovska.html?utm_referrer=https%3A%2F%2Fwww.google.com%2F/ (дата обращения: 1.04.2026).

⁴ «Оскар» как лучший документальный фильм получил «20 дней в Мариуполе». РБК. — URL: <https://www.rbc.ru/society/11/03/2024/65ee55479a79478e6b9905c5> (дата обращения: 1.04.2026).

Таблица 1. Ключевые нарративы советского документального кино о войне
Table 1. Key narratives of Soviet war documentaries

Нарратив	Пример фильма
Жертвы и страдания	Ленинград в борьбе
Единства и братства	День нового мира
Героизма и подвига	Разгром немецких войск под Москвой
Возмездия и справедливости	Обыкновенный фашизм

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Нарративы в советском военном документальном кино

Советская военная документалистика 1941–1945 гг. заложила основу национального нарратива войны. Она сочетала хронику и поэтику, создавая миф о войне как сакральном испытании.

Следует отметить, что в реальной кинопрактике указанные нарративы пересекаются и могут проявляться с различной степенью интенсивности в одном и том же произведении. Отбор фильмов осуществлялся по принципу доминирующего нарративного вектора, что позволило структурировать материал аналитически, не исключая его смысловой многослойности.

Советская военная документалистика сформировала модель военного нарратива, включающую страдание, единство, подвиг и возмездие. Эти архетипы определили визуальный язык российской документалистики XXI в.

Современная российская документалистика во многом наследует эти нарративные модели, переосмысляя их в новых культурных и политических контекстах [Яценко 2025]. От советского кино она переняла архетипическую структуру войны как испытания и очищения, где героизм сочетается с жертвенностью, а личное — с коллективным. Однако если в 1940-х гг. основной задачей было мобилизационное воздействие и утверждение национальной сплоченности, то сегодня документальное кино стремится дополнить этот идеологический код психологическим, рефлексивным и гуманистическим измерением.

Преимственность и трансформация военного нарратива в постсоветской документалистике

Период после распада СССР характеризовался кризисом единого идеологического нарратива: общее пространство смыслов, сформированное военной документалистикой 40–80-х годов, было разрушено. Вместе с этим документальное кино стало искать новые способы осмысления войны и памяти,

обращаясь не к мобилизационному пафосу, а к личному и травматическому опыту.

Советский «нарратив подвига и жертвы» в 90–00-е годы трансформировался в «нарратив национальной памяти», где война осмыслялась как личная трагедия и моральное наследие. Фильмы «Прокляты и забыты» (режиссер — Сергей Говорухин, 1997) и «Королевский батальон. Неизвестный подвиг» (автор — Александр Сладков, 2019) соединяли мотивы героизма и потери, создавая образ солдата как свидетеля истории.

С эстетической точки зрения документалистика перешла от хроники к перформативному свидетельству. Режиссер теперь не скрывает своего присутствия — он включен в фильм, задает вопросы, делится сомнениями. В советский период производство документального кино контролировалось централизованной системой (Госкино, Центральная студия документальных фильмов, Гостелерадио). В современной России производство нарративов носит более распределенный характер и включает государственные институты (Министерство культуры, ИРИ, ПФКИ) и крупные медиахолдинги (ВГТРК, Первый канал, RT). Такая конфигурация соответствует концепции сетевого общества М. Кастельса, согласно которой власть проявляется через контроль над коммуникационными потоками, а медиа становятся ключевым пространством, где власть формируется и проявляется [Castells 2007].

Нарративные модели современных фильмов

Герои

Герой «У края бездны» сконструирован как собирательный образ — ополченец, взявший в руки оружие для защиты своей земли, что соотносится с концепцией Г. С. Прожико о переходе от «правды факта» к «правде образа». Фильм не стремится персонализировать каждого бойца, напротив, он выстраивает обобщенный характер, который передает смысл общей ситуации. Здесь документальный образ работает как метафора: конкретный человек становится частью масштабного высказывания о со-

Рис. 1.

Трансформация институциональной структуры производства нарративов в документальном кино: от централизованной советской модели к распределенной сетевой системе современной России

Fig. 1.

Transformation of the institutional structure of narrative production in documentary film: from the centralized Soviet model to the distributed network system of contemporary Russia

противлении и фронтовом братстве. Таким образом, герой фильма — не индивидуальность, а символическая фигура, передающая коллективный смысл.

В отличие от собирательного героя в «У края бездны», в «Я иду домой» центральная фигура максимально персонифицирована. Командир разведвзвода с позывным Гонг представлен как индивидуальная личность с глубокой биографической и трагической историей: потеря отца и сына, девятый год попыток вернуться в свой дом, личная ответственность за судьбу подчиненных. Именно через трагедию Гонга разворачивается восприятие битвы за Артёмовск: индивидуальная история служит оптикой, через которую зритель считывает масштабное военное событие. Его моральный выбор: оставлять или нет жизнь пленному противнику — формирует этическую кульминацию фильма.

В «20 дней в Мариуполе» отсутствует единая персональная фигура, вокруг которой строился бы нарратив, и это определяет структуру фильма. Главными действующими лицами становятся жители города, оказавшиеся в условиях боевых действий: военные, медицинские работники, журналисты, дети. Отдельное место занимает оператор, который становится точкой зрения изнутри,

но не превращается в героя в привычном смысле. Его присутствие — способ фиксации реальности, в которой авторское «я» растворяется в общих историях.

Антигерои / источник конфликта

Антигерой в фильме «У края бездны» так же лишен индивидуальности, как и герой: он представлен как обобщенная сила, определяющая направление конфликта. При этом акцент смещен с военного противника на политическую власть, которая сформировалась на Украине после 2014 года.

Такой тип антигероя выстраивается не на психологической или персональной характеристике, а на структурном принципе, когда противостоящая сторона выступает как система, воздействующая на пространство, судьбы людей и ход событий. В результате конфликт в фильме приобретает форму не только столкновения военных сил, но и противостояния между двумя моделями власти и их представлениями о легитимности и принадлежности территории.

В «Я иду домой» антигерой получает более конкретное очертание, чем в других двух фильмах, где противостояние подается в обобщенной форме. Здесь он представлен через фигуру пленных бойцов противника.

Ключевой сценой становится момент пленения девятнадцати военнослужащих

ВСУ, когда непосредственное общение между пленными и российскими бойцами превращается в этический эпизод, где противостояние получает личное измерение. Реплика одного из военных — «Кто вам это вкладывает в голову? Мы один народ. Или вы думаете, мы пришли к вам воевать? А восемь лет по Донбассу били, там дети, женщины, они что, не такие же, как ваши дети?» — формирует моральный контур антигероя: здесь он не просто сторона конфликта, а субъект, на которого возлагается ответственность за страдания конкретных людей.

Антигерой в украинском фильме «20 дней в Мариуполе» формируется через авторскую интерпретацию событий: им выступает российская государственная власть. В качестве расширенного антигероя внутри нарратива также оказывается российское общество, поддерживающее начало боевых действий, — именно такова логика противопоставления, заданная фильмом.

Эта позиция раскрывается через структуру визуальных свидетельств: разрушения, ранения мирных жителей, работа врачей в переполненных больницах — всё это подано как прямое следствие решений, принятых российской стороной. При этом практически не артикулируется контекст происходящих событий и их предпосылки.

Основная идея, смысловая доминанта фильма

Основная идея фильма «У края бездны» заключается в попытке сформировать масштабную кинолетопись, в которой события штурма Мариуполя рассматриваются как часть более широкого исторического процесса, уходящего корнями к политическим изменениям 2014 года. Фильм стремится показать, какие социальные и культурные факторы побудили жителей Донбасса к вооруженному сопротивлению и как изменялась жизнь городов региона в условиях нарастающего конфликта.

Наряду с историческим измерением, произведение представляет собой открывающую страх, неопределенность, моральные дилеммы и ошибки, неизбежные в условиях интенсивного вооруженного противостояния. Тем самым фильм предлагает не только описание военных эпизодов, но и рефлекссию над человеческим измерением войны, делая внутреннюю напряженность ситуации частью своей смысловой доминанты.

Основная идея фильма «Я иду домой» связана с попыткой осмыслить мотивацию и ценностные основания участия российских военнослужащих в боевых действиях, а также показать, через какие испытания прохо-

дят мирные жители, оказавшиеся в зоне конфликта. Фильм концентрируется не только на фронтовой реальности, но и на индивидуальных переживаниях людей, чья повседневная жизнь оказывается разрушена.

Смысловым ядром повествования становится эпизод разговора с военнопленными, происходящий в подвале. В этом диалоге звучат слова командира подразделения ВС РФ: «Это же моя такая же Украина, как и ваша. Я гражданин Украины, я с Днепра. Тут много с Одессы, Крыма и других регионов воюет». Этот фрагмент формирует центральную интерпретационную рамку фильма: конфликт представляется не только столкновением вооруженных сил, но и пространством пересечения личных идентичностей, разорванных территориальных принадлежностей и противоречивых представлений о своей стране.

Визуальные приемы

Визуальная структура фильма «У края бездны» опирается на сочетание профессиональной кинематографической съемки и репортажных методов фиксации фронтовых событий. Высокое качество изображения позволяет передать детали боевой обстановки, быт мирных людей в объёме боевыми действиями городе, тем самым усиливая эффект документальной достоверности. Существенную роль играют планы, полученные с использованием дронов, которые раскрывают степень разрушений, превращая пространство города в важный смысловой компонент повествования.

Дополняет визуальную систему подвижная «живая камера», сопровождающая бойцов в ключевые моменты — при штурме, эвакуации раненых или укрытии от обстрелов. Такая динамика операторской работы создает эффект прямого присутствия и фиксирует не только события, но и их эмоциональную напряженность. В совокупности эти приемы формируют визуальный язык, сочетающий аналитическую наблюдательность с непосредственностью военной хроники.

Визуальный язык фильма «Я иду домой» строится на интеграции профессиональных кинематографических технологий в документальную среду. Использование камер с высоким разрешением, участие операторов с опытом игрового производства и продуманная режиссура формируют пространство, в котором документальная фиксация событий сочетается с художественными элементами, характерными для игрового кино. Это стирание границы между хроникой и постановочной эстетикой позволяет автору управлять вниманием зрителя и создавать визуальные образы, обладающие значительной эмоциональной глубиной.

Кадры, снятые с дронов, включаются в структуру фильма выборочно и акцентируют внимание на пространственном контексте, не нарушая интимности повествования. «Живая камера» и крупные планы лиц мирных жителей и военнослужащих формируют повышенную степень эмпатического вовлечения, а использование рапидов создает эффект «замедленного восприятия», усиливающий драматургию отдельных эпизодов. Профессиональная цветокоррекция служит инструментом формирования целостного визуального стиля и способствует увеличению психологической плотности изображения. В совокупности эти приемы формируют эстетическую модель, в которой документальный материал приобретает черты эмоционально ориентированного художественного высказывания.

Визуальная структура фильма «20 дней в Мариуполе» основана на принципиальной документальности и прямом свидетельстве. Съемка ведется ручной камерой в экстремальных условиях, что определяет ее характер: дрожание кадра, нарушения фокуса и резкости становятся не техническими недостатками, а частью выразительной системы. Особое место занимает работа с длительными планами, которые позволяют зрителю без монтажного посредничества погружаться в происходящее.

Существенную роль играет монтаж, выстроенный как хроника, где последовательность дней формирует структуру фильма и подчеркивает растущую катастрофичность событий. Использование естественного освещения — чаще всего недостаточного, рассеянного, контрастного — усиливает ощущение документальной небрежности. Визуальный ряд лишен стилизации: отсутствие цветокоррекции, «грязная» фактура кадра и доминирование серых, пыльных, дымных тонов создают эффект непосредственного свидетельства.

Общий нарратив фильма

Фильм «У края бездны» выстраивается как хроникально организованное документальное повествование, фиксирующее боевые действия в их предельной интенсивности и моральной неоднозначности. Нарратив сочетает изображение героических поступков, гибели мирных жителей и хаотичности фронтового опыта с попыткой философского осмысления войны как длительного исторического процесса. Причинно-следственная логика конфликта выводится за пределы событий 2022 года: точкой отсчета становится 2014 год, связанный с политическим кризисом на Украине и началом вооруженного противостояния на востоке страны.

Важным структурным приемом фильма является ретроспекция. Через воспоминания героев повествование регулярно возвращается к более ранним этапам конфликта, формируя расширенную историческую перспективу. Такая композиция сближает фильм с формой кинолетописи, в которой отдельные эпизоды объединяются в целостный нарратив непрерывного военного опыта. Мемориальное измерение усиливается за счет панегирического приема: в финале каждой части тетралогии появляются черные портреты погибших участников событий, сопровождаемые краткими биографическими сведениями. Эти эпизоды выполняют функцию коллективного поминовения и закрепляют символический статус жертвы.

При этом «У края бездны», наследуя выразительные принципы советской военной документалистики, отходит от ее нормативной мобилизационной модели. Наряду с утверждением подвига фильм акцентирует внимание на цене победы, моральных дилеммах и случайности гибели в условиях боевых действий. В результате документальное свидетельство приобретает не только идеологическую, но и рефлексивную функцию, расширяя рамки традиционного военного нарратива за счет признания внутренней противоречивости и травматичности войны.

Фильм «Я иду домой» сосредоточен на осмыслении мотивации бойцов и командиров Вооруженных сил Российской Федерации, а также мирных жителей, остающихся в Артёмовске (Бахмуте) в условиях активных боевых действий. В отличие от моделей повествования, основанных на противостоянии военных сторон, картина выстраивает гуманистический нарратив, в котором конфликт осмысливается через личный опыт утраты, внутреннего разлома и невозможности возвращения к довоенной нормальности.

Принципиальное значение имеет биография центрального героя, происходящего из тех же регионов, где разворачиваются боевые действия. Этот факт переводит войну из сферы внешнеполитического конфликта в пространство экзистенциальной драмы и разорванной идентичности. Его высказывания о гибели близких и невозможности «дойти домой» функционируют не как информационные сообщения, а как форма эмоционального высказывания, задающая интерпретационную рамку всего фильма.

В терминах М. Ренова данная стратегия реализует выразительную функцию документального кино, при которой субъективное переживание становится самостоятельным смысловым элементом повествования. Одновременно фильм задействует терапевти-

ческую функцию документалистики, предлагающая зрителю модель нравственного выбора, где отказ от убийства и сохранение жизни противника интерпретируются как форма морального превосходства. Таким образом, «Я иду домой» демонстрирует сдвиг от документального свидетельства к документальному переживанию, в рамках которого война осмысливается не столько как совокупность событий, сколько как пространство нравственного испытания и внутренней рефлексии.

Фильм «20 дней в Мариуполе» фокусируется преимущественно на эмоциональном измерении конфликта, выстраивая повествование вокруг страданий мирных жителей, разрушения городской среды и образов гуманитарной катастрофы. Нарратив и визуальный ряд ориентированы на непосредственное переживание насилия и утраты, что формирует у зрителя интенсивную эмпатическую

реакцию и эффект соприсутствия. Историко-политический контекст происходящего, а также предпосылки начала боевых действий при этом практически не артикулируются и остаются за пределами авторского анализа.

Структурно фильм организован как дневниковая хроника, охватывающая период от первого до двадцатого дня пребывания режиссера и оператора Мстислава Чернова в городе. Такая форма усиливает эффект временной и эмоциональной непрерывности происходящего и подчеркивает статус фильма как свидетельства «изнутри события». Нарративная стратегия «20 дней в Мариуполе» тем самым ориентирована не на интерпретацию конфликта, а на фиксацию травматического опыта, где документальный образ выполняет прежде всего функцию эмоционального воздействия и моральной апелляции к зрителю.

Таблица 2

Сопоставление нарративных стратегий документальных фильмов, посвященных вооруженному конфликту на Украине в период 2022–2025 гг.

Table 2

Comparison of narrative strategies of documentaries dedicated to the armed conflict in Ukraine in the period 2022–2025

Параметр	«У края бездны» (Россия, 2023)	«Я иду домой» (Россия, 2023)	«20 дней в Мариуполе» (Украина, 2022)
Тип нарратива	Хроникальный с исторической ретроспекцией; сочетание подвига, трагедии и хаоса	Гуманистический, персонализированный; осмысление конфликта через личный опыт	Дневниковый, эмоционально ориентированный; фиксация страданий мирных жителей
Герой	Собирательный образ, символ сопротивления и стойкости; коллективный смысл	Персонифицированный; командир с трагической биографией, формирует моральную рамку	Отсутствует центральный герой; действующие лица — жители города, оператор — «точка зрения изнутри»
Антигерой / источник конфликта	Обобщенная сила, политическая и административная власть на Украине после 2014 г.	Пленные бойцы противника, конкретизация насилия	Руководство России и общество, поддерживающее армию; контекст конфликта практически не представлен
Основная идея / смысловая доминанта	Кинолетопись конфликта с 2014 года; моральные дилеммы, цена победы, случайные жертвы	Внутреннее осмысление войны через личный опыт и нравственный выбор	Эмоциональная фиксация страдания и разрушений; эффект непосредственного свидетельства

Параметр	«У края бездны» (Россия, 2023)	«Я иду домой» (Россия, 2023)	«20 дней в Мариуполе» (Украина, 2022)
Визуальные приемы	Профессиональная съемка, дроны, «живая камера», мемориальные кадры погибших	Кинематографические технологии, дроны, крупные планы, рапиды, цветокоррекция; эстетика художественного высказывания	Ручная камера, длительные планы, естественное освещение, минимальная стилизация; «грязная» фактура кадра
Функции документалистики (по Ренову)	Фиксация, выражение, рефлексивная функция	Выразительная и терапевтическая функция; переживание героя становится самостоятельным смысловым элементом	Фиксация травматического опыта; эмоциональное воздействие и моральная апелляция к зрителю
Фокус нарратива	Историко-социальный контекст + моральные дилеммы	Личное измерение войны, моральный выбор	Эмоциональное измерение войны, страдания мирных жителей

Таблица позволяет выявить различия не только в эстетических приемах, но и в базовых моделях смыслопроизводства, определяющих позицию зрителя по отношению к изображаемым событиям.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ нарративных стратегий современного документального кино опирается на интеграцию нескольких методологических подходов. Использование модулей документального кино по Б. Николсу (наблюдательный, участвующий, перформативный, рефлексивный) позволяет систематизировать визуальные и повествовательные приемы, выявляя способы конструирования зрительской позиции. Функции документалистики по М. Ренову (фиксация, убеждение, выражение, терапевтическая функция) дают возможность оценить, каким образом фильм организует эмоциональное и моральное воздействие на аудиторию.

Сопоставление результатов анализа с концепцией нарративной политики выявляет механизм формирования доминирующего нарратива: документальное кино не только фиксирует события, но и задает интерпретационные рамки, через которые зритель осмысляет войну и моральные дилеммы. В этой связи выявленные нарративные стратегии отражают как преемственность с советской документалистикой, так и ее трансформацию в психологическое и гуманистическое измерение.

Современная документалистика о вооруженном конфликте демонстрирует слож-

ное сочетание хроникальности, авторской субъективности и эмоционального свидетельства. Анализ показывает, что документальное кино вносит существенный вклад в формирование способов видения боевых действий, структурируя коллективные представления о конфликте через визуальные, нарративные и эмоциональные механизмы.

Фильмы «У края бездны», «Я иду домой» и «20 дней в Мариуполе» представляют три различные модели репрезентации — коллективную, индивидуальную и свидетельскую. Их сопоставление позволяет увидеть, как документальное кино конструирует пространство смысла: формируя фигуры героя и антигероя, организуя визуальную структуру, создавая эмоциональные координаты восприятия.

Полученные результаты могут быть использованы в дальнейших исследованиях визуальной политики, медиапамяти и документального кино как формы публичного исторического знания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Амиров, В. М. Военная журналистика и блоги: новое поле презентации / В. М. Амиров // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2019. — № 2(32). — С. 176–181. — EDN TQIUHY.
2. Астафьева, О. Н. Гуманитарный дискурс Ю. М. Лотмана: семиотическая интерпретация динамики культуры / О. Н. Астафьева // Вопросы философии. — 2023. — № 6. — С. 156–159. — DOI 10.21146/0042-8744-2023-6-156-159. — EDN SJDNGL.
3. Вартанова, Е. Л. Функции журналистики: традиционные и актуальные подходы / Е. Л. Вартанова // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. — 2024. — Т. 49, № 6. — С. 3–30. — DOI 10.55959/msu.vestnik.journ.6.2024.330. — EDN THORZB.

4. Каныгин, Г. В. Нарратив и его эпистемологические особенности / Г. В. Каныгин // Петербургская социология сегодня. — 2024. — № 25. — С. 5–31. — DOI 10.25990/socinstras.pss-25.r5rm-e938. — EDN PRRVKD.

5. Качанов, Д. Г. Мультимедийный журналистский нарратив: к определению понятия / Д. Г. Качанов // Меди@льманах. — 2021. — № 3 (104). — С. 20–29. — DOI 10.30547/mediaalmanah.3.2021.2029. — EDN MOCCNG.

6. Лотман, Ю. М. Память в культурологии / Ю. М. Лотман // Избранные статьи. — Таллинн : Александра, 1992. — С. 200–202.

7. Мясникова, М. А. Документальное кино в телепрограмме: проблемы и перспективы / М. А. Мясникова // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. — 2013. — Т. 110, № 1. — С. 56–63. — EDN QACFUV.

8. Прожико Г. С. Концепция реальности в экранном документе / Г. С. Прожико. — Москва : ВГИК, 2004. — 453 с. — ISBN 5-87149-093-X.

9. Саркисова, А. Ю. О концептуальном и операциональном определениях понятия «нарратив» (к проблеме автоматизированного извлечения нарративов из больших массивов данных) / А. Ю. Саркисова, Д. О. Дунаева, Е. Ю. Петров // Государственное управление. Электронный вестник. — 2024. — № 104. — С. 77–94. — DOI 10.55959/MSU2070-1381-104-2024-77-94. — EDN DLKUKH.

10. Смирнова, В. В. Документальное кино в системе массовой коммуникации: источник формирования знаний и представлений у аудитории / В. В. Смирнова // Коммуникология: электронный научный журнал. — 2019. — Т. 4, № 1. — С. 66–72. — EDN OVFPJO.

11. Яценко, А. Н. Российская военная кинодокументалистика: функции и особенности современного этапа развития / А. Н. Яценко // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2025. — № 3(57). — С. 107–115. — DOI 10.47475/2070-0695-2025-57-3-107-115. — EDN UNLHQQ.

12. Bahrami, N. Algemony: power dynamics, dominant narratives, and colonisation / N. Bahrami // AI and Ethics. — 2025. — Vol. 5, No. 5. — P. 5081–5103. — DOI 10.1007/s43681-025-00734-4. — EDN UXLMQL.

13. Boltanski, L. Distant Suffering: Morality, Media and Politics / L. Boltanski. — Cambridge, UK ; New York : Cambridge Univ. Pr., 1999. — 246 p. — ISBN 978-0521659536.

14. Castells, M. Communication, power and counter-power in the network society / M. Castells // International Journal of Communication. — 2007. — Vol. 1. — P. 238–266.

15. Couldry N., Hepp A. Conceptualizing mediatization: contexts, traditions, arguments / N. Couldry, A. Hepp // Communication Theory. — 2013. — Vol. 23, № 3. — P. 191–202. — DOI 10.1111/comt.12019.

16. Chouliaraki, L. The Ironic Spectator: Solidarity in the Age of Post-Humanitarianism / L. Chouliaraki. — Cambridge : Polity Press, 2013.

17. Nichols, B. Introduction to Documentary / B. Nichols. — 2nd ed. — Bloomington : Indiana University Press, 2010. — 341 p. — ISBN 978-0-253-35556-0.

18. Renov, M. The subject of documentary / Michael Renov. — Minneapolis, Minn. : Univ. of Minnesota press, 2004. — (Visible evidence). — ISBN 0-8166-3440-8. — EDN QRGURD.

REFERENCES

1. Amirov, V. M. (2019). Military journalism and blogs: a new field of presentation. *Znak: Problem Field of Media Education*, 2/32, 176–181. EDN TQIUHY.

2. Astaf'eva, O. N. (2023). Gumanitarnyy diskurs Yu. M. Lotmana: semioticheskaya interpretatsiya dinamiki kul'tury = The

humanitarian discourse of Yuri Lotman: a semiotic interpretation of cultural dynamics. *Issues of Philosophy*, 6, 156–159. DOI 10.21146/0042-8744-2023-6-156-159.

3. Vartanova, E. L. (2024). Funktsii zhurnalistiki: traditsionnye i aktual'nye podkhody = Functions of journalism: traditional and contemporary approaches]. *Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism*, 6, 3–30. DOI 10.55959/msu.vestnik.journ.6.2024.330.

4. Kanygin, G. V. (2024). Narrativ i ego epistemologicheskie osobennosti = Narrative and its epistemological features. *St. Petersburg Sociology today*, 25, 5–31. DOI 10.25990/socinstras.pss-25.r5rm-e938.

5. Kachanov, D. G. (2021). Mul'timediynny zhurnalistskiy narrativ: k opredeleniyu ponyatiya = Multimedia journalistic narrative: toward defining the concept. *Mediaal'manakh*, 3. DOI https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.3.2021.2029.

6. Lotman, Yu. M. (1992). Pamyat v kulturologii = Memory in cultural studies. *Selected Articles*, 200–202. Tallinn: Aleksandra.

7. Myasnikova, M. A. (2013). Dokumental'noe kino v teleprogramme: problemy i perspektivy = Documentary cinema in television programming: problems and prospects. *Proceedings of the Ural Federal University. Series 1: Problems of Education, Science and Culture*, 1(110), 56–63.

8. Prozhiko, G. S. (2004). Kontseptsiya real'nosti v ekrannom dokumente = The concept of reality in screen documentary. Moscow: VGIK Publ. ISBN 5-87149-093-X.

9. Sarkisova, A. Yu., Dunaeva, D. O., Petrov, E. Yu. (2024). O kontseptual'nom i operatsional'nom opredeleniyakh ponyatiya "narrativ" (k probleme avtomatizirovannogo izvlecheniya narrativov iz bol'shikh massivov dannykh) = On conceptual and operational definitions of the notion of "narrative" (toward the problem of automated extraction of narratives from large data arrays). *Public Administration. Electronic Bulletin*, 104, 77–94. DOI 10.55959/MSU2070-1381-104-2024-77-94.

10. Smirnova, V. V. (2019). Dokumental'noe kino v sisteme massovoy kommunikatsii: istochnik formirovaniya znaniy i predstavleniy u auditorii = Documentary cinema in the system of mass communication: a source of knowledge and representations. *Communology: Electronic Scientific Journal*, 1, 66–72. EDN OVFPJO.

11. Yashchenko, A. N. (2025). Rossiyskaya voennaya kino-dokumentalistika: funktsii i osobennosti sovremennogo etapa razvitiya = Russian military documentary cinema: functions and features of the contemporary stage of development. *Znak: Problem Field of Media Education*, 3(57), 107–115. DOI 10.47475/2070-0695-2025-57-3-107-115. EDN UNLHQQ.

12. Bahrami, N. (2025). Algemony: power dynamics, dominant narratives, and colonisation. *AI and Ethics*, 5, 5081–5103. DOI 10.1007/s43681-025-00734-4.

13. Boltanski, L. (1999). Distant Suffering: Morality, Media and Politics. Cambridge, UK; New York, NY: Cambridge University Press. ISBN 978-0521659536.

14. Castells, M. (2007). Communication, power and counter-power in the network society. *International Journal of Communication*, 1, 238–266.

15. Couldry, N., Hepp, A. (2013). Conceptualizing mediatization: contexts, traditions, arguments. *Communication Theory*, 23(3), 191–202. DOI 10.1111/comt.12019.

16. Chouliaraki, L. (2013). The Ironic Spectator: Solidarity in the Age of Post-Humanitarianism. Cambridge: Polity Press.

17. Nichols, B. (2010). Introduction to Documentary. Bloomington: Indiana University Press, 341 p. ISBN 978-0-253-35556-0.

18. Renov, M. (2004). The Subject of Documentary. Minneapolis: University of Minnesota Press. ISBN 0-8166-3440-8. EDN QRGURD.

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК — ПОЛИТИКА — КУЛЬТУРА

Политическая лингвистика. 2026. № 4 (118).

Political Linguistics. 2026. No 4 (118).

УДК 81'272

ББК 311.21

ГРНТИ 16.21.27

Код ВАК 5.9.8

Григорий Александрович Казаков

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия, g.kazakov@my.mgimo.ru, SPIN-код: 6653-1985, <https://orcid.org/0000-0002-6481-2564>

Между унификацией и многоязычием: тенденции языковой политики в Японии, Непале и Гайане

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена выявлению современных тенденций языковой политики в различных регионах мира на примере Японии, Непала и Гайаны. Выбор названных стран связан с тем, что они могут служить моделями разных типов языковых ситуаций: исключительной этнической однородности, лингвистического многообразия и положения единственной англоязычной страны Южной Америки соответственно. Методологически статья представляет собой аналитический обзор данных из открытых источников, а также (в отношении Японии и Непала) полевых наблюдений автора. Анализируются социальный статус, государственное регулирование, географическое распределение, демографические показатели и роль языков этих стран в образовании и СМИ, а также их употребление и изучение за границей. На основе этих данных делаются выводы о текущем положении и перспективах развития национальных языков в сравнении с английским. Отмечается неоспоримое положение японского языка в Японии, доминирование непальского языка в Непале и функциональная диглоссия английского и гайанского креольского языков в Гайане на фоне общей тенденции к большему, хотя часто декларативному, признанию языков коренных народов. Высказывается предположение, что языковая политика в рассматриваемых регионах будет развиваться в русле поиска оптимального баланса в использовании национальных языков как символов идентичности и международных языков (прежде всего английского) как инструмента экономических возможностей. Решение этой задачи видится в образовательных подходах, направленных на одновременное владение, как минимум, одним местным, одним национальным и одним международным языком.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая политика, геоллингвистика, социоллингвистика, многоязычие, языковая ситуация, национальные языки.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Казаков Григорий Александрович, кандидат филологических наук, доктор английского языкознания (PhD), доцент кафедры английского языка № 3, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел России, email: g.kazakov@my.mgimo.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Казаков, Г. А. Между унификацией и многоязычием: тенденции языковой политики в Японии, Непале и Гайане / Г. А. Казаков. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 4 (118). — С. 203-210.

Grigory A. Kazakov

MGIMO University, Moscow, Russia, g.kazakov@my.mgimo.ru, SPIN code: 6653-1985, <https://orcid.org/0000-0002-6481-2564>

Between Unification and Multilingualism: Language Policy Trends in Japan, Nepal and Guyana

ABSTRACT. This paper examines current language policy trends in various parts of the world, and specifically in Japan, Nepal and Guyana. The choice of these countries stems from their potential to serve as models of different types of language situations: exceptional ethnic homogeneity, linguistic diversity, and the position of the only English-speaking country in South America, respectively. Methodologically, the article presents an analytical review of open-source data, as well as (for Japan and Nepal) the author's field observations. By reference to each country, analyzed are the social status, the government regulation, the geographical distribution, the demographics, and the role of the languages of these countries in education and media, as well as their practical usage and learning abroad. Based on these data, the author draws conclusions concerning the present position and prospects of development of national languages in comparison with English in the said countries. The paper highlights the undisputed position of Japanese in Japan, the dominance of Nepali in Nepal, and the functional diglossia of English and Guyanese Creole in Guyana, against the backdrop of a general trend toward greater, albeit often declarative, recognition of indigenous languages. It is suggested that language policy in these regions will evolve along the lines of searching for an optimal balance between the use of national languages as symbols of identity and international languages (primarily English) as a tool for economic opportunity. The solution to this problem is seen in educational approaches aimed at simultaneous competence in at least one local, one national and one international language.

KEYWORDS: language policy, geolinguistics, sociolinguistics, multilingualism, language situation, national languages.

AUTHOR'S INFORMATION: Kazakov Grigory Aleksandrovich, Candidate of Philology, PhD, Associate Professor of Department of English No. 3, MGIMO University, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Kazakov G. A. (2026). Between Unification and Multilingualism: Language Policy Trends in Japan, Nepal and Guyana. In *Political Linguistics*. No 4 (118), pp. 203-210. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Язык является одновременно фактором и отражением процессов, происходящих в человеческом сообществе. Истории известны случаи, когда лингвистические проблемы играли ключевую роль в создании или распаде целых государств [Языковая политика 2023: 5–7]. Эта двойственная способность языка служить как сплочению, так и разделению общества традиционно ставит языковую политику той или иной страны перед выбором между стратегиями лингвистической унификации и поощрения многообразия [Kitabayashi 2024: 104]. Динамичные социальные и политические изменения в современном мире также имеют языковое измерение, что делает разработку рекомендаций для языковой политики одним из наиболее востребованных направлений языкознания.

Настоящая работа представляет результаты, полученные автором в ходе более широкого исследования, посвященного современным тенденциям языковой политики в странах Азии, Африки и Карибского бассейна, в особенности соотношению использования английского и национальных языков [Ивушкина 2023]. Выбор стран для анализа объясняется тем, что они служат примерами разных типов языковых ситуаций: Япония и Непал могут рассматриваться как противоположные концы на шкале этнической и лингвистической однородности/многообразия в Азии, а Гайана является единственной англоговорящей страной Южной Америки.

Методологически статья представляет собой аналитический обзор данных из открытых источников, а также (в отношении Японии и Непала) полевых наблюдений автора. Описание тенденций языковой политики в каждой из рассматриваемых стран включает в себя следующие элементы: официальный статус языков и государственное регулирование их употребления, географическое распределение и демографические показатели языков, их роль в системе образования и в СМИ, а также их использование и изучение вне национальных границ, в том числе в России.

ЯПОНИЯ

Японский язык не имеет в Японии официального статуса, но де-факто является общенациональным языком. Нормативными актами регулируется использование японского языка в СМИ и системе образования

(иероглифический минимум). Япония также является участником нескольких международных соглашений, связанных с обеспечением языковых прав коренных народов (Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенция об охране нематериального культурного наследия, Декларация о правах коренных народов), хотя на практике положение айнского языка не менялось. В 2019 году парламент Японии принял новый закон о поддержке культуры айну как коренного народа, но и его реализация вызывает спорные оценки [Чекункова 2022].

Население Японии составляет приблизительно 123 млн человек¹. Всего в мире насчитывается порядка 126 млн носителей японского языка². За пределами Японии значительные сообщества этнических японцев присутствуют в Бразилии и США (Гавайи, Калифорния). Помимо стандартного японского, в стране существуют его географические варианты (регионы Кансай, Тохоку, Окинава и др.), которые, в зависимости от подхода, рассматриваются либо как диалекты, либо как отдельные языки японорюкской семьи. На северном о. Хоккайдо остается также небольшое число людей, в той или иной степени владеющих практически вымершим, или, по другому определению, «спящим» айнским языком. Помимо этого, в Японии в качестве национального меньшинства проживает значительное количество носителей корейского языка. За счет падения численности населения и прибытия трудовых мигрантов из разных азиатских стран растет количество языков, присутствующих в фактическом употреблении [Discussion 2022: 122]. Эмпирические наблюдения показывают, что за последние 10 лет число иностранцев европейской внешности заметно увеличилось даже в периферийных районах Токио (вероятно, в связи с открытием границ после трех лет карантинных ограничений).

Японский язык используется на всех ступенях образования. В школе он изучается как «национальный язык» (*кокуго*). Грамотность населения составляет 99 %. Иностранный язык (де-факто американский ан-

¹ Japan. Ethnologue. URL: <https://www.ethnologue.com/country/JP/> (дата обращения: 22.04.2026).

² What are the top 200 most spoken languages? Ethnologue. URL: <https://www.ethnologue.com/insights/ethnologue200/> (дата обращения: 15.05.2026).

глийский) изучается, как минимум, в течение шести лет в средней и старшей школе, однако уровень практического владения японцами английским языком очень низкий. Для детей национальных групп и иностранцев, проживающих в Японии, существуют школы с обучением на корейском, китайском и некоторых европейских языках. В качестве второго иностранного языка набирают популярность китайский и испанский. Двухязычные и тем более многоязычные программы на уровне высшего образования являются большой редкостью, хотя в ведущих университетах есть возможность изучать и некоторый набор более редких для Японии языков, по крайней мере, на начальном уровне [Tarakanov 2022: 66–67].

Японский язык используется во всех формах СМИ. На айнском языке, благодаря деятельности члена японского парламента айнского происхождения Сигэру Каяно (1926–2006), с 1997 года выходит газета *The Ainu Times*, существуют радиопередачи с уроками айнского языка.

В мире растет количество людей, изучающих японский язык как иностранный¹. Правительство Японии ведет активную политику по продвижению японского языка и культуры в зарубежных странах. Для этой цели отделения Японского фонда (аналог Британского совета, Гете-института и т. п.) действуют в 25 странах, включая Россию².

В России популярность японского языка также растет (с 2015 по 2018 год зафиксировано увеличение на 30%)³. Сложилось несколько традиционных центров японоведения с большой историей (Москва, Санкт-Петербург, Владивосток) [Гуревич, Нечаева 2015: 188–190]. По данным Японского фонда, в Москве есть не менее десяти высших учебных заведений, где преподается японский язык⁴. Знаком сохранения востребованности японского языка в постпандемный период

можно считать открытие в 2023 году общедоступной библиотеки при посольстве Японии в Москве (в то же время отдел японской культуры был закрыт в Библиотеке иностранной литературы).

НЕПАЛ

Непал располагается в Гималайском регионе, между Индией и Китаем. В культурном отношении он тесно связан с Индией. До 2007 года Непал представлял собой монархию, после чего в результате бурных социальных процессов был объявлен федеративной республикой, что в языковом плане обозначило переход от политики унификации к признанию многоязычия. В стране на практике сохраняется кастовая система, которая отчасти связана с этноязыковой структурой населения и отражается в фамилиях [Michaels 2024: 35–41].

Согласно Конституции 2015 года, все языки, являющиеся родными для жителей Непала, объявлены национальными (*All languages spoken as the mother tongues in Nepal are the languages of the nation*). Официальным языком на государственном уровне является непальский (индоевропейской семьи, родственен хинди) с использованием письма деванагари⁵.

Общий статус языков определен Конституцией (статьи 6 и 7). Провинции могут, помимо непальского, признать в качестве официального язык/языки большинства населения провинции (такой статус уже получили неварский, таманг, магарский и тхари) [Казиков 2026: 64]. Согласно закону, языковые сообщества имеют право давать своим детям образование на родном языке, но на практике это не осуществляется из-за отсутствия необходимых административных мер, финансирования и квалифицированных преподавателей. Для выработки рекомендаций по вопросам языковой политики при правительстве Непала существует предусмотренная Конституцией (статья 287) Языковая комиссия.

Население Непала составляет порядка 31 млн человек⁶. По данным переписи населения 2021 года, в стране насчитывается 124 языка (в научной литературе встречаются и другие оценки), принадлежащих к четырем языковым семьям: индоевропейской, сино-тибетской, австроазиатской и драви-

¹ Survey on Japanese-Language Education Abroad 2024. The Japan Foundation. URL: <https://www.jpf.go.jp/e/project/japanese/survey/result/information.html> (дата обращения: 26.08.2026).

² The Japan Foundation Annual Report 2024–2025. Tokyo: The Japan Foundation, 2026. 38 p. URL: <https://www.jpf.go.jp/e/about/result/ar/2024/pdf/index.html> (дата обращения: 07.05.2026).

³ Константинов В. В России растет интерес к изучению японского языка // Российская газета, 30.03.2021. URL: <https://rg.ru/2021/03/30/v-rossii-rastet-interes-k-izucheniiu-iaponskogo-iazuka.html> (дата обращения: 20.04.2026).

⁴ Институты Москвы, где можно изучать японский язык. Japan Foundation. URL: <https://jpfmw.ru/ru/yaponskij-yazyik/v-moskve/institutyi-moskvyi-gde-mozhno-izuchat-yaponskij-yazyik.html> (дата обращения: 20.04.2026).

⁵ The Constitution of Nepal. 240 p. URL: https://ag.gov.np/files/Constitution-of-Nepal_2072_Eng_www.moljpa.gov.npDate-72_11_16.pdf (дата обращения: 21.04.2026).

⁶ Nepal. Ethnologue. URL: <https://www.ethnologue.com/country/NP/> (дата обращения: 22.04.2026).

дийской; отдельное положение занимает язык-изолят кусунда [Bishowkarma 2022: 145]. В число десяти наиболее распространенных языков Непала входят: непальский (44,9 %), майтхили (11 %), бходжпури (6,2 %), тхару (5,9 %), таманг (4,9 %), баджика (3,9 %), авадхи (3 %), неварский (3 %), магарский (2,8 %), дотели (1,7 %). Носители 83 % языков Непала в общей сложности составляют лишь 5 % от населения страны¹. Исконным языком долины Катманду (район столицы) является неварский (тибето-бирманской группы), однако он вытесняется непальским и, как и многие другие языки Непала, находится под угрозой исчезновения. Кроме того, большинство малых языков не имеют письменной традиции, а электронные технологии доступны только на непальском [Yadav 2013: 264].

В государственных учебных заведениях используется непальский язык. В частных школах обучение ведется на английском [Bishwokarma, Bishowkarma 2022: 98]. Элементы преподавания местных малых языков имеют место только на уровне начального образования. Школьное обучение длится 12 лет. Грамотность населения составляет 71 % (ср. с 5 % в 1951 году, когда впервые были открыты общественно доступные школы) [Adhikari 2015]. Социально-экономическое неравенство в сфере образования обострилось во время пандемии коронавируса, когда лишь 32 % школьников имели у себя дома доступ к интернету для дистанционных занятий [Discussion 2022: 124].

Большая часть СМИ выходят на непальском языке. Среди газет 93 % издаются на языках «некоренных» народов, из них 68 % — на непальском и 25 % — на английском, хинди и смешанно английском/непальском. СМИ на языках малых коренных народов составляют менее 6,6 % от общего числа². Издаются 43 газеты на неварском языке, 13 — на тхару, 10 — на языке таманг и две — на языках группы раи [Bishowkarma, Bishwokarma 2023: 78]. Существует также ограниченное теле- и радиовещание на местных языках [Sunuwar 2022].

За пределами Непала значительное число носителей непальского языка проживает в некоторых регионах Индии (в штатах Сикким и Западная Бенгалия он имеет официальный статус) и в Королевстве Бутан.

¹ Languages in Nepal. — Kathmandu : National Statistics Office, 2025. — P. 36.

² Indigenous Voices, Indigenous Rights: The Role of Community Media. URL: <https://www.devkumarsunuwar.com.np/indigenous-voices-indigenous-rights-the-role-of-community-media> (дата обращения: 02.05.2026).

Благодаря богатству представляемого ими лингвистического материала, языки Непала являются объектом многих научных исследований. Кроме того, Непал представляет собой крупное и уникальное туристическое направление (гималайский высокогорный туризм), а непальские войска традиционно играют активную роль в миротворческих операциях ООН. Страна также привлекает к себе внимание в связи с политическими переменами последних десятилетий.

Непальский язык изучается, наряду с хинди, на восточном факультете СПбГУ в рамках специальности «История Индии»³. Подписано соглашение о сотрудничестве между Кабардино-Балкарским государственным университетом им. Х. М. Бербекова и непальским Университетом Трибхувана, предусматривающее в том числе возможность получения двойных дипломов⁴. По словам непальских коллег, у студентов в Непале есть интерес к обучению в России.

ГАЙАНА

Карибский бассейн можно считать промежуточной лингвистической зоной между преимущественно англоязычной Северной Америкой и романоязычной (испано- и португалоговорящей) Южной Америкой. В силу наследия колониальной эпохи здесь в соседствующих прибрежных и островных государствах распространены английский, голландский, испанский, французский, смешанные креольские, местные индейские и унаследованные иммигрантские языки.

В речевом отношении регион представляет собой континуум креолизированных, региональных и стандартных форм европейских языков [The Oxford Companion 1992: 194]. Заметна тенденция к восприятию креольских языков как основы национальной идентичности, о чем свидетельствует принятая в 2011 году Хартия языковой политики и языковых прав в креологоворящих странах Карибского бассейна⁵.

³ История Индии и Непала. СПбГУ. URL: <https://orient.spbu.ru/index.php/ru/o-fakultete/kafedry/itemlist/tag/востоковедение> (дата обращения: 21.04.2026).

⁴ КБГУ будет сотрудничать с непальским университетом // РИА «Кабардино-Балкария», 10.07.2023. URL: <https://kbrria.ru/kbgu/KBGUbudetsotrudnichatsnepalskimuniversitetom> (дата обращения: 21.04.2026).

⁵ Charter on Language Policy and Language Rights in the Creole-Speaking Caribbean. Kingston, 2011. 24 p. URL: <https://uwispace.sta.uwi.edu/server/api/core/bitstreams/2a25d046-fe88-4948-a879-ae6d430df1d0/content> (дата обращения: 01.05.2026).

В Карибском регионе английский в качестве официального языка используют 12 независимых государств: Антигуа и Барбуда, Багамские острова, Барбадос, Белиз, Гайана, Гренада, Доминика, Сент-Винсент и Гренадины, Сент-Китс и Невис, Сент-Люсия, Тринидад и Тобаго, Ямайка.

Крупнейшей по территории среди этих стран является Гайана. Это единственная англоязычная страна на южноамериканском континенте (и по этой причине не включается в понятие Латинской Америки). Ее соседями являются испаноязычная Венесуэла, португалоязычная Бразилия и голландоязычный Суринам.

До 1966 года Гайана была британской колонией под названием Британская Гвиана. В 1970 году страна была провозглашена Кооперативной Республикой Гайана с социалистическим курсом и при этом стала членом (Британского) Содружества наций. Тогда же были установлены дипломатические отношения с СССР.

Официальным языком Гайаны является английский. Сведений о законодательно оформленной языковой политике в Гайане нет, однако на практике во всех официальных сферах применяется английский. Согласно Конституции, достаточное знание английского языка является одним из требований к членам парламента — Национальной ассамблеи (статья 53b). Конституция также гарантирует защиту языков коренных народов (статья 149G), для чего учреждена Комиссия по делам коренных народов (статья 212S)¹. В последние годы ведутся дискуссии и в правительство передаются проекты о необходимости выработки такой языковой политики, которая бы предполагала большее признание креольского и других языков Гайаны в публичной сфере (прежде всего в образовании)².

Население Гайаны (956 тыс. человек по оценке на конец 2024 года)³ разнородно и

включает в себя этнические группы индусского (39,8 %), африканского (29,2 %), смешанного (19,9 %), аборигенного (10,5 %), европейского (0,32 %) и китайского (0,18 %) происхождения (по данным на 2012 год)⁴. В стране насчитывается 11 живых языков коренных народов (акавайо, аравакский, аторада, карибский, макуши, маваяна, патамона, пемонский, вайвай, вапишана, варао). Привнесенные в результате колониальной политики языки включают в себя английский, хиндустани, португальский, испанский, китайский. Наиболее распространенным языком повседневного общения является гайанский креольский язык (*Guyanese English Creole*), сформировавшийся на базе британского английского под влиянием голландского, западноафриканских, аравакского и карибского языков, а также хинди [Balgóbin 2011].

Основная проблема системы образования состоит в том, что все преподавание ведется на английском языке, хотя для большей части населения, в том числе для учителей, он является иностранным. Родным для большинства является гайанский креольский или какой-либо из индейских языков. В дошкольных учреждениях и младшей школе многие дети говорят только на креольском. Однако в официальной сфере креольский рассматривается как сниженный «диалект», он не изучается в школе, и его использование явно или негласно порицается. Таким образом, большинство жителей страны не могут получать образование на своем родном языке, что приводит к низким показателям учебной успеваемости [Wilkinson, Vanwarie 2011]. По данным *Ethnologue*, грамотность населения составляет 90 %⁵, хотя встречаются и более низкие оценки. В последние годы в районах с коренным индейским населением предпринимаются попытки введения индейских языков в программу начальной школы.

Университет Гайаны (крупнейшее высшее учебное заведение в стране) предлагает программы по английскому и испанскому языкам на уровне младшего специалиста (*associate degree*) и бакалавриата. Изучение коренных народов Гайаны возможно в рамках двухгодичной программы по антропологии. При кафедре исследований языка и культуры существует секция гайанских языков (*Guyanese Languages Unit*), на общественных началах занимающаяся популяри-

¹ Constitution of the Co-operative Republic of Guyana. 376 p. URL: <https://www.parliament.gov.gy/Constitution%20of%20the%20Cooperative%20Republic%20of%20Guyana.pdf> (дата обращения: 22.04.2026).

² Memorandum on Language Rights, Language Education Policy and Curriculum Reform. University of Guyana, 10.05.2016. 8 p. URL: <https://guyaneselanguagesunit.com/wp-content/uploads/2016/08/memorandum-to-ministerofed.pdf> (дата обращения: 22.04.2026); De Lisser, T., et al. Creolese and a language education policy. URL: <https://feh.uog.edu.gy/news/creolese-and-language-education-policy> (дата обращения: 01.05.2026).

³ Guyana National Population & Housing Census 2022: Preliminary Report. — Georgetown : Bureau of Statistics, 2026. — 87 p.

⁴ Compendium 2: Population Composition. — Georgetown : Bureau of Statistics, 2016. — 44 p.

⁵ Guyana. *Ethnologue*. URL: <https://www.ethnologue.com/country/GY/> (дата обращения: 22.04.2026).

зацией, сохранением и переводом в сфере креольского и индейских языков¹.

Ведущие СМИ, контролируемые правительством, выходят на английском языке. Креольский язык иногда используется в репортажах для буквальной передачи слов очевидцев, а также в рекламе. Гайанцы индусского происхождения (крупнейшая этническая группа в стране) воспринимают на хинди медиапродукцию из Индии (болливудское кино). Есть региональные радиопередачи на индейских языках (*Radio Aishalton*)².

Гайану отличают высокие показатели эмиграции. Большое число гайанцев, сопоставимое с половиной населения страны, проживает в США (Нью-Йорк), Канаде (Торонто), Великобритании (Лондон) и соседних странах Карибского региона. В ряде университетов этих стран гайанский креольский язык изучается в контексте карибоведения, контактной лингвистики, вариативности английского языка и культуры иммигрантских сообществ.

Посольство России в Гайане служит также дипломатическим представительством для островных государств восточной части Карибского региона: Барбадоса, Гренады, Сент-Винсента и Гренадин, Тринидада и Тобаго. Существует соглашение о сотрудничестве между Университетом Гайаны и Российским университетом дружбы народов.

ВЫВОДЫ

Обобщая приведенные выше данные, видится возможным сформулировать следующие заключения.

1. В Японии положение японского языка остается неоспоримым, он является единственным средством общения во всех сферах. Несмотря на тесные экономические связи с США, английский язык не играет в японском обществе существенной роли и лишь ограниченно используется в сфере обслуживания иностранных туристов и в американизированной массовой культуре. Можно ожидать некоторого увеличения присутствия иностранных языков в программах университетов, но значительных изменений это не принесет. Популярность японского языка в мире, вероятно, также продолжит расти, в том числе в России.

2. В Непале доминирующим остается непальский язык и письмо деванагари. Английский язык не имеет в стране официального статуса и воспринимается как язык зарубежных карьерных перспектив, хотя и распространен в сфере туризма и отчасти образования. После провозглашения федеративной республики (2008) государственная языковая политика движется в сторону большего признания лингвистических прав миноритарных этнических групп, однако сталкивается с недостатком материальных, информационных и педагогических ресурсов, а также с традиционными кастовыми границами.

3. В южноамериканской Гайане, несмотря на разнородный состав населения, сохраняется фактическое доминирование английского языка в официальной сфере, тогда как в бытовом общении преобладает гайанский креольский. В будущем можно ожидать более активной разработки в стране вопросов языковой политики и увеличения удельного веса гайанского креольского и индейских языков в начальном образовании и СМИ. Креольский, вероятно, будет укреплять свои позиции как символ национальной идентичности, а английский сохраняться как язык статуса и экономических возможностей.

4. Исходя из наблюдаемых тенденций, можно предположить, что в странах Азии, Африки и Карибского бассейна языковая политика будет развиваться в русле сочетания национальных и международных языков и попыток найти баланс между ними. Национальные языки будут поддерживаться как символы самобытности и противостояния прежнему колониальному влиянию, а международные (прежде всего английский) — как канал доступа к мировым рынкам. Данное положение дел можно фигурально сравнить с желанием ряда стран отказаться от использования американского доллара в межгосударственных расчетах, но в то же время невозможностью быстро и безболезненно это сделать.

Думается, что решение проблем языковой политики в описанных и подобных им странах лежит не столько в верном выборе приоритетного языка, сколько в образовательных подходах, направленных на «мирное сосуществование языков», которые устранили бы саму необходимость такого выбора. В этой связи перспективной представляется стратегия, предполагающая владение, как минимум, одним местным, одним национальным и одним международным языком [Kitabayashi 2024: 105]. Эти языки могут быть освоены одновременно, как в форме естественного мультилингвизма (усваиваемого в детстве), так и в форме со-

¹ The Guyanese Languages Unit, Department of Language and Cultural Studies, University of Guyana. URL: <https://guyaneselanguagesunit.com/about-us/> (дата обращения: 22.04.2026).

² Dyal, P. The preservation of indigenous languages. Guyana Chronicle, 01.09.2019. URL: <https://guyanachronicle.com/2019/09/01/the-preservation-of-indigenous-languages/> (дата обращения: 22.04.2026).

знательно достигнутого многоязычия (полиглотии).

В действительности владение несколькими языковыми системами, хотя и не всегда осознаваемое как многоязычие, уже является реальностью в рассмотренных странах [Алпатов 2003: 24; Sunuwar 2022: 181; Balgóbin 2011: 1]. Таким образом, речь идет о приближении языковой политики к объективной языковой ситуации при восприятии каждого языка как ресурса для решения определенной задачи. Думается, именно такой подход, ориентированный на расширение языковых возможностей человека, будет содействовать созиданию справедливого и гармоничного общества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алпатов, В. М. Япония: язык и общество / В. М. Алпатов. — Москва : Муравей, 2003. — 208 с. — ISBN 5-8463-0093-6. — EDN TOWOJL.
- Гуревич, Т. М. Преподавание японского языка в современной России / Т. М. Гуревич, Л. Т. Нечаева // Современное российское японоведение: оглядываясь на путь длиною в четверть века / ред. Д. В. Стрельцов. — Москва : АИРО-XXI, 2015. — С. 188–198. — EDN VZVUTD.
- Ивушкина, Т. А. Обзор круглого стола «Современные тенденции развития языковой политики в странах ближнего зарубежья, Азии, Африки и Карибского бассейна» (22 октября 2023 года, г. Москва) / Т. А. Ивушкина // Филологические науки в МГИМО. — 2023. — Т. 9, № 4. — С. 145–149. — DOI 10.24833/2410-2423-2023-4-37-145-149. — EDN ILTTZX.
- Казаков, Г. А. Записки о Непале (из дневника лингвиста) / Г. А. Казаков // Многоязычие в образовательном пространстве. — 2026. — Т. 18, №1. — С. 61–67. — DOI 10.35634/2500-0748-2026-18-1-61-67. — EDN JDYWIS.
- Чекункова, Е. С. Новое японское законодательство в отношении айнов: проблема соответствия международным стандартам в сфере прав коренных народов / Е. С. Чекункова // Японские исследования. — 2022. — №3. — С. 69–83. — DOI 10.55105/2500-2872-2022-3-69-83. — EDN MONQBZ.
- Языковая политика в странах Южной Азии, Среднего Востока и Африки / Е. Л. Гладкова, А. В. Березина, Е. С. Конарева и др. ; под ред. Е. Л. Гладковой. — Москва : МГИМО-Университет, 2023. — 233 с. — ISBN 978-5-9228-2811-6. — EDN COTKLL.
- Adhikari, L. The challenges of language education in Nepal / L. Adhikari // Multilingual Perspectives in Geolinguistics / eds. in chief W. Finke, H. Kitabayashi. — Raleigh : Lulu Press, 2015. — P. 33–36. — ISBN 978-1-329-24152-7.
- Balgóbin, A. Guyanese English Creole: A Sociolinguistic Analysis / A. Balgóbin. — 2011. — 11 p. — URL: https://www.academia.edu/16398118/Guyanese_English_Creole_A_Sociolinguistic_Analysis (date of access: 22.04.2026).
- Bishowkarma, A. Geolinguistics movement in the Himalayan range of Nepal / A. Bishowkarma // Филологические науки в МГИМО. — 2022. — Т. 8, № 2. — С. 145–146. — DOI 10.24833/2410-2423-2022-2-31-145-146. — EDN NWODXK.
- Bishowkarma, A. Writing systems of indigenous languages in Nepal / A. Bishowkarma, B. R. Bishwokarma // Филологические науки в МГИМО. — 2023. — Т. 9, № 3. — С. 70–81. — DOI 10.24833/2410-2423-2023-3-36-70-81. — EDN BJKILH.
- Bishwokarma, B. R. Dalit students' critical awareness of their linguistic identity for pedagogical scaffolding: a geolinguistic perspective from Nepal / B. R. Bishwokarma, A. Bishowkarma // Филологические науки в МГИМО. — 2022. — Т. 8, № 3. — С. 96–108. — DOI 10.24833/2410-2423-2022-3-32-96-108. — EDN DWKENK.
- Discussion on sociolinguistic trends across the world // Филологические науки в МГИМО. — 2022. — Т. 8, № 3. —

C. 122–127. — DOI 10.24833/2410-2423-2022-3-32-122-127. — EDN FYJWCS.

13. Kitabayashi, H. The geolinguistics of state foreign language education policy regarding rarely taught languages of the Global South / H. Kitabayashi // Филологические науки в МГИМО. — 2024. — Т. 10, №3. — С. 100–110. — DOI 10.24833/2410-2423-2024-3-40-100-110. — EDN HUJOJW.

14. Michaels, A. Nepal: A History from the Earliest Times to the Present / A. Michaels. — New York : Oxford University Press, 2024. — 402 p. — ISBN 978-0-19-780005-8.

15. Sunuwar, D. K. Indigenous community media for language survival in Nepal / D. K. Sunuwar // Language Documentation & Conservation. — 2022. — Special publication no. 27. — P. 179–185.

16. Tarakanov, I. On the state of multilingualism and polyglottery in Japan / I. Tarakanov // Филологические науки в МГИМО. — 2022. — Т. 8, №3. — С. 58–69. — DOI 10.24833/2410-2423-2022-3-32-58-69. — EDN VHHIDF.

17. The Oxford Companion to the English Language / ed. by T. McArthur. — New York : Oxford University Press, 1992. — 1184 p. — ISBN 0-19-214183-X.

18. Wilkinson, C. The Charter on Language Policy and Language Rights in the Creole Speaking Caribbean: Implications for Language Education in Guyana / C. Wilkinson, K. Banwarie. — 2011. — 5 p. — URL: https://www.academia.edu/1083936/The_Charter_on_Language_Policy_and_Language_Rights_in_the_Creole_Speaking_Caribbean_Implications_for_Language_Education_in_Guyana (date of access: 01.05.2026).

19. Yadava, Y. Linguistic context and language endangerment in Nepal / Y. Yadava // Nepalese Linguistics. — 2013. — Vol. 28. — P. 262–274.

REFERENCES

- Alpatov, V. M. (2003). Yaponiya: yazyk i obshchestvo = *Japan: Language and Society*. Moscow : Muravey, 208 p.
- Gurevich, T. M., Nechaeva, L. T. (2015). Prepodavanie yaponskogo yazyka v sovremennoy Rossii = Teaching Japanese in contemporary Russia. *Contemporary Russian Japanese Studies: Looking Back on a Quarter-Century-Long Journey* (Ed. by D. V. Streltsov), 188–198. Moscow: AIRO-XXI.
- Ivushkina, T. A. (2023). Obzor kruglogo stola “Sovremennye tendentsii razvitiya yazykovoy politiki v stranakh blizhnego zarubezhya, Azii, Afriki i Karibskogo basseyna” (22 oktyabrya 2023 goda, g. Moskva) = Review of the round-table discussion “Current trends in the development of language policy in CIS, Asia, Africa and the Caribbean” (October 12, 2023, Moscow). *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(4), 145–149. DOI 10.24833/2410-2423-2023-4-37-145-149.
- Kazakov, G. A. (2026). Zapiski o Nepale (iz dnevnika lingvisty) = Notes on Nepal (from a linguist's diary). *Russian Journal of Multilingualism and Education*, 18(1), 61–67. DOI 10.35634/2500-0748-2026-18-1-61-67.
- Chekunkova, E. S. (2022). Novoe yaponskoe zakonodatel'stvo v otnoshenii aynov: problema sootvetstviya mezhdunarodnym standartam v sfere prav korennykh narodov = Ainu Policy Promotion Act: The problem of compliance with international standards on the rights of indigenous peoples. *Japanese Studies in Russia*, 3, 69–83. DOI 10.55105/2500-2872-2022-3-69-83.
- Gladkova, E. L., Berezina, A. V., Konareva, E. S., Laletin, Yu. P., Melekhina, N. V., Nikolskaya, M. V., Petrenko, N. T., Prokofieva, I. T., Starikova, M. N., Filimonova, A. L., Khushkadamova, Kh. O., Chernysheva, L. N. (2023). Yazykovaya politika v stranakh Yuzhnoy Azii, Srednego Vostoka i Afriki = *Language Policy in South Asia, the Middle East and Africa*. Ed. by E. L. Gladkova. Moscow: MGIMO University, 233 p.
- Adhikari, L. (2015). The challenges of language education in Nepal. *Multilingual Perspectives in Geolinguistics* (Eds. in chief W. Finke, H. Kitabayashi), 33–36. Raleigh: Lulu Press.
- Balgóbin, A. (2011). Guyanese English Creole: A Sociolinguistic Analysis. 11 p. Available on April 22, 2026, from https://www.academia.edu/16398118/Guyanese_English_Creole_A_Sociolinguistic_Analysis.
- Bishowkarma, A. (2022). Geolinguistics movement in the Himalayan range of Nepal. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(2), 145–146. DOI 10.24833/2410-2423-2022-2-31-145-146.
- Bishowkarma, A., Bishwokarma, B. R. (2023). Writing systems of indigenous languages in Nepal. *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(3), 70–81. DOI 10.24833/2410-2423-2023-3-36-70-81.

11. Bishwokarma, B. R., Bishowkarma, A. (2022). Dalit students' critical awareness of their linguistic identity for pedagogical scaffolding: a geolinguistic perspective from Nepal. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(3), 96–108. DOI 10.24833/2410-2423-2022-3-32-96-108.
12. Discussion on sociolinguistic trends across the world (2022). *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(3), 122–127. DOI 10.24833/2410-2423-2022-3-32-122-127.
13. Kitabayashi, H. (2024). The geolinguistics of state foreign language education policy regarding rarely taught languages of the Global South. *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(3), 100–110. DOI 10.24833/2410-2423-2024-3-40-100-110.
14. Michaels, A. (2024). *Nepal: A History from the Earliest Times to the Present*. New York: Oxford University Press, 402 p.
15. Sunuwar, D. K. (2022). Indigenous community media for language survival in Nepal. *Language Documentation & Conservation*, special publication no. 27, 179–185.
16. Tarakanov, I. (2022). On the state of multilingualism and polyglottery in Japan. *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(3), 58–69. DOI 10.24833/2410-2423-2022-3-32-58-69.
17. *The Oxford Companion to the English Language* (1992). Ed. by T. McArthur. New York: Oxford University Press, 1184 p.
18. Wilkinson, C., Banwarie, K. (2011). The Charter on Language Policy and Language Rights in the Creole Speaking Caribbean: Implications for Language Education in Guyana. 5 p. Available on May 1, 2026, from https://www.academia.edu/1083936/The_Charter_on_Language_Policy_and_Language_Rights_in_the_Creole_Speaking_Caribbean_Implications_for_Language_Education_in_Guyana.
19. Yadava, Y. (2013). Linguistic context and language endangerment in Nepal. *Nepalese Linguistics*, 28, 262–274.

Политическая лингвистика. 2026. № 4 (118).
Political Linguistics. 2026. No 4 (118).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+336.74
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55+У262.6

ГРНТИ 16.21.27, 16.21.33, 16.21.51

Код ВАК 5.9.5

Ирина Валерьевна Канель

Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия, qwarran@gmail.com, SPIN-код: 9235-7964

Лингвопрагматика субстандартных названий денег в российском медиадискурсе: оппозиция «свой — чужие»

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию лингвопрагматических механизмов реализации фундаментальной социокультурной оппозиции «свой — чужие» в современном российском медиадискурсе. Актуальность работы обусловлена трансформацией медиасреды и ростом значимости пользовательского контента, где оценка экономических процессов все чаще формулируется через экспрессивные и субстандартные языковые средства. Цель исследования заключается в выявлении и описании языковых стратегий, используемых для маркирования границ между «своим» и «чужим» экономическим пространством при репрезентации единиц коммуникативного ряда «деньги». Методология работы базируется на комплексном подходе, сочетающем дискурс-анализ, лингвопрагматический анализ и когнитивное моделирование метафор. Эмпирическую базу составили материалы Национального корпуса русского языка (подкорпус «Социальные сети»), включающие живые контексты употребления номинаций денег в цифровой среде. Научная новизна и результаты работы состоят в доказательстве того, что субстандартные номинации (сленговые единицы «бабки», «бабло», «лавэ» и диминутивы «денежки») выступают ключевыми инструментами прагматической разметки пространства. Установлено, что использование этих единиц в сочетании с местоименными и синтаксическими средствами формирует устойчивые паттерны солидаризации с «простыми людьми» («своим») и отчуждения от институциональных акторов («чужие»). Выявлены модели концептуализации денег как инструмента насилия («стричь бабки») и механизмы защиты частной автономии. Теоретическая ценность исследования заключается в расширении представлений о функционировании концептуальных оппозиций в медиадискурсе и роли сниженной лексики в формировании социальной идентичности. Практическая значимость итогов работы позволяет использовать полученные данные в курсах лингвокультурологии и медиалингвистики, а также в деятельности специалистов по стратегическим коммуникациям и социологии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, российские СМИ, экономический дискурс, лингвопрагматические механизмы, «свой — чужой», субстандартная лексика, коммуникативный ряд «деньги», цифровые медиа, лингвопрагматика, субстандартные названия денег.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Канель Ирина Валерьевна, независимый исследователь, специалист по учебно-методической работе кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация», Московский государственный психолого-педагогический университет, г. Москва, Россия, email: qwarran@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Канель, И. В. Лингвопрагматика субстандартных названий денег в российском медиадискурсе: оппозиция «свой — чужие» / И. В. Канель. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 4 (118). — С. 211-218.

Irina V. Kanel'

Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia, qwarran@gmail.com, SPIN code: 9235-7964

Linguopragmatics of Substandard Money Names in Russian Media Discourse: The “Own – Alien” Opposition

ABSTRACT. The article explores linguopragmatic mechanisms of realization of the fundamental socio-cultural opposition “Own – Alien” in contemporary Russian media discourse. The relevance of the study can be attributed to the transformation of the media landscape and the rising importance of user-generated content, where economic evaluations are increasingly expressed through emotive and substandard linguistic means. The research aims to identify and describe the linguistic strategies used to demarcate the boundaries between “one's own” and “alien” economic spaces in the representation of the units of communicative series “money”. The methodology is based on an integrated approach combining discourse analysis, linguopragmatic analysis, and cognitive metaphor modeling. The empirical data are drawn from the Russian National Corpus (Social Media subcorpus), featuring authentic contexts of money-related nominations in the digital environment. The scientific novelty and the results of the study demonstrate that substandard nominations (slang vocabulary units like “babki”, “bablo”, “lave” and diminutives like “denezhki”) serve as key tools of pragmatic spatial demarcation. It has been found that the use of these units, in combination with pronominal and syntactic means, forms stable patterns of solidarization with “ordinary people” (“Own”) and alienation from institutional actors (“Alien”). The study has revealed the models of conceptualizing money as an instrument of coercion (“strich' babki”) and the mechanisms for protecting private autonomy. The theoretical value of the research lies in expanding the understanding of the functioning of conceptual oppositions in media discourse and the role of substandard vocabulary in social identity formation. The practical results of the study can be used in the courses of linguoculturology and media linguistics, as well as in the work of the specialists in strategic communication and sociology.

KEYWORDS: *journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, linguistic means, Russian media, economic discourse, linguopragmatic mechanisms, "Own – Alien", substandard vocabulary, communicative series "money", digital media, linguopragmatics, substandard money names.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Kanel' Irina Valer'evna, Independent Researcher, Teaching and Learning Specialist of Department of Linguodidactics and Intercultural Communication, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia.*

FOR CITATION: *Kanel' I. V. (2026). Linguopragmatics of Substandard Money Names in Russian Media Discourse: The "Own – Alien" Opposition. In Political Linguistics. No 4 (118), pp. 211-218. (In Russ.).*

ВВЕДЕНИЕ

Оппозиция «свои — чужие» является одной из фундаментальных категорий, структурирующих человеческое восприятие мира и социальное взаимодействие, «элементарной ячейкой структуры мышления и культуры», как и любая другая бинарная оппозиция [Сергеев 2025: 228]. Э. А. Китанина вслед за Ю. С. Степановым отмечает, что «противопоставление „своих“ и „чужих“ в разных видах пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [Степанов 1997: 472; цит. по: Китанина 2021: 197].

В экономическом дискурсе эта дихотомия приобретает особую прагматическую нагрузку, становясь инструментом оценки справедливости распределения ресурсов и легитимности экономических акторов, поскольку ряд ученых считает оппозицию «свои — чужие» аксиологической категорией [Карамова 2025: 23; Митякина 2022: 158].

Исследование того, как лингвистический выбор номинаций единиц коммуникативного ряда «деньги» маркирует границы этой оппозиции, необходимо для понимания механизмов формирования общественного мнения. «Специфика политического дискурса и борьбы за власть, — замечает А. А. Мурадян, — заключается в формировании в умах аудитории светлого позитивного образа „Мы“, который должен ассоциативно противопоставляться негативному „Они“» [Мурадян 2016: 70]. Мы согласны с данным утверждением и полагаем, что его можно применить и к экономическому дискурсу, поскольку связь политики и экономики неоспорима и неразрывна [Мурадян 2020: 100; цит. по: Канель 2024: 270].

На теоретическом уровне концептуальная оппозиция «свои — чужие» соотносится с фундаментальными для гуманитарного знания представлениями о «мы-группе» и «они-группе» в социологии и социальной психологии, об индивидуальной и коллективной идентичности [Андриевская 2025]. М. М. Бахтин отмечал, что в ходе взаимодействия с другой культурной системой обнаруживаются сущностные характеристики культуры [Бахтин 1986; Сергиенко, Глушак

2025: 32]. Это можно проследить на примере образной метафорической диады «время — деньги»: А. П. Василенко и А. В. Елисеева сравнивают прагматизм западной культуры, где считается естественным тождество времени и денег, с национально-культурной русской идеей, где вечное доминирует над материальным [Василенко, Елисеева 2023: 74].

Также данная оппозиция связана с разработанной в рамках когнитивной лингвистики проблематикой концептуальных оппозиций и фреймов. Для медиадискурса оппозиция «свои — чужие» приобретает особое значение, поскольку именно медиа становятся ключевым пространством символического распределения ролей, статусов и ресурсов, в котором экономические отношения постоянно переосмысляются через призму «наших» и «чужих» интересов.

В позднесоветском дискурсе оппозиция «свои — чужие» носила выраженный идеологический характер. «Свои» деньги — это инструмент коллективного созидания; они заработаны честным трудом и направлены на благо общества. «Чужие» деньги в советской прессе (например, в названиях рубрик газеты «Аргументы и факты» 1980–1990-х гг. — «Америка без грима. Деньги, деньги...» (1984); «Лицо „свободного“ мира...» (1984); «Два мира — два образа жизни. Разные мерки демократии» (1983); «Золоченая рамка фальшивой картины» (1983); «Капитализм против человека» (1984); «Капитализм без прикрас» (1983) и т. д.) наделялись преимущественно негативными коннотациями. Деньги в этом контексте выступали как символ «негативных сторон капитализма», чуждых советскому человеку ценностей. Таким образом, лингвистическая граница между «нами» (созидателями) и «ими» (эксплуататорами) проводилась через прагматику использования денежных средств. То же самое относилось и к рекламному дискурсу времен СССР. Одной (можно даже сказать, что наиболее важной) из целей рекламы в советскую эпоху являлось воспитание людей в духе коммунистической морали; рекламируемый продукт следовало описывать таким, какой он есть, со всеми достоинствами и недостатками, без прикрас и домыслов [Брусенская, Куликова 2020: 339].

Переход к постсоветскому и особенно цифровому медиaprостранству изменил конфигурацию оппозиции «свои — чужие». Коммерциализация медиа, рост недоверия к институциональным акторам, развитие пользовательского контента и социальных сетей привели к тому, что оценка экономической реальности все чаще формулируется «снизу», от лица «простых людей». При этом для маркирования новой оппозиции «мы — они» используются субстандартные (сниженные) номинации денег и экспрессивные высказывания, задающие иную, нередко конфликтную прагматическую рамку обсуждения экономических процессов, выполняющие *депрециативную* функцию — т. е. противостояние официальному языку бюрократического аппарата [Хакимова 2012: 89]. Также бинарные оппозиции в субстандартном языке делают речь выразительной и эмоциональной, отмечает А. В. Белоусова [Белоусова 2024: 9], а сами субстандартные единицы (в частности, общий сленг) становятся потенциальным источником пополнения словарного запаса общелитературного русского языка [Хвесько, Мистерских 2012: 153].

Цель нашего исследования заключается в том, чтобы выявить и описать лингвопрагматические механизмы реализации оппозиции «свои — чужие» в современном российском экономическом медиадискурсе с использованием субстандартной лексики при репрезентации единиц коммуникативного ряда «деньги».

Рабочая гипотеза исследования состоит в том, что именно субстандартные и экспрессивные номинации денег, сочетающиеся с местоименными и оценочными средствами, образуют устойчивые дискурсивные паттерны, которые одновременно: 1) маркируют принадлежность к «своему» или «чужому» экономическому пространству; 2) задают интерпретационную рамку легитимности/нелегитимности распределения ресурсов; 3) усиливают эффект солидаризации или дистанцирования между участниками экономического взаимодействия.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- а) Определить лексические маркеры, объективирующие границы между «своим» и «чужим» экономическим пространством;
- б) Проанализировать морфологические и оценочные средства, структурирующие оппозицию «мы/я — они»;
- в) описать роль субстандартной лексики в формировании языковых стратегий солидаризации («свои») и отчуждения от институциональных акторов («чужие»).

Эмпирическую базу составили медиатексты из Национального корпуса русского языка (подкорпус «Социальные сети»). Общий объем выборки включает фрагменты медиатекстов, содержащие прямые и косвенные номинации денег.

В работе использован комплексный лингвистический подход, включающий методы дискурс-анализа, лингвопрагматического анализа, метод когнитивного моделирования метафор, а также элементы контекстуального и семантического анализа. Изучение метафорических моделей позволяет увидеть деньги не только как объект, но и как гибридный феномен, совмещающий в себе характеристики ресурса и активного катализатора социальных перемен [Канель 2025а: 196–197]. Метафоры также являются наиболее эффективным тропом в маркетинговых коммуникациях, «выступая значимым аргументом в пользу продвигаемого продукта» [Скнарев 2023: 21].

Результаты исследования могут быть использованы в курсах по лингвокультурологии, медиалингвистике и когнитивной лингвистике. Также выводы работы окажутся полезными специалистам в области стратегических коммуникаций, имиджмейкинга и социологии массовых коммуникаций.

ОБСУЖДЕНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Анализ эмпирического материала показал, что в современном российском экономическом медиадискурсе концептуальная оппозиция «свои — чужие» реализуется через специфические языковые стратегии, которые не только маркируют социальную принадлежность субъекта, но и меняют прагматику высказывания. По мнению Ф. Г. Самигулиной, задача любого сообщения (*особенно публицистического* — И. К.) выходит за рамки простой передачи какого-либо содержания, его иная цель — воздействовать на сознание и эмоции адресата [Самигулина 2010: 56]; также сейчас активно задействуется *инфлюационная* функция журналистики (от англ. *influence* — влияние) [Поршнев 1971; Колесникова, Шульгина 2022: 410]. В современных цифровых медиа это воздействие усиливается за счет того, что деньги в высказываниях могут функционировать то как инициатор, то как объект действия, что уже было показано в работе, посвященной агенсной и пациенсной роли единиц лексико-семантической группы «деньги» в медиадискурсе [Канель 2025б].

В совокупности упомянутые нами языковые стратегии формируют сложную картину распределения «символического капитала» между участниками экономического взаимо-

действия. «Своими» в медиадискурсе чаще всего оказываются «простые люди», «налогоплательщики», «народ» — лексема, имеющая в современном медиадискурсе исключительно положительную оценочную коннотацию, как отмечает С. Г. Воркачев [Воркачев 2014: 84], — «горожане», отдельный «я-субъект», тогда как «чужими» — абстрактные «они» (власть, элиты, корпорации, силовые структуры, «иностранцы» и др.), контролирующие доступ к ресурсам. Однако границы между «своими» и «чужими» подвижны: в отдельных контекстах «своими» могут становиться и представители институциональных акторов (например, «наш мэр», «наш губернатор»), если они позиционируются как защитники интересов «простых людей», поскольку главная особенность оппозиции «свои — чужие» заключается в том, что «свои» описываются положительно, а «чужие» — отрицательно [Чекмез 2016: 2043; Чанышева 2016: 97].

Субстандартная номинация и распределение ролей в экономическом взаимодействии

В постах из LiveJournal, VK и т. д. просматривается тенденция к интерпретации денег как ресурса, находящегося под контролем «чужих» институциональных акторов (государства, элит, корпораций), при том что «свои» представлены как лишенные агентности «простые люди», налогоплательщики, потребители. Рассмотрим пример: *«главное денежки на счет кому надо пришли и все кулуарно без нас опять порешали „уважаемые люди“»* (Мой и твой Воронеж: официальное городское сообщество, 2020). Диминутив «денежки» в сочетании с безличной конструкцией «кому надо» создает эффект отчуждения: формально речь идет о государственных или бюджетных средствах, но на уровне прагматики они трактуются как выведенные из поля «наших» общих ресурсов и перераспределяемые в пользу некоего неопределенного, но явно «чужого» круга «уважаемых людей». Риторическое «без нас» закрепляет субъектную асимметрию: «мы» как лишенная влияния масса и «они» как скрытый центр принятия решений.

Аналогичная модель наблюдается в высказывании: *«То есть опять бабки из бюджета будут утекать на муйню»* (Rozetked Discuss, 2022). Здесь лексема «бабки», с одной стороны, деформализует речь и снижает статус обсуждаемого экономического процесса, а с другой — подчеркивает нелегитимность направления финансовых потоков: бюджетные средства («наши» налоги) «утекают» в заведомо сомнительные проекты. Сочетание ненормативного компонента

(паронимического эвфемизма) с субстандартной номинацией денег лингвопрагматически конструирует ситуацию злоупотребления: «наши» ресурсы присваиваются «чужими» акторами.

Во многих примерах происходит прямое указание на принадлежность денег гражданам посредством притяжательных форм, при этом действия по их перераспределению приписываются внешним по отношению к «нам» силам. Так, в реплике: *«Как пособия на детей выплачивать у них денег нет в бюджете, а город наряжать гирляндами по 20 миллионов так есть денежки»* (Обсуждение происшествий в группе «Типичный Воронеж» (VK), 2020) оппозиция «нет денег» / «есть денежки» сочетается с оценочной антитезой «социально значимое» / «символическое, показное». Диминутив «денежки» иронически подчеркивает избыточность расходов и имплицитно маркирует адресатов выгод (коммерческие подрядчики, «свои» для власти структуры) как «чужих» по отношению к налогоплательщикам.

Местоименные и оценочные маркеры «своего» и «чужого»

Морфологические средства (личные и притяжательные местоимения, показатели лица и числа глагола, а также глаголы со значением «перемещения в пространстве» [Фролова 2021: 583]) систематически используются для так называемой «разметки» коммуникативного пространства. Выражение: *«Откуда вам, бедным крестьянам знать, как лучше бюджетное бабло пристроить?»* («Настоящий Воронеж» — сообщество № 1 в городе, 2020) представляет собой ироническую реконфигурацию оппозиции «мы» — «они». Здесь квазичитируемая позиция власти стилизована как высокомерное обращение к гражданам («бедные крестьяне») со словосочетанием «бюджетное бабло». Жаргонизм «бабло» в атрибутивной связке с бюрократическим «бюджетное» усиливает эффект циничного отношения к общим средствам, а маркированное «вам» формирует фигуру униженного, зависимого адресата. В результате фрейм «наше общее» оказывается присвоенным «чужой» управляющей элитой, тогда как «мы» представлены как некомпетентные и исключенные из принятия решений.

В ряде высказываний притяжательные местоимения «наши», «мои», «твои» напрямую включают деньги в «свой» мир, но при этом контекст демонстрирует угрозу их утраты или присвоения «чужими». Так, пример: *«Чую лет через 5 весь город будет вкалывать на эти коробочки на проводах. Да товарищи горожане бедные наши денюжки»*

(Судьба воронежского электротранспорта, 2005–2010) содержит градацию: уменьшительно-ласкательное «денюжки» + инклюзивное «наши» + оценочное «бедные», что задает эмпатическую перспективу: «мы» (горожане, налогоплательщики) как жертвы неэффективной инвестиционной политики. С другой стороны, безлично обозначенные инстанции, принимающие решения по инфраструктурным проектам, оформляются как «они», не разделяющие ценностей и интересов «простых людей».

Показателен пример: *«Но на деле мы такие: „Ну блин, опять в карман кому-то пошли мои денежки“»* (vk, 2015). Корпусная фиксация этого высказывания позволяет уточнить его прагматический профиль. В нем реализуется тройное кодирование оппозиции «свои — чужие»: а) притяжательное местоимение «мои» репрезентирует деньги как часть интимного, личного пространства субъекта; б) диминутив «денежки» усиливает эмоциональную значимость объекта; в) неопределенное местоимение «кому-то» скрывает, но одновременно стигматизирует бенефициара, помещая его в ряд «чужих». Семантика «кармана» как метонимии частной выгоды подчеркивает нелегитимность транзакции: ресурс «своего» мира (личные средства) перетекает в закрытый «чужой» карман.

Жаргонизмы и конструкции разоблачения «чужого» капитала

Особую группу составляют высказывания, в которых субстандартные номинации денег используются для экспликации «чуждых» по отношению к «нам» экономических практик — офшорного капитала, транснационального бизнеса, коррупционных схем.

Рассмотрим следующий пример: *«Ну, допустим, даже для того, чтобы „вернуть“ нагребленное хомякам¹, хоть это и фантастика. А лавэ где? Верно, в Люксембурге, на Кипре, в Цюрихе, Лондоне и Роттердаме (немножко есть и в Нью-Йорке, но очень мало)»* (kungurov. livejournal.com kungurov, 2013). Слово «лавэ», цыганский по происхождению жаргонизм¹, в данном контексте не просто снижает стиль, но и сигнализирует о сомнительном, «нечистом» происхождении капитала. Географический ряд западных финансовых центров формирует семантическое поле «внешнего», «чужого» пространства, в котором «наши» (народные) ресурсы оказываются недоступными.

Языковая стратегия разоблачения строится здесь на риторическом вопросе «А лавэ где?», где субстандартная лексема выступает как маркер неприятной, скрываемой темы. Тем самым образуется разрыв между «хозяевами» (ироническое самообозначение «массового инвестора», потенциально включенного в круг «своих») и анонимными держателями офшорных счетов. Оппозиция «мы — они» реализуется через пространственную сегрегацию: «наши» трудовые ресурсы и налоги локализованы внутри национального пространства, тогда как «их» «лавэ» циркулирует в транснациональном, заведомо «чужом» финансовом мире.

В современных медиатекстах эта стратегия усиливается сочетанием субстандартных номинаций с эксплицитной оценочной лексикой. Так, в примере: *«Эта фирма будет получать бабки от государства, якобы за то что поддерживают местного производителя, но это все бред»* (Rozetked Discuss, 2022) — сленгизм «бабки» маркирует средства как нечестно получаемые, а семантика «бред» дискредитирует официальную мотивацию субсидий. Здесь власть и аффилированный с ней бизнес помещаются в зону «чужих», тогда как налогоплательщик («мы») выступает скрытым донором, лишенным агенности.

Концептуализация денег как инструмента насилия и эксплуатации

В ряде случаев лексема «бабки», «бабло» участвуют в формировании метафорических моделей, в которых деньги функционируют как «абстрактный ресурс», стоящий вне морали и ценностей, или как «субъект власти», средство насилия «чужих» над «своими». Выражение: *«Запомни раз и навсегда... они все стригут с тебя бабки что камера что пагоны»* (Регион-36 Воронеж — ВКонтакте, 2020) — задействует концептуальную метафору «граждане — ресурс для стрижки», где «стричь бабки» означает систематическое извлечение выгоды силовыми и контролирующими структурами. Здесь полицейские («пагоны») и технические средства фиксации нарушений (камеры) объединяются в общий агент «чужого» давления. Местоимение «с тебя» напрямую указывает на объект эксплуатации — «нас», обычных граждан.

Схожим образом работает формула: *«Они все никак не могут остановиться выкачивать бабло с народа»* (Rozetked Discuss, 2021). Жаргонизм «бабло» в сочетании с метафорой «выкачивать» усиливает образ насильственного отчуждения ресурса. Оппозиция «они» (анонимные элиты,

¹ Словарь современной лексики, жаргона и сленга. — URL: <https://rus-yaz.niv.ru/doc/jargon-dictionary/index.htm> (дата обращения: 08.02.2026).

«власть», «бизнес») — «народ» (эксплицитно названный) лингвистически прозрачна: «чужие» — это те, кто «выкачивает», «свои» — те, кто вынужден «отдавать».

При этом на уровне медийной рефлексии встречаются и примеры циничного признания приоритета денег в системе ценностей, что смещает границу между «своими» и «чужими». Так, высказывание «*просто бабло всегда побеждает зло!*» (Rozetked Discuss, 2022) сопровождается ироничными смайликами и играет на инверсии традиционной моральной оппозиции «добро — зло». Внутри этого языкового жеста говорящий одновременно дистанцируется от цинизма («это только шутка») и признает его как реальный принцип функционирования экономической системы. В таком случае «свои» — это уже не столько «простые люди», сколько участники игры по правилам «бабла», признающие его доминирующую роль.

«Чужие бабки» и защита частного пространства

В корпусе медиатекстов фиксируются случаи, когда субстандартные номинации денег используются для защиты границ частной сферы и отграничения себя от «чужого» контроля и оценки. В примере: «*Даже в комментариях под хорошей доброй новостью найдутся недовольные черти, которые будут считать чужие бабки и рассуждать, как другим было бы лучше ими распорядиться...*» (Rozetked Discuss, 2021) — реализуется стратегия стигматизации тех, кто претендует на моральное право распоряжаться чужими ресурсами. Лексема «бабки» относится к деньгам частного лица, а чужое любопытство маркируется как нарушение этических и коммуникативных норм. Пейоративная номинация субъекта «черти» конструирует фигуру агрессивного, токсичного «чужого», посягающего на границу «моего» / «нашего» экономического пространства. Таким образом, даже внутри «горизонтального» общения пользователей социальных сетей оппозиция «свои — чужие» выстраивается не только по линии «граждане — государство», но и по линии «уважающие частную автономию — вторгающиеся в нее», причем субстандартная лексика служит основным инструментом оценки и самоидентификации.

К этому же ряду можно отнести реплику: «*Хочу жить для себя, тратить бабки только на себя, отвечать только за свои действия и заботится только о себе*» (Чат для художников, 2021). Формула «тратить бабки только на себя» актуализирует индивидуалистический сценарий, в котором «свои» становятся максимально узким кру-

гом (я как субъект), а любые формы перераспределения, солидарности или налогообложения потенциально выводятся в сферу «чужого» вмешательства. Сниженная номинация денег поддерживает установку на неформальное, оппозиционное по отношению к институциональному дискурсу самопозиционирование.

Лексическое варьирование внутри поля «свои»

Важно отметить, что субстандартные номинации денег не всегда однозначно маркируют «чужое» или нелегитимное. В ряде контекстов уменьшительно-ласкательные формы («денежки», «денюшки») и обращения к деньгам как к одушевленным адресатам формируют модель интимного, «домашнего» отношения к ресурсу. Например, в репликах: «*Дорогие мои Денежки! Очень скучаю без Вас*» (vk, 2014); «*Деньги-денежки идите, путь ко мне домой найдите...*» (vk, 2015); «*И не забудьте сделать этот ритуал, если отправитесь на рыбалку. Ловить денежки гораздо приятнее, чем рыбу*» (vk, 2016) — деньги персонифицируются и наделяются признаками «своего» — желанного гостя, друга, члена круга близких.

Такое отношение к ним снимает часть социальной напряженности, вытекающей из оппозиции «свои — чужие» на макроуровне. С одной стороны, деньги признаются внешним по отношению к субъекту объектом («пусть придут»), с другой — им приписываются человеческие качества, что позволяет «приручить» их в дискурсивном плане и вписать в картину «своей» жизни. Уменьшительные суффиксы и экспрессивный синтаксис (ритмические повторы, рифмующиеся конструкции) работают на формирование «теплого» образа денег как ресурса, который должен быть доступным «нам», а не абстрактным «им».

В то же время даже в этих, на первый взгляд, игривых текстах сохраняется тень социокультурного конфликта: деньги необходимо «зазывать», с ними нужно выстраивать особые ритуальные отношения («ритуал ловли денежек» и др.), что косвенно указывает на дефицит и неравномерное распределение ресурса в реальности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, субстандартные и экспрессивные номинации денег, зафиксированные в корпусе медиатекстов, не являются лишь маркерами разговорной речи или молодежного жаргона. Они выполняют системную лингвопрагматическую функцию: через них артикулируется и поддерживается граница между «своими» и «чужими» в эко-

номическом пространстве, оценивается легитимность распределения ресурсов, конструируются сценарии солидаризации (мы — жертвы, мы — владельцы «наших денежных средств») и отчуждения (они — «стригущие баблы», «уважаемые люди», «черты», владельцы «лавэ» в офшорах). В совокупности эти стратегии подтверждают, что современный российский экономический медиадискурс воспроизводит и актуализирует базовую социокультурную оппозицию «свои — чужие» через языковые средства различного уровня — от морфологии и лексики до синтаксиса и дискурсивных сценариев.

Перспективы дальнейших исследований видятся в сопоставительном анализе репрезентации оппозиции «свои — чужие» в экономическом медиадискурсе разных языков и культур, в изучении гендерных, возрастных и региональных особенностей использования субстандартных номинаций денег, а также в более детальном рассмотрении визуальновербальных комплексов (мемов, инфографики, скриншотов новостей), где объединяются текстовые и графические маркеры «своего» и «чужого» экономического пространства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Андриевская, Ж. В. Конструирования социальной идентичности в дихотомии «Свой — Чужой»: на примере общественного сознания россиян / Ж. В. Андриевская // Социально-гуманитарные знания. — 2025. — № 1. — С. 209–211. — EDN IURWXS.
2. Бахтин, М. М. Литературно-критические статьи / М. М. Бахтин. — Москва : Художественная литература, 1986. — 544 с. — EDN VQMUGT.
3. Белоусова, А. В. Бинарная оппозиция как объект лингвистического исследования / А. В. Белоусова // Евразийский гуманитарный журнал. — 2024. — № 2. — С. 6–11. — EDN WDLXND.
4. Брусенская, Л. А. Лингвопрагматические параметры маркетинговых коммуникаций / Л. А. Брусенская, Э. Г. Куликова // Коммуникативные исследования. — 2020. — № 2. — С. 333–350. — EDN BUJRZDZ.
5. Василенко, А. П. Образная диада «время — деньги» в афористическом фонде языка как отражение социально-политического кода культуры / А. П. Василенко, А. В. Елисеева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2023. — Т. 23. — № 3. — С. 66–78. — EDN ODWYND.
6. Воркачев, С. Г. Масс-медийное представление лингвоидеологемы «народ» / С. Г. Воркачев // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2014. — № 1 (38). — С. 81–90. — EDN RWCCHT.
7. Канель, И. В. Метафоры жизни и химии в осмыслении денег: «лакмусовая бумажка» экономической реальности / И. В. Канель // Культура и текст. — 2025а. — № 3 (62). — С. 190–199. — EDN FNXYOB.
8. Канель, И. В. Семантические роли денег как агентов и пациентов в русском медиадискурсе / И. В. Канель // Отечественная филология. — 2025б. — № 5. — С. 26–37. — EDN QVEGGP.
9. Канель, И. В. Эволюция медиаобраза денег от советской эпохи до наших дней: лингвоаксиологический ракурс / И. В. Канель // Политическая лингвистика. — 2024. — № 4 (106). — С. 268–273. — EDN CRKKTW.
10. Карамова, А. А. Местоимение *мы* как средство репрезентации концептуального признака «свой» ключевого политического концепта «свой/чужой» в современном политическом дискурсе / А. А. Карамова // Политическая лингвистика. — 2025. — № 6 (114). — С. 22–28. — EDN LSSXWW.
11. Китанина, Э. А. Языковое воплощение концептов свое/чужое в политических представлениях и ценностях россиян / Э. А. Китанина // Семиотико-семасиологическое измерение политического дискурса : коллективная моногр. — Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2021. — С. 195–208. — EDN WGUUCQ.
12. Колесникова, С. М. Инфлюэционный потенциал гипотаксиса в жанре статьи / С. М. Колесникова, К. П. Шульгина // Преподаватель XXI век. — 2022. — № 2. — Ч. 2. — С. 409–420. — EDN CRKHQK.
13. Митякина, О. В. Оппозиция «свой — чужой» как средство делегитимизации политической власти (на материале комментариев англоговорящих пользователей в социальных сетях) / О. В. Митякина // Политическая лингвистика. — 2022. — № 5 (95). — С. 156–162. — EDN UEWUUB.
14. Мурадян, А. А. Политический дискурс сквозь призму литературных цитаций / А. А. Мурадян // Язык и текст. — 2020. — Т. 7. — № 4. — С. 99–106. — EDN ETPPNI.
15. Мурадян, А. А. Стратегическая модель репрезентации оппозиции «свой — чужой» в контексте политического выступления / А. А. Мурадян // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2016. — № 3. — С. 68–73. — EDN WHBPYF.
16. Поршнев, Б. Ф. Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии человечества) / Б. Ф. Поршнев // История и психология. — Москва : Мысль, 1971. — С. 7–35. — EDN YULMTM.
17. Самигулина, Ф. Г. Когнитивно-прагматический анализ использования оппозиций грамматических категорий в дискурсе СМИ / Ф. Г. Самигулина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. — 2010. — № 3. — С. 52–56. — EDN MUWOWJ.
18. Сергеев, А. А. Бинарные оппозиции как когнитивные универсалии: взгляд Леви-Стросса на структуру мышления / А. А. Сергеев // Методология современной психологии. — 2025. — № 28. — С. 226–233. — EDN WECQUT.
19. Сергиенко, Н. А. Концептуальная бинарность СВОЙ — ЧУЖОЙ: лингвокогнитивный ракурс исследования / Н. А. Сергиенко, В. М. Глушак // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». — 2025. — № 3 (127). — С. 32–37. — EDN WEQCKK.
20. Скарнев, Д. С. Лингвомаркетинг / Д. С. Скарнев. — Москва : Русский язык. Курсы, 2023. — 200 с. — EDN GMWWAJ.
21. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. — Москва : Языки русской культуры, 1997. — 824 с. — EDN QOFIUL.
22. Фролова, И. Н. Специфика реализации оппозиции «свой — чужой» в современном русском языке в лингвокультурологическом аспекте / И. Н. Фролова // Язык и культура: взгляд молодых : материалы IV Междунар. науч. студенческой конф. «Язык и культура: взгляд молодых» в рамках XXII Кирилло-Мефодиевских чтений (Москва, 26 мая 2021 г.) / гл. ред. М. Н. Русецкая. — Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2021. — С. 580–584. — EDN IIRQF.
23. Хакимова, Е. М. Лексический субстандарт в функциональном аспекте / Е. М. Хакимова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. — 2012. — № 25 (284). — С. 86–92. — EDN PBNDON.
24. Хвесько, Т. В. Интерпретация субстандартной лексики / Т. В. Хвесько, С. М. Мастерских // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2012. — № 2 (31). — С. 151–156. — EDN OWLBHJ.
25. Чанышева, З. З. Ипостаси категории «чужие» в медийной коммуникации / З. З. Чанышева // Язык и текст. — 2016. — Т. 3. — № 3. — С. 96–105. — EDN WNJKR.
26. Чекмез, У. Э. Способы репрезентации оппозиции «свои — чужие»: прагматика как маркер дискретной организации противопоставления / У. Э. Чекмез // Научно-методический элек-

тронный журнал «Концепт». — 2016. — Т. 11. — С. 2041–2045. — EDN WDPMBL.

REFERENCES

1. Andrievskaya, Zh. V. (2025). Konstruirovaniya sotsial'noy identichnosti v dikhotomii «Svoy — Chuzhoy»: na primere obshchestvennogo soznaniya rossiiyan = Construction of social identity in the dichotomy “Friend — Alien”: on the example of the public consciousness of Russians. *Social and humanitarian knowledge*, 1, 209–211. EDN IURWXS.

2. Bakhtin, M. M. (1986). Literaturno-kriticheskie stat'i = Literary and critical articles. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 544 p. EDN VQMUGT.

3. Belousova, A. V. (2024). Binarnaya oppozitsiya kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya = Binary opposition as an object of linguistic research. *Eurasian Humanitarian Journal*, 2, 6–11. EDN WDLXND.

4. Brusenskaya, L. A., Kulikova, E. G. (2020). Lingvopragmaticheskie parametry marketingovykh kommunikatsiy = Linguopragmatic parameters of marketing communications. *Communication Studies*, 2, 333–350. EDN BUJRDZ.

5. Vasilenko, A. P., Eliseeva, A. V. (2023). Obraznaya diada «vremya — den'gi» v aforisticheskoy fondе yazyka kak otrazhenie sotsial'no-politicheskogo koda kul'tury = Figurative dyad time — money in the aphorisms of a language as a reflection of the socio-political code of culture. *Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and social sciences*, 23(3), 66–78. EDN ODWYHD.

6. Vorkachev, S. G. (2014). Mass-mediynoe predstavlenie lingvoideologiy «narod» = Mass media representation of the ideological word “people”. *Issues of Cognitive Linguistics*, 1(38), 81–90. EDN RWCCHT.

7. Kanel', I. V. (2025a). Metaforы zhizni i khimii v osmyslenii deneg: «lakmusovaya bumazhka» ekonomicheskoy real'nosti = Metaphors of life and chemistry in conceptualizing money: the “litmus test” of economic reality. *Culture and Text*, 3(62), 190–199. EDN FNXYOB.

8. Kanel', I. V. (2025b). Semanticheskie roli deneg kak agentov i patsientov v russkom mediadiskurse = Semantic roles of “money” as agent and patient in Russian media discourse. *Russian Studies in Philology*, 5, 26–37. EDN QVEGGP.

9. Kanel', I. V. (2024). Evolyutsiya mediaobraza deneg ot sovet'skoy epokhi do nashikh dney: lingvoaksiologicheskii rakurs = Development of the media image of money from the Soviet times to today: a linguo-axiological perspective. *Political Linguistics*, 4(106), 268–273. EDN CRKKTW.

10. Karamova, A. A. (2025). Mestoimenie my kak sredstvo reprezentatsii kontseptual'nogo priznaka «svoyn» klyuchevogo politicheskogo kontsepta «svoyn/chuzhoy» v sovremennom politicheskom diskurse = The Russian pronoun “my” as a means of representing the conceptual feature “own” of the key political concept of “own/alien” in the contemporary political discourse. *Political Linguistics*, 6(114), 22–28. EDN LSSXWW.

11. Kitanina, E. A. (2021). Yazykovoe voploshchenie kontseptov svoe/chuzhoe v politicheskikh predstavleniyakh i tsennostyakh rossiiyan = Language implementation of concepts own/foreign in the political views and values of Russians. *Semiotic-semasiological dimension of political discourse: collective monograph*, 195–208. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute. EDN WGUUCQ.

12. Kolesnikova, S. M., Shul'gina, K. P. (2022). Inflyuatsionnyy potentsial gipotaksisa v zhanre stat'i = Inflational potential of hypotaxis in article genre. *Prepodavatel XXI vek. Russian Journal of Education*, 2(2), 409–420. EDN CRKHQK.

13. Mityakina, O. V. (2022). Oppozitsiya «svoyn — chuzhoy» kak sredstvo delegitimizatsii politicheskoy vlasti (na materiale

kommentariy anglogovoryashchikh pol'zovateley v sotsial'nykh setyakh) = The opposition of “own-alien” as a means of delegitimation of political power (based on the comments of English-speaking social network users). *Political Linguistics*, 5(95), 156–162. EDN UEWUUB.

14. Muradyan, A. A. (2020). Politicheskii diskurs skvoz' prizmu literaturnykh tsitatsiy = Political discourse through literary quotations. *Language and Text*, 7(4), 99–106. EDN ETPPNI.

15. Muradyan, A. A. (2016). Strategicheskaya model' reprezentatsii oppozitsii «svoyn-chuzhoy» v kontekste politicheskogo vystupleniya = Strategic pattern of “friend-or-foe” opposition representation as used in political speech. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 3, 68–73. EDN WHBPYF.

16. Porshnev, B. F. (1971). Kontsugestiya i istoriya (Elementarnoe sotsial'no-psikhologicheskoe yavlenie i ego transformatsii v razvitiy chelovechestva) = Countersuggestion and history (Elementary socio-psychological phenomenon and its transformations in the development of mankind). *History and Psychology*, 7–35. Moscow: Mysl'. EDN YULMTM.

17. Samigulina, F. G. (2010). Kognitivno-pragmaticheskii analiz ispol'zovaniya oppozitsiy grammaticheskikh kategoriy v diskurse SMI = Cognitive and pragmatic analysis of the usage of grammar categories oppositions in mass-media discourse. *Bulletin of Peoples' friendship university of Russia. Series: Russian and foreign languages*, 3, 52–56. EDN MUWOWJ.

18. Sergeev, A. A. (2025). Binarnye oppozitsii kak kognitivnye universalii: vzglyad Levi-Strossa na strukturu myshleniya = Binary oppositions as cognitive universals: Lévi-Strauss's view of the structure of thought. *Methodology of Modern Psychology*, 28, 226–233. EDN WECQUT.

19. Sergienko, N. A., Glushak, V. M. (2025). Kontseptual'naya binarnost' SVOY — CHUZHOY: lingvokognitivnyy rakurs issledovaniya = Conceptual binarity ONE'S OWN — ALIEN: linguocognitive aspect of research. *Bulletin of Lugansk State Pedagogical University. Series: Philology*, 3(127), 32–37. EDN WEQCKK.

20. Sknarev, D. S. (2023). Lingvomarketing = Linguomarketing. Moscow: “Russkiiy yazyk”. Kursy, 200 p. EDN GMWWAJ.

21. Stepanov, Yu. S. (1997). Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya = Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury, 824 p. EDN QOFIUL.

22. Frolova, I. N. (2021). Spetsifika realizatsii oppozitsii «svoyn — chuzhoy» v sovremennom russkom yazyke v lingvokulturologicheskoy aspekte = Specifics of the “friend or foe” opposition and its implementation in the modern Russian language in the linguoculturological aspect. *Language and Culture: Youth Perspective*, 580–584. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute. EDN IJRQF.

23. Khakimova, E. M. (2012). Leksicheskiy substandart v funktsional'nom aspekte = Lexical substandard in the functional aspect. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 25(284), 86–92. EDN PBNNDON.

24. Khves'ko, T. V., Masterskikh, S. M. (2012). Interpretatsiya substandartnoy leksiki = Interpretation of substandard lexis. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2(31), 151–156. EDN OWLBHJ.

25. Chanysheva, Z. Z. (2016). Ipostasi kategorii «chuzhie» v mediynoy kommunikatsii = Hypostases of Them category in mass media communication. *Language and Text*, 3(3), 96–105. EDN WNIJRK.

26. Chekmez, U. E. (2016). Sposoby reprezentatsii oppozitsii «svoyn — chuzhie»: pragramma kak marker diskretnoy organizatsii protivopostavleniya = Ways of representing the “Us — Them” opposition: pragramme as a marker of discrete organization of opposition. *Concept*, 11, 2041–2045. EDN WDPMBL.

Политическая лингвистика. 2026. № 4 (118).
Political Linguistics. 2026. No 4 (118).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+81'27
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.07

Код ВАК 5.9.5

Айгуль Айратовна Карамова^{1✉}, Лилия Винеровна Ганеева^{2✉}

¹ Бирский филиал ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий», Бирск, Россия, Kar_AA@mail.ru[✉], SPIN-код: 2611-9375

² Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, ganeeva.lilya2016@yandex.ru[✉], SPIN-код: 2680-3927

Лингвопрагматические и речевые средства формирования традиционных российских духовно-нравственных ценностей у современной молодежи

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена рассмотрению лингвопрагматических и речевых средств формирования традиционных российских духовно-нравственных ценностей у молодежи. Целенаправленность процесса формирования ценностной картины мира как одной из приоритетных задач молодежной политики влечет за собой такую же целенаправленность коммуникации в этой сфере, что выводит на первый план ее стратегическое планирование. Цель статьи — систематизация и анализ коммуникативных стратегий и тактик, а также вербальных и невербальных средств их реализации. Материалом исследования послужили тексты современного медиадискурса с молодежной целевой аудиторией: официальные сайты и интернет-сообщества молодежных структур, организаций и объединений, молодежных СМИ, автономных некоммерческих организаций. В исследовании представлена разноаспектная систематизация стратегий, разработанная на основании их интенции (стратегии информирования, побуждения, убеждения), способа формирования и передачи информации (стратегии линеаризации и дискретизации), средств реализации (стратегии моносемiotические и полисемiotические). Выявлено, что главная роль принадлежит стратегии убеждения, непосредственно направленной на конструирование ценностной картины мира молодежи. В ходе анализа выявлены следующие тактики: универсальные (например, тактики прямой презентации, комментирования информации и т. п.), заимствованные (например, тактика апелляции к выгоде), специфические — собственно ценностные (например, тактики эксплицитной и имплицитной номинации ценности). Проанализированы специфические для современной молодежной аудитории коммуникативные средства (стратегии дискретизации, редуцирования, полисемiotического типа). Выявлено использование речевых средств специальных, непосредственно работающих на реализацию тактики, и дополнительных, стилистических. Установлено, что использование последних наиболее частотно в реализации тактик побуждения и убеждения. Материалы проведенного анализа могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях, в практике преподавания вузовских курсов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвопрагматика, лингвопрагматические средства, речевые средства, традиционные российские ценности, духовно-нравственные ценности, система ценностей, ценностные ориентации, российская молодежь, коммуникативные стратегии, коммуникативные тактики, лексико-фразеологические средства, грамматические средства, стилистические средства, невербальные средства.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Карамова Айгуль Айратовна, доктор филологических наук, профессор кафедры филологии, Бирский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уфимский университет науки и технологий», г. Бирск, Россия, email: Kar_AA@mail.ru.

Ганеева Лилия Винеровна, ведущий специалист Подготовительного отделения для иностранных граждан, Институт непрерывного образования, Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Россия, email: ganeeva.lilya2016@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Карамова, А. А. Лингвопрагматические и речевые средства формирования традиционных российских духовно-нравственных ценностей у современной молодежи / А. А. Карамова, Л. В. Ганеева. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 4 (118). — С. 219-231.

Aygul' A. Karamova^{1✉}, Liliya V. Ganeeva^{2✉}

¹ Birk Branch of Ufa University of Science and Technology, Birk, Russia, Kar_AA@mail.ru[✉], SPIN code: 2611-9375

² Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, ganeeva.lilya2016@yandex.ru[✉], SPIN code: 2680-3927

Linguopragmatic and Verbal Means of Formation of Traditional Russian Spiritual and Moral Values in Modern Youth

ABSTRACT. The article explores the linguopragmatic and verbal means of formation of the traditional Russian spiritual and moral values in young people. The focus on formation of a value-based worldview as a priority task of youth policy necessitates a similar focus on communication in this sphere, which places its strategic planning at the forefront. The aim of the article is to systematize and analyze the corresponding communication strategies and tactics, as well as verbal and non-verbal means of their implementation. The practical research materials include contemporary media discourse texts targeting young people: official websites and online communities of youth organizations and associations, youth media, and autonomous non-profit organizations. The study presents a multifaceted systematization of strategies developed on the basis of their intention (strategies of informing, persuasion, conviction), the method of forming and transmitting information (strate-

© Карамова А. А., Ганеева Л. В., 2026

gies of linearization and discretization), and the means of implementation (monosemiotic and polysemiotic strategies). It has been found that the main role belongs to the conviction strategy, which is directly aimed at constructing a value-based worldview of the youth. The conducted research has revealed the following tactics: universal (e.g., tactics of direct presentation, commenting on information etc.), borrowed (e.g., appealing to advantage), and specific – value-based proper (e.g. tactics of explicit and implicit value nomination). The article analyzes the communicative means specific to the modern youth audience (strategies of discretization, reduction, polysemiotic type). The research has revealed special verbal means directly supporting the implementation of these tactics, as well as additional stylistic means. The article reports that the use of the latter is most frequent in the implementation of the tactics of persuasion and conviction. The results of this analysis can be used in further theoretical research and in university teaching practice.

KEYWORDS: linguopragmatics, linguopragmatic means, verbal means, traditional Russian values, spiritual and moral values, value system, value-based focus, Russian youth, communication strategies, communication tactics, lexico-phraseological means, grammatical means, stylistic means, non-verbal means.

AUTHOR'S INFORMATION: Karamova Aygul' Ayratovna, Doctor of Philology, Professor of Department of Philology, Birk Branch of Ufa University of Science and Technology, Birk, Russia.

Ganeeva Liliya Vinerovna, Leading Specialist of the Preparatory Department for Foreign Citizens, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.

FOR CITATION: Karamova A. A., Ganeeva L. V. (2026). Linguopragmatic and Verbal Means of Formation of Traditional Russian Spiritual and Moral Values in Modern Youth. In *Political Linguistics*. No 4 (118), pp. 219-231. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Статья посвящена рассмотрению лингвопрагматических и речевых средств формирования духовно-нравственных ценностей у молодежи. В ней систематизируются и анализируются коммуникативные стратегии и тактики, а также вербальные и невербальные средства их реализации.

Формирование традиционных российских духовно-нравственных ценностей является одной из приоритетных задач молодежной политики. Перечень этих ценностей официально закреплён Указом Президента Российской Федерации¹.

За основу понимания ценности в данном исследовании принимается ее аксиологический аспект, в соответствии с чем ценность определяется как «идеальное образование, представляющее собой важность (значимость, значительность) предметов и явлений реальной действительности для общества и индивида и выраженное в различных проявлениях деятельности людей» [Арутюнова 1999: 93].

Под коммуникативной стратегией в данной статье понимается совокупность речевых действий, объединённых общей интенцией, направленных на достижение определенной коммуникативной цели. Подобное понимание находим в ряде работ исследователей [Иссерс 2020: 109–110; Ключев 2002; Макаров 2003]. Речевую тактику понимаем, вслед за О. С. Иссерс, как «одно или несколько дей-

ствий, которые способствуют реализации стратегии» [Иссерс 2020: 109–110].

Материалом исследования послужили тексты современного медиадискурса, целевой аудиторией которых является молодежь, к которой, согласно Федеральному закону о молодежной политике², относятся граждане в возрасте 14–35 лет. Это официальные сайты и интернет-сообщества молодежных структур, организаций и объединений (Федеральное агентство по делам молодёжи (Росмолодёжь)³, ФГБУ молодежной политики «Молодежный центр „Российский центр гражданского и патриотического воспитания детей и молодежи“ (Роспатриотцентр)»⁴, Российское движение детей и молодёжи «Движение первых»⁵, Молодёжная общероссийская общественная организация «Российские Студенческие Отряды» (РСО)⁶, Всероссийское детско-юношеское военно-патриотическое общественное движение «Юнармия»⁷), молодежных СМИ⁸, автономных некоммерческих организаций, осуществляющих свою деятельность в сфере молодежной политики⁹, студенческих сообществ¹⁰. В ходе исследования проанализировано более 50 текстов из указанных источников.

В ходе исследования использовался комплекс методов функционально-прагмати-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 (в ред. от 04.03.2026) «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/24f1a051389c864bb9c7af53538a2a674b0a5416/.

² Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. N 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/400156192/>.

³ <https://fadm.gov.ru/>.

⁴ <https://rospatriotcentr.ru/>.

⁵ <https://будвдвдвижении.рф/>.

⁶ <https://трудкрут.рф/>.

⁷ <https://yunarmy.ru/>.

⁸ <https://mgazeta.com/>.

⁹ <https://vk.com/club226464715>.

¹⁰ <https://vk.com/tigruunit>, <https://vk.com/birskbgu>.

ческого, дискурсивного, контекстуального, структурно-семантического, лексико-семантического, грамматического, стилистического анализов.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Средствами репрезентации ценностного концепта как «ментального образования, которое представляет собой хранящийся в памяти человека значимый осознаваемый типизируемый фрагмент опыта» [Карасик 2009: 24] являются имя концепта и лексико-фразеологические единицы, входящие в структуру лексико-семантического поля этого имени (ядра, приядерной зоны, центра, ближней и дальней периферии). При этом исходим из понимания концепта как полевой структуры, где «к ядру будут относиться прототипические слои с наибольшей чувственно-наглядной конкретностью, первичные наиболее яркие образы; более абстрактные признаки составят периферию концепта» [Попова, Стернин 2001: 60]. Таким образом, к репрезентантам ценностного концепта будем относить все лексико-фразеологические единицы лексико-семантических полей «жизнь», «достоинство», «закон», «патриотизм», «Родина», «гражданственность», «нравственность», «семья», «труд», «гуманизм», «справедливость», «коллективизм», «милосердие», «духовность», «взаимопомощь», «единство».

Науке известна не одна классификация стратегий и тактик. При этом разные классификации зависят от типа дискурса, его целей, коммуникативных ситуаций [Михалева 2008; Горячев 2009; Рытникова 1996].

В данной статье предпринимается попытка разноаспектной классификации стратегий, где за основу систематизации берутся следующие аспекты: интенция (коммуникативное намерение), способ формирования и передачи информации, средства реализации стратегий. Подобная разносторонняя систематизация позволяет, опираясь на традиционный подход к исследованию стратегий, учесть специфику целевой аудитории анализируемых текстов, а также современные коммуникативные средства воздействия на молодежь.

Стратегии реализуются посредством конкретных речевых действий — тактик, объединенных общностью интенций. Средствами реализации тактик выступают лексико-фразеологические, грамматические единицы языка, а также невербальные средства.

Рассмотрим систему стратегий и тактик, направленных на формирование духовно-нравственных ценностей у адресатов — молодого поколения.

I. По интенции

1. Стратегия информирования

Стратегия информирования — совокупность речевых действий, направленных на передачу адресату достоверной информации, ее разъяснение (в нашем случае — информации, касающейся новостей, мероприятий в области молодежной политики, направленных на формирование духовно-нравственных ценностей).

1.1. Тактика прямой презентации

Суть тактики — изложение фактов, информирование адресата о новостях, событиях, направленных на формирование духовно-нравственных ценностей. Коммуникативная цель — осведомленность, информированность адресата.

Речевые средства реализации тактики.

1. Лексико-фразеологические средства:

1) онимы (собственные имена) как слова с наиболее конкретной семантикой, поскольку собственное имя «в отличие от других слов, не связано непосредственно с понятием..., основное значение собственного имени заключено в его связи с денотатом» [Подольская 1990: 473], то есть обозначаемым предметом; это позволяет онимам репрезентировать точные факты; разновидности онимов:

- антропонимы — собственные имена людей (обычно должностные лица и общественные деятели в сфере молодежной политики): *Сергей Новиков, Григорий Гуров, Татьяна Голикова*,
- топонимы — собственные имена географических объектов: *Иркутская область, Сахалинская область, остров Шумшу* и т. п.,
- эргонимы — собственные имена «делового объединения людей, в том числе союза, организации, учреждения, корпорации, предприятия, общества, заведения, кружка»¹: *Движение Первых, Первые, Юнармия, Росмолодежь, Роспатриот-центр Росмолодежи, Военно-патриотический лагерь «Шумшу», АНО «Добрая Казань»* и т. п.,
- официонимы — наименование должностей, званий: *Президент России; Начальник Управления Президента Российской Федерации по общественным проектам, руководитель Росмолодежи, Герой России*,

¹ Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. — Москва : Наука, 1978. — С. 166.

- хрононимы — собственные имена «отрезка времени»¹: *Великая Отечественная война, год 80-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.; Год защитника Отечества* и т. п.,
- библионимы — названия книг: *Книга Доблести* и т. п.,
- идеонимы — «названия продуктов умственной деятельности» [Волкова 2010: 9]: *проект «Хранители истории», Национальная премия «Патриот», международная поисковая экспедиция «По следам Курильского десанта»* и т. п.;
- геортонимы — «имена календарных праздников» [Романова 2019: 287]: *День Героев Отечества; День народного единства;*
- ивентонимы — «имена специальных событий», которые, «в отличие от имен календарных праздников, относятся к числу искусственных образований и целенаправленно создаются для презентации концепции продвигаемого события» [Романова 2019: 287]: *Всероссийский патриотический форум, акция «Россия — семья семей»;*

2) темпоративы, под которыми в данной работе понимаются все слова и сочетания, содержащие в своей семантике временные компоненты: **3 декабря в Национальном центре «Россия»...состоялась...** (Росмолодежь. 03.12.2025 г.) и т. п.

2. Грамматические средства:

– глаголы в форме изъявительного наклонения, так как формы этого наклонения, «относя действие к настоящему, будущему или прошедшему времени, представляют его как объективный факт» [Реферовская 1990: 321]: прошедшего времени, настоящего времени.

1.2. Тактика комментирования информации

Суть тактики — разъяснение того, о чем информируется адресат. Коммуникативная цель — не просто осведомленность, информированность адресата, но и понимание сути информации.

Речевые средства реализации тактики.

1. Лексико-фразеологические средства:

– слова, семантика которых требует актуализации в контексте: *посвятить, свидетельствовать, быть направленным, информировать* (в значении таких слов со-

держатся компоненты, выраженные неопределенным местоимением, например: *посвятить* — «Предназначить для **какой-либо** деятельности, занятия, затратить на **какое-либо** дело, занятие и т. п.»²; *свидетельствовать* — «Служить свидетельством **чего-либо**, подтверждать, доказывать **что-либо**»³: *Картина рассказывает историю жительницы Донецка Екатерины — кинолога сапёрной группы ДНР* (Росмолодежь. 09.12.2025).

2. Грамматические средства:

– сильные синтаксические связи глагольной словоформы (управление), требующие обязательного распространения (в словарной статье таких слов обычно содержится соответствующая грамматическая помета, например: *посвятить* — «чему»⁴, *свидетельствовать* — «о чем»⁵: *Проект призван способствовать развитию критического мышления, медиаответственности и международного диалога...* (Росмолодежь. 09.12.2025);

– предлоги, выражающие причинно-следственную связь *благодаря, вследствие*: **Благодаря** форуму открываются новые способы для диалога,... (Росмолодежь, 07.12.2025);

– сложноподчиненные предложения с придаточными причины, следствия, изъяснительными (с семантикой пояснения), определительными: *Второе место в номинации присуждено московскому молодёжному проекту «Послезавтра», который организовал заместитель руководителя благотворительного фонда «Страна для детей» Борис Пешков;*

– бессоюзные сложные предложения с причинно-следственными отношениями, отношениями пояснения: *волонтерское движение «Нити Добра» ... объединяет людей для помощи недоношенным детям: добровольцы шьют шерстяные изделия и терапевтические игрушки для малышей* (Росмолодежь. 03.12.2025);

– конструкция N₁-N₁ со сказуемым, дающим определение, толкование подлежащему: *Это профессиональная программа реа-*

² Словарь русского языка. Т. 3. П–Р. / под ред. Е. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык, 1983. — С. 312.

³ Словарь русского языка. Т. 4. С–Я / под ред. Е. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык, 1988. — С. 49.

⁴ Словарь русского языка. Т. 3. П–Р. / под ред. Е. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык, 1983. — С. 312.

⁵ Словарь русского языка. Т. 4. С–Я / под ред. Е. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык, 1988. — С. 49.

¹ Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. — Москва : Наука, 1978. — С. 162.

билитации ветеранов боевых действий... (Росмолодежь. 03.12.2025);

– определения-приложения: *Команда «Цех 52» разрабатывает макеты техники — «обманки», спасающие жизни расчетов* (03.12.2026);

– конструкции с противопоставлением, выявляющим суть понятия: *Ключевая особенность проекта — автомобильная экспедиция, а не экскурсионная поездка* (Движение Первых. 20.05.2026);

– указательные местоимения, связывающие поясняемое с поясняющим: *Ключевая особенность проекта — автомобильная экспедиция, а не экскурсионная поездка. Такой формат дает больше возможностей добраться до отдалённых мемориалов...* (Движение Первых. 20.05.2026).

1.3. Тактика детализации

Суть тактики — пояснение путем конкретизации, описания деталей происходящего/произошедшего.

Речевые средства реализации тактики.

1. Лексико-фразеологические средства:

– слова одной гиперо-гипонимической группы: *Здесь активисты из России и Беларуси приняли участие в турнире по национальным видам спорта — лапта, гири, городки, мас-рестлинг* (Движение Первых. 20.05.2026).

2. Грамматические средства:

– пояснительные союзы *а именно, то есть, в том числе*: *Молодожёны представят разные народы России, в том числе малочисленные коренные* (Росмолодежь. 17.05.2026);

– ряды однородных членов предложения: *На площадке встретились ветераны и участники специальной военной операции, педагоги, наставники, юнармейцы, лидеры общественных организаций, волонтеры, представители власти и активная молодёжь* (Росмолодежь. 07.12.2025 г.).

1.4. Тактика структурирования

Суть тактики — облегчение восприятия текста путем рубрикации, нумерации, выделения частей текста.

Речевые средства реализации тактики.

1. Лексико-фразеологические средства:

– слова и сочетания, обозначающие этапы: *открытие, результаты, выводы, итог, завершение, финал, этап*: *Торжественная церемония открытия прошла в Североморске... Финальной точкой маршрута стала столица Беларуси... Главным результатом экспедиции станет создание сообщества «послов памяти»...* (Движение Первых).

2. Грамматические средства:

– числительные: *На первом этапе проекта мы подготовим экскурсионный маршрут... На втором этапе проекта мы пригласим целевую аудиторию — молодежь...* (АНО НПП «КультПРОсветь». ВКонтакте).

2. Стратегия побуждения

Стратегия побуждения — совокупность речевых действий, направленных на стимулирование адресата к конкретным действиям (в нашем случае — участвовать в мероприятиях в сфере молодежной политики, направленных на формирование духовно-нравственных ценностей).

2.1. Тактики призыва

Речевые средства реализации тактики. Лексико-фразеологические средства:

– слова и сочетания со значением призыва: *призываю, должны, надо, достаточно* в значении «надо», *(мы) ждем, (мы) приглашаем*: *Мы ждем всех желающих принять участие в наших активностях!* (АНО НПП «Культпросветь». ВКонтакте);

– СПП с придаточным цели, содержащим скрытый призыв: *Чтобы присоединиться к движению РСО, бесплатно обучиться востребованным рабочим профессиям и трудоустроиться на масштабные проекты не только в России, но и за рубежом, достаточно заполнить простую форму...или позвонить...* (Росмолодежь. 27.04.2026).

2.2. Тактика анонсирования

Суть тактики — информирование о предстоящих событиях, привлечение внимания адресата к планируемым мероприятиям, пробуждение интереса к ним, побуждение к ожиданию.

Речевые средства реализации тактики.

1. Лексико-фразеологические средства:

– слова и сочетания со значением планирования: *планировать, предстоит*: *В рамках деловой программы запланированы лекции, дискуссии...* (Росмолодежь. 07.12.2025);

– темпоративы: *в этом году, вновь*: *В этом году мы вновь открываем дорогу на Шумшу для 150 молодых исследователей...* (Росмолодежь. 10.02.2026).

2. Грамматические средства:

– глаголы в форме изъявительного наклонения будущего времени: *Традиционно важной частью праздника станут «Просветительские диалоги»* (Росмолодежь. 01.10.2026);

– вопросно-ответные композиции: *Каковы наши планы? На первом этапе проекта мы подготовим экскурсионный маршрут...* (АНО НПП «КультПРОсветь». ВКонтакте).

2.3. Тактика апелляции к выгоде (разъяснения преимуществ)

Суть тактики — показать преимущества, выгоду, которые адресат получит в случае выполнения действий, к которым призывает адресант.

Речевые средства реализации тактики.

1. Лексико-фразеологические средства:

— слова и сочетания с семантикой выгоды: *выгодный, бесплатный, воспользоваться возможностью, приз: Участвуйте и получайте призы!* (АНО НПП «КультПРОсвет»).
2. Грамматические средства:

— обособленные обстоятельства условия, СПП с придаточными условия, содержащие скрытый призыв: *Благодаря регистрации волонтеры также смогут получить волонтерские часы и экобаллы* (Движение Первых. 18.04.2026);

— числительные, выражающие статистику благополучателей: *с 2021 года такой возможностью воспользовались уже более 170 тысяч человек* (Движение Первых. 27.04.2026 г.).

2.4. Тактика интерактивности (обратной связи)

Суть тактики — побуждение адресата к активному вниманию, к ответной коммуникации, обратной связи путем вовлечения в коммуникацию.

Речевые средства реализации тактики.

1. Лексико-фразеологические средства:

— слова и фразеологизмы, обозначающие основные понятия обратной связи: *обратная связь, анкета, опрос, комментарии, лайки, отзывы, мнение: В рамках реализации проекта... мы запускаем входное анкетирование...; Нам важно мнение каждого из вас...* (АНО НПП «КультПРОсвет»). ВКонтате); *В этом году мы проводим субботники в самых разных форматах, на которые можно зарегистрироваться всем желающим через единый портал экологии России.рф.* (Движение Первых. 18.04.2026).

2. Грамматические средства:

— глаголы в форме повелительного наклонения либо в значении повелительного наклонения: *Ответить на вопросы анкеты вы можете по ссылке...* (АНО НПП «КультПРОсвет»);

— гипертекст: *Чтобы принять участие в турнире, необходимо зарегистрироваться на сайте* (Росмолодежь. 14.09.2024).

3. Стратегия убеждения

Стратегия убеждения — совокупность речевых действий, направленных на изменение мнений, взглядов или установок адресата (в нашем случае — принятие ценностных установок, формирование ценностного

отношения к понятиям). Коммуникативная цель — убежденность в ценности транслируемого понятия.

3.1. Тактика эксплицитной номинации ценности

Суть тактики — прямая ценностная квалификация понятия, явное указание на его ценность.

Речевые средства реализации тактики.

1. Лексико-фразеологические средства:

— прямая номинация: слова с корнем -цен-: существительное *ценность, цена*, прилагательное *ценностный*, глаголы *ценить, цениться, оценить, оцениваться*, а также их синонимы: *Семья — главная ценность для всех нас...* (Росмолодежь, 27.05.2026); *Только там, на линии огня, понимаешь настоящую цену дружбы, верности и чести* (Роспатриотцентр. 13.05.2026).

2. Грамматические средства:

— конструкции N_1-N_1 со сказуемым-существительным, номинирующим ценность: *Семья — главная ценность для всех нас...* (Росмолодежь, 27.05.2026);

— конструкции N_1-Adj_1 со сказуемым-прилагательным, номинирующим ценность: *...Это очень ценно* (Росмолодежь, 03.12.2025).

3.2. Тактика имплицитной номинации ценности

Суть тактики — непрямая ценностная квалификация понятия, косвенное указание на его ценность.

Речевые средства реализации тактики.

1. Лексико-фразеологические средства:

— слова с семантикой необходимости, долженствования: *должно, нужно, необходимо, важно: Участвуя в акции Движения Первых, я поняла, насколько важно знать свою историю* (будьвдвижении.рф. 18.03.2026);

— слова со значением целеполагания: *цель, задача: Наша задача — показать каждому герою, что его служение Родине не закончилось...* (Роспатриотцентр. 13.05.2026);

— слова со значением улучшения, приумножения, накопления: *укрепить, улучшить, приумножить: ... игра поможет укрепить семейные ценности* (будьвдвижении.рф. 17.03.2026);

— слова со значением достижения: *...открывает новые возможности для воспитания детей и молодежи в духе патриотизма* (Росмолодежь. 04.12.2025);

— слова со значением создания: *создать, сформировать: сформировать общероссийские семейные традиции* (будьвдвижении.рф. 17.03.2026);

— слова со значением сохранности, памяти, заботы: *хранить, сохранить, помнить,*

бережь: ...формируем культуру бережного отношения к окружающему миру (Росмолодежь. 18.04.2026);

– слова со значением уверенности, веры: *Уверен, мы смогли отразить в них богатство народов...* (будьдвижении.рф. 30.04.2026).

2. Грамматические средства:

– СПП со значением цели: *Мы делаем это ради наших детей и внуков, чтобы спустя годы никто не смог исказить смысл этих событий или стереть память о мужестве наших героев* (Роспатриот-центр. 13.05.2026).

3.3. Тактика единения, приобщения

Суть тактики — установление контакта с адресатом, привлечение на свою сторону, приобщение его к своим ценностным ориентирам.

Речевые средства реализации тактики. Лексико-фразеологические средства:

– слова и сочетания со значением единения, общности, приобщения: *единство, единый, объединять, общий, общность, согласие, дружба, вместе* и т. п.: *У нас один код, одна Победа* (Росмолодежь, 19.05.2026);

– грамматические: местоимения *мы, наш, свой*.

3.4. Тактика разъединения, разобщения

Суть тактики — отчуждение, отказ от того, что не является ценным, исключение понятий из ценностных ориентиров.

Речевые средства реализации тактики. Лексико-фразеологические средства:

– лексические: слова со значением отчуждения: *...«Александр Невский» — борьба с фальсификацией истории, противодействие информационным и внешнеполитическим угрозам...* (Росмолодежь. 07.12.2025);

– грамматические: местоимения *их, чужой, не наш*.

3.5. Тактика создания положительного/отрицательного образа

Суть тактики — оценочная квалификация объектов и понятий: положительная оценочная квалификация ценности / отрицательная оценочная квалификация антиценности. Данная тактика является одной из частных тактик стратегии редуцирования как речевых действий субъекта коммуникации, направленных на упрощение актуальных проблем¹,

¹ Миронова, П. О. Стратегия редуционизма в современном политическом дискурсе: когнитивно-прагматический аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Миронова Полина Олеговна. — Омск, 2003. — 184 с.; Карамова, А. А. Современный политический дискурс (конец XX — начало

в нашем случае — на разделение на хорошее и плохое, белое и черное, свое и чужое.

Речевые средства реализации тактики.

1. Лексико-фразеологические средства:

– слова и сочетания с оценочным значением: с положительной оценкой: *хороший, плохой, нужный, полезный, ненужный, бесполезный* и т. п.: *Наши военнослужащие — реальные образцы гражданственности, служения и ответственности, они личным примером показывают настоящую любовь и преданность Родине* (Молодежная газета, 18.10.2025); с отрицательной оценкой: *уго неонацистского режима; кто бросает мир в новые войны и кризисы, извлекая из этой трагедии свою кровавую выгоду;*

– слова и сочетания, номинирующее эмоциональное отношение: *выражать благодарность, благодарить, быть признательным, осуждать, выражать недовольство* и т. п.: *...это наша личная благодарность защитникам мира и вклад в сохранение исторической правды* (Роспатриотцентр, 24.04.2026).

2. Грамматические средства:

– синтаксические конструкции N_1-N_1 , где сказуемое выражено оценочным словом: *Россия — открытая и гостеприимная страна* (Росмолодежь, 10.02.2026);

– синтаксические конструкции N_1-Adj_1 , где сказуемое выражено оценочным прилагательным: *Наши ветераны — люди с опаленным войной сердцем, которым можно доверить любую задачу, но при этом они очень скромны и часто считают свой подвиг просто службой* (Роспатриотцентр, 13.05.2026);

– синтаксические конструкции $Inf-N_1$, где сказуемое выражено оценочной номинацией: *Быть молодым Героем — настоящее счастье* (Роспатриотцентр, 09.12.2024);

– СПП с придаточным определительным, семантика которого сводится к оценке: *Наши ветераны — люди с опаленным войной сердцем* (Роспатриотцентр, 13.05.2026).

3.6. Тактика метафорического моделирования

Суть тактики — метафорическое моделирование определенной (ценностной) картины мира, в данном случае на первый план выходит когнитивная функция метафоры.

Речевые средства реализации тактики. Лексико-фразеологические средства:

– метафорические модели: «ценность — это здание, сооружение, дом»: *...крепость родственных уз, взаимное уважение,*

XXI вв.) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Карамова Айгуль Айратовна. — Уфа, 2013.

поддержка и забота друг о друге — прочный фундамент, на котором строится современное российское общество (будьвдвижении.рф. 17.03.2026); **Именно семья остается нашей главной опорой** (будьвдвижении.рф. 17.03.2026).

3.7. Тактики апелляции

Суть тактик — привлечение авторитетных мнений, исторических фактов, собственного опыта адресанта для более аргументированного воздействия.

3.7.1. Тактика апелляции к авторитету

Речевые средства реализации тактики.

1. Лексико-фразеологические средства:

– онимы:

– антропонимы и официонимы: **...отметила статс-секретарь — заместитель Министра обороны РФ, председатель фонда «Защитники Отечества» Анна Цивилева; ...отметил руководитель Росмолодёжи Григорий Гуров** (будьвдвижении. 18.04.2026);

– библионимы: **в Евангелии Христос Спаситель говорит нам...** (Росмолодежь, 15.11.2025).

2. Грамматические средства:

– цитаты (прямые и описательные): **В Евангелии Христос Спаситель говорит нам: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного»** (Росмолодежь, 15.11.2025);

– модальные слова: **по словам, как говорит, как гласит: ... поделился Гуров... По его словам...** (РАПСИ. 10.02.2026).

3.7.2. Тактика апелляции к истории

Речевые средства реализации тактики.

1. Лексико-фразеологические средства:

– темпоративы: **память, мемориал, памятник, архивы, навечно будущее, поколение, память, история, сохранить, обеспечить сохранность памяти, храниться: Такие акции, как Диктант, нам дают возможность еще раз вспомнить о великих подвигах** (Роспатриоцентр, 24.04.2026);

– хрононимы: **...помогла нашему народу выстоять в годы Великой Отечественной войны** (Роспатриоцентр, 24.04.2026).

2. Грамматические средства:

– нумеративы: **В этом году исполняется 85 лет с начала Великой Отечественной войны** (Роспатриоцентр, 12.05.2026).

3.7.3. Тактика апелляции к собственному опыту

Речевые средства реализации тактики.

1. Лексико-фразеологические средства:

– слова и сочетания со значением памяти: **помнить, держать в памяти, держать в уме** и т. п.;

– слова и сочетания со значением знания: **иметь опыт, опыт, быть опытным, знать по себе.**

2. Грамматические средства:

– личное местоимение я,

– притяжательное местоимение мой,

– модальные слова типа **помнится, вспоминается, по моему опыту,**

– конструкции типа: **У меня был случай, когда..., Знаю по своему опыту, что...** и т. п.: **Я знаю по себе, как непросто вернуться, когда кажется, что душа осталась на поле боя,**

– формы глагола изъявительного наклонения прошедшего времени.

3.8. Тактики темпоральных характеристик

Суть тактик — через описание фактов и создание образов прошлого, настоящего и будущего, демонстрации их связи, закрепить ценности, утвердив их традиционный, устойчивый и непреходящий характер.

3.8.1. Тактика создания темпоральных образов

Речевые средства реализации тактики.

Лексико-фразеологические средства:

– лексические: темпоративы (слова с темпоральной семантикой): **прошрое, будущее, настоящее, предки, поколения наследники, прошрое, предки, сегодня, история, времена** и т. п.: **Это пространство, где прошрое, настоящее и будущее России встречаются, чтобы вместе говорить на языке дел, а не слов** (Росмолодежь. 07.12.2025);

– СПП с придаточным времени: **Сегодня, когда мир сталкивается с новыми вызовами и испытаниями, как никогда важно доказать, что мы — наследники великого прошлого** (Роспатриоцентр, 05.06.2025).

3.8.2. Тактика прогнозирования (указания на перспективу)

Речевые средства реализации тактики.

1. Лексико-фразеологические средства:

– слова со значением перспективы: **продолжить, в дальнейшем, планировать, перспектива: Опыт Чувашии планируют тиражировать на всю страну** (Роспатриоцентр. 13.05.2026).

2. Грамматические средства:

– глаголы изъявительного наклонения будущего времени: **Главным результатом экспедиции станет создание сообщества «послов памяти»... — участников, которые продолжат просветительскую работу в своих регионах и странах...**

3.8.3. Тактика ретроспекции

Речевые средства реализации тактики.

1. Лексико-фразеологические средства: **вспомнить, вернуться** в значении «вспомнить», **оглянуться назад.**

2. Грамматические средства:
– глаголы изъявительного наклонения прошедшего времени: *Впервые фестиваль прошёл в 2024 году в рамках Международной выставки-форума «Россия»* (Росмолодежь. 17.05.2026).

3.9. Тактика статистики

Суть тактики — привести количественные данные о большом охвате целевой аудитории проводимыми мероприятиями, обширной географии и т. п., подтверждающие востребованность, нужность транслируемых понятий.

Речевые средства реализации тактики.

Лексико-фразеологические средства:

– слова со значением количества, меры: *масса (народу), аудитория (люди), превышать, более, свыше* и т. п.

2. Грамматические средства:

– числительные: *Проект реализуется в 9 регионах России и 6 областях Республики Беларусь, в нем приняли участие 195 человек* (Росмол. 03.12.2025);

– модальные слова: *по данным, согласно статистике: По последним данным, за год на реализацию таких практик было выделено 1,1 миллиардов рублей, поддержку получили свыше двух тысяч проектов* (РАПСИ. 10.02.2026).

3.10. Тактика иллюстрирования, наглядности

Суть тактики — приведение примера, иллюстрация.

Речевые средства реализации тактики.

Лексико-фразеологические средства:

– слова и сочетания типа *пример, иллюстрация, показывать, показывать на примере*: *Молодёжь через труд показывает свою ответственность за то место, где она живёт и учится* (Росмолодежь, 18.04.2026);

– грамматические: модальные слова: *например, к примеру, так: Так, во время формата акции «Этно-лаборатория: в гостях у народов России» первичные отделения Движения Первых и образовательные организации проводили тематические недели (будбвдвдвижении. 30.04.2026).*

3.11. Тактика рассуждения, разъяснения сути понятия

Суть тактики — дать пояснение ценностным понятиям.

Речевые средства реализации тактики.

1. Лексико-фразеологические средства:

– слова со значением понимания: *понимать, воспринимать: Не нужно воспринимать патриотизм только как военную службу* (Владимирские новости. 06.06.2025);

2. Грамматические средства:

– СПП с определительным придаточным: *...за каждым именем — человек, который уже никогда не вернётся домой;*

– СПП с изъяснительным придаточным с семантикой пояснения: *Надо понимать: что такое патриотизм, а что такое псевдопатриотизм* (Росмолодежь, 23.07.2025);

– СПП с придаточным цели: *Мы делаем это ради наших детей и внуков, чтобы спустя годы никто не смог исказить смысл этих событий или стереть память о мужестве наших героев* (Роспатриоцентр, 13.05.2026);

– конструкция N1-N1 со сказуемым, дающим определение, толкование подлежащему: *Патриотизм — это ведь не просто красивое слово.*

3.12. Тактика придания значимости, статусности объекта

Суть тактики — показать значимость, статусность объекта, чтобы привлечь к нему внимание адресата.

Речевые средства реализации тактики.

1. Лексико-фразеологические средства:

– онимы: хрононимы: *Год защитника Отечества и год 80-летия Великой Победы*; топонимы: *Беларусь, Абхазия, Италия, Казахстан, Индия, Китай, Куба*; темпоративы: *80-летие*;

– слова и сочетания с семантикой большого охвата: *масштабный, значительный: III Всероссийский свадебный фестиваль станет еще масштабнее* (Росмолодежь. 27.05.2026).

2. Грамматические средства:

– однородные члены предложения: *Он объединил более 4000 участников из всех регионов России и представителей 24 зарубежных государств, включая Беларусь, Абхазию, Италию, Казахстан, Индию, Китай, Кубу и другие страны* (Росмолодежь, 07.12.2025);

– числительные: *более 4000, 24 зарубежных стран, в 7 раз*;

– предлоги с пространственным значением: *Впервые региональные площадки форума открылись в исторических музеях и патриотических центрах по всей стране, от Санкт-Петербурга до Владивостока* (Росмолодежь. 07.12.2026);

– местоимение *весь*.

II. По способу формирования и передачи информации

1. Стратегия линеаризации

Суть стратегии — формирование и подача информации в виде строгой, последовательной, логичной цепочки. (См. тактики и

примеры выше в рамках стратегии информирования.)

2. Стратегия дискретизации

Суть стратегии — приспособление информации к клиповому мышлению молодежи, проявляется в виде дробления информации на мелкие, автономные, легко усваиваемые блоки. Клиповое мышление — это «процесс отражения множества разнообразных свойств объектов, без учета связей между ними, характеризующийся фрагментарностью информационного потока, алогичностью, полной разнородностью поступающей информации, высокой скоростью переключения между частями, фрагментами информации, отсутствием целостной картины восприятия окружающего мира» [Фрумкин 2010].

2.1. Тактика гипертекстуальности

Речевые средства — гипертекст как текст, соединенный с другими текстами с помощью электронных ссылок (буквенно-цифровых кодов), позволяет адресату перейти к информации, необходимой для достижения коммуникативной цели отправителя: *Подробную информацию можно узнать в Положении, а также на [официальном сайте](#) Федерации воздушно-силовой атлетики России и в группе ФВСАР во [ВКонтакте](#)* (Росмолодежь. 04.08.2021)

2.2. Тактика структурирования заголовочного комплекса

Речевые средства — структурированные элементы заголовка, помогающие быстро понять суть текста, привлечь внимание, облегчить понимание:

— рубрика (указывает тему или раздел): *Всё для Победы* (Молодежная газета РБ);

— основной заголовок (выражает суть): *Народный избранник в зоне СВО* (Молодежная газета РБ. 29.07.2026);

— подзаголовок (уточняет основную мысль): *21 рейд и тонны груза для бойцов Башкирии* (Молодежная газета РБ. 29.07.2026);

— лид (короткий абзац, дающий вводную информацию): *В программе «СВОих не бросаем» на телеканале БСТ журналисты рассказали об Алексее Аслямове — меценате полка «Башкортостан» и депутате Уфимского района* (Молодежная газета РБ. 29.07.2026).

2.3. Тактика структурирования, акцентирования, компрессии информации

Средства выражения — графические (эмодзи, иконки, символы):

Участниками могут стать:

- авторы от 14 до 35 лет включительно
- граждане России и Республики Абхазия
- победители прошлых сезонов

 Напоминаем в ролике, как снимать видеовизитку (ВК. Росмолодежь. Гранты).

III. По средствам реализации

1. Стратегии моносемиотического типа

Суть стратегий — использование вербальных средств, не осложненных визуальными (примеры см. выше).

2. Стратегии полисемиотического типа

Суть стратегий — объединение в единое целое вербальных и визуальных средств.

2.1. Тактика дополнения

Речевые средства реализации тактики — креолизованные тексты, фактура которых состоит из двух и более негетерогенных частей: вербальной (языковой) и невербальной (принадлежащей другим знаковым системам, отличным от естественного языка) [Сорокин 1990: 180].

В качестве невербальных средств используются фото, логотипы, картинки, схемы и т. д. Например, в статье «Победители конкурса „Моя страна — моя Россия“ получают грантовую поддержку Росмолодежи», размещенной на официальном сайте ФГАИС Росмолодежь, содержится фото сельского населенного пункта на фоне природных красот (лес, река), снятое с высоты (Росмолодежь. 10.04.2020); в статье о запуске грантового проекта на сохранение культурного наследия Республики Башкортостан, размещенного в сообществе «ВКонтакте», содержится логотип проекта с изображением башкирской писательницы Хадии Давлетшиной (АНО НПП «КультПромсвёт») и т. п.

2.2. Тактика структурирования, акцентирования, компрессии

Средства реализации — эмодзи, символы, иконки.

(См. примеры выше.)

Для реализации всех рассмотренных стратегий привлекаются также дополнительные стилистические средства (лексико-фразеологические и грамматические). При этом использование их в рамках определенных стратегий неравномерно: от достаточного сдержанного использования при реализации тактик стратегии информирования до активного употребления всего арсенала имеющихся в языке средств при реализации тактик побуждения и убеждения.

При этом реализация коммуникативных стратегий вскрывает огромный стилистиче-

ский потенциал, казалось бы, изначально нестилистических средств. Например, показательно в этом плане употребление местоимений *мы, свой, наш*, которые довольно часто привлекаются в качестве дополнительного стилистического средства при реализации стратегии убеждения (имеются в виду случаи, когда они используются не в качестве основных грамматических средств при реализации тактики единения, приобщения): ...*мы* — *наследники великого прошлого*.

ВЫВОДЫ

Проведенный анализ позволил прийти к следующим выводам.

1. Формирование ценностной картины мира молодежи — это целенаправленный процесс, который является одной из приоритетных задач молодежной политики. Главная роль в этом отводится вербальным средствам, без которых невозможно довести до молодежной аудитории нужную информацию, разъяснить ее, побудить к определенным действиям (участию в мероприятиях — проектах, акциях и т. п.), убедить в непреложности транслируемых ценностей.

2. Выявлено 3 речевых стратегии по интенции, которые используются в целях формирования ценностной картины мира молодежи средствами политического медиадискурса. Первая — стратегия информирования, направленная на передачу адресату достоверной информации, ее разъяснение, облегчение восприятия (эта информация касается мероприятий, проводимых в сфере молодежной политики и ориентированных на формирование традиционных духовно-нравственных ценностей). Данная стратегия направлена на то, чтобы не только проинформировать адресата, но и вызвать первоначальный интерес к объекту информации, тем самым сформировать готовность адресата к дальнейшей коммуникации, подготовить «почву» для воздействия на него. Вторая стратегия — побуждение, направленное на стимулирование адресата к конкретным действиям. Призвана побудить к активному участию молодежи в мероприятиях, поскольку формирование ценностной картины мира не может быть осуществлено без вовлечения молодежи в процессы, формирующие эту картину. Третья стратегия — убеждение, направленное на изменение мнений, взглядов или установок адресата, иными словами, на конструирование его ценностной картины мира. Нацелена на формирование у адресата ценностного отношения к транслируемым понятиям. Данные речевые стратегии представляют собой

систему, действуют в комплексе, взаимосвязаны и взаимообусловлены.

3. Стратегия убеждения занимает центральное место в системе рассмотренных стратегий. Во-первых, она представлена наибольшим разнообразием тактик (количественное соотношение составляет 4:1 по отношению к тактикам стратегии информирования и побуждения); во-вторых, для ее реализации привлекается наибольшее разнообразие дополнительных стилистических речевых средств лексико-фразеологического и грамматического уровней, что говорит о том, что она обладает наибольшей силой воздействия; в-третьих, именно для реализации данной стратегии используются специфические, чисто «ценностные» тактики; в-четвертых, примеры реализации тактик стратегии убеждения представлены наибольшим количеством единиц. Наиболее частотными из них являются тактики прямой и имплицитной номинации ценности, тактика создания положительного образа, тактика единения, приобщения, тактика создания темпоральных образов.

4. В текстах, ориентированных на современную молодежную аудиторию, активно используются специфические для данной аудитории коммуникативные средства — тактики дискретизации, способствующие приспособлению информации к клиповому мышлению молодежи, тактики полисемиотического типа, совмещающими вербальные и невербальные (визуальные), тактики редуцирования — упрощения информации.

5. Для реализации стратегий, направленных на формирование ценностной картины мира, используются универсальные тактики, актуальные для всех типов дискурса, разных коммуникативных ситуаций и целей (тактики прямой презентации, комментирования информации, структурирования информации, детализации информации и т. п.), тактики, заимствованные из других типов дискурса (например, специфическая рекламная тактика апелляции к выгоде), а также «собственно ценностные» тактики (например, тактики эксплицитной и имплицитной номинации ценности).

6. В реализации коммуникативных стратегий используются специальные и дополнительные речевые средства разных уровней (лексико-фразеологического и грамматического). К специальным относятся те, которые непосредственно работают на реализацию тактики, без которых тактика не может быть осуществлена. К дополнительным — стилистические, выразительные средства, усиливающие эффект работы основных средств. Использование дополнительных средств в

разных стратегиях неравномерно. Наиболее частотны они в реализации тактик побуждения и убеждения. Гораздо реже стилистические средства применяются в стратегиях информирования.

7. Система языка располагает средствами разных уровней, обладающими потенциалом, позволяющим привлекать их в определенных коммуникативных целях. При этом не существует средств, специфических для определенной стратегии. Здесь можно говорить только о наиболее характерных особенностях речевых средств, привязывающих их к определенной стратегии. Так, свойство глаголов в форме изъявительного наклонения выражать реальную модальность и представлять действие как объективный факт позволяет эксплуатировать эту способность при реализации стратегии информирования, соотносённость онимов с конкретным единичным денотатом также привязывает их к реализации стратегии информирования и т. п.

8. Одно и то же речевое средство может по-разному квалифицироваться в разных тактиках. Например, местоимение *наш*, которое используется для реализации тактики единения как основное грамматическое средство. Для реализации других тактик оно чаще привлекается в качестве дополнительного стилистического средства, усиливающего воздействующий эффект: *Семья — наша главная ценность* (это тактика эксплицитной номинации, слово *наша* в данном примере можно квалифицировать как стилистическое средство — эпитет).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — 2-е издание, исправленное. — Москва : Языки русской культуры, 1999. — 896 с. — ISBN 5-7859-0027-0. — EDN YLAWAR.
2. Волкова, С. Н. Проблемы классификации периферийных онимов в художественном тексте (на материале романа О. Ермакова «Знак зверя») / С. Н. Волкова // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. — 2010. — № 6. — С. 8–15. — EDN OORTJV.
3. Горячев, А. А. Опыт моделирования речевого воздействия в рекламной коммуникации / А. А. Горячев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2009. — № 110. — С. 182–189. — EDN KUIDJT.
4. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. — Москва : ЛЕНАНД, 2020. — 308 с. — ISBN 978-5-9519-2993-8.
5. Карасик, В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. — Москва : Гнозис, 2009. — 408 с. — ISBN 978-5-94244-030-5. — EDN QUTWBB.
6. Клюев, Е. В. Речевая коммуникация: успешность речевого взаимодействия / Е. В. Клюев. — Москва : Рипол классик, 2002. — 320 с. — ISBN 5-7905-1349-2.
7. Макаров, М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. — Москва : ИТДГК «Гнозис», 2003. — 280 с. — ISBN 5-94244-005-0.

8. Михалёва, О. Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия / О. Л. Михалёва. — Москва : URSS, 2008. — 252 с. — ISBN 978-5-397-00227-1.

9. Подольская, Н. В. Собственное имя / Н. В. Подольская // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. — Москва : Советская энцикл., 1990. — С. 473–474. — ISBN 5-85270-031-2.

10. Попова, З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж : Истоки, 2001. — 191 с. — EDN UDBLDL.

11. Реферовская, Е. А. Наклонение / Е. А. Реферовская // Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. — Москва : Советская энцикл., 1990. — С. 321–322. — ISBN 5-85270-031-2.

12. Романова, Т. П. Ивентоним как особый тип рекламного имени / Т. П. Романова // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология : материалы IV Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 09–13 сент. 2019 г.) / отв. ред. Е. Л. Березович ; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Институт славяноведения РАН. — Екатеринбург : Урал. фед. ун-т имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2019. — С. 287–289. — EDN APACLZ.

13. Рытникова, Я. Т. Гармония и дисгармония в открытой семейной беседе / Я. Т. Рытникова // Русская разговорная речь как явление городской культуры. — Екатеринбург : Арго, 1996. — С. 94–115. — ISBN 5-85956-046-X.

14. Сорокин, Ю. А. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия / отв. ред. Р. Г. Котов. — Москва : Наука, 1990. — С. 180–186. — ISBN 5-02-010983-5.

15. Фрумкин, К. Г. Клиповое мышление и судьба линейного текста / К. Г. Фрумкин // Топос: литературно-философский журнал. — 2010. — URL: <https://www.topos.ru/article/7371> (дата обращения: 22.04.2026).

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (1999). *Yazyk i mir cheloveka* = Language and the World of Man. Moscow: Languages of Russian Culture, 896 p. ISBN 5-7859-0027-0. EDN YLAWAR.
2. Volkova, S. N. (2010). Problemy klassifikatsii periferijnyh onimov v hudozhestvennom tekste (na materiale romana O. Ermakova «Znak zverya») = Problems of Classifying Peripheral Onyms in Fiction (Based on O. Ermakov's Novel "The Mark of the Beast"). *Bulletin of V.N. Tatishchev Volzhsky University*, 6, 8–15. EDN OORTJV.
3. Goryachev, A. A. (2009). Opyt modelirovaniya rechevogo vozdejstviya v reklame = Experience of Modeling Speech Impact in Advertising Communication. *Bulletin of the A.I. Herzen Russian State Pedagogical University*, 110, 182–189. EDN KUIDJT.
4. Issers, O. S. (2020). Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi = Communicative Strategies and Tactics of Russian Speech. — Moscow: LENAND, 308 p. ISBN 978-5-9519-2993-8.
5. Karasik, V. I. (2009). *Yazykovye klyuchi* = Language Keys. Moscow: Gnozis, 408 p. ISBN 978-5-94244-030-5. EDN QUTWBB.
6. Klyuev, E. V. (2002). *Recheyaya kommunikaciya: Uspeshnost' rechevogo vzaimodejstviya* = Speech Communication: Success of Speech Interaction. Moscow: Ripol klassik, 320 p. ISBN 5-7905-1349-2.
7. Makarov, M. L. (2003). *Osnovy teorii diskursa* = Fundamentals of Discourse Theory. Moscow: Gnozis, 280 p. ISBN 5-94244-005-0.
8. Mihalyova, O. L. (2008). *Politicheskij diskurs: Specifika manipulyativnogo vozdejstviya* = Political Discourse: Specifics of Manipulative Influence. Moscow: URSS, 252 p. ISBN 978-5-397-00227-1.
9. Podol'skaya, N. V. (1990). *Sobstvennoe imya* = Proper Name. *Linguistic Encyclopedic Dictionary* (Ed. V. N. Yarceva), 473–474. Moscow.
10. Popova, Z. D., Sternin, I. A. (2001). *Ocherki po kognitivnoj lingvistike* = Essays on Cognitive Linguistics. Voronezh, 191 p. EDN UDBLDL.
11. Referovskaya, E. A. (1990). *Naklonenie* = Mood. *Linguistic Encyclopedic Dictionary* (Ed. V. N. Yarceva), 321–322. Moscow.

12. Romanova, T. P. (2019). Iventonim kak osobyj tip reklam-nogo imeni = Eventonym as a Special Type of Advertising Name. *Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology. Proc. of the IV Int. sci. conf. (Ekaterinburg, September 9–13, 2019, ed. E. L. Berezovich)*, 287–289. Ekaterinburg: Ural Federal Univ. n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin. EDN APACLZ.

13. Rytnikova, Ya. T. (1996). Garmoniya i disgarmoniya v ot-krytoj semejnoy besede = Harmony and Disharmony in Open Family Conversation. *Russian Colloquial Speech as an Urban Cultural Phenomenon*, 94–115. Ekaterinburg: Argo. ISBN 5-85956-046-X.

14. Sorokin, Yu. A., Tarasov, E. F. (1990). Kreolizovannye teksty i ih kommunikativnaya funkciya = Creolized Texts and Their Communicative Function. *Optimization of Speech Impact (Ed. R. G. Kotov)*, 180–186. Moscow: Science. ISBN 5-02-010983-5.

15. Frumkin, K. G. (2010). Klipovoe myshlenie i sud'ba linej-nogo teksta = Clip Thinking and the Fate of the Linear Text. *Topos: Literary and Philosophical Journal*. Available at April 22, 2026 from <https://www.topos.ru/article/7371>.

Политическая лингвистика. 2026. № 4 (118).
Political Linguistics. 2026. No 4 (118).

УДК 811.161.1'42+811.161.1'38+070
ББК Ш141.12-51+Ш141.12-55+Ц451

ГРНТИ 19.21.00

Код ВАК 5.9.9

Виктор Сергеевич Отт

Одинцовский филиал МГИМО (У) МИД России, Одинцово, Россия, v.ott@odin.mgimo.ru, SPIN-код: 9288-6449

Механизмы конструирования медиаобраза защитника Отечества в газете «Красная звезда»

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена теме конструирования медиаобраза защитника Отечества в современной отечественной прессе. Предметом исследования выступают механизмы конструирования фигуры защитника Отечества в текстовых материалах газеты «Красная звезда». Цель — выявить текстовые механизмы построения данного медиаобраза и определить основания его устойчивости. Методологическую основу составили качественный анализ медиатекстов, отобранных методом произвольной выборки, а также описательный и сопоставительный методы; теоретическая база включает положения лингвокультурологии о концепте и культурных константах и теорию прецедентных феноменов, а также различные подходы к пониманию медиаобраза. В результате предложено рабочее понятие медиаобраза защитника Отечества как создаваемого СМИ и объединяющего фактические сведения с ценностным отношением; обосновано выделение устойчивости как временной характеристики медиаобразов, дополняющей описанную в литературе кратковременность; установлено, что образ формируется посредством символической и прецедентной отсылок и оценочной номинации, обращающихся к содержанию, разделяемому автором и аудиторией. Показано, что при различии временных контекстов отдельные публикации соотносят героев с единым ценностным рядом, основанным на общей идее защиты Отечества. Сделан вывод, что устойчивость медиаобраза защитника Отечества обеспечивается его опорой на культурный концепт и соотносением героев с общей ценностью служения Отечеству. Результаты применимы в теории журналистики и медиалингвистике, в преподавании профильных дисциплин и в редакционной практике изданий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, российские СМИ, медиаобразы, газетные статьи, военная пресса, концепты, патриотизм, российские военнослужащие, защитники Отечества.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Отт Виктор Сергеевич, преподаватель кафедры английского языка, Одинцовский филиал Московского государственного института (университета) Министерства иностранных дел России, Одинцово, Россия.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Отт, В. С. Механизмы конструирования медиаобраза защитника Отечества в газете «Красная звезда» / В. С. Отт. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 4 (118). — С. 232-237.

Viktor S. Ott

MGIMO University Odintsovo Branch, Odintsovo, Russia, v.ott@odin.mgimo.ru, SPIN code: 9288-6449

Representing the Defender of the Fatherland in *Krasnaya Zvezda*: Mechanisms of Media Image Construction

ABSTRACT. This article examines the mechanisms for constructing the media image of the defender of the Fatherland in the contemporary Russian press, and specifically in *Krasnaya Zvezda*. The research aim is to identify these mechanisms and to discover social reasons for the long lifespan of the image. The study employs a qualitative analysis of arbitrarily sampled texts, complemented by descriptive and comparative methods; its theoretical framework draws on the linguocultural theory of concepts and cultural constants, precedent-phenomena theory, and various existing approaches to the media image. The article advances a definition of the media image of the defender of the Fatherland as a media representation fusing factual information with an evaluative stance. It argues that lifespan should be recognized as a temporal characteristic of media images, complementing the short-lived nature described in literature, and shows that the image is constructed through symbolic and precedent reference and evaluative nomination — devices drawing on content shared by author and audience. Across differing temporal contexts, publications align heroes with a single value framework grounded in a shared idea of defending the Fatherland. The lifespan of the image is grounded in the cultural concept and in the shared value of service to the Fatherland. The findings have implications for journalism theory, media linguistics, teaching, and editorial practice.

KEYWORDS: political discourse, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, Russian media, media images, newspaper articles, military press, concepts, patriotism, Russian military personnel, defenders of the Fatherland.

AUTHOR'S INFORMATION: Ott Viktor Sergeevich, Lecturer of Department of English, MGIMO University Odintsovo Branch, Russia.

FOR CITATION: Ott V. S. (2026). Representing the Defender of the Fatherland in *Krasnaya Zvezda*: Mechanisms of Media Image Construction. In *Political Linguistics*. No 4 (118), pp. 232-237. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

В ознаменование 80-летия Победы в Великой Отечественной войне, в благодарность ветеранам и в признание подвига участников специальной военной операции (СВО) Указом Президента РФ от 16 января 2025 года № 28 2025 год объявлен Годом защитника Отечества¹. Фигура защитника Отечества занимает особое место в общественном сознании россиян. Общеизвестно, что существенную роль в формировании общественных представлений играют СМИ — посредством отбора фактов, интерпретации событий, использования выразительных средств они участвуют в конструировании социально значимых образов и трансляции ценностных ориентиров. Фигура защитника Отечества обладает устойчивостью, несопоставимой со сроком жизни кратковременных (ситуативных) образов, который зависит от актуальности информационного повода.

Исследовательский интерес представляет то, как именно медиа создают образ защитника Отечества и за счет каких текстовых механизмов он сохраняет устойчивость.

Материалом исследования избрана газета «Красная звезда», выходящая с 1 января 1924 года, учрежденная Министерством обороны РФ и с 2018 года выходящая как газета Вооруженных Сил РФ (ВС РФ). Для газеты ВС РФ тема защиты Отечества — это не периодический сюжет, а постоянное содержание, вследствие чего механизмы построения соответствующих медиаобразов, вероятно, будут проявляться в ней особенно отчетливо.

Эмпирическую основу составили три публикации «Красной звезды» за 2025 год, отобранные по принципу произвольной выборки из открытого доступа на официальном сайте издания в сети Интернет (redstar.ru). Публикации представлены как показательные, насыщенные журналистскими средствами медиатексты, анализ которых позволяет раскрыть действие механизмов построения образа защитника Отечества. Анализ носит качественный характер и не предполагает корпусных обобщений.

ПОДХОДЫ К ОСМЫСЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ МЕДИАОБРАЗА

В качестве отправной точки представляется уместным обратиться к емкому определению медиаобраза в его широком смысле,

выдвинутому Т. Н. Галинской, которая трактует его как сконструированное в совокупности медиатекстов представление о реальности [Галинская 2013: 91].

Большая цитируемость прослеживается в отношении Е. Н. Богдан, рассматривающей медиаобраз России в том числе в контексте теории журналистики [Богдан 2007: 122]. В одной из своих работ автор предлагает трактовать медиаобраз как образ, порожаемый медиаиндустрией, и говорит о медиаобразе как об «особом образе реальности, предъявляемом массовой аудитории медиаиндустрией»².

Л. В. Хочунская рассматривает медиаобраз как ценностно окрашенное представление о медиаобъекте, закрепленное в медиатексте и формирующееся в процессе взаимодействия автора и аудитории; согласно ее подходу, медиаобраз включает ценностное отношение автора и предполагает ответное ценностное восприятие со стороны адресата [Хочунская 2013: 93].

Медиаобраз, согласно Е. Н. Богдан, двусоставен по своей натуре, поскольку объединяет в себе факты с ценностным отношением³. А. В. Марущак со ссылкой на Г. Шаталова указывала на двойственную природу медиаобраза, отмечая в нем эмоциональные и рациональные представления, которые формируются под воздействием медийного потока [Марущак 2012: 93].

Наряду с вышеупомянутой двойственностью Е. Г. Малышева и Ю. Е. Русакова в недавнем исследовании от 2024 года, систематизируя подходы к описанию медиаобраза, выделяют и ряд других дифференциальных признаков. В настоящем исследовании, исходя из поставленного нами вопроса об устойчивости образа защитника Отечества, внимание сосредоточено на временном измерении медиаобраза. С временным аспектом связана выделяемая авторами характеристика кратковременности, которая понимается как зависимость срока его существования от обстоятельств общественной жизни и актуальности отражаемого объекта [Малышева, Русакова 2024: 81]. Вместе с тем при исследовании медиаобраза защитника Отечества длительный характер общественной значимости его фигуры позволяет дополнить

¹ Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2025 г. № 28 «О проведении в Российской Федерации Года защитника Отечества». — Москва, Кремль. — Публ.: Сайт Президента России. — 16.01.2025. — URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51589> (дата обращения: 01.08.2026).

² Богдан, Е. Н. Медиаобраз России как средство консолидации общества: структурно-функциональные характеристики : дис. ... канд. филол. наук / Богдан Е. Н. — Москва, 2007. — 224 с. — Публ.: Dissercat. — URL: <https://www.dissercat.com/content/mediaobraz-rossii-kak-sredstvo-konsolidatsii-obshchestva-strukturno-funktsionalnye-kharakter> (дата обращения: 02.08.2026).

³ Там же.

теоретические представления о временном измерении медиаобразов моделью их длительного сохранения, которая в рассмотренных подходах отдельно не прослеживается как самостоятельная характеристика, противопоставленная кратковременности.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Исходя из представленного выше понимания кратковременности медиаобраза, срок жизни последнего является переменной величиной, поскольку он поставлен в зависимость от свойств объекта и текущей обстановки. Следовательно, можно констатировать, что для объектов широкой узнаваемости признак должен давать противоположные значения, в контексте чего необходимо говорить об устойчивости как свойстве медиаобразов.

В рамках настоящего исследования выдвигаемый взгляд на устойчивость как свойство медиаобраза предлагается связывать с тем, что в отечественной лингвокультурологии описывается понятием лингвокультурного концепта — многомерного ментального образования, в составе которого выделяют понятия, образная и ценностная составляющие [Карасик 2002: 91]. Концепт, следовательно, не просто содержит знание о фигуре или явлении, но и закрепляет отношение к ним. Близким по своей сути является представление о константах (концептах, присутствующих в культуре постоянно, на протяжении длительного исторического времени), введенное Ю. С. Степановым¹. Образ защитника Отечества опирается на устойчивое образование в культуре — на концепт, принадлежащий к числу констант. Представление о том, что защита Родины — дело достойное, издавна закреплено в сознании российского читателя и поддерживается исторической памятью, государственными праздниками, сферой образования, литературой, СМИ.

Таким образом, рассмотрение различных подходов к осмыслению медиаобраза позволяет уточнить его понимание применительно к предмету настоящего исследования, поскольку устройство конкретного медиаобраза защитника Отечества имеет свои особенности. В этой связи предлагается понятие медиаобраза защитника Отечества как создаваемого СМИ представления о защитнике Отечества как значимой фигуре, в котором фактические сведения о защитнике сочетаются с ценностным отношением и которое трансли-

руется массовой аудитории. В рамках настоящего исследования также постулируется устойчивый характер медиаобраза защитника Отечества, поскольку, в отличие от кратковременных медиаобразов, он сохраняет свое смысловое ядро и узнаваемые очертания в условиях смены исторических обстоятельств и целых поколений читателей.

Способы обращения СМИ к концепту формируют механизмы построения устойчивого образа, в контексте которого представляется целесообразным отобрать из научной литературы и рассмотреть прежде всего те, что обращаются к уже разделяемому читателем содержанию — символическая и прецедентная отсылки, а также оценочная номинация.

МЕХАНИЗМЫ УСТОЙЧИВОСТИ МЕДИАОБРАЗА

Символическая отсылка. Механизм, посредством которого краткая вербальная единица вводит в текст развернутое содержание, описан у И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудкова и Д. В. Багаевой. Символ понимается в их работе как означающее смысла, всегда «большее», чем знак, и содержащее, по замечанию А. Ф. Лосева, на которое ссылаются исследователи, обобщенный принцип дальнейшего развертывания свернутого в нем смыслового содержания [Захаренко и др. 1997: 87]. Действие символа в нашем случае соединяет описываемое событие с пластом представлений об истории, долге и памяти.

Прецедентная отсылка. Прецедентными, по Ю. Н. Караулову, называются тексты, хорошо известные всем представителям национально-культурного сообщества, значимые для них в познавательном и эмоциональном отношении и постоянно возобновляемые в речи [Караулов 2010: 216]. Прецедентное имя и прецедентное высказывание выступают, по определению И. В. Захаренко и соавторов, символами стоящих за ними текстов и ситуаций [Захаренко и др. 1997: 86].

В рамках рассматриваемого механизма стоит также обратиться к понятию эталона, про который в своей статье писала И. В. Захаренко, отмечая, что прецедентное имя может выступать эталоном — мерой, с которой соотносится описываемое [Захаренко 1997: 86]. Фигура прошлого может идти вместе с фигурой настоящего как образец, вследствие чего имя героя современности продолжает уже существующий ряд, укрепляя его.

Отмечается в работах по прецедентности и парольная функция — узнавание отсылки к общему для сообщества феномену служит знаком принадлежности к нему и

¹ Степанов, Ю. С. Константы : словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. — Изд. 3-е, испр. и доп. — Москва : Академический проект, 2004. — С. 84. — ISBN 5-8291-0388-5.

разделения его памяти [Опарина 2004: 175]. Читатель, опознающий отсылку, обнаруживает себя причастным к тому «мы», к которому обращен текст.

Оценочная номинация. На языковом уровне ценностное отношение может выражаться в выборе наименования. Как отмечает В. Н. Телия, наименование несет коннотативный компонент значения, в котором закреплено эмоционально-оценочное отношение к называемому [Телия 1986: 134]. Одно и то же лицо допускает несколько обозначений (военнослужащий, боец, защитник, воин, герой), и каждое помещает описываемое в свой смысловой ряд. Г. Я. Солганик называет социальную оценочность одной из основных стилиобразующих черт газетной речи¹.

Особое место среди средств номинации занимает метафора родства. Осмысление Родины через образ матери имеет в отечественной культуре давнюю традицию, закрепленную в устойчивом символе «Родины-матери», история и функции которого исследованы О. В. Рябовым [Рябов 2006: 33], а также М. Ю. Тимофеевым [Тимофеев 2016: 86].

Таким образом, указанные механизмы обращаются к содержанию, закреплённому в концепте, и соотносят с ним новый факт, что и формирует устойчивый медиаобраз и, собственно, отличает его от ситуативного, зависящего зачастую от текущих событий. Обозначенные механизмы прослеживаются в конкретных медиатекстах, рассмотренных далее.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ниже представлены результаты качественного анализа трех публикаций газеты ВС РФ «Красная звезда», где образ защитника Отечества составляет основное содержание текста. Образ этот в данном случае охватывает лиц, чья деятельность связана со служением и защитой Родины — от военачальника прошлого и участника Великой Отечественной войны до офицера, несущего службу сегодня.

1. Образ военачальника

Публикация Ю. Авдеева «Стратег. Полководец. Патриот» от 30 сентября 2025 года приурочена к 130-летию Маршала А. Василевского². Заголовок строится на троекрат-

ной номинации, где последний элемент переводит профессиональную характеристику в ценностную плоскость.

В тексте прямо употребляется понятие эталона, которым в материалах о прецедентности описывается соотнесение с образцом: жизнь военачальника названа эталоном преданности ратному делу и Родине, а сам он — примером несгибаемой воли и беззаветного служения. Так издание обозначает выстраиваемую фигуру как образец, прилагаемый к последующим поколениям.

Прецедентная отсылка выражается во введении кратких обозначений без пояснения (Сталинградская и Курская битвы, операция «Багратион», взятие Кёнигсберга), что позволяет вместить в газетный объем тридцатилетний военный путь; отдельные наименования сами приобретают прецедентный характер (архитектор Победы). Символическая отсылка представлена наградной атрибутикой («Золотая Звезда» Героя Советского Союза) и завершающим указанием на погребение в Кремлёвской стене — знаками, значение которых принадлежит разделяемому знанию. В статье наблюдается последовательная оценочная номинация: великий стратег, легендарный полководец, беззаветное служение. Фактическую основу образа составляют архивные документы — личное дело, директивы Ставки Верховного главнокомандования, боевые донесения.

2. Образ ветерана

Публикация О. Грозного «Из поколения победителей» от 15 августа 2025 года посвящена 105-летию полковника в отставке Л. В. Сошина, ветерана Великой Отечественной войны³. Номинация в заголовке идет через принадлежность к общности, переноса на конкретного человека оценку, закреплённую за целым поколением.

Прецедентный ряд схож с событийным рядом предыдущего материала о Маршале А. Василевском; два текста разных авторов, разделённые периодом в полтора месяца, опираются на схожий состав прецедентных ситуаций, что говорит нам о том, что издание работает с устойчивым набором феноменов.

Отчетливее всего прослеживается соотнесение прошлого с настоящим: ветеран следит за событиями СВО и выражает уверенность, что наследники фронтовой славы продолжают традиции победителей. Обозначение современных военнослужащих как наследников демонстрирует линию преем-

¹ Солганик, Г. Я. Публицистический стиль / Г. Я. Солганик // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожин. — 2-е изд., стер. — Москва : Флинта : Наука, 2011. — С. 313. — ISBN 978-5-89349-342-9.

² Авдеев, Ю. Стратег. Полководец. Патриот // Красная звезда. — 30.09.2025. — URL: <http://redstar.ru/strateg-polkovodets-patriot/> (дата обращения: 02.08.2026).

³ Грозный, О. Из поколения победителей // Красная звезда. — 15.08.2025. — URL: <http://redstar.ru/iz-pokoleniya-pobeditelej-3/> (дата обращения: 02.08.2026).

ственности, а само высказывание принадлежит непосредственно участнику войны — это придает высказыванию характер свидетельства. Военное учебное заведение (сегодня — Общевойсковая академия ВС РФ) представлено через все три исторических наименования, что подчеркивает преемственность и его истории, а также непрерывность институциональной традиции. Оценочная номинация статьи включает ряд лексем, таких как *заслуженный ветеран, фронтовик, наставник и учитель*. Последние две вновь отсылают нас к эталонной функции, отмечаемой в работах по прецедентности.

3. Образ современного защитника

Публикация С. Кураленко «Солдат России» от 15 сентября 2025 года посвящена генерал-майору П. И. Милыхину, получившему в Сирии тяжелейшее ранение и оставшемуся в строю¹. Материал написан сослуживцем героя, что задает форму личного свидетельства.

В заголовке генерал назван солдатом — обозначением исходной позиции в военной иерархии. Однако данное обозначение здесь выступает не званием, а указанием на принадлежность к общему делу служения Отечеству. Этот замысел подтверждается финалом, где путь героя описан как движение от солдата по призыву до генерала. Эталонная функция прослеживается в определении ратного пути как примера мужества, чести и негибаемой стойкости.

В данном материале показательно итоговое определение, соотносящее героя с исторической общностью. Генерал характеризуется как исполненный величия духа русского воинства, что ставит ныне живущего офицера в ряд, не имеющий временных границ. Прецедентная отсылка реализуется через обозначение сирийской командировки как Рубикона, феномена общекультурного. Символическая отсылка, в свою очередь, сосредоточена в боевом ордене (врученном в госпитале лично министром обороны) и в строе (единственная просьба героя состояла в том, чтобы остаться в строю). Фактическая основа насыщена подробностями, конкретизирующими образ и раскрывающими его через детали биографии.

Сопоставительный анализ

Проведенный анализ показал, что при различии материала механизмы построения образа в трех публикациях совпадают. Различия материала состоят в том, что три текста написаны разными авторами и посвяще-

ны людям, чьи жизненные пути относятся к разным временным (историческим) контекстам. Однако все три публикации строят образ через прецедентную отсылку, наградную символику и оценочную номинацию, и во всех присутствует эталонная функция.

В рассмотренных материалах ценностное содержание не сообщается как новое, поскольку значимость защиты Отечества и ценность служения Отечеству предполагаются известными и не требуют обоснования. Журналисты соотносят с этим известным содержанием конкретный фактический материал — биографию, документ, награду, дату.

Как указано выше, герои принадлежат разным временным (историческим) контекстам, однако издание не относит их к разным образным рядам, а помещает в один: ветеран говорит о наследниках фронтовой славы, современный генерал характеризуется через величие духа русского воинства, военачальник прошлого назван эталоном для последующих поколений. Следовательно, устойчивость образа защитника Отечества поддерживается тем, что каждый герой соотносится с общей идеей служения Отечеству, благодаря чему отдельные публикации воспроизводят единый ценностный ряд.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило выявить механизмы, посредством которых в газете «Красная звезда» конструируется медиаобраз защитника Отечества, и установить основания его устойчивости.

Рассмотрение существующих подходов показало, что временное измерение медиаобразов описывается в литературе преимущественно через кратковременность, тогда как для фигур широкой общественной значимости этот признак дает противоположные значения. В работе предложено дополнить описание временного измерения характеристикой устойчивости и сформулировано рабочее понятие медиаобраза защитника Отечества как создаваемого СМИ представления, в котором фактические сведения сочетаются с ценностным отношением.

Качественный анализ трех публикаций подтвердил, что образ строится посредством символической и прецедентной отсылки, а также оценочной номинации. Все три механизма обращаются к содержанию, разделяемому автором и аудиторией и закреплённому в культурном концепте.

По итогам сопоставительного анализа можно констатировать, что при различии авторов и временных (исторических) контекстов механизмы построения образа совпадают, а отдельные публикации соотносят героев

¹ Кураленко, С. Солдат России // Красная звезда. — 15.09.2025. — URL: <http://redstar.ru/soldat-rossii/> (дата обращения: 02.08.2026).

с единым ценностным рядом, основанным на общей ценности защиты Отечества.

Таким образом, устойчивость медиаобраза защитника Отечества обеспечивается его опорой на культурный концепт и соотносением героев с общей ценностью служения Отечеству.

Перспективы дальнейших исследований

Перспективным представляется применение предложенной модели анализа устойчивого медиаобраза через символическую и прецедентную отсылки и оценочную номинацию к более широкому корпусу публикаций, что позволило бы установить частотность рассмотренных механизмов и устойчивые сочетания между ними, а также применение этой модели к другим изданиям, обращающимся к патриотической тематике с иных институциональных позиций, для выявления различий в конструировании медиаобразов, которые, предположительно, могут быть обусловлены типом издания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Богдан, Е. Н. Медиаобраз России как понятие теории журналистики / Е. Н. Богдан // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. — 2007. — № 4. — С. 122–127. — EDN ICDAKV.
- Галинская, Т. Н. Понятие медиаобраза и проблема его реконструкции в современной лингвистике / Т. Н. Галинская // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2013. — № 11–160. — С. 91–94. — EDN RSXGRN.
- Захаренко, И. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация / ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. — Москва : Диалог-МГУ, 1997. — Вып. 1. — С. 82–103. — EDN UECILT.
- Захаренко, И. В. К вопросу о каноне и эталоне в сфере прецедентных феноменов / И. В. Захаренко // Язык, сознание, коммуникация / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. — Москва : Диалог-МГУ, 1997. — Вып. 1. — С. 104–113. — EDN UECICX.
- Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-88234-552-2. — EDN UGQAMP.
- Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Изд-во ЛКИ, 2010. — 264 с. — EDN RTDQLX.
- Малышева, Е. Г. Образ, медиаобраз, медиаобраз региона vs имидж, медиимидж, имидж региона: понятийно-терминологический аппарат современных российских исследований / Е. Г. Малышева, Ю. Е. Русакова // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. — 2024. — № 2(54). — С. 76–94. — DOI 10.25688/2076-913X.2024.54.2.06. — EDN SIDZJD.
- Марущак, А. В. Политико-социальный образ России в американском медиaprостранстве / А. В. Марущак // Журналистский ежегодник. — 2012. — № 1. — С. 93–96. — EDN PJBAPJ.
- Опарина, Е. О. Прецедентный текст и его роль в культурно-языковом социуме / Е. О. Опарина // Социолингвистика вчера и сегодня : сб. науч. трудов / отв. ред. Н. Н. Трошина. — Изд. 2-е., доп. — Москва, 2008. — С. 156–174. — EDN NBQCPH.
- Рябов, О. В. «Родина-мать»: история образа / О. В. Рябов // Женщина в российском обществе. — 2006. — № 3. — С. 33–46. — EDN JVKBZX.
- Телия, В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В. Н. Телия ; отв. ред. А. А. Уфимцева. — Москва : Наука, 1986. — 143 с.
- Тимофеев, М. Ю. Монументальный образ Родины-матери в политиках памяти современной России / М. Ю. Тимофеев // Вестник Пермского университета. История. — 2016. — № 4 (35). — С. 86–94. — DOI 10.17072/2219-3111-2016-4-86-94. — EDN XEPBNN.
- Хочунская, Л. В. Феномен медиаобраза: социально-психологический аспект / Л. В. Хочунская // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. — 2013. — № 2. — С. 91–95. — EDN QBWSDY.

REFERENCES

- Bogdan, E. N. (2007). Mediaobraz Rossii kak ponyatie teorii zhurnalistiki = Media image of Russia as a concept of the theory of journalism. *Moscow University Bulletin. Series 10. Journalism*, 4, 122–127.
- Galinskaya, T. N. (2013). Ponyatie mediaobraza i problema ego rekonstruktsii v sovremennoy lingvistike = The concept of media image and the problem of its reconstruction in contemporary linguistics. *Orenburg State University Bulletin*, 160(11), 91–94.
- Zakharenko, I. V., Krasnykh, V. V., Gudkov, D. B., Bagayeva, D. V. (1997). Pretsedentnoe imya i pretsedentnoe vyskazyvaniye kak simvolyy pretsedentnykh fenomenov = Precedent name and precedent statement as symbols of precedent phenomena. *Language, Consciousness, Communication. Collection of Articles* (Eds. V. V. Krasnykh, A. I. Izotov), 1, 82–103. Moscow: Filologiya.
- Zakharenko, I. V. (1997). K voprosu o kanone i etalone v sfere pretsedentnykh fenomenov = On the issue of canon and standard in the field of precedent phenomena. *Language, Consciousness, Communication. Collection of Articles* (Eds. V. V. Krasnykh, A. I. Izotov), 1, 104–113. Moscow: Filologiya.
- Karasik, V. I. (2002). Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs = Language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena, 477 p.
- Karaulov, Yu. N. (2010). Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost = Russian language and linguistic personality. 7th ed. Moscow: LKI Publishers, 264 p.
- Malysheva, E. G., Rusakova, Yu. E. (2024). Obraz, mediaobraz, mediaobraz regiona vs imidzh, mediimidzh, imidzh regiona: ponyatiyno-terminologicheskii apparat sovremennykh rossiyskikh issledovaniy = Image, media image, region media image vs reputation, media reputation, region reputation: conceptual and terminological apparatus of contemporary Russian research. *Moscow City Pedagogical University Bulletin. Series "Philology. Theory of Language. Language Education"*, 54(2), 76–94. DOI 10.25688/2076-913X.2024.54.2.06.
- Marushchak, A. V. (2012). Politiko-sotsialnyy obraz Rossii v amerikanskom mediaprostanstve = Political and social image of Russia in the American media. *Journalist Yearbook*, 1, 93–96.
- Oparina, E. O. (2004). Pretsedenny tekst i ego rol v kulturno-yazykovom sotsiуме = Precedent text and its role in the cultural-linguistic society. *Sociolinguistics Yesterday and Today*, 160–179.
- Ryabov, O. V. (2006). «Rodina-mat»: istoriya obraza = "Motherland-Mother": the history of the image. *Woman in Russian Society*, 3, 33–46.
- Teliya, V. N. (1986). Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinits = Connotative aspect of the semantics of nominative units. Moscow: Nauka, 143 p.
- Timofeev, M. Yu. (2016). Monumentalnyy obraz Rodiny-materi v politikakh pamyati sovremennoy Rossii = The monumental image of Motherland-Mother in the memory policies of modern Russia. *Perm University Bulletin. Series: History*, 35(4), 86–94.
- Khochunskaya, L. V. (2013). Fenomen mediaobraza: sotsialno-psikhologicheskii aspekt = The phenomenon of media image: socio-psychological aspect. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2, 91–95.

Политическая лингвистика. 2026. № 4 (118).
Political Linguistics. 2026. No 4 (118).

УДК 811.133.1'42+811.133.1'38+81'27
ББК Ш147.11-51+Ш147.11-55+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27

Код ВАК 5.9.8

Любовь Александровна Ульяницкая

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина),
Санкт-Петербург, Россия, ulianitckaia_liubov@mail.ru, SPIN-код: 4365-3577

Дискурсивные стратегии репрезентации западнофламандского языка в современной французской прессе

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена дискурсивной репрезентации западнофламандского языка во французских медиа. Предметом исследования являются способы языковой номинации, аргументации и оценивания, посредством которых французская пресса конструирует образ западнофламандского языка на фоне его официального признания региональным языком Франции в 2021 г. Цель работы — установить доминирующие дискурсивные стратегии репрезентации языка и определить, как они соотносятся с институциональными изменениями в отношении западнофламандского последних лет. Материалом послужил корпус из 61 медиатекста, охватывающий период с 2010 по 2026 год и включающий региональные газеты, общенациональные издания, теле- и радиоканалы, интернет-СМИ и официальные институциональные источники Франции. Методология сочетает критический дискурс-анализ с контекстуальным и лексико-семантическим анализом. Установлено, что медийный образ языка формируется четырьмя дискурсивными стратегиями: возрождения, институциональной легитимации, образовательной передачи и локальной идентичности, которые пронизаны темой трансграничности, при этом дискурс исчезновения практически отсутствует, уступая место менее заметному, но устойчивому дискурсу тревоги. Оптимистичный нарратив, доминирующий в медиа, рискует затушевать реальную демографическую уязвимость носителей. Результаты могут быть использованы в исследованиях языковой политики и медиалингвистики миноритарных языков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, французские СМИ, западнофламандский язык, критический дискурс-анализ, региональные языки, языковая политика, дискурсивные стратегии, дискурсивная репрезентация, средства репрезентации.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Ульяницкая Любовь Александровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия, email: ulianitckaia_liubov@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ульяницкая, Л. А. Дискурсивные стратегии репрезентации западнофламандского языка в современной французской прессе / Л. А. Ульяницкая. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 4 (118). — С. 238-246.

Lyubov' A. Ul'yanitskaya

Saint Petersburg State Electrotechnical University, Saint Petersburg, Russia, ulianitckaia_liubov@mail.ru, SPIN code: 4365-3577

Discursive Strategies of Representation of West Flemish in Contemporary French Print Media

ABSTRACT. This article examines the discursive representation of the West Flemish language in French print media. The study focuses on the strategies of linguistic nomination, argumentation, and evaluation through which the French print media constructs the image of West Flemish against the background of its recognition as a regional language of France in 2021. The aim of the article is to identify the dominant discursive strategies of representation of the language and to find out how they relate to recent institutional change in the attitude towards West Flemish. The practical research material comprises a corpus of 61 publications covering 2010—2026, including regional dailies, national papers, French and Belgian television and radio, online media, and official institutional sources. The research methodology combines critical discourse analysis with contextual and lexico-semantic analysis. The media image of the language is shown to be shaped by four discursive strategies — revival, institutional legitimation, education, and local identity — cut across by a recurring cross-border theme while the discourse of disappearance is virtually absent, giving way to a less prominent but persistent discourse of concern. The optimistic narrative that dominates the media risks obscuring the real demographic vulnerability of the speakers. The findings may be used in research on language policy and media linguistics of minority languages.

KEYWORDS: journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, French media, West Flemish language, critical discourse analysis, regional languages, language policy, discursive strategies, discursive representation, representation means.

AUTHOR'S INFORMATION: Ul'yanitskaya Lyubov' Aleksandrovna, Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Foreign Languages, Saint Petersburg State Electrotechnical University, Saint Petersburg, Russia.

FOR CITATION: Ul'yanitskaya L. A. (2026). Discursive Strategies of Representation of West Flemish in Contemporary French Print Media. In *Political Linguistics*. No 4 (118), pp. 238-246. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

Медиа не только отражают актуальную социолингвистическую ситуацию, но и активно участвуют в ее формировании, влияя на восприятие языковых явлений широкой аудиторией. В контексте глобальной озабоченности судьбой миноритарных и региональных языков (например, 2022–2032 гг. объявлены ЮНЕСКО Международным десятилетием языков коренных народов) медийный дискурс приобретает особое значение: он способен как укреплять престиж автохтонного идиома, создавая вокруг него положительный образ живой культурной традиции, так и маргинализировать его, представляя архаичным реликтом прошлого или инструментом сепаратистских движений. Язык в медиaprостранстве неизменно оказывается вписан в более широкий исторический, политический и социальный нарратив, что делает анализ его медийных репрезентаций особенно актуальным.

Западнофламандский язык, бытующий на севере Франции, преимущественно в округе Дюнкерк, представляет собой показательный пример языка, чье положение в публичном пространстве менялось на протяжении столетий: от языка повседневного общения основной части населения области до стигматизированного диалекта, а затем до объекта возрождения и культурного наследия. Данная статья посвящена изучению того, каким образом западнофламандский язык представлен в современной французской прессе: какие образы и смыслы выстраиваются вокруг него, какие дискурсивные стратегии используются журналистами при освещении языковой ситуации в Дюнкеркском округе. Подобное исследование позволяет выявить не только характер медийного отношения к конкретному региональному языку, но и более общие механизмы функционирования языковой политики в таком централизованном государстве, как Франция.

МЕТОДОЛОГИЯ

Для анализа репрезентации западнофламандского языка во французской прессе был применен метод критического дискурс-анализа в сочетании с контекстуальным анализом медийных текстов. Это позволило выявить как поверхностные лексико-семантические характеристики, так и глубинные идеологические установки, воспроизводимые в медиа. Теоретической базой исследования послужили труды отечественных ученых в области социолингвистики и теории дискурса (В. Е. Чернявская, В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин), а также зарубежных иссле-

дователей, прежде всего Р. Водак. Дополнительно были привлечены работы Л. Ж. Кальве по языковой политике и Д. Кристала о судьбах исчезающих языков, концепции Н. Фэрклафа и Т. ван Дейка, разработавших инструментарий анализа медийных репрезентаций.

Материалом настоящего исследования послужил корпус из 61 публикации (общий объем ~30 000 слов), отобранных методом направленной выборки из французских средств массовой информации, а также официальных институциональных источников. В корпус вошли материалы региональных ежедневных газет («La Voix du Nord», «Nord Littoral»), составляющие его основу, общенациональных изданий («Le Parisien», «L'Express», «20 Minutes», «Le Figaro», «Slate», «Ouest-France»), французских теле- и радиоканалов («France 3 Régions», «France Bleu», «France Info», TF1, RTBF), интернет-СМИ и специализированных порталов («Actu.fr», «Breizh-info.com», «Courrier International», «Enbata.info»), официальных институциональных сайтов («culture.gouv.fr», «senat.fr», «hautsdefrance.fr», «banquedesterritoires.fr»), а также научных и образовательных ресурсов («Mots. Les langages du politique», «Canal Académies», «AEF info», «ecoleng.com»). Хронологически корпус охватывает период с 2010 по 2026 год, что позволяет проследить эволюцию дискурса в ключевой для языка период от десятилетия, предшествовавшего институциональному признанию, до последовавшей за ним рефлексии в прессе. Наиболее интенсивная репрезентация темы приходится на 2021–2023 годы (27 статей), что напрямую связано с принятием закона Молака (апрель 2021 г.) и публикацией циркуляра Министерства национального образования от 14 декабря 2021 г., официально включившего западнофламандский в перечень языков, принимаемых в учет системой образования; заметное присутствие темы в 2018–2019 гг. (8 статей) объясняется выходом первого «Большого словаря западнофламандского языка» и началом обсуждения проекта Общественного бюро (Office public); в 2024–2026 гг. зафиксировано 18 статей, что свидетельствует о сохранении устойчивого интереса прессы со смещением акцента с констатации успехов на более критическую оценку результатов. Оставшиеся публикации приходятся на 2010, 2011, 2015, 2016 и 2020 годы (8 статей) и служат фоном, демонстрирующим эпизодическое присутствие темы в медиа до начала активной институциональной фазы. Отбор материала осуществлялся по ключевым словам: «flamand de France» 'французский фламандский', «flamand occidental» 'западнофла-

мандский', «langue flamande» 'фламандский язык', «patois flamand» 'фламандский говор' и их вариантам.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ: ОТ ИСТОКОВ К СОВРЕМЕННОСТИ

История западнофламандского идиома на территории современной Франции восходит к IV веку нашей эры. Именно тогда германские племена (франки-салии, пришедшие с востока, и германцы Северного моря с побережья) начали заселять плодородную равнину между морем и областью Камбрези. К VII–VIII векам здесь сложилась устойчивая германо-романская языковая граница, проходившая значительно южнее современной — от устья Канш до окрестностей Бетюна и Лилля; впоследствии под влиянием пикардского языка, распространявшегося в городах, эта граница постепенно сдвигалась к северо-востоку [Pekelder 2025]. Термин «фламандцы» (нидерл. *vlaminc*) зафиксирован в письменных источниках около 1100 года и первоначально обозначал просто «жителей Фландрии». На протяжении нескольких столетий эта территория входила в состав различных политических образований: графства Фландрия, Бургундского герцогства, затем Испанских Нидерландов. Присоединение к Франции проходило поэтапно и носило характер военного завоевания, а не добровольного соглашения: по Пиренейскому договору 1659 года Франция получила Гравлин и шателенство Бурбур, в 1662 году был куплен Дюнкерк у английского короля Карла II, а по Ахенскому договору 1668 года к Франции отошли Берг, Кассель и ряд других городов [Coornaert 1970]; однако окончательное закрепление границ произошло лишь после битвы при Пене (1677) и Нимвегенских мирных договоров 1678 года, когда к Франции отошли Байель и другие шателенства. Вслед за этим, указами 1684 года, языком всех судебных учреждений региона стал французский язык, а уже в 1663 году Людовик XIV требовал от местных магистратов использовать французский [Pekelder 2025]. К концу XVII территория, известная как французский Вестхук (букв. западный угол), или Французская Фландрия, оказалась в составе французского королевства, будучи исторически, культурно и лингвистически неразрывно связанной с нидерландоязычной традицией.

Несмотря на постепенное распространение французского языка в административной сфере, сельское население региона использовало западнофламандский диалект нидерландского языка для повседневного общения. В этот период в регионе сосущество-

вали два языковых регистра: стандартный (литературный) средненидерландский, который использовался в официальных документах и религиозной литературе, и разговорная западнофламандская речь, остававшаяся языком быта, рынка, ремесел. Основными занятиями жителей этой удаленной от столицы приморской равнины были рыболовство, сельское хозяйство и мукомольное производство. По сей день в регионе стоят характерные ветряные мельницы, утратившие свое первоначальное предназначение, но сохранившиеся как напоминание об ушедшем укладе жизни: в окрестностях Касселя, Хондскота и Стенверка их насчитываются единицы. В таких «декорациях» западнофламандский идиом сложился как язык преимущественно сельской, простонародной жизни, тогда как горожане крупных центров, Дюнкерка, Сент-Омера, Кале, постепенно переходили на пикардский, а затем и на французский язык [Pekelder 2025].

Крупные города региона (Дюнкерк, Кассель, Азбрук и Байель) формировались на протяжении Средних веков и раннего Нового времени, и в них также повсеместно звучала фламандская речь. Однако интеллектуальная и литературная деятельность (в частности, литературно-драматические общества, риторические камеры (*rederijerskamers*), существовавшие с XV века) велась не на местном разговорном диалекте, а на литературном нидерландском языке, общем для всего нидерландоязычного пространства; в свою очередь, местный западнофламандский идиом во Франции никогда не был стандартизирован и письменной фиксации не имел [Pekelder 2025]. Выдающимся представителем литературной фламандской традиции во Франции был дюнкеркский поэт и драматург Михил де Сван (*Michel de Swaen*) (1654–1707), писавший на литературном нидерландском, чье творчество и поныне ценится во всем нидерландоязычном мире [Musschoot 1972].

Языковая ситуация в регионе начала резко меняться после Великой французской революции. Хотя в первые годы революционеры декларировали уважение к региональным языкам и даже требовали переводов официальных текстов на эти языки (например, депутат Ф.-Ж. Бушет из Берга перевел Декларацию прав человека и гражданина на западнофламандский язык), уже к концу 1790-х годов возобладала политика жесткой языковой унификации под лозунгом «одна нация, одна страна, один язык». Французский язык начал активно вытеснять западнофламандский прежде всего через систему образования, которое становилось исключи-

тельно франкоязычным. Законы об обязательном французском образовании, принятые в конце XIX века (прежде всего законы Жюлья Ферри 1881–1882 годов), фактически исключили региональные языки из публичной сферы. Именно в этот период происходит языковой разрыв с нидерландским стандартом: реформа нидерландского языка, проводившаяся в Нидерландах в начале XIX века, прошла мимо Французской Фландрии, в результате чего местный идиом всё более обособливался от нормированного нидерландского и утверждался как самостоятельная региональная форма речи. В 1853 году академия Лилля официально запретила преподавание западнофламандского в начальных школах [Brunot 1967]. В 1951 году закон Дейксона (loi Deixonne) квалифицировал западнофламандский как «*dialecte allogène*» (букв. *чужеродный диалект*), что фактически приравнивало местных фламандцев к иностранцам на своей земле и усилило стигматизацию диалекта.

Решающим ударом по языковой vitality стали две мировые войны. Из-за принадлежности фламандского к германской группе языков и его структурного сходства с немецким языком носители фламандского подвергались подозрениям в коллаборационизме — сначала в годы Первой мировой войны, а затем и в период нацистской оккупации. Клеймо «германского языка» оказалось роковым для передачи фламандского следующим поколениям. Детям категорически запрещали говорить на нем в школе и наказывали за это; родители сами переставали передавать язык, опасаясь стигмы. Знание французского языка в XX веке стало непременным условием социальной и профессиональной интеграции. Этот период усугубил действие закона Дейксона и сделал передачу языка в семьях почти невозможной.

Однако было бы неверно утверждать, что западнофламандский полностью исчез из региона в послевоенные десятилетия. Часть жителей сохраняла эту традицию, продолжая общаться с соседями и родственниками на родном наречии. Свидетельством живучести языка стало появление в 1978 году в Касселе пиратской радиостанции «Радио Уленшпигель» (Radio Uylenspiegel), вещавшей на западнофламандском. Власти неоднократно пытались закрыть станцию, конфисковывали оборудование, однако энтузиасты всякий раз восстанавливали его своими силами. Ситуация изменилась с приходом к власти президента Ф. Миттерана: с 1982 года региональные языки получили право на радиовещание, и «Радио Уленшпигель» приобрело легальный статус,

со временем преобразовавшись в Radio Uylenspiegel в FM-диапазоне. В 1980-е годы также возникли ассоциации и даже Федералистская фламандская партия, пытавшиеся возродить фламандское культурное и политическое движение во Франции, однако их влияние оставалось довольно ограниченным. С этого момента начался медленный, но устойчивый процесс возрождения западнофламандского в публичном пространстве.

Важной вехой в институциональном признании западнофламандского стала активизация Ассоциации ANVT (Akademie Voor Nuuze Vlaemsche Taele 'Академия нашего фламандского языка'), которая развернула масштабную работу по стандартизации орфографии, изданию словарей и учебных пособий, а также лоббированию преподавания идиома в школах. Принятие 8 апреля 2021 года Национальным собранием Франции закона Молака о защите и продвижении регионального языкового наследия (Loi n° 2021-641 du 21 mai 2021¹) открыло новый этап в судьбе западнофламандского: закон закрепил право на преподавание региональных языков как факультативных дисциплин и обязал государство поддерживать их. Документ ознаменовал символически важный шаг к официальному признанию языков вроде западнофламандского на государственном уровне.

На сегодняшний день западнофламандский в французском Вестхуке находится в двойственном положении. По данным переписи 1999 года, число его активных носителей составляло около 60 000 человек, цифра весьма скромная в сравнении со 156 973 носителями, зафиксированными еще в 1806 году [Coornaert 1970: 87; INSEE 1999²]. Более или менее точно оценить сегодняшнее количество носителей идиома представляется практически невозможным. Официальных статистических данных нет, а во время разговоров с местными жителями автор статьи зафиксировал разброс в оценке количества современных носителей от 1000 до 40 000. Носители языка сосредоточены преимущественно в небольших городах и поселках округа Дюнкерк и относятся к старшему по-

¹ Loi n° 2021-641 du 21 mai 2021 relative à la protection patrimoniale des langues régionales et à leur promotion // Journal officiel de la République française. — 23.05.2021. — N° 119. — URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000043524722> (date of access: 05.07.2026).

² INSEE. Recensement de la population de 1999 : données sociodémographiques, Nord — Pas-de-Calais. — Paris : Institut national de la statistique et des études économiques, 1999. — URL: <https://www.insee.fr/fr/statistiques/2118516?sommaire=2118522> (date of access: 01.07.2026).

колению; молодежь, за редким исключением, не владеет идиомом как родным. Тем не менее наблюдается устойчивый интерес к языку в символическом и культурном измерении: действуют языковые кружки и ассоциации, издается литература на западно-фламандском, ведется преподавание в рамках отдельных образовательных проектов.

ЗАПАДНОФЛАМАНДСКИЙ В ЗЕРКАЛЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ: ОСНОВНЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ СТРАТЕГИИ

Прежде чем перейти к количественному распределению стратегий, уточним теоретические основания их выделения. Вслед за дискурс-историческим подходом Р. Водак, разработавшей инструментарий анализа стратегий номинации, предикации, аргументации и интенсификации/смягчения оценки [Wodak 2009], под дискурсивной стратегией в настоящей работе понимается устойчивая совокупность языковых средств, систематически используемых для конструирования определенного образа объекта дискурса; именно эта оптика позволила разграничить стратегии возрождения, институциональной легитимации, образовательной передачи и локальной идентичности. Дополняет ее социокогнитивный подход Т. ван Дейка, согласно которому идеологические установки текста реализуются через ментальные модели, связывающие макроуровень социальных институтов с микроуровнем лексических выборов [Van Dijk 2008], и трехуровневая модель Н. Фэрклафа «текст — дискурсивная практика — социальная практика», позволяющая соотносить конкретные формулировки статей с институциональной позицией изданий [Fairclough 1995].

Значимым ориентиром выступает и отечественная традиция теории дискурса. В. Е. Чернявская, обобщая ключевые направления осмысления этого понятия, подчеркивает, что дискурс не сводится к тексту как таковому, а представляет собой сложное коммуникативное событие, объединяющее текст с экстралингвистическими условиями его порождения — социальными, институциональными, идеологическими [Чернявская 2006]. Именно такое понимание оправдывает решение анализировать медиатексты не изолированно, а в неразрывной связи с институциональным контекстом. Типология В. И. Карасика, различающая статусно-ориентированный и личностно ориентированный дискурс [Карасик 2002], помогает объяснить неоднородность корпуса: три из четырех стратегий реализуют институциональный регистр, и только дискурс локальной идентичности воспроизводит личностно ориентиро-

ванную коммуникацию. Повторяемость лексических формулировок от статьи к статье прочитывается в духе концепции прецедентных феноменов Г. Г. Слышкина [Слышкин 2000] как признак складывающегося культурного кода признания языка.

Институционально-правовая логика легитимации регионального языка, в свою очередь, вписывается в модель языковой политики Л.-Ж. Кальве [Calvet 1993, 1999], в то же время почти полное отсутствие в корпусе дискурса исчезновения приобретает особое значение на фоне типологии Д. Кристала, описывающего типичные сценарии освещения умирающих языков [Crystal 2000].

Проведенный анализ позволяет выделить четыре основные дискурсивные стратегии. Количественный анализ их распределения в корпусе из 61 статьи показывает существенную неравномерность: дискурс возрождения и надежды доминирует в 46,3 % статей, дискурс институционального признания и легитимации присутствует в 29,3 %, статей, образовательный дискурс зафиксирован в 17,1 % статей, дискурс локальной идентичности и памяти встречается лишь в 7,3 % статей. Такое распределение свидетельствует о том, что региональная пресса сознательно смещает фокус с проблем на позитивную повестку, благодаря чему образ языка предстает как устойчиво утвердившийся в институциональных сферах. Однако в корпусе присутствуют и критические голоса, указывающие на разрыв между медийным оптимизмом и эмпирической реальностью, что придает дискурсу внутреннюю напряженность.

Наиболее распространенная стратегия — **дискурс возрождения и надежды**, задающая общий оптимистический тон. Заголовки и ключевые фразы транслируют идею возвращения языка в публичное пространство: «*Cette année sera celle de l'Office public du flamand occidental et d'un nouveau dictionnaire*» 'В этом году появится Общественное бюро западнофламандского языка и новый словарь', «*Le flamand occidental revient dans le concert des langues régionales*» 'Западнофламандский возвращается в семью региональных языков', «*L'enseignement du flamand occidental monte en puissance*» 'Преподавание западнофламандского набирает силу', «*Le flamand est reconnu comme langue régionale en France, il pourra y être enseigné*» 'Фламандский признан региональным языком Франции, его можно будет преподавать', «*Le flamand occidental à la conquête du Nord*» 'Западнофламандский завоевывает Север'. Даже там, где упоминаются исторические трудности, они служат контрастным фоном,

оттеняющим нынешний прогресс: заголовок одной из статей прямо резюмирует пройденный путь — «*Dans les Hauts-de-France, retour sur 18 ans de combat pour la reconnaissance du flamand à l'école*» 'В О-де-Франс вспоминают о восемнадцати годах борьбы за признание фламандского в школе'. Этот дискурс активно подкрепляется количественными показателями (число школ, учеников, коммун-подписантов) и перспективными планами (создание *Office public*, расширение преподавания до университетского уровня). Кроме того, журналисты апеллируют к эмоциональному состоянию активистов: сенатор Ж.-П. Декуль описывает признание языка как результат многолетней борьбы: «*C'est une forme de soulagement. On n'a pas faibli pendant 18 ans*» 'Это своего рода облегчение. Мы не сдавались восемнадцать лет'. Отдельную группу составляют статьи, фиксирующие новые символические прорывы: выход нового издания словаря «*Le nouveau Grand dictionnaire du flamand occidental est sorti !*» 'Новый большой словарь западнофламандского опубликован', перевод комикса о Тинтине на фламандский, а главное — открытие курсов в университете Лилля, что подается как историческое событие «*C'est une première!*» 'Это премьера!'. Этот дискурс рисует образ языка, который не просто сохраняется, а уверенно расширяет свое присутствие в образовании, культуре и массовом сознании.

Тесно переплетается с этим дискурсом стратегия **институционального признания и легитимации**, смещая акцент с эмоций на формально-правовую аргументацию. Журналисты тщательно фиксируют каждый шаг бюрократической процедуры: «*le flamand est inscrit dans le Bulletin officiel de l'Éducation nationale en France*» 'фламандский внесен во *Официальный бюллетень Министерства национального образования Франции*', «*La Région a lancé la procédure pour signer la convention constitutive du futur office public*» 'Регион запустил процедуру подписания учредительного соглашения будущего общественного бюро', «*L'Office public de la langue flamande a été créé suite à un vote en commission permanente*» 'Общественное бюро фламандского языка было создано по итогам голосования в постоянной комиссии'. Особое внимание уделяется роли государственных партнеров — региона, министерств, академий. Такой дискурс выполняет двойную функцию: он снимает с языка ярлык «патуа» (*patois* — французский термин для уничижительного описания языка или диалекта, «грубая испорченная речь»), встраивая его в республиканскую нормативную си-

стему, и одновременно демонстрирует читателю, что защита языка — это не маргинальная инициатива, а легитимная государственная политика. Показательны слова вице-президента региона Ф. Декостера: «*il s'agit de la reconnaissance par la République de votre travail*» 'речь идет о признании Республикой вашего труда', подчеркивающие символический капитал официального статуса. Наряду с официальной легитимацией в корпусе присутствует и «народная легитимация»: данные о популярности языка на образовательных платформах, рост числа взрослых, записывающихся на курсы, и добровольная инициатива коммун по установке двуязычных панно — всё это дополняет институциональную картину и создает образ языка, поддерживаемого «снизу». В качестве доказательства эффективности этой политики в статьях приводятся конкретные цифры: за 20 лет число партнеров федерации выросло с 5 до 12, а 51 коммуна округа уже подписала хартию «*Oui au flamand*» 'Да фламандскому'. Эти статистические данные служат аргументом в пользу успешности институционального курса.

Дискурс образовательной и культурной передачи сосредоточен на практических аспектах обучения: методиках, количестве курсов, уровне владения, возрастных группах. Многочисленные статьи описывают конкретные школьные проекты: «*Les élèves de CM1 et CM2 se sont lancés dans l'apprentissage du flamand occidental*» 'Ученики 3-го и 4-го классов начальной школы приступили к изучению западнофламандского'; ассоциация SOS Blootland сообщает, что уроки идут «*dans 28 communes*» 'в 28 коммунах', а ее представитель уточняет: «*Nous comptons environ 66 élèves adultes cette année*» 'В этом году у нас около 66 взрослых учеников'. Активно пропагандируется идея о том, что изучение регионального языка облегчает освоение других германских языков: одна из преподавательниц объясняет, что «*c'est aussi un tremplin pour d'autres langues*», и поясняет, что «*cela facilite l'apprentissage de l'anglais et de l'allemand*» 'это ещё и трамплин для других языков... это облегчает изучение английского и немецкого'. Этот дискурс дестигматизирует язык, представляя его не как пережиток прошлого, а как полезный инструмент в современном мире, в том числе для трудоустройства в приграничных регионах. В статье, озаглавленной «*Un atout pour trouver du travail*» 'Козырь для поиска работы', этот прагматический аспект прямо увязывается с экономическими выгодами: представитель региона отмечает, что «*le taux de chômage est très bas*» ('уровень безработицы очень низкий') во фламандской части Бель-

гии, что делает знание языка полезным для потенциального трудоустройства в соседнем регионе. Образовательный дискурс выходит за пределы школьной программы. Во-первых, в корпусе фиксируется феномен заграничного обучения: французские родители отдают детей в бельгийские школы для получения иммерсивного образования на нидерландском языке, что становится косвенной критикой недостаточности французской системы. Во-вторых, в качестве образовательных ресурсов упоминаются не только школы, но и радио, приложения для изучения языков, туристические практики (двухязычные экскурсии) и даже кафе, где язык передается устно. Это придает образовательному дискурсу многообразие и выводит его из сугубо формального контекста.

Наименее частотной, но значимой для эмоционального фона выступает стратегия **локальной идентичности**, где язык предстает уже не как объект политики, а как личная память и способ культурной самоидентификации. Она проявляется в опубликованных в прессе интервью с носителями, где язык связывается с детством, семьей, деревней, «тайным кодом» старших поколений. Например, в одной статье интервьюер вспоминает: *«J'entendais constamment cette langue quand j'étais enfant, elle m'intriguait. C'était un peu comme quelque chose d'inaccessible, de réservé aux adultes, un code qu'ils partageaient entre eux et dont on nous tenait à l'écart, nous les enfants»* 'Я постоянно слышал этот язык в детстве, он меня интриговал. Это было немного похоже на что-то недоступное, предназначенное для взрослых, код, которым они делились между собой и от которого нас, детей, держали в стороне'. В другой статье одна из матерей учащихся говорит: *«Le flamand, c'est notre langue, notre terroir, notre histoire. Ce sont mes origines profondes»* 'Фламандский — это наш язык, наша земля, наша история. Это мои глубинные корни'. Эта идентичность выражается и через городскую среду: в статьях описывается установка двуязычных панно на въезде в коммуны, где жители сами проявляют инициативу, а местная топонимика становится зримым символом принадлежности к конкретному языковому, а значит и культурному коду. Пассажи с личными воспоминаниями носителей языка встречаются эпизодически, обычно в качестве эмоциональной окраски к основному нарративу о возрождении. Они не создают меланхолического или экзотического образа, а скорее придают языку субъективную ценность, мотивирующую его сохранение.

В корпусе, наряду с доминирующим оптимистическим нарративом, присутствует

и **дискурс тревоги**. В ряде публикаций звучат скептические оценки эффективности предпринимаемых мер. Например, в одной из статей приводится реплика: *«On ne sauve pas une langue avec trente minutes de cours par semaine»* 'Язык не спасают тридцатью минутами занятий в неделю'. В других материалах ситуация с западнофламандским характеризуется как «состояние клинической смерти», а Министерство образования обвиняется в пассивном ожидании ухода последнего преподавателя на пенсию. Появляется лексика утраты: *«derniers locuteurs»* 'последние носители', *«patrimoine qui se perd»* 'утрачиваемое наследие'. Этот дискурс тревоги выполняет важную функцию — он напоминает о разрыве между институциональными успехами и реальной практикой языка, не позволяя медийной картине стать полностью иллюзорной.

Особого внимания заслуживает трансграничный аспект, который не представляет собой отдельной дискурсивной стратегии, а выступает как сквозная тема, пронизывающая все четыре стратегии. Этот аспект проявляется в нескольких формах. Во-первых, лингвистическая трансграничность: язык во Франции представлен как часть более крупного западнофламандского ареала, охватывающего Бельгию и Нидерланды, что меняет его статус с «маргинального патуа» на «региональный вариант крупного европейского языка». Во-вторых, культурно-медийная трансграничность: бельгийские телесериалы на западнофламандском создают моду на язык, а бельгийские туристы, приезжающие во французскую Фландрию, стимулируют местный интерес к языку.

Количественный анализ лексики корпуса независимо подтверждает описанные качественные тенденции. Частотный анализ (без учета местоимений, артиклей, союзов, предлогов и вспомогательных глагольных форм) показывает, что стигматизирующее обозначение «patois» 'говор' не входит даже в топ-30 самых частотных слов корпуса, при этом лемма «régional» 'региональный' занимает третье место (283 вхождения) — это подтверждает вывод о вытеснении уничижительной терминологии нормативной. Показательно и то, что институциональная лексика «institut» 'институт', «office» 'бюро', «public» 'общественный', «national» 'национальный', «région» 'регион', «éducation» 'образование', «enseignement» 'преподавание', «école» 'школа', «cours» 'занятия' занимает девять из тридцати позиций рейтинга, а лексика бытового, семейного или межличностного плана в топ-30 практически отсутствует, — это количественно подтверждает наблюдение об

институциональном, а не личностном характере доминирующего медийного нарратива. Отдельного внимания заслуживает высокая частотность лексемы «picard» 'пикардский' (101 вхождение), отражающая устойчивую тенденцию среди журналистов рассматривать западнофламандский в постоянном сопоставлении с соседним региональным языком, а не изолированно. Косвенным штрихом к описанному выше дискурсу тревоги можно считать и попадание в топ-30 наречия «encore» 'ещё' (66 вхождений) — оно регулярно сопровождает конструкции вроде «encore parlé» 'ещё используемый', «encore quelques locuteurs» 'ещё несколько носителей', привнося оттенок временности и убыли; само по себе это наблюдение не доказывает наличие отдельной дискурсивной стратегии, но указывает на то, что мотив «пока ещё» присутствует в корпусе на уровне частотной лексики, а не только в отдельных цитатах.

ВОПРОС О СТАТУСЕ: ЯЗЫК ИЛИ ДИАЛЕКТ?

В соседней Бельгии практически аналогичный идиом, распространенный в Западной Фландрии, воспринимается как диалект нидерландского языка. Во Франции же он именуется именно языком — «la langue flamande» 'фламандский язык' или «le flamand de France» 'французский фламандский'. Это терминологическое различие отнюдь не случайно: оно отражает принципиально разные социолингвистические и политические контексты. В бельгийском случае западнофламандский встроен в иерархию нидерландских диалектов и соотносится с нормативным нидерландским как письменным стандартом. Во французском случае такого стандарта нет: связь с нидерландским давно разорвана, что делает его в известной степени самостоятельной языковой единицей в восприятии носителей.

В изученном корпусе медиатекстов вопрос о статусе языка или диалекта оказывается одним из самых политически нагруженных. Лексический выбор становится маркером идеологической позиции. Региональная пресса и издания, поддерживающие языковое возрождение, последовательно используют «langue» 'язык' и «langue régionale» 'региональный язык', апеллируя к закону Молака и официальным циркулярам министерства образования. Показателен заголовок: «Le flamand est reconnu comme langue régionale en France» 'Фламандский признан региональным языком Франции' — здесь утверждение статуса подается как свершившийся факт, а сам выбор слова «langue» выполня-

ет перформативную функцию: он не столько описывает реальность, сколько конструирует ее. Показательно и то, что явно уничижительная рамка «исчезающего патуа», которую можно было бы ожидать в скептических материалах общенациональной прессы, в изученном корпусе практически не встречается: даже статьи, ориентированные на широкую французскую аудиторию, говорят о языке в нейтрально-благожелательном ключе, например: «*Langues régionales : longtemps boudés, le flamand et le picard enfin reconnus par l'Éducation nationale*» 'региональные языки: долго обходимые стороной, фламандский и пикардский наконец признаны Министерством образования'. Тем самым борьба за терминологию в медиа — это борьба за легитимность: назвать язык «языком» — значит признать за ним право на существование в публичной сфере.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сопоставление исторической и современной частей исследования обнаруживает структурную симметрию: и режим языкового подавления XIX–XX вв., и нынешний режим институционального признания устроены по одной и той же логике сверху вниз. Решение о судьбе языка в обоих случаях принимают государственные акторы (законодатели, школьная администрация, а сегодня — региональные власти и журналисты), а не сами носители. Меняется знак (запрет сменяется поддержкой) и меняется действующий субъект (администрация и школа на прессу и ассоциации), но не сама модель: идиом остается объектом чужих решений, а не стороной диалога. Показательно, что и в современном медийном корпусе рядовой носитель редко выступает субъектом повествования: голос закреплен преимущественно за сенаторами, вице-президентами регионов и представителями ассоциаций, при том что сам говорящий на языке человек появляется в текстах эпизодически и почти всегда в функции иллюстрации, а не действующего лица. Отсюда и второй вывод: сопоставление французского и бельгийского случаев показывает несовпадение между юридическим статусом идиома и его действительной жизнеспособностью, то есть более скромный статус диалекта в Бельгии не мешает языку сохранять письменную норму и литературную традицию, тогда как признание «языком» во Франции сосуществует с почти полным обрывом межпоколенческой передачи. Наконец, поскольку пресса по своей природе работает с событиями, а не процессами, есть основания ожидать, что интерес к теме, спровоцированный законом Молака, будет

затухать по мере отдаления от даты его принятия, и тогда самая трудная часть работы, планомерное возвращение языка в повседневную коммуникацию, рискует остаться вне поля зрения тех самых медиа, которые сегодня о нем с энтузиазмом пишут.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград : Перемена, 2002. — 477 с. — ISBN 5-88234-552-2. — EDN UGQAMP.
2. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе : моногр. / Г. Г. Слышкин. — Москва : Академия, 2000. — 128 с. — EDN QSLPHH.
3. Чернявская, В. Е. Дискурс власти и власть дискурса. Проблемы речевого воздействия / В. Е. Чернявская. — Москва : Флинта, 2006. — 136 с. — ISBN 5-89349-987-5. — EDN RWLPMR.
4. Brunot, F. Histoire de la langue française des origines à nos jours. T. IX : La Révolution et l'Empire / F. Brunot. — Paris : Librairie Armand Colin, 1967. — XV, 616 p.
5. Calvet, L.-J. La sociolinguistique / L.-J. Calvet. — Paris : Presses Universitaires de France, 1993. — 128 p. — ISBN 2-13045251-5.
6. Calvet, L.-J. Pour une écologie des langues du monde / L.-J. Calvet. — Paris : Plon, 1999. — 304 p. — ISBN 2-259-18975-X.
7. Coornaert, É. La Flandre française de langue flamande / É. Coornaert. — Paris : Éditions Ouvrières, 1970. — 406 p.
8. Crystal, D. Language Death / D. Crystal. — Cambridge : Cambridge Univ. Pr., 2000. — X, 198 p. — ISBN 978-0511048388.
9. Dijk, T. A. Van. Discourse and Power / T. A. van Dijk. — Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2008. — XI, 308 p. — ISBN 978-0230574083.
10. Fairclough, N. Media Discourse / N. Fairclough. — London : Edward Arnold, 1995. — VIII, 214 p. — ISBN 978-0340632222.
11. Musschoot, A. M. Het Judith-thema in de Nederlandse letterkunde / A. M. Musschoot. — Gent : Koninklijke Academie voor Taal- en Letterkunde, 1972. — 275 p.

12. Pekelder, J. Verboden Vlaams te spreken : Het verhaal van een Nederlandse streektaal in Frankrijk / J. Pekelder. — Soesterberg : Uitgeverij Aspekt, 2025. — 224 p. — 978-9088031502.

13. Wodak, R. The Discursive Construction of National Identity / R. Wodak, R. de Cillia, M. Reisigl, K. Liebhart. — Edinburgh : Edinburgh Univ. Pr., 2009. — X, 276 p. — ISBN 978-0748637348.

REFERENCES

1. Karasik, V. I. (2002). Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs = The language circle: personality, concepts, discourse. Volgograd: Peremena, 477 p.
2. Slyshkin, G. G. (2000). Ot teksta k simvolu: lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse = From text to symbol: linguo-cultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse. Moscow: Academia, 128 p.
3. Chernyavskaya, V. E. (2006). Diskurs vlasti i vlast' diskursa: problemy rechevogo vozdeystviya = Discourse of power and power of discourse: Problems of speech influence. Moscow: Flinta; Nauka, 136 p.
4. Brunot, F. (1967). Histoire de la langue française des origines à nos jours. Vol. IX: La Révolution et l'Empire. Paris: Librairie Armand Colin, XV, 616 p.
5. Calvet, L.-J. (1993). La sociolinguistique. Paris: Presses Universitaires de France, 128 p.
6. Calvet, L.-J. (1999). Pour une écologie des langues du monde. Paris: Plon, 304 p.
7. Coornaert, É. (1970). La Flandre française de langue flamande. Paris: Éditions Ouvrières, 406 p.
8. Crystal, D. (2000). Language death. Cambridge: Cambridge Univ. Pr., X, 198 p.
9. Fairclough, N. (1995). Media discourse. London: Edward Arnold, VIII, 214 p.
10. Musschoot, A. M. (1972). Het Judith-thema in de Nederlandse letterkunde. Gent: Koninklijke Academie voor Taal- en Letterkunde, 275 p.
11. Pekelder, J. (2025). Verboden Vlaams te spreken: Het verhaal van een Nederlandse streektaal in Frankrijk. Soesterberg: Uitgeverij Aspekt, 224 p.
12. Dijk, T. A. Van (2008). Discourse and power. Basingstoke: Palgrave Macmillan, XI, 308 p.
13. Wodak, R., Cillia, R. de, Reisigl, M., Liebhart, K. (2009). The discursive construction of national identity. Edinburgh: Edinburgh University Press, X, 276 p.

РАЗДЕЛ 4. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Политическая лингвистика. 2026. № 4 (118).

Political Linguistics. 2026. No 4 (118).

УДК 81'42+81'38

ББК Ш105.51+Ш105.551.5

ГРНТИ 16.21.33; 16.21.55

Код ВАК 5.9.8

Ван Цзюань^{1✉}, Нурбия Юнус^{2✉}

^{1,2} Синьцзянский педагогический университет, Урумчи, Китай

¹ 229221727@qq.com✉

² 2826086296@qq.com✉

Дискурсивная репрезентация образа Китая в СМИ разных стран в современных научных исследованиях

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются научные публикации 2021–2025 гг., посвященные дискурсивной репрезентации образа Китая в СМИ разных стран. Цель исследования состоит в выявлении тематических, языковых и методологических тенденций изучения данного объекта в политико-лингвистическом аспекте. Материалом послужили 120 репрезентативных работ, сгруппированных по доминирующим тематико-дискурсивным полям. Используются тематический анализ, дискурсивный анализ и сравнительно-аналитический метод. Показано, что современные исследования отходят от описания медиаприсутствия Китая и всё чаще сосредотачиваются на языковых способах конструирования политического смысла. Наиболее значимыми направлениями являются кризисно-конфликтная, политико-дипломатическая, экономико-развивающая и дигитально-мультимодальная репрезентации. Установлено, что образ Китая формируется через номинативные стратегии, аксиологическую маркированность, предикативное распределение ролей, фреймирование, нарративные схемы и вербально-визуальные средства. Особое внимание уделяется различию китайской, русскоязычной и иных академических традиций в выборе материала, аналитических категорий и способов языкового описания Китая. Полученные результаты могут применяться в исследованиях политической лингвистики, медиадискурса, международной коммуникации и национального образа, а также при сопоставительном анализе современных СМИ. Сделан вывод о становлении медиаобраза Китая как самостоятельного проблемного поля политико-лингвистического анализа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика, политический дискурс, образ Китая, дискурсивная репрезентация, средства репрезентации, журналистика, медиалингвистика, СМИ, средства массовой информации, медиадискурс, медиатексты, язык СМИ, языковые средства, медиаобразы, номинативные стратегии, оценочная семантика, фреймовый анализ, мультимодальный анализ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Ван Цзюань, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка, институт иностранных языков, Синьцзянский педагогический университет, г. Урумчи, Китай, email: 229221727@qq.com.

Нурбия Юнус, магистр, институт иностранных языков, Синьцзянский педагогический университет, г. Урумчи, Китай, email: 2826086296@qq.com.

БЛАГОДАРНОСТИ. Статья подготовлена при поддержке гранта Фонда иностранных языков Китая двенадцатой очереди финансирования № ZGWYJYJJ12A077; настоящее исследование представляет собой промежуточный результат реализации данного проекта.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ван, Ц. Дискурсивная репрезентация образа Китая в СМИ разных стран в современных научных исследованиях / Ван Цзюань, Нурбия Юнус. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 4 (118). — С. 247-255.

Wang Juan^{1✉}, Nuerbiya Yunusi^{2✉}

^{1,2} Xinjiang Normal University, Urumqi, China

¹ 229221727@qq.com✉

² 2826086296@qq.com✉

Discursive Representation of China's Image in the Media of Different Countries in Contemporary Academic Research

ABSTRACT. The article analyzes scholarly publications from 2021 to 2025 devoted to the discursive representation of China's image in the media of different countries. The aim of the study is to identify thematic, linguistic, and methodological trends in the study of this object from a politico-linguistic perspective. The practical research material comprises 120 representative studies grouped according to dominant thematic and discursive fields. The research employs thematic analysis, discourse analysis, and the comparative-analytical method. The article shows that recent studies move away from describing China's media presence and focus on linguistic means of constructing political reason. The most significant areas include crisis-conflict, politico-diplomatic, economically developing, and digital-multimodal representations. It has been found that China's image is formed through nominative strategies, axiological marking, predicative role distribution, framing, narrative

© Ван Ц., Нурбия Юнус, 2026

patterns, and verbal-visual means. Special attention is paid to the differences between Chinese, Russian and other academic traditions in the choice of material, analytical categories and methods of linguistic description of China. The results obtained may be used in the studies of political linguistics, media discourse, international communication, national image construction, and comparative analysis of contemporary mass media. The article concludes that China's media image is becoming an independent field of politico-linguistic analysis.

KEYWORDS: political linguistics, political discourse, image of China, discursive representation, means of representation, journalism, media linguistics, mass media, media discourse, media texts, mass media language, language means, media images, nominative strategies, evaluative semantics, frame analysis, multimodal analysis.

AUTHOR'S INFORMATION: Wang Juan, Ph.D., Professor, Faculty of Russian as a Foreign Language, Institute of Foreign Languages, Xinjiang Normal University, Urumqi, China.

Nuerbiya Yunusi, Master's Degree Student, Institute of Foreign Languages, Xinjiang Normal University, Urumqi, China.

ACKNOWLEDGMENTS. The article has been prepared with financial support of the twelfth-round grant of China's Foreign Languages Fund No. ZGWYJYJJ12A077; the present study constitutes an interim result of the implementation of this project.

FOR CITATION: Wang J., Nuerbiya Yunusi. (2026). Discursive Representation of China's Image in the Media of Different Countries in Contemporary Academic Research. In *Political Linguistics*. No 4 (118), pp. 247-255. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы образ Китая в средствах массовой информации разных стран всё чаще рассматривается как значимый объект политической лингвистики, медиа-лингвистики и дискурсивного анализа. Данная проблематика уже не ограничивается вопросами частотности упоминаний Китая или общей тональности публикаций. Более существенным становится выявление того, какими языковыми, оценочными, фреймовыми и нарративными средствами в медиадискурсе конструируется представление о Китае как политическом акторе, экономической державе, участнике глобального управления, объекте международной конкуренции и субъекте цифровой коммуникации.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в 2021–2025 гг. медиарепрезентация Китая развивалась в условиях заметного изменения международной повестки. Инициатива «Пояс и путь», китайско-американская стратегическая конкуренция, пандемия COVID-19, дискуссии о глобальных цепочках поставок, технологическом соперничестве и многополярности усилили политическую значимость медиатекстов о Китае. В этих условиях образ Китая становится не только информационным, но и дискурсивно-идеологическим конструктом, в котором сочетаются номинация, оценочность, фреймирование, метафоризация, нарративизация и мультимодальная репрезентация.

В китайской исследовательской традиции внимание сосредоточено прежде всего на дискурсивном конструировании национального образа Китая, внешнеполитического имиджа и дипломатического дискурса. Исследователи обращаются к сопоставлению китайских и зарубежных моделей репрезентации Китая [刘苹 / Liu Ping, Dong Gege 2024], к роли политического перевода

в формировании образа ответственного государства [李登程 / Li Dengcheng, Song Jiannan 2024], к корпусно-ассистированному анализу оценочных и идеологических компонентов медиаобраза Китая [阿力亚 / Aini Aliya, Zhang Zhengkun 2024], а также к грамматическим механизмам репрезентации китайского экономического подъема в зарубежной прессе [唐丽萍 / Tang Liping, Zhu Tiantian, Yang Lifang 2024]. В целом для данного направления характерен переход от общего анализа национального имиджа к изучению конкретных языковых средств его формирования.

В русскоязычных исследованиях образ Китая рассматривается преимущественно через лексико-семантические, оценочные, корпусные и дискурсивно-прагматические аспекты медиарепрезентации. В центре внимания оказываются лексические средства, устойчивые выражения и метафорические модели в российских СМИ [Ли 2024], оценочная репрезентация политического образа Китая в интернет-медиа [Фомина 2024], дискурсивно-корпусная реконструкция медийного образа Китая в русскоязычном новостном контенте [Ильинова 2025], а также семантические сети, коллокации и прагматически организованные позитивные смыслы в медианарративе *“Cool China”* [Николаева 2025]. Это позволяет говорить о смещении русскоязычной традиции от описания тематики публикаций к анализу устойчивых языковых моделей репрезентации.

За пределами китайской и российской академических традиций образ Китая чаще анализируется в контексте публичной дипломатии, стратегической коммуникации, медиавоздействия и восприятия зарубежной аудиторией. Исследователи рассматривают «масочную дипломатию» как инструмент кризисного управления глобальным образом

государства [Müller 2024], эффективность жесткой дипломатической риторики и позитивных сообщений о сотрудничестве [Mattingly 2023], восприятие китайской стратегической коммуникации через факторы доверия и угрозы [Davies 2025], а также влияние китайских государственных медиа на международные аудитории и интерпретацию «китайской модели» [Mattingly и др. 2025]. В этих работах особенно заметен интерес к связи между языковыми средствами репрезентации, политическим влиянием и реакцией внешних аудиторий.

Вместе с тем анализ современной научной литературы показывает, что дискурсивная репрезентация образа Китая в СМИ разных стран пока не получила целостного описания как самостоятельная проблема политической лингвистики. Существующие работы, как правило, рассматривают отдельные аспекты данной темы: дипломатический дискурс, кризисную коммуникацию, экономический образ Китая, публичную дипломатию или корпусные характеристики медиатекстов. Однако недостаточно изученным остается вопрос о том, как в исследованиях 2021–2025 гг. систематизируются сами способы дискурсивного конструирования образа Китая. Именно эта лакуна определяет необходимость настоящего исследования, направленного на выявление тематических, методологических и политико-лингвистических тенденций в изучении образа Китая в СМИ разных стран.

Объектом настоящего исследования являются современные научные публикации 2021–2025 гг., посвященные изучению образа Китая в СМИ разных стран. Предметом исследования выступают тематические направления, методы и дискурсивные категории, используемые в исследованиях медиарепрезентации образа Китая. Цель исследования — выявить основные тенденции изучения дискурсивной репрезентации образа Китая в СМИ разных стран в научных публикациях 2021–2025 гг.

Научная новизна исследования заключается в том, что современные работы об образе Китая рассматриваются не как разрозненные исследования международной коммуникации, а как формирующееся направление политико-лингвистического анализа. Такой подход позволяет показать, что образ государства в медиадискурсе создается не только через выбор тем и информационных поводов, но и через систему

номинаций, оценочных средств, фреймов, идеологических смыслов, нарративных моделей и вербально-визуальных ресурсов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования послужили научные публикации 2021–2025 гг., посвященные изучению образа Китая в СМИ разных стран. Всего было отобрано 120 репрезентативных публикаций. Первичная группировка осуществлялась по доминирующей исследовательской проблематике публикации и использовалась только для выделения тематико-дискурсивных полей, а не как самостоятельная библиометрическая процедура. В корпус анализа включены работы китайских, российских и зарубежных исследователей, представляющих иные академические традиции, в которых рассматриваются политический, экономический, кризисный и цифровой аспекты медиарепрезентации Китая.

Методологическую основу исследования составляют тематический анализ, дискурсивный анализ и сравнительно-аналитический метод. Тематический анализ используется для выявления основных направлений изучения образа Китая в современных научных публикациях. Дискурсивный анализ позволяет определить, как в научной литературе описываются языковые и смысловые механизмы формирования медийного образа Китая. Сравнительно-аналитический метод применяется для сопоставления подходов, представленных в китайской, русскоязычной и иных исследовательских традициях. Исследование ориентировано не на библиометрическую статистику публикаций, а на политико-лингвистическую интерпретацию способов дискурсивного конструирования образа Китая в СМИ разных стран.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Первичная тематико-дискурсивная группировка корпуса позволила выделить несколько направлений, в которых образ Китая рассматривается как политически значимый объект медиадискурса. Данное распределение используется не как библиометрический результат, а как основание для дальнейшей политико-лингвистической интерпретации языковых средств репрезентации Китая (см. табл. 1).

Таблица 1

Тематико-дискурсивные поля исследований образа Китая в публикациях 2021–2025 гг.

Тематико-дискурсивное поле	Количество публикаций	Доля	Основные языковые и дискурсивные маркеры
Кризисно-конфликтная репрезентация	32	26,7 %	китайский вирус, источник угрозы, ответственность Китая, сокрытие информации, конструирование «Другого», антикитайские настроения
Политико-дипломатическая и стратегическая репрезентация	26	21,7 %	ответственная держава, стратегический партнёр, глобальный актор, публичная дипломатия, мягкая сила, влияние
Экономико-развивающая репрезентация	22	18,3 %	Пояс и путь, взаимовыгодное сотрудничество, инфраструктурное развитие, долговая ловушка, инвестиции
Цифровая и мультимодальная репрезентация	20	16,7 %	YouTube, Twitter/X, Instagram, хештеги, комментарии, визуальные символы, платформенный нарратив
Общая медиарепрезентация и корпусно-дискурсивные исследования	20	16,7 %	медиаобраз Китая, корпусный анализ, текстовое моделирование, оценочная семантика, коллокации

Прим. Instagram принадлежит компании «Meta», которая признана в РФ экстремистской и запрещена.

Данные таблицы 1 показывают, что в исследованиях 2021–2025 гг. образ Китая чаще всего рассматривается не в нейтральном информационном, а в политически маркированном медиадискурсивном контексте. Наиболее заметными оказываются кризисно-конфликтная, политико-дипломатическая и экономико-развивающая линии анализа. Это позволяет говорить о том, что современное изучение образа Китая всё чаще связано не с простой фиксацией медиаприсутствия страны, а с выявлением способов языковой организации политического смысла.

При этом выделенные тематико-дискурсивные поля не следует рассматривать как изолированные направления. Их объединяет общий лингвистический принцип: образ Китая описывается через соотношение кооперативных и проблематизирующих моделей репрезентации. Следовательно, значение имеет не само распределение публикаций по тематическим группам, а то, как в разных исследовательских направлениях описывается языковое оформление образа Китая как политически значимого объекта медиадискурса.

Изучение образа Китая в современных научных публикациях показывает, что медиарепрезентация государства формируется не только через выбор информационного повода. Для политической лингвистики принципиально важна система языковых операций, посредством которой медиатекст приписывает Китаю определенную роль в политическом событии и в системе международных отношений. Поэтому анализ переносится с отдельных тем на способы смысловой организации медиатекста: номинативные стратегии, аксиологическую маркированность высказывания, предикативное распределение ролей, фреймовую организацию смысла и нарративное закрепление повторяющихся интерпретаций.

В такой перспективе образ Китая рассматривается как результат последовательной языковой работы. Медиатекст выбирает способ названия объекта, закрепляет за ним оценочную характеристику, распределяет субъектные и объектные роли через предикативные структуры, помещает событие в интерпретационный фрейм и связывает отдельные сообщения с более устойчивой нарративной схемой. В цифровом медиадискурсе этот процесс дополняется вербально-визуальной связностью, поскольку заголовки, изображения, комментарии и хештег совместно участвуют в создании политического смысла.

Одним из наиболее заметных средств такой организации является номинация. В медиадискурсе Китай редко представлен только как нейтральное географическое или государственное обозначение. В зависимости от политического контекста медиатекст использует разные номинативные стратегии: Китай может быть включен в кооперативный ряд через обозначения *стратегический партнёр*, *ответственная держава*, *участник глобального управления* либо в проблематизирующий ряд через номинации конкурент, вызов, источник риска. В первом случае номинация выполняет легитимирующую функцию, во втором — функцию политической проблематизации. Так, выражение *стратегический партнёр* предполагает устойчивость отношений и возможность долгосрочного взаимодействия, тогда как номинации *вызов* или *источник риска* помещают Китай в проблемное поле безопасности и соперничества.

Аксиологическая маркированность образа Китая проявляется не только в прямых оценочных прилагательных, но и в выборе существительных, глагольных предикатов и устойчивых сочетаний. Поэтому оценка распределяется по разным уровням текста и может быть выражена имплицитно, через

семантику пользы, риска, давления, ответственности или контроля. Например, выражения *взаимовыгодное сотрудничество, мирное развитие, глобальная помощь* формируют образ Китая как конструктивного участника международных процессов. Иная оценочная перспектива возникает в сочетаниях *экономическое давление, сокрытие информации, расширение влияния, угроза безопасности*. В этих случаях негативная оценка не всегда выражена прямо, однако она закрепляется через семантику риска, контроля и асимметрии.

Именно поэтому Ю. А. Фомина, анализируя политический образ Китая в российских интернет-СМИ, рассматривает оценочную репрезентацию как один из центральных факторов формирования медиаполитического образа страны [Фомина 2024]. Для настоящего исследования это наблюдение важно тем, что оценка понимается не как внешний комментарий к фактам, а как часть самой структуры сообщения. Медiateкст не просто сообщает о действиях Китая, а задает способ их прочтения: одно и то же усиление международной активности может быть описано как развитие сотрудничества, расширение влияния, давление или попытка изменить баланс сил.

Особое значение в этом процессе имеют глагольные предикаты, задающие субъектно-объектное распределение ролей в медiateксте. В конструкциях типа *Китай поддерживает, Китай предлагает, Китай оказывает помощь* страна выступает как субъект кооперативного действия. В высказываниях *Китай скрывает, Китай оказывает давление, Китай расширяет влияние* та же субъектная позиция получает иную семантическую валентность: действие связывается с контролем, ответственностью или воздействием на другого участника. Тем самым предикативная структура становится средством политической интерпретации.

На уровне интерпретационного фрейма отдельные номинации и оценки объединяются в более устойчивую схему смысловой организации. Фрейм определяет, какие признаки события становятся релевантными, какие участники получают активную или пассивную роль и какая причинно-оценочная связь выстраивается между действием Китая и его последствиями. Например, китайские инвестиции могут быть включены в рамку развития, если они описываются через лексику инфраструктуры, модернизации и взаимной выгоды. Но те же инвестиции могут быть интерпретированы как источник зависимости, если медiateкст использует выражения, связанные с долговой нагрузкой,

экономическим давлением или асимметрией влияния. В этом проявляется принципиальная особенность политического медиадискурса: фактическое содержание сообщения не существует отдельно от той смысловой рамки, в которую оно помещено.

Нарративная схема закрепляет повторяющиеся фреймы в более длительной модели интерпретации. Если фрейм организует смысл отдельного события, то нарратив связывает разные сообщения в устойчивую последовательность: усиление Китая, реакция внешних акторов, перераспределение влияния, возникновение риска или формирование партнерства. Благодаря этому образ Китая получает не только оценочное, но и идеологическое измерение. В современных исследованиях Китай может описываться как восходящая держава, партнер развивающихся стран, участник многополярного мира, вызов западному порядку или источник международной неопределенности. Такие модели не являются нейтральными: они содержат представление о том, какое место Китай должен занимать в мировой политике и как следует понимать его действия.

Е. Ю. Ильинова и Л. А. Кочетова, обращаясь к дискурсивно-корпусной реконструкции медийного образа Китая в русскоязычном новостном контенте, показывают, что политико-лингвистическая значимость медиарепрезентации определяется не единичными лексемами, а повторяющимися словосочетаниями, семантическими связями и устойчивыми контекстами [Ильинова 2025]. Это наблюдение позволяет уточнить принципиальный для настоящего исследования момент: значимым является не единичное употребление слова, а его включение в повторяемые смысловые связи. Если определенная номинация регулярно соединяется с лексикой угрозы, зависимости или давления, она постепенно начинает работать как часть устойчивой модели восприятия. Если же она сопровождается словами сотрудничества, развития и ответственности, формируется другая модель — кооперативная и легитимирующая.

В цифровой медиасреде эти процессы становятся еще сложнее, поскольку образ Китая создается не только вербальным текстом. Заголовок, фотография, видеоряд, хештег, комментарий и платформа распространения способны усиливать или менять смысл сообщения. Например, образ технологически развитого Китая может поддерживаться визуальными символами современной инфраструктуры, мегаполисов и промышленных объектов. Напротив, сочетание тревожного заголовка с изображениями за-

крытых границ, медицинских масок, военной техники или систем наблюдения формирует совершенно иной смысловой эффект. В таких случаях возникает вербально-визуальная связность: заголовок задает интерпретационную рамку, изображение усиливает оценочный акцент, а комментарии и хештеги закрепляют восприятие в платформенной коммуникации. Поэтому визуальный компонент не является внешней иллюстрацией к тексту, а входит в структуру дискурсивного конструирования образа Китая.

Таким образом, языковое конструирование образа Китая представляет собой не сумму отдельных приемов, а последовательную организацию политического смысла. Номинация, оценка, предикативные структуры, фреймы, нарративные схемы и вербально-визуальные средства совместно формируют в современных исследованиях представление о Китае как объекте медиаполитической интерпретации.

Сравнительно-аналитический метод позволяет выявить, что различия между исследовательскими традициями проявляются не только в выборе материала, но и в наборе языковых категорий, через которые описывается образ Китая. В китайской исследовательской традиции образ Китая чаще рассматривается через проблему международной коммуникации и внешнего распространения национального дискурса. Для таких работ характерен интерес к тому, как Китай стремится закрепить за собой образ ответственного, рационального и ориентированного на сотрудничество участника международных процессов. Поэтому особое значение получают языковые формулы, связанные с развитием, взаимной выгодой, мирным взаимодействием и глобальной ответственностью. Однако китайские исследования не ограничиваются описанием позитивной саморепрезентации. В них заметно стремление показать, как зарубежные СМИ переосмысливают китайские инициативы, переводя лексику сотрудничества в рамку конкуренции, риска или идеологического противостояния. В результате образ Китая рассматривается как пространство столкновения разных интерпретационных режимов.

Русскоязычная исследовательская традиция имеет иную направленность: Китай чаще анализируется как объект российского медиадискурса и как участник системы международных отношений, где значимыми оказываются партнерство, многополярность, экономическое взаимодействие и стратегическая координация. В таких работах важны устойчивые номинации, оценочные сочетания и метафорические модели, через кото-

рые Китай включается в российскую картину мира. А. А. Хабаров, А. П. Чудинов и Ян Кэ, сопоставляя образ Китая в российских и американских СМИ, показывают, что различия в медиарепрезентации проявляются не только в тематическом отборе, но и в способах оценки, выборе речевых акцентов и характере политической интерпретации [Хабаров, Чудинов, Ян К. 2022]. Вместе с тем русскоязычные исследования не создают исключительно позитивного образа Китая: партнерская рамка может сочетаться с осторожной оценкой его экономического усиления, технологического развития и культурной специфики.

Исследования за пределами китайской и российской традиций чаще обращаются к вопросам публичной дипломатии, медиавлияния, мягкой силы, восприятия в аспекте угроз и реакции зарубежной аудитории. В них образ Китая рассматривается через призму того, насколько китайские медиа, инфраструктурные инициативы или гуманитарные кампании способны изменить общественное мнение. F. Matanji, анализируя репрезентацию китайских инвестиций в Африке западными, китайскими и африканскими медиа, показывает, что один и тот же объект может получать различные дискурсивные интерпретации в зависимости от медиасреды и политической позиции источника [Matanji 2022]. Поэтому в этих исследованиях сильнее проявляются фреймы влияния, конкуренции, зависимости и стратегической коммуникации, а образ Китая нередко колеблется между моделью партнера развития и моделью фактора внешнего давления.

Сопоставление исследовательских направлений показывает, что различия между ними проявляются не в простой смене тем, а в разных способах языкового описания Китая. Китайская традиция чаще акцентирует саморепрезентацию и кооперативные смыслы, русскоязычная — оценочную и лексикосемантическую организацию образа Китая в российском медиапространстве, иные академические традиции — восприятие китайского влияния и эффективность публичной дипломатии. Поэтому образ Китая в современной научной литературе следует рассматривать как результат взаимодействия нескольких исследовательских перспектив, каждая из которых по-своему определяет значимые номинации, оценочные средства, фреймы и нарративные модели.

Методологическая динамика современных исследований образа Китая связана прежде всего с изменением самого понимания медиарепрезентации. Если в более ранних работах образ государства нередко рас-

смаатривался через набор тем, частотность упоминаний и общую тональность публикаций, то в исследованиях 2021–2025 гг. всё заметнее становится интерес к тому, как именно медиатекст организует политический смысл. Вопрос о том, «о чем пишут СМИ», постепенно уступает место вопросу о том, какими языковыми средствами Китай вводится в пространство оценки, соперничества, партнерства, ответственности или угрозы.

Такой переход не означает отказа от количественных процедур. Корпусные методы, текстовое моделирование и подсчет повторяющихся единиц сохраняют значение, однако частотность выступает не конечным результатом, а способом выявления устойчивых языковых связей. Для политической лингвистики важно не само количество употреблений, а то, в каких сочетаниях появляется лексема, какие предикаты ее сопровождают и какие оценочные рамки вокруг нее формируются.

В этом отношении показательна работа Линь Юйтин и Мяо Синвэй, посвященная дискурсивному конструированию национального образа Китая в американских ведущих СМИ на основе текстового майнинга и диахронического анализа [林子婷 / Lin Yuting, Miao Xingwei 2023]. Значимость такого подхода состоит в том, что количественная обработка текстов используется не как самостоятельная статистическая процедура, а как способ выявления повторяющихся языковых моделей, через которые в медиадискурсе закрепляются устойчивые представления о Китае. Иными словами, корпусные данные позволяют обнаружить повторяющиеся номинации, оценочные сочетания и смысловые акценты, а дискурс-анализ объясняет, как эти элементы участвуют в формировании образа Китая как политически значимого объекта.

Второе направление методологического сдвига связано с переходом от анализа изолированного текста к анализу медиадискурса как системы. В этом случае исследователь обращает внимание не только на лексику отдельной публикации, но и на жанр, источник, адресата, коммуникативную ситуацию и более широкий политический контекст. Например, выражение, связанное с развитием, сотрудничеством или угрозой, приобретает разный смысл в официальном заявлении, новостном заголовке, аналитической статье, комментарии пользователя или визуальном посте в социальной сети. Поэтому методологически важным становится соединение лексико-семантического анализа с изучением прагматики и условий медиакommunikации.

Отдельное значение имеет расширение материала за пределы традиционных СМИ. В современных исследованиях образ Китая всё чаще изучается не только по газетным и телевизионным текстам, но и по материалам социальных сетей, видеоплатформ, блогов, комментариев и визуальных публикаций. В цифровой среде политический смысл создается не только словом, но и композицией изображения, форматом платформы, хештегом, визуальным повтором, реакциями аудитории. В таких условиях лингвистический анализ должен учитывать не только вербальные, но и семиотические средства репрезентации.

В этом контексте показательна работа М. Араужо и А. Мендес, посвященная использованию Instagram¹ для продвижения образа Китая в Бразилии [Araújo 2025]. Подобные исследования демонстрируют, что цифровая репрезентация государства строится на взаимодействии словесного, визуального и платформенного компонентов. Образ Китая создается не только через прямые номинации или оценочные слова, но и через повторяющиеся визуальные мотивы, композицию публикации, логику брендинга и вовлечение аудитории. Для политической лингвистики это означает необходимость перехода от анализа текста как замкнутой единицы к анализу медиасообщения как мультимодального дискурсивного объекта.

Таким образом, методологическая динамика исследований 2021–2025 гг. проявляется в трех связанных изменениях. Анализ тематики всё чаще дополняется изучением языковой организации образа; количественные и корпусные процедуры используются не ради самостоятельной статистики, а для выявления устойчивых смысловых моделей; традиционный анализ вербального текста расширяется за счет мультимодальных и цифровых данных. Именно это позволяет рассматривать образ Китая не как сумму медиасообщений, а как результат сложной дискурсивной работы, в которой участвуют лексика, грамматика, оценка, фрейм, жанр, визуальный код и платформа распространения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ научных публикаций 2021–2025 гг., посвященных изучению образа Китая в СМИ разных стран, позволяет сделать вывод о том, что данное исследовательское поле постепенно выходит за пределы традиционного описания медийного

¹ Instagram принадлежит компании «Meta», которая признана в РФ экстремистской и запрещена.

имиджа государства. Современные работы всё чаще рассматривают образ Китая не как сумму публикаций о стране и не как простое отражение международной повестки, а как результат дискурсивного конструирования, в котором существенную роль играют языковой отбор, оценочная организация, фреймирование, нарративные схемы и мультимодальное оформление медиатекста.

На тематическом уровне наиболее заметными становятся кризисно-конфликтная, политико-дипломатическая, экономико-развивающая и дигитально-мультимодальная репрезентация Китая. Эти направления показывают, что образ Китая в публикациях 2021–2025 гг. формируется преимущественно в политически значимых коммуникативных контекстах, где одна и та же страна может быть описана как партнер развития, участник глобального управления, стратегический конкурент или объект подозрения.

На уровне языковых механизмов установлено, что ключевую роль играют номинативные стратегии, аксиологическая маркированность, предикативное распределение ролей, фреймовая организация смысла и нарративное закрепление повторяющихся интерпретаций. Номинации задают первичный политический статус Китая, оценочные средства формируют положительную или проблематизирующую перспективу, глагольные конструкции распределяют субъектные роли и ответственность, а фреймы определяют способ понимания событий. Нарративные схемы, в свою очередь, закрепляют более устойчивые модели восприятия Китая как восходящей державы, участника многополярного мира, партнера развивающихся стран, стратегического соперника или источника международной неопределенности.

Сравнение китайской, русскоязычной и иных академических традиций показывает, что различия между ними проявляются не только в выборе медиаматериала, но и в наборе значимых политико-лингвистических категорий. В китайских исследованиях заметнее внимание к саморепрезентации, внешней коммуникации и кооперативным смыслам. В русскоязычных работах значительное место занимают оценочная семантика, лексико-семантическая организация образа Китая и его включение в контекст партнерства, многополярности и международного взаимодействия. В исследованиях за пределами китайской и российской традиций чаще актуализируются проблемы влияния, публичной дипломатии, восприятия в аспекте угроз, медиавоздействия и реакции зарубежной аудитории. Это подтверждает, что образ Китая в научной литерату-

ре не является единым и устойчивым объектом, а формируется на пересечении разных исследовательских перспектив и разных способов языкового описания.

Методологически публикации 2021–2025 гг. демонстрируют переход от тематического описания и оценки тональности к анализу языковой организации медиадискурса. Корпусные процедуры используются как средство выявления устойчивых смысловых моделей, а расширение материала за счет цифровых платформ усиливает значение мультимодального анализа.

В целом современные исследования дискурсивной репрезентации образа Китая в СМИ разных стран можно рассматривать как формирующееся направление политико-лингвистического анализа. Его специфика состоит в том, что объектом внимания становятся не только сообщения о Китае, но и способы производства политического смысла в медиадискурсе. Перспективным направлением остается сопоставительное изучение конкретных медиакорпусов разных стран с учетом номинаций, оценочных средств, предикативных структур, фреймов, нарративных моделей и вербально-визуальных компонентов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ильинова, Е. Ю. Дискурсивно-корпусная реконструкция медийного образа Китая в русскоязычном новостном контенте / Е. Ю. Ильинова, Л. А. Кочетова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. — 2025. — Т. 24. — No 5. — С. 21–37. — EDN BTRQXY.
2. Ли, Цичжэн. Образ Китая в современных российских СМИ: по материалам Национального корпуса русского языка / Ли Цичжэн // Litera. — 2024. — No 5. — С. 51–60. — EDN TPFANE.
3. Николаева, О. В. Дискурсивно-прагматические аспекты медианарратива “Cool China” / «Крутой Китай» в англоязычных китайских СМИ / О. В. Николаева, И. Н. Кохан // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2025. — Т. 18. — No 10. — С. 4543–4550. — EDN TKBBL.
4. Фомина, Ю. А. Оценочная репрезентация политического образа Китая в современных российских СМИ / Ю. А. Фомина // Филология: научные исследования. — 2024. — No 1. — С. 118–126. — EDN EIBPUK.
5. Хабаров, А. А. Образ Китая в российских и американских СМИ / А. А. Хабаров, А. П. Чудинов, Ян Кэ // Политическая лингвистика. — 2022. — No 2 (92). — С. 159–171. — EDN WQGBRX.
6. 阿力亚·艾尼, 张正坤. 美国主流媒体冬奥会涉华报道中的中国形象探析——语料库辅助的三维话语分析 / 上海理工大学学报 (社会科学版). — 2024. — Т. 46. — No 3. — С. 218–225, 232. = 阿力亚·艾尼. Анализ образа Китая в материалах американских ведущих СМИ о зимних Олимпийских играх: корпусно-ориентированный трехмерный дискурс-анализ / 阿力亚·艾尼, 张正坤 // Вестник Шанхайского университета науки и технологий. Серия: Социальные науки. — 2024. — Т. 46. — No 3. — С. 218–225, 232. — DOI 10.13256/j.cnki.jusst.sse.220923464.
7. 李登程, 宋健楠. 二十大报告英译本中国国家形象的情态建构 / 上海理工大学学报 (社会科学版). — 2024. — Т. 46. — No 3. — С. 199–205. = 李登程. Модальное конструирование национального образа Китая в английском переводе доклада XX съезда КПК / 李登程, 宋健楠 // Вестник Шанхайского университета науки и технологий. Серия:

Социальные науки. — 2024. — Т. 46. — No 3. — С. 199–205. — DOI 10.13256/j.cnki.jusst.sse.221125582.

8. 林子婷, 苗兴伟. 美国主流媒体对中国国家形象的话语建构——基于文本挖掘的历时研究 / 解放军外国语学院学报. — 2023. — Т. 46. — No 3. — С. 87–95. = Линь Юйтин. Дискурсивное конструирование национального образа Китая в американских мейнстримных СМИ: диахроническое исследование на основе текстового майнинга / Линь Юйтин, Мяо Син-вэй // Вестник Университета иностранных языков НОАК. — 2023. — Т. 46. — No 3. — С. 87–95.

9. 刘苹, 董格格. 中美外交部门新闻发布会的中国形象建构比较研究——基于语料库的批评话语分析 / 新闻与传播评论. — 2024. — Т. 77. — No 2. — С. 106–118. = Лю Пин. Сравнительное исследование конструирования образа Китая в пресс-брифингах дипломатических ведомств Китая и США: корпусно-ориентированный критический дискурс-анализ / Лю Пин, Дун Гэгэ // Обзор журналистики и коммуникаций. — 2024. — Т. 77. — No 2. — С. 106–118. — DOI 10.14086/j.cnki.xwycbpl.2024.02.009.

10. 唐丽萍, 朱田田, 杨丽芳. 美国大报中的中国经济崛起形象研究——基于语料库的及物性视角“中国对X做什么” / 外语教学理论与实践. — 2024. — No 6. — С. 20–33. = Тан Липин. Образ экономического подъема Китая в крупных американских газетах: корпусное исследование транзитивности в модели «что Китай делает с X» / Тан Липин, Чжу Тянь-тянь, Ян Лифан // Теория и практика преподавания иностранных языков. — 2024. — No 6. — С. 20–33.

11. Araujo, M. Branding China: Instagram as a tool for China's promotion in Brazil / M. Araujo, A. Mendes // Signos do Consumo. — 2025. — Vol. 17. — No 1. — e234865. — DOI 10.11606/issn.1984-5057.v17i1e234865.

12. Davies, G. A. M. Public Opinion and China's Strategic Communication: Responses to Coercion and Persuasion / G. A. M. Davies, K. Edney, K. Williams // Foreign Policy Analysis. — 2025. — Vol. 21. — No 3. — Article oraf016. — DOI 10.1093/fpa/oraf016.

13. Matanji, F. China in Africa: Representation of Chinese Investments in Africa by Western, Chinese, and African Media / F. Matanji // International Journal of Communication. — 2022. — Vol. 16. — P. 1713–1736.

14. Mattingly, D. C. When does public diplomacy work? Evidence from China's "wolf warrior" diplomats / D. C. Mattingly, J. Sundquist // Political Science Research and Methods. — 2023. — Vol. 11. — No 4. — P. 921–929. — DOI 10.1017/psrm.2022.41.

15. Mattingly, D. Chinese state media persuades a global audience that the "China model" is superior: Evidence from a 19-country experiment / D. Mattingly, T. Incerti, Ch. Ju, C. Moreshead, S. Tanaka, H. Yamagishi // American Journal of Political Science. — 2025. — Vol. 69. — No 3. — P. 1029–1046. — DOI 10.1111/ajps.12887.

16. Müller, S. Discourse wars and "mask diplomacy": China's global image management in times of crisis / S. Müller, S. Brazys, A. Dukalskis // Political Research Exchange. — 2024. — Vol. 6. — No 1. — DOI 10.1080/2474736X.2024.2337632.

REFERENCES

1. Ilyinova, E. Yu., Kochetova, L. A. (2025). Discourse-corpus reconstruction of China's media image in Russian-language news content. *Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistics*, 24(5), 21–37. EDN BTRQXY (In Russ.)

2. Li, Qizheng. (2024). The image of China in contemporary Russian media: Based on the materials of the Russian National Corpus. *Litera*, 5, 51–60. EDN TPFANE (In Russ.)

3. Nikolaeva, O. V., Kokhan, I. N. (2025). Discursive-pragmatic aspects of the media narrative "Cool China" in English-language Chinese media. *Philology. Theory & Practice*, 18(10), 4543–4550. EDN TKBLL (In Russ.)

4. Fomina, Yu. A. (2024). Evaluative representation of the political image of China in contemporary Russian media. *Philology: Scientific Researches*, 1, 118–126. EDN EIBPUK (In Russ.)

5. Khabarov, A. A., Chudinov, A. P., Yang, Ke (2022). The image of China in Russian and American media. *Political Linguistics*, 2(92), 159–171. EDN WQGBRX (In Russ.)

6. Aini, Aliya, Zhang, Zhengkun (2024). Meiguo zhuliu meiti Dong'aohui she Hua baodao zhong de Zhongguo xingxiang tanxi — yulaoku fuzhu de sanwei huayu fenxi = An analysis of China's image in US mainstream media reports on the Winter Olympics: A corpus-assisted three-dimensional discourse analysis. *Journal of University of Shanghai for Science and Technology. Social Sciences Edition*, 46(3), 218–225, 232. <https://doi.org/10.13256/j.cnki.jusst.sse.220923464> (In Chin.)

7. Li, Dengcheng, Song, Jiannan (2024). Ershi da baogao Yingyiben Zhong guojia xingxiang de qingtai jiangou = Modal construction of China's national image in the English translation of the report to the 20th National Congress of the CPC. *Journal of University of Shanghai for Science and Technology. Social Sciences Edition*, 46(3), 199–205. <https://doi.org/10.13256/j.cnki.jusst.sse.221125582> (In Chin.)

8. Lin, Yuting, Miao, Xingwei (2023). Meiguo zhuliu meiti dui Zhongguo guojia xingxiang de huayu jiangou — jiyu wenben waijie de lishi yanjiu = Discursive construction of China's national image in US mainstream media: A diachronic study based on text mining. *Journal of PLA University of Foreign Languages*, 46(3), 87–95. (In Chin.)

9. Liu, Ping, Dong, Gege (2024). Zhongmei waijiao bumen xinwen fabuhui de Zhongguo xingxiang jiangou bijiao yanjiu — jiyu yulaoku de piping huayu fenxi = A comparative study of China's image construction in Chinese and US MFA press briefings: A corpus-based critical discourse analysis. *Journalism & Communication Review*, 77(2), 106–118. <https://doi.org/10.14086/j.cnki.xwycbpl.2024.02.009> (In Chin.)

10. Tang, Liping, Zhu, Tiantian, Yang, Lifang (2024). Meiguo dabao zhong de Zhongguo jingji jueqi xingxiang yanjiu — jiyu yulaoku de jiwu xing shijiao "Zhongguo dui X zuo shenme" = The image of China's economic rise in major US newspapers: A corpus-based transitivity study of "what China does to X". *Foreign Language Teaching Theory and Practice*, 6, 20–33. (In Chin.)

11. Araujo, M., Mendes, A. (2025). Branding China: Instagram as a tool for China's promotion in Brazil. *Signos do Consumo*, 17(1), e234865. <https://doi.org/10.11606/issn.1984-5057.v17i1e234865>.

12. Davies, G. A. M., Edney, K., Williams, K. (2025). Public opinion and China's strategic communication: Responses to coercion and persuasion. *Foreign Policy Analysis*, 21(3), oraf016. <https://doi.org/10.1093/fpa/oraf016>.

13. Matanji, F. (2022). China in Africa: Representation of Chinese investments in Africa by Western, Chinese, and African media. *International Journal of Communication*, 16, 1713–1736.

14. Mattingly, D. C., Sundquist, J. (2023). When does public diplomacy work? Evidence from China's "wolf warrior" diplomats. *Political Science Research and Methods*, 11(4), 921–929. <https://doi.org/10.1017/psrm.2022.41>.

15. Mattingly, D., Incerti, T., Ju, Ch., Moreshead, C., Tanaka, S., Yamagishi, H. (2025). Chinese state media persuades a global audience that the "China model" is superior: Evidence from a 19-country experiment. *American Journal of Political Science*, 69(3), 1029–1046. <https://doi.org/10.1111/ajps.12887>.

Müller, S., Brazys, S., Dukalskis, A. (2024). Discourse wars and "mask diplomacy": China's global image management in times of crisis. *Political Research Exchange*, 6(1). <https://doi.org/10.1080/2474736X.2024.2337632>.

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узкоспециализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах.

Журнал «Политическая лингвистика» адресован филологам, политологам, социологам, журналистам и политикам. Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы:

1. Рубрика «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Рубрика «Политическая коммуникация» включает теоретические статьи, в которых значительное место занимает практический анализ языковых фактов.

3. В разделе «Язык — политика — культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

4. Раздел «Лингвистическая экспертиза: язык и право» объединяет статьи по проблемам, находящимся на пересечении политической и юридической лингвистики.

5. В рубрике «Зарубежный опыт» публикуются как современные исследования зарубежных коллег в области политической лингвистики, так и впервые переведенные на русский язык работы, которые, хотя и написаны много десятилетий назад, сохраняют свою значимость для теории и истории науки.

6. Рубрика «Рецензии. Хроника» представляет современный научный дискурс: в ней публикуются рецензии на самые новые и актуальные научные труды по политической лингвистике, освещаются крупные научные конференции.

7. Непостоянная рубрика «Дискуссии» предоставляет площадку для полемики между представителями различных или диаметрально противоположных взглядов на проблемы политической лингвистики и когнитивистики. Как правило, в разделе публикуется несколько материалов, излагающих соперничающие концепции.

Основная специальность: 5.9. — Филология

Научные направления:

5.9.5. «Русский язык. Языки народов России» (филологические науки)

5.9.6. «Языки народов зарубежных стран» (филологические науки)

5.9.8. «Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика» (филологические науки)

5.9.9. «Медиакоммуникации и журналистика» (филологические науки)

Издательство: ФГАОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет»

Адрес редакции: 620091, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, каб. 285

Главный редактор: доктор филологических наук, профессор Чудинов Анатолий Прокопьевич

Email: ap_chudinov@mail.ru

Заместители главного редактора: доктор филологических наук, профессор Эдуард Владимирович Будаев, доктор филологических наук, профессор Наталья Борисовна Руженцева.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации **ПИ №ФС 77-76161** от 8.07.2019

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера **ISSN 1999-2629** от 14.05.2008

Включен в в Объединенный каталог «Пресса России». Индекс 81955.

С 2010 года решением Президиума ВАК Министерства образования и науки РФ включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Материалы журнала регулярно размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). http://elibrary.ru/title_about.asp?id=28049.

Материалы для публикации присылаются в электронном виде. Набор должен быть выполнен в текстовом редакторе WORD в соответствии со следующими требованиями:

- Объем статьи не менее 18 и не более 44 тыс. знаков с пробелами.
- Формат страницы — А4; гарнитура — Times New Roman; размер кегля — 14; межстрочный интервал — 1,5.
- Ссылки на литературу делаются в тексте в квадратных скобках. Например: [Иванов 2000: 56–57]. Список литературы (по алфавиту) помещается после текста статьи и оформляется по ГОСТ Р 7.0.100.-2018

(см. образец). **В список литературы не включаются:** архивные документы и данные; сайты организаций, блоги, ссылки на социальные сети и под.; ГОСТ, стандарты, законы и законодательные акты, кодексы и иные нормативные документы, а также диссертации и авторефераты. Подобные материалы оформляются в виде подстрочной ссылки в тексте статьи.

- После основного списка литературы располагается список (References) с переводом русскоязычных источников на английский язык. Для транслитерации русского текста в латиницу рекомендуем использовать сайт <https://translit.net/>, вариант BGN Board of Geographic Names. При оформлении References следует придерживаться APA стиля (American Psychological Association Style).

- Отдельными файлами прилагаются: рисунки (только черно-белые, без полутонов) — в векторных форматах — AI, CDR, WMF, EMF; в растровых форматах — TIFF, JPG с разрешением не менее 300 точек/дюйм в реальном размере; диаграммы из программ «MS Excel», «MS Visio» и т. п. вместе с исходным файлом, содержащим данные.

Для публикации статья должна, помимо основного текста, содержать следующие сведения на русском и английском языках.

1. Сведения об авторах (если их несколько, то обо всех):
 - Фамилия, имя, отчество автора полностью.
 - Ученая степень, звание, должность.
 - Полное и точное место работы автора.
 - Подразделение организации.
 - Открытые идентификаторы автора и исследователя — ORCID ID (для получения необходима регистрация на сайте <https://orcid.org>), SPIN-код (при наличии, оформляется на сайте elibrary.ru).
 - Контактная информация (email, почтовый адрес для рассылки и для публикации в журнале).
2. Название статьи.
3. Аннотация (объемом 200 слов, или 2000 знаков с пробелами).
4. Ключевые слова (5–10 слов).
5. Тематическая рубрика, УДК, ГСНТИ и код ВАК.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ Р 7.0.100—2018. Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ

Адорно, Т. В. К логике социальных наук / Т. В. Адорно // Вопросы философии. — 1992. — № 10. — С. 76—86.

Crawford, P. J. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works / P. J. Crawford, T. P. Barrett. — DOI 10.1300/ J120v27n58 08 // The Reference Librarian. — 1997.— Vol. 3. — № 58. — P. 75—85.

Корнилов, В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве/отсосе / В. И. Корнилов // Теплофизика и аэромеханика. — 2006. — Т. 13. — № 3. — С. 369—385.

Кузнецов, А. Ю. Консорциум — механизм организации подписки на электронные ресурсы / А. Ю. Кузнецов // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. — Москва : Научный мир, 2003. — С. 340—342.

МОНОГРАФИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Тарасова, В. И. Политическая история Латинской Америки : учеб. для вузов / В. И. Тарасова. — 2-е изд. — Москва : Проспект, 2006. — 412 с.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. С. Ф. Мартыновича ; Сарат. гос. ун-т. — Саратов : Издательство Саратовского университета, 1999. — 199 с.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы : сб. ст. Первой межрегион. конф / [редкол.: д-р ист. наук А. Е. Леонтьев (отв. ред.) и др.]. — Ярославль : Ярославский музей-заповедник : Музей-заповедник «Рост. Кремль», 2003. — 350 с.

Марьинских, Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) / Д. М. Марьинских // Экология ландшафта и планирование землепользования : тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11—12 сент. 2000 г.). — Новосибирск, 2000. — С. 125—128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ

Лэтчфорд, Е. У. С Белой армией в Сибири / Е. У. Лэтчфорд ; пер.: В. Крупник // Восточный фронт армии адмирала А. В. Колчака : сайт. — URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения: 23.08.2007).

Цена свободная

**НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
2026. ВЫПУСК 4 (118)**

Адрес редакции:

620091, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, каб. 285.

Адрес учредителя:

620091, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет

Адрес издателя:

620091, Екатеринбург, пр-т. Космонавтов, 26, Уральский государственный педагогический университет

Для детей старше 16 лет.

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-76161 от 8.07.2019.

Подписано в печать 28.08.2026. Формат 60x84/8.

Дата выхода в свет: 31.08.2026.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Уч.-изд. л. — 29,0. Усл. печ. л. — 30,0. Тираж 500 экз. Заказ 5614.

Оригинал-макет отпечатан в издательском отделе

Уральского государственного педагогического университета

620091, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

Email: uspu@uspu.ru